

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для итомков на библиотечных полках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иередает в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все иометки, иримечания и другие заиси, существующие в оригинальном издании, как наиминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредирияли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заирсы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.

Мы разработали иrogramму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заирсы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заирсы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического распознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.

В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доилнительные материалы ири иомощи иrogramмы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

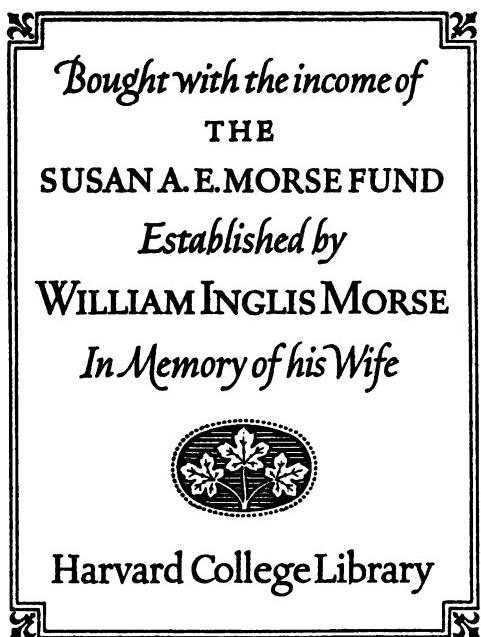
- Делайте это законно.

Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих определить, можно ли в определенном случае исиользовать определенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает и пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск и этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com>

P5ear 620.5

СЕНТЯБРЬ.

1904.

RUSSK. BOGATSTVO

РУССКОЕ БОГАТСТВО

1904
— 9 //

ЕЖЕМЬСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛъ.

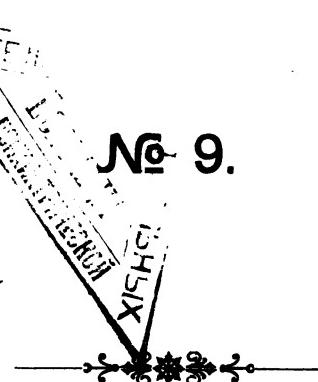
Ф. Г.

1904. IX.

9

н.в. 1994

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. И. Клебукова, Лиговская ул., д № 34.

1904.

Δ

P8low 620.5 (19⁰⁴)
✓ ✓ ✓

Morse 4

СОДЕРЖАНИЕ:

	СТРАН.
1. Суслинское торжество. С. Елеонского	3— 25
2. Болгарская конституция. П. Н. Милюкова. Продолжение	26— 69
3. Письмо. Стихотворение П. И. Вейнберга	70— 71
4. Среди рабочихъ (Очерки съ натуры). С. Подъячева. Продолжение	72— 92
5. Стихотворения. П. Я.	92— 93
6. Литературная дѣятельность декабристовъ. В. Кондратій Федоровичъ Рыльевъ. Н. Котляревскаго. Окончаніе	94—137
7. ** Стихотворение Н. Шрейтера.	137
8. Трофимычъ (Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ). В. К—ва.	138—159
9. ** Стихотворение В. Башкина.	159
10. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. А. А. Николаева. Окончаніе	160—183
11. Въ деревнѣ. Стихотворение В. Башкина.	184
12. За счастьемъ и правдой (Очерки и наблюденія русскаго путешественника). П. Владыченко. Продолжение	185—208
13. Диллетанты. Романъ Клары Фибигъ. Переводъ съ нѣмецкаго В. С. Окончаніе. (Въ приложеніи) . .	97—120
14. Городъ брилліантовъ. Романъ Германа Гейерманса. Переводъ съ нѣмецкаго В. С. (Въ приложеніи) . .	1— 52
15. Японцы въ нѣмецко-японскомъ освѣщеніи. Рейса. . .	1— 31
16. Изъ Англіи. Діонео.	31— 59
17. Изъ замѣтокъ школьнаго учителя. Печать и школа. А. Петрищева.	59— 85

(См. на оборотѣ.)

- 18. Новыя книги:** Станиславъ Пшибышевскій. Homo Sapiens. — Красинскій. Ирилонъ.—Гете. Faustъ.—В. С. Илличъ-Свитычъ. Старый молитвенникъ. — В. Розовъ - Цвѣтковъ. По ту сторону „Пояса міра”.—Ольга Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы.—М. Да-Коста. Национализмъ въ германской средней школѣ.—С. Кузминъ. Война въ миньихъ передовыхъ людей.—Д-ръ О. Франке. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ.—Труды комиссіи по изученію маляріи въ Россії.—Сборникъ отзывовъ о книгахъ для чтенія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 85—114
- 19. Политика:** Ходъ войны за два мѣсяца.—Морское сраженіе 28 іюля и его результаты.—Морское сраженіе 1 августа.—Другія морскія дѣла и состояніе обоихъ флотовъ.—Движеніе русскихъ морскихъ подкрѣплений.—Осада Портъ-Артура. С. Н. Южакова. 115—140
- 20. Хроника внутренней жизни:** I. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Сложеніе недоимокъ съ крестьянства манифестомъ 11 августа.—Законъ 11 августа о правѣ жительства нѣкоторыхъ группъ еврейскаго населения.—Законодательные акты, касающіеся охраны порядка.—II. Военные расходы и государственные финансы.—Вопросъ о призвѣніи семействъ запасныхъ чиновъ арміи.—Отвѣтъ «Вѣстнику Европы».—III. Правительственная распоряженія и сообщенія.—Правительственная распоряженія относительно Финляндіи. В. А. Мякотина. 141—168
- 21. Памяти М. Н. Михайловскаго. С. Н. Южакова.** 168—169
- 22. Случайная замѣтка:** Памяти Н. Н. Обручева. А. П.—Необычное положеніе. А. П.—Изъ общественной хроники г. Ташкента. П. III.—Похвальное слово церковнымъ школамъ. Ив. Абрамова.—Г. Скабичевскій и «освобожденіе отъ журналовъ». Журналиста.—Возраженіе г-на Ляписуда. О. Б. А.—Г. Николай Энгельгардть и цензура. А. Пюшено́ва.—Поправка. В. М. 169—193
- 23. Отчетъ конторы редакціи.**
- 24. Объявленія.**

Продолжается подписка на 1904 годъ
на ежемѣсячный литературный и научный журналъ
(XII-ый годъ издания)

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ В. Г. КОРОЛЕНКО.

Подписьная цена:

	На годъ.	На $\frac{1}{2}$ года.
Съ доставкой и пересылкой	9 р.	5 р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и въ Москвѣ	8 »	4 »
За границу	12 »	6 »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

**Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — Баскова ул., 9.
Въ Москвѣ — въ отдѣлѣніи конторы — Никитскія вор., д. Гагарина.**

Доставляющіе подпиську КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ БИБЛИОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЕ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНИЯХЪ моСТЬ УДЕРЖИВАТЬ ЗА КОММІСІЮ И ПЕРЕСЫЛКУ ДЕНЕГЪ ПО 40 КОП. СЪ КАЖДАГО ЭКЗЕМПЛЯРА, Т. Е. ПРИСЫЛАТЬ, ВМѢСТО 9 РУБЛЕЙ, 8 РУБ. 60 КОП., ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписька съ разсрочкой или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. отъ нихъ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до получения недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣтствуетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣть почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволить обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписные деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

4) При заявлѣніи о неполученіи книги журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать **печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатного адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявлѣніи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа **каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ **Московское** отдѣленіе конторы, благоволить прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтствъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возврщенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятые** рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованные обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены**.

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведеть съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

СУСЛИНСКОЕ ТОРЖЕСТВО.

Въ серединѣ мая выпалъ первый въ весну такой жаркій день, что суслинская попадья вадумала „просушиться“. Эго занятіе состояло въ томъ, что отпирались сундуки, отворялись гардеробы, и оттуда извлекались тулуны, шубы, салопы, стеганныя на ватѣ полукафтаны, засаленные у спины рясы, обльзalыя бѣровыя шапки, длинные двухсаженные шарфы изъ песцовой шерсти, муфты, бѣлье всѣхъ родовъ и видовъ, и проч., и проч. Матушка съ утра занялась этимъ дѣломъ въ отсутствіе своего мужа о. Вадима, уѣхавшаго обыденкой на базаръ въ Янтарево. Ей помогали дѣти, работникъ и работница, а дьяконица стояла у прясла съ груднымъ ребенкомъ и, перекидываясь съ матушкой мнѣньями о цѣнѣ той или другой вещи, проникалась завистью ко всѣмъ этимъ сокровищамъ, покрывшимъ густую траву сада, грядки огорода, частоколь и прясла, гдѣ каждый сучекъ, каждый ржавый гвоздикъ имѣлъ значение вѣшалки. Особенно картино распостерлись большиe поповы „невыразимые“, вскинутые на купу сирени: дьяконица даже стыдилась глядѣть на расцвѣтшую душистую сирень и говорила:

— Добра-то сколько накопили, матушка, въ вѣкъ не изжить.

— Ну, тоже... семья-то, вишь, какая... — И матушка, не глядя, сдѣлала неопределенный жестъ рукой въ сторону, гдѣ подошвами вверхъ торчали по частоколу валеные сапоги.

Работникъ, парень Егорка, постарался вложить идею въ свою работу: ближе къ дому, на высокій коль онъ воткнулъ батюшкины валенки, рядомъ, пониже, матушкины, а потомъ ребяччи въ убывающей постепенности. Дьяконица Александровна пересчитала про себя валенки и замѣтила:

— Шестнадцать штукъ, восемь паръ... Одна, стало быть, лишняя?

Матушка приподняла голову и стала тоже проворять, отмѣчая въ воздухъ пальцемъ:

— Поповы, мои, Ваничкины, Сашинь, Петинь, Гаврюшины, Людмилочкины... А это чьи же, въ самомъ дѣлѣ...

Тогда вмѣшался работникъ:

— А это, матушка, помните, ъѣдили въ Кандыбино въ гости, на крестовой недѣль, и чаяли, будеть холодно,— тогда тамошняя попадья и дала Гаврюшѣ поверхъ его сапоговъ свои, чтобы, значитъ, не простудился...

— Та-та-та... Вѣрно. Надо возвратить. Напомни при слухаѣ.

Дьяконица замѣтила:

— Я вотъ собираюсь туда послѣ завтра на-утрахъ.

— Такъ доставь, Александровна, пожалуйста.

Егоръ неохотно подалъ дьяконицѣ кандыбинскую собственность и, когда та отошла на приличное разстояніе къ своему дому, сказалъ:

— Забудеть или потеряетъ, гляди... Чаво съ нея возьмешь!

— Ну?

— Да ужъ вѣрно... Бывалое дѣло... Препоручилъ я ей кнутъ къ юркинскому дьякону доставить: чего ужъ—кнутъ!.. Такъ и сгібъ!—сокрушеню воскликнулъ Егоръ и сдѣлалъ при этомъ взмахъ рукой, явно доказывавшій, что горечь обмана и доселѣ не вывѣтрилась изъ его сердца.

— Александровна! — заволновалась матушка. — Эй, Александровна! Вернись! Мы сами скоро въ Кандыбино поѣдемъ: что ужъ утруждать васъ.

Егоръ водрузилъ валенки на прежнее мѣсто и замеръ въ созерцаніи воастованленной симметріи, за что получилъ заслуженный упрекъ отъ матушки:

— А ты... нечего галокъ считать!.. развѣшивай.

Было тихо и знойно. Двери и окна попова дома были распахнуты настежь, и оттуда сквозило холодкомъ, какъ съ погребицы. Матушка усѣлась на балконъ и обмахивалась уцѣлѣвшимъ еще отъ свадьбы бѣлымъ вѣромъ, принявшимъ буро-желтый цвѣтъ. Когда-то онъ издавалъ нѣжный ароматъ тонкихъ духовъ геліотропа, а теперь отъ него несло нафталиномъ, камфорой, листовой махоркой... По этимъ запахамъ можно было судить о движениіи научной мысли въ крестовомъ календарѣ, всякий годъ сообщавшемъ все новые и новые рецепты противъ моли. Тѣмъ не менѣе, на матушку пахнуло воспоминаніемъ: смутно припомнилось, что ея благовѣрный тяжело ступалъ ногами, въ неуклюжемъ, длинномъ сюртукѣ, а она была легка и тонка, какъ дудочка, умомъ же, какъ дурочка, ничего не понимала, и обоимъ имъ было на-

свадьбъ и скучно, и совѣтно. И не было такихъ подробностей, которыя бы были бы особенно пріятны и вызывались бы изъ прошлаго, какъ желательныя. Все происходило такъ просто и обыкновенно, что не знаешь, когда было лучше: прежде ли, теперь ли, или совсѣмъ никогда ничего хорошаго не было. Впрочемъ, матушку никогда особенно не занимали сравненія,— она всегда жила настоящими впечатлѣніями. И теперь ее больше всего интересовали солнечные лучи, и если она желала въ придачу къ нимъ еще чего-нибудь, такъ только вѣтра, который бы обдулъ развѣшанныя вещи.

— Да,— соглашалась дьяконица,— лучше бы съ вѣтеркомъ-то. Солнце только отпариваетъ, а вѣтеръ отвѣтъ... Это—какъ стирка: зола грязь отѣдаетъ, а отмываетъ все-таки вода... Такъ и вѣтеръ. Безъ него въ одеждѣ духъ остается.

— Кши! кши! кши!—закричали вдругъ дѣти, замахиваясь на куръ, пробиравшихся на ватное, обмахренное съ краевъ, одѣяло.

— Смотрите, ребята, кабы теленокъ еще, по прошлогоднему, не обжевалъ отцово полукафтанье...

— То-то у батюшки одна пола супротивъ другой разнится,—сказала дьяконица и вздумала улыбнуться.—Отчего, моль, такъ?

Матушка не отвѣтила. Егоръ пошелъ караулить въ другой конецъ усадьбы, къ амбару. Размѣстились и дѣти по крайнимъ пунктамъ сада, ограждая семейныя сокровища отъ нашествія животныхъ и птицъ, при чемъ запаслись противъ нихъ на всякий случай палками и камешками. Дьяконица осталась на мѣстѣ для дальнѣйшаго разговора.

— А зачѣмъ это вы, матушка, красныя рубахи себѣ шьете? Чай, какъ неудобно?

— Чѣмъ неудобно?

— Ну, извѣстно... Развѣ можно, напримѣръ, блоху на красномъ словить?

— Такъ у тебя все бѣлныя? Полотняныя?

— Гдѣ ужъ намъ! Не про себя говорю... А вотъ купчики, чиновницы—у тѣхъ бѣлье завсегда бѣлое.

Затѣмъ дьяконица выразила радость, что въ этомъ году „безпремѣнно“ хорошо уродится гречка, потому что блохъ нынѣ „изъ годовъ вонъ“... Какъ бы въ доказательство, она подернулась плечомъ и, будучи связана ребенкомъ, почесалась лопаткой объ частоколъ.

— Двойняшекъ, вотъ, еще nonъ будетъ много у бабъ.

— Почему?

— Годъ высокосный.

— Гм...—прокашлялась матушка и не осудила дьяконицу

за върту въ примѣты, потому что за такія крестины плата полагается вдвое больше, чѣмъ за обыкновенные.

— Но и смертей прибавится, — добавила она разсудительно.—Высокосный годъ тяжелый...

— Лишній день, что и говорить,—отвѣтила дьяконица, скорѣе, впрочемъ, радостнымъ, чѣмъ печальнымъ тономъ.

Въ это время подѣхалъ о. Вадимъ. Его красное веселое лицо говорило, что онъ навеселѣ. Вылѣзая съ трудомъ изъ телѣжки, онъ не совсѣмъ отчетливо произнесъ „тиру“ и заговорилъ:

— Ага, просушивается попадья... Дѣльно!

— А ты гдѣ самъ-то намокъ, бездѣльникъ?

— А это мы, то есть я... у о. Якова посидѣли маломало. Быть у него Ядринскій управляющій, земскій начальникъ Баклановъ, податной инспекторъ Брюзгинъ, становой и еще кое-кто. Я, мать, записался въ члены попечительства о народной трезвости. Просилъ больно земскій начальникъ... хо-о-рошій человѣкъ! „Вы, говорить, о. Вадимъ, можете руководить... на васъ вся надежда“. Ну, я, конечно... что-же, моль, ничего. Ну, и того... и выпили! А потомъ я всѣхъ позвалъ къ себѣ на торжество.

— Какое торжество?

— А какъ? Развѣ забыла?.. Завтра у насъ съ тобой бронзовая свадьба... двѣнадцать лѣтъ...

— Ахъ, попъ, попъ... какъ тебѣ не совѣстно? Какъ тебѣ не стыдно! Праздникъ тоже выдумалъ! Ни въ какихъ святцахъ не значится, а чтобы только нализаться...

О. Вадимъ вдохновенно возразилъ:

— Двѣнадцать лѣтъ супружества, счастливой супружеской жизни! Двѣнадцать лѣтъ ни ты, ни я не хворали... Двѣнадцать лѣтъ ни единаго ребенка не отнесли на кладбище. Развѣ это не счастіе? А?

Матушка просияла. Въ самомъ дѣлѣ, она прожила въ замужествѣ столько лѣтъ и не замѣтила ни своего здоровья, ни благополучія семьи... Ей было пріятно слушать мужа. А онъ повторялъ:

— Двѣнадцать лѣтъ... безъ болѣзней и... (далѣе голосъ о. Вадима какъ-то вдругъ странно упалъ, выражая нѣкую даже скорбь)... И безо всякаго романа!

— Чего мелешь?—спросила матушка сердито.

О. Вадимъ вдохнулъ, потрясъ головою и продолжалъ:

— И нисколько, мать моя. Да будь ты за чиновникомъ, онъ бы тебѣ разъ двадцать измѣнилъ! А я — вѣренъ!.. Недоволенъ, а вѣренъ! Цѣни!

— Не-до-во-ленъ! Скажите! Чѣмъ я тебѣ плоха?—И она

такъ поджала губы и сверкнула глазами, что ея полное лицо стало почти красивымъ.

— Не плоха, а... Марфа ты всетаки, а не Марія!

— Марія тебѣ, вишь, занадобилась! Вонъ какъ налился, пастыры.. На что похожа стала ряса? Чѣмъ ты ее такъ вымазалъ?

— Ну, вотъ, ну, вотъ...—забормоталъ о. Вадимъ.—И говори съ тобой послѣ этого... Ну, выпилъ... За то я духа въ себѣ не угашаю. Духа не угашайтѣ!. Сказано—и свято. А прочее пустяки. Развѣсила свои салопы и думаешь, въ этомъ вся суть. Какъ будто все дѣло въ твоемъ капотѣ рукава вонъ на кольяхъ вверхъ къ небу, словно для молитвы а головы-то нѣтъ... Эхъ, ма-ать...

— Такъ по твоему моль разводить, что ли? Тогда и ходи безъ штановъ.

— Ахъ, не о томъ я... Моль... безъ штановъ... Ничего ты не понимаешь... Скучно съ тобой, вотъ что!. Попадья! Есть ли въ тебѣ душа?

— Ой, да отвяжись, пожалуйста. И что за разговоры? Напьется и понесеть чепуху...

— Я сомнѣваюсь...

— Зачѣмъ же торжество устраиваешь? Радуешься, что прожилъ двѣнадцать лѣтъ съ бездушной женщиной?

— А куда дѣваться?. Куда дѣваться?—выкрикнулъ о. Вадимъ съ горечью, словно вспомнилъ объ уродствѣ, неизбывномъ на всю жизнь.

— Ищи душу; можетъ быть, найдешь.

— И найду! Ты думаешь, нѣть? Другое же находять.

— У тебя-то есть ли душа? Искатель оглашенній... Живешь безъ всякаго соображенія!

— Нѣть, всегда, всегда у меня соображеніе прежде всего.

— Да вотъ теперь, какъ будешь праздновать? Угощать, вѣдь, придется.

— И угостимъ... Что же такое? Неужто не можемъ? Вотъ—держи! Принимай!—И о. Вадимъ развязалъ кулекъ и стала выкладывать, выкрикивая отрывисто:

— Водка—разъ! Рябиновая—два! Хинная—три! Ерофеичъ—четыре! Кузьмичъ—пять! Кагоръ—шесть!.. Какого тебѣ еще рожна? Ну, я тебя спрошу: какого еще тебѣ черта лысаго надо?—И, ударивъ себя въ грудь кулакомъ, онъ прибавилъ:

— И еще есть бутылка, но такая, что и выговорить невозможно... Ду-ду... пу-ду... Шабашъ! Захлестнуло, а въ глазахъ мельтешится...

Матушка всплеснула руками:

— Дуракъ! Батюшки, какой дуракъ! Какъ есть сумасшед-

шій! На десять цѣлковыхъ всякой дряни привезъ. Ну, скажи, Александровна, есть ли въ немъ умъ? А?

— Да, ужъ...—Но дьяконица не успѣла договорить, потому что батюшка погрозился на нее и сказалъ, запинаясь:

— Ты у меня, дьяконица, молчи... Молчи! Слышишь? Я тебя знаю... Знаю-а! Не твое дѣло... Учи своего дьякона, а попа въ покой оставь... Удались.

Попадья начала причитывать:

— Иродъ ты эдакі! Дурья голова! Вѣдь у насъ семья. Вѣдь пятеро ихъ у насъ!

— А хоть бы и пятью пятеро—что за бѣда? — подбоченился о. Вадимъ фертомъ. — Всѣхъ напою и накормлю. Всѣхъ воспитаю! Всѣмъ дамъ образованіе. Учись, ребята! Всѣ учись! Ни-ничего не бойся. У вашего отца руки во-ка-кія! Мозолистыя... Шея толстая, какъ у быка, спина вер-блюжья,—сдюжу! Всѣ, вѣдь садитесь на меня. Ну, живо? Гав-рикъ, Сашка... Прыгайте, мошенники!

Дѣти ужасно любили отца въ такомъ расположеніи. Въ обычное время онъ былъ сухъ, слова не скажеть, никого не приласкаеть, за то подъ веселую руку отличался подмывающимъ краснорѣчiemъ и заражающей веселостью, между тѣмъ какъ мать только „юни распускала“, ныла, преувеличивая нужду до непонятныхъ для дѣтскаго ума размѣровъ и отталкивая ихъ отъ себя нищенствомъ духа. И на вѣдь ея мрачныя картины и жалкія слова о. Вадимъ въ веселомъ состояніи говоривалъ:

— А вотъ и врешь, попадья. А вотъ и проживемъ! А мать ваша, ребята, то есть ни чорта не понимаетъ... Духа въ ней нѣтъ, одно только мя...

Обыкновенно Евлампія Михайловна въ этотъ моментъ самымъ нагляднымъ способомъ опровергала слова мужа. То же случилось и на этотъ разъ. Лишь только о. Вадимъ засучилъ рукава и нагнуль шею и спину, чтобы посадить на себя дѣтей и побѣхать съ ними черезъ балконную дверь, какъ попадья пнула его такъ сильно, что онъ пролетѣль головой въ комнату и тамъ уже, лежа на полу, договаривалъ:

— И всетаки, жена, это не доказательство...

— Ладно, разговаривай.—Она бросила ему подушку подъ голову и заперла вѣдь двери. А дѣтямъ строго наказала:

— Вы у меня къ нему не смѣйте подходить.

II.

Вечеромъ дѣти молча пили чай; мать одѣлила ихъ всѣхъ по ровному куску сахара и по кренделю. Въ сосѣдней комнатѣ началось движеніе, отецъ прокашлялся, и всѣ прислушивались.

— Лапочка...—тихо послышалось за запертой дверью.

Евлампія Михайловна—ни слова.

— Курочка...

— Поговори ты у меня,—отозвалась она, строго глядя на дѣтей, чтобы тѣ не смыли улыбаться.

— Ягодка...

Дѣти уже не могли сдержаться. Гаврикъ фыркнулъ въ чай, потому что мать хотя и была красна, какъ земляника, но для „ягодки“ столь внушительныхъ размѣровъ его бойкое воображеніе не подыскало подходящаго стебелька.

— Чего тебѣ?—растворивъ дверь, рѣзко спросила она.

— Ча-ю...

— Иди, что ли, пей...

— Да они здѣсь...—смутился вдругъ о. Вадимъ, увидя ребятъ, и повернувшись обратно.—Я послѣ...

— Они сейчасъ уйдутъ.

Дѣти, дѣйствительно, скоро уѣжали, и въ столовой остались одни супруги. Минуты двѣ длилось неловкое молчаніе. Наконецъ, Евлампія Михайловна заговорила:

— Такъ-таки ничего и не скажешь?

— Что же сказать?.. Виноватъ...

— Который ужъ разъ... И много ли еще будетъ впереди?

— Какъ Господь... Можетъ быть, и убережетъ.

— Все помнишь, что было?

— Все.—И о. Вадимъ сокрушенно вздохнулъ.

— Назвалъ гостей?

— Да...

— Сколько?—строго допрашивала жена.

— Всѣхъ, кто былъ...

— Всѣ пріѣдутъ?

— Кто ихъ знаетъ... Просилъ о. Кирилла, чтобы извѣстилъ сосѣднихъ поповъ.—О. Вадимъ грызъ ногти чуть не до крови и не поднималъ глазъ.

— А свѣтскіе?.. Земской начальникъ будетъ?

— Обѣщалъ,—уныло отвѣтилъ о. Вадимъ и еще ниже склонилъ голову.

Матушка глубоко вздохнула и, развѣшивъ на спинѣ стула чайное влажное полотенце, поднялась чуть не со стономъ.

— Видно, тѣсто придется мѣсить...

Ничего не отвѣтилъ о. Вадимъ. Онъ только любовно проводилъ глазами ея мѣрно колыхавшіяся могучія плечи,— до того сердце его было полно благодарности. Онъ понималъ, что наглушилъ преизрядно, наававши гостей. Тѣ сначала не вѣрили, говорили, что у него ничего нѣтъ въ его мордовскомъ Суслинѣ,—ни водки порядочной, ни закусокъ. Тогда онъ вынулъ кошелекъ и, потрясая имъ въ воздухѣ, кричалъ:

— Вотъ видите—три золотыхъ, всѣ загублю!

— Врешь, отецъ. Знаемъ мы тебя,—скупущій ты. Да и попады побаиваешься.

— Она сама и денегъ дала, и звать велѣла,—совралъ о. Вадимъ, и такъ ловко, что трудно было не повѣрить. А когда всѣ увидѣли, что онъ и въ самомъ дѣлѣ всего накупилъ въ бакалейной лавочкѣ, то уже серьезно обѣщали прѣѣхать: не пропадать же даромъ кульку съ винами и закусками!

Конечно, Евлампія Михайловна, если бы захотѣла, могла бы оскандалить мужа: отъ нея всего можно было ожидать. Вотъ почему о. Вадимъ былъ пораженъ, видя, какъ смиренно пошла она стряпать. Онъ былъ тронутъ до глубины души.

— Добрая она у меня, право, добрая!—чуть не со слезами говорилъ онъ въ открытый шкафъ, откуда смотрѣли на него засмѣленныя головки привезенныхъ бутылокъ, какъ птичій выводокъ изъ гнѣзда. Батюшка пришелъ въ такое елейное настроеніе, что откупорилъ одну изъ нихъ и выпилъ рюмочку-другую, послѣ чего пошелъ къ супругѣ въ кухню помочь, если надо. Однако сердитый окрикъ: „чего тебѣ?“ заставилъ его ретироваться.

— Не туда зашелъ, Лапочка...

— То-то не туда. Шель бы лучше къ ребятамъ. Они тамъ убираютъ.

— И то, мамочка...

Проходя обратно столовой, онъ еще разъ наклонилъ голову въ шкафъ и пропустилъ рюмочки двѣ-три... А въ саду дѣти затѣяли возню около прясла. Они понадѣвали на себя валенки и весело прыгали.

— Папаша, иди сюда!..

Черезъ минуту кухарка со смѣхомъ докладывала матушкѣ:

— Батюшка-то съ ребятами шубы повывернули, медвѣдями нарядились. Онъ у нихъ за главнаго, а Гаврикъ—проводильщикомъ... Умора!

Безпорядокъ былъ тотчасъ же устраненъ: матушка не прельстилась ролью медвѣжихи, которую ей дерзновенно предлагалъ разыгравшійся батюшка...

III.

На другой день, рано утромъ, о. Вадимъ отслужилъ на-скоро обѣдю, а потомъ молебень по случаю семейнаго торжества, и было пріятно видѣть всю семью за благодарственной молитвой... Но дома о. Вадиму стало не по себѣ: онъ горько осуждалъ свою глупость. Попадья проианесла нѣсколько разъ одно яркое и обидное слово. Заставляла ли она дѣтей одѣваться по праздничному, разставляла ли мебель, стучала ли посудой, разстилала ли на столы свѣжія скатерти, она не забывала въ каждую раздраженную фразу вставить— „дуракъ“. Тѣмъ же речениемъ она сопровождала всякую бутылку, которую ставила на столъ, всякую коробку консервовъ и даже телячью ногу. Не меньше сотни разъ обернулось оно въ воздухѣ, безъ прямого обращенія къ кому бы то ни было, и въ достаточной степени насытило комнату и сердце о. Вадима горькими мыслями, отравившими всѣ уготованныя яства и питія. Онъ понималъ безъ поясненій, что, если есть въ домѣ глупецъ, то именно онъ, „глава и хозяинъ.“ Въ самомъ дѣлѣ: называлъ гостей, которые никогда у него въ домѣ не бывали,— земскаго, податного, станового, управляющаго графскимъ хуторомъ, слѣдователя... Ну, пусть бы одни духовные пріѣхали,— это такъ, это въ порядкѣ вещей. А свѣтскіе—зачѣмъ они?! Къ чему это знакомство? Развѣ поѣдешь къ нимъ съ отвѣтнымъ визитомъ? Пріѣдуть, поѣдять, поппогъ, а потомъ тебя же осудятъ: это не такъ, то не этакъ, вотъ тебѣ и все удовольствіе. Одно только разореніе и срамъ. Попадья суетится, изъ кожи лѣзетъ, торопится, гоняла за десять верстъ къ благочинныхъ за формой для мороженаго. Работникъ и всѣ ребята отмахали руки, а мороженое все не свертывается. Попадья ругается: „Иди верти самъ, дуракъ!“ И вертѣль... Теленочка зарѣзали, а какой славный былъ—породистый бы вышелъ... Принесли въ жертву человѣческимъ обычаямъ, гдѣ главнымъ богомъ является бездонное чрево. Четырехъ курь закололи, и все несущихся. У одной въ нѣдрахъ разсыпано было до сотни желтыхъ зародышей... Сколько бы яицъ нанесла за лѣто... Жаль, очень жаль... А кто виноватъ? „Я, дуракъ безмозглый. Еще допшель-кюммелю закатилъ бутылку! Что за вино, когда именно его пить надлежитъ,— ничевошеньки не знаю... Бакалейщикъ-подлецъ, узналъ, кто у меня будетъ, и втравилъ: безъ доппелию, дескатъ, земскій и обѣдать не садится... Ахъ, дуракъ! А-ахъ болванъ! А-а-ахъ!!“

Даже рванулъ себя о. Вадимъ за локонъ длинныхъ курчавыхъ волосъ.

— Ужъ скорѣе бы пріѣхали. А то попадья изведеть меня въ конецъ, все попрятала на замокъ. „Ты хоть трезвымъ встрѣть гостей, говорить, а то будуть думать, что—безпросыпный“. Муки, адскія муки! Хоть бы рымочку! Право, впору хоть къ дьякону, ей-Богу... Скучно, очень скучно одному со своими мыслями...

У воротъ показалась карая лошадь,—это о. Яковъ съ супругой изъ Янтарева; череъ полчаса въѣзжалъ о. Иванъ вдовы, о. Семенъ съ о. Васильемъ—двоюродные, благочинный о. Исаія съ подблагочиннымъ о. Кирилломъ,—всъ почти въ одно время. Когда гости увидѣли необычайное множество бутылокъ, то многіе какъ-то даже сгѣснились: вѣдь, такой роскоши раньше не видѣли въ этомъ домѣ. По какой же особенной причинѣ? Двѣнадцатилѣтія тутъ, пожалуй, мало. Ужъ не наслѣдство ли получиль, кой грѣхъ? Но о. Кириллъ разъяснилъ тайну: ожидаются важные гости, и всѣ попы въ одинъ голосъ протянули раскрытыми ртами: „а-а-а...“—что значило: „для насъ, поди, этого не сдѣлать бы, а вотъ для свѣтскихъ... Свѣтскихъ больше почитаетъ... Ну, и чортъ съ нимъ, если такъ“. И казалось,—отцы вдругъ потеряли праздничное настроеніе, а если продолжали пить, то какъ будто, съ гнѣвомъ.

Когда пріѣхали „свѣтскіе“, попы были уже настолько въ подвыпитіи, что о. Кириллъ встрѣтилъ ихъ чрезвычайно развязно:

— А, добро пожаловать, почетные гости. Свадьба у насъ въ полномъ разгарѣ. Самъ о. Исаія ликуетъ и кричитъ: „Горько!..“

Но затѣмъ вышла заминка. У вновь пріѣхавшихъ, можетъ быть, и было желаніе приступить къ прямой цѣли посѣщенія, но, какъ люди свѣтскихъ приличій, они сначала отдали дань этикету: медленно, по барски, пили чай, потомъ защелкали серебряными портсигарами и, глядя въ окна, завели „разговорную“ канитель:

— А ваше село, о. Вадимъ, не блещетъ красотою. Смотрите, господа: двѣ ветлы, а далѣе степь, голая, безъ единаго кустика до самого горизонта. Пустыня...

— Да, да,—лѣниво подтверждали отцы. Только о. Исаія, какъ старѣшій, стоя рядомъ съ земскимъ, сказалъ поучительно:

— За то ветла эта — яко дубъ мамврійскій! — И затѣмъ далъ волю своему извѣстному всѣмъ краснорѣчію. Вскорѣ онъ до того овладѣлъ бесѣдой, что со стороны могло показаться, будто о. Исаія нѣкоторымъ хитрымъ образомъ хочетъ совсѣмъ отвлечь „свѣтскихъ“ отъ стола съ яствами и питіями, пока духовные не произведутъ въ нихъ болѣе или

менъе основательнаго опустошениа. У благочиннаго была одна любимая фраза, которую онъ повторялъ постоянно:

— Благовременія подождать надо, благовременія! — И теперь это выраженіе мелькало въ рѣчи о. Исаіи.

— Жди кто можетъ, а я не могу,—игривымъ шепотомъ говорилъ, между тѣмъ, о. Кириллъ.—Прозѣваешь, воду хлебаешь. Такъ, отцы? Выпьемъ еще, пока они тамъ съ благочиннымъ пейзажами любуются.

Краемъ уха его услышалъ управляющій графскимъ имѣніемъ, непомѣрно тучный человѣкъ съ большими глазами на выкатѣ, и, подойдя къ о. Кириллу, попросилъ:

— Ну-ка, отецъ, и мнѣ плесни... Намъ ландшафты эти и безъ того глаза намозолили...

— Правильно, Гермогенъ Акимычъ. Одинъ ландшафтъ есть пріятнѣйшій въ мірѣ, это — витрина виннаго погреба... А здѣсь нѣкоторое подобіе. Пожалуйте, Гермогенъ Акимычъ. Бокальчикъ—по васъ.

А около окна, въ чаду табачнаго дыма, поминутно раздавались вопросы:

- А каковъ, батюшка, у васъ народъ?
- Хорошо ли живуть?
- Бываютъ ли чтенія съ туманными картинами?
- Много ли грамотныхъ?

Хозянъ не успѣвалъ отвѣтить. Ему помогалъ благочинный, который зналъ приходъ едва ли не лучше самого о. Вадима, а ужъ говорилъ безъ всякаго сравненія красивѣе священника мордовскаго прихода.

— Какъ? Господа, слышите? Школы въ селѣ нѣть?—трогательно воспіялъ увлекшійся земскій начальникъ, забывшій о прямой цѣли посѣщенія.—Теперь всюду школы, даже въ деревняхъ... А у васъ... Стыдно, стыдно не имѣть школы!

— Грамотѣ дьяконъ учить... по вдохновенію,—замѣтилъ о. Вадимъ, и всѣ обернулись въ сторону учителя народа, который учить по вдохновенію, но теперь не знаетъ, какую позу принять,—строго-солидную или шутливую.

- Что же это значитъ „по вдохновенію“, о. дьяконъ?
- Значить — когда захочется...
- И часто васъ посѣщаетъ вдохновеніе?
- Какъ и поэтовъ, не каждый, конечно, день...—отвѣтилъ за дьякона о. Вадимъ.
- И не каждую недѣлю?—допытывались свѣтскіе.
- Бываетъ иной разъ затяжечка и по мѣсяцамъ... Прихотливая это вещь—вдохновеніе...—думалъ шутками отбояриться хозяинъ, но земскій въ серъезъ увѣщевалъ:
- Устройте же, о. Вадимъ, школу. Право, безъ этого нельзя.

— Да, действительно, школа великое благодъяніе для народа!—сказалъ почти манильно становой, невольно косясь на о.о. Якова и Кирилла, которые ужъ три раза успѣли на его глазахъ выпить.

Въ это время хозяйка пригласила занимать мѣста.

Насталъ часъ перейти къ „существенному“, тогда отцы совершенно вѣрно замѣтили, что свѣтскіе запоздали сравнительно съ духовными, и что справедливость требуетъ сравненія. Свѣтскіе не противорѣчили.

— Давнѣо бы такъ...—сказалъ о. Кириллъ, одобравъ удвоенный приемъ хинной, сдѣланный податнымъ инспекторомъ. Но и духовные, въ свою очередь, стали поспѣшать, такъ что земской долженъ былъ сознаться:

— Завами, отцы, не угоняешься, вы какъ-тѣ всегда впереди...

— Хо-хо-хо!—громыхало въ воздухѣ.

Обѣдь прошелъ весело и шумно. Отцы помолились и перецѣловались съ хоаяевами. Свѣтскіе сумѣли такъ низко поклониться и такъ тонко пожать руку хозяйкѣ, что отцы, знающіе по опыту всѣ роды поклоновъ отъ самыхъ малыхъ до земныхъ включительно, невольно позавидовали иаяществу станового, мелодично зазвенѣвшаго шпорами.

— Собака, какъ распаркнулся!.. Ну, и кавалеръ, чортъ его дери...—шепталъ о. Кириллъ, не сводя глазъ со шпоръ станового:

— Какъ это у васъ колесики-то на сапогахъ...

— А что?—испуганно оглянулся становой на свои ноги.

— Верятся, то есть, хочу сказать.

— Гм...—Становой скель себя задѣтымъ и отошелъ въ сторону, соображая, какъ бы поостроумнѣе сказать попу что-нибудь насчетъ рясы или волосъ. Но ничего не приходило въ голову...

Всѣ вышли на балконъ и здѣсь, на чистомъ воздухѣ, послѣ прекраснаго обѣда, снова ощутили въ себѣ присутствіе серьезныхъ темъ, глубокихъ вопросовъ, возвышенныхъ идей. При этомъ самое Суслино казалось уже не такимъ печальнымъ, какъ до обѣда. Отцы говорили, что въ Суслинѣ жить можно, потому что мордва народъ добрый и насчетъ руги—куда лучше русскихъ. Поповскій садъ благоуханіемъ душистой сирени усиливалъ пріятное настроеніе. Около церковной сторожки видны были двѣ ветлы, куда, какъ обезьянки, залѣзли мордвинята въ бѣлыхъ рубашонкахъ и оттуда орали во всю глотку:

— Чиндяль Ната пикъ-пара,
Ялы якѣ кѣтаса *).

*) „Боярска дочь Наташа ужъ очень хороша..“ — мордовская пѣсня.

Земской начальникъ воскликнулъ:

— Какие голоса! Да это артисты! Жаль, что безъ отදлки. Вотъ бы между этими ветлами школу поставить. И полезно, и красиво.

Хозяину не понравилось новое напоминаніе. Онъ уже многократно слышалъ его, не однажды получалъ и прямая замѣчанія на бумагѣ отъ начальства съ осужденіемъ своего равнодушія къ назрѣвшей нуждѣ мордовскаго села. О. Вадиму ужъ надоѣло въ сотый разъ выслушивать, что его мордва непросвѣщена и невѣжественна, и, все какъ будто, потому только, что приходскій священникъ не ревнуетъ... Онъ сказалъ, поэтому, обидчиво:

— Всѣ вотъ такъ говорятъ, а обратись за содѣйствіемъ, никто и перстомъ не двинетъ. Одному же невозможно...

— Я вамъ дамъ совѣтъ... — заговорилъ земской, но хозяинъ перебилъ:

— Совѣтъ—что! Этого добра и на днѣ ада много. Вы, вотъ дѣломъ, помогите!

— Что-жъ... Я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать...

— Мы васъ поддержимъ, заявите въ управу,—добавилъ и податной.—Я тамъ имѣю голосъ.

— Заявляли,—что толку... Средствъ нѣть!

— А что, господа, — началъ благочинный, возвышая голосъ,—не положить ли начало добромъ дѣлу?

— Какъ?

— Давайте-ка подписочку устроимъ, ознаменуемъ добрымъ дѣломъ свое краткое пребываніе здѣсь. Покажемъ не только слова, но и дѣло.

— Да, да, покажемъ!—отозвались многіе съ сочувствіемъ.

— О. Вадимъ! Листикъ бумаги и перо... Отлично... Изображай: „Подписной листъ для пожертвованій на Суслинскую школу“.

О. Вадимъ написалъ и обвелъ всѣхъ взоромъ.

— Ну, что же остановился? Пиши. Сколько жертвуюшь самъ?—сказалъ благочинный.

— Погодите, дайте о. Вадиму посовѣтоваться съ матушкой...—не безъ явительности сказалъ становой, все еще находившійся подъ впечатлѣніемъ нѣкоторой обиды на отца Кирилла... Стрѣла попала въ неповиннаго о. Вадима. Онъ вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ и сказалъ съ жаромъ:

— Я—совѣтоваться?.. Нѣть, ужъ это вы лучше совѣтуйтесь съ своей экономкой, а я—вотъ!—и поставилъ цифру.

— Двадцать пять рублей... Ловко! Ну, кто дальше?—сказали въ толпѣ.

— Податному.

— Что же, я не прочь... Извольте, подпишу—пятьдесят.
Ну, теперь вы, отцы!—сказалъ онъ, передавая листъ.

— Нѣть, зачѣмъ же намъ? Мы только испортимъ дѣло.
Надо просить управляющаго.—Но управляющій уже клеваль-
носомъ и, когда его растолкали, спросилъ съ недоумѣ-
ніемъ:

— Что?.. Кто?.. Какъ?.. А, вотъ что! Жертву... Двадцать
тысячъ!.. Пишите!..

— Не дури. Говори толкомъ.

— Толкомъ... двадцать тысячъ... копѣекъ,—сказалъ упра-
вляющій, прия окончательно въ себя.

— А, это похоже... Ну, пиши... своей рукой.

— Могу. „Двѣсти рублей Гермогенъ Печеновъ“.

— Великолѣпно! Теперь вы, отцы,—предлагали свѣтскіе,
подписавъ—кто рубль, кто два, при чѣмъ только земскій на-
чальникъ подписалъ золотой, а становой совсѣмъ отказался:

— Потому что,—откладывалъ онъ на пальцахъ,—во-пер-
выхъ, господинъ исправникъ не разрѣшилъ еще подписки;
во-вторыхъ, исправнику будетъ обидно подписываться послѣ
станового, если я пожертвую, напримѣръ, сто рублей. И въ
третьихъ...

— У васъ такихъ и денегъ нѣть,—перебилъ о. Кириллъ
съ убийственнымъ хладнокровiemъ.

Становой отошелъ въ сторону, точа про себя убийствен-
ную стрѣлу противъ нахала, чтобы разомъ его уничтожить,
а о. Кириллъ подошелъ къ кружку духовныхъ, гдѣ низкимъ
подавленнымъ голосомъ о. Яковъ говорилъ:

— Послѣ такихъ суммъ совсѣмъ что-либо подписывать.
Мы люди бѣдные.

— Ну, отъ бѣдности жертвуете,—настаивали свѣтскіе.

— Да чего же?—Полтину развѣ.

— И полтину хорошо, если отъ сердца.

— Сердца-то намъ не занимать стать.—И о. Кириллъ хо-
тылъ было подписать, но благочинный вырвалъ у него листъ
и изобразилъ:

— „Исаія Веденяпинъ—одинъ рубль“.

— Ну, а мы по полтина^{кѣ}, — сказалъ о. Кириллъ, и всѣ
согласно кивнули головой.

— Ты сколько жертвуешь, дьяконъ вдохновенный?—спро-
силъ благочинный.

— Сколько угодно... ежели изъ церковныхъ.

— А изъ своихъ?

— Слуга покорный...

— Нельзя же такъ, дьяконъ,—что-нибудь да дай.

— Моихъ денегъ и безъ того много за селомъ. Вѣдь да-
ромъ труды подъемлю.

— То само собой, а это само собой. Дѣло общее. Будь товарищемъ.

— Ну, а меньше чего нельзя?—допытывался дьяконъ.

— Всякое даяніе благо.

— Ежели пятакъ?

— Можно, но срамно.

— Ну, чтобы безъ срама—жертву соотвѣтственно... Половину іерейскаго самообложенія, то есть четвертакъ... Или двугривенный?.. Двугривенный ничего, отцы?

— Чего торгуешься самъ съ собой, Давидычъ? Совѣсть что говорить?

— Не слышу, отцы, ея гласа. Въ томъ и затрудненіе.

— Тогда погадай на пальцахъ.

Дьяконъ погадалъ и подписалъ пятиалтынный.

Благочинный шепталъ о. Вадиму:

— Прекрасное дѣло. Смотри только, отецъ, церковную школу хлопочи. Церковную! Прощай, однако. Больше ждать нечего...

Вскрѣ одинъ за другимъ гости отбыли. Когда хозяева остались вдвоемъ, съ глазу на глазъ, матушка сказала:

— Дуракъ! Опять дуракъ оказался... Двадцать пять рублей!.. Да ты миллионщикъ, что-ли,—такъ разоряться?

— Ты, Лапочка, мало понимаешь: выговоры начальства ужъ мнѣ надоѣли. Грозили перевести, а теперь я чистъ. Я все сдѣлалъ. И будешь мнѣ даже благодарность, съ пропечатаніемъ въ „епархиальныхъ вѣдомостяхъ“.

— Было бы за что пропечатать, ты еще выручи сначала деньги. Тотъ же податной—первый тебѣ кукишъ покажеть.

— Не покажеть!

— Вотъ увидишь. А управляющій? Откуда онъ достанетъ такія деньги? Вѣдь у нихъ въ конторѣ все на учетѣ.

— Достанеть!

О. Вадимъ ликовалъ и говорилъ своимъ дѣтямъ:

— Что? Вотъ такъ отецъ у васъ. Гений! Не было школы—и стала. Кто ее воззвалъ изъ небытія къ бытію? Я, отецъ вашъ.—И онъ ударялъ себя въ грудь.

— Хвальбишка...—произнесла уставшая попадья, уходя спать. А о. Вадимъ еще ораторствовалъ. Матушка не препятствовала: пусть всласть языкъ почешетъ, поутру другое заговорить.

IV.

На утро началось раздумье: хорошо ли дѣлаетъ тотъ хозяинъ, который, такъ сказать, обираетъ гостей, хотя бы и для добра дѣла? И отъ этого въ душу о. Вадима прони-

кало уявлениe, вродъ нѣкоторой сухой гари. Это длилось, впрочемъ, недолго, туманъ скоро разсѣлся. Во-первыхъ, предложеніе послѣдовало со стороны одного изъ гостей, а не со стороны самого хозяина; во-вторыхъ, самъ о. Вадимъ пожертвовалъ очень значительную для своего кармана сумму. Вотъ, еслибы онъ другихъ обобразъ, а самъ ничего не далъ, ну, тогда всякий могъ бы назвать его жуликомъ, а теперь совсѣмъ другое дѣло,—онъ самъ первый подалъ добрый примѣръ и тѣмъ воодушевилъ прочихъ. Положимъ, воодушевленіе, главнымъ образомъ, коснулось только податнаго инспектора, человѣка податливаго, хотя и небогатаго, и управляющаго, который изумилъ всѣхъ; другихъ же благая идея задѣла лишь слегка,—своя братія, какъ пьяна ни бываетъ, разсудка не теряетъ никогда. Тѣмъ не менѣе, о. Вадимъ съ восторгомъ глядѣлъ на подписанной листъ.

— Терпѣнья нѣть—до чего хорошо! — воскликнулъ онъ. Въ немъ росло какое-то возвышенное, благородное настроеніе, наполняющее сердце чистой радостью и заставляющее вѣрить въ скрытые силы человѣка, въ добро, которое гнѣздится въ немъ, какъ алмазъ въ нѣдрахъ горъ,—стоить только поглубже покопаться.

— А вѣдь такъ можно обѣвать всякое дѣло, — выскользъ онъ вслухъ, взглянувъ на супругу, но та съязвила:

— Своими-то боками, — конечно! И впередъ такъ дѣлай. Пожаръ въ селѣ случится, подписочку устрой; голодовка—тоже; падежъ скота—тоже.

— А что? И прекрасно!

— И каждый разъ по четвертной отваливай. На что лучше! Тебя будуть пропечатывать въ вѣдомостяхъ, какъ благодѣтеля, а семья твоя съ сумой пойдетъ. Доживемъ до того, что и въ нашу пользу подписку устроить на бѣдность.

— Ахъ, попадья, попадья...

— Что?

— Объ хорошемъ съ тобой даже и помечтать нельзя.

— Куда ужъ съ бѣдностью мечтать! Довольно даже глупо. Хорошо тѣмъ мечтать, кому денегъ дѣватъ некуда.

— Да мы же вовсе не такъ бѣдны.

— Придеть время, узнаешь нужду. Вотъ какъ ребята подростать начнутъ: того учить, другого учить, тому сюртукъ, другой платье да приданое, небось,—успѣвай тогда поворачиваться. И все тогда вспомнишь и пожалѣешь: и зачѣмъ хинныя водки покупалъ, и оловянную свадьбу устраивалъ, и на разныя подписки жертвовалъ... Просвищешь все въ добродѣтель, а потомъ, глядь, и собаку нечѣмъ будетъ поманить. Охъ, горе, горе!.. — И матушка, со вздохомъ, привавила:

— Ничего я такъ не желаю, какъ — чтобы эта твоя дурацкая подпись лопнула, какъ мыльный пузырь!

— Этого не можетъ случиться.

— А почему?

— Да вѣдь тутъ, такъ сказать, дѣло чести... Кто же откажется?

— Но денегъ тебѣ никто вѣдь въ руки не далъ?

— Пока—да. Но вѣдь это все равно, съѣзжу и—получу.

— Вотъ съѣзи-ка! Это они храбры подъ куражемъ, а въ трезвомъ-то видѣ, ухъ, экономны дѣлаются!

Нѣчто вродѣ злорадства скользнуло по лицу матушки, и въ душу о. Вадима понемногу начинало вкрадываться со мнѣніе. Онъ глядѣлъ на листъ, и цифры „пятьдесятъ“ и „двѣстѣ“ уже такъ сладко не волновали его, словно попадья сняла съ нихъ все очарованіе, какъ сливки съ молока, и осталось въ горшкѣ что-то жидкое, синеватое и довольно невкусное, какъ телячье пойло... Въ самомъ дѣлѣ, черезчуръ что-то много наобѣщали гости... Тотъ же податной инспекторъ не акти какое жалованье получаетъ, управляющій же весь на отчетѣ: графъ—человѣкъ столичный,—такую бухгалтерію развелъ, столько всякихъ контролей установилъ... И о. Вадимъ сталъ вскорѣ терять вѣру въ сердце человѣческое, до того, что предпочиталъ бы видѣть цифры „50“ и „200“ безъ нулей: надежнѣе было бы полученіе...

Однако, терять времени было нечего, слѣдовало выяснить дѣло какъ можно скорѣе. Просорочишь день, другой,—всѣ будуть думать, что это была шутка и больше ничего.

— Съ кого же начать?—Онъ поѣхалъ сначала къ податному, находя его самымъ покладистымъ и деликатнымъ въ своей округѣ. Тотъ принялъ его ласково, угостилъ чаемъ съ вареньемъ и самъ первый заговорилъ:

— Вы, вѣроятно, насчетъ того?.. Пожалуйста, повремените... Сейчасъ денегъ нѣть... Но отдамъ, будьте покойны... Честное слово...—Слова податного дышали такимъ искреннимъ смущеніемъ, что только важность дѣла заставила о. Вадима раскрыть ротъ для тяжелаго, въ сущности, вопроса:

— Когда же?

— Какъ только будутъ... При первой возможности.

— Можетъ быть, еще заѣхать прикажете?

— Нѣть, зачѣмъ же вамъ беспокоиться? Самъ пришлю, или привезу.—При этомъ о. Вадимъ узналъ, что вообще „въ обществѣ“ не приводятъ въ исполненіе подписокъ на другой же день, и что иные подписки осуществляются только черезъ годъ и даже больше. Все это податной выказалъ въ непринужденномъ разговорѣ о разныхъ благотворительныхъ дѣлахъ, и о. Вадимъ понялъ свою нетактич-

ность. Въ самомъ дѣлѣ: у гостей еще* хорошенько хмѣль изъ головы не вышелъ, они еще не прочухались, какъ слѣдуетъ, а онъ ужъ обѣжаетъ и требуетъ... И такъ неловко почувствовалъ себя о. Вадимъ, что, прощаюсь, смущенно говорилъ:

— Ужь извините, пожалуйста... Я самъ не радъ... Все это благочинный надѣлалъ, а по мнѣ бы, ей-Богу, ничего и не надо.

Неподалеку, верстахъ въ трехъ, жилъ управляющій. Считая и его принадлежащимъ къ свѣтскому обществу, о. Вадимъ подумывалъ было оставить его въ покой, но сообразилъ, что скоро начнутся полевые работы, лошади будутъ заняты, не выберешь времени сѣяній, да и чѣмъ управляющій лучше податнаго. И онъ повернулся оглобли къ хutorу, рѣшивъ:

— Ужь заодно ко всѣмъ!

Управляющій, когда о. Вадимъ подалъ ему листъ, закутилъ усы и зажевалъ губами, выражая недоумѣніе:

— Да развѣ это было?

— Какъ же... Развѣ не помните?

— Запамятаvalъ...

— Собственноручно изволили начертать...

— А нули-то не приписаны ли?—И онъ подозрительно вращалъ своими свинцовыми глазами навыкатъ.

— Нѣть, что вы...—И въ кривой улыбкѣ о. Вадима изобразилась обида.

— Ну, значитъ, рука махнула зря... Вообще, въ пьяномъ видѣ человѣка не трудно оболванить.

— Да кто же васъ оболванивалъ?—заголовился о. Вадимъ.—Вы сами, никто васъ не тянулъ... ваша добрая воля.

— Какая же воля у пьяного? Признаюсь, не помню, какъ уѣхалъ съ вашей пресловутой свадьбы, и какъ домой доѣхалъ.

— Такъ какъ же быть?—начиналъ сдаваться о. Вадимъ.

— Два рубля ужъ куда ни шло,—получите... А нули-то я замараю.

— Малорато, Гермогенъ Акимычъ, послѣ первоначальной-то цифры...

— Берите. А то совсѣмъ ничего не дамъ!—Голосъ управляющаго звучалъ раздраженной грубостью и наглостью.

Это взорвало о. Вадима, и онъ замѣтилъ:

— Я не думалъ, что можно отказываться, разъ даетъ обязательство.

— Обязательство? Ха-ха-ха... Что же это вексель, что ли, по вашему?

— Все равно... Дѣло чести и совѣсти.

— А честно и добросовѣстно—напоить человѣка до по-мраченія разсудка и подсунуть?.. Да я могъ, знаете, въ томъ миломъ состояніи—милліонъ подписать, [и вы бы мил-лионъ съ меня стали взыскивать?—И онъ зловѣще сверк-нуль зрачками.

О. Вадимъ сложилъ листъ въ карманъ. Получать два рубля вмѣсто двухсотъ ему казалось прямо насмѣшкой надъ высокой цѣлью просвѣщенія и надъ собой, и онъ по-ѣхалъ къ своему начальству.

— О, благочинный, какъ же быть? Всѣ подписались, а ни одна свинья не жертвуетъ.

— Постой, постой, о. Вадимъ... Меня-то хоть исключи, вотъ тебѣ моя лента. А теперь валяй...

— Скоты, право, скоты, — волновался о. Вадимъ, — не ожидалъ такого свинства. Зачѣмъ же обманывать? Зачѣмъ рисоваться своими идеями?.. Развѣ такъ поступаютъ честные люди? Вѣдь это же подлость, о. благочинный?

— Подлость, о. Вадимъ.

— Что же дѣлать?

— Не знаешь? Ну, такъ вотъ что... Поѣзжай ты сначала къ нашимъ, отбери всѣ полтинники, и чтобы каждый соб-ственноручно отмѣтилъ, что дескать, уплатилъ. Это пока-жетъ, что мы не шутки шутили. А потомъ поѣзжай къ зем-скому и объясни... Да только ты не такъ энергично выра-жайся, что, дескать, свиньи, сволочи, подлецы, а аккуратно поведи рѣчь въ этакомъ, знаешь, благородно-осудительномъ тонѣ, и такъ, между прочимъ, проведи ту идею, что, дескать, попы, хоть ихъ и зовутъ на каждомъ перекресткѣ жадными и скупыми, куда честнѣе прочихъ сословій, что, дескать, вотъ: что подписали, то безъ всякаго прокословія и отдали. И тутъ, я знаю, земскій потребуетъ у тебя листъ и выдастъ, что подписалъ, а потомъ, такъ какъ съ управляющимъ у него нелады (за картами у слѣдователя крупно повздорили, сто рублей проигралъ земскій), подастъ тебѣ благой совѣтъ. Ужъ повѣрь!—улыбался благочинный, дружески похлопывая Суслинского іерея по плечу.

Черезъ два дня о. Вадимъ былъ изумленъ прозорливостью о. Исаяи Веденяпина. Земскій начальникъ вручилъ о. Вадиму пять рублей, отмѣтилъ „уплатилъ“ и посовѣтовалъ подать жалобу на управляющаго ему же, земскому начальнику.

— Я присужу вамъ съ него всю сумму плюсъ судебныя издержки. Этимъ шутить нельзя. Народное образованіе должно быть выше всего. Это вещь священная! Это та же религія, и никакого кощунства я здѣсь не позволю!

Земскій говорилъ такъ внушительно, съ такимъ чув-

ствомъ расположенія къ о. Вадиму и къ народу, что растро-
ганный о. Вадимъ только спросилъ:

- А правильно ли это будетъ?
- Ужъ тамъ это мое дѣло.
- Пожалуй, обжаловать въ съѣздъ?
- Пустъ.
- А какъ съѣздъ отмѣнить ваше рѣшеніе?
- Пустъ!
- Тогда какой же смыслъ?
- А скандалъ-то? О, нѣтъ, это, батюшка, мое почтеніе... штука, я вамъ доложу... Вы, пожалуйста, всѣхъ своихъ гостей въ свидѣтели поставьте.
- И васъ тоже?
- Нѣтъ, меня исключите. Вѣдь я же не могу одновременно двухъ ролей вести—и суды, и свидѣтеля.

О. Вадимъ чувствовалъ, что земскій начальникъ вкладываетъ въ это дѣло какой-то личный мотивъ, и это обстоятельство сообщало ему увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла.

— Будьте покойны, убоится. Въ тотъ же день, какъ получить повѣстку о вызовѣ его въ мою камеру, самъ прѣдѣть къ вамъ и внесетъ сполна всю сумму... Графъ не оставить у себя управляющаго, который отказывается отъ своихъ словъ. Да онъ ему прямо скажетъ: „Ты бы, Ермошка, лучше у меня укралъ, чѣмъ давать поводъ къ такимъ толкамъ о моихъ служащихъ“...

- Вы такъ думаете?

— Увѣренъ даже... Школа у васъ будетъ. И ужъ позвольте, — въ голосѣ земскаго зазвучала мелодія,—позвольте мнѣ потомъ въ отчетѣ губернатору изложить все это, какъ актъ искренней заботливости мѣстной интеллигенціи о народномъ просвѣщеніи. Въ этомъ будетъ до извѣстной степени нравственное удовлетвореніе за тѣ—будемъ прямо говорить—увлеченія, которыхъ, — сознайтесь, батюшка,—при другихъ обстоятельствахъ могло и не быть.

Выигрышъ процесса представлялся теперь о. Вадиму до того несомнѣннымъ, что у него явилось даже состраданіе къ управляющему, и онъ сказалъ съ тѣй сердечной:

- А нельзя ли какъ попроще... безъ суда?

Земскій нахмурился и посмотрѣлъ на о. Вадима съ недоумѣніемъ.

— Мировую бы...—между тѣмъ, доказывалъ о. Вадимъ,—т. е., примѣрно, ну не двѣсти, а хоть половину—и то довольно. Даже одинъ нуль откинуть можно, если на то пойдетъ. А то вѣдь и вправду, какъ будто, многовато 200 рублей,—не по средствамъ... Конечно, сгоряча такъ вышло. Въ пол-

иомъ разсудкѣ едва ли бы онъ больше другихъ подписалъ.

— А не хвались впередъ, не пускай пыли въ глаза. А то, представьте—всюду является съ набитымъ бумажникомъ и такъ ведеть себя за карточнымъ столомъ, будто и въ самомъ дѣлѣ его личныя деньги. Небось, проигрывалъ графскія деньги и платиль, а на доброе дѣло—фигу? Карточные долги—долги чести, а это—къ чести не относится? Нѣть и нѣть... Да я, наконецъ, и несогласенъ, батюшка!—вдругъ озарился земскій начальникъ новою мыслью и привсталъ, принимая важную осанку.— Я не согласенъ на вашъ компромиссъ. Дѣло народнаго образованія не васъ одного касается. Это дѣло общее, оно близко и моему сердцу по долгу службы и по личной симпатіи. Помилуйте, это прямой ущербъ народнымъ интересамъ! Я тогда привлеку васъ самихъ къ отвѣтственности... Вѣдь вы не на себя собирали, а на общественное дѣло. Храните подписной листъ. Это документъ, въ которомъ вамъ придется дать отчетъ начальству и обществу.

Всякія колебанія у о. Вадима послѣ того исчезли, какъ дымъ отъ вѣтра. Голосъ состраданія замолкъ, исчезла всякая жалость. Пусть вывертывается, какъ знаетъ! Впередъ наука—не фордыбачь.

Подъ диктовку земскаго начальника прошеніе было составлено, и тогда же руками писаря облеклось въ синюю бумажную рубашку съ ярлыкомъ „Гражданское Дѣло за № 3298, о...“

V.

Какъ сказалъ земскій, такъ и вышло. Гермогенъ Акимычъ до суда дѣло не довелъ. Поторопился и податной, узнавшій о повѣсткѣ, врученной Гермогену отъ земскаго. Оба они столкнулись у о. Вадима въ одинъ день, приблизительно черезъ недѣлю, когда матушка Евлампія Михайловна сущила третью партію своего отсыревшаго добра, на этотъ разъ наслѣдственнаго—отъ дѣдушки съ бабушкой. Гости горячо толковали о томъ, какъ необходима школа въ Суслинѣ, при чемъ управляющій особенно настаивалъ, чтобы попечительницей школы была избрана графиня, и чтобы въ день Андрея Первозваннаго, когда графъ празднуетъ свои именины, ученики не учились и была бы обѣдня съ молебномъ о здравіи ихъ сіятельствъ.

— Будетъ, будетъ все по вашему!—радостно говорилъ о. Вадимъ.—Слава Богу, какъ я радъ... Наконецъ, и у насть школа!—воскликнулъ онъ.

— Давно бы надо,—меланхолично говорили гости.

Матушка угощала ихъ чаемъ, посматривала съ балкона на сушившіеся бабушкины салоны и съ опаскою наблюдала, какъ допивались остатки въ бутылкахъ, и какъ компанія веселѣла съ часу на часъ. О. Вадимъ былъ въ восторгѣ, лѣзъ цѣловаться и почти кричалъ:

— Господа! Какую честь вы мнѣ оказали—дважды посѣтили! Господа!.. Попадья! Лапочка! Благодари! Празднество и попразднство... Необычайно! Рѣдкій случай! Единственный случай, когда личное удовольствіе сочеталось съ народнымъ благомъ... И все ты виновата, Лапочка! Потому что двѣнадцать лѣтъ назадъ осчастливила меня, не отвергнувъ моей руки и сердца. За твоё здоровье!

— Говорите, что ли!—шепнуль управляющей податному.—Вамъ эти спичи не въ-первой... Въ клубъ на проводахъ исправника вы были первымъ ораторомъ.

— Матушка,—началь съ чувствомъ податной:—дай Богъ вамъ ознаменовать и серебряную свадьбу такимъ же добрымъ дѣломъ, какъ настоящее. Ваше имя будетъ такъ же тѣсно связано съ Суслинской школой, какъ...—Но тутъ ораторъ усмотрѣлъ, что его мысли принимаютъ неожиданный оборотъ, обидный для графа и графини, и потому предполѣть замолкнуть.

Матушка неловко чокнулась съ гостями и вызвала попа въ другую комнату.

— Смотри ты у меня,—строго наказывала она, поднося ему кулакъ къ носу:—не сдури опять съ какой-нибудь подписькой. Огоньки у нихъ въ глазахъ непріятные, непремѣнно что-нибудь нехорошее умыслили. Въ оба гляди!

— Понимаю, Лапочка, понимаю... Тоже самъ съ усамъ!.. Немного взяли: только въ члены попечительства о народной трезвости записали,—всего двумя рублями отдѣлся, за себя и за тебя.

— Я—въ члены? Рубль за это?! О, Господи... Такъ и есть... Оплели! Такъ и знала!.. Пойдутъ теперь {подписки да посѣщенія, да угощенія... со всѣмъ уѣздомъ свѣль знакомство!.. Раззоръ!

А податной, оставшись вдвоемъ съ управляющимъ, говорилъ грустно:

— Околпачили насъ попы-то... а? Каково? Ну, и хитрый народъ. Губернаторша ужъ на что, кажется, дама ловкая, а такъ не обходила... Стыдно, знаете, сознаться: пятьдесятъ рублей отвалилъ... Отродясь такихъ жертвъ не дѣлалъ. Да на что? На мордовскую школу! Съ кѣмъ ни встрѣтишься, всѣ въ одинъ голосъ: „Какой вы, Семенъ Васильевичъ, щедрый, близко, видно, къ сердцу принимаете народное

благо“. Народное благо!! Чортъ бы васъ побралъ! Да что мнѣ эти суслины? Ну, сами посудите—что они мнѣ? И что имъ—я? Никакой связи. Нѣть, не прощу себѣ этого никогда... И чѣмъ это напоили нась тогда? Какая-то брага была .. воскъ еще сверху плавалъ.

— Пуря, мордовская цура, съ нея человѣкъ прямо на стѣну лѣзеть... Ну, да погоди... попадутся и къ намъ въ лапы... Вотъ графъ устраиваетъ ясли въ нашей деревнѣ, будетъ торжество. Позову Вадима, а цурю приготовлю на спиртъ и ужъ угощу... Угощу!—И Гермогенъ такъ страшно завращалъ зрачками, сжимая кулаки, что податной туть же рѣшилъ не быть на открытии яслей: если поповскія „видущія“ очи разорили его на полсотни, то отъ гермогеновскихъ, пожалуй, и сотней не раздѣлаешься...

Отецъ Вадимъ, между тѣмъ, успокаивалъ жену:

— Тоже на кривой меня не объѣдутъ, Лапочка! Я знаю! Вотъ что имъ на всѣ ихъ ясли...—И матушка невольно улыбнулась той дулѣ, которую мужъ таинственно показалъ ей изъ кармана, какъ символъ будущей жертвы на всѣ „свѣтскія“ добрыя дѣла.

Она хотѣла вѣрить „несуразному“ супругу, но когда услышала вскорѣ его самозабвенный заливистый хохотъ вмѣстѣ съ гостями, опять взгрустнула:

— Нѣть, не сдержитъ попъ своего характера, не сдержитъ... Полудурье... Напьется, станетъ душу отыскивать,—его и устрояютъ. Даже въ своеемъ домѣ нельзя оставить одного!—И она опять вышла къ гостямъ, хмуря густыя сросшіяся брови. На приглашеніе Гермогена Печенова пожаловать къ открытию яслей она, улыбаясь однѣми губами, отвѣтила:

— Ваши гости... Ваши гости...

А глаза ея явственно говорили:

— „Ну, нѣть, не проведѣшь! Запру попа... Не пущу ни за какія коврижки!“

С. Елеонскій.

Болгарская конституція.

II.

Первымъ дѣломъ вновь избраннаго князя Александра Баттенберга было спросить гессенскихъ юристовъ, какъ они думаютъ о болгарской конституціи. Какъ говорятъ, гессенскіе юристы выразились въ томъ смыслѣ, что съ этой конституціей управлять нельзя или очень трудно. Едва ли юристы болѣе демократическихъ странъ, англійские, американские или швейцарскіе, согласились бы съ кабинетными представителями государственной мудрости великаго герцогства Гессенского. Но что уже совершенно несомнѣнно, это то, что всякий современный болгарскій министръ посмѣется надъ рѣшительнымъ приговоромъ нѣмецкихъ ученыхъ. Правда, болгарскій министръ сдѣлаетъ это потому, что послѣ двадцатипятилѣтнаго опыта онъ научился слишкомъ мало бояться болгарской демократіи, тогда какъ германскіе юристы боялись ея слишкомъ много. Но какъ бы то ни было, болгарская конституція спровоцировала только что свой четвертьѣковой юбилей, и ея принципы, какъ они ни далеки отъ дѣйствительнаго примѣненія, уже сыграли, по крайней мѣрѣ, ту великую и важную роль, что изъяли вопросъ о формѣ правленія изъ программы оппозиціонной борьбы, и сосредоточили эту борьбу на вопросѣ о практическомъ примѣненіи принциповъ, официально признаваемыхъ всѣми. При томъ горячемъ темпераментѣ, съ какимъ ведется политическая борьба въ маленькихъ государствахъ Балканскаго полуострова, — это услуга немаловажная, и значение ея станетъ особенно ясно, если сравнимъ приемы и размѣры болгарской оппозиціонной борьбы съ тѣмъ, что происходило и происходитъ въ соседнемъ славянскомъ королевствѣ. До тѣхъ поръ, пока болгаре не потеряютъ вѣры въ жизнеспособность великихъ принциповъ, положенныхъ ими самими въ основу ихъ конституціи, цѣлью ихъ политической борьбы останется не государственный переворотъ, а развитіе политического самосознанія народа въ рамкахъ данныхъ, существующихъ политическихъ учрежденій. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ съ моей

стороны сказать, что въ настоящее время въ Болгаріи нѣтъ такого безумца, который бы рѣшился пожертвовать этой выгодой какой бы то ни было политической доктринѣ. Но такие безумцы были въ политическомъ прошломъ Болгаріи, и, какъ это ни странно, ослѣпленными отвлеченою доктриною противниками болгарской конституції оказались на первый разъ болгарскіе консерваторы. Они, пользуясь образными выраженіями Славейкова, „страшились тамъ, гдѣ не было страха, и пытались чесать народъ тамъ, гдѣ не свербѣло“.

Помимо гессенскихъ юристовъ, князь Александръ не имѣлъ иныхъ довѣренныхъ лицъ для рѣшенія вопроса, какъ управлять княжествомъ, кромѣ болгарскихъ консерваторовъ. К. Стоиловъ, одинъ изъ членовъ этой небольшой кучки, сдѣлался приближеннымъ лицомъ князя съ первыхъ дней его княженія, еще раньше чѣмъ Александръ прибылъ въ княжество. Стоиловъ говорилъ на иностраннѣхъ языкахъ, такъ же какъ и другіе члены кучки: они къ тому же были образованными юристами, а Александръ не понималъ ни слова по-болгарски, не имѣлъ никакого понятія о политикѣ и никакихъ способностей къ ней.

Были еще на лицо русскіе совѣтники и при томъ ихъ совѣты, особенно въ началѣ, было обязательно исполнять. Но самая эта обязательность дѣлала князя недовѣрчивымъ и ревнивымъ къ ихъ вліянію въ странѣ; а, кромѣ того, русскіе совѣтники вовсе не были согласны другъ съ другомъ, и подавали діаметрально противоположные совѣты. Изъ круга чиновниковъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ обыкновенно шли совѣты консервативные, а изъ среды представителей военнаго вѣдомства—совѣты либеральные. Одни, если не подчинялись, то по необходимости сообразовались съ мнѣніями Каткова, другіе руководились мнѣніями Милутина. Можно даже сказать, что если среди самихъ болгаръ такъ скоро и рѣзко раздѣлились фракціи консервативная и либеральная, то именно благодаря русскимъ вліяніямъ и русской политической терминологіи. Въ кругу именно русскихъ дипломатовъ Софія нечесаный Петко Каравеловъ и его партія получили кличку „нигилистовъ“, такъ мало подходившую къ болгарскимъ патріотамъ—„родолюбцамъ“. И, съ другой стороны, несомнѣнно, именно русскіе дѣятели поддерживали болгарскихъ представителей въ идеяхъ политического демократизма, вынесенныхыхъ нѣкоторыми изъ послѣднихъ прямо изъ русскихъ учебныхъ заведеній или изъ русской литературы.

Мы имѣемъ любопытный источникъ, дающій возможность прослѣдить, какъ всѣ эти элементы будущей политической жизни отразились въ умѣ князя и его придворного кружка. Я говорю о книгѣ Головина, которая имѣетъ цѣлью представить апоѳеозу князя, но мѣстами превращается, независимо отъ воли автора въ самый жестокій обвинительный актъ. По мѣрѣ того какъ авторъ подробнѣйшимъ образомъ каталогизируетъ всѣ крупныя обиды и

мелкие уколы самолюбія, испытанные княземъ со стороны русскихъ уже при первыхъ шагахъ его въ княжествѣ, мы видимъ, какъ слагается это настроение-раздраженія и болѣзненной недовѣрчивости, которое уже заранѣе лишаетъ придворный кружокъ всякой перспективы и всякаго чувства мѣры въ ихъ опасеніяхъ, подозрѣніяхъ и поступкахъ. Въ этой атмосфѣрѣ слагается легенда о томъ, какъ кн. Дондуковъ умышленно испортилъ конституцію, какъ только узналъ о неудачѣ собственной кандидатуры—испортилъ для того, чтобы сдѣлать пребываніе князя въ Болгаріи невозможнымъ. Русскіе оскорбляютъ князя; русскіе же стоятъ позади всѣхъ этихъ либераловъ, сторонящихся отъ двора и объясняющихся съ княземъ черезъ переводчика. И среди всѣхъ этихъ таинственныхъ и невидимыхъ опасностей, густымъ туманомъ окружающихъ государственный корабль князя, одна только твердая опорная точка—это приближенный кружокъ консерваторовъ, и среди нихъ одинъ голосъ сирены—Стоилова—твѣрдо указывающій кораблю его путь,—путь къ подводному камню отмѣны конституціи и „преврата“, на которомъ ему суждено разбиться.

Князь Александръ началъ свою конституціонную практику съ того, что принялъ совѣтъ Шепелева, русскаго военного атташе, составить свой первый кабинетъ изъ вождей обѣихъ враждующихъ партій,—именно Грекова, Цанкова и Каравелова. Совѣтъ игнорировалъ не только конституціонные принципы, но и болгарскую психологію. Цанковъ и Каравеловъ, зная уже по Тырновскому собранію силу своего вліянія, отказались войти въ одно министерство съ человѣкомъ, который уже въ этомъ собраніи, правильно или неправильно, составилъ себѣ репутацію измѣнича народнымъ интересамъ и человѣка запятнанного (см., напр., газету „Бѣлгарскій Левъ“). Такимъ образомъ, первый шагъ былъ и первой неудачей. Тогда князь назначилъ безцѣльнное министерство Бурмова—съ консервативной окраской. Въ тѣ нидиллическія времена болгарскіе министры еще не умѣли „дѣлать“ выборовъ, а Бурмовъ еще ухудшилъ свое положеніе тѣмъ, что отставилъ много чиновниковъ за ихъ приверженность къ либеральной партіи. Всѣ они еще усилили то настроеніе, которое и безъ того было сильно въ народѣ, и которое даже еще нельзя назвать „оппозиціоннымъ“, такъ какъ „народъ“ еще не зналъ, что избранное имъ большинство можетъ оказаться въ оппозиціи, а не у власти. Выборы дали всего 30 консервативныхъ депутатовъ изъ 170 представителей. Въ своемъ отвѣтѣ на троинную рѣчь либеральное большинство выразило порицаніе министерству Бурмова.

Во всемъ этомъ князь усмотрѣлъ только доказательство своего уже сформировавшагося мнѣнія, что съ Тырновской конституціей ему управлять невозможно. На его несчастіе, русское правительство дало ему новый совѣтъ—распустить первую выбранную болгарскимъ народомъ палату. Оно думало только попугать такимъ

образомъ болгарскихъ либераловъ; на дѣлѣ, оно только насильственно положило конецъ медовому мѣсяцу болгарской конституціонной идилліи. Болгарскіе либералы—это былъ тогда весь болгарскій „народъ“. Стоиловскій кружокъ это чувствовалъ; поэтому, не рѣшаясь еще выступить отъ своего имени, „камарилья Стоилова“ (выраженіе Т. Икономова) рѣшилась выставить впередъ митрополита Клиmentа, имѣвшаго шансы повліять на народъ своимъ духовнымъ саномъ, и Т. Икономова, хотя и примкнувшаго къ консерваторамъ въ Тырновскомъ собраніи, но уже тогда ставшагося быть безпристрастнымъ и стоять въ партії. Икономовъ записалъ въ своихъ мемуарахъ, что только опасеніе, какъ бы князь не нарушилъ конституцію, заставило его принять портфель ministra внутреннихъ дѣлъ. Онъ началъ съ заявленія, что пойдетъ по пути „чистаго и полнаго конституціонализма и полнѣйшей законности“ и будетъ „соблюдать свято и ненарушимо принятые народными собраніемъ законы“. „Потомъ я узналъ, прибавляетъ Икономовъ, что князю и его антуражу это не понравилось“. Дѣйствительно, князь поѣхалъ въ Петербургъ, на 25-лѣтній юбилей Александра II, съ рѣшеніемъ добиться русской санкціи на отмѣну конституціи. На этотъ разъ онъ не добился своего: на совѣщаніи министровъ Д. Милютинъ посовѣтовалъ князю, прежде чѣмъ мѣнять конституцію, попробовать управлять съ либералами. Совѣтъ былъ такъ естественъ, что никто не возражалъ, и болгарскому князю оставалось подчиниться.

Икономовъ, между тѣмъ, въ новыхъ выборахъ „держался корректно и нейтрально“. Послѣдствіемъ было то, что консерваторы провели еще меныше сторонниковъ, чѣмъ въ первую палату. Министерство Клиmentа оказалось въ еще большемъ меньшинствѣ, чѣмъ министерство Бурмова, и князь назначилъ министрами ненавистныхъ ему Цанкова и Каравелова.

Это былъ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ въ конституціонной жизни страны. Либеральная партія имѣла теперь ту власть, на которую она имѣла право по своему исключительному вліянію въ странѣ. Въ то время она не была даже „партией“: она была еще, какъ мы сказали,—„народомъ“, т. е. народъ не отдѣлялъ ее отъ себя—точно такъ же, какъ это было и въ предыдущемъ фазисѣ церковной борьбы, которой либералы были обязаны своимъ вліяніемъ. Положеніе было въ высшей степени благопріятное для либераловъ, но и чрезвычайно деликатное. Чтобы закрѣпить его и воспользоваться имъ вполнѣ, нужны были большие государственные таланты или большая политическая опытность. Ни того, ни другаго, на несчастье Болгаріи, у нея тогда не оказалось на лицо.

Въ собраніи важаки партіи имѣли огромное большинство: оппозиція, послѣ кассированія нѣсколькихъ выборовъ, сохранила

не болѣе 30 мѣстъ (изъ общаго числа 157 депутатовъ). Внѣ палаты, какъ только что сказано, партія пользовалась огромнымъ сочувствіемъ въ народѣ. Но это сочувствіе принесло теперь форму ожиданій, которыхъ удовлетворить не могло никакое правительство, что и привело, въ результатѣ, къ неизбѣжному разочарованію. Крестьянство повсемѣстно надѣялось, что не будетъ больше никакихъ податей: и изъ источниковъ столь различныхъ, какъ мемуары Икономова, депеша англійского консула и статьи консервативнаго „Българскаго Гласа“, мы узнаемъ, что въ этой надеждѣ поддерживали крестьянъ и сами сторонники Каравелова. „Идея, что собраніе уничтожить подати, говорится въ „Български Гласъ“ (1881, № 5), была такъ распространена и пустила такие глубокіе корни, что большая часть кметовъ даже не распредѣлили податей между населеніемъ, а денегъ, уже собранныхъ, не вносили въ казначейство“. Затѣмъ, масса земель, покинутыхъ турецкими владѣльцами во время войны, была захвачена христіанскими населеніемъ, и новые владѣльцы были увѣрены, что земли останутся за ними безвозмездно.

Къ этимъ трудностямъ, неизбѣжнымъ для всякаго правительства, присоединились такія же трудности въ самой палатѣ. Большинство было послушное, но оно было крайне неопытно въ вопросахъ законодательства и парламентской тактики,—и, по свойственной болгарамъ недовѣрчивости, оно тѣмъ съ большей настойчивостью и упорствомъ препиралось по самымъ ничтожнымъ мелочамъ и цѣлялось за формальности, „какъ слѣпой за палку“, по живописному выражению Славейкова. Пренія страшно затягивались при этихъ условіяхъ, — но, надо отдать справедливость депутатамъ: это все же были дѣловыя пренія, и собраніе въ теченіе двухъ своихъ сессій (мартъ—іюнь и ноябрь — декабрь) успѣло обсудить не менѣе 47 законопроектовъ, между которыми были и такие основные, какъ избирательный законъ, устройство администраціи, суда, финансовъ и т. д.

Нельзя не признать, что ко всѣмъ этимъ трудностямъ положенія либеральная партія прибавила трудности, созданныя ея собственными ошибками — и что именно послѣднія имѣли роковое значеніе для партії.

Первой ошибкой было, что въ то время, какъ предстояло еще закрѣпить въ общемъ сознаніи права, признанныя за народомъ Тырновскимъ великимъ собраніемъ, и, такимъ образомъ, наполнить живымъ содержаніемъ широкія рамки и формулы конституціи, вожаки партіи рѣшили, что этихъ правъ недостаточно, что эти рамки слишкомъ узки и что конституція должна быть измѣнена въ смыслѣ еще большаго демократизма. Оффиціозный органъ „Независимость“ въ первыхъ же своихъ номерахъ развилъ теорію, практическое значеніе которой сводилось къ отрицанію Тырнов-

ской конституції *). По этой теоріи, одинаково противорѣчившій и буквѣ, и смыслу Тырновской конституції, „законодательная власть принадлежить вполнѣ народному собранію“: „всѣ другія власти существуютъ въ Болгаріи единственно какъ простые исполнители закона“. Для осуществленія этой теоріи на практикѣ остается только исключить изъ конституції параграфы, которые противорѣчать этому толкованію. Князь не долженъ имѣть право откладывать и распускать собраніе; собраніе должно само собираться въ определенный день (какъ принято бельгійской конституціей). Далѣе, „вмѣсто теперешняго назначенія министровъ княземъ, съ возможностью для нихъ сопротивляться, когда захотятъ, законной власти,—и съ перспективой, въ концѣ концовъ, подчиниться всетаки народной волѣ,—вмѣсто такой бесполезной борьбы, надо не только удалить изъ конституції определенія, которые позволяютъ такое сопротивление народной волѣ, но и ввести въ конституцію определеніе, по которому министры избираются и назначаются народнымъ собраніемъ... Обыкновенное народное собраніе въ каждой сессіи, кромѣ бюджета и другихъ законодательныхъ работъ, могло бы регулярио пересматривать составъ министерства, избирать новыхъ министровъ или подтверждать старыхъ“. Эта оригинальная система—избирать министровъ, какъ община избираетъ своихъ кметовъ, была дополнена затѣмъ проектомъ о периодическихъ пересмотрахъ конституціи. Великое собраніе должно собираться для этой цѣли каждые 3—5 лѣтъ, „чтобы пересматривать, измѣнять и дополнять конституцію, контролировать дѣятельность обыкновенныхъ народныхъ собраній и обсуждать особенно важные вопросы“... „Всегда полезно—почаще пересматривать конституцію и усовершенствовать ее частными измѣненіями и дополненіями“. Несколько мѣсяцевъ спустя, „Независимости“ пришлось защищать неприосновенность Тырновской конституції отъ посягательствъ князя; но для себя „народъ“ не хотѣлъ признавать никакихъ ограниченій. Традиція общинного контроля и самоуправленія дѣлала болгарскую демократію гораздо болѣе воспріимчивой къ идеямъ референдума и прямого народного законодательства, чѣмъ къ идеямъ о княжеской прерогативѣ и равновѣсіи властей.

Приложеніе идей и привычекъ мѣстнаго демократизма началось еще ранѣе, чѣмъ можно было разсчитывать осуществить проектированные „Независимостью“ измѣненія въ конституціи. По конституціи князь назначалъ чиновниковъ и былъ начальникомъ

*) Сравнивая собственныея печатныя статьи Каравелова о конституционныхъ вопросахъ съ этими статьями „Независимости“, нельзя не прийти къ заключенію, что развивавшіяся въ послѣднихъ статьяхъ теоріи принадлежали не самому Каравелову, а наиболѣе радикальнымъ элементамъ его партіи, по отношенію къ которымъ онъ не рѣшался высказываться опредѣленно и, такимъ образомъ, находился въ извѣстной зависимости отъ нихъ.

войскъ. „Независимость“ въ своей программной статьѣ заявила, что она принимаетъ принципъ „выборнаго начала въ администраціи“ и не признаетъ регулярной арміи. „Народъ долженъ осуществлять право управления черезъ своихъ избранниковъ: пусть самъ народъ выбираетъ и назначаетъ административные органы“... „Намъ нужны сознательные борцы за осуществленіе идей всенародного освобожденія и соединенія и для обороны отъ внѣшней опасности,—а не дисциплинированные куклы для парада. Кромѣ того, исторія намъ показываетъ, что часто войска ст. казарменной дисциплиной употреблялись властолюбцами для стѣсненія и уничтоженія внутренней свободы“. Въ болѣе или менѣе прикрытої формѣ, эти тенденціи обнаруживались и въ рѣшеніяхъ собранія. Русскій военный министръ, генералъ Эриrott, согласился внести законопроектъ о народномъ ополченіи, успокоивъ князя, что изъ этого все равно ничего не выйдетъ. Но когда законъ былъ проведенъ, то особый депутатъ Стамбуловъ добился отъ собранія полумилліоннаго кредита на народную гвардію, какъ „гарантію народной свободы и безопасности“, довольно откровенно заявивъ при этомъ, что расходъ въ полмилліона на болгарскія народныя четы дастъ въ свое время возможность уменьшить на 5 милліоновъ бюджетъ военного министерства на то, что „Независимость“ называла „куклами для парада“, обученными русской дисциплинѣ.

Если подобныя подготовительныя мѣры для торжества „народныхъ правъ“ и подобное широкое толкованіе этихъ правъ по конституціи подготавляло путь для „преврата“, то подобное же дѣйствіе должно было имѣть и вообще отношеніе либерального министерства къ закону. Министерство, какъ и собраніе, слишкомъ мало стѣснялось формальностями, если онѣ мѣшали осуществленію народнаго интереса, забывая, что первый интересъ народа состоять именно въ сохраненіи законности. Хотя въ это время торжество либераловъ на выборахъ было обеспечено, тѣмъ не менѣе партія прибѣгала къ насильственнымъ мѣрамъ и фальсификаціі, чтобы обеспечить себѣ болѣе эффектный успѣхъ. Одинъ изъ самыхъ видныхъ членовъ партіи, подпредсѣдатель собранія и издатель „Независимости“, Сукаровъ—типичный представитель старой городской демократіи „еснафовъ“—славился своимъ умѣньемъ придти утромъ рано на мѣсто выборовъ, захватить въ свои руки избирательное бюро и затѣмъ пополнять избирательную урну бюллетеями изъ собственнаго рукава. Далѣе, при проверкѣ выборовъ, народное собраніе смотрѣло сквозь пальцы на самые грубые неправильности, допущенные при выборѣ членовъ ихъ партіи, и такъ же пристрастно кассировало выборы своихъ противниковъ. Большинство палаты не церемонилось съ меньшинствомъ, и это отзывалось на поведеніи предсѣдателя. Министры, въ свою очередь, не церемонились и съ большинствомъ,—и передъ закры-

тіемъ сессії удивили даже своихъ партизановъ, потребовавъ отъ нихъ чрезвычайныхъ полномочій для изданія распоряженій и правилъ на правахъ закона въ промежутокъ между сессіями. Правда, собраніе неохотно согласилось на такую неожиданную прибавку къ конституції, и позднѣе сдѣлало поправку, что даетъ эти полномочія лично Каравелову, а не вообще первому министру; но дурной precedentъ былъ созданъ, и его значеніе только подчеркнуто послѣднимъ разъясненіемъ.

При готовомъ уже и заранѣе принятомъ рѣшеніи князя—изъмнить конституцію, всѣ элементы конфликта были теперь на лицо. Со стороны Россіи, если пока не было поощренія, то не могло быть и препятствій. Уже по поводу толковъ о распущеніи княземъ первого собранія, Россія офиціально объявила (въ „Правительственномъ Вѣстнике“), что болгарская конституція не состоитъ подъ русскимъ покровительствомъ, обсужденна и прината болгарами совершенно свободно и единственное участіе Россіи заключалось при ея обсужденіи въ „совѣтахъ умѣренности по поводу вопросовъ о свободѣ печати и правѣ собраній“ (см. выше). Далѣе, послѣ совѣщаній съ княземъ въ Петербургѣ, Гирсь послалъ русскому дипломатическому представителю въ Софії інструкцію, въ которыхъ, наряду съ совѣтами до послѣдней крайности избѣгать переворота, были и указанія, какъ помочь князю въ случаѣ, если онъ всетаки рѣшился на переворотъ. Содержаніе этой інструкціи было извѣстно какъ князю, такъ и либераламъ. Первый принялъ ихъ за офиціальное одобрение переворота Россіей и началъ въ этомъ смыслѣ агитацию въ княжествѣ. На почвѣ недовольства, созданного въ населеніи управлениемъ либерального министерства, консерваторамъ удалось кое-гдѣ организовать подачу адресовъ князю и выборъ депутатій съ жалобами на положеніе дѣлъ. Въ Системѣ дошло даже до вооруженнаго столкновенія между сторонниками обѣихъ партій. Консервативныи газеты (Бѣлгарски Гласъ, Бѣлгаринъ) всячески старались представить это настроеніе господствующимъ. Съ другой стороны, въ либеральномъ органѣ министерства увѣренность въ невозможности переворота уступала мѣсто все болѣе тревожнымъ опасеніямъ. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда аттентатъ 1 марта 1881 г. подалъ сигналъ къ настоящей травлѣ болгарскихъ „нигилистовъ“ консерваторами. Князь Александръ немедленно поѣхалъ въ Россію и на этотъ разъ привезъ оттуда полное одобрение переворота. 22 апрѣля появился извѣстный княжескій манифестъ, которымъ объявлялось рѣшеніе князя „вернуть корону и судбу Болгаріи въ руки новаго великаго собранія“; въ ожиданіи же, пока оно соберется, назначалось временное министерство Эрнрота. Двѣ недѣли спустя князь опубликовалъ и условія, на которыхъ онъ готовъ принять опять корону отъ великаго собранія, именно:

- 1) чрезвычайные полномочія на 7 лѣтъ, для введенія „улучшений“

во всѣхъ частахъ управлениѧ” и для учрежденія сената; 2) отсрочка очередного народнаго собранія и принятіе на этотъ годъ прошлогодняго бюджета; 3) право созвать до окончанія семилѣтняго срока другое великое собраніе для пересмотра конституціи на основаніи вновь введенныхъ учрежденій и пріобрѣтенаго опыта.

Тотчасъ послѣ этого началась избирательная агитация для будущаго великаго собранія, которое на этотъ разъ должно было собраться не въ вѣрномъ либераламъ Тыровѣ, а въ Свиштовѣ (Систовѣ), гдѣ консерваторы имѣли сторонниковъ. Данковъ высказывалъ увѣренность, что депутаты изберутъ другого князя и усердно разсыпалъ телеграммы къ имп. Александру, гр. Игнатьеву, къ Гладстону, Маичини и т. д. „Независимость“ печатала рѣзкія статьи, о тойъ которыхъ можно судить по тому, что уже въ ближайшемъ номерѣ послѣ выхода княжескаго манифеста газета перечисляла (въ фельетонѣ) государей, совершившихъ перевороты и поплатившихся за это жизнью или положеніемъ: Карла I, Людовика XVI, Луи-Филиппа и т. д. Въ провинціи манифестъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе: назначенные либеральной партией чиновники готовы были агитировать противъ князя. Не смотря на все это, благопріятный для князя успѣхъ выборовъ былъ обеспеченъ. Если еще могло быть какое-нибудь колебаніе среди населения, пока дѣло шло о выборѣ между княземъ и либералами, то всякия колебанія прекращались, какъ только выяснилось, что дѣло идетъ о выборѣ между либералами и Россіей. Русскій агентъ Хитрово лично разъѣзжалъ по странѣ вмѣстѣ съ княземъ и вездѣ говорилъ къ народу рѣчи, въ которыхъ убѣждаль населеніе изъ благодарности къ Россіи голосовать за сторонниковъ князя. Съ этой же цѣлью разъѣзжалъ по странѣ эзархъ Іосифъ, раздраженный церковными реформами, которыя Цанковъ проводилъ въ собраніи. Въ разговорѣ съ Лассельсомъ эзархъ выражалъ полную увѣренность, что 90% населения подастъ голоса за князя, если не будетъ на нихъ оказано давленія. О послѣднемъ позаботился Эриrottъ, издавъ указъ, по которому чиновникамъ и жандармамъ, принимавшимъ участіе въ выборахъ, грозилъ военный судъ и смертная казнь. Обезпечивъ себя такимъ образомъ отъ либерального вліянія на выборы, правительство закрыло за собой это вліяніе путемъ назначенія особыхъ комиссаровъ (изъ русскихъ офицеровъ) для руководства выборами. Въ результатѣ всѣхъ настроений и вліяній выборы дали 304 сторонника князя и только 25 либераловъ, которые при томъ не рѣшились явиться въ великое собраніе. Сельскій элементъ преобладалъ и разсчитъ консерваторовъ, что селяне окажутся податливѣе городской интеллигентіи, господствовавшей въ Тыровскомъ великомъ собраніи, на этотъ разъ вполнѣ оправдался. Собрание приняло единогласно, раг

acclamation, всѣ условія князя Александра и было распущено въ тотъ же день.

Управлять, однако, приходилось съ интеллигентіей, а не съ селянами,—и тутъ кончались всѣ блестящіе триумфы князя. Кучка консерваторовъ, которая натолкнула его на переворотъ, не могла воспользоваться его послѣдствіями по причинѣ крайней своей малочисленности и общей вражды къ консерваторамъ, которая теперь еще болѣе усилилась въ результатахъ переворота. По словамъ такого горячаго приверженца Александра, какъ Головинъ, князь сдѣлался въ этомъ случаѣ жертвой своей довѣрчивости и незнанія людей и отношеній въ Болгаріи. „Что касается консерваторовъ, продолжаетъ тотъ же писатель, — они дѣйствовали какъ партія, для которой всѣ средства хороши, только бы служили цѣлямъ и могуществу партіи. Они слишкомъ переоцѣнили свои силы, свое вліяніе въ странѣ и, такимъ образомъ, ввели въ заблужденіе Александра, нисколько не заботясь, въ сущности, ни о немъ, ни о государственныхъ интересахъ, а исключительно о своихъ собственныхъ“. Связь этой кучки съ Хаджиеновыми, болгарскими „предпріемачами“, который захотѣлъ сдѣлаться грюндѣромъ на европейской манерѣ,—сообщала всей компаніи особенно одиозный характеръ въ глазахъ населенія, особенно недовѣрчиваго именно въ денежныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, не могло быть двухъ мнѣній о томъ, какого рода люди завладѣли положеніемъ послѣ „преврата“: честные консерваторы, какъ Икономовъ, совершили въ этомъ случаѣ сходились съ крайними либералами на мнѣніи, которое мы только-что привели словами Головина.

При такомъ положеніи дѣла, немудрено, что у переворота, въ сущности, не оказалось программы, если не считать программы—возстановленіе сената, отвергнутаго Тырновскими представителями. Самое сильное осужденіе „преврата“ именно и заключалось въ томъ, что, получивъ власть, князь не зналъ, что съ нею дѣлать, и весь вопросъ о политическихъ реформахъ свелся къ одному этому боинку политического доктринерства — къ вопросу о верхней палатѣ. Дальнѣйшіе шаги въ реформѣ государственныхъ учрежденій явились уже результатомъ того, что, несмотря на превратъ, побѣда консерваторовъ оказалась неполной.

„По какому-то необъяснимому роковому стечению обстоятельствъ“, писали члены кружка въ своей запискѣ князю, поданной вѣсомъ позднѣе (см. ниже), „всякій разъ, какъ власть бывала въ рукахъ этой (консервативной) партіи и когда она принималась за столь трудное дѣло — внутренней организаціи страны, власть эта, въ силу однѣхъ и тѣхъ же причинъ, ускользала изъ ея рукъ, и лица, замѣщавшія представителей этой партіи, задавались цѣлью разрушить все то, что успѣвали создать изъ предшественники“. Фактъ здѣсь указанъ совершенно вѣрно, — но въ немъ нѣтъ ничего „необъяснимаго“. Объясненіе заклю-

чается именно въ томъ, что кружокъ руководился слишкомъ личными мотивами и не имѣлъ никакой почвы въ странѣ. Такимъ образомъ, даже и самъ князь, получивши „полномочія“, которыхъ добивался кружокъ, счелъ долгомъ въ тотъ же день объявить народу, что онъ вовсе не противъ свободы и конституціи, и обѣщалъ по прежнему созывать народное собраніе, — особенно для обсужденія финансовыхъ вопросовъ. Это заявленіе князя было средствомъ показать, что онъ стоитъ выше партій; но это же и положило начало тому „ускользанію власти“ изъ рукъ консерваторовъ, которое закончилось возстановленіемъ Тырновской конституціи.

Уже при самомъ первомъ приступѣ къ реформѣ политическихъ учрежденій оказалось, что консерваторы всей своей программы провести не могутъ и что имъ совершенно не на кого опереться. Лица, приглашенныя обсудить вопросъ о государственномъ совѣтѣ, прежде всего заговорили о томъ, что въ совѣтѣ необходимо ввести членами Славейкова и Каравелова, и хотѣли затѣмъ получить гарантіи противъ дальнѣйшихъ „капризовъ“ власти (созвѣщеніе Дринова съ Икономовымъ). Предсѣдателемъ совѣта пришлось назначить того самого Икономова, который протестовалъ противъ „преврата“ подачей отставки. Войдя въ совѣтѣ противъ своей воли, Икономовъ хотѣлъ ввести туда понемногу либераловъ и практически доказать князю, что въ „полномочіяхъ“ нѣть никакой нужды. Только непримиримость либераловъ, не хотѣвшихъ слышать о признаніи преврата и ставившихъ упорно вопросъ объ изгнаніи князя, помѣшала этой попыткѣ примиренія.

Естественно при такомъ настроеніи, что государственный совѣтъ, составленный при томъ изъ лицъ выборныхъ и только на четверть (4 члена изъ 12) изъ лицъ, назначенныхъ княземъ, не удовлетворилъ ожиданій Начевича и его друзей. Они ожидали найти въ совѣтѣ слѣпое орудіе, законодательную машину, а нашли контролера и защитника „основныхъ законовъ“, не останавливавшагося передъ протестами противъ такихъ пріемовъ консервативного министерства, какъ изгнаніе Цанкова безъ суда, незаконные аресты, нарушеніе тайны корреспонденцій, насильственные мѣры противъ митинговъ и т. д. Князю наговорили, что совѣтъ поддерживаетъ либеральную агитацию. Противъ этой агитации и рѣзкихъ статей либеральныхъ газетъ, перенесенныхъ теперь изъ княжества въ Румелію и оттуда разсыпавшихся контрабандой, противъ враждебно настроенного этими газетами общественаго мнѣнія, консерваторы чувствовали себя безсильными. Между тѣмъ, самая опасная, — открытая и гласная борьба — еще была впереди. Согласно княжескому обѣщанію, предстояло созвать народное собраніе. Безъ его участія нельзя было решить никакихъ финансовыхъ вопросовъ, а именно эти вопросы — и преимущественно вопросъ о желѣзнодорожныхъ концессіяхъ — интересовалъ

кружокъ. Конечно, можно было своими силами составить новый избирательный законъ, замѣнить прямые выборы—двустепенными, но лучше чѣмъ кто-либо другой консерваторы знали, что въ Болгаріи успѣхъ на выборахъ зависитъ не столько отъ закона, сколько отъ способа его примѣненія. Выборы въ Свиштовское великое собраніе прѣвели русскіе люди, Хитрово и Эрнротъ; и послѣднему—лояльному, честному финляндцу—доставшаяся на его долю роль была настолько противна, что немедлено по полученіи княземъ полномочій онъ подалъ въ отставку, и никакія увѣщанія не могли заставить его остатся на болгарской службѣ. Теперь консерваторы рѣшились опять отдать эту неблагодарную роль какому-нибудь русскому генералу,—или ужъ лучше двумъ генераламъ: кроме военного министерства, также и министру внутреннихъ дѣлъ, которому Начевичъ великодушно уступалъ свой портфель. Подъ 24 февраля 1882 Икономовъ записывается въ своемъ дневникѣ, что „князю уже внушена подобная мысль (о русскомъ министрѣ) и для ея осуществленія ждутъ только удобной минуты“.

Черезъ два мѣсяца мысль эта была приведена въ исполненіе. Князь сѣдицъ въ Россію и вернулся оттуда съ русскими министрами Каульбарсомъ и Соболевымъ. Послѣднему была указана княземъ въ общихъ чертахъ и его будущая программа. Онъ долженъ поддержать консервативное министерство — преимущественно въ вопросѣ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, и такъ составить народное собраніе, чтобы оно вотировало, „какъ рота солдатъ“. Съ приѣздомъ русскихъ генераловъ, консерваторы почувствовали себя настолько сильными, что рѣшились вместо умѣренного консервативного министерства составить ярко-консервативное, съ участіемъ главныхъ вождей кружка, до сихъ поръ скрывавшихся за придворными кулисами. Новое министерство въ концѣ юла выработало проектъ избирательного закона и уѣдило Соболева подписать его. По словамъ послѣдняго, этотъ законъ былъ составленъ при содѣйствії Себастіана,—француза, участвовавшаго въ знаменитомъ наполеоновскомъ переворотѣ 2 декабря. По замѣчанію того же Соболева, законъ былъ „составленъ ловко“ и „его примѣненіе глубоко обдумано“. „Я былъ убѣждѣнъ, говорить онъ, что какой бы хитрый законъ ни былъ придуманъ княземъ и его партіею, если только въ выборы не будетъ вмѣшано насилие, выбраны будутъ тѣ, за коихъ будетъ стоятьѣ истинительное большинство“. „Я его подписалъ, ибо онъ еще самъ по себѣ, при честномъ его примѣненіи, не могъ нанести большого ущерба народу“. Но самъ же Соболевъ принужденъ былъ признать, „что при выборахъ въ депутаты III обыкновенного собранія — осенью 1882 г.—онъ былъ не въ силахъ исполнить своего обѣщанія (соблюдать законъ)“. Выборы были „бѣланы“, какъ того хотѣли консерваторы. Вновь созданная режимомъ „полномочій“ драгунская полиція, подъ командой русскихъ офицеровъ,

запугала избирателей. Ихъ 59 депутатскихъ мѣстъ, которыми ограничено было народное собраніе по новому закону, не менѣе 49 были заняты сторонниками правительства. Имущественный и образовательный центръ, введенный закономъ, имѣлъ послѣдствіемъ то, что избраны были люди „съ независимымъ общественнымъ положеніемъ“, какъ выразился князь, открывая (11 дек.) собраніе — или сторонники старой „чоргаджійской партіи“, какъ выражались ихъ противники. Только случайно въ областяхъ, населенныхъ по преимуществу турками, откуда никакого сопротивленія не ожидалось, было выбрано нѣсколько оппозиціонеровъ. Казалось, обстоятельства сложились теперь какъ нельзя благоприятнѣе для консерваторовъ. Однако, именно въ этотъ моментъ, торжествующій кружокъ встрѣтилъ противодѣйствіе, гдѣ не ожидалъ; и это противодѣйствіе было толчкомъ къ исходу, которого тоже не ожидалъ никто. Противодѣйствіе партіи „эксплуататоръ Болгаріи“ оказалъ самъ призванный защищать ихъ интересы генераль Соболевъ; а послѣдствіемъ его вмѣшательства во внутреннія дѣла княжества было, что всѣ внутренніе раздоры прекратились, и партія послѣдили возстановить Тырновскую конституцію, только бы не видѣть „чужденцовъ“ эксплуатирующими режимъ полномочій. Мы укажемъ только главные моменты этого любопытнаго превращенія, не менѣе важнаго для пониманія послѣдующей политической жизни Болгаріи, чѣмъ самыи „превратъ“.

Первымъ этапомъ на этомъ пути былассора Соболева съ консервативнымъ министерствомъ, въ рукахъ которого онъ вовсе не хотѣлъ быть слѣпымъ орудіемъ. Ссора произошла какъ разъ изъ-за того вопроса, для решенія которого генераль былъ призванъ въ Болгарію: о желѣзнодорожной сѣти. Князь и консерваторы находили, что вовсе не дурно, если барыши отъ построекъ попадутъ въ болгарскій карманъ Хаджиенова, вмѣсто Полякова и Гинцбурга; они, какъ потомъ и народное собраніе, находили, что небольшая бѣда, если мѣстный предприниматель попользуется изъ отечественнаго кармана немножко больше, чѣмъ досталось бы европейскому синдикату. На несчастіе болгарскихъ консерваторовъ, этимъ патріотическимъ предпринимателемъ былъ ихъ политический другъ, который поддерживалъ ихъ газеты, оплачивалъ расходы по выборамъ — и даже по содержанію единомысленныхъ депутатовъ въ лучшей софійской гостиницѣ... Русскій генераль „чикилистъ“ называлъ это „эксплуатацией народа“ и ополчился на защиту послѣдняго отъ болгарскихъ патріотовъ.

Тогда министры перенесли борьбу противъ русскаго генерала въ *Народное собраніе*. При всей своей покорности, это собраніе имѣло, однако, свои мнѣнія и защищало ихъ не безъ темперамента. Съ тѣмъ же патріотизмомъ, съ какимъ оно согласилось направить предпринимательскіе барыши въ болгарскій карманъ, — оно очень энергично боролось противъ права министровъ безконтрольно рас-

ходовать деньги и довело Грекова до патетического восклицанія: „Вы хотите къ каждому изъ настъ приставить по дюжинѣ жандармовъ, чтобы мы какъ-нибудь не укралі пятидесяти франковъ“. Нетрудно было найти почву, на которой этотъ азартъ собранія можно было использовать противъ русскихъ министровъ. Это былъ вопросъ о тѣхъ самыхъ драгунахъ, благодаря которымъ нѣкоторые изъ ораторовъ попали въ эту камеру. Вопросъ о драгунахъ сдѣлался для III-го собранія такимъ же центральнымъ пунктомъ борьбы противъ правительства (князь въ данномъ случаѣ раздѣлялъ мнѣніе русскихъ министровъ), какимъ для II-го собранія былъ вопросъ о регулярной армії. Собрание рѣшило замѣнить драгуновъ поліціей, находящейся въ вѣдѣніи гражданскихъ властей, и зачеркнуло въ бюджетѣ ассигновку на драгуновъ. Какъ прежде, собраніе объявило, что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ неприкосновенность личности и собственности болгарина. Это не помѣшало Соболеву, по окончаніи сессіи, потребовать отъ товарищѣ-министровъ ассигновки на драгунъ изъ бюджета всѣхъ министерствъ и провести это рѣшеніе отъ имени князя въ государственномъ совѣтѣ, который, съ выходомъ въ отставку Икономова, окончательно потерялъ всякую самостоятельность и всякое значеніе. Вслѣдъ затѣмъ Соболевъ, почти доведшій коллегъ до отставки по этому вопросу, далъ имъ отставку по другому вопросу, болѣе случайному.

Эта побѣда повела къ окончательному пораженію Соболева, такъ какъ, очутившись въ отставкѣ, консервативные министры очень скоро возвстановили противъ него князя. Это и было третьей и послѣдней стадіей въ исторіи русскихъ министровъ. Цѣли своей консерваторы очень легко достигли, подавъ князю ловко написанную записку. Въ ней доказывалось, что русскіе генералы вызвали своими дѣйствіями патріотическое раздраженіе въ странѣ; что ихъ дальнѣйшія дѣйствія несомнѣнно будутъ клониться къ союзу съ либеральной партіей, что послѣдняя, завладѣвъ мѣстами въ городскихъ и окружныхъ совѣтахъ, добьется въ концѣ концовъ пересмотра конституціи въ свою пользу и, чего добраго, еще уменьшить княжескую прерогативу сравнительно съ Тырновской конституціей, такъ что князю останется „царствовать, но не управлять“. Въ то же время, реакція противъ русскаго режима поведетъ къ охлажденію отношеній между Болгаріей и Россіей, что можетъ привести къ полному господству Россіи. Чтобы избѣгнуть всего этого, князю остается—самому стать во главѣ национального движенія, созвать собраніе и обратиться къ нему съ вопросомъ о прекращеніи режима полномочій; при этомъ надо „воспользоваться первымъ удобнымъ поводомъ, чтобы вызвать отставку генераловъ“.

Надо признать, что записка эта, поданная князю Стоиловыми, Грековыми и Начевичемъ, вѣроятно, въ мартѣ 1883 г., свидѣтель-

ствует объ очень тонкомъ пониманіи тогдашняго положенія вѣщей. Соболевъ, получившій ее тогда же отъ князя, далеко не оцѣнилъ, какъ слѣдовало, ея содержанія,—какъ видно изъ его примѣчаній, съ которыми, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ напечаталъ эту записку въ „Русской Старинѣ“ (1886, кн. IX). Онъ продолжалъ во всякомъ случаѣ, и при томъ съ удвоенной энергией, вести ту самую линію—непосредственнаго и незамаскированнаго вмѣшательства Россіи во внутреннія дѣла Болгаріи,—которая была предусмотрѣна консерваторами и исходъ которой также былъ ими предсказанъ.

Князь, однако же, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, не рѣшился сразу послѣдовать совѣтамъ, которые давали консерваторы. Онъ предварительно попробовалъ воспользоваться старымъ средствомъ и удалить генераловъ изъ Болгаріи путемъ личныхъ просьбъ въ Россіи, куда онъѣхалъ лѣтомъ 1883 г. для присутствія на коронації имп. Александра III. Тамъ, однако, онъ встрѣтилъ совсѣмъ иное отношеніе къ себѣ, чѣмъ привыкъ встрѣчать раньше. Въ донесеніяхъ русскихъ генераловъ его поведеніе въ Болгаріи изображалось, какъ дружественное Австріи и враждебное Россіи; по тѣмъ же донесеніямъ вліяніе князя въ странѣ представлялось ничтожнымъ, а вліяніе русскихъ—безграниценнымъ. На этихъ данныхъ была построена въ Россіи новая политика по отношенію къ княжеству: политика союза съ либералами и съ общественнымъ мнѣніемъ страны противъ князя. Проводить эту политику должны были генералы, а ихъ орудіемъ должна была служить военная сила, находившаяся въ ихъ рукахъ. Все это князь узналъ, вернувшись въ Софію, отъ самого русскаго дипломатическаго агента Іонина, въ выраженіяхъ, которыхъ совсѣмъ не походили на дипломатическія, но на которыхъ, по его словамъ, русскій агентъ былъ уполномоченъ своимъ правительствомъ.

Такой языкъ заставилъ князя быстро рѣшиться принять рекомендованную консерваторами программу и повести дѣло къ возвратленію Тырновской конституції собственной властью. Въ то же время русскіе генералы вели дѣло къ возвратленію конституціи либералами, въ новомъ учредительному собраніи, при русскомъ прямомъ содѣйствіи. Такимъ образомъ, либералы, послѣ нѣсколькихъ годовъ преслѣдованія, вдругъ сдѣлались предметомъ усиленнаго ухаживанія съ двухъ сторонъ. Это послужило толчкомъ къ раздѣленію въ самой средѣ либераловъ: одни, болѣе умѣренные и податливые, съ Цанковымъ во главѣ, склонялись къ княжеской программѣ; другіе—болѣе принципіальные и несговорчивые, предпочитали держаться революціонной программы, не исключавшей низложенія князя, во имя народнаго верховенства, силой войска и при содѣйствіи Россіи.

По мѣрѣ того, какъ обнаруживались успѣхи княжеской политики, дѣйствія Іонина и генераловъ становились все болѣе рѣ-

шительными. Объ стороны спѣшили предупредить другъ друга. На второе сентябрь назначено было открытие второй сессіи III народного собранія, пополненного либералами на дополнительныхъ выборахъ. За нѣсколько дней до этого, 30 августа, князь потребовалъ отъ Соболева, чтобы тотъ подалъ въ отставку, Соболевъ отказался уйти безъ разрѣшенія государя, а Іонинъ немедленно потребовалъ отъ князя, чтобы предстоящее собраніе было ограничено въ своей программѣ экстренными дѣлами, а для пересмотра конституції создана особая комиссія, до принятія решеній которой (на Великомъ собраніи) власть должна была оставаться въ рукахъ генераловъ. Князь публиковалъ того же числа манифестъ въ этомъ смыслѣ, но одновременно телеграфировалъ государю, что дѣлаетъ это по принужденію, вопреки личному мнѣнію (Ионинъ грозилъ русскимъ военнымъ вмѣшательствомъ). Отъ собранія зависѣло теперь—стать на сторону генераловъ или князя, т. е. ограничиться обсужденіемъ специальныхъ вопросовъ, или вмѣшаться въ общее политическое положеніе. Цанковъ подавалъ надежды генераламъ на первое, но подъ рукой сообщалъ политическимъ друзьямъ и соперникамъ, что дѣло стоитъ серьезно, что Соболевъ потребуетъ отъ великаго собранія—если допустить его вызовъ—изложенія князя и десятилетнаго протектората Россіи.

Въ виду такой перспективы между консерваторами и сторонниками Цанкова состоялись тайные совѣщенія, результатъ которыхъ для генераловъ оказался полнымъ сюрпризомъ. Вмѣсто отказа присягнуть режиму полномочій—чего они ожидали отъ вновь избранныхъ либераловъ собранія—Цанковъ съ товарищами не только присягнули, но въ отвѣтъ на тронную рѣчь обратились къ князю съ прямой просьбой: возстановить конституцію манифестомъ и при этомъ указать пункты, требующіе пересмотра и измѣненій съ тѣмъ, чтобы пункты эти разсмотрѣло то же самое собраніе (которое для этого должно было быть изъ экстреннаго обращено въ обычное). Прежде чѣмъ успѣли опомниться русскіе генералы, князь удовлетворилъ просьбу собранія, указавъ въ новомъ манифестѣ, 7 сентября, только на параграфы 13 и 14 (о народномъ представительствѣ), какъ на подлежащіе измѣненію. Режимъ „полномочій“ былъ формально законченъ безъ русскаго посредничества, а съ режимомъ покончилась и роль русскихъ генераловъ въ Болгаріи. Послѣ нѣкото-раго колебанія они подали въ отставку и уѣхали въ Россію.

Такъ кончился этотъ „превратъ“, не принесшій никому пользы и ослабившій, такъ или иначе, всѣ политические элементы, участвовавшіе въ его ходѣ и исходѣ. „Превратъ“ ослабилъ положеніе князя, такъ какъ вопросъ объ отречении отъ престола, поднятый самимъ княземъ передъ Систовскимъ собраніемъ, съ этихъ поръ уже не сходилъ со сцены. Ослаблена

была также и либеральная партія, такъ какъ народъ болгарскій былъ поставленъ въ необходимость выбирать между либералами и Россіей, а затѣмъ сами либералы поставлены въ необходимость выбирать между Россіей и княземъ. Первое повело къ потерѣ обаянія, которымъ либералы пользовались въ первые годы политической жизни въ Болгаріи. Уже въ маѣ 1881 британскій вице-консулъ Броффи пишетъ изъ Варны, что болгарскій „данко-платель“ относится съ известнымъ скептицизмомъ къ либераламъ, считая, что какая бы партія ни побѣдила, цѣль ихъ одна: обезпечить своимъ партизанамъ правительственные должности и набивать карманы. Съ тѣхъ порь этотъ взглядъ постепенно вытеснялъ традиціонное уваженіе къ либеральнымъ вождямъ, вынесенное „народомъ“ изъ предыдущаго періода церковной борьбы. Второе обстоятельство — т. е. необходимость выбирать между княземъ и Россіей — разссорило либераловъ между собою, раздѣливъ ихъ на умѣренную группу послѣдователей Цанкова, боровшуюся противъ русскаго вліянія въ союзѣ съ княземъ, и радикальную группу Каравелова, Славейкова, Сукнарова и Стамбулова, боровшуюся противъ князя въ союзѣ съ русскими представителями. Тріумвиратъ консерваторовъ (Стоиловъ, Грековъ и Начевичъ), вслѣдствіе неудачи преврата, на время совершенно стушевался. Наконецъ, ослабленнымъ вышло изъ переворота и вліяніе Россіи, возбудившей противъ себя всѣ партіи, во первыхъ, своимъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла княжества, а, во вторыхъ, тѣми, по выраженію Икономова, „военно-помѣщичими пріемами“, какими проводилось это вліяніе безъ малѣшаго вниманія къ національной щекотливости болгарскихъ патріотовъ. Партіи научились пользоваться Россіей въ своей борьбѣ другъ противъ друга, при чемъ ихъ дѣйствительное отношеніе къ Россіи выражалось въ томъ недовѣрчивомъ настроении, которое формулировано знаменитыми словами Цанкова въ его обращеніи къ Хитрово: отъ Россіи не нужно болгарамъ „ни меда, ни жала“ *). Такъ подготавлялось то настроеніе, которое достигло своей высшей точки вслѣдствіе дальнѣйшихъ дѣйствій Россіи относительно князя, — и которое связано въ исторіи съ именемъ Стамбулова.

Первымъ министромъ князя послѣ преврата сдѣлался Цанковъ, вмѣстѣ съ членами тріумвирата Стоиловымъ и Начевичемъ, съ которыми онъ вошелъ въ „компромиссъ“. Вмѣстѣ съ депутатами III собранія (2 сессіи) они прежде всего поспѣшили

*) Перемѣна въ отношеніи къ Россіи очень ярко изображается въ слѣдующихъ словахъ Захарія Стоянова (въ „Независимости“): въ Македоніи, гдѣ не было Эрнротовъ и Ремлингеновъ (русскій военный министръ послѣ), русскій царь — самъ Господь. Въ Румеліи онъ уже — только св. Петръ; а въ Болгаріи, гдѣ знаютъ дѣло близко — онъ просто царь.

закрѣпить положеніе противъ возможныхъ дѣйствій со стороны Россіи. Послѣ заявленія Іонина, что въ его рукахъ 125 бюро либеральной партіи, которая ждутъ только одного его слова, чтобы подать петицію о низложении князя, — князю оставалось только послѣдить уничтожить то средство, которымъ съ 1881 года приводилась въ движение избирательная машина: упразднить тотъ драгунскій корпусъ, который собственно уже былъ предположенъ къ упраздненію народнымъ собраніемъ, нодержанъ княземъ и генералами при помощи государственного совѣта. Загѣмъ, въ Софії были положительно убѣждены, что Каульбарсъ сдѣлалъ уже попытку низложить князя при помощи войска и что только преданность нѣсколькихъ офицеровъ спасла князя на этотъ разъ. Отсюда вытекала необходимость отнять у русскихъ военныхъ министровъ то исключительное положеніе, которое они имѣли до тѣхъ поръ по отношенію къ князю и къ конституціонному министерству. Князь долженъ быть быть возстановленъ въ своемъ конституціонномъ правѣ — быть непосредственнымъ начальникомъ войска, а военный министръ — сведенъ къ роли отвѣтственного члена кабинета. Народное собраніе приняло рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, но телеграммой государя приведеніе въ исполненіе этого рѣшенія было отсрочено до пріѣзда нового русского уполномоченнаго, барона Каульбара (брата отставленнаго только что министра). Этимъ же моментомъ министерство воспользовалось, чтобы провести въ народномъ 'собраніи отмѣну закона II собранія о народномъ ополченіи — какъ „не соотвѣтствующаго положенію страны и духу времени“. То же собраніе рѣшило постройку „интернаціональной“ желѣзодорожной линіи, имѣвшей соединить Вѣну съ Константинополемъ; генералы тормозили выполненіе этого международнаго обязательства Болгаріи, стараясь провести постройку русской „стратегической“ линіи, которая бы связала столицу и Балканы съ Дунайскими крѣпостями. Регулированъ былъ и вопросъ о русскомъ оккупационномъ долгѣ, которымъ русская дипломатія пользовалась для произведенія давленія на Софійское правительство.

У крайней либеральной группы были свои основанія не одобрять дѣятельность III-го народнаго собранія, столь непріятную и русскимъ дипломатамъ. Въ манифестахъ князя о возстановленіи законнаго порядка всѣ либеральные вожди, кромѣ Чакова, видѣли только новую угрозу по адресу Тырновской конституціи. Если эта конституція дѣйствительно возстановлялась, говорили они, то это должно быть сдѣлано во имя ея самой, въ строго конституціонныхъ формахъ, а не во имя полномочій князя. III-е собраніе, съ точки зренія Тырновской конституціи, было незаконно и не имѣло вообще даже права засѣдатъ, а не только права обсуждать измѣненія въ конституціи. Нельзя было также, съ этой точки зренія, возстановлять конституцію и сохранять существованіе та-

кихъ учрежденій, какъ государственный сенатъ, или такихъ законовъ, какъ ограничительные законы о печати и митингахъ—учрежденій и законовъ, вседѣло обязаннныхъ своимъ возникновеніемъ „режиму полномочій“. Теперь, когда генералы были отставлены, наиболѣе рѣшительные изъ либераловъ опять готовы были взять сторону генераловъ противъ князя. Стамбуловъ прислалъ изъ Тырнова телеграмму („Съзнанье“, № 25, 16 сент. 1883), въ которой привѣтствовалъ Соболева и Каульбарса, какъ „истинныхъ защитниковъ правды и свободы, доказавшихъ своей отставкой, что они понимаютъ, что такоѣ справедливость и легальность, и не подчинятся беззаконію и произволу, откуда бы они ни исходили“. Словомъ, эта группа не хотѣла отступить отъ той позиціи, которая еще въ 1882 г. (окт. 8) была формулирована въ ихъ органѣ „Независимости“ (пловдивское изданіе) слѣдующими словами: „если принцъ Баттенбергъ желаетъ быть княземъ болгарскому, какимъ мы его избрали... пусть управляетъ конституціонно, какъ клялся сначала... Иначе пусть онъ не заблуждается, что сможетъ удержаться на болгарскомъ престолѣ... его ждетъ позорное изгнаніе“.

Такое положеніе, занятое либералами по отношенію къ манифесту князя, дѣлало ихъ естественными союзниками Іонина. Русскіе генералы передъ отставкой тоже протестовали противъ сохраненія въ силѣ III-го народнаго собранія, какъ неконституціоннаго, и хотѣли немедленнаго созыва Великаго собранія, на которомъ могъ возникнуть вопросъ о низложеніи князя. Катковъ писалъ въ это время въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, что для балканскихъ державъ всего лучше сдѣлаться республиками подъ управлениемъ президентовъ, покровительствуемыхъ Россіей. Въ свою очередь либеральная партія, въ тогдашнемъ (1883) своемъ органѣ „Съзнанье“, хотя и принимала девизъ „Болгарія для Болгаріи“, но въ то же время признавала за Россіей право „дирижировать“ болгарской вѣшней и военной политикой; и, объявляя себя противъ всякаго русскаго вмѣшательства во внутреннія дѣла, „Съзнанье“ находило, однако, совершенно „естественнымъ и обыкновеннымъ“ такое вмѣшательство: 1) въ случаѣ ошибочнаго пониманія русскими агентами своей роли и 2) въ случаѣ, если будетъ поколеблено право Россіи управлять вѣшней и военной политикой. Но первое, утверждала газета, больше не повторится, а второе вызвано дѣйствіями князя и Цанкова. Заранѣе оправдывая, такимъ образомъ, вмѣшательство Россіи, либералы только выражали надежду, что „наша Освободительница не дойдетъ до крайности“. Припомнить, что какъ разъ въ это время происходилъ конфликтъ съ Россіей по вопросу о положеніи въ Болгаріи русскаго военнаго министра и русскихъ офицеровъ. Конфликтъ разрѣшился компромиссомъ, при которомъ обѣ стороны остались,

въ сущности, при своемъ, но фактически болгарская точка зре-
нія взяла верхъ.

Таково было положеніе, при которомъ народное собраніе, временно отсрочившее свои засѣданія, собралось вновь. „Компромиссъ“ Цанкова съ консерваторами и трудное положеніе относительно Россіи взволновали либеральную партію и заставили ее колебаться между противоположными рѣшеніями: принципіально-конституціоннымъ и патріотически-національнымъ. Партія собиралась трижды для рѣшенія внутреннихъ споровъ: въ Тырновъ, Рущукъ и, наконецъ, въ Софіи. Противники Цанкова настаивали, чтобы III-е собраніе закрылось раньше, чѣмъ будетъ разсмотрѣнъ бюджетъ и тѣ измѣненія въ конституції (о народномъ представительствѣ), о которыхъ упоминалось въ княжескомъ манифестѣ. Затѣмъ должно было быть созвано Великое собраніе. На это Цанковъ возражалъ, что желательныя измѣненія только и могутъ быть проведены въ этомъ собраніи, и намекалъ, со словъ князя, что во всякомъ случаѣ они останутся безъ примѣненія до Великаго собранія, которое будетъ собрано черезъ три или четыре года, когда все успокоятся, такъ что созывъ Великаго собранія уже не будетъ грозить національной опасностью. Въ результатѣ споровъ, либеральный съездъ въ Софіи рѣшилъ, что вторая сессія III-го собранія будетъ послѣдней, будетъ распущена не позднѣе 15 дек. 1883, князь въ тронной рѣчи откажется отъ полномочій, законопроектъ о двухъ палатахъ, уже внесенный Цанковымъ, будетъ отвергнутъ; кто нарушитъ эти постановленія, считается измѣнникомъ партіи. Протоколь подпишли и 18 членовъ партіи, состоявшіе членами народного собранія: число, достаточное для того, чтобы помѣшать составиться большинству двухъ третей, необходимому для принятія предположенныхъ Цанковымъ измѣненій въ конституції. Цанкову, который считалъ себя связаннымъ обѣщаніемъ, даннымъ отъ имени собранія князю (въ отвѣтъ собранія на тронную рѣчь), осталось пуститься опять на хитрость, что онъ и сдѣлалъ, когда никакія попытки уговорить депутатовъ отказаться отъ своихъ рѣшеній не удались. Въ засѣданіи 5-го декабря законопроектъ объ измѣненіяхъ въ конституціи былъ проведенъ сюрпризомъ, въ отсутствіи большинства либеральныхъ депутатовъ, не пришедшихъ просто потому, что законопроектъ не значился въ программѣ засѣданія. Конечно, измѣненія конституціи должны были еще быть вотированы Великимъ собраніемъ, чтобы войти въ законную силу; и консерваторы усердно распространяли увѣренія, что они подождутъ съ созывомъ Великаго собранія года три, чтобы дать возможность либераламъ еще разъ попробовать управлять страной съ помощью чистой Тырновской конституціи.

Разумѣется, либераловъ такая неопределённость положенія вовсе не удовлетворяла. Ихъ подозрительность еще усилилась,

когда, при закрытии сессии (25 декабря), князь, хотя и далъ условленное обѣщаніе соблюдать вполнѣ Тырновскую конституцію, но сдѣлалъ это въ такой формѣ, какъ бы подтверждалъ лишь свои прежнія обѣщанія, которыхъ либералы считали недостаточными. Затѣмъ, собраніе не было распушено формально, а только закрыты засѣданія очередной сессіи, не было поэтому и никакихъ указаний на новые выборы, какъ слѣдовало бы по конституціи. Между тѣмъ, либералы требовали, чтобы третье собраніе было формально признано незаконнымъ — и его дѣйствія кассированы, а выборы въ новое собраніе были бы назначены въ опредѣленный конституціей двухмѣсячный срокъ и произведены на основаніи старого избирательного закона. Эту программу и развивала новая газета „Тырновская конституція“, официально признанная органомъ софійского центрального бюро либеральной партіи.

Формально, членомъ бюро считался и Цанковъ; но, послѣ предательского засѣданія 5 декабря, его примиреніе съ „недовольными“ членами партіи сдѣлалось невозможнымъ. На 5 февраля 1884 созданъ былъ новый съездъ либеральныхъ делегатовъ въ Софіи, засѣдавшій цѣлую неделю. Вопреки усилиямъ Цанкова, провинциальная бюро партіи послали въ Софію „недовольныхъ“, и рѣшеніе съезда было — требовать созыва нового народнаго собранія не позже 25 апреля. Очевидно, выборовъ избѣжать было нельзя, и Цанковъ сталъ принимать мѣры, чтобы выборы прошли въ его пользу. Его планъ былъ — предварительно произвести перевыборы въ окружные и общинные совѣты, чтобы замѣнить старый составъ ихъ консерваторами или „довольными“. Затѣмъ, онъ отправился самъ въ концѣ февраля и началъ марта въ поѣздку по странѣ, всюду стараясь дѣйствовать на менѣе интеллигентную часть населенія и убѣждая селянъ — выбирать лицъ изъ ихъ собственной среды, а не изъ присяжныхъ политиковъ.

Всѣ усилия Цанкова оказались, однако же, напрасными. На выборахъ 25 мая и 1 июня прошло огромное большинство сторонниковъ Каравелова и Славейкова; Цанковъ палъ; Каравеловъ сдѣлался министромъ, а Славейковъ — предсѣдателемъ палаты. Каравелистамъ принадлежало около 90—100 мѣстъ въ новой палатѣ, тогда какъ у Цанкова осталось 30 — 40 приверженцевъ, и 10—15 мѣстъ было занято консерваторами. Въ дѣйствительности, впрочемъ, эти старые партійные термины уже отживали свое время. Консерваторы, какъ мы раньше замѣтили, готовы были сблизиться съ группой Цанкова, а съ другой стороны, въ средѣ либераловъ намѣчалась крайняя лѣвая группа, которая еще не выступала отдельно отъ общей оппозиціи „недовольныхъ“, но уже фактически существовала. Общее политическое положеніе того времени чрезвычайно отчетливо обрисовано въ слѣдующихъ словахъ „Тырновской конституціи“ (1884, № 36): „У насъ либералы должны бы были собственно называться консерваторами,

потому что борются за сохранение основного государственного закона; консерваторы—реакционерами, потому что хотят изменений въ смыслѣ регресса, — чтобы отнять у народа свободу, гарантированную ему конституціей. Либералами слѣдовало бы называть у насъ тѣхъ, которые хотятъ измѣнений въ конституції въ смыслѣ улучшения,—чтобы расширить свободу и права народа и дать ему полное право распоряжаться своей судьбой, какъ онъ сочтетъ за лучшее.. Кромѣ официальныхъ партій, у насъ существуетъ партія безъ организаціи, и о которой мало говорятъ, которая не ищетъ должностей, рѣдко или вовсе не устраиваетъ митинговъ и не имѣетъ никакого знамени. Эта партія состоитъ изъ массы народной—рабочаго и производящаго класса,—который напрасно упрекаютъ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, потому что мало интересуется дѣлами. Напротивъ, — онъ состоитъ изъ независимыхъ и самостоятельныхъ горожанъ и селянъ, которые желаютъ порядка и законности, не имѣютъ другого интереса, кромѣ блага отечества... Эта партія молчалива, но, въ общемъ, совершенно справедливо рѣшаетъ всякий споръ—посредствомъ выборовъ, если только они свободны отъ насилия“.

Если мы припомнимъ первоначальную программу „Независимости“ (см. выше), то поймемъ, въ чёмъ собственно заключалась программа группы, для которой статья предлагала название либераловъ, но которую противники предпочитали называть „радикалами“, а въ случаѣ особаго раздраженія „анархистами и нигилистами“. Страхъ именно передъ этой группой заставлялъ консерваторовъ считать Тырновскую конституцію опасной и настаивать, чтобы возвращеніе къ ней ограничилось временнымъ опытомъ, послѣ неудачи котораго предстояло бы второе зданіе „преврата“—созваніе Великаго собранія для введенія двухкамерной системы. Цанковисты распространяли даже обвиненіе въ радикализмѣ на всю партію Каравелова, сохранивъ название либераловъ исключительно за своей фракціей; но этотъ „выстнкарскій“ пріемъ теперь уже потерялъ свою силу. Князь, точно также какъ сами каравелисты (см. разговоръ Александра съ И. С. Гешевымъ и письмо Славейкова въ „Тырновской конституціи“), хорошо зналъ, что Каравеловъ въ 1883 году—уже не тотъ, какимъ онъ былъ въ 1880, и не пойдетъ за „крайними“ элементами своей собственной партіи. Однако, обвиненіе въ „радикализмѣ“ направлялось также и по другому адресу, гдѣ могло быть опаснѣе для Каравелова: именно по адресу русскаго агентства. Положеніе Каравелова съ этой стороны, несомнѣнно, ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ министромъ. Онъ, несомнѣнно, не рѣшался оказать русскимъ дипломатамъ тѣхъ услугъ въ борбѣ съ княземъ, какихъ отъ него ожидали, помогая ему сдѣлаться министромъ. Съ другой стороны, Каравеловъ не рѣшался и порвать рѣзко съ русской дипломатіей и вести послѣдовательную націо-

нальную политику. Этимъ двойственнымъ положенiemъ не замедлили воспользоваться — сперва цанковисты, а затѣмъ и „крайніе“ изъ собственной партіи Каравелова. Оffиціозному органу приходилось подчасъ въ одномъ и томъ же номерѣ отражать нападенія на два фронта: съ одной стороны отражать обвиненія людей, какъ Сукиаровъ (перешедшій къ Цанкову), находившій, что правительство недостаточно предупредительно по отношенію къ Россіи,—а съ другой стороны защищать Россію отъ обвиненій, что она не оставляетъ болгаръ въ покой и готовить „новый, болѣе ужасный превратъ“ („Тырновская конституція“, № 122, 20 марта 1885). По отношенію къ этому ожидавшемуся „преврату“ (т. е. низложенію князя), около котораго вращалась теперь вся внутренняя политика, Каравеловъ, дѣйствительно, не могъ занять никакого опредѣленного и рѣшительного положенія. Вотъ почему онъ оказался въ ближайшій затѣмъ промежутокѣ времени въ обоихъ главныхъ теченій политической борьбы, былъ увлеченъ поочередно то однимъ, то другимъ, и въ результатѣ потерялъ надолго всякое политическое значеніе.

Дѣйствительно, въ 1885—86 гг. политический интересъ отъ внутренней борьбы за конституцію, отъ министровъ, собранія, выборовъ и борьбы партій переходитъ въ болѣе широкую сферу — вопроса о международномъ положеніи Болгаріи, тѣсно связаннаго съ династическимъ вопросомъ. Оставленный Россіей и потерявший вѣру въ министровъ, князь Александръ чувствуетъ непрочность своего положенія и пытается закрѣпить его, поставивъ на очередь національную задачу объединенія Болгаріи: этимъ онъ разсчитываетъ закрѣпить свою популярность въ народѣ. Въ свою очередь Россія въ самой удачѣ князя (присоединеніе Восточной Румелии) находитъ поводъ повести борьбу противъ него уже совершенно открыто, и поединокъ князя съ Россіей кончается низложеніемъ князя. Какъ ни далека вся эта борьба отъ собственной сферы конституціонной исторіи, но ея вліяніе на партійную жизнь несомнѣнно и очень велико. Объединительная политика князя усиливаетъ оппозиціонную партію Цанкова союзомъ съ родственной ей партіей румелійскихъ „соединистовъ“, и обѣ оппозиціонныя группы служатъ Россіи слѣпымъ орудіемъ для низложения князя, вызывая этимъ новую и могущественную національную реакцію — крайней лѣвой группы бывшихъ каравеллистовъ (Стамбулова и Радославова). Такимъ образомъ, двѣ новыхъ политическихъ группы: соединистовъ — русофиловъ и стамбулистовъ-русофобовъ являются результатомъ этого периода политической борьбы,—хотя и отодвинувшаго всѣ споры о конституції на задній планъ.

Россія хотѣла „сильной“, цѣлокупной Болгаріи — Болгаріи Санть-Стефанскаго договора — до тѣхъ поръ, пока имѣла безграничное вліяніе на виѣшнюю политику Болгаріи и могла рас-

поряжаться ея войскомъ. Но какъ только то и другое стало ускользать изъ рукъ русскихъ дипломатовъ и генераловъ, взглядъ на „соединеніе“ тотчасъ же измѣнился, вѣйтъ со взглѣдомъ на князя Александра. Россія теперь была противъ того и другого. Между тѣмъ, въ Восточной Румеліи, гдѣ бури болгарской политики не переживались непосредственно и лишь болѣе или менѣе смутно отражались на столбцахъ мѣстныхъ газетъ, русскіе представители еще не успѣли перемѣнить точку зрѣнія и симпатизировали „соединенію“, какъ симпатизировало ему во время оккупации и все русское офицерство. На русскихъ представителей опиралась и мѣстная партія „соединистовъ“, державшая въ своихъ рукахъ главныя должности по управлению и имѣвшая приблизительно тотъ же „чоргаджійскій“ характеръ, какой имѣли въ Болгаріи консерваторы и депутаты III народнаго собранія. При первомъ генераль-губернаторѣ Румеліи, Алеко-пашѣ, эта руссофильско-соединистская партія была, однако же, въ оппозиції. Алеко-паша не хотѣлъ соединенія, а со времени пріѣзда Каравелова и Славейкова стала мечтать о болгарской коронѣ для самого себя и сдѣлался врагомъ русскихъ. Его сторонники—либералы—были у власти и получили название „казенныхъ“. По истеченіи пятилѣтнаго срока полномочій Алеко-паша, „соединисты“ побѣдили и русскіе вѣйтъ съ ними. Новый губернаторъ, Гавріль-паша (Крестовичъ), былъ въ ихъ рукахъ. Но они считали соединеніе невозможнымъ безъ русской санкціі. Между тѣмъ, князь Александръ считалъ „соединеніе“ съ самого своего возникненія главной своей и национальной задачей. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ поднять вопросъ о соединеніи съ консерваторами, соединистами (во время преврата) и царковитами,—князь, наконецъ, рѣшился поднять его самъ, безъ Россіи. Такимъ образомъ, князь въ Румеліи являлся врагомъ „соединистовъ“—консерваторовъ и русофиловъ. Дѣло было сдѣлано, впрочемъ, не столько либералами—„казенными“, сколько болѣе крайней группой—молодыми агитаторами и македонскими революционерами, какъ Захарій Стояновъ и Ризовъ. Посредникомъ между ними и княземъ служилъ близкій къ князю человѣкъ, его секретарь Головинъ; и въ виду этого посредничества теряетъ значеніе вопросъ, съ какого именно момента князь былъ посвященъ во всѣ подробности готовившагося переворота. „Соединисты“ гораздо болѣе, чѣмъ князь, были застигнуты врасплохъ Филиппопольскимъ переворотомъ: соединеніе произошло не съ ихъ помощью, а противъ нихъ,—и они готовы были звать турецкое войско противъ болгарского князя. Когда затѣмъ Россія не признала соединенія и отозвала своихъ офицеровъ изъ Болгаріи въ самую критическую минуту начала сербо-болгарской войны, соединисты получили сильный аргументъ въ свою пользу. Принужденный дѣлать уступки туркамъ по отношенію къ формамъ

соединенія, князь не могъ провести полнаго и формального объединенія, и это опять было аргументомъ въ пользу мнѣнія, что состоявшееся соединеніе не есть настоящее, и что настоящее соединеніе можетъ гарантировать только Россія. Общественное мнѣніе особенно недовольно было военной конвенціей съ Турцией. Но высшей точки раздраженія достигло настроеніе „соединистовъ“, когда князь, въ сопровожденіи Каравелова, лично отправился въ Румелію, чтобы подготовить настроеніе передъ выборами въ первую палату объединенной Болгаріи. Для него слишкомъ много зависѣло отъ того, чтобы въ собраніе (IV-е) были избраны сторонники совершившагося соединенія: и, при помощи обычныхъ избирательныхъ пріемовъ—въ Румеліи практиковавшихся, правда, впервые—выборы дали благопріятный результатъ, хотя дѣло не обошлось безъ цѣлаго ряда кровавыхъ столкновеній. Изъ 91 выбранного депутата только 24 принадлежали къ соединистской оппозиціи; 60 было правительственныйыхъ (народная либеральная партия) и 5 дикихъ. „Соединисты“, такимъ образомъ, не имѣли почвы для конституціонной борьбы. Тогда они открыли рѣшительную кампанию противъ князя лично, въ тѣснѣшемъ союзѣ съ Цанковымъ, который давно уже успѣлъ перебить у Каравелова благоволеніе русскихъ представителей въ Софіи.

Въ органахъ обѣихъ группъ, „Съединеніи“ и „Свѣтлинѣ“ 1886 г., совершенно открыто обсуждался вопросъ о наложеніи князя; ему напоминалось, что теперь именно самое время исполнить обѣщаніе, неоднократно имѣть данное: отказаться отъ престола, если это будетъ нужно для Болгаріи. Болгарія, говорили они, не можетъ существовать безъ Россіи, а Россія не хочетъ князя. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ дилеммѣ: погибать ли Болгаріи съ княземъ, или погибнуть одному князю, чтобы спасти Болгарію. Въ полемикѣ по этому поводу приняла участіе и „Тырновская Конституція“; но, при двойственномъ положеніи Каравелова, его защита князя была настолько слаба, что скорѣе вредила дѣлу, устанавливая своими полупризнаніями справедливость противной точки зренія. И публика, и самъ Каравеловъ не могли забыть, что тотъ же органъ еще недавно (до вступленія Каравелова въ министерство) самъ стоялъ за изгнаніе князя, и опроверженія, построенные на конституціонной теоріи—именно на отрицаніи отъбѣтвенности князя при системѣ кабинета—мало кого убѣждали. Напротивъ, число убѣжденнѣй въ противномъ быстро увеличивалось, и въ этомъ числѣ оказалось значительное количество молодыхъ болгарскихъ офицеровъ, только что окончившихъ военную школу въ Россіи. Эти „русские воспитанники“ обвиняли князя, что свою вражду къ Россіи онъ переносить и на нихъ лично и относится къ нимъ съ недовѣріемъ. Нѣсколько не сбывшихся ожиданій относительно наградъ и повышеній офицеровъ, отличившихся въ сербо-болгарской войнѣ, подтвердили

это мнѣніе и прибавили къ общимъ политическимъ мотивамъ также и рядъ личныхъ обидъ. Наконецъ, оппозиція пустила въ оборотъ систематической рядъ вымыщенныхъ слуховъ о новой, будто бы грозящей болгарамъ со стороны сербовъ, войнѣ и о невозможности предотвратить это нашествіе иначе, какъ помиривъ Болгарию съ Россіей путемъ изгнанія князя. Насколько искусно и изъ какихъ компетентныхъ сферъ были распущены эти слухи, видно изъ того, что имъ вѣрить даже самъ князь; фальсифицированные депеші съ границы читались однимъ изъ главныхъ заговорщиковъ въ кабинетѣ военного министра. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Илія Вановъ, вѣль прямые переговоры о низложеніи князя съ русскимъ агентствомъ. Министръ-предсѣдатель, кроме попытки судебнаго преслѣдованія противъ „Сѣтлины“, не принималъ никакихъ мѣръ противъ всей этой агитациіи и даже не доводилъ о ней до свѣдѣнія князя. Насколько такая бездѣятельность раздражала самихъ коллегъ Каравелова, видно изъ того, что одинъ изъ нихъ, Радославовъ, формально вышелъ изъ партіи, на томъ основаніи, что особа князя недостаточно оберегается и что программа Каравелова не позволяетъ, съ одной стороны, примиренія съ Россіей, а съ другой—рѣшительныхъ дѣйствій противъ руссофильской оппозиції; оба послѣдніе аргумента, конечно, противорѣчили одинъ другому, но они одинаково хорошо годились, какъ возраженіе противъ самаго слабаго пункта каравеловской политики. Въ своемъ практическомъ результатаѣ, эта политика, во всякомъ случаѣ, сводилась къ дружественному нейтралитету по отношенію къ готовившемуся заговору.

Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ попытокъ Каравелова протянуть время—заговоръ, какъ извѣстно, былъ приведенъ въ исполненіе: ночью 9 августа 1886 года князь былъ арестованъ офицерами и отвезенъ на русскую границу, откуда, послѣ некотораго колебанія, его отпустили въ Австрію. Та партія, которая открыто и всѣми силами призывала переворотъ, первая приглашена была имъ воспользоваться; во главѣ временнаго правительства стали митр. Климентъ и Цанковъ: Каравеловъ выжидалъ и отказался отъ участія въ правительствѣ. Цанковъ телеграфировалъ въ Россію: „Болгарія у ногъ Вашего Величества“ и устроилъ демонстрацію у русскаго агентства, которое просило о помощи и о содѣйствіи перевороту. Не получивъ немедленно ожидаемой помощи, министерство Цанкова очутилось въ недовѣрѣ положеній. Появились первые признаки реакціи противъ переворота: въ самой Софіи часть войскъ объявила себя противъ заговорщиковъ, а въ Филиппополѣ офицеры вели дѣятельные предварительные переговоры о соединеніи съ другими войсками, расположенныміи въ провинціи и о совмѣстномъ движеніи на Софію. Въ виду такого положенія, правительство Цанкова сложило съ себя власть, и главой правительства сдѣлался, по настоянію русскаго агента

Богданова, Каравеловъ. Однако и Каравеловъ, хотя и не принадлежалъ прямо къ числу „черныхъ душъ“, готовившихъ переворотъ, былъ, какъ мы видѣли, достаточно компрометированъ самыи фактъмъ своего бездѣйствія относительно заговорщиковъ. Никто, разумѣется, не могъ вѣрить, чтобы Каравеловъ не зналъ о приготовленіяхъ. Такий образомъ, воспользоваться положеніемъ не удалось и ему. Во главѣ движенія противъ преврата стала человѣкъ, который и по своему офиціальному положенію—предѣдателя народнаго собранія—и по своей роли въ послѣднее время въ партіи Каравелова былъ вѣдь всякихъ подозрѣній. Къ этому человѣку и обратились филиппопольскіе офицеры съ просьбой принять на себя руководство движеніемъ. Это былъ Стефанъ Стамбуловъ—человѣкъ съ ореоломъ „апостола“ революціонной эпохи борьбы за освобожденіе, выбранный въ первое же народное собраніе съ нарушеніемъ конституціи, такъ какъ ему тогда было всего 22 года (вмѣсто требуемыхъ 30); тогда уже имѣвшій вліяніе въ собраніи, какъ видный членъ лѣвой группы каравеллистовъ (наряду съ Сукнаровымъ); затѣмъ, окончательно, выдвинувшійся въ первые ряды, благодаря раздорамъ Цанкова и Каравелова, которые оба принуждены были за нимъ ухаживать; въ послѣднее министерство Каравелова представлявшій то направление, которое характеризуется отставкой Радославова, т. е. направление, недовольное недостаточной рѣшительностью Каравелова по отношенію къ требованіямъ Россіи. Никто не зналъ тогда, что въ этомъ человѣкѣ скрываются всѣ таланты и всѣ пороки революціоннаго диктатора и что пришедшій теперь къ концу режимъ „лжи и обмана“ въ правительстве, „черныхъ душъ“ въ оппозиціи—онъ замѣнить режимомъ откровеннаго насилия. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ скоро увидали, что это какъ разъ человѣкъ положенія, достаточно рѣшительный, чтобы рискнуть на то, на что не рѣшались тогда самые смѣлые и отвергнутыи основную аксиому всѣхъ болгарскихъ политическихъ партій, что Болгарія безъ Россіи жить не можетъ, и что та доля вліянія, на которую претендуетъ Россія въ военной и внѣшней политикѣ княжества, есть ея „законная и необходимая“ доля.

Въ князь Александръ Стамбуловъ нашелъ слишкомъ совѣстливаго, слишкомъ уставшаго и разочарованнаго коварствомъ болгарскихъ политиковъ человѣка, чтобы рѣшиться на новый экспериментъ управления Болгаріей. Александръ и самъ въ сущности вѣрилъ, что безъ Россіи Болгарія жить не можетъ, а Россія не помирится съ нимъ, т. е. онъ вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія свергнувшихъ его заговорщиковъ. Можетъ быть, этимъ отчасти объясняется та странная пассивность, съ которой онъ наблюдалъ, какъ вокругъ него собираются тучи, то непонятное равнодушіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ всѣ предупрежденія о готовящемся заговорѣ, и та готовность, съ которой онъ подписалъ свое пер-

вое отречење. Возстановленный сноva на престолѣ Стамбуловымъ и румелійскими войсками,—пришедшими въ Софию вопреки просьбамъ и настояніямъ Каравелова,—князь Александръ уже имѣлъ въ карманѣ отвѣтъ императора Александра III на свою знаменитую телеграмму, въ которой слагалъ власть въ руки русскаго императора. Отвѣтъ гласилъ, что Россія не можетъ одобрить возвращенія князя въ Болгарію и воздержится отъ всякихъ сношений съ ней, пока въ Болгаріи будетъ князь Александръ. Такимъ образомъ, къ великой досадѣ Стамбулова, князь самъ лишилъ себя возможности воспользоваться своимъ возстановленіемъ на болгарскомъ престолѣ. И когда, въ послѣднюю минуту окончательныхъ проводовъ, разставаясь съ Болгаріей на австрійской границѣ, князь полуслѣдливо, полусентиментально спросилъ Стамбулова, думаетъ ли онъ, что когда-нибудь ему, князю, удастся вернуться въ Болгарію, Стамбуловъ рѣзко и не задумываясь отвѣтилъ: „никогда“.

Уѣзжая изъ Софіи, князь назначилъ регентами Стамбулова, Каравелова и Муткурова (дѣятеля Филиппопольского переворота, родственника Стамбулова), а первымъ министромъ сдѣлался Радославовъ. Полнымъ господиномъ положенія былъ, конечно, Стамбуловъ: кругомъ него силотилась небольшая кучка людей, которые уже задолго до переворота намѣтили ту политику, которой теперь онъ долженъ быть слѣдоватъ. Кучка эта не вышла изъ рядовъ парламентскихъ дѣятелей, хотя и имѣла кое-что общее съ недовольными либералами, покинувшими партію Каравелова. Это были люди болѣе рѣшительные и послѣдовательные, чѣмъ Сукнаровъ и Радославовъ: главнымъ образомъ, журналисты и практическіе революціонеры, пожавшіе первые лавры въ румелійскомъ переворотѣ. Ихъ политическая программа очень ярко формулирована была уже въ 1885 г. въ возобновленной ими послѣ четырехмѣсячнаго перерыва „Независимости“ (№ 1, 2 августа). „Мы будемъ придерживаться“, заявляла обновленная редакція, „принципа: Болгарія для болгаръ. Мы будемъ бороться со всяkimъ, кто старается подкопать основы свободы въ напіемъ государственномъ строѣ или кто посягаетъ на независимость нашего отечества. Одной изъ первыхъ нашихъ задачъ будетъ научить болгарскую молодежь не поклоняться кумирамъ... такъ какъ эти кумиры слишкомъ часто злоупотребляютъ своимъ положеніемъ. Разъ навсегда поставивъ задачей сохраненіе независимости страны, мы будемъ преслѣдовать всякого,—будетъ ли это Каравеловъ, Цанковъ, князь или, наконецъ, русскіе—кто дѣйствуетъ въ ущербъ этой независимости“. Съ января слѣдующаго 1886 г. къ прежнему издателю „Независимости“ Д. Петкову—извѣстному тогда, главнымъ образомъ, какъ фельетонистъ „Свистка“ (Свирки), присоединились румелійскій дѣятель Захарій Стояновъ и македонскій—Д. Ризовъ. Въ первомъ же номерѣ, положенія только что пiti-

рованной программы были развиты подробно и разъясняены въ слѣдующихъ шести пунктахъ: „I. Болгарія должна быть *наша*, мы у себя дома должны быть полными хозяевами. II. Только конституціонное управлениѣ можетъ передать когда-нибудь въ руки народа его собственную судьбу,—если прилагать это управлениѣ не по правиламъ Беджгота, Бентама, Канинга и другихъ авторитетовъ (политическая выходка противъ Каравелова), а по точному смыслу буквы и духа этой конституціи. III. Теперь, когда князь познакомился съ духомъ и стремлениями нашего народа... въ его лицѣ сосредоточиваются всѣ желанія, идеалы и стремленія народа: нѣть Александра—нѣть въ Болгаріи свободы, нѣть конституціи, нѣть, наконецъ, и самой Болгаріи. IV. Къ нашимъ освободителямъ мы питаемъ глубокую благодарность и благоговѣемъ передъ павшими за нашу свободу русскими героями. Но мы различаемъ между стомилліонной великой Россіей и Россіей офиціальной. Послѣ 6 сентября (присоединенія Румеліи и отзванія русскихъ офицеровъ) всякому понятно, какого рода покровительство имѣть въ виду оказывать наша офиціальная покровительница... Эти распоряженія идутъ въ разрѣзъ съ нашей самостоятельностью и свободой. V. Существованіе партій нась не смущаетъ: гдѣ есть партія, тамъ есть свободная политическая жизнь и контроль надъ правительствомъ. Для нась та партія будетъ самой лучшей, которая будетъ держать Болгарію подальше отъ вліянія офиціальной Россіи, уничтожить всякие реакціонные законы (Каравеловъ не отмѣнилъ закона объ измѣненіяхъ конституціи, проведенного Цанковымъ), будетъ управлять страной по конституціи въполномъ смыслѣ слова и, наконецъ, понявъ истинный интересъ общаго болгарскаго отечества, сумѣеть установить наилучшія отношенія между Болгаріей и Турцией. Въ другое время мы бы этого не желали, но послѣ 6 сентября стало ясно, что если есть страна, съ которой мы должны быть хороши—это Турція: сближеніе съ ней, кроме того что гарантируетъ существованіе Болгаріи, облегчаетъ участъ миллиновъ болгаръ, еще находящихся подъ непосредственнымъ управлениемъ султана. Разореніе Турціи поведетъ къ раздробленію Болгарія (подразумѣвается „цѣлокупная“ Болгарія) между державами. VI. Войско должно оставаться въ нашихъ собственныхъ рукахъ—въ рукахъ народа, изъ которого оно происходитъ. Пусть оно будетъ хуже обучено, но пусть имъ командуютъ люди, которыхъ родила наша земля. Специалистовъ можно взять у державъ, которые не хотятъ обращать Болгарію въ собственное помѣстье. Войско должно стоять въ политическихъ партій. Мы будемъ преслѣдовать жестоко всякаго министра-президента, который бы пожелалъ создать себѣ военную партію, не пощадимъ и державнаго главу, если онъ желаетъ имѣть придворную партію изъ офицеровъ. Если изъ трехъ миллионовъ болгарскаго народа мы останемся втроемъ,—то и

тогда мы пойдемъ смѣло и открыто, пока наши перья не будутъ притуплены какой-нибудь непреодолимой силой“.

Впечатлѣніе, произведенное этой программой, характеризуется тѣмъ, что Каравеловъ, пользуясь военнымъ положеніемъ (введеннымъ съ 10 сентября 1885), немедленно пріостановилъ газету. Слѣдующій номеръ вышелъ черезъ полтора мѣсяца, когда цензура перешла къ министру юстиціи Радославову и, по выражению редакторовъ, „стала настолько снисходительной, насколько намъ нужно, чтобы говорить безъ особенныхъ компромиссовъ съ совѣстью, при единственномъ условіи—воздерживаться отъ подробнаго обсужденія нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ (разумѣются, конечно, отношенія къ Россіи и изгнаніе князя), пока не наступятъ нормальныя времена“.

Нормальныя времена, однако, наступили не скоро, и въ ожиданіи ихъ настроение, выраженное въ девизѣ „Болгарія для себя“, продолжало быстро рости. „Болгарія свободная и независимая“ становится теперь первой и главнѣйшей цѣлью внутренней и вѣшней политики. Уѣзжая изъ Болгаріи, князь Александръ въ своемъ прощальномъ манифестѣ 26 августа 1886 г. передаетъ народу обѣщаніе „свободы и независимости“, словесно данное ему въ русскомъ агентствѣ; и годъ спустя, 2 августа 1887 г., князь Фердинандъ, вступая на болгарскую почву, кончаетъ первый свой манифестъ тѣмъ же самымъ лозунгомъ: да здравствуетъ свободная и независимая Болгарія.

Въ промежуткѣ между обоями манифестами Болгаріи пришлось пережить цѣлый годъ паники, которую можно сравнить съ той, какую пережилъ Парижъ 1792—93 г. въ постоянномъ ожиданіи нашествія коалиціонныхъ войскъ. Дѣло въ томъ, что русские дипломаты все еще руководились взглядомъ, который можно найти формулированнымъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ одномъ изъ мартовскихъ номеровъ 1886: „Кто воспротивится Россіи, если она захочетъ взять въ свои руки устройство болгарскихъ дѣлъ? Рѣшительно никто. Болгарскіе патріоты давно призываютъ къ тому свою освободительницу; болгарскій народъ жадно ждетъ этого дня“. Руководясь этимъ взглядомъ, дипломатія подготовила переворотъ 9 августа, съ помощью той части „патріотовъ“, которую въ Болгаріи называли „черными душами“; и, встрѣтивъ неожиданное противодѣйствіе перевороту со стороны другихъ патріотовъ, русскіе дипломаты рѣшились апеллировать, въ славянофильскомъ духѣ, къ „народу“. Такова была мысль барона Каульбарса, посланного въ Болгарію, для „устройства ея дѣлъ“, вскорѣ послѣ удаленія Александра, въ октябрѣ 1886 г. Едва вступивъ на болгарскую почву, Каульбарсъ объявилъ правительство, къ которому былъ посланъ, незаконнымъ; затѣмъ,透过 russkikhъ консуловъ онъ распространилъ свои требованія: отложить (вопреки конституції) выборъ новаго князя,

освободить арестованныхъ офицеровъ, совершившихъ переворотъ и т. д. Въ то же время онъ, черезъ Цанкова, требовалъ отставки регентства и образованія смѣшанного министерства подъ руководствомъ Россіи. Когда Стамбуловъ на это не согласился, Каульбарсъ началъ прямую агитацию противъ предстоявшихъ выборовъ въ Великое собраніе для избрания нового князя. Для этого онъ объѣхалъ лично города сѣверной Болгаріи, всюду приглашая населеніе отказаться отъ участія въ выборахъ. Когда, тѣмъ не менѣе, выборы состоялись, Каульбарсъ совѣтовалъ цанковистамъ торжественно удалиться изъ собранія и съ своей стороны заявилъ, что не признаетъ законными ни выборы, ни собраніе, ни его будущія рѣшенія. Затѣмъ онъ демонстративно оставилъ Болгарію, выѣхавъ со всѣми русскими консулами. Не помогъ и выборъ Великимъ собраніемъ кандидата, считавшагося угоднымъ Россіи: принца Вальдемара Датскаго, брата русской императрицы. Вальдемару не позволили принять избраніе, и Великое собраніе разошлось, выбравъ комиссию для объѣзда европейскихъ столицъ и для пріисканія нового кандидата. Такимъ образомъ, кризисъ иродился на неопределенный срокъ, и „черные души“ воспользовались этимъ для продолженія агитации. Цанковъ былъ въ Царьградѣ и пытался черезъ Порту провести ту русскую программу, которую не удалось провести въ Софіи, т. е. уничтоженіе регентства и составленіе смѣшанного министерства съ нимъ самимъ во главѣ и съ Каульбарсомъ (или Кантакузеномъ) въ роли военного министра; затѣмъ предполагалось созваніе нового Великаго собранія для выбора русского кандидата, князя Николая Мингрельскаго, и для измѣненія конституціи; возвращеніе компрометированныхъ офицеровъ и общая амнистія. Въ то же время Каравеловъ въ своей „Тырновской Конституції“ обвинялъ регентство въ неуступчивости относительно Россіи. 19 февраля 1887 г. произошло событие, которое показало, что со стороны „черныхъ душъ“ дѣло не ограничивается журнальной полемикой и дипломатическими переговорами: въ Рущукѣ произошелъ бунтъ, едва не поддержаный и Силистріей. Только что выпущенные регентствомъ по русскому требованію офицеры, выѣхавъ съ своими оставшимися въ Болгаріи товарищами, открыто организовали военное движение противъ регентства. Былъ при этомъ моментъ, когда два русскихъ военныхъ корабля явились передъ Варной „для защиты русского консульства“.

Всѣ эти события вызвали настоящій пароксизмъ национального воодушевленія. Теперь, говорилъ Захарій Стояновъ въ своемъ новомъ органѣ, „Свободѣ“, замѣнившей „Независимость“ въ октябрѣ 1886,—теперь вопросъ идетъ не о томъ, кто либералъ или радикалъ, или консерваторъ. Вопросъ идетъ о томъ, кто за Болгарію и кто противъ. Есть только двѣ партии: болгарская и „рубладжийская“.

Одновременно съ агитаціей Каульбарса сдѣлана была первая попытка организовать партію національной независимости. Въ октябрѣ 1886 г. Пѣшевъ, бывшій тогда начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ юстиціи, созвалъ собраніе, принявшее лозунгъ: „България за себѣ си“, провозглашенный Ризовымъ въ цитированной выше статьѣ „Независимости“, въ подражаніе знаменитому итальянскому: Italia fara da se. Въ Рущукѣ была организована „дружина“ подъ этимъ названіемъ; въ Сливнѣ—подъ названіемъ „дружины для охраны свободы и независимости въ Болгаріи“. Въ номерѣ „Свободы“ отъ 14 февраля 1887 Захарій Стояновъ обратился съ воззваніемъ „ко всѣмъ истиннымъ сыномъ Болгаріи“ и приглашалъ ихъ основывать подобная дружины въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ. „Эти комитеты, говорилъ онъ, послужатъ нравственной и вспомогательной силой теперешнему патріотическому правительству“. Роль рущукской дружины при подавленіи тамошняго бунта дала поводъ правительству органу повторить призывъ Стоянова и, при правительстнномъ поощреніи, въ теченіе слѣдующаго марта вооруженные дружины общества „България за себѣ си“ образуются повсемѣстно, представляя, такимъ образомъ, единственную организованную силу въ странѣ, такъ какъ старыя бюро либеральной партіи находились въ это время въ полномъ упадкѣ.

Мы должны были остановиться на этихъ подробностяхъ, потому что имъ объясняется важный поворотъ въ конституціонной исторії Болгаріи. Прежнія принципіальная дѣленія партій, подъ давленіемъ грозной опасности извѣй, действительно отходять на второй планъ или совершенно стушевываются; а въ новой группировкѣ вооруженные дружины болгарскихъ патріотовъ начинаютъ играть совершенно не предусмотрѣнную конституціей роль. Первый порывъ патріотизма проходитъ быстро, и даже въ самый разгаръ его масса членовъ нового дружества привлекается къ нему не требованіями патріотизма, а расчетомъ на правительственный патронажъ. Патріотическая дружины довольно скоро вырождаются въ вооруженные шайки Клодія и Милона, получають на газетномъ жаргонѣ кличку „сухопутной флотилии“, фигурируютъ въ этомъ качествѣ уже въ Тырновскомъ избирательномъ собраніи 1886 г. и съ тѣхъ поръ постоянно употребляются для партійныхъ цѣлей на выборахъ, распредѣляясь между Клодіемъ и Милономъ тогдашняго времени—Стамбуловымъ и Радославовымъ.

Мы до сихъ поръ по возможности оставляли въ сторонѣ личные мотивы болгарскихъ политическихъ дѣятелей, даже въ такихъ случаяхъ, когда они несомнѣнно вліяли на ихъ политическое поведеніе, напр., при превращеніи Цанкова изъ русофоба въ руссофила. Объясняю происхожденіе партіи Радославова, личныхъ мотивовъ обойти невозможно. Въ началѣ все дѣло было въ томъ, что ми-

нистръ-премьеръ, опираясь на своихъ „пріятелей“, почувствовалъ свою силу и захотѣлъ воспользоваться ею, чтобы помѣряться съ регентомъ. Первый случай къ открытому соревнованию предста-вился, когда, весной 1887 года, тотъ и другой (отдѣльно) со-вершали тріумфальныя поездки по Болгаріи. Стамбуловъ восполь-зовался при этомъ княжеской яхтой и этимъ вызвалъ обвиненія Радославова, что онъ стремится овладѣть прерогативой. Захарій Стояновъ въ своей „Свободѣ“ объясняетъ разрывъ съ Радосла-вовымъ тоже личными мотивами. „Онъ пустилъ въ ходъ приемы, цѣлью которыхъ было убѣдить публику, что регенты,—особенно Стамбуловъ—суть не болѣе, какъ тѣнь человѣка, которому должна поклоняться Болгарія... Въ домѣ регентовъ, въ спорѣ съ Стам-буловымъ, онъ позволилъ себѣ сказать, что съ пятью жандармами онъ можетъ арестовать регентовъ, и конецъ дѣлу (№ 82)“. Но была всетаки и тутъ принципіальная причина для отдѣленія, и чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась яснѣе. Дѣло въ томъ, что изъ двухъ сторонъ лозунга „свобода и независимость Болгаріи“ Стамбулову пришлось выбрать второй, и во имя „независимости“ совершенно пожертвовать первымъ—„свободой“. Онъ дѣлалъ это, не маскируясь и совершенно сознательно. Когда кн. Фердинандъ упрекнулъ его за насилия, употребленныя при выборахъ въ Тыр-новское Великое собраніе, Стамбуловъ прямо отвѣтилъ: „да, но этому собранію, В. В., обязаны своимъ избраніемъ“. Когда впо-слѣствії оппозиція въ народномъ собраніи упрекала Стамбулова за грубыя нарушенія основныхъ правъ болгарскаго гражданина, онъ не менѣе рѣшительно бросилъ собранію свою знаменитую рецлику: „Когда я вижу, что по моему внутреннему убѣждѣнію что нибудь надо сдѣлать для спасенія отечества, я это сдѣлаю, хотя бы оно и было запрещено законами“. Употребленныя имъ насилия были таковы, что внушили ужасъ даже привыкшимъ къ насилиямъ болгарскимъ политикамъ, но это именно и было прямой ихъ цѣлью. Трудно обвинять за это болгарскаго Робеспіера, въ виду того неопределеннаго международнаго положенія, въ какомъ находилась Болгарія и въ виду составившейся привычки воен-ныхъ и штатскихъ политиковъ—искать помощи въ заговорахъ и въ обращеніи къ иностраннымъ державамъ за помощью во внут-реннихъ спорахъ. Опасность, о которой говорилось выше, не кончилась съ избраніемъ князя. Россія побудила остальные державы отказать Фердинанду въ признаніи и вела долгіе переговоры на почвѣ своей первоначальной программы, т. е. кассированія всѣхъ дѣйствій Тырновскаго собранія и посылки русскаго коми-ссара для руководства выборами въ другое Великое собраніе, ко-торое бы вновь выбрало князя. Сперва Россія предлагала послать съ этой цѣлью генерала Эрнрота, потомъ согласилась присоеди-нить къ нему турецкаго комиссара, но требовала первенства для своего; наконецъ, предложила поручить дѣло международной ком-

миссії. Но ни Турції, ни Европѣ вовсе не улыбалась перспектива вновь открыть восточный вопросъ, и Стамбуловъ скоро сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Константинополѣ и въ Вѣнѣ. Его личность ручалась Европѣ за сохраненіе *status quo* въ Болгаріи, и, при этомъ условіи, его положеніе, конечно, выходило далеко изъ рамокъ конституціоннаго строя. Оно и могло держаться лишь до тѣхъ поръ, пока цѣль, которой служилъ Стамбуловъ, не была достигнута: пока международное положеніе Болгаріи не было окончательно упрочено. Когда этотъ моментъ опасности прошелъ, обратная сторона медали—т. е. стамбуловскія насилия—должна была выступить особенно ярко; и оппозиція Радославова, которая до тѣхъ поръ была безсильна,—сразу пріобрѣла большое значеніе. Нужно было быть тонкимъ политикомъ, чтобы замѣтить, когда этотъ моментъ наступилъ, и воспользоваться имъ для низложения Стамбулова. Но, конечно, не Радославовъ оказался этимъ тонкимъ политикомъ. Были другіе люди, которые всегда первые чувствовали, что на кораблѣ начинаеть пахнуть пожаромъ, и спѣшили съ него спастись заблаговременно. Это были известные намъ Стоиловъ и Начевичъ, давно уже отдѣлавшіеся отъ своего консервативнаго доктринерства временъ „полномочій“. Въ началѣ стамбуловскаго режима они тѣсно примыкаютъ къ Стамбулову, не смущаясь революціоннымъ характеромъ его диктатуры; ихъ хвалитъ самъ Захарій Стояновъ, они фигурируютъ въ министерствѣ Стамбулова, послѣ выбора князя и сверженія Радославова. „Гдѣ вашъ либерализмъ?“ спрашивается по этому поводу стамбулистовъ Радославовъ. А Стояновъ отвѣчаетъ ему: „теперь нѣть либераловъ и консерваторовъ: есть только болгарская партія, къ которой примыкаетъ весь болгарскій народъ, и кучка слѣпцовъ, руководимыхъ предателями: Цанковымъ и Каравеловымъ... И пока надъ Болгаріей висятъ такія темныя тучи, которая грозятъ уничтожить нѣ параграфъ конституції, а самую Болгарію, мы не будемъ принадлежать къ числу тѣхъ педантовъ изъ фальшивой школы Каравелова, которые, какъ слѣпцы, цѣпляются за мертвую букву“. Но проходить всего бѣть—и положеніе совершенно мѣняется. Тѣ самые консерваторы, вступленіе которыхъ въ кабинетъ Стамбулова было для Радославова поводомъ къ окончательному разрыву съ стамбулистами, оказываются въ собственномъ лагерѣ Радославова и вмѣстѣ съ нимъ борются противъ стамбуловскаго режима въ рядахъ оппозиціі, при помощи союзного органа соединенной оппозиції—„Свободнаго Слова“ (1893). И опять не Радославовъ, а эти самые консерваторы пользуются плодами побѣды. Впрочемъ, тутъ уже чувствуется рука нового политика, болѣе крѣпкая, чѣмъ всѣ остальные. Этимъ политикомъ, къ постоянно усиливающемуся негодованію другихъ политиковъ Болгаріи, оказывается новый князь Фердинандъ. Можетъ быть, высшей точкой могущества

Стамбулова — былъ моментъ, когда онъ, противъ желанія собствен-
ной партіи, воспользовался этимъ могуществомъ, чтобы провести
мѣру, которая должна была окончательно укрѣпить династію и
усилить, такимъ образомъ, положеніе князя. И этотъ же самый
моментъ послужилъ началомъ паденія Стамбулова. Укрѣпляя
князя, онъ дѣлалъ ненужнымъ самого себя. Событіе, о которомъ
идетъ рѣчь, есть женитьба князя. Князю, непризнанному Европой,
трудно было найти невѣstu изъ среды царствующихъ домовъ;
 затрудненіе особенно увеличивалось вслѣдствіе того, что, по кон-
ституції, наследникъ долженъ быть православнымъ. Невѣstu
Стамбуловъ, наконецъ, нашелъ, но она была католичка — и полі-
тическія сомнѣнія осложнились религіозными. Стамбуловъ рѣшился
устранить это препятствіе къ основанію династіи, измѣнивъ кон-
ституцію, т. е. распространивъ право принадлежать къ другой
вѣрѣ на наследника первого князя. Біографъ Стамбулова, Би-
манъ, рассказываетъ, какихъ усилий стоило Стамбулову убѣдить
своихъ партизановъ въ политической необходимости этой мѣры.
Пересмотръ конституціи — эта идея была связана въ памяти бол-
гарскихъ политиковъ съ самыми непріятными ассоціаціями, а
самая мѣра должна была оказаться крайне непопулярной въ на-
родѣ. Стамбулову, однако, удалось привлечь на сторону своего
взгляда юе-кого изъ высшаго духовенства. Въ 1893 г. собрано
было (IV-е) Великое собрание, которое и утвердило предполо-
женное измѣненіе конституціи. Кстати предложены были собра-
нію и некоторые другія измѣненія — частью тѣ же самыя, ко-
торые уже давно намѣчались консервативными критиками консти-
туціи. Самыя важныя изъ нихъ были: уменьшеніе количества
представителей вдвое и продленіе срока ихъ полномочій (съ 3
до 5 лѣтъ).

Иногда высказывалось соображеніе, что Стамбуловъ дѣлалъ
свою уступку католицизму въ прямомъ разсчетѣ сдѣлать для
князя невозможнымъ примиреніе съ Россіей и тѣмъ поставить
его въ постоянную зависимость отъ себя. Какъ разъ, однако, этотъ
рассчетъ, если бы онъ былъ у Стамбулова, оказался бы наиболѣе
слабымъ и ошибочнымъ. Въ дѣйствительности Стамбуловъ даваль
князю въ руки козырь для будущей торговли съ русскими дипломатами и ставилъ самого себя въ положеніе единственного
препятствія на пути къ примиренію. Князь, дѣйствительно, съ
замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался выгодной стороной
своего положенія. На этомъ вопросѣ онъ пожалъ первые свои
дипломатические лавры, не только помирившисъ съ Россіей, пу-
темъ возвращенія сына въ православіе, но по дорогѣ еще и
отдѣлавшись отъ Стамбулова. Истинныя соображенія Стамбулова
были, несомнѣнно, менѣе личнаго и болѣе государственно-полити-
ческаго характера. Онъ хотѣлъ положить конецъ неопределенности
дипломатическаго положенія Болгаріи, хотѣлъ создать „сильное

и твердое" правительство, какъ это прямо высказано въ одной анонимной брошюре того времени, защищавшей предположенный перемѣнъ въ конституції и написанной близкимъ другомъ Стамбулова—Петковымъ (ср. рядъ статей либерального адвоката Бѣликова въ провинціальной газетѣ: „Отъ що теглимъ").

Великимъ собраниемъ 1893 г. заканчивается исторія перемѣнъ въ болгарскомъ политическомъ строѣ. Съ этого времени начинается новый періодъ въ конституціонной исторіи Болгаріи. Конституціонный режимъ функционируетъ въ теченіе этого періода вполнѣ правильно съ вѣшней, формальной стороны. Но въ то же время, фактическая власть, несомнѣнно, переходитъ къ князю. Уже въ послѣдніе годы стамбуловскаго режима князю удается создать себѣ военную партію, такъ что борьба между нимъ и всесильнымъ первымъ министромъ сводится къ борьбѣ войска и полиції. Послѣ паденія Стамбулова, среди вождей другихъ партій князь уже не встрѣчаетъ людей дѣйствительно сильныхъ, лично или по своему вліянію въ странѣ. Самыя партіи отчасти были разбиты Стамбуловымъ, отчасти дискредитированы собственными ошибками; не имѣя твердой опоры въ странѣ, они превратились въ тѣсныя группы политиковъ, связанныхъ между собой преимущественно личными интересами. При этомъ условіи, князю легко было поставить ихъ въ зависимость отъ себя и, безъ всякихъ нарушеній конституції, установить то, что въ Болгаріи принято называть „личнымъ режимомъ". Внѣшнимъ образомъ борьба партій продолжается и ведется еще ожесточеннѣе прежняго. Перемѣны становятся еще чаще,—ни одно собраніе не доживается до законнаго предѣла своихъ полномочій. Но — plus ça change, plus c'est la mêm'e chose. Мы ограничимся, поэтому, лишь самыми бѣглыми очеркомъ исторіи партій послѣ Стамбулова,—чтобы затѣмъ перейти къ систематическому изображенію болгарской конституціонной практики.

Впечатлѣніе, оставленное режимомъ Стамбулова, было настолько сильно, что въ первое время послѣ его паденія партійная жизнь продолжала идти въ духѣ „соединенной оппозиціи" Свободного Слова. Стамбуловъ былъ тутъ, на лицо, онъ еще открыто грозилъ, что вернется и что тогда достанется его политическимъ врагамъ. Подъ этимъ же впечатлѣніемъ совершились и выборы въ восьмое народное собраніе: они произведены были въ духѣ рѣзкой реакціи противъ только что свергнутаго режима. Но въ моментъ, когда они производились, новой „правительственной" партіи еще не сложилось, чѣмъ и объясняется, что на выборахъ три главныя оппозиціонныя группы получили почти поровну представителей: панковисты 40, соединисты 40 и радослависты 37. Кромѣ того, было выбрано 26 консерваторовъ, 8 каравелистовъ и 3 соціалиста. Конечно, взаимное согласіе соединенной оппозиціи рушилось тотчасъ же, какъ только рѣчь зашла о дѣлежѣ добычи. Радославовъ,

точно также, какъ при Каравеловѣ и при Стамбуловѣ, опять не хотѣлъ играть второй роли, а первая роль отдана была княземъ Стоилову. Въ результатѣ, Стоиловъ немедленно приступилъ къ сплоченію новой правительственной партіи, на которую могъ бы опереться противъ Радославова. Уже за четыре дня до открытия нового собранія, 11 октября 1894 г., южно-болгарскіе представители (т. е. соединисты) заявили Стоилову, что они присоединяются къ правительственной партіи. Всѣдѣ затѣмъ и консерваторы подписали заявленіе, что признаютъ своимъ вождемъ Стоилова. Присоединилась къ нему и часть цанковистовъ. Вновь сорганизованная такимъ образомъ партія уже не могла носить клички консерваторовъ, хотя и принадляла въ себѣ всѣ консервативные элементы всѣхъ упомянутыхъ партій. Она не могла называться и либеральной, такъ какъ разные оттѣнки либерализма представлялись каравелистами, радославистами и стамбулистами. Она называла, поэтому, себя „народной“ партіей или „народняками“. Въ палатѣ она имѣла теперь сплоченное большинство, нѣсколько болѣе 100 голосовъ изъ 153. Характеръ партіи былъ по преимуществу „чоргаджійскій“, такъ какъ къ ней примыкали наиболѣе зажигательные независимые элементы болгарского общества. Отодвинутая на второй планъ эпохой конституціонной борьбы и политического терроризма, партія болгарской буржуазіи теперь спѣшила наверстать потерянное время и воспользоваться доставшемся ей властью. Вопреки избирательному закону, очень многіе изъ самихъ депутатовъ палаты занимались подрядами и поставками. Господство партіи народняковъ продолжалось необычайно долго для Болгаріи—цѣлыхъ четыре съ половиной года, при чёмъ новые успѣшные выборы 1896 г. (въ IX народное собраніе) еще болѣе закрѣпили ея положеніе: оппозиція имѣла въ этой палатѣ всего только 15 мѣстъ изъ 169 (именно 7 радославистовъ, 3 стамбулиста, 2 каравелиста, 2 соціалиста и 1 цанковистъ). Однако же, въ концѣ концовъ, партія сдѣлалась жертвой своихъ коммерческихъ тенденцій и пала по вопросу финансово-коммерческому. Находясь съ самаго начала въ зависимости отъ соединистовъ, Стоиловъ долженъ былъ исполнить ихъ желаніе: отнять у иностранного общества восточныхъ жел. дорогъ возможность съ помощью тарифовъ направлять торговлю на турецкій Деде-агатъ вмѣсто болгарскаго нового порта, Бургаса. Иностранная компанія вообще налагала на болгаръ свои условія, пользуясь частью линіи черезъ южную Болгарію, находившуюся въ ея рукахъ. Такъ какъ прямо выкупить у иностранцевъ эту принадлежавшую имъ часть линіиказалось нельзя, то соединисты рѣшили построить такъ наз. „параллельную линію“, въ обходъ иностранной. Тогда вѣнскій *Landerbank* пустилъ въ ходъ финансовую репрессію и отказался сдѣлать послѣдній выпускъ займа, устроенаго еще Стамбуловымъ. Правительство очутилось безъ денегъ для постройки желѣзной дороги и Бургасскаго порта, и во-

прось о финансированіи затѣянныхъ въ Румеліи предпріятій обострился. Къ неудовольствію соединистовъ, „параллельную линію“ пришлось бросить и войти въ переговоры съ Länderbank'омъ, который самъ теперь предлагалъ устроить продажу иностранной линіи болгарамъ и дать имъ въ займы деньги, но на такихъ условіяхъ, которые общественнымъ мнѣніемъ признаны были безусловно невыгодными и унизительными. Общественное мнѣніе обвиняло министра финансовъ Теодорова въ желаніи получить личные выгоды отъ желѣзодорожного займа; говорилось также объ участіи родственниковъ князя въ предпріятіи. Въ этомъ деликатномъ положеніи князь самъ вызывалъ отставку Стоилова, гласно называвши министра финансовъ „воромъ“ — въ чёмъ, какъ говорять, убѣдилъ князя Грековъ.

Грековъ и явился наследникомъ павшаго министерства, по личному выбору князя. Но у Грекова не было никакой *своей* партіи въ странѣ. Поэтому, для составленія нового правительства большинства, пришлось — какъ это ни было непріятно князю — прибѣгнуть къ единственной тогда сильной группѣ послѣ народниковъ и ихъ союзниковъ: къ группѣ Радославова, который въ сѣверной Болгаріи сохранилъ еще некоторую популярность, какъ противникъ Стамбулова, а въ южной Болгаріи имѣлъ сильную поддержку со стороны враждебной соединистамъ либеральной румелійской партіи — бывшихъ „казенныхъ“. Радославовъ пользовался также репутацией организатора избирательныхъ наслій, шефа „палочниковъ“ — репутацией, которая установлена была за нимъ каравелистами еще до стамбуловскаго режима. Въ министерствѣ Грекова ему было предложенъ соотвѣтствующій постъ — министра внутреннихъ дѣлъ; и взявши въ свои руки избирательную машину, Радославовъ оправдалъ свою репутацію... Во вновь избранной камерѣ правительственныхъ депутатовъ было болѣе 133, тогда какъ на долю оппозиціи досталось меньше 36 мѣстъ. Большинство состояло, кромѣ 89 собственныхъ послѣдователей Радославова, изъ 11 партизановъ Грекова, изъ 11 неопределенныхъ либераловъ, 3 „старыхъ“ либераловъ и 19 либераловъ стамбулистовъ. Перечисленныя оппортунистические клички подчеркиваютъ дворцово-партизанскій характеръ министерства Грекова! Подобное министерство было особенно неудобно въ такой моментъ, когда вниманіе общественного мнѣнія было насторожено, благодаря исторіи желѣзодорожного займа. Заемъ не состоялся только потому, что въ послѣднюю минуту, уже по утвержденіи князя, его не утвердилъ султанъ, какъ говорятъ, по конфиденціальной просьбѣ самого князя. Но, какъ бы то ни было, финансовое положеніе было запутанное и недовѣріе въ странѣ всеобщее. Радославовъ не помогъ дѣлу; напротивъ, онъ дѣйствовалъ такъ, что министерство Грекова не просуществовало и девяти мѣсяцевъ. Онъ прежде всего не удовлетворился своимъ второстепеннымъ

положениемъ въ министерствѣ и, уже въ четвертый разъ въ теченіе своей политической карьеры, сталъ добиваться первого мѣста. Его усилия и на этотъ разъ полныи успѣхомъ не увѣнчались, хотя большинство депутатовъ и было его личными сторонниками. Князь не хотѣлъ имѣть Радославова премьеромъ, и партіи пришлось пойти на компромиссъ. Роль министра-президента отдана была менѣе видному и болѣе „комодному“ члену партіи, Иванчеву, старому сотруднику Радославова еще изъ достамбуловскихъ временъ. Радославовъ, однако, и съ этимъ рѣшеніемъ партіи не хотѣлъ примириться и вѣрь себя по отношенію къ своему фиктивному шефу такъ рѣзко, что сдѣлалъ совершенно невозможной дальнѣйшую совмѣстную дѣятельность министерства. Одновременно съ этими внутренними расприями, Радославовъ все сдѣлалъ, чтобы возбудить противъ себя сильнѣйшее раздраженіе въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ болгарского общества. Знаменитая исторія съ вагонами, заказанными по повышенной цѣнѣ одной фирмѣ и по доставкѣ въ Софию оказавшимися совершенно гнилыми, дала мѣру дѣловой честности министерства. Возстановленная Радославовымъ въ старой турецкой формѣ подать натурай—„десятоke“—вызвала волненія среди крестьянства; мѣстами, какъ, напр., въ Дуранъ-Кулакѣ, дѣло доходило до бунта съ форменнымъ усмирѣніемъ, съ убитыми и ранеными. Оппозиція, уже поднявшая голову при паденіи Стоилова, быстро выросла въ силѣ: помимо старыхъ партій выдвинулась даже новая, специально вызванная крестьянскимъ недовольствомъ—т. н. „земледѣльческій союзъ“, привлекшій на свою сторону, кроме многихъ партизановъ демократической и соціалистической партій, также и массу новыхъ избирателей. Съ вліяніемъ этого оживленія на весь ходъ избирательной борьбы мы познакомимся позднѣ.

Очевидно, министерство Иванчева-Радославова нельзя было болѣе удерживать у власти. Радослависты погубили себя въ общественномъ мнѣніи, какъ погубили раньше ихъ и народники. Обѣ главныи партіи были дискредитированы. Естественно было бы обратиться прямо къ оппозиціи, но князь попытался избѣжать этого исхода. Въ ослабленіи главныхъ парламентскихъ партій онъ видѣлъ прежде всего средство для расширенія личнаго вліянія и попробовалъ этимъ средствомъ воспользоваться. Онъ выдвинулъ опять своего человека—генерала Рачо Петрова, того самого, который когда-то помогъ ему избавиться отъ Стамбулова. Была сперва испробована комбинація Иванчевъ-Рачо Петровъ, но составить такое министерство не удалось, и Рачо Петровъ взялъ дѣло на себя одного. Послушная избирательная машина должна была опять—уже въ третій разъ за время послѣ Стамбулова—послать въ палату новое правительственное большинство. Однако же, въ виду общественнаго возбужденія и при полной неопытности Петрова въ организаціи искусственныхъ выборовъ, на

этот разъ опытъ не удался. Выборы Рачо Петрова въ новое (XI) собрание (1901) оказались сравнительно наиболѣе свободными изъ всѣхъ, за исключениемъ первыхъ выборовъ времени Баттенберга. Въ результатѣ, страна послала депутатовъ главныхъ партій (за исключениемъ, разумѣется, радославистовъ) въ довольно однаковомъ числѣ; поэтому, для образованія какого бы то ни было большинства въ палатѣ, приходилось прибѣгнуть къ коалиції.

Менѣе всего при этомъ могла быть рѣчь о партіи, только что покинувшей власть. Общее раздраженіе противъ радославистовъ выразилось въ отдачѣ свергнутаго министерства подъ судъ. Что касается народняковъ, они, конечно, пошли бы въ министерство, если бы могли образовать его изъ одной своей партіи. Но для этого они были недостаточно сильны; ихъ вождь Стоиловъ даже вовсе не былъ избранъ. Дѣлить же власть съ другими народняки не хотѣли. Эта партія, по самому своему составу, никогда такъ не голодала и не спѣшила насыщаться такъ жадно и безцеремонно, какъ радослависты, умѣя сохранить, по крайней мѣрѣ, вѣшнее приличіе и достоинство. Народняки понимали, что, послѣ недавняго ихъ еще паденія, ихъ время не пришло, и они предпочитали выждать своего времени, чѣмъ дать себя использовать въ коалиції съ другой какой-нибудь партіей. Такимъ образомъ, активной роли въ будущемъ министерствѣ не могли играть и народняки. Оставались обѣ старо-либеральная партія, сохранившая со времени изгнанія князя Александра смутную репутацію руссофильства и именно этимъ надолго дискредитированная. Теперь, благодаря примиренію съ Россіей, состоявшемуся еще при Стоиловѣ, для руссофильства, какъ будто, снова создавалась благоприятная почва; и если народняки уже постарались присвоить себѣ выгодную кличку руссофиловъ, то цанковисты могли претендовать на нее, какъ на свое естественное, неотъемлемое политическое наслѣдство. Кличка не годилась, правда, какъ программа, и не могла замѣнить отсутствіе послѣдней; но она отлично годилась, какъ избирательный лозунгъ—и была въ этомъ смыслѣ использована съ успѣхомъ. Что касается каравелистовъ, ихъ руссофильство было всегда болѣе двусмысленно и подозрительно, и ихъ значеніе въ описываемый периодъ заключалось совсѣмъ въ другомъ. Политически уничтоженная Стамбуловымъ, партія Каравелова, можетъ быть, менѣе сохранила личныхъ связей изъ своего прошлаго, чѣмъ какая либо другая. Это дѣлало партію каравелистовъ слабѣе другихъ, но это же и давало ей такое преимущество, какого не имѣла никакая другая партія: преимущество свѣжести и новизны. Не связанная прошлымъ и сравнительно менѣе зависимая отъ своихъ провинціальныхъ „пріятелей“, партія могла выкинуть незапятнанное знамя демократизма и этимъ привлечь къ себѣ если не наиболѣе многочисленные, то наиболѣе порядочные элементы болгарской политической жизни.

Она могла стать единственной партией принциповъ, а не партийныхъ интересовъ, и, не спѣша реализовать своего морального значенія въ настоящемъ, сберечь его для будущаго, которого могла дожидаться спокойно. Кругомъ Каравелова дѣйствительно собралось вновь выросшее въ промежуткѣ молодое поколѣніе; къ нему даже примыкали соціалисты, не дифференцировавшіе еще тогда своей политической программы, еще готовые опираться на смутныя чаянія крестьянства и оперировать путемъ отрицательной критики, не подчеркивая рѣзко своей положительной программы. Но чтобы сохранить около себя этотъ молодой антуражъ, вождю и его друзьямъ изъ старого поколѣнія приходилось быть очень разборчивыми въ выборѣ политическихъ союзовъ и очень осторожными въ своихъ конституціонныхъ приемахъ. Какъ мы имѣли случай видѣть, прошлое не пріучило ихъ ни къ тому, ни къ другому. Шансы партійного торжества, конечно, возрастили съ каждымъ годомъ, съ каждымъ павшимъ министерствомъ, съ каждой дискредитированій партіей, — но шансы личной удачи проходили безвозвратно, не использованные, и партизаны роптали, нервозность вождей росла, непримиримая поза становилась невыносимо-утомительной... Быть можетъ, эта личная и политическая психологія и объясняетъ, почему каравелисты не рѣшились долѣе искушать будущее и схватились за представившійся теперь шансъ—войти въ министерство въ союзѣ, который не обѣщалъ имъ ничего доброго, съ партнеромъ, который былъ фактически сильнѣе ихъ и который держалъ въ своихъ рукахъ шансы удачи и неуспѣха, оставляя болѣе слабому союзнику сомнительное удовольствіе общаго риска и ответственности.

События жестоко наказали партію за эту новую ошибку вождей. Каравеловъ палъ по вопросу, въ которомъ всю жизнь считался специалистомъ—по вопросу финансовому (о займѣ съ обеспечениемъ иностраннѣхъ кредиторовъ табачной монополіей); онъ палъ подъ ударами собственныхъ партизановъ, отказавшихся въ рѣшительную минуту вотировать съ нимъ за заемъ, палъ при томъ, будучи самъ въ дуплѣ противъ займа и до послѣдней минуты играя двойную игру, въ которой его перехитрили болѣе искусные друзья-противники, въ союзѣ съ дѣльцами изъ Европы. Связавъ формально свою судьбу съ судьбой займа, защищая его открыто и дѣйствуя противъ него тайно, средствами, которыхъ оказались слишкомъ слабыми и бессильными, чтобы спасти Болгарію отъ займа, Каравеловъ въ сущности попалъ въ такой же импasse, въ какомъ мы его видѣли наканунѣ сверженія князя Александра. Естественно, что молодое поколѣніе демократовъ, не хотѣвшее дѣлить съ нимъ его приемы, не захотѣло участвовать и въ его неудачѣ. Разрывъ, давно назрѣвшій, наконецъ, произошелъ, и стъ Каравелова отдѣлилась группа „молодыхъ демократовъ“, взявшая на себя ту роль, которую могъ бы при

жныхъ уловіяхъ играть и самъ Каравеловъ—роль партіи будущаго, сильной своимъ моральнымъ значеніемъ и принципіальной доктриною. Но, къ несчастію для новой партіи, она не взяла съ собой въ дорогу достаточной политической опытности и въ первомъ увлеченіи зачастую переходитъ границу, которая отдѣляетъ практическую политику отъ политической утопії. Въ этомъ можно видѣть извѣстную пользу, такъ какъ такая позиція предохраняетъ отъ черезчуръ преждевременныхъ уступокъ и компромиссовъ, но она же и лишаетъ партію возможности имѣть все то практическое вліяніе, на какое она способна, установить твердый критерій для оцѣнки текущихъ событий конституціонной жизни и принять этотъ критерій не только къ частностямъ, но и къ цѣлому, не только ко „вторымъ“, но и къ „первымъ“ причинамъ“ болгарскихъ политическихъ болѣзней. Впрочемъ, всѣ эти замѣчанія станутъ болѣе ясными, когда мы вернемся къ политической теоріи молодыхъ демократовъ. Теперь же будемъ продолжать нашъ очеркъ новѣйшей конституціонной исторіи Болгаріи.

Послѣ паденія Каравелова цанковисты остались одни у власти, съ министромъ президентомъ Даневымъ, затѣмъ Цанкова, который слишкомъ слабъ физически, чтобы лично руководить своей партіей. При поддержкѣ Россіи, цанковистамъ удалось заключить иностранный заемъ безъ монополіи и, такимъ образомъ, блестяще выйти изъ трудного положенія, въ которое они же поставили Каравелова. Будущее покажетъ, вѣроятно, какъ далеко шель Даневъ въ своей руссофильской политикѣ и насколько справедливы обвиненія по этому поводу, выставляемы противъ него его политическими противниками. Какъ бы то ни было, именно виѣшня политика Данева, въ связи съ труднымъ положеніемъ, созданнымъ для Болгаріи революціоннымъ движеніемъ въ Македоніи, сдѣдалась причиной паденія цанковистскаго министерства. Здѣсь не мѣсто входить въ подробности относительно македонской политики князя; но трудно сомнѣваться, что политика эта была болѣе или менѣе активная. Критическое положеніе, пережитое Болгаріей въ 1903 году, создало настроеніе, нѣсколько напоминающее то, которое предшествовало вдоворенію стамбуловскаго режима. Паника среди населенія и всеобщее опасеніе войны оказались достаточно сильными, чтобы покончить съ руссофильской политикой Данева, съ его бездѣятельностью по отношенію къ возможнымъсложненіямъ, съ его старомоднымъ довѣріемъ къ чужому покровительству и демократической недовѣрчивостью относительно болгарского милитаризма. Сознательно или нѣтъ, но обстоятельства сложились чрезвычайно благопріятно для князя и дали ему возможность произвести вторично тотъ самый опытъ съ министерствомъ Рачо Петрова, который не удался ему въ 1900 г. Ничто на этотъ разъ не подготовило и не оправдывало министерскаго кризиса въ сферѣ чисто консти-

тупционной, въ кругу народного представительства. Но вѣдь падаты настроение противъ министерства и его политики несомнѣнно обострялось. Пріемъ, какимъ князь привелъ министерство къ необходимости подать отставку, былъ старый и не разъ испытанный княземъ: выраженіе личной немилости, въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Выборы въ послѣднее XIII собраніе „сдѣлалъ“ на этотъ разъ старый и испытанный „партизанъ“, другъ Стамбулова, Петковъ. Это имя означало цѣлую программу и возстановляло въ памяти худшіе эпизоды стамбуловскихъ избирательныхъ кампаній. Въ связи съ общимъ раздраженіемъ противъ Даневской политики, съ разочарованіемъ теперь уже во всѣхъ старыхъ партіяхъ страны,—эти реминисценціи стамбуловскаго режима по-дѣйствовали настолько сильно на психологію избирателя, что всѣ усиливъ „соединенной“, какъ при Стамбуловѣ, оппозиціи оказались безсильными. Напрасно эта оппозиція распространяла манифесты, подписанные именами вождей всѣхъ четырехъ партій (народники, панковисты, баравелисты и младо-демократы); напрасно, съ своей стороны, напоминала о прошлыхъ ужасахъ стамбуловщины и апеллировала къ конституціоннымъ чувствамъ и принципамъ избирателя противъ „личнаго режима“. Избиратель или вовсе не явился къ урнамъ (см. цифры ниже, въ гл. III), или пришелъ съ намѣреніемъ опустить бюллетень съ стамбулистскими именами. Пораженіе оппозиціи было страшное; и такъ какъ видимыхъ насилий на выборахъ было сравнительно немного и терроръ оказался чисто психологическимъ, то мораль этого пораженія получалась довольно непріятная.

Мораль эта сводится къ тому, что старые партіи изжили свое время, и Болгарія въ конституціонномъ отношеніи переживаетъ переходный, критический періодъ. Мы видѣли, какъ съ каждымъ новымъ министерствомъ падала какая-нибудь изъ старыхъ политическихъ репутацій—падала, если не въ глазахъ своихъ ближайшихъ пріятелей, то въ глазахъ общественного мнѣнія. Взаимная газетная критика помогла этому процессу разрушенія старыхъ репутацій пойти ускореннымъ темпомъ. Старость и смерть дѣлали свое дѣло, унося въ могилу одного за другимъ старыхъ шефовъ болгарскихъ партій. Такимъ образомъ, настоящее постепенно отрывалось отъ прошлаго: со смертью вождей часто терялся послѣдній резонъ отдѣльного существованія партій, такъ какъ ея принципіальная основа постепенно затерлась временемъ, а новой программы, достаточно цѣльной и оригиналной, на лицо не оказывалось. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше всѣ главныя партіи становились, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую, и по приемамъ политической борьбы, и по программамъ —или по ихъ отсутствію,—и даже часто по соціальному составу послѣдователей. При такомъ положеніи дѣла, кличка и личный персональ кандидатовъ на министерские посты часто оставались единственнымъ

отличиемъ одной партіи отъ другой. Старый конституціонный материалъ былъ быстро стерть въ порошокъ ходомъ политической жизни, а новый материалъ не успѣвалъ сложиться, благодаря той же искусственности партійной жизни. Но потребность въ этомъ новомъ материалѣ и въ новыхъ группировкахъ, болѣе принципіальныхъ, несомнѣнно существуетъ и съ каждымъ годомъ усиливается. Можно предвидѣть, что недалеко время, когда всѣ существующіе обломки старыхъ партій, съ своими истершимися до неузнаваемости знаменами, сольются въ нѣсколько крупныхъ группъ, съ болѣе опредѣленнымъ характеромъ и болѣе рѣзкими различіями. Настоящее господство стамбулистовъ, группы, обвязанной своей силой не столько самой себѣ, сколько случайнымъ и времененнымъ виѣшнимъ причинамъ—политическому равнодушію массы и усложненіемъ во виѣшней политикѣ—прекратится вмѣстѣ съ этими наносными причинами. Тогда очередь будетъ за партіей наиболѣе богатой, вліятельной и представляющей, по крайней мѣрѣ, опредѣленные классовые интересы. Мы говоримъ о народникахъ. Къ нимъ, при ихъ торжествѣ, примкнутъ, вѣроятно, обломки исчезающихъ группъ съ однороднымъ настроениемъ,— и такъ сложится большая консервативная партія. Оппозиція противъ нея поневолѣ будетъ союзная, — и союзъ партій будетъ, опять таки поневолѣ, менѣе пестрымъ и менѣе случайнымъ, чѣмъ онъ былъ противъ стамбулистовъ. Этотъ союзъ даетъ основу для возникновенія большой либеральной партіи. Положеніе дѣла не измѣнится, конечно, если первая партія предпочтеть называть себя либеральной, а вторая — прогрессивной, демократической или какъ-нибудь иначе. Разумѣется, всѣ эти догадки о ближайшемъ будущемъ политической жизни могутъ не оправдаться, но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что что нибудь подобное этому перераспределенію и новой концентрації политическихъ партій должно произойти, какъ неизбѣжный результатъ настоящаго хаоса—и необходимое условіе дальнѣйшей здравой политической жизни. Къ этому же заключенію приведетъ насъ и изученіе практики болгарскаго конституціонализма.

П. Милюковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П И СЬ М О.

Мнѣ семьдесятъ пять лѣтъ кончается. Изъ нихъ
Сознательнымъ умомъ и сердцемъ человѣка
Я прожилъ болѣе полвѣка.
И вотъ теперь, порой, одинъ среди своихъ
Воскреснувшихъ воспоминаній,
Я провожу передъ собой
Картину дней былыхъ—невагодь, тревогъ, страданій
Тѣхъ близкихъ мнѣ людей, кому быль данъ судьбой
Удѣль жестокій, беспощадный —
Стонать подъ гнетомъ тьмы зловѣще-непроглядной,
Пытаться съ ней вступать въ борьбу —
И падать въ прахъ, какъ подобаетъ
Не гордому бойцу, а жалкому рабу..

И, съ прошлымъ наряду, мысль ярко освѣщаетъ
Мнѣ настоящее...

О, молодой мой другъ!
Тебя томить мучительный недугъ
Отчаянья, утраты упованья,
Блаженной вѣры въ торжество
Намъ всѣмъ священнаго призванья,
Того, въ чемъ цѣль существованья
Для человѣчества всего.
Лишаясь силь отъ ядовитой муки,
Въ тупомъ унынїи ты опускаешь руки:
„Зачѣмъ работать? Все равно —
Намъ зла не сокрушить—незыблемо оно“.
Увы! Такихъ, какъ ты, есть много...
Ахъ, милые друзья, повѣрьте старику:
Такая замѣя открылася дорога,
Какой не грешилось намъ на своемъ вѣку.

Да, правда, зло еще могуче,
И не стѣсненъ его просторъ,
Но свѣтъ даетъ враждебной тучѣ
Все чаще, все грознѣй отпоръ.
Чтоб было пережито нами,
Для васъ звучить теперь словами сказки злой.
Нашъ кругъ былъ тѣсный кругъ, шелъ робкими шагами
Безъ твердой почвы подъ собой.
Васъ много, съ каждымъ днемъ все шире,
Все крѣпче братскій вашъ союзъ;
То, что для васъ всего дороже въ мірѣ,
Освобождается отъ старыхъ ржавыхъ узъ.
Съ дыханіемъ животворящимъ,
Ломая зимній ледъ, весна идетъ, идетъ,
И прошлое предъ настоящимъ
Съ предсмертной злобою оружіе кладетъ.
Теперь-то время наступило
Для жатвы пышныхъ тѣхъ плодовъ,
Чтоб цѣпью длинною годовъ
Возращены; теперь стоять уныло,
Теперь не дѣйствовать и стыдно, и грѣшно.
Когда открыта дверь, передъ ея порогомъ
Остановившійся преступенъ передъ Богомъ
И предъ людьми. Грядущее полно
Надеждами — и ваше поколѣнья
Бороться призвано за ихъ осуществленье!

Петръ Вейнбергъ.

СРЕДИ РАБОЧИХЪ *).

I.

Въ первый день мы отошли оть имѣнія верстъ тридцать, нигдѣ не останавливаясь и не спрavляясь относительно работы. Мы чувствовали себя бодро, и идти намъ было хорошо. Погода стояла прекрасная; дорога вездѣ просохла... Идти приходилось по большей части молодыми, мелкими березовыми лѣсами... Пѣли птицы, жужжали шмели, мухи, пахло цвѣтами...

Мы часто дѣлали „залоги“, т. е. садились гдѣ-нибудь, снимали сумки, закуривали и разговаривали, наслаждаясь отдыхомъ и полной свободой. Разговаривать про работу, гдѣ ее найдемъ, какъ будемъ жить, сколько будемъ получать,— точно сговорившись, мы избѣгали въ этотъ день; говорили совсѣмъ о другомъ.

Я забыть, между прочимъ, упомянуть, что въ нашей компании былъ еще Терехинъ землякъ, солдатъ Яковъ Малинкинъ, человѣкъ бывалый, веселый и разговорчивый... На отыхахъ и въ дорогѣ онъ безъ умолку рассказывалъ про свои похожденія и мытарства по бѣлу свѣту, особенно же про русско-турецкую кампанію, въ которой онъ участвовалъ.

Тереха слушалъ его разсказы, и они видимо доставляли ему невыразимое удовольствие.

— Жутъ! — восклицалъ онъ въ особенно сильныхъ мѣстахъ и, обернувшись, окидывалъ насъ своими прекрасными глазами, какъ бы приглашая взглядомъ раздѣлить съ нимъ восхищеніе.

— А убивалъ ты, дяденька Яковъ? — спросилъ онъ однажды.

*) Эти очерки стоять въ прямой связи съ печатавшимися въ настоящемъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“ подъ тѣмъ же заглавиемъ (см. „Р. Б.“, май и юнь). Ред.

— Эва! — воскликнулъ Малинкинъ: — рѣдьку, что-ли, я тамотка таскалъ? Знамо убивалъ.. На то война...

— Стра-а-ашно!!!..

— Ни черта не страшно! Православнаго ежели, скажемъ, убить — страшно... Христіанску душу загубить — дѣло десятое... а ихъ что! Нехристъ, песь — все одно! — И, затянувшись изъ своей черной трубки, на короткомъ чубукѣ, солдатъ продолжалъ:

— Забрали мы ихнюю деревню. Злые мы оту пору были, голодные... жрать смерть хотѣлось... Начали по изbamъ по ихнимъ шарить... Забѣжалъ я въ одну, — гляжу: сидить на полу въ углу баба... прижалась... И ребенокъ съ ней, году эдакъ, сказать не соврать, по пятому... Кричу я: хлѣба!.. Жую эдакъ, показываю... не понимасть!.. Э, думаю, нехрись!.. началъ самъ шарить... шарю, про бабу забылъ... А она, стерва, что-жъ ты думаешь: какъ ахнуть меня чѣмъ-то, по этому вотъ мѣсту.. Свѣту не взвидѣль... Какъ Господь спасъ, — диво!.. Видно, норовила меня по головѣ, да не попала по головѣ то... А то бы крышка, не сидѣть бы Малинкину съ вами, убила бы, истинный Господь. — Оглянулся я.. О-о-охъ!.. думаю... А она такъ вся и ощерилась, ровно вѣдьма какая аль чортъ, зубами скрыпить... Я какъ ее, понимаешь, ахну штыкомъ... наскрозы!.. Завертѣлась... „ля, ля, ля, ля!“ Вырвалъ я штыкъ, да этого самаго щенка ейнаго ка-а-акъ ахну... такъ къ стѣнѣ и пришиль!.. Никакъ штыкъ не выдерну... Выдернуль, а онъ, щенокъ-то, на немъ вертится... Страхнуль его, взяль, ей въ рыло... На, сука, лопай!..

— Охъ, хо, хо! — крякнулъ дядя Юфимъ. — Грѣхи!

— Жуть! — воскликнулъ Тереха, глядя большими испуганными глазами на Малинкина: — жуть!.. грѣхъ... ну, дяденька Яковъ, ну, ну!..

— Ну и ничего... Подошли, да и все!

— А хлѣба-то нашель? — спросилъ дядя Юфимъ.

— Нѣть, какой хлѣбъ!.. Сами, должно, голодаѣй собакъ жили... не нашелъ.

— Рабячокъ-то не виноватъ, — помолчавъ, въ раздумыи произнесъ дядя Юфимъ. — Не при чемъ онъ... нѣшь онъ смыслить? Грѣхъ! Ты попу на духу сказалъ бы...

— Скажешь тоже! — усмѣхнулся Малинкинъ, — па-а-а-пу! Чудакъ человѣкъ... до старости дожилъ, а кругомъ не съчень... Мы, чай, присягу принимаемъ... Ну, а кабы она меня, а?...

— Я не про то, — произнесъ дядя Юфимъ и замолчалъ, задумавшись.

— А поца-то напомнилъ ты мнѣ.. Я на духу второй годъ не былъ... аказія, голова!..

Малинкинь помолчалъ, накладъ новую трубку и, раскуривъ, заговорилъ:

— Со мной, братецъ ты мой, какая аказія вышла... и смѣхъ, истинный Господь, и грѣхъ! Задумалъ я лѣтось постомъ говѣть... Дома жиль о ту пору въ деревнѣ... Все, понимаешь, честь честью: въ середу къ заутренѣ сходилъ.. обѣдни отстоялъ... ну, въ четвергъ службы иѣту... пятница подошла... сходилъ опять къ заутренѣ къ обѣднѣ... Пришелъ домой.. думаю: часика черезъ два пойду на духъ къ полу... Ладно... легъ, полежаль, всталъ... Сталъ было обуваться,— гляжу—а портнянки у меня прорылись... загрязнились, обуялись.. Я и говорю женѣ: „Ты бы, говорю, Аксинь, мнѣ портнянки новыя сдѣлала, мѣшокъ бы, что ли, какой распорола...“—Ладно! говоритъ... А матушка отъ печки, слышу, кричитъ... Строгая она у меня да съ дурью, Богъ съ ней... Даромъ, что мать, а не скрою... Съ женой завсі ругань, срамота, ей-Богу.. „Мѣшокъ, кричить, гадить... и въ евтихъ хороши... Куды ему ходить-то... Сшей, кричить, ему изъ рогожи“... А жена и говоритъ: „Неужто съ мѣшкомъ-то не стоить?“ А мать ей на это: „Мѣшокъ-то пятіалтынный... на земль не подымешь“.. Слово за слово, пошла это промежъ ихъ ругань... Ругались, ругались, корили, корили одна другую, сѣѣпились драться... Ахъ ты, думаю, Владычица, вотъ-те и говѣнья... тьфу! Рознѣть ежели,—какъ рознѣть?.. Жену обидѣть—жалко, мать... какъ-никакъ, власти не имѣю... И взорвало, понимаешь, меня.—„Провались вы, говорю, и съ портняками-то... не буду говѣть, коли такъ, наплевать! Какое съ вами говѣнье!..“ Плюнуль взялъ... Будьте вы не ладны!.. Собрался, ушелъ въ казенку... По вечеру пришелъ пьянѣй вина... На-те вотъ вамъ, коли такъ, портнянки... навели человѣка на грѣхъ... Такъ и не говѣль...

— Это тебя онъ смущилъ,—сказалъ дядя Юфимъ,—врагъ рода человѣческаго... Онъ радъ!.. Ему это все равно, что медку лизнуть...

— Да ужъ видно, что такъ!—согласился Малинкинь, накладывая новую трубку.

II.

Переночевавъ въ какой-то маленькой деревнушкѣ, мы на другой день, часамъ къ 12-ти, пришли въ большое, богатое торговое село Лисачево.

Огромная, бѣлая, похожая скорѣе на соборъ, церковь стояла посреди его. Около церкви была площадь, отъ которой во все стороны шли улицы.. На этой площади, вокругъ церкви, сосредоточивалась вся торговля. Здѣсь было много

лавченокъ, трактировъ, „винополія“ и казенная чайная. Кромъ того, на площади торговали въ палаткахъ, съ лотковъ, съ возовъ и т. д. Въ селѣ былъ базарь. Огромная, пестрая толпа народа толкалась по площади и гудѣла, какъ пчелиный рой. Трактиръ былъ набитъ биткомъ. Измученные, потные, со злыми лицами „половые“ носились по заламъ, разнося „гостямъ“ чай, заваренный не кипяченой водой и разбавленный для крѣости, или, какъ говорятъ, „для цвѣта“ содой, а то и просто—порошкомъ березового выплавка...

Устроившись за однимъ изъ столовъ, накрытымъ грязной, загаженной скатертью, мы потребовали четыре „пары“ чаю и принялись пить.

Дядя Юфимъ, прежде чѣмъ наливать чай, сполоснуль пузатыя чашки кипяткомъ и, выплеснувъ кипятокъ подъ столъ, сказалъ:

- А что, ребята, ежели по махонькой, а?
- Не вредить!—согласился Малинкинъ.
- Ну, а вы какъ?—спросилъ дядя Юфимъ, глядя на насть съ Терехой.
- Я не стану,—сказалъ, улыбаясь, Тереха.—Ну ее къ ляду!..
- Что такъ?
- Не хочу!..

— Ну, не хошь—твоё дѣло!—сказалъ дядя Юфимъ и внушительно добавилъ:—А ты вотъ что, парень, помни: пей за столомъ да не пей за угломъ... Пить ежели въ мѣру,—ничего, для здоровья польза... Пей, да не упивайся,—такъ и во святомъ писаніи сказано: „не упивайтесь виномъ, въ немъ бо есть блудъ“... Ну, ты,—перемѣнилъ онъ рѣчь,—посиди чутокъ здѣсь одинъ, а мы сходимъ... Павлычъ, захватика-сь въ карманъ аршинъ... Пойдемте!..

Я сунулъ въ карманъ чашку, и мы трое, оставивъ на столъ свои фуражки, вышли изъ трактира на улицу.

„Винополія“ была рядомъ. Ее только что отперли... Длинной лентой „чередъ“ ожидающихъ тянулся отъ дверей далеко по улицѣ. Въ этомъ „череду“ стояли мужчины, бабы, дѣвки... Нѣкоторые держали въ рукахъ пустые „для обмѣна“ четвертныя, бутылки, у большинства же были полбутылки, посуда, какъ извѣстно, самая любимая и подходящая, носящая название „половинки“...

Мы подошли къ этому „череду“.

— Половинку, что ли? — сказалъ дядя Юфимъ вопросительно и сейчасъ же добавилъ, точно спохватившись, что сказалъ глупость:—Аль мало?.. Пожалуй, что мало на троихъ... Ну, быть по сему: возьмемъ цѣльную. Это съ насть съ троихъ по многу ль сойдетъ?

— Ладно,—сказалъ Малинкинъ,—сочтемся!.. У тебя есть мелочь-то?—обратился онъ ко мнѣ:—становись на чередъ. вмазывай!.. Въ трактирѣ ужо отдадимъ... Ты тутъ пакеда ждешь, мы съ Юфимомъ закусить возьмемъ... Селедку, что ли?..

Они отошли, а я всталъ на „череду“ и сталъ двигаться за какимъ-то малорослымъ, плохо одѣтымъ мужикомъ къ дверямъ „винополіи“. Впереди его двигались двѣ молодыхъ бабенки... У каждой было въ рукахъ по пустой четверти.

— Господи-Суси, что жъ эта морять какъ?—вздыхали онѣ, то и дѣло подымаясь на цыпочки и заглядывая черезъ головы.

— Н-н-д-а! — отвѣтилъ имъ шедшій впереди меня мужикъ,—дѣла!.. словно къ царскимъ дверямъ, прости Господи.

Ждать пришлось долго... Дядя Юфимъ и Малинкинъ кутили селедокъ и подошли ко мнѣ.

— Страдаешь все? — спросилъ Юфимъ. — Ахъ ты!.. За свои-то денежки!

— Казна! — лаконично произнесъ шедшій впереди мужикъ,—ничего не попишешь... царское дѣло...

Наконецъ, мы пододвинулись къ цѣли... Въ открытую дверь виднѣлись головы, стойка, рѣшотка, полки съ посудой и высокій, рыжій, съ суровымъ лицомъ сидѣлецъ.

— Сымаѣ шапки!—сказалъ шедшій впереди мужикъ и добавилъ:—Во, голова, чисто въ храмъ Господній... До чего дожили, а?..

Бывшія впереди бабенки вошли въ казенку, за ними переступилъ порогъ мужикъ, а слѣдомъ тронулся я.

Бабы подошли къ оконцу, и первая изъ нихъ, поставивъ посуду на стойку, сказала:

— Вотъ, батюшка, спасуда!

Сидѣлецъ схватилъ бутыль и выкинулъ ей двугривенный.

Баба полѣзла въ карманъ, достала платочекъ и начала развязывать зубами узелокъ, гдѣ у неї были завязаны деньги.

— Много ль, родной, за четверть-то?—спросила она.

— Не задерживай!—злобно крикнулъ сидѣлецъ, которому все это, видимо, страшно надоѣло.—Гдѣ ты была раньшѣ-то?.. Ворона!.. Подходи!—крикнулъ онъ стоявшему впереди меня мужику.

Мужикъ заторопился, оттолкнулъ бабъ и развязно, очевидно, радуясь, что достигъ, наконецъ, цѣли, сказалъ, подавая въ оконце деньги:

— Мерзавчика мнѣ, господинъ, душа горитъ!..

— Что-о-о?!—заоралъ на него „господинъ“, сдѣлавъ больше, совсѣмъ круглые глаза.—Что-о-о?—повторилъ онъ еще громче:—Самъ ты мерзавецъ! Раевъ здѣсь мерзячками торгуютъ? Во-о-о-нъ!..

— Па-а-милте!.. Я-съ...—залепеталъ оторопѣвшій мужикъ.

— Вонь! — снова крикнулъ сидѣлецъ и, махнувъ мнѣ рукой, сказалъ:

— Подходи... заснулъ тамъ...

Онъ схватилъ поданныя мною деньги, сунулъ въ оконце бутылку и закричалъ на бабъ, стоявшихъ, разиня ротъ, около стойки:

— Вонь!.. не мѣшаться... раньше деньги готовьте...

— Кормилецъ!—заголосили бабы,—батюшка... вновѣ мы... распорядковъ тутощихъ не знаемъ...

Я не сталъ слушать, что будетъ дальше, взялъ бутылку и вышелъ на улицу...

— Добыль?! — радостно воскликнулъ Малинкинъ, увидя меня.—А мы ждали, ждали... слюной изошли ждамши... пра-ей-Богу! Ну, гдѣ-жѣ пить-то?..

— Гдѣ вотъ хошь, тамъ и пей!—отвѣтилъ дядя Юфимъ.—Охъ, хо, хо! Да!.. Пойдемте хучь туда вонь, за уголъ, съ глазъ-долой... То ли дѣло допрежь: выпьешь, закусишь, бывало, посидишь, честь честью, по людски... А теперича тяни изъ горлышка да оглядывайся, какъ бы по шеѣ не тяпнули...

— Ау, братъ! Грѣхи,—согласился Малинкинъ,—ничего не подѣлаешь...

Отойдя отъ казенки на довольно почтительное разстояніе, мы свернули направо, за уголъ какого-то дома, и, пройдя немного, расположились на берегу канавы.

Юфимъ разложилъ на бумагѣ разрѣзанную на куски селедку, а Малинкинъ взялъ бутылку и привычнымъ манеромъ, хлопнувъ ладонью по донышку, вышибъ пробку. Отъ этого удара водка въ бутылкѣ замутилась и побѣлѣла... Я приготовилъ „аршинъ“.

— Погоди, дай отстояться, — сказалъ Малинкинъ, глядя на бутылку.—Ишь ее, матушку, всколыхнуло какъ...

— Наливай, не томи!—вмѣшался дядя Юфимъ,—выпьемъ поскорѣй, да и въ кусты... Терешка, чай, заждался таматко-насъ...

III.

Въ трактирѣ къ нашему столу, когда мы уже кончили чай, подошелъ какой-то, небольшого роста, человѣкъ, съ краснымъ опухшимъ лицомъ, одѣтый въ засаленный, точно покрытый лакомъ, пиджакъ, и спросилъ:

- Вы, ребята, аткеда?.. чьи?
- Мы не здѣшніе,—отвѣтилъ дядя Юфимъ и добавилъ:— такъ мы... насчетъ работенки...
- Мастеровые, что-ль?
- Нѣть... такъ... Каки мастеровые! По хлѣбу рѣзчики...
- Куда жъ идетѣ-то?..
- Да куда идемъ?—усмѣхнулся подвыпившій Юфимъ:— и сами, родной, не знаемъ.
- Работы ищемъ!—пояснилъ Малинкинъ.
- Та-а-а-къ!—протянулъ одѣтый въ короткій пиджакъ человѣкъ и, помолчавъ немногого, опять протянулъ:— Та-а-а-къ! Вотъ что,—продолжалъ онъ, окидывая нась всѣхъ противными глазами, съ кровяными жилками на бѣлкахъ,—землю рыть можете?
- Какъ, чай, не можемъ—можемъ!—сказалъ Юфимъ.— А что?..
- А то: давайте на сотку, укажу работу.
- Сотка не разсчетъ,—опять сказалъ дядя Юфимъ,—дать можно... А кака работа? Что дѣлать?
- Погребъ рыть, — отвѣтилъ человѣкъ въ пиджакѣ,— яму новую... Я вѣсъ сейчасъ бы и свѣль... А мнѣ, признаться, выпить необходимо... а?
- Да ужъ не знаю, какъ съ тобой и быть? — сказалъ Юфимъ, вопросительно глядя на нась: — Дать, ребята, ему что-ли, а?
- Дай!—сказалъ Малинкинъ,—сотку-то мы видали... песь съ ней, не разорить!
- Да вы не бойтесь!—успокоилъ нась пиджакъ,—вмѣсть пойдемъ... я на вашихъ глазахъ выпью, недалеча тутъ... чай, не сбѣгу... авось, и мы тоже восемь-то монетъ видали...
- Ну, смотри, вѣрно ль будетъ-то?—усомнился Юфимъ.
- Ну, вотъ! Толкуй, кто откуль... Говорю—вѣрно, стало быть—вѣрно... Мое слово олово... Отдавайте за чай, пойдемте...
- Мы отдали за чай, взяли сумки и пошли на улицу. Около казенки, гдѣ уже не было „чреду“, какъ часъ тому назадъ, дядя Юфимъ далъ человѣку въ пиджакѣ одиннадцать копѣекъ. денегъ и сказалъ:
- Смотри, другъ, чтобы по совѣсти.
- Человѣкъ махнулъ рукой и скрылся въ казенку. Черезъ минуту онъ появился оттуда, на ходу, по дорогѣ къ намъ, вышибъ ладонью изъ бутылочки пробку и, остановившись, запрокинувъ назадъ голову, сталъ пить водку прямо изъ горлышка.
- На, получи,—тяжело переведя духъ, вымолвилъ онъ, подавая Юфиму пустую сотку, и, крякнувъ, сплюнувшись на землю.—Б-р-р!—поморщился онъ,—фу-у-у-у!..

— На, закуси хлѣбушкомъ!—сказалъ Малинкинъ.
 — Не надо!—отвѣталъ тотъ,—зaberеть лучше такъ то...
 Посуду снеси... за нее три копѣйки плочены...
 — Знамо, — отвѣтилъ дядя Юфимъ и, обернувшись къ Терехѣ, сказалъ, подавая ему сотку:—подика-сь, обмѣни.
 — А меня тамъ не заругаютъ?—конфузясь и покраснѣвъ, произнесъ Тереха и вдругъ рѣшигельно добавилъ:—Не пойду я, дяденька Юфимъ, ни въ жисть не пойду... Иди самъ, коли что...
 — А, чортъ сѣрый!—разсердился дядя Юфимъ.—Куда ты годенъ-то? Вытянулся съ коломенскую версту, а ума вотъ на эстолько нѣть... тьфу!..
 Онъ плонулы и пошелъ самъ въ казенку.

IV.

Человѣкъ въ пиджакѣ перевелъ насть черезъ площадь и, пройдя немнога по пыльной, какъ будто песчаной улицѣ, остановился передъ домомъ, выкрашеннымъ желтой краской и крытымъ желѣзомъ.

Рядомъ подъ одну крышу, стояла лавка со стеклянными до половины дверями на улицу и съ вывѣской: „Авошная лавка Максима Иванова Тумашева“... Ворота во дворъ были искусно разукрашены жестью... Человѣкъ, дѣлавшій ихъ, очевидно, обладалъ терпѣniемъ и настойчивостью, достойными лучшей доли... Изнутри дома, по окнамъ виднѣлись кисейныя занавѣски и стояли горшки съ ярко распустившейся цвѣтущей „еранью“...

— Обождите малость,—сказалъ пиджакъ,—сейчасъ я...

Онъ взошелъ по ступенькамъ на крыльцо лавки и, заглянувъ въ стеклянную дверь, произнесъ про себя:

— Аказія, голова... гм! неужели опять?..

Онъ обернулся, посмотрѣлъ на насть, точно ожидалъ отвѣта, и, немнога подождавъ, дернулы за проволоку звонка .. Прошло больше минуты... Человѣкъ стоялъ и прислушивался, наклонивъ на бокъ голову, походя на лягавую собаку, которая сидѣть около двери и ждеть, когда выйдетъ хозяинъ-охотникъ.

— Аказія!—снова произнесъ онъ и опять дернулы за звонокъ.

На этотъ разъ ждать ему пришлось недолго... По ту сторону загромыхалъ засовъ, одна половинка стеклянной двери отворилась, и на порогѣ показалась толстая сердитая баба.

— Наше вамъ-сь!—воскликнулъ человѣкъ въ пиджакѣ,

дѣлая въ воздухѣ вывертъ поспѣшио снятымъ съ головы картузомъ.

— Ты чего это дурака ломаешь? — басомъ произнесла баба.

— Мы къ Петру Иванычу... собственно, по дѣлу...

— Возьми, вонъ, своего Петра Иваныча... Онъ вонъ, задерз ноги, третьи сутки валяется, какъ свинья! — грубо отвѣтила баба.

— О? Закургузилъ? — вопросительно произнесъ напѣтый вожатый.

— А то нѣть... знамо! Черти этакіе! Жрете и жрете ви- нище, не обlopаетесь никакъ, притка васъ расшиби!.. Да тебѣ на что онъ? — спросила баба, помолчавъ.

— Да намедни мы съ нимъ въ трактирѣ чай пили... Ну, между прочимъ, сказывалъ, погребъ хочетъ рыть, яму... Не увидишь ли, говорить, какихъ — присылай! Вотъ я и привелъ! — добавилъ онъ, показывая на насть рукой.

— А чьи такіе? — спросила баба, разглядывая насть: — може, воры... кто ихъ знаетъ, заблудящіе, можетъ. Но нѣ народъ-то какой... пачпорта-то у нихъ есть ли?..

— Пачпорта у насть, мамаша, въ исправности,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Ну, такъ какъ же? — спросилъ человѣкъ въ пиджакѣ, — безъ самого-то какъ быть?..

— Да такъ и быть,—отвѣтила баба: — яму рыть надо, безъ него знаю... А вы, миленькие, — обратилась она къ намъ, — дого-ль возьмете то?

— Да вѣдь кака яма? — отвѣтилъ Юфимъ: — Дороже денегъ не возьмемъ.

— Обнаковенная яма... Не то, чтобы очень глыбока, а такъ... середка на половину.

— Сажени полторы квадратъ, — пояснилъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— А глубиной какъ? — спросилъ Юфимъ.

— Да обнаковенно какъ... все поглыбже, чай, надо, — отвѣтила баба.

— Да какъ выроешь себя не видать, такъ и будетъ, — сказаалъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— Эва какъ! — воскликнула Юфимъ: — дѣла не мало!

— Четверо васъ... живо выроете!

— Да, живо... Ну, а цѣна какъ?

— А много-ль возьмете? — спросила баба.

— За трешницу выроемъ... на твоихъ харчахъ, — сказалъ Малинкинъ,

— Ишь ты какой склизкій! — воскликнула баба, — больно жирно крошишь — дѣячка подавиши.. Трешницу!.. У васъ вонъ

и струменту-то нѣть... Кто вы такие? Може, вы, песь васъ знаеть, жулье, аль што?..

— А ты, мамаша, полегче! — сказалъ Юфимъ, — лаяться негодится.

— Да какъ васъ не лаять: три рубля, статочное ли дѣло?..

— Ну, а ты много-ль дашь? — спросилъ Малинкинъ.

— Полтора рублика дамъ!

— Экъ, ты!..

Начали торговаться.

— Ну ужъ такъ и быть,—сказалъ Юфимъ,—давай два!

— Дорого... кормить васъ надо... Чай, небось, тоже пьете?

— Само собой,—отвѣтилъ Юфимъ,—небось, тоже люди.

— Заступовъ вамъ, чай, надо?

— Да какъ же? знамо, пальцемъ рыть не станешь...

— У насъ вонъ только два... къ сосѣдямъ надо... Все вонъ докука, хлопоты... Ну, идите въ калитку.

— На сотку за хлопоты! — воскликнулъ человѣкъ въ пиджакѣ.

— Ступай ты атседа, песь... Миѣ свой пьяница надоѣль! — крикнула на него баба и, захлопнувъ дверь у него подъ носомъ, ушла.

— Сво-о-о-лочь! — злобно протянулъ мужикъ.

— Кто така? — спросилъ Юфимъ.

— Ха-а-а-аяика! Чо-о-о-ртъ! Давайте хоть вы на сотку!

— Ну, нѣть, другъ, — отвѣтилъ дядя Юфимъ, — мы тебѣ уже дали — отчаливай... У насъ денегъ шальныхъ нѣту.. Богъ съ тобой...

— Ну, дери васъ чортъ, коли такъ... Я думалъ, поря-
дочный народъ... по совѣсти... эхъ вы, обормоты!.. Ну, давайте хоть пятакъ, дьяволы!..

— Дай ему, дядя Юфимъ, пятакъ, — сказалъ Малинкинъ, — отвязаться... ну, его!

Ему дали пятакъ, и онъ, ругаясь, ушелъ...

V.

Хозяйка отперла калитку и, пропустивъ насъ на дворъ, сейчасъ же снова заперла ее.

Огромная, гладкая черная собака соскочила, гремя цѣпью, съ телѣги-полка, гдѣ она лежала въ тѣни подъ навѣсомъ, и съ ожесточенiemъ, становясь на заднія ноги, хрюпло, задыхаясь отъ злобы, принялась лаять на насъ.

— А вдругъ сорвется, — произнесъ Тереха Воя, сторо-
нясь, — жуту!..

Подъ навѣсомъ, налѣво отъ воротъ, кромѣ полка, на которомъ лежала собака, стояли еще обыкновенные крестьянскіе „карули“ и щегольской, недавно только, повидимому, окрашенный тарантасикъ... Въ заднемъ углу лежали сложенныя въ клѣтку сажени двѣ березовыхъ швыроковыхъ дровъ и сотни три кирпичей. Направо отъ воротъ, противъ навѣса, находился собственно самыи „дворъ“, т. е. помѣщеніе для скотины. Въ открытую дверь стойла виднѣлась широкая спина вороной лошади, и доносилось откуда-то рѣзкое басистое хрюканье...

По пустому пространству, между навѣсомъ и дворомъ, бродили черные, поджарые, съ бѣлыми щеками „аглицкія“ куры... Индѣйскій пѣтухъ, то и дѣло распускавшій хвостъ и кричавшій „здравія желаемъ!“, утки и породистые бѣлые голуби...

Вслѣдъ за шедшей впереди хозяйкой, мы завернули за уголь и вошли въ полутемную сѣни.

— Полегче топочите тутотка ножицами, — вполголоса сказала она,—хозяинъ спить... Выпимши.

Она отворила обитую рогожей дверь, и мы другъ за другомъ вошли въ кухню.

— Здорово живете! — сказалъ Юфимъ, перекрестившись въ уголъ.

— Здравствуй!—отвѣтила хозяйка:—кладите сумки пока хучь подъ лавку, садитесь... Покурите, коли курите... На дворѣ не курите, а здѣсь можно.

Мы сняли сумки, и всѣ четверо сѣли рядышкомъ на скамью, стараясь держаться поближе къ порогу.

Въ передней части кухни, у небольшого оконца, выходившаго на площадку двора, сидѣла еще женщина и, наклонившись, что-то шила.

— Здравствуй, молодка!—сказалъ Юфимъ.

Она подняла голову вяло и нехотя, ничего не сказала и снова принялась за шитье. Женщина эта была одѣта въ сѣре, сильно заношенное, давно не стиранное, засаленное платье... Она была беременна, лицо было худое съ желтыми пятнами, подъ глазами синяки...

Немнogo поодаль сидѣли у стола дѣти и ѣли со сковороды жареную картошку,—двѣ дѣвочки и мальчикъ. Они уставились на насъ глазенками, какъ испуганные звѣрьки, и перестали ѣсть... Карапузъ-мальчишка, съ волосами, покожими на ленъ, полгѣзть, очевидно со страха, къ матери. Та сердито толкнула его и грубо крикнула:

— Не мѣшай, оглашенный!

— Невѣстка это моя,—сказала приведшая насъ хозяйка.—

Вы не бойтесь ея,—почему-то успокоила она насъ и добавила:

— Пойду заступовъ поищу... Къ Лучинкинымъ схожу. Посидите, пока что...

Она вышла... Въ кухнѣ было полутемно, грязно и какъ-то жутко... Она была, повидимому, очень стара и требовала полного ремонта. Полъ, покатый къ окнамъ, изображалъ что-то въ родѣ горки. Большая облупившаяся глиняная печь, стоявшая на деревянномъ опечкѣ, тоже ткнулась челомъ впередъ, напоминая задумавшуюся старуху. Въ старинномъ, съ ободранной фанеркой и выбитыми въ дверцахъ стеклами, шкафу виднѣлись на полкахъ чайныя чашки, сахарница въ видѣ курицы, стаканы и пр. На одной изъ стѣнъ висѣла картинка съ надписью „Ильясъ“ и небольшой портретъ Гоголя съ отодраннымъ ухомъ. Гоголь, какъ будто, чуть-чуть улыбался, глядя на грязь обстановки. Маятникъ небольшихъ, съ одной гирькой, часовъ торопливо, точно боясь опоздать куда-то, однообразно-надоѣдливо выстукивалъ свое: тикъ-такъ, тикъ-такъ... Въ пазахъ стѣнъ виднѣлись тараканы, и множество мухъ бродило по столу.

— А гдѣ-жъ хозяинъ?—спросилъ дядя Юфимъ, нарушая тяжелое молчаніе.

Женщина дернула какъ-то особенно зло иглу, нагнулась, откусила нитку, изподлобья глядя на насъ, и потомъ уже сказала:

— Спить!

— Что не во время? — опять спросилъ любопытный Юфимъ.

— Ему время, — сердито отвѣтила женщина, вдѣвая нитку. — Хоть бы обlopился, что ли!.. Петька! — воскликнула она вдругъ:—Я те побалую, смотри, окаянная сила!

Мальчишка, забравшійся на подоконникъ и хотѣвшій было отворить окно, кубаремъ слетѣлъ оттуда и заплакалъ отъ испуга.

— У-у-у, лѣшай!—крикнула на него женщина злобнымъ, отчаяннымъ, со слезами въ голосѣ, крикомъ:— Передохли бы вы все! У людей вотъ мрутъ,—передохли бы и вы!

— Что это ты?—тихо вымолвила Юфимъ,—нѣшто можно? Рабенокъ глупъ, играетъ... Грѣхъ и уста, молодка, сквернить...

— А, ну и тебя! — крикнула женщина и махнула рукой.—Ничего ты не знаешь! Связали они меня... Царица Ты моя, Небесная Матушка! — опять отчаянно завопила она, — Долго-ль мнѣ страдать-то... Долго-ль чашу эту пить горькую?

Она бросила работу и заплакала, закрывъ лицо руками.

— Скорѣль мои глазаньки-то закроются навѣки вѣчен-

скіе... О-о-хъ! горькая я, горькая!.. Не съ кѣмъ-то мнѣ слова вымолвить... Некому меня пожалѣть!..

Она выла, точно по покойникѣ, жалобнымъ, душу надрывающимъ воемъ. Вида, что мать плачетъ, дѣти тоже заплакали. Дѣвочка уцѣпилась за ея подолъ и кричала:

— Мамка, не плачь! Золотая, не плачь!

— Полно, молодка,—сказалъ дядя Юфимъ,—что ты словно по упокойникѣ?

— Милый ты мой, — еще шибче заголосила женщина и скорбно всплеснула руками, — не знаешь ты моего житья... Почекнѣло во мнѣ сердце, ровно черная смола!

Она обняла вдругъ одну дѣвочку поменьше и, въ страстномъ порывѣ прижавъ къ своей груди, заголосила:

— Дѣтушки мои милыя!.. Ненаглядныя мои дѣтушки! На горе на горенское народила я васъ... Кто пожалѣть васъ, какъ помру я... Дѣтушки, голуби мои ненаглядныя!..

Она принялась цѣловать дѣвочку.

Волненіе ея мало по малу стихло... Она всхлипнула послѣдній разъ, утерла рукавомъ глаза и заговорила, уже не растягивая и не выкрикивая слова:

— Вотъ придетъ ночь темная, бери дѣтей, да и иди въ чужie люди ночевать... День деньской вотъ тутъ сиди... въ горницу-то я и не смѣю... а на ночь въ люди...

— Что-жъ такъ?

— Проснется чадо-то мое... дратъся начнетъ... дѣти боятся... на стѣну лѣзутъ со страху... Ахъ, какъ дерется!.. Владычица Ты моя! Избита я вся... нѣть живого мѣста на мнѣ! Голову вотъ какъ наклоню, такъ словно падаю куда... все отъ побоевъ... страхъ во мнѣ во всей, трясенье. И все пьетъ, и все пьетъ, и все, милый ты мой, пьетъ!..

— Съ чего жъ это онъ?

— Съ жиру... избаловался: харчъ хороший, жизнь привольная, деньги есть... Не рабочий, не ломаный: палецъ объ палецъ не ударить... Пить и пить, и нѣть ему, окаянному, удержу. Не захлебнется винишемъ-то проклятымъ... Все до дна пить, все до дна... И не пролей, милый ты мой, капельки!

— Та-а-а-къ!—протянуль Юфимъ и почесаль въ головъ.— Ну, а какъ же хохайство-то: лавка и все прочее? У васъ, поглядѣль я даве, какъ сюда шель, колесо тоже немалое заведено.

— Свекровь все, батюшка, все свекровь... Кабы не она, давно-бъ все прахомъ пошло!

— Все безъ мужика нельзя: лошадь тамъ запречь... скотину убрать... все такое...

— А мы работника держимъ.

— Гдѣ-жъ онъ... не видать..

— Ушель... разсчетъ вѣяль третье... Не живутъ... кто станетъ жить? Срамовище!.. Поживетъ недѣльку—бѣчь! На руку самъ-то тяжоль... дерется... ну, а по нынѣшнему времю кто станетъ терпѣть... Доведись до кого-хочь,—нѣшто стерпѣть?

— Извѣстно,—согласился Юфимъ. — Плохо твое дѣло, — добавилъ онъ.

— Такъ-то плохо, милый, такъ-то! Десятый годъ маюсь, извелась вся... въ люди выйти: стыдно... Ну, что же милый, милый, дѣлать-то? И не придумаю... Ахъ, да связали вѣтъ они меня, проклятые!.. У-у-у, черти!

Она опять со злостью толкнула мальчика и еще пуще заплакала. Мы молчали, потуясь. И, кажется, у всѣхъ одинаково нехорошо было на душѣ.

— Кабы не они,—заговорила женщина снова, — плюнула бы я на него... ушла бы, куда глаза глядятъ... Быть собака, да незнамая!.. Вотъ проснется къ вечеру... уже посмотрите, каковъ бурлакъ: морда-то лопнутъ хочетъ... Хуже-то онъ для меня, милый, звѣря лѣсного, волка!.. Не слыхала я отъ него, опричь матюговъ, слова ласковаго... пьяный да слюнявый лѣзетъ... во грѣхахъ и дѣтей рожу, за насилику... Каждый годъ, почитай, рожу...

— Такъ какъ же тебѣ быть-то?—воскликнулъ Юфимъ.

— Вотъ, какъ хошь!

Она жалобно улыбнулась, замолчала и снова принялась за шитье. Дѣти присмирились и сидѣли жалкіе, какъ брошенные птенчики... Со двора доносилось пѣніе пѣтуховъ и крикъ утокъ...

— Н-да,—глубокомысленно произнесъ дядя Юфимъ,—и черезъ злато, видно, слезы-то льются... Охъ-хо-хо! видно, скоро свѣту конецъ: мужъ на жену, сынъ на отца, братъ на брата. Водочка эта... Хитрость пошла промежду людей,—обманъ, на жива... Въ писаніи сказано: „Обовѣть паутина весь свѣтъ бѣлый... побѣгутъ по земль и полетятъ по воздусямъ жуки черные съ желѣзными носами... Тутъ и свѣту конецъ!“... И все вѣрно, и все это вѣрно!..

Онъ замолчалъ и сталъ дѣлать папиросу, молчали и мы. Въ сѣняхъ послышались шаги, дверь отворилась и въ кухню вошла хозяйка, неся съ собой застуны.

— Ну, вотъ вамъ, ребятушки, струментъ! — сказала она и, обернувшись къ молодой невѣсткѣ, спросила: — Не слышать, не шевелится?..

— Нѣть,—отвѣтила молодая, не поднимая головы отъ работы.

— А ты никакъ опять ревѣла?—спросила свекровь:—Дура ты, дура! Охота...

— Заревешь! — сказалъ дядя Юфимъ.

— А нѣшто она вамъ сказывала?

— Сказывала... Чудна голова! да вы ему хоть вина-то бы не давали... вотъ бы онъ и не пилъ.

Хозяйка усмѣхнулась.

— А мы не жалѣемъ, родной, водки-то: пей хучь въ три горла, — авось Господь дастъ захлебнется, подохнетъ скорѣй... Тогда и пить бросить.

— Да ужъ тогда вѣрно, что бросить! — сказалъ Юфимъ и добавилъ: — Чудеса въ рѣшетѣ: дыръ много, а вылѣзть негдѣ!..

VI.

Хозяйка показала намъ мѣсто, гдѣ рыть яму, и мы дружно принялись за работу.

Верхній слой земли былъ мягокъ и легко поддавался лопатамъ. Дальше пошла глина, твердая, какъ камень, и рыть стало трудно. Принесли ломъ, длинную желѣзную, фунтовъ въ двадцать, палку, и стали ею работать поочереди, отворачивая глину. Работа пошла спорѣе.

Вечеромъ, когда сѣло солнце и пригнали скотину, хозяйка позвала насть ужинать. Мы зачистили лопаты и пошли. На кухнѣ было уже почти совсѣмъ темно. Хозяйка зажгла небольшую лампочку, висѣвшую надъ столомъ. Мы помыли изъ глинянаго „сърыльцемъ“ умывальника и, обтеревъ ихъ обѣ тряпку, висѣвшую тутъ же, усѣлись за столъ.

— А гдѣ-жъ молодая, не видать? — спросилъ дядя Юфимъ.

— Въ ночевку пошла, ко вдовѣ тутъ къ одной недѣлече, — отвѣтила хозяйка и, поставя на столъ чашку со щами сѣла сама на скамью.

— А житишка ейное, похоже, желтенькое? — сказалъ дядя Юфимъ, принимаясь хлебать вкусные, изъ бѣлой капусты, со снѣтками щи.

— Охъ, ужъ и не говори, родной! — воскликнула хозяйка и махнула рукой. — Не говори — срамота на все село. И Богъ его знаетъ, — напущено на него, что ли.

— А вы бы въ Нахабино сѣѣздили, свозили-бъ, помолились.

Хозяйка опять махнула рукой и съ грустью сказала:

— Были, возили...

— Ну, что-жъ?..

— Грѣхъ одинъ: зарокъ взялъ на полгода не пить... передъ крестомъ-евангеліемъ клялся, а самъ, идолъ, въ тотъ

же день налакался... Съ той поры зачертить, индо волосъ дыбомъ встаетъ... страсть!..

— Грѣхи!—произнесъ Юфимъ:—полѣтить бы его какъ!..

— Да какъ лѣчить-то, нѣть такого человѣка... Ты, родной, не слыхалъ ли средства какого, а?..

Дядя Юфимъ помолчалъ, пережевывая кусокъ хлѣба, и потомъ, расправя пальцами усы, сказалъ:

— Какъ сказать... слыхалъ я... Достовѣрно сказать не могу, ну, а только слыхалъ, и, будто, помогаетъ... Сдѣтай ты, милая, вотъ что, — продолжалъ онъ, немного помолчавъ и подумавъ:— возьми ты половинку, аль тамъ болѣ, дѣло твое... Пробку изъ ней, примѣрно этакъ, вытащи.. не совсѣмъ вытащи, а чтобъ, значитъ, только духъ изъ нея выходилъ малость... и поставь ты эту половинку въ стерву.. Издохнетъ, скажемъ, лошадь аль тамъ корова, шкуру ейную сдерутъ... духъ отъ нея пойдетъ... ты, значитъ, въ нутро ей эту спасуду и сунь. И пущай, значитъ, стоитъ она въ ней, покуда воронье всю стерву не сожрутъ... А тамъ вынь и поднеси ему стаканчикъ въ тѣ поры, когда онъ съ похмѣлья... Коли начнеть съ души рвать, говори: слава Богу!.. попрічило ему... Ну, а коли не сорветъ—крышка... говори тогда, злой духъ въ немъ.

Хозяйка промолчала. Видя, что мы кончили со щами, она встала и, снявъ со стола чашку, пошла къ печкѣ. Въ это время въ сѣнцахъ послышался шумъ. Дверь отворилась настежъ, и къ намъ въ кухню, переступивъ порогъ, вошелъ человѣкъ.

Человѣкъ этотъ былъ полураздѣтъ. На немъ была длинная кумачевая рубашка и полосатые короткіе штаны... На ногахъ резиновые калоши, на босу ногу...

Увидя насъ, онъ на минуту остановился около порога, что-то думая, потомъ шагнулъ впередъ и, растопыря руки, закричалъ хриплымъ голосомъ:

— Максимъ, на-а-а-дуйся!

Мы глядѣли на него, и онъ глядѣлъ на насъ.

Послѣ довольно продолжительного молчанія онъ снова закричалъ.

— Максимъ, надуйся! Что за народъ?—хриплымъ басомъ произнесъ онъ, садясь на скамью рядомъ съ Терехой-Вохой.— Какъ безъ моего спросу могли, а? Кто здѣсь хозяинъ, а?.. Максимъ, надуйся! — опять закричалъ онъ и ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я!! — выкрикнулъ онъ, тараща пьяные словянные глаза.—Максимъ, надуйся!..

— Будетъ тебѣ орать-то, ду-у-у-ракъ! — сказала хозяйка, ставя на столъ чашку съ кашей. — Медвѣдь рамейскій!. На что ты похожъ-то... у-у, лѣшманъ! Ни стыда въ тебѣ, ни совѣсти...»

— Максимъ, надуйся! — крикнулъ онъ снова и вдругъ, схвативъ стоявшую на столѣ бутылку съ постнымъ масломъ; вылилъ изъ нея все масло въ кашу. — Жрите! — закричалъ онъ: — кашу масломъ не испортиши. Ма-а-ксимъ, на-дуйся!..

Возмущенная хозяйка схватила его лѣвой рукой за волосы, а правой стукнула нѣсколько разъ по толстой короткой шеѣ, приговаривая:

— Вотъ тебѣ надуйся! Вотъ тебѣ надуйся! Вотъ тебѣ надуйся! Не озорничай, разбойникъ!

Смѣшливый Тереха-Воха громко захочоталъ. Дядя Юфимъ перекрестился и съ серьеанымъ лицомъ полѣзъ вонъ изъ-за стола. Мы за нимъ.

— Куда-жъ вы? Сидите! — сказала хозяйка: — Я другой налажу.

— Спасибо! — сказалъ Юфимъ, — сыта... много довольны.

— Вы ужъ не взыщите, сдѣлайте милость, — прошила хозяйка, — пьяный человѣкъ... дурашливый... Коли хотите, я самоваръ согрѣю, а?.. Будете пить-то?..

— Да оно не мѣшаеть, — отвѣтилъ Юфимъ, — чай пить — не дрова рубить...

— Гдѣ ключи отъ лавки? — закричалъ вдругъ пьяный „хозяинъ“.

— Я вотъ дамъ тебѣ ключи! — отвѣтила хозяйка: — Иди, бѣстыдникъ, отсeda!

— Гдѣ ключи? — опять крикнулъ онъ.

— А на что они тебѣ, дураку, понадобились?

— Барапокъ имъ, — онъ сдѣлалъ движеніе рукой въ нашу сторону: — пущай жрутъ! Сдобныхъ фунтъ!.. Максимъ, надуйся!..

— Иди, дрыхни, дуракъ пьяный.. Ду-у-у-ракъ!..

— Я не дуракъ, а сроду такъ! — заржалъ хозяинъ. — Ма-а-ксимъ, надуйся! — опять закричалъ онъ и вдругъ спросилъ: — А въ карты играть умѣете по носамъ?.. Ты, старый чортъ, умѣешь? — обратился онъ къ дядѣ Юфиму.

— Чортъ-то въ болотѣ, — отвѣтилъ, обидѣвшись, дядя Юфимъ, — а на мнѣ хрестъ есть... А ты бы, купѣцъ, въ самъ-дѣлѣ, спать шелъ... Святое бы дѣло.

— А ты ружейные пріемы знаешь, а?..

— Каки таки ружейные пріемы?..

— А-а-а, деревня!.. Каки!..

Онъ схватилъ стоявшій около печки ухвать, всталъ по-срѣди избы въ позу, вытянулся и закричалъ во всю глотку, страшно тараща глаза:

— Ннн-а-а-а кра-а-а-улъ!!!

Тереха-Воха снова не утерпѣлъ и громко захочоталъ.

— Ша-а-а-гъ впередъ! Ша-а-а-гъ назадъ! — между тѣмъ,

ораль хозяинъ и вдругъ, схвативъ ухватъ на перевѣсь, бросился на Тереху-Воху.

— Ка-а-а-ли! — заоралъ онъ. — Максимъ, надуйся!

— Батюшки! — вскрикнулъ перепуганный Терехъ. — Убьетъ... жутъ!..

— Ко-о-о-ли! — еще шибче закричалъ хозяинъ и, обернувшись, наставилъ ухватъ въ дядю Юфима.

— Акстись, лѣшай! — крикнулъ дядя Юфимъ: — бѣлены обѣѣлся, знать!..

— Ко-о-о-ли! — снова закричалъ „хозяинъ“ и вдругъ ткнулъ со всего размаху концомъ ухвата стоявшую на столѣ чашку съ кашей. Чашка полетѣла со стола и разбилась вдребезги.

— Вяжите его, разбойника, — завопила хозяйка, — отцы родные! Вяжите, бейте... не бойтесь, бейте въ мою голову... Перебьетъ онъ теперь, разбойникъ, все... вяжите его!..

— Максимъ, надуйся! — ораль, между тѣмъ, хозяинъ и началъ безъ разбору, во что попало, тыкать ухватомъ, крича: — Ко-о-ли!.. Бей!.. Рѣжь!..

— Вяжите его! — вопила хозяйка.

— Максимъ, надуйся! — ревелъ одурѣвшій хозяинъ, вышибая въ шкафу послѣднюю дверку.

Видя, что дѣло приняло такой оборотъ, и что комедія превращается, такъ сказать, въ трагедію, мы, внемля просьbamъ хозяйки, по знаку Малинкина, бросились на пьяного, свалили съ большими трудомъ на полъ, связали и положили на полъ въ сторонкѣ.

— Максимъ, надуйся! — хрюпѣль онъ, дѣлая тщетныя уси-
лія развязаться.

Отъ этихъ усилий лицо его сдѣлалось красно-багровымъ и, казалось, готово было лопнуть... Глаза дикіе, оловянные, безъ бровей, что дѣлало ихъ еще болѣе страшными, лѣвали изъ орбитъ... По угламъ рта виднѣлась пѣна...

— Господи, помилуй насть грѣшныхъ! — произнесъ дядя Юфимъ, глядя на изступленнаго человѣка и качая сѣдой головой. — Что водочка-то дѣлаетъ, а?.. И хороший, може, человѣкъ, а вотъ вишь...

— Жутъ! — прошепталъ, весь дрожа, Тереха.

Хозяйка сѣла къ столу, положивъ на него руки калачикомъ, ткнулась головой въ этотъ калачикъ и горько запла-
кала.

VII.

Хозяинъ долго еще „бушивалъ“, не давая намъ покоя. На-
конецъ, онъ стихъ, и мы все уснули.

Утромъ хозяйка разбудила насть, какъ только начало разсвѣтать. Она, пока мы спали, успѣла развести самоваръ;

большой и грязный; онъ стоялъ на столѣ, клокоча и выпуская подъ потолокъ клубы пара.

— Вставайте, чай пить... самоваръ поспѣлъ.

Мы встали, умылись надъ лоханкой и сѣли за столъ. Хозяйка сходила въ лавку и принесла два фунта сухихъ, твердыхъ, какъ желѣзо, дешевыхъ баракокъ.

Пока мы, не торопясь, пили чай, проснулся хозяинъ. Онъ открылъ глаза и долго лежалъ, молча глядя на насъ.

— Распутайте!—тихо и хрипло произнесъ онъ, наконецъ.

— Лежи, лежи, разбойникъ!—сказала хозяйка:—лежи, подыхай!..

— Да ну ужъ!—произнесъ онъ:—буде... распутайте.

Мы вопросительно взглянули на хозяйку. Она промолчала.

— Тереха, распутай, встань!—сказалъ дядя Юфимъ.

— Боюсь я, дяденька, а ну какъ онъ по вечерешнему.

— Ну, дуракъ!.. Рязань косопузая! Ему дѣло, а онъ: собака бѣла...

Тереха вышелъ изъ-за стола, развязалъ хозяина и снова сѣлъ на свое мѣсто. Хозяинъ потянулся, расправляя онъ-мѣвшіе члены, сѣлъ на лавку, обхватилъ голову руками и произнесъ протяжно:

— Фу-у-у ты!..

— Чердакъ трещитъ?—спросилъ Малинкинъ.

Хозяинъ повернулся, молча посмотрѣлъ на него и опять схватился за голову.

— А жена гдѣ?—спросилъ онъ, помолчавъ и не поднимая головы.

— Гдѣ?.. извѣстно гдѣ,—отвѣтила хозяйка,—одно мѣсто... Разбойникъ, пьяница!.. Доколь ты нась мучить станешь?

— Фу-у-у!—снова тяжело вздохнулъ хозяинъ и вдругъ, поднявъ голову и глядя на насъ исподлобья, спросилъ:

— Хорошъ, мальчикъ, а?

— На что ужъ лучше,—съ усмѣшкой отвѣтилъ дядя Юфимъ.—А помнишь что?

— Нѣть.

— Брѣ?

— Не помню.

— Н-да,—произнесъ дядя Юфимъ, покачивая головой:—этакъ ты можешь дѣловъ вѣдь какихъ натворить... Ты бы, купецъ, оставлялъ замычку-то эту... Не вѣбди будь тебѣ сказано: у тебя вѣдь дѣти... Мы и сами пьемъ, всѣ грѣши, что говорить... Ну, а всетаки... того... полегче надо... нехорошо... Будь одинъ,—наплевать, а то—дѣти...

— Фу-у-у!—опять протянуль хозяинъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

— Ангельскія-то душки за что терпять?.. Какой примѣръ отъ родителя?—вмѣшалась и хоаяйка.

— Что ужъ,—поддержалъ ее дядя Юфимъ,—вырастуть, уваженія не жди... А то и по затылку попадать будетъ... бываетъ. Родительскому сердцу прискорбно, а ничего въ тѣ поры не попишешь. Самъ виноватъ... за дѣло, стоить...

— Ты не сердись на меня,—ласково продолжалъ Юфимъ, видя, что хозяинъ молчигъ,—я постарше тебя... Не въ обиду тебѣ говорю, не въ укоръ, жалѣючи говорю... Спокаешься, да ужъ поздно, близокъ локоть-то, а не укусишь... Зарубку, ку-пецъ, знать надо. Человѣкъ ты молодой, въ силѣ... Нехорошо!

— Отстань!—сказалъ хозяинъ, махнувъ рукой:—своихъ дѣтей учи, а я учень.

— Твое дѣло, тебѣ виднѣе, — сухо произнесъ дядя Юфимъ, принимаясь пить чай.

Въ это время въ сѣняхъ послышался шумъ, и въ кухню, осторожно отворивъ дверь и пропустивъ впередъ себя дѣтей, вошла молодая. Увидя сидящаго въ растерзанномъ видѣ мужа и подумавъ, вѣроятно, что онъ пьянъ, она, съ выражениемъ ужаса въ глазахъ, попятилась назадъ. Дѣти испуганно прижались къ ней.

Хозяинъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на нее и на дѣтей. Какая-то жалкая, робкая улыбка скривила его ротъ, и онъ тихо сказалъ:

— Пришла... бѣглая...

Молодая отошла отъ двери, сѣла и, закрывъ лицо руками, заплакала.

Хозяинъ, молча, всталъ и куда-то вышелъ... Минутъ черезъ пять онъ возвратился назадъ, неся что-то въ бумажномъ пакетѣ:

— Подѣте сюда!—поманилъ онъ рукой дѣтей, усѣвшись на прежнее мѣсто.

Дѣти не шли и жались къ колѣнкамъ матери.

— Райка!—продолжалъ отецъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ,—подѣ, глупая... не бойся... Что я тебѣ дамъ-то... эва, гляди-ка, гляди сюда... У, глупая!..

Старшая дѣвочка отдѣлилась отъ матери и робко подошла, глядя на отца, боязливыми, недовѣрчивыми глазенками.

— Держи подоль!—онъ досталъ изъ пакета пряниковъ и далъ ей.—Глупая ты, глупая!.. А что надо сказать, а? Что тятенькѣ сказать надо, а?

Дѣвочка вдругъ довѣрчиво прижалась къ нему.

— „Покорно благодарю, тятенька“ сказать надо,—объяснилъ онъ,—покорно блага-блага...—голосъ его вдругъ задрожалъ и осѣкся. Онъ порывисто обнялъ дѣвочку и нагнулся, пряча свое лицо у ней на груди...

— Вставай, ребята!—вдругъ какъ-то чудно и неожиданно срываешься съ лѣста, крикнешь дядя Юфимъ.—Нечая прохлада-жаться-то... сряжайся!..

— Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!—порывисто и широко крестясь на иконы, произнесъ онъ, и въ его голосѣ слышались слезы.

С: Подъячевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

День безъ яснаго солнца, безъ мѣсяца ночь,—
Будто тѣни, уносятся прочь!
И въ толпѣ, и одинъ, я всегда одинокъ:
Я—какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ.

Опаленный грозой, тихъ и сумраченъ садъ—
Только пни сиротливо торчатъ!
Не ласкаетъ его мягкий солнечный лучъ,
Не пойти сладко шепчуцій ключъ...

И въ зеленомъ шатрѣ ужъ пѣвецъ не гостить..
Пѣсни спѣла душа—и молчать!
Дальше, дальше бѣжитъ шумный жизни потокъ:
Я—какъ вырванный съ корнемъ цвѣтокъ!

II.

Богъ благости щедрой, Богъ правды великой!
Мечь силы въ десницахъ Твой?
Считалъ ли Ты слезы, кровавыя слезы
Смиренной отчизны моей?
Что-жъ медлишь сойти Ты съ грозою и гневомъ
Изъ вѣчныхъ чертоговъ своихъ?
Даровъ ли свободной и радостной доли
Она недостойнъ другихъ?
Иль мало она безответно страдала,
Томилась, какъ въ кельѣ глухой?

О цѣпи все тѣло свое истерзала,
 Ослѣпла отъ тьмы вѣковой!
Не хватить ужъ скоро отваги орлиной,
 Могучія крылья въ крови...
Пощады!.. Пощады!.. Дай лучъ хоть единый,
 Дай каплю живую любви!

III.

Мнѣ чудится кругомъ какои-то шорохъ странный,
Тревожно-радостный, какъ вѣянье весны:
Такъ узникъ сторожить свиданья часть желанный,
Проснувшись до зари, средь чуткой тишины...
Я жду, кого-то жду со страхомъ и любовью,
Кого-то, чья рука чудесное свершить,
Кто образумить нась, залитыхъ братской кровью,
Залѣчить раны всѣ и скорби облегчить.
„Пора!—я слышу стонъ въ безмолвии тяжкомъ ночи,—
Довольно злыхъ угрозъ! Раскройся, мірь—тюрьма!“
Во мракъ вперяю я расширенныя очи:
Вотъ дрогнетъ, наконецъ, испуганная тьма!
Мигъ—и разсвѣть блеснетъ, и защебечутъ птицы,
И развернется даль, заманчиво-пестра...

И крылья распахнетъ проснувшейся орлицы,
Быть можетъ, пѣснь моя...

— Скорѣй! Пора, пора!

П. Я.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

V. Кондратій Федорович Рылѣевъ.

X.

Четыре послѣднихъ года, которые Рылѣеву оставалось прожить въ Петербургѣ (1821 — 1825), были годами быстраго разцвѣта его поэтическаго творчества. Онъ писалъ очень много и все время, свободное отъ службы и отъ политической суеты, посвящалъ литературѣ *).

Писалъ онъ почти исключительно стихами; прозой — очень рѣдко. За вычетомъ критическихъ статей, къ этому времени относится лишь его записка объ извѣстномъ „возмущеніи“ въ Семеновскомъ полку 1820 года **).

Либеральная и общественная тенденція автора проступала съ каждымъ новымъ стихотвореніемъ все яснѣ и ярче. Поэтъ начиная специализироваться на одной опредѣленной темѣ, на одной

*.) Есть, впрочемъ, указанія, что въ это же время онъ усиленно занимался политической экономіей, что по вечерамъ въ его квартирѣ устраивались цѣлыя лекціи по этой наукѣ въ присутствіи человѣкъ десяти слушателей [А. Сиротининъ, „К. Ф. Рылѣевъ“, 142]. Занимался онъ и вопросами историческими и нравственными, какъ указывается Д. Кропотовъ, который имѣлъ въ рукахъ экземпляръ сочиненій Бентама во французскомъ переводе, принадлежавшій Рылѣеву, со множествомъ помѣтокъ, писанныхъ его рукой. [Д. Кропотовъ. „Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ“, 235, 237]. На судѣ Рылѣевъ самъ свидѣтельствовалъ, что „вообще прилежалъ ко всѣмъ словеснымъ наукамъ; въ послѣдніе же годы особенно занимался изученіемъ правъ и исторіи разныхъ народовъ.“

**) Если только эта статья дѣйствительно принадлежитъ ему. В. Д. Давыдовъ, который старался снять обвиненія, взводимыя въ этой исторіи на генерала И. В. Васильчикова [„Генераль И. В. Васильчиковъ во время командаованія гвардейскимъ корпусомъ“. „Русская Старина“ 1873. Іюнь, 785 — 798] признаетъ авторомъ статьи — Рылѣева. Статья имѣла очевидную цѣль „оправдать преступленіе семеновцевъ противъ дисциплины и порядка военной службы и была написана въ столь рѣзкомъ тонѣ, что издатели ея въ 1871 году принуждены были выпустить не мало строкъ (67), въ которыхъ заключались сужденія автора о дисциплинѣ, объ отношеніи власти къ обществу и т. п.“ [„Русская Старина“, 1871, IV, 533].

господствующей мысли. Мысль эта, въ настоящее время совсѣмъ не новая, даже истрапанная, имѣла за собой въ тѣ годы извѣстную прелесть новизны. Это была мысль о гражданскомъ служеніи поэта и поэзіи вообще,—мысль, высказанная въ общихъ чертахъ еще въ „Законоположеніи Союза Благоденствія“ *).

Такая основная тенденція требовала, конечно, отъ поэзіи, хоть и печального, и гнѣвного, но въ общемъ смѣлого и ободряющаго тона. Онъ и замѣтенъ во всѣхъ стихахъ Рыльева за эти годы его свободной и воинствующей жизни. Случается, что писатель иногда сбывается съ тона и, въ подражаніе Байрону, напишетъ своему другу:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горкій жребій одиночества
Мнѣ суждень въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опыта грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брошу
И могилаю угрюмою
Миръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей... **)

Но это лишь минутное колебаніе. Въ общемъ Рыльевъ не любитель минорнаго, ноющаго мотива. У Байрона онъ учился мужеству и гражданской доблести, а не хандрѣ и человѣконепреклонничеству, какъ многіе изъ нашихъ тогдашнихъ байронистовъ. Англійскій бардъ былъ для него не мрачнымъ геніемъ и пѣвцомъ сатанинской гордости—онъ былъ эмблемой свободы, пѣвцомъ воскресшей Греціи, „свѣтиломъ вѣка, смерти котораго рады одни лишь тираны и рабы“:

*) Отдѣль Союза, которому довѣрено распространеніе познаній, „старается, какъ гласить уставъ, изыскать средства изящнымъ искусствамъ дать надлежащее направление, состоящее не въ изнѣживаніи чувствъ, но въ укрѣплении, благородствованіи и возвышеніи нравственнаго существа нашего.“ [А. Пыпинъ. „Общественное движение въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885, 528]. Вообще идеаль „гражданина“, какъ онъ понять Рыльевымъ въ его поэзіи, имѣть очень много сходнаго съ требованиями общественной морали, выставленными въ уставѣ „Союза Благоденствія“. Съ критическими литературными приемами нѣкоторыхъ декабристовъ-писателей совпадаютъ также и тѣ требования, которыхъ эта уставъ ставилъ литературной критикѣ.

**) „Стансы“ А. А. Бестужеву 1825 [Мазаевъ, 107].

Онъ жилъ для Англіи и міра,
Быль, къ удивленью вѣка, онъ
Умомъ Сократъ, душой Катонъ
И побѣдителемъ Шекспира.
Онъ все подъ солнцемъ разгадалъ;
Къ гоненьямъ рока равнодушенъ,
Онъ геню лишь былъ послушенъ,
Властей другихъ не признавалъ.
Съ коварнымъ смѣхомъ обнажила
Судьба предъ нимъ людей сердца,
Но пылкая душа пѣвца
Презрительныхъ не разлюбила *).

Бодрое негодованіе—вотъ въ сущности основной мотивъ всей лирики Рыллева за эти годы, при чёмъ бодрость остается неизмѣнной, а негодованіе все больше и больше возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ роковому моменту.

Сначала въ этой лирикѣ замѣтна лишь общая морально-общественная тенденція. Поэтъ начинаетъ ставить себѣ строгія требованія, какъ писателю, и какъ-то боится отдаваться тѣмъ чувствамъ, которыя „пѣвцу“ обыкновенно столь свойственны, т. е. любви и всякаго рода нѣжнымъ волненіямъ. Мы могли замѣтить такія опасенія еще въ тѣхъ стихахъ, которыя Рыллевъ писалъ въ Малороссіи. Къ 1821 году эти тревоги поэта, кажется, разрѣшились въ твердое убѣжденіе, что его музѣа не должна служить ничему иному, какъ только „общественному благу“:

Моя душа до гроба сохранить
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ, не даромъ въ юношѣ горить
Любовь къ общественному благу!
Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уносить,
На зло врагамъ тотъ завсегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не просить! *)

Я сладко не избалованъ;
Но къ благу общему дыша,
Къ нему отъ дѣства я прикованъ,
Къ нему летить моя душа,
Его пою на звучной лирѣ... **)

*) „На смерть Байрона“ 1825 [Мазаевъ, 107]. Принадлежность этого стихотворенія перу Рыллева была не сразу установлена [П. Ефремовъ „Сочиненіе К. Ф. Рыллева“ 1875. Спб., 339]. Но В. Якушкинъ имѣлъ въ рукахъ подлинный текстъ этихъ стиховъ, писанный рукой самого Рыллева [В. Якушкинъ „Изъ исторіи литературы 20-хъ годовъ“, „Вѣстникъ Европы“ 1888, XII, 591—592]. На исключительное значеніе этого стихотворенія, въ которомъ чуть ли не впервые „была прекрасно понята политico-соціальная основа поэзіи Байрона“, указывалъ Н. Стороженко, „Русскія Вѣдомости“, 1888, № 34.

**) „А. А. Бестужеву“ 1821 [Мазаевъ, 93].

***) „Къ Ф. Н. Глинкѣ“ 1822 [Мазаевъ, 95].

И съ этой минуты это благо становится очень ревниво: оно не терпить въ своемъ сосѣдствѣ другихъ чувствъ, иногда самыѣ законныхъ. Любовь къ женѣ, даже въ минуту, когда эта любовь можетъ спасти поэта отъ пагубнаго увлеченія *)—и та должна быть подавлена. Рылѣевъ пишетъ своей подругѣ жизни:

Я не хочу любви твоей,
 Я не могу ее присвоить,
 Я отвѣтать не въ силахъ ей,
 Моя душа твоей не стоитъ.
 Полна душа твой всегда
 Однихъ прекрасныхъ ощущеній;
 Ты бурныхъ чувствъ моихъ чужда,
 Чужда моихъ суровыхъ мнѣній.
 Прощаешь ты врагамъ своимъ,
 Я не знакомъ съ симъ чувствомъ нѣжнымъ
 И оскорбителемъ моимъ
 Плачу отмѣнѣемъ неизбѣжнымъ.
 Лишь временно кажусь я слабъ;
 Движенiemъ души владѣю,
 Не христіанинъ и не рабъ,
 Прощать обидъ я не умѣю.
 Мнѣ не любовь тешеръ нужна,
 Занятъя нужны мнѣ иныя,
 Отрадна мнѣ одна война,
 Однѣ тревоги боевые.
 Любовь никакъ найдеть на умъ.
 Увы! Моя отчизна страждеть;
 Душа въ волненіи тяжкихъ думъ
 Теперь одной свободы жаждеть **).

Выдержавъ побѣдоносную борьбу съ самыми сильными чувствами, гражданскій паѳосъ Рылѣева впервые получаетъ въкоторую художественную законченность въ двухъ одахъ: „Гражданское мужество“ 1823 г. и въ „Одѣ на день тезоименитства Е. И. В. В. К. Александра Николаевича“ 1823 г. Слѣдя старымъ литературнымъ традиціямъ, Рылѣевъ удерживаетъ въ этихъ стихахъ повышенный тонъ старинной оды, оставлять на своихъ мѣстахъ вѣй условные метафоры, но въ старое одѣяніе рядить новую гражданскую мысль, смѣлую и даже пророческую.

Ода „Гражданское мужество“ — хвалебная пѣснь въ честь Мордвинова, столь прославленного тогда государственного мужа, „великаны, который давилъ сильной пятой коварную несправедливость“, „наследника Аристида и Катона“, „рыцаря гражданской доблести“. „На немъ почтѣ надежда всѣхъ, кому дорого благо родины“, и мы знаемъ, что именно на него обращались взоры декабристовъ, когда они задумались, кому же въ случаѣ

*) Смотри выше.

**) Это черновой вариантъ стихотворенія „къ NN“, 1824, приведенного выше [Мазаевъ, 105].

удачи довѣрить бразды обновленного правительства. Для Рыльева Мордвиновъ былъ самымъ вѣрнымъ и твердымъ оплотомъ среди разбушевавшихъ гражданскихъ стихій:

Лишь Римъ, вселеной властелинъ,
 Сей край свободы и законовъ,
 Возмогъ произвести одинъ
 И Брутъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
 Но намъ ли унывать душой,
 Когда еще въ странѣ родной
 Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
 Екатерины славныхъ дней,
 Средь сонма избранныхъ мужей,
 Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?
 О, такъ, сограждане, не вамъ
 Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнья;
 Благодаренъ небесамъ
 За ихъ святое синихожденіе!
 Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
 Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
 Уже полвѣка онъ Россію
 Гражданскимъ мужествомъ дивить;
 Вотще коварство вокругъ шипитъ:
 Онъ наступилъ ему на выю.
 Такъ въ грозной красотѣ стонть
 Сѣдой Эльбрусь въ туманѣ мглистомъ;
 Вкругъ бура, градъ и громъ гремить,
 И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ;
 Внизу несутся облака,
 Шумятъ ручьи, реветь рѣка;
 Но щетны дерзкіе порывы:
 Эльбрусь, кавказскихъ горъ краса,
 Невозмутимъ, подъ небеса
 Возносить верхъ свой горделивый *).

Надежды, возлагаемыя Рыльевыми на Мордвинова оправдались, какъ извѣстно, далеко не въ той степени, какъ ему и его товарищамъ этого хотѣлось, за то ода „Видѣніе“, которую Рыльевъ написалъ, какъ поздравленіе великому князю Александру Николаевичу со днемъ его ангела, оказалась, дѣйствительно, пророческой. Она также написана въ старомъ стилѣ, но изъ всѣхъ одѣй, которыхъ когда въ бесчисленномъ количествѣ писались—она единственная, въ которой обычные пожеланія разныхъ благъ и добродѣтелей будущему царю разрослись въ цѣлую общественную программу. Устами Екатерины Великой онъ говорилъ великому князю:

Я зрю, твой духъ пылаетъ бранью,
 Ты любишь громкія дѣла.
 Но для полуночной державы
 Довольно лавровъ и побѣдъ;
 Довольно громозвучной славы

*). „Гражданское мужество“, 1823 [Мазаевъ, 98—99].

Протекшихъ, незабвенныхъ лѣтъ.
 „Военныхъ подвиговъ година
 Грозою шумной протекла;
 Твой вѣкъ иная ждеть судьбина,
 Иныя ждуть тебя дѣла.
 Затмится сводъ небесъ лазурныхъ
 Непроницаемою мглой;
 Настанетъ вѣкъ бореній бурныхъ
 Неправды съ правдою святой.
 „Духъ необузданной свободы
 Уже возсталъ противъ властей;
 Смотри—въ волненіи народы,
 Смотри—въ движеньи сонмъ царей.
 Быть можетъ, отрокъ мой, корона
 Тебѣ назначена Творцомъ;
 Люби народъ, чти власть закона,
 Учись заранѣ быть царемъ.
 „Твой долгъ благотворить народу,
 Его любви въ дѣлахъ искать;
 Не блескъ пустой и не породу,
 А дарованья возвышать.
 Дай просвѣщенные уставы
 Въ обширныхъ сѣверныхъ странахъ,
 Науками очисти нравы
 И вѣру укрѣпи въ сердцахъ.
 „Люби гласъ истины свободной,
 Для пользы собственной люби,
 И рабства духъ неблагородный—
 Неправосудье истреби.
 Будь блага подданныхъ ревнитель;
 Оно есть первый долгъ царей;
 Будь просвѣщенья покровитель;
 Оно надежный другъ властей.
 „Старайся духъ постигнуть вѣка,
 Узнать потребность русскихъ странъ;
 Будь человѣкъ для человѣка,
 Будь гражданинъ для согражданъ.
 Будь Антониномъ на престолѣ,
 Въ чертогахъ мудрость водвори —
 И ты себя прославиши болѣ,
 Чѣмъ всѣ герон и цари“ *).

Во всѣхъ этихъ пожеланіяхъ и восхваленіяхъ, какъ видимъ, тонъ очень мирный; поэтъ—либералъ безспорный, но въ своихъ

*), „Видѣніе“, 1823 (*Мазаевъ* 97). По показанію самого Рыльева на судѣ, оду „Гражданское мужество“ цензура не пропустила. Ода же на день тезоименитства Александра Николаевича, съ двумя измѣненіями, была напечатана въ „Литературныхъ Листкахъ“ Булгарина безъ подписи.

Рыльеву приписывается также „Ода Александру I-му“, помѣченная 1821 годомъ [„Отголоски“ 14 декабря 1825]. Изъ записокъ одного недекабриста (Н. И. Гречи) стр. 13, 14]. Ода довольно звонкая, насквозь пропитанная конституціоннымъ духомъ, съ призывомъ къ Александру I заступиться за грековъ и испанцевъ. Авторство Рыльева, однако, не установлено [*П. Ефремовъ* „Сочиненія К. Ф. Рыльева“ 1875 339].

призывахъ онъ держится въ гравицахъ законнаго словеснаго протеста, обнаруживаетъ большую умѣренность, которая, впрочемъ, цензурѣ того времени не понравилась. Въ 1824 и 1825 году лирика Рыльева становится окончательно нецензурной, переходя все болѣе и болѣе въ призывъ къ открытому восстанию*).

Изъ этихъ стихотвореній одно—на тему „Гражданинъ”—въ печать давно уже проникло, другія—извѣстныя „пѣсни“ Рыльева—съ цензурой, конечно, никогда не помирятся. Чтобы провѣрить, насколько за короткій срокъ возросли въ нашемъ писателѣ сильность рѣчи и боевая готовность писательского темперамента, достаточно сравнить стихотвореніе „Гражданинъ“ съ вышеприведенными стихами на ту же тему. Рыльевъ пишетъ:

Яль буду въ роковое время
Позорить гражданина сань,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣть, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнутъ не хотять предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка,
Пусть съ хладнокровiemъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣствія страдающей отчизны.
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливый потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И, въ бурномъ мяtekѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдеть ни Брута, ни Ріэги **).

*). Политическая дѣятельность Рыльева и его трагическая смерть подала, конечно, поводъ приписать ему много самыхъ зажигательныхъ стихотвореній, написанныхъ имъ будто бы и на волѣ, и въ тюрьмѣ. Подлинность вѣкоточныхъ стихотвореній не установлена. Большой знатокъ рукописей Рыльева, П. А. Ефремовъ отказывается признать подлинность слѣдующихъ стихотвореній, обыкновенно въ заграничныхъ изданіяхъ приписываемыхъ Рыльеву: 1) „Свободы гордой вдохновенье! тебя не чувствуешь народъ... Оно молчать, святое мщеніе етс. [принадлежитъ будто бы Н. Языкову] 2) „Тюрьма мнѣ вѣчность, не въ укоризну...“ 3) „Посланіе къ друзьямъ“, где описана его тюремная жизнь съ большими отклоненіями въ сторону, съ призывомъ вспомнить старое вѣче. 4) „Посланіе къ женѣ“—передѣлка его предсмертного письма и 5) „Не слышно шума городскаго“—[написано Ф. Н. Глинкой]. См. П. Ефремовъ „Сочиненіе К. Ф. Рыльева 1875 Спб.“ 339, 340. Въ извѣстномъ шуточномъ стихотвореніи Рыльева „Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растетъ тринь-трава, братцы! гдѣ читаютъ Рисelle и летятъ подъ постель святы...“ въ этой игривой сатирѣ на литературную братию того времени нѣсколько серединныхъ куплетовъ въ намеками на Петра III и Павла I, вѣроятно тоже принадлежащіе кому нибудь изъ подражателей Рыльеву, такъ какъ они совсѣмъ не совпадаютъ съ началомъ и концомъ стихотворенія.

**). „Гражданинъ“ 1825. [Мазаевъ 108, 109].

Этой же моралью Брута проникнуты и пресловутыя „пѣсни“, которых Рылѣевъ въ сообществѣ А. Бестужева сочинилъ въ 1825 году, надѣясь воспользоваться ими, какъ риевованными прокламаціями. Эти пѣсни, если вѣрить Н. Бестужеву, были составлены на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ и произвели въ короткое время значительное впечатлѣніе. „Хотя правительство, пишетъ Н. Бестужевъ, всѣми мѣрами старалось истребить эти пѣсни, гдѣ только могло находить ихъ, но онъ были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ состоянію народа, чтобы можно было вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ... Рабство народа, тяжесть притѣсненія, несчастная солдатская жизнь изображались въ нихъ простыми словами, но вѣрными красками... Въ самый тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и нась, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ намиunter-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизусть всѣ запрещенные стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣть канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева“. Основываясь на этомъ, Н. Бестужевъ полагаетъ, что эти пѣсни на долгое время должны были сохраниться въ народѣ *). Въ этихъ словахъ Н. Бестужева слишкомъ много лиризма, и всему, что онъ писалъ, нельзя довѣрять въ одинаковой степени: едва-ли пѣсни Рылѣева имѣлись на лицо у всѣхъ громотныхъ солдатъ: по крайней мѣрѣ, въ качествѣ прямыхъ уликъ, они не были представлены слѣдственной комиссіи, и комиссія, которая ими очень интересовалась, могла собрать о нихъ лишь незначительныя справки **). Но пѣсни сочинены всетаки были и распѣвались—если не въ солдатской средѣ, то на собраніяхъ самихъ декабристовъ и даже въ кабинетѣ Булгарина ***). Понятно,

*) Н. Бестужевъ „Воспоминанія о Кондратіи Федоровичѣ Рылѣевѣ“. „Сочиненія Рылѣева“, Лейпцигъ 1861. 28, 29, и XIX. Въкъ, Книга I, стр. 350.

**) Высочайше учрежденный комитетъ спрашивалъ Рылѣева, правда ли, что онъ желалъ воздѣйствовать на умы народа посредствомъ пѣсенъ и пародий, и требовалъ отъ Рылѣева, чтобы онъ представилъ текстъ пѣсень: „Вдоль Фонтанки рѣки, квартируютъ полки, слава!“ и „Подгуляла я: нужды нѣть, друзья! Это съ радости и проч.“. Рылѣевъ не призналъ себя авторомъ указанныхъ двухъ пѣсень и своею призналъ только пѣсню: „Ахъ, тощно мнѣ въ родимой сторонѣ“.

***) Гречъ разсказываетъ, что однажды на ужинѣ у Булгарина они послѣ шампанского стали пѣть Рылѣевскія пѣсни. „Не всѣ были либералы, говорить Гречъ, а всѣ слушали съ удовольствіемъ и искренно смѣялись. Помню антилиберала В. Н. Берха, какъ онъ заливался смѣхомъ. Только Булгаринъ выбѣгалъ иногда въ другую комнату. Онъ струсила этой оргіи и выбѣгалъ, чтобы посмотреть, не взобрался ли на балконъ (это было въ первомъ этажѣ дома) квартирный, чтобы подслушать, что читаются и поются. У него всегда чесалось за ухомъ при такихъ случаяхъ: онъ не столько либеральничалъ,

тие объ этихъ пѣсняхъ можетъ дать слѣдующая пѣсня, по показанию Рылѣева имъ дѣйствительно сочиненная и теперь почти цѣликомъ оглашенная *):

А и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ;
Все въ неволѣ, въ тяжкой долѣ...
Видно, вѣкъ такъ вѣковать.
Долго-ль русскій народъ
Будеть рухлядь господъ
И людями, какъ скотами,
Долго-ль будуть торговатъ?
Баринъ съ земскими судомъ
Да съ приходскими попомъ
Насъ морочатъ, да волочатъ
По дорогамъ, по судамъ...

Но были пѣсни и еще болѣе вольные и рѣшительные, привнесшія прямо къ возмущенію; съ нашей стороны было бы наивностью требовать отъ нихъ литературной отдѣлки или художественной цѣнности **); ихъ аляповатость была умышленная, такъ какъ они должны были походить на лубочную картинку, и въ этомъ смыслѣ овѣ, дѣйствительно, имѣли шансы на успѣхъ.

Такова гражданская „лирика“ Рылѣева, по которой изъ года въ годъ можно прослѣдить ростъ его боевого настроенія. Число этихъ гражданскихъ лирическихъ стихотвореній, какъ видимъ, очень ограничено, и изъ нихъ своевременно въ печать попадало лишь самое ничтожное количество. Вотъ почему говорить о влияніи этой лирики на умы современниковъ въ широкомъ смыслѣ этого слова едва ли возможно.

Славу Рылѣева, какъ поэта и гражданина, составили не эти пѣсни, а его гораздо болѣе скромныя по тону и по содержанію „Думы“ и поэма „Войнаровскій“; и это понятно, потому что высокій подъемъ гражданскихъ чувствъ, граничившій съ призывомъ къ восстанію, могъ быть усвоенъ и понять лишь нѣкоторыми избранными, тогда

какъ принималъ сторону поляковъ (?). [Н. Гречъ. „Записки о моей жизни“, Спб. 1886, 433]... Вѣроятно, къ этимъ пѣснямъ относится одно очень характерное замѣчаніе Мицкевича, съ первого взгляда мало понятное. Въ своемъ курсѣ славянскихъ литературъ, который онъ читаль въ Парижѣ, онъ говорить, что на собраніяхъ заговорщиковъ пѣлись „жестокія“ пѣсни, „финского и монгольского характера“, пѣсни, которыхъ приводили въ ужасъ польскихъ заговорщиковъ, находившихся тогда среди russkikhъ. „Les polonais avaient souffert plus que personne du gouvernement russe; neaumoins le ton de ces chansons blessait leurs oreilles“. А. Mickiewicz. „Les Slaves“ Paris 1849, III, 289. Приподнятый патріотизмъ Мицкевича, конечно, сказался въ этой тирадѣ, но если дѣло идетъ о Рылѣевскихъ пѣсняхъ, то „смѣхъ“, о которомъ говорить Гречъ, былъ во всякомъ случаѣ не отличительной и не главной ихъ чертой.

*) А Сиротининъ. „К. Ф. Рылѣевъ“, „Русский Архивъ“ 1890, Июнь, 167.

**) Съ этой стороны ихъ очень сурово критикуетъ Сиротининъ, 167.

какъ гражданская мораль „Думъ“ и „Войнаровскаго“, какъ сей-часъ увидимъ, была по плечу всѣмъ, кто только думалъ объ общественныхъ подвигахъ, о служеніи родинѣ, о благородствѣ ума и чувствъ—а кто объ этомъ не думалъ въ тотъ сентиментальный вѣкъ? Чтобы вдохновиться стихотвореніемъ Рылѣва „Гражданинъ“, нужно было стоять въ лагерѣ недовольныхъ, а чтобы при чтеніи „Думъ“ на глазахъ навернулись слезы восторга—для этого достаточно было быть только „благомыслящимъ“, какъ тогда говорилось, сыномъ отечества.

XI.

Рылѣевъ очень любилъ свои „Думы“ и относился къ нимъ весьма ревниво, и мы будемъ вполнѣ правы, если предположимъ, что эта любовь была обусловлена въ значительной степени привязанностью „литератора“ и „поэта“ къ своему дѣтищу, а не исключительно убѣжденностью гражданина и вѣрою въ спасительность и правоту тѣхъ истинъ, которыхъ въ этихъ „Думахъ“ писатель высказывалъ. Хоть Рылѣевъ и заявлялъ открыто, что онъ не поэтъ, а гражданинъ преимущественно, но это признаніе не, вполнѣ свободно: въ нашемъ писателѣ поэта было не менѣе, чѣмъ гражданина. Форма, разработка темы, поэтическая красоты произведенія, нѣжныя чувства и поэтические образы были для Рылѣева большой приманкой, и онъ очень радовался, когда слышалъ себѣ похвалы, какъ художнику. Все это, конечно, нисколько не мѣшало ему называть свои „Думы“ на одну строгую общественную и гражданскую мысль. Но не одна эта мысль заставляла его слагать эти пѣсни. Онъ были навѣяны малороссійской природой, среди которой онъ прожилъ самые счастливые годы своей жизни, преданіями старины, которыхъ онъ любилъ за ихъ поэзію, воспоминаніями отечественной войны, которая настѣль прославила, юношескими мечтами о героическихъ подвигахъ во славу отчизны и иными, теперь, конечно, не уловимыми мыслями и чувствами...

„Думы“ стали печататься въ разныхъ журналахъ, начиная съ 1821 года, и вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ 1825 году въ Москвѣ. Тогда же Рылѣевъ поставилъ ихъ подъ охрану либерального, ему столь дорогого имени Николая Семеновича Мордвинова, которому онъ посвятилъ свой сборникъ.

Работа надъ „Думами“ была закончена приблизительно въ концѣ 1823 года, такъ какъ, начиная съ 1824 года, Рылѣевъ сталъ въ журналахъ печатать отрывки изъ новой серии аналогичныхъ „Думамъ“ стихотвореній, которыхъ онъ въ отличіе отъ „Думъ“ сталъ называть „поэмами“, и лучшимъ образцомъ которыхъ была изданная имъ въ томъ же 1825 году поэма „Войнаровскій“.

„Поэмы“, создание которыхъ совпадаетъ съ самыми тревож-

ными годами политической деятельности Рыльева (1824 и 1825), по своей основной гражданской тенденции значительно смылъе и опредѣленіе „Думъ“, но и въ нихъ совсѣмъ вѣтъ того боевого паѳоса, который такъ силенъ въ гражданской лирикѣ Рыльева. И „Войнаровскій“, и отрывки изъ другихъ „Поэмъ“, какъ и „Думы“ — созданія прежде всего „поэтическія“, а затѣмъ уже „политическія“.

Поэтическія достоинства „Думъ“ не особенно высоки, да и вицѣальная форма ихъ, по собственному признанію Рыльева, заимствована у известнаго польского поэта Нѣмцевича, автора „Историческихъ пѣсень“ (*). Нѣмцевичъ укрѣпилъ Рыльева и въ мысли воспользоваться старинными преданіями и страшицами исторіи, чтобы повысить въ читателѣ чувства гражданского долга и доблести. Это признаетъ и самъ Рыльевъ, который въ предисловіи къ своимъ „Думамъ“ пишетъ:

„Напоминать юношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный спо-собъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и тво-рять храбрыхъ для боя ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.“

„Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной цѣли своихъ „Исто-рическихъ пѣсень“ (Spiewy Historyczne); эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя „Думы“. Жѣланіе славить подвиги добродѣтельныхъ или славныхъ предковъ для русскихъ не ново; не новы самыи видъ и название „Думы“.

Одну изъ своихъ „Думъ“ Рыльевъ послалъ Нѣмцевичу и на его благодарственное письмо отвѣталъ такими словами:

„Прекрасныя чувства, которыми исполнено письмо ваше, живо меня тронули... Такъ, отечество ваше несчастно; оно въ наши времена имѣло и недостойныхъ сыновъ, но безславіе ихъ не могло помрачить чести великодушнаго народа, и изъ среды онаго явились мужи, которые славою дѣлъ своихъ несравненно болѣе возвысили славу Польши, нежели первые предательствомъ своимъ оную омрачили. Такъ,—и вы не одними воспоминаніями славныхъ дѣяній, совершенныхъ въ вѣкахъ минувшихъ, можете утѣшать себя. Къ счастію всего человѣчества, добрая слава дѣлъ нашихъ зависить не отъ одного успѣшнаго окончанія, но также отъ ис-точника ихъ и побужденія,—и славныя имена Костюшки, Колонтая,

*) М. Мазаевъ, сличавшій „Пѣсни“ Нѣмцевича съ „Думами“ Рыльева, указываетъ, что Рыльевъ заимствовалъ не только форму у польского поэта, но бралъ у него цѣлыя строфы, а иногда (какъ, напр., въ Думѣ „Глинскій“) просто перефразировалъ оригиналъ. Для наст. эта неоригинальность Рыльева въ данномъ случаѣ особаго значенія не имѣтъ, такъ какъ „Думы“ въ общемъ произведеніе слабое и монотонное.

Малаховскаго, Понятовскаго, Потоцкаго, Нѣмцевича и другихъ знаменитыхъ патріотовъ, не смотря на то, что успѣхъ неувѣчалъ ихъ благородныя усиленія, никогда не перестанутъ повторяться съ благоговѣніемъ, а дѣянія мужей сихъ будуть всегда служить для юношества достойными образцами. Сѣмена добра и свѣта уже посыпаны въ отечествѣ вашемъ. Скоро созрѣютъ прекрасные плоды ихъ. Вы были однимъ изъ ревностѣйшихъ сѣятелей; вы во все продолженіе жизни своей, какъ Тиртей, высокими пѣснями возбуждали въ сердцахъ согражданъ любовь къ отечеству, усердіе къ общественному благу, ревность къ чести народной и другія благородныя чувства. Итакъ, мужъ почтенный, утѣшитесь и, снявъ лиру свою съ печальной вербы; подобно лебеди на водахъ Леандра, воспойте на закатѣ дней своихъ высокіе гимны, удвойте, если возможно, завидную славу вашу и порадуйте достойное ваше отечество...” *)

Самъ Рыльевъ не иначе думалъ и о своей родинѣ, когда шелъ по стопамъ польскаго поэта. Соревнуя съ Тиртеемъ, онъ и сочинилъ свои русскія историческія пѣсни, въ которыхъ прошлое должно было указывать читателю, какъ вести себя въ будущемъ.

„Думы“—сборникъ очень разнообразныхъ историческихъ картиночекъ русской старини, начиная со временъ легендарныхъ, кончая XVIII вѣкомъ. Внѣшняя форма этихъ картиночекъ однообразна, стихъ не громокъ и не ярокъ, хотя мѣстами удаченъ, много романтическихъ условностей въ драматическихъ положеніяхъ, мѣстами много сентиментальной приторности, много ходульного, но порой попадаются и блестки поэзіи. Исторические характеры, конечно, всѣ не выдержаны, иногда идеализированы до неузнаваемости **), достовѣрность историческихъ событий сомнительна и мѣстнаго колорита совсѣмъ не имѣется. Пейзажи разставлены, гдѣ надлежитъ, по мѣстамъ, но они написаны какъ бы по трафарету—все больше пейзажи мрачные и грозные: бушуютъ осенне вѣты, качаются древнія сосны, сѣдые туманы встаютъ, слышатся полуночные крики совы, буря реветь и дождь шумитъ, молніи летаютъ во мракѣ, и всегда и вездѣ луна, то тусклая, то ясная, но всегда предвѣщающа нѣчто грозное и страшное; случается также, что вопреки законамъ природы денница въ полдень не сходитъ съ неба. Видно, что авторъ подыскивалъ фонъ для своей картины и былъ въ большомъ затрудненіи, такъ какъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи лишь одну романтическую кулису, которой при каждомъ случаѣ и пользовался. Но когда онъ не придумывалъ, а вспоминалъ, пейзажъ получался живой и красивый ***).

*) Письмо къ Юліану Урсину Нѣмцевичу. 1823 г. Январь. *Мазаевъ*, 149.

**) Напр., Артемій Волынскій. Срв. А. Бородинъ „Литературныя Характеристики“ I. Поэтъ гражданской скорби двадцатыхъ годовъ, 199.

***) Взять хотя бы эту картинку окрестностей Острогожска, гдѣ Рыльевъ самъ гулялъ неоднократно:

Нѣтъ, впрочемъ, особой надобности останавливаться на недочетахъ вышней формы этихъ стихотвореній Рыльева; хоть авторъ работалъ надъ ними, стремясь придать имъ какъ можно больше художественной цѣнности, но они вообще на таковую претендовать не могутъ, и потому при ихъ исторической оценкѣ надо имѣть въ виду главнымъ образомъ востоки ихъ содержаніе.

Оно не поразитъ теперь никого ни своей силой, ни оригинальностью. Это—довольно полный списокъ обыденныхъ гражданскихъ и личныхъ добродѣтелей, необходимыхъ и для хорошаго властителя, и для хорошаго гражданина.

„Воспой дѣянія предковъ намъ“,
Бояну витязи вѣщали.
Пѣвецъ ударилъ по струнамъ,
И вѣщія зарокотали.

И новый Боянъ—какимъ себя мнігъ Рыльевъ—поетъ славу князей благочестивыхъ и религиозныхъ, Владимира, который внялъ словамъ старца-христіанина и въ пламенномъ восторгѣ отрекся отъ язычества; Мстислава, взывающаго къ Святой Дѣвѣ, въ минуту единоборства съ Редедей; Михаила Тверского, замученнаго въ Ордѣ; Дмитрия Донскаго, спасеннаго молитвой преподобнаго Сергія на Куликовомъ полѣ. Поетъ онъ славу князей, стяжавшихъ себѣ вѣчную память бранными подвигами: Олега, прибившаго свой щитъ ко вратамъ Цареграда, Святослава, нагонявшаго страхъ на Цимисхія, и вѣрнаго царева слуги Долгорукаго, который вырвалъ изъ рукъ шведовъ цѣлый фрегатъ и привель его въ покоренный Ревель.

Но Рыльевъ не только славилъ нашихъ князей; онъ и обличалъ ихъ за всевозможные личные и гражданскіе ихъ пороки. Устами княгини Ольги онъ прочиталъ наставленіе Игорю за его алчность и чрезмѣрную воинственность, ставя властителю на

Тамъ гдѣ волны Острогощи
Въ Сосну тихую вились;
Гдѣ дубовъ тѣнистыхъ рощи
Надъ потокомъ разрослись,
Гдѣ пѣвчій славы звукомъ,
Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣль
Завѣщаѣ кипящимъ внукамъ
Жажду воли и побѣды;
Тамъ, гдѣ съ щедростью обычной,
За ничтожный легкій трудъ,
Плодъ оратаю сторичный
Нивы тучныя даютъ;
Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ
При журчаніи волны,
Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродятъ табуны;

.

видѣ, что онъ долженъ быть болѣе князь и отецъ своимъ подданнымъ, чѣмъ воинъ; онъ потревожилъ тѣнь несчастнаго Святополка, чтобы доказать намъ, какъ „ужасно быть рабомъ своихъ страстей“; князьямъ удѣльнымъ онъ выговаривалъ за нихъ постоянныя распри, онъ описалъ послѣднія минуты жизни Дмитрія Самозванца, всѣ душевныя терзанія этого тирана, у котораго на свѣтѣ „одинъ другъ—его кинжалъ“; припомнить онъ и Анну Ioannovnu, какъ она блуждала по своимъ хоромамъ, какъ въ тронной залѣ она увидала у своихъ ногъ голову казненнаго єю Волынского, которая посинѣлыми устами звала ѿ на Судъ Божій...

Поэтъ требовалъ отъ властителей чистоты сердца и помысловъ, и глубокую скорбь возбуждалъ въ немъ образъ Годунова. Рылѣевъ, очевидно, любилъ Годунова за его просвѣщенный образъ мыслей и его широкія государственные взгляды. „Дума“ Рылѣева „Борисъ Годуновъ“—едва ли не первая попытка реабилитировать въ памяти потомства этого похитителя престола. Поэтъ вѣрить, что Годуновъ—убійца Дмитрія, и ему отъ всего сердца жаль, что душа столь граждански благомыслящаго и развитого царя должна нести такое бремя.

„Дума—, Борисъ“—одна изъ лучшихъ. Припомнимъ нѣсколько строфъ:

Предъ образомъ Спасителя, въ углу
Лампада тусклая трепещетъ,
И блѣдный лучъ, блуждая по чelu,
Въ очахъ страдальца страшно блещеть.
Тутъ зреѣся скіптръ, корона тамъ видна,
Здѣсь золото и серебро сіяло!
Увы, лишь добродѣтели и сна
Великому не доставало...
Онъ тщетно звалъ его въ ночной тиши:
До сна-ль, когда шептала совѣсть
Изъ глубины встревоженной души
Ему цареубѣйства повѣсть?
Предъ нимъ прошедшее, какъ смутный сонъ,
Тревожное оживлялось думой—
И, трепету невольно преданъ, онъ
Страдаль въ душѣ своей угрюмой.
Ему представился тотъ страшный часъ,
Когда, достичь пылая трона,
Онъ заглушилъ священный въ сердцѣ гласть,
Гласть совѣсти, и вѣры, и закона.
„О, заблужденie!“ онъ возопилъ:
„Я мнилъ, что гласть сей сокровенный
На вѣкъ сномъ непробуднымъ усыпилъ
Въ душѣ, злодѣйствомъ омраченной!
Я мнилъ: взойду на тронъ—и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу.
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села;

Полезному открою всѣ пути,
 И возвеличу блескъ престола.
 „Я мнѣлъ: народъ меня благословить,
 Зря благоденствіе отчизны,
 И общая любовь мнѣ будеть щитъ
 Огъ тайной сердца укоризны.
 Добро творю; но ропота души
 Оно остановить не можетъ:
 Гласть совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
 Бездѣ равнѣо меня тревожить.
 „Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
 Какъ злой, неумолимый гений,
 Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
 Невнятно повѣсть преступленій...
 Ахъ, удалисъ! Дай сердцу отдохнуть
 Отъ нестерпимаго страданья!
 Не раздирай страдальческую грудь:
 Полна ужъ чаша наказанья!
 „Взымаю я—но тщетны всѣ мольбы!
 Не отгоню ужасной думы:
 Повсюду зрю грозящій перстъ судьбы
 И слышу сердца гласть угрюмый.
 Терзай же, тайный гласъ, коль суждено,
 Терзай! Но я восторжествую
 И смою черное съ души пятно
 И кровь царевича святую!
 „Пусть злобный рокъ преслѣдуетъ меня:
 Не утомлюся отъ страданья
 И буду царствовать до гроба я
 Для одного благодѣянья.
 Святою мудростью и правотой
 Свое правленіе прославлю
 И прахъ несчастнаго почтить слезой
 Потомка поздняго заставлю.
 „О, такъ! Хоть станутъ проклинать во мнѣ
 Убийцу отрока святыя,
 Но не забудутъ же въ родной странѣ
 И дѣль полезныхъ Годунова".
 Страдая внутренно, такъ думалъ онъ;
 И вдругъ, на гласть святой надежды,
 Къ царю слегть давно желанный сонъ
 И осѣниль страдальца вѣжды.
 И съ той поры державный Годуновъ,
 Перенося гоненые рока,
 Твориль добро, быль подданнымъ покровъ
 И врагъ лишь одного порока.
 Скончался онъ, и тихо принялъ
 Земля несчастнаго въ объятья...
 И загремѣли за его дѣла
 Благословенія и—проклятия!...

Рыльевъ, читая мораль правителямъ, не обошелъ и ихъ подчиненныхъ. Его „Думы“ не только—наставленіе для власти имущихъ, но и кодексъ морали для самихъ гражданъ. Какъ патріотъ, Рыльевъ требовалъ отъ гражданина прежде всего любви къ ро-

динъ, какимъ бы эта любовь испытаниемъ ни подвергалась. Измѣна отечству была въ его глазахъ самыи страшныи грѣхомъ, и онъ не поскупился на изображеніе душевныхъ терзаній тѣхъ—хотя бы героеvъ—которые, враждую съ порядкомъ, установившимся на родинѣ, рѣшились поднять противъ нея руку. Дума „Глинскій“ даетъ намъ картину такихъ душевныхъ мукъ одного литовскаго вельможи, который предпочелъ службу у великаго князя московскаго—служенію своей отчизнѣ и своему королю, съ которымъ имѣлъ личные счеты. Мрачна была по описанію Рыльева и душа князя Курбскаго, окруженаго ласкою и почетомъ въ Литвѣ, когда онъ сидѣлъ на пирахъ всегда угрупмый и для своей больной души все искалъ „чего-то“.

Любовь къ родинѣ—обязывала гражданина и преданностью къ ея вождю. Бѣда тому, кто, какъ царевичъ Алексѣй [Дума „Царевичъ Алексѣй въ Рожественѣ“], поддается соблазну, возвинить себя защитникомъ старины и задумаетъ „собрать перуны противъ отца и царя“. Слава тому, кто царя защитить своеї грудью, какъ это сдѣлалъ Иванъ Оусанинъ. Ему Рыльевъ посвятилъ одну изъ самыхъ трогательныхъ думъ, и въ ней онъ не пощадилъ поляковъ *).

Но если гражданскій долгъ обязывалъ гражданина къ повиновенію и жертвѣ, то онъ же обязывалъ и къ откровенной честной борьбѣ противъ всѣхъ гражданскихъ пороковъ. Рыльевъ очень подробно останавливается въ своихъ „Думахъ“ на этой сторонѣ поведенія честнаго и смѣлаго гражданина.

Устами Артемона Матвѣева, соединенного въ Пустоозерскѣ, поэты говоритъ:

„Пускай передъ царемъ меня
Чернитъ и клевета, и злоба.
Предъ ними не унижусь я:
Мигъ честь сопутницей до гроба.
Щитомъ противъ коварства стрѣль
Среди моей позорной ссылки—
Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
И духъ къ добру, какъ прежде пылкій.
.Того не потемнится честь,
Кому, почтивъ дѣла благія,
Народъ не пощадилъ принесть
Въ даръ камни предковъ гробовые.
Опалой царской не лишенъ
Я гордости той благородной,
Которой только одаренъ
Мужъ справедливый и свободный.

*) Эта дума, какъ указываетъ баронъ Розенъ, была написана Рыльевымъ раньше переговоровъ членовъ тайного общества съ делегатами, имѣвшими инструкціи отъ Патріотического Варшавскаго Общества. Баронъ Розенъ „М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 г.“. Русская Старина 1884. Январь, 63.

„Пустоозерска дикій видъ,
Угрюмая его природа,
Не въ силахъ твердости лишить
Благотворителя народа.
Своей покорствуя судьбъ,
Быть твердымъ всюду я умѣю;
Жалѣю я не о себѣ,
Я болѣ о царь жалѣю.
„Близъ трона, притаясь, всегда
Гнѣздятся месть и вѣроломство.
Сколь много для царей труда!
Дѣяній ихъ судьбѣ—потомство,
Увы, его склонить нельзя
Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ:
Неиземѣрный сей судья
Творить свой приговоръ надъ прахомъ“ *).

Почти тоже самое повторяетъ и Артемій Волынскій въ своей тюрьмѣ:

„Не тогъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тогъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ прѣзренного тицеславъ!
Пусть будетъ мужъ совѣта онъ
И мученикъ позорной казни,
Стоять за правду и законъ,
Какъ Долгорукій, безъ боязни.
„Гласть обшій цѣну дасть дѣламъ;
Изобличатся вѣроломства—
И на проклятіе вѣкамъ
Предастся рабъ сей отъ потомства.
Не тогъ отчизны вѣрный сынъ,
Не тогъ въ странѣ самодержавья
Царю полезный гражданинъ,
Кто рабъ прѣзренного тицеславъ!
„Но тогъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.
Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будеть и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часѣ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.
„Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживеть и кончить вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станеть на гражданъ—
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...
„И пусть падетъ! Но будеть живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенныи порывъ

*.) Дума „Артемонъ Матвѣевъ“.

Души прекрасной и свободной.
 Славна кончина за народъ!
 Пѣвцы, герою въ воздаянье,
 Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
 Передадутъ его дѣянье.
 „Вражда къ тиранству закипитъ
 Неукротимая въ потомкахъ—
 И Русь священная узритъ
 Власть чужеземную въ обломкахъ“ *).

Такимъ же глашатаемъ гражданской добродѣтели былъ въ глазахъ Рылѣва и Державинъ, къ которому онъ питалъ, какъ къ сатирику, великое уваженіе. Отдѣльное изданіе своихъ „Думъ“ Рылѣвъ заканчивалъ пѣснью въ честь этого барда. Стоя надъ могилой Державина поэтъ говорилъ:

Не умеръ пламенный пѣвецъ:
 Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
 Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
 Общественное благо ставилъ
 И въ огненныхъ своихъ стихахъ
 Святую добродѣтель славилъ.
 „О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
 Кто въ мірѣ съ нимъ судбою равенъ?
 Не въ силахъ отказать и рокъ
 Тебѣ въ бессмертіи, Державину!
 Не умеръ ты, хотя здѣсь прахъ...
 И въ звукахъ лиры сладкогласной,
 И граждантъ въ пламенныхъ сердцахъ
 Ты оживляешься всечасно.
 „О, такъ! Нѣть выше ничего
 Предназначенія поэта:
 Святая правда—долгъ его;
 Предметъ—полезныи быть для свѣта.
 Избранникъ и посолъ Творца,
 Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
 Святой, великий санъ пѣвца
 Онъ дѣломъ оправдать обязанъ.
 „Къ неправдѣ онъ кипитъ враждой,
 Ярмо граждантъ его тревожить;
 Какъ вольный славянинъ душой,
 Онъ работѣствовать не можетъ.
 Повсюду твердъ, гдѣ-бы ни былъ онъ,
 Наперекоръ судьбѣ и року,
 Повсюду честь ему законъ,
 Вездѣ онъ явный врагъ пороку.
 „Гремѣть грозою противъ зла
 Онъ чтить святымъ себѣ закономъ,
 Съ спокойной важностью чела
 На эшафотѣ и предъ трономъ;
 Ему невѣдомъ низкий страхъ,
 На смерть съ презрѣніемъ онъ взираетъ.
 И доблѣсть въ молодыхъ сердцахъ

*) Дума „Волынскій“.

Стихомъ свободнымъ зажигаетъ.
 „Ему ли ожидать стыда
 Въ судѣ грядущихъ поколѣній?
 Не осквернить онъ никогда
 Порочиою мыслию твореній.
 Повсюду правды вѣрный жрецъ,
 Томяся каждой чистой славы,
 Не станеть портить онъ сердецъ
 И развращать народа нравы.
 „Поклонникъ пламенный добра,
 Ничемъ себя не опорочить
 И освященнаго пера
 Въ нечестыи буйномъ не омочить.
 Надъ нимъ и рокъ не властелинъ!
 Онъ истину достойно цѣнить,
 И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
 И въ тайныхъ думахъ не измѣнить!

„Парилъ онъ мыслию въ вѣкахъ,
 Съдую вызывая древность,
 И воспалилъ въ младыхъ сердцахъ
 Къ общественному благу ревности!“ *).

Такова гражданская мораль этихъ нѣкогда столь прославленныхъ „Думъ“. Всякій согласится, что она необычайно скромна и сдержанна. Либеральная нота, и тѣмъ болѣе протестующая, въ нихъ почти совсѣмъ не слышна, хотя у Рыльева было намѣреніе заставить звучать ее громче. Въ его черновыхъ тетрадяхъ сохранились наброски двухъ думъ, по содержанію значительно болѣе смѣлыхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ попали въ печать. Одна посвящена памяти „Марены Посадницы“ — тогда очень популярной либеральной героини, другая не менѣе либеральному и также тогда очень любимому образу — Вадима, возстающаго за свободу родины противъ ея утѣснителей варяговъ **). Эти думы остались неоконченными и не были напечатаны, а въ тѣхъ, которыхъ напечатаны, мы можемъ выискать развѣ лишь самые туманные намеки на настоящій оппозиціонной либерализмъ. Въ думѣ „Рогнѣда“ есть строфа, которая грозитъ „притѣснителямъ“. Въ думѣ „Богданъ Хмѣльницкій“ воспѣвается свобода украинской вольницы и, наконецъ, въ думѣ „Царевичъ Алексѣй“, которая также свеевременно въ печать не попала, есть самый невинный намекъ на крѣпостное состояніе ***). Все остальное, что въ этихъ „Думахъ“ Рыльева воспѣто и прославлено — не возвышается надъ уровнемъ самой благомыслящей гражданской морали, очень общей по своей формулировкѣ.

*) Дума „Державинъ“.

**) Въ этой думѣ есть такія строфы:

Грозень князь самовластительный!
 Но наступить часъ ночной;
 И настанеть часъ рѣшительный,
 Часъ для гражданъ роковой [Мазаевъ, 43].

***) Говорится о „разбросанныхъ жилищахъ утѣсненной нищеты“.

Такая умѣренность понятна, такъ какъ почти всѣ „Думы“ были сочинены Рылѣевымъ въ годы (1821—1823), когда его общѣ-ственныя чувства еще не вполнѣ обострились. Это не мѣшало со-временникамъ восхищаться „Думами“, и какъ пѣнной литератур-ной новинкой, и какъ гражданскимъ подвигомъ.

Прослушаемъ нѣсколько такихъ современныхъ отзывовъ, и мы увидимъ, какъ своевременна была эта, хотя и очень скромная, по-литическая пѣсня Рылѣева.

Что эти „Думы“ хвалилъ А. Бестужевъ, который говорилъ, что Рылѣевъ „пробилъ новую тропу въ русскомъ стихотворствѣ, из-бравъ цѣлью возбуждать доблести согражданъ подвигами пред-ковъ“¹⁾ — то это само собою понятно. Хвалилъ ихъ и Гречъ, назы-вая „умными благородными и живыми думами“²⁾; хвалилъ Бул-гаринъ, который отмѣчалъ въ нихъ ихъ „народность и благород-ные чувствованія“³⁾. О. Н. Глинка признавалъ, что „Думы“ Ры-лѣева вышли съ большимъ блескомъ и надѣлали много шума⁴⁾. Плетневъ говорилъ, что онъ удовлетворяютъ любопытному вкусу чистотой и легкостью языка, наставительными истинами, пре-красными чувствованіями и картинами природы⁵⁾, хотя онъ и полагалъ, что „исторію никакъ нельзя уломать въ лирическую пьесу“⁶⁾. О. И. Йорданъ утверждалъ, что „Думы“ Рылѣева за-ставляли въ свое время всѣхъ восхищаться⁷⁾; Д. И. Хвостовъ, хоть и не былъ поклонникомъ „Думъ“, но полагалъ, что стихи Пушкина „Къ морю“ и „Наполеонъ“ писаны „во вкусѣ думъ Рылѣева“⁸⁾. Хвалилъ Рылѣева и кн. Вяземскій (правда, въ лич-номъ письмѣ къ нему) за то, что „Думы“ „носатъ на себѣ пе-чать отлічительную, столь необыкновенную посреди пошлыхъ и одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній нашихъ“⁹⁾. Строже всѣхъ и правильнѣе отнесся Пушкинъ къ пѣснямъ своего доброго пріятеля. Ему „Думы“ рѣшительно не нравились. Князю Вяземскому онъ писалъ, что „Думы“ — дрань и название ихъ происходит отъ нѣмецкаго *dumm*, а не отъ польскаго¹⁰⁾. Тому

¹⁾ А. Бестужевъ. «Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи», «Полярная звѣзда», 1823, 29.

²⁾ «Сынъ Отечества», 1823, № III, 113, при разборѣ «Полярной Звѣзды».

³⁾ «Сѣверный Архивъ», 1824, № 5, 421—422.

⁴⁾ О. Н. Глинка. «К. Ф. Рылѣевъ», «Русская Старина», III, 1871, 246.

⁵⁾ П. Плетневъ. «Письмо къ графинѣ С. И. С. о русскихъ поэтахъ» 1824, «Сочиненія и переписка П. А. Плетнева», Спб. 1885, I, 186.

⁶⁾ Письмо Плетнева къ Пушкину отъ 22 января 1825, «Сочиненія Плет-нева», III, 314.

⁷⁾ «Записки О. И. Йордана», «Русская Старина», мартъ 1891, 632.

⁸⁾ «Графъ Д. И. Хвостовъ», «Русская Старина», августъ, 1892, 414.

⁹⁾ Письмо кн. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву и К. Ф. Рылѣеву отъ 23 января 1823 г. В. Якушинъ. «Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г.г.» «Русская Старина», 1888, ноябрь, 312.

¹⁰⁾ Письмо къ Вяземскому, 1825, май. «Сочиненія Пушкина» изд. Литер. Фонда, VII, 129.

же Вяземскому признавался онъ и раньше, прочитавъ только первыя „Думы“, что онъ боится, какъ бы Плетнѣвъ и Рылѣевъ не отучили его отъ поэзіи¹). Въ письмѣ къ брату онъ „знаменитаго“ Рылѣева приравниваетъ къ „знаменитому“ Владиміру Панаеву²). А. Бестужеву замѣчалъ иронически, что Рылѣевъ—„планщикъ“ (въ томъ смыслѣ, что составляетъ планы для своихъ стиховъ), что онъ, Пушкинъ, любить больше стихи безъ плана, чѣмъ планъ безъ стиховъ³). Жуковскому онъ говорилъ, что „Думы“ Рылѣева и цѣлять, а все не впопадъ⁴).

Самому Рылѣеву Пушкинъ писалъ, что въ его „Думахъ“ встрѣчаются стихи живые, но что вообще они слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ. „Всѣ они,—говорилъ онъ,—на одинъ покой составлены изъ общихъ мѣстъ: описание мѣста дѣйствія, рѣчь героя и нравоученіе. Национального русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кроме именъ (исключая „Ивана Сусанина“—первую думу, по которой началъ я подозрѣвать въ тебѣ истинный талантъ“⁵).

Но, кажется, что это строгое мнѣніе Пушкина сложилось у него не сразу. Въ одномъ изъ его черновыхъ писемъ есть любопытная замѣтка. Въ 1823 году, когда Пушкинъ боялся, что Рылѣевъ отучить его отъ поэзіи, онъ пишетъ Вяземскому: „Первые думы Ламартина въ своемъ родѣ едва ли не лучше думъ Рылѣева; послѣднія прочель я недавно и еще не опомнился: такъ онъ вдругъ выросъ“⁶).

Но Пушкинъ въ своихъ отзывахъ былъ всетаки ближе всѣхъ къ истинѣ, такъ какъ, дѣйствительно, первая попытка его друга перейти за границы чисто личнаго, лирическаго творчества оказалась не вполнѣ удачной. Это произошло потому, что талантъ Рылѣева не былъ талантомъ сильнымъ и оригинальнымъ, и навыкъ писательства для него очень много значилъ. Его талантъ обнаружилъ себя не сразу, а крѣпъ въ опытахъ, и лучшимъ доказательствомъ этому служатъ его „Поэмы“, къ созданію которыхъ онъ приступилъ съ 1824 года, когда литературный навыкъ былъ уже приобрѣтенъ въ работѣ надъ „Думами“.

¹) «Письма Пушкина и къ Пушкину». М. 1903, 13. Письмо къ кн. Вяземскому 1823 г.

²) Письмо къ Л. Пушкину 1823. Сочиненія, VII, 48.

³) Письмо къ Бестужеву, ноябрь 1825. Сочиненія, VII, 166.

⁴) Письмо къ Жуковскому, май 1825. Сочиненія VII, 131.

⁵) Письмо къ Рылѣеву, апрѣль 1825. Сочиненія VII, 127. Пушкинъ вообще придерживался того взгляда, что тотъ, кто пишетъ стихи, прежде всего долженъ быть поэтомъ; если же хочешь просто гражданиствовать, то пиши прозой (Сочиненія VII, 146).

⁶) Письмо къ Вяземскому, 1823, ноябрь. Сочиненія VII, 56.

XII.

„Поэмы“ Рыльева, это—тѣ же „Думы“, но только углубленные по содержанію, расширенныя въ размѣрѣ и въ художественномъ смыслѣ значительно лучше выполненные. Матеріалъ въ нихъ былъ собранъ раньше 1824 года, когда они стали появляться въ печати. Увлеченіе Рыльева малорусской стариной направило очень рано его вниманіе на исторію старого козачества, которое для его вольнолюбивой души было полно всяческихъ пріманокъ. Страницы старинной вольницы, изученные на мѣстѣ, будили въ немъ и чувство, и фантазію.

Вместо цѣлой галлереи миѳическихъ, легендарныхъ и историческихъ образовъ, взятыхъ изъ самыхъ различныхъ эпохъ нашей жизни и очень существенно обрисованныхъ въ „Думахъ“, въ поэмахъ Рыльева есть единство и цѣльность художественной концепціи,—одна полная историческая картина, съ историческими вѣрными фигурами на первомъ планѣ, съ разработанной психологіей действующихъ лицъ и съ обстановкой, схваченной съ натуры. Все это даетъ большой перевѣсъ поэмамъ Рыльева надъ его первыми попытками въ эпическомъ стилѣ.

Изъ этихъ поэмъ Рыльевъ успѣлъ закончить только одну—поэму „Войнаровскій“, остальные дошли до насъ въ видѣ отрывковъ.

Сюжеты всѣхъ этихъ историческихъ пѣсенъ взяты изъ истории борьбы Малороссіи за свою вѣру и свободу *). Эта основной боевой кличъ становится съ каждой поэмой все сильнѣе и

*) За исключеніемъ лишь одного отрывка «Партизаны», который указываетъ, что Рыльевъ имѣлъ въ виду воспѣть Отечественную войну 1812 года. Въ отрывкѣ есть очень недурная партизанская пѣсня:

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
Но мы не спимъ, мы надзираемъ
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.
 Въ одно мгновенье врагъ разбить,
Врасплохъ застигнуть удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летить
Съ неутомимыми донцами.
 Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсь густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ за чашей круговой
Минуты отдыха проводимъ.
 Съ зарей бросаемъ свойnochlegъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча...

определение, и надо пожалеть, что кроме „Войнаровского“ остальные пьесы остались недопечатанными *).

*) А этихъ неоконченныхъ пьесъ было много. Послѣ «Войнаровского», который былъ написанъ въ 1824 году, Рыльевъ принялъ писать поэму изъ жизни Наливайки, затѣмъ составилъ планъ для «Хмѣльницкаго», который хотѣлъ выполнить въ 6 пьесахъ, проектировалъ также написать «Мазепу». Изъ поэмы «Хмѣльницкій» уцѣлѣлъ отрывокъ «Гайдамакъ». Онъ характеренъ, какъ хороший примѣръ «байронического письма»:

«Въ немъ (въ Гайдамакѣ) не волнуютъ уже кровь
Младыхъ украинокъ любовь
И вѣрной дружбы гласъ привѣтный;
Давно онъ ко всему примѣтно
Остыть безчувственной душой;
Въ ней вѣтъ холода грбовой:
Она, какъ хладная могила,
Его всѣ блага поглотила...
Всегда опущены къ землѣ
Его сверкающія очи;
Темнѣть на его челѣ
Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
Еще никто не зрѣлъ того,
Чтобы хотя на мигъ единый
Улыбкой сгладились морщины
На бронзовомъ лицѣ его.
Однажды только, увѣряли,
Въ немъ очи радостью сверкали:
То было въ замкѣ богача,
Убитаго имъ на Волыни,
Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
Гдѣ гнѣвъ небесный—саранча;
Гдѣ кровь ручьями лиль онъ хладно,
Гдѣ все погибло безпощадно
Иль отъ огня, иль отъ меча.
Вотще молила дочь младая,
Вотще у ногъ лежалъ магнатъ:
Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ...”

[Мазеевъ, 74].

Многое обѣщала, кажется, и поэма «Мазепа», отъ которой сохранились лишь два удачныхъ отрывка. Въ особенности удалась Рыльеву «Пѣсня стоянниковъ Мазепы»:

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу
Иль со славою умремъ!
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечомъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!

Избирая Андрея Войнаровского герояемъ цѣлой эпической поэмы *), Рыльевъ счелъ нужнымъ познакомить читателя съ этой мало извѣстной личностью, и потому въ изданіи, которое было напечатано въ Москвѣ осенью 1825 года, онъ помѣстилъ нѣсколько пояснительныхъ приложенийъ. Поэма открывалась посвященіемъ А. А. Бестужеву. Рыльевъ говорилъ своему другу много нѣжностей и въ послѣднихъ строкахъ—желая заранѣе отпарировать его строгій судъ—признавался открыто, что въ его поэмѣ „нѣть искусства“, но что въ ней есть живыя чувства, и это потому, что онъ—Рыльевъ—„не поэтъ, а гражданинъ“. За посвященіемъ слѣдовала краткая біографія Мазепы, составленная А. Корниловичемъ—также другомъ Рыльева и впослѣдствіи декабристомъ. За этой біографіей слѣдовала другая,—жизнеописаніе самого Андрея Войнаровскаго, составленное А. Бестужевымъ. Изъ этой краткой біографіи читатель узнавалъ, что Андрей Войнаровскій былъ родной племянникъ Мазепы и былъ посланъ Мазепой въ Германію учиться наукамъ и иностраннымъ языкамъ. Европейски образованнымъ человѣкомъ вернулся онъ на родину и поступилъ на службу къ своему дядѣ. Онъ сталъ участникомъ тайныхъ замысловъ Мазепы и, какъ врагъ Россіи, действовалъ въ Турціи и въ Крыму. Одно время онъ былъ короннымъ воеводою въ Царствѣ Польскомъ, а затѣмъ, когда Мазепа проиграль свое дѣло и умеръ, Войнаровскій проживалъ въ Вѣнѣ, Бреславлѣ и въ Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія отъ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240,000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ, по требованію россійскаго резиденты. Однако жъ, вслѣдствіе протеста вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго, и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго отдаться милости Цетра I предала его во власть рус-

Жаждеть битвы вѣрный конь...

Смѣло, дружно за Мазепой—

На мечи и на огонь!

[Мазаевъ, 76].

Рыльевъ давно интересовался судьбой знаменитаго гетмана. Одно время онъ собирался написать драму изъ жизни Мазепы и даже приступилъ къ разработкѣ сценарія [В. Якушкинъ. «Изъ исторіи литературы двадцатыхъ годовъ». «Вѣстникъ Европы», ноябрь 1888, 209]. О Мазепѣ говорилъ онъ и въ своей думѣ «Петръ Великій въ Острогожскѣ»; наконецъ, и судьба Андрея Войнаровскаго была тѣснѣмъ образомъ связана съ судьбой Мазепы. Поэты, конечно, идеализируютъ этотъ старый образъ, и великій хитрецъ и политикъ въ его изображеніи становится охранителемъ вольностей малорусского народа и «гражданиномъ» въ смыслѣ Рыльева [Срв. А. Бороздинъ. «Литературные характеристики», I, 201].

*) Сначала, какъ видно по черновымъ тетрадямъ, поэма «Войнаровскій» должна была называться «Ссыльный».

сихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы, и ея заступничество спасло его отъ казни. Войнаровскій былъ ссыпанъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончила жизнь, чо когда и какъ—неизвѣстно. Знаменитый ученый Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири, въ 1736 и 1737 годахъ, видѣлъ Войнаровскаго въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Исторію послѣднихъ дней его жизни и пожелалъ разсказать Рыльевъ въ своей поэмѣ. Это была печальная исторія политическаго ссылочнаго, влакашаго одиноко свои безцвѣтныя дни среди угрюмой сибирской природы, исторія медленнаго увяданія нѣкогда юнчаго сердца и вмѣстѣ съ тѣмъ повѣсть о бывомъ, о годахъ счастливой и славной жизни на вольной Украинѣ.

Поэма могла стать очень трогательной и патетичной, если бы авторъ не выбралъ для нея слишкомъ однообразной формы: она почти цѣликомъ состоитъ изъ рассказа Войнаровскаго о своемъ прошломъ и настоящемъ, рассказа, который слушаетъ, случайно на стѣверѣ съ Войнаровскимъ встрѣтившійся, историкъ Миллеръ.

„Нельзя читать бѣзъ волненія—писалъ одинъ современникъ—пророческой поэмы Рыльева „Войнаровскій“, гдѣ Рыльевъ себя одицетворяетъ подъ именемъ Мазепы, но самъ становится въ тѣнь, въ виду блеска, который придаетъ поэтической фигурѣ Александра Бестужева—своего самого близкаго друга“^{*)}). Трудно, конечно, уловить умышленное сходство между Мазепой и Рыльевымъ, и Войнаровскимъ и Бестужевымъ, но если вспомнить, что одинъ погибъ за свое дѣло, другой былъ осужденъ въ ссылку, то при навѣстной живости фантазіи можно допустить такую аналогію. Она тѣмъ болѣе напрашивается, что въ стихахъ Рыльева иногда, дѣйствительно, слышится какъ бы пророчество.

Н. Бестужевъ утверждалъ, что Рыльевъ имѣлъ предчувствіе той участіи, которая его ожидала; ^{**)} быть можетъ, въ данномъ случаѣ Н. Бестужевъ нѣсколько поддался обычному своему лиризму, какъ это съ нимъ случалось часто, но нельзя всетаки отдѣляться отъ нѣкотораго страннаго чувства, когда, читая стихи Рыльева, думаешь о томъ, что ожидало его и его товарищѣй. Смерть на плахѣ и ссылка—одно изъ любимыхъ драматическихъ положеній въ стихотвореніяхъ Рыльева. Думы „Глинскій“, „Курбскій“, „Артемонъ Матвѣевъ“, „Волынскій“, „Минихъ“—все разныя вариаціи на тему о протестовавшихъ и пострадавшихъ сильныхъ личностяхъ. Всего яснѣе сознаніе опасности и ожиданіе грядущей кары выражено—какъ мы увидимъ—въ поэмѣ „Наливайко“; есть оно и въ „Войнаровскомъ.“

^{*)} Schnitzler. Histoire intime de la Russie I; 207. 1854.

^{**) Н. Бестужевъ. „Воспоминаніе о К. Ф. Рыльевѣ“. Сочиненія Рыльева. Лейпцигъ 1861, 3,4.}

Если бы мы не знали, какъ кончилъ Рыльевъ, то, читая „Войнаровскаго“, мы могли бы подумать, что поэма написана по личнымъ воспоминаніямъ сибирскаго осужденаго: такъ соблюденъ въ ней мѣстный колоритъ и такъ правдиво переданы чувства изгнаниника. Въ этомъ колорите, въ этой тонкой психологіи и, наконецъ, въ отдалѣкѣ вѣшней—всѧ литературная стоимость „Войнаровскаго“.

Припомнімъ, напр., такую картину природы:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣеть длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыя стѣны.
Кругомъ сосновый частоколь
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикий долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ сибирскія равнины,
И тянутся кремнистыя горы
Разнообразныя вершины...
Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветь сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...

или такое описание охоты, когда Войнаровскій, въ трескучій морозъ—

Оленя гнавъ съ сибирскимъ посомъ,
Вѣжаль на лыжахъ въ лѣсь дремучій...
И мракъ, и тишина кругомъ!
Повсюду сосны вѣковыя,
Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
Сплелися вѣтви ихъ густыя
Непроницаемымъ шатромъ.
Не видно изъ лѣсу дороги...
Чрезъ хворость, кочки и снѣга
Олень несется быстроногий,
Закинувъ на спину рога,
Вдали межъ соснами мелькаетъ,
Летить.. Вдругъ выстрѣлы!.. Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ
Окровавленный упадаетъ...

или такую параллель между вольнымъ сердцемъ и вольной рѣкой:

„Видаль ли ты, когда весной,
Освобожденная изъ плѣна,
Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?“
Когда, гоня волну волной
И разрушая всѣ преграды,
Ломаетъ льдистыя громады,
Иль, поднимая дикий вой,

Клубится и бугры вздымаешь,
Утесы съ ревомъ отторгаешь
И ихъ уносить за собой,
Шумя, въ невѣдомыя степи?
Такъ мы, свои разрушивъ цѣпи,
На гласъ свободы и вождей,
Нисровергая всѣ препоны,
Помчались защищать законы
Среди отеческихъ степей...

или, наконецъ, заключительные строфы поэмы, въ которыхъ разсказывается, какъ Миллеръ шелъ возвѣстить Войнаровскому его освобожденіе, какъ овь летѣлъ къ нему съ отрадной вѣстью о прощеніи и свободѣ, и какъ нашелъ. своего друга замершимъ на могилѣ его жены, которая дѣлила съ нимъ его изгнаніе.

Но воть онъ (Миллеръ) къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣтить его нейдетъ...
Онъ входить въ двери. Лучъ привѣтный
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый лѣть:
Все пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живеть.
„Все въ запустѣнныи! мыслить странникъ:
Куда жъ сокрылся ты, изгнаникъ?“
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идеть на холмъ могильный онъ —
И что же видѣть предъ собою?
Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнаникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ огненѣнныи роковомъ;
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины;
Какъ мраморъ, лоснится чело,
И отъ собѣственной долины
Ужъ мертвѣца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

Когда читаешь всѣ эти строки, кажется, что онъ писаны не Рыльевымъ, а вѣмъ нигудь изъ его друзей, проживавшихъ на берегахъ Лены.

Приходится удивляться также и той отчетливости, съ какой воспроизведены въ поэмѣ Рыльева думы и чувства осыльного.

Раннѣе туманное утро, крутый берегъ Лены, и одинокій печальный путникъ съ длинной винтовкой за спиной... Давно онъ привезенъ въ крытой кибиткѣ въ эту страну изгнанія, давно посыдѣли примѣтно его и усь, и борода; онъ — не уголовный преступникъ, и на лбу его нѣть постыдной печати, но видъ его вдвое суровѣе, чѣмъ дикий видъ каторжника:

Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
 Байкалъ предъ бурей мрачнымъ днемъ.
 Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
 Когда за тучей мѣсяцъ спить,
 Могильный огонекъ горить—
 Такъ незнакомца блещутъ очи.
 Всегда дичится и молчитъ,
 Одинъ, какъ отчужденный, бродить,
 Ни съ кѣмъ знакомства не заводить,
 На всѣхъ сурово онъ глядить,

а между тѣмъ:

При строгой важности лица,
 Слова, высокихъ мыслей полны,
 Изъ устъ сѣдого пришлеца
 Въ избыткѣ чувствъ текутъ, какъ волны.

Онъ весь — огонь и стремленіе подъ мертвоя и лѣдистой оболочкой. „Я,— Войнаровскій“, говорить онъ своему нежданному собесѣднику:

Ты видишь, дикъ я и угрюмъ,
 Брожу, какъ оставъ—очи впали,
 И на чѣлѣ бразды печали,
 Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
 Страдальцу видъ суровый дали.
 Между лѣсовъ и грозныхъ скаль
 Какъ вѣчный узникъ безотрадень,
 Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
 И, какъ климатъ сибирскій, сталъ
 Въ своей душѣ жестокъ и хladenъ.
 Ничто меня не веселитъ,
 Любовь и дружество мнѣ чужды,
 Печаль свинцомъ въ душѣ лежить,
 Ни до чего нѣть сердцу нужды.
 Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
 Я не могу снести ихъ вида:
 Ихъ жалость о судьбѣ моей—
 Мнѣ нестерпимая обида.
 Кто брошенъ въ дальние сїга
 За дѣло чести и отчизны,
 Тому сноснѣе укоризны,
 Чѣмъ сожалѣніе врага...
 Но зналъ и я когда-то радость
 И отъ души людей любилъ,
 И полной чашею испилъ
 Любви и тихой дружбы сладость.
 Среди родной моей земли,
 На лонѣ счастья и свободы,
 Мои младенческие годы
 Ручьемъ игривымъ протекли;
 Какъ легкій сонъ, какъ привидѣніе,
 За ними радость на мгновенье,
 А вмѣстѣ съ нею суеты,
 Война, любовь, печаль, волненіе
 И пылкой юности мечты...

Эти пылкия мечты юности пришлось Вайнаровскому въ Сибири не только вспомнить, но какъ-бы пережить вновь, когда иежданно въ его заточеніе къ нему вернулась его супруга, чтобы дѣлить съ нимъ всю тягость изгнанія—правда, ненадолго, такъ какъ смерть поджидала ее въ этомъ сумрачномъ краѣ. Этаъ вводный, съ исторіей несогласный, эпизодъ въ поэзіи хоть и до нельзя романтиченъ, сентименталенъ и условенъ, но безспорно трогательенъ и также полонъ пророчества. Кто не вспомнить женъ декабристовъ, читая эти строфы:

Разъ у якутской юрты я
Стояль подъ сосновой одинокой.
Буранъ шумѣль вокругъ меня,
И свирѣпѣль морозъ жестокий.
Передо мной скалы и лѣсь
Грядой тянулися безбрежной;
Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
Сливался темный сводъ небесъ.
Отъ юрты вдали тальникъ кудрявый
Подъ снѣгомъ стлался между горъ.
Въ боку быль видень черный боръ
И берегъ Лены величавой.
Вдругъ вижу: женщина идетъ,
Дахой убогою прикрыта,
И связку дровъ едва несетъ,
Работой и тоской убита.
Я къ ней... И что же?.. Узнаю
Въ несчастной сей, въ морозъ и выногу,
Казачку юную мою,
Мою прекрасную подругу!..
Узнавъ объ участіи моей,
Она изъ родины своей
Пошла искать меня въ изгнаніѣ.
О, странникъ! Тяжко было ей
Не раздѣлять со мной страданье!
Встрѣчала много на пути
Она страдальцевъ знаменитыхъ,
Но не могла меня найти:
Увы, я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
Законъ велитъ молчать, кто я;
Начальникъ самъ того не знаетъ.
Объ томъ и спрашивать меня
Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

И какъ послѣ всего, что выстрадано и передумано, не испугаться грядущаго, не застыть въ ужасѣ передъ призракомъ близкой и безвѣстной смерти и не задуматься надъ тѣмъ, во что раньше безотчетно вѣрилъ?

Ахъ, можетъ быль я въ заблужденьи,
Кипящей ревностью горя,
Но я въ слѣпомъ ожесточенъ
Тираномъ почиталъ царя... (Петра)
Быть можетъ, увлеченный страстью,

Не могъ я цѣну дать ему
 И относилъ то къ самовластью,
 Что свѣтъ отнесъ къ его уму.
 Судьбѣ враждующей послушенъ,
 Переношу я жребій свой;
 Рожденный съ пылкою душой,
 Полезнымъ быть родному краю.
 Съ надеждой славиться войной,
 Я безполезно изнываю
 Въ странѣ пустынной и чужой.
 Какъ тѣнь, вездѣ тоска со мною...
 Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
 И таю я, какъ ледъ весною
 Отъ распаляющихъ лучей.
 Душѣ честолюбивой бремя
 Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
 Но какъ ужасно знать до времія
 Свою ужасную судьбу!
 Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,
 Таю тоску въ душѣ своей,
 Зрѣть гробы въ безбрежной сей пустынѣ,
 Далеко отъ родныхъ степей...
 Почто, почто въ битвѣ кровавой,
 Летая гордо на конѣ,
 Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
 Почто съ безславiemъ иль со славой
 Я не погибъ въ родной странѣ?
 Увы, умру въ семъ царствѣ ночи!
 Минъ такъ судиль жестокій рокъ;
 Умру я—и чужой песокъ
 Изгнанника засыплетъ очи!“

Кто читалъ записи декабристовъ, тотъ вспомнить, какъ нѣкоторымъ изъ нихъ навертывались подобные мысли, очень схожія съ мыслями Войнаровскаго, и какъ часто въ заточеніи они спрашивали себя—какъ спрашивалъ и Войнаровскій:

Чтосталось съ родиной моей?
 Кого въ Петрѣ—врага иль друга
 Она нашла въ судьбѣ своей?

Надѣль воими намеками и параллелями читатель 1825 г., конечно, не задумывался. Поэма Рыльева пріобрѣла особый смыслъ лишь послѣ 14 декабря, когда всѣ могли подивиться ея пророческому дару предвѣдѣнія; вѣроятно, въ силу этого она и подверглась цензурнымъ преслѣдованіямъ.

Но и помимо этихъ аналогій, которыя получили свой смыслъ значительно позже, основная мысль поэмы могла еще до 14 декабря возвѣдти бдительность *) цензуры и, по свидѣтельству

*) „Впрочемъ, вообще говоря, „Войнаровскій“ пострадалъ въ 1825 году отъ цензурныхъ прижимокъ немнога — этому онъ обязанъ Петру Александровичу Муханову († 1854), одному изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени. Мухановъ живо интересовался отечественной литературой“

самого Рыльева, цензура, действительно, несколько ошипала „Войнаровского“ *), и поэма была напечатана с пропусками, которые, однако, были восполнены въ ходившихъ по рукамъ спискахъ **).

Основная мысль поэмы на первый взглядъ не заключала въ себѣ ничего либерального; она была скорѣе патріотическая. При всѣхъ своихъ симпатіяхъ къ Войнаровскому, авторъ остался на сторонѣ Петра и возвотаніе и измѣну Мазепы считалъ государственнымъ преступленіемъ. Чтобы убѣдить въ этомъ читателя, онъ и предпослалъ своей поэмѣ „жизнеописаніе Мазепы“, написанное Корниловичемъ. Въ этой біографіи Корниловичъ, отдавая должное таланту Мазепы, не признавалъ въ немъ защитника вольностей малороссийскихъ; его измѣну онъ объяснялъ, какъ разсчетъ личныхъ выгодъ, и указывалъ на его личное мелочное честолюбіе. Біографъ отказывался признать въ предательскомъ сердцѣ Мазепы чувство любви къ родинѣ. Рыльевъ, повидимому, раздѣлялъ этотъ взглядъ Корниловича, потому что въ своемъ предисловіи къ поэмѣ писалъ: „считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оно, можетъ быть (!), въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки явлюютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія.—Желая преклонить Войнаровского, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми рассказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя — но истина восторжествовала, и провидѣніе наказало измѣнника.“

Были ли эти слова написаны для цензуры ***) или во взглядѣ Рыльева на Мазепу, действительно, не было единства, ио только въ самой поэмѣ, всякий разъ, когда рѣчь заходила про

рой, много самъ для нея работалъ, и, плѣнясь поэтическими красотами „Войнаровского“, употребилъ всѣ старанія, чтобы провести его сквозь цензурныя колодки“. „Русская Старина“ 1871. III. 521. „Замѣтка объ изданіяхъ „Войнаровского“.

*) Письмо Рыльева къ Пушкину, мартъ 1825. *Мазаевъ*, 159.

**) „Замѣтка о „Войнаровскомъ“, „Русская Старина“ 1871 III, 647.

***) Безспорно для цензуры были въ текстѣ помѣщены нѣкоторыя примѣчанія. На слова Войнаровского о томъ, что онъ брошенъ въ дальние сиѣга за дѣло чести и отчизны—замѣчено: „такъ извиняетъ свое преступленіе справедливо и милосердно наказанный Войнаровскій.“ Къ словамъ Мазепы, сказанныхъ Войнаровскому, готовъ ли онъ не пожалѣть себя за Україну, замѣчено: „напрасная забота! о благѣ Україны пекся великий преобразователь Россіи.“ Противъ словъ Мазепы о томъ, что онъ рѣшился на измѣну, стоить: „какая слава озарила бы Мазепу, если бы днѣ содѣствовалъ Петру въ не забвенную битву полтавскую! какое безславіе омрачаетъ его за вѣроломное оставленіе побѣдоносныхъ рядовъ Петра!“ Къ словамъ Мазепы: „и Петръ и я—мы оба правы“ сдѣлано такое примѣчаніе: „это голосъ безразсудного отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавой. Удивительная дерзость—сравнивать себя съ Петромъ.“

Мазепу, авторъ отдавался не историческимъ воспоминаніямъ, а порыву собственныхъ гражданскихъ чувствъ, и патріотизмъ переходилъ въ либеральный паѳосъ. Съ этимъ паѳосомъ Мазепа говорилъ, напр., Войнаровскому:

„Я зрю въ тебѣ Україны сына!
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадаль.
Я не люблю сердецъ холодныхъ:
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ,
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ;
Имъ чувствъ высокихъ не дано,
Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы;
Отъ колыбели до могилы
Имъ пресмыкаться суждено.
Ты не таковъ—я это вижу;
Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Любя страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтьми и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей—честью.
Но къ тайнѣ приступить пора:
Я чту Великаго Петра;
Но—покоряяся судьбинѣ —
Узай: я врагъ ему отнынѣ..
Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
Отъ слuchая всему рѣшенье;
Успѣхъ не вѣренъ, и меня
Иль слава ждеть, иль поношеине.
Но я рѣшился; пусть судьба
Грозить странѣ родной злосчастемъ;
Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ!“

И Войнаровскій остался вѣренъ своему дядѣ, любя въ немъ не столько человѣка и родственника, сколько именно борца за свободу родины. Онъ относился къ Мазепѣ, какъ къ человѣку, даже критически, подчеркивая свой собственный образъ мыслей, мыслей свободныхъ, мужественныхъ, антично-республиканскихъ:

Онъ (Мазепа) приковалъ къ себѣ сердца:
Мы въ немъ главу народа чтили,
Мы обожали въ немъ отца,
Мы въ немъ отечество любили.
Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
Спасти отъ бѣдъ народъ Україны,
Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ —
Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
Ко нраву хитраго вождя

Успѣть я въ десять лѣтъ привыкнуть;
 Но никогда не въ силахъ я
 Былъ замысловъ его проникнуть.
 Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
 И, странникъ, повторю: не знаю,
 Что въ глубинѣ души своей
 Готовилъ онъ родному краю.
 Но знаю то, что, затая
 Любовь, родство и гласъ природы,
 Его сразилъ бы первый я,
 Когда-бъ онъ сталъ врагомъ свободы.

Мазепа умеръ, никому не открывъ своихъ замысловъ, и всѣ, кто шелъ за его гробомъ, остались при убѣждѣніи, что они съ Мазепой хоронятъ свободу своей родины. Такъ думалъ и Войнаровскій, и память о Мазепѣ была для него единственнымъ утѣшениемъ въ тяжелые дни тоски и унынія на дальнемъ сѣверѣ: все мнилось ему, что, какъ отпрѣсокъ славнаго вольнолюбиваго рода, онъ, Войнаровскій, можетъ быть еще нуженъ для великаго дѣла. Онъ говорилъ:

Съ душой для счастія уявлай,
 Я вѣру въ счастье потерялъ;
 Я много горя испыталъ,
 Но, тяжкой жизнью недовольный,
 Какъ трусъ презрѣнныи, не искалъ
 Спасенія въ смерти самовольной.
 Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
 Она кругомъ меня ходила
 И груды труповъ громоздила
 Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
 Но никогда, ей въ очи глядя,
 Не содрогнулся я душой;
 Не забывалъ, стремясь въ бой,
 Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
 Читать Брута съ дѣства я привыкъ:
 Защитникъ Рима благородный,
 Душою истинно свободный,
 Дѣлами истинно великъ.
 Но онъ достоинъ укоризны —
 Согражданъ самъ онъ погубилъ:
 Онъ торжество враговъ отчизны
 Самоубійствомъ утвердилъ...
 Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
 Какъ жизнь въ изгнаніи тяжела;
 Мнѣ бѣ смерть отрадою была:
 Но жизнь и смерть я презираю...
 Мнѣ надо жить: еще во мнѣ
 Горить любовь къ родной странѣ;
 Еще, быть можетъ, другъ народа
 Спасеть несчастныхъ земляковъ,
 И, достояніе отцовъ,
 Воскреснетъ прежняя свобода..“

Иебирая Мазепу и его племянника выражателями своихъ гражданскихъ чувствъ и идеаловъ, Рыльевъ, какъ видимъ, долженъ

быть чувствовать себя не вполнѣ свободнымъ. Онъ самъ колебался въ опѣній гражданскихъ добродѣтелей Мазепы, а за Войнаровскими особыхъ боевыхъ заслугъ не было. Для роли борцовъ за свободу родины исполнители были на этотъ разъ выбраны не вполнѣ удачно.

Рыльевъ понималъ это и, окончивъ „Войнаровскаго“, рѣшилъ ту же тему разработать въ новой поэмѣ. На этотъ разъ онъ остановился на личности гетмана Наливайки, на одной изъ самыхъ героическихъ фігуръ въ исторіи борьбы казачества за вѣру и вольность.

Надъ поэмой „Наливайко“ онъ работалъ очень усердно, и не задолго до 14 декабря значительная ея часть была готова *). Поэма была широко задумана, какъ это видно изъ сохранившейся въ бумагахъ Рыльева программы **).

Дошедшіе до насъ отрывки представляютъ, однако, слишкомъ незначительный матеріалъ, чтобы судить о литературныхъ достоинствахъ всего произведенія, хотя и на этихъ отрывкахъ можно замѣтить, насколько стихъ Рыльева окрѣпъ и сталъ болѣе обрзенъ.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ важна не столько художественная отдѣлка, сколько основная тенденція поэмы...

Это—та же пѣсня въ честь свободы, но уже совсѣмъ безъ оговорокъ и всякихъ неясностей. Наливайко,—это настоящій мистикъ за буйства и утѣсненія, которыхъ поляки себѣ позволили надъ Украиной; онъ готовъ идти на убийства ради своей идеи, и все: и любовь его, и дружба принесены въ жертву одному гражданскому чувству, его безграницной жаждѣ свободы для своей родины. „Ты правъ“, говорить онъ одному изъ своихъ друзей:

— люблю родныхъ;
Мнѣ тяжко видѣть ихъ въ неволѣ,
Всѣмъ жертвовать готовъ для нихъ,
Но родину люблю я болѣ...
Забывъ вражду великодушно,
Движенію тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья

*). П. Ефремовъ. „Сочиненія К. Ф. Рыльева“ 1875, 330.

**). Программа: Сельская картина. Нравы малороссіянъ. Киевъ. Чувства Наливайки. Картины Украины. Уніаты, евреи, поляки. Притѣсненія и жестокость поляковъ... Смерть старости. Возстаніе народа. Наливайко—гетманъ. Новыя жестокости поляковъ. Походъ [Церковь. Пещера. Походъ казаковъ. Молитва Наливайки. Онъ можетъ и не想要 бѣжать.] Сраженіе. Тризна. Миръ. Любода и Наливайко въ Варшавѣ [Наливайко въ темницѣ]. Казнь ихъ. Эпилогъ [Мазаевъ, 67].

Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подль, и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Поработленныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!..

И если есть средство возродить раба для новой жизни, то оно только въ пробужденіи таящагося въ немъ чувства свободы. Обозрѣвая лихіе полки казаковъ, выступившихъ съ нимъ въ походъ, Наливайко говоритъ своему другу:

Какъ измѣнилось все. Давно ли
Казакъ съ печали увядалъ,
Стоналъ и подъ ярмомъ неволи
Въ себѣ всѣ чувства подавлялъ?
Возьмутъ свое права природы;
Бесмертна къ родинѣ любовь;
Раздастся гласта святой свободы,
И рабъ проснется къ жизни вновь.

Нѣтъ ничего болѣе тяжкаго и печальнаго, чѣмъ чувства поработленного человѣка; даже улыбка весны развеселить его не можетъ. Среди общей радости поляковъ, евреевъ и униатовъ—

Одни украинцы тоскуютъ,
И имъ не въ праздникъ пиръ весны.
Что за веселье безъ свободы,
Что за весна—весна рабовъ!
Имъ чужды всѣ красы природы,
Въ душахъ ихъ вѣчный мракъ гробовъ.
Печали облако не сходитъ
Съ ихъ истомленного лица;
На души ихъ, на ихъ сердца
Все новую тоску наводить.

На нихъ и на себя призываетъ Наливайко Божіе благословеніе, и за нихъ и за себя онъ молится:

Ты зришь, о Боже всемогущій!
Злодѣйствамъ ляховъ нѣтъ числа;
Какъ дубъ, на темѣ горъ растущій,
Тирановъ дерзость возросла.
Я невиновень, Боже правый,
Когда здѣсь хлынетъ кровъ рѣкой;
Войну воздвигъ я не для славы,—
Я поднялъ мечъ за край родной.
Ты лицемѣровъ ненавидиша,
Ты грозно обличаешь ихъ;
Ты съ высоты небесъ святыхъ
На днѣ морскомъ песчинку видиша;
Ты проницаешь, мой Творецъ,
Въ изгибы тайные сердецъ...

Когда, наконецъ, созрѣлъ его замыселъ, и Наливайко видѣтъ себя вынужденнымъ начать дѣло кроваваго освобожденія, онъ

„какъ благоговѣйный сынъ“ церкви, очищаетъ душу свою постомъ и отдаєтъ исповѣдь пещерскому схимнику.

Эта „Исповѣдь“ самое сильное мѣсто въ поэмѣ.—Она была напечатана въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 годъ и стала случайно предсмертнымъ стихотвореніемъ Рыльева. Самъ авторъ былъ ею очень доволенъ и писалъ Пушкину: „Въ „Исповѣди“— мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльного, чѣмъ въ описаніи удальства Наливайко, хотя, наоборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла *).“

„Не говори, отецъ святой,
Что это грѣхъ! Слова напрасны:
Пусть грѣхъ жестокий, грѣхъ ужасный...
Чтобъ Малороссія родной,
Чтобъ только русскому народу **)
Грѣхи татарь, грѣхи жидовъ,
Отступничество уніатовъ,
Всѣ преступленія сарматовъ
Я на душу принять готовъ.
Итакъ, ужь не старайся болѣ
Меня страшить. Не убѣждай!
Миѣ аль—Украину зреТЬ въ неволѣ,
Ее свободной видѣТЬ—рай!.
Еще отъ самой колыбели
Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;
Миѣ мать и сестры пѣсни пѣли
О незабвенной старинѣ.
Тогда об занятый низкимъ страхомъ,
Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
Никто дней жалкихъ не влачилъ
Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
Казакъ въ союзѣ съ ляхомъ быль,
Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
Но все исчезло, какъ призракъ.
Уже давно узналъ казакъ
Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ—
Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
Терзаютъ безпощадно нась.
Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
Вотще народный слышень гласъ:
Ему никто, никто не внемлетъ.
Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
Во мнѣ кипитъ, и кровь бушуетъ.
Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.

*) Письмо къ Пушкину. Май 1825 *Мазаевъ*, 161.

**) Въ рукописи къ этимъ стихамъ такой варіантъ:

Ахъ, еслибъ возвратить я могъ
Порабощенному народу
Блаженства общаго залогъ —
Былую праотцевъ свободу!
Вновь возвратить его свободу —

Одна мечта и ночь, и день
 Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
 Она мнѣ не даетъ покоя
 Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
 Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
 Ни въ чась мольбы въ церквахъ святыхъ.
 „Пора!“ мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
 „Пора губить враговъ Украины!“
 Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
 Того, кто первый возстаетъ
 На утѣснителей народа;
 Судьба меня ужъ обрекла.
 Но гдѣ, скажи, когда была
 Безъ жертвъ искуплена свобода?
 Погибну я за край родной,—
 Я это чувствую, я знаю,
 И радостно, отецъ святой,
 Свой жребій я благословляю!“

Поэма „Наливайко“, какъ и „Войнаровскій“, тоже получила особый смыслъ послѣ 14 декабря 1825 года. Она была точнымъ поэтическимъ воссозданіемъ тѣхъ чувствъ, какими былъ полонъ Рыльевъ въ послѣдній годъ своей жизни; и такъ какъ въ обѣихъ поэмахъ авторъ былъ вполнѣ искрененъ, то и въ художественномъ отношеніи онъ были несравненно болѣе цѣнны, чѣмъ все имъ написанное раньше.

Достоинство „Поэмы“ и ихъ серьезное содержаніе были сразу замѣчены современниками.

Одинъ изъ современниковъ Н. А. Маркевичъ писалъ Рыльеву: „До сихъ поръ я писалъ вамъ, какъ человѣкъ, который любить стихи, но знаетъ цѣну своимъ собственнымъ; теперь позвольте мнѣ вамъ писать, какъ истинный гражданинъ своего любезнаго отечества, какъ добрый малороссіянинъ... Итакъ, могу ли я хладнокровно читать „Вайноровскаго“ и „Наливайку“? Примите мою и всѣхъ знакомыхъ мнѣ моихъ соотечественниковъ благодарность. Будьте увѣрены, что благодарность наша искренняя, что мы отъ души чувствуемъ цѣну трудовъ вашихъ, которые вѣасъ и предковъ нашихъ прославляютъ. Мы не потеряли еще изъ виду дѣяній великихъ мужей малороссіанъ, во многихъ сердцахъ не уменьшилась прежняя сила чувствъ и преданности къ отчизнѣ. Вы еще найдете живымъ у насъ духъ Полуботка. Примите нашу общую благодарность: вы много сдѣлали, очень много! Вы возвышаете цѣлый народъ,—горе тому, кто идетъ на усмиреніе цѣлыхъ странъ, кто покушается покрыть преарѣніемъ цѣлые народы, и они ему платятъ преарѣніемъ... Но слава тому, кто прославляетъ величие души человѣческой, и кому народы цѣлые должны воздавать благодарность. „Исповѣдь Наливайки“ врѣзана въ сердцахъ нашихъ и моемъ также“ *).

*.) В. Якушкинъ. „Изъ литературной и общественной истории 1820—1830 г.“
 Русская Старина* 1888, декабрь, 599.

Приблизительно тоже писалъ Рыльеву и другой его приятель П. А. Мухановъ (въ послѣдствіи декабристъ). „Войнаровскій“ — твой почтенный дитятко — писалъ онъ, — попасть къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ; онъ побывалъ у всѣхъ вѣдущихъ любителей и сѣвалъ въ Одессу... Войнаровскій твой отлично хорошъ. Я читалъ его М. Орлову (члену тайного общества), который имъ любовался; Пушкинъ тоже. И тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишишь, а не пишешь. Пора докончить *)... Вообще находять въ твоей поэмѣ много чувства, пылкости. Портретъ Войнаровскаго прекрасенъ. Все это шевелить души, но много нагихъ мѣстъ, которыхъ ты долженъ бы украсить описаніемъ мѣстности. Орловъ говоритъ, что, соединивъ высокія твои чувства съ романтизмомъ, ты бы чрезвычайно украсилъ свою поэму**).

Большой успѣхъ „Войнаровскаго“ и „Наливайко“ отмѣчаетъ и декабристъ А. П. Бѣляевъ въ своихъ воспоминаніяхъ***). Н. Бестужевъ —ставилъ „Войнаровскаго“ по „соображенію и духу“ выше всѣхъ поэмъ Пушкина****), хотя и признавалъ, что по стихосложенію поэма Рыльева не можетъ равняться даже съ самыми слабыми стихами Пушкина. Въ большомъ восхищении отъ отрывковъ „Наливайки“ былъ и Дельвигъ*****).

Пушкинъ относился къ поэмамъ Рыльева болѣе сдержанно, чѣмъ другіе, но и онъ, прочитавъ ихъ, значительно повысилъ свое мнѣніе о Рыльевѣ, какъ поэту. „Съ Рыльевымъ мирюсь,— писалъ онъ брату: „Войнаровскій полонъ жизни“. „Войнаровскій несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“, говорилъ онъ Бестужеву: слогъ Рыльева возвуждалъ и становился истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣть.“ „Если „Палъ“ пойдетъ, какъ начать, Рыльевъ будетъ министромъ (на Парнасѣ)**, читаемъ мы въ другомъ письмѣ къ Л. С. Пушкину. Ему же онъ писалъ изъ деревни, что „Войнаровскій“ ему очень нравится, и что ему скучно, что его здѣсь нѣть у него.“ „Откуда ты взялъ, писалъ онъ Бестужеву, что я льщу Рыльеву? Мнѣніе свое о-его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ

*) Письмо писано въ 1824 г., и Мухановъ былъ знакомъ съ „Войнаровскимъ“ только по отрывкамъ, которые были напечатаны въ журналахъ.

**) П. Ефремовъ. „Сочиненія К. Ф. Рыльева“. 1875, 306.

***) „Воспоминанія А. П. Бѣляева“, „Русская Старина“ 1881 мартъ, Г488.

****) Н. Бестужевъ. „Воспоминаніе о К. Ф. Рыльевѣ“. „Сочиненія Рыльева“ Лейпцигъ 1861, 26. Н. Бестужевъ въ оцѣнкѣ Пушкина держался вообще того мнѣнія, что Пушкинъ „не постигъ примѣненія своего таланта и употребилъ его не тамъ, где бы слѣдовало, что онъ искалъ вѣрныхъ, красивыхъ разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи, ласкающей ухо, и проходилъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли. Бестужевъ говорилъ, что если перевести сочиненія Рыльева и Пушкина на иностранный языкъ, то Пушкинъ станетъ ниже Рыльева.

*****) Письмо Пушкина къ брату. Апрѣль 1825. Сочиненія VII, 126.

его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языѣ, но онъ идеть своей дорогой. Онъ въ душѣ поэты: я опасаюсь его не на шутку, и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай: да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія.—Ради Бога, чтобы онъ писаль, да болѣе, болѣе!“ „Чернецъ“ Коалова полонъ чувства и умѣніе „Войнаровскаго“, но въ Рыльевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ“ *).

Самому Рыльеву Пушкинъ писалъ: „жду „Полярной Звѣзды“ съ нетерпѣніемъ: знаешь для чего? для „Войнаровскаго“. Эта поэма нужна была для нашей словесности“, и въ концѣ письма онъ прощается съ Рыльевымъ словами: „Прощай, поэтъ“ **).

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ *** видно, какъ единодушно былъ всѣми признанъ быстрый ростъ таланта Рыльева ****). На поэта

*) Сочиненія Пушкина. Издание Лит.-Фонда, 69, 71, 111, 121, 117, 129.

**) Письмо къ Рыльеву. Январь 1825. Сочиненія VII, 107. Въ „Войнаровскомъ“ Пушкину особенно нравилось описание казни Кочубея, которую Мазепа видѣть во снѣ. „Есть у него, писаль онъ Вяземскому, какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“. Слова эти относятся къ слѣдующимъ стихамъ въ поэмѣ:

„Вотъ, вотъ они!.. При нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенаія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая!.. Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!..“

Н. Бестужевъ утверждаетъ, что противъ стиха „вотъ засучилъ онъ рукава“ Пушкинъ написалъ на поляхъ своего экземпляра (который онъ вернулся Рыльеву со своими замѣтками): „Продай мнѣ эту поэму“.

***) Ихъ немного, такъ какъ послѣ 14 декабря имя Рыльева въ печати не попадалось.

****) Если вѣрить А. О. Смирновой, то „Войнаровскій“ понравился и императору Николаю Павловичу. Въ своихъ запискахъ она пишетъ: „Когда схватили бумаги Рыльева, Одоевскаго, Кюхельбекера и Бестужевыхъ-Рюминыхъ (т. е. просто Бестужевыхъ), полиція отложила отдельно литературныя рукописи, Бенкendorfъ сохранилъ ихъ и отдалъ ихъ Государю только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія процесса. Государь прочелъ ихъ. Минѣ кажется, что Рыльевъ напечаталъ „Войнаровскаго“ около 1825 г., „Думы“—раньше, но Государь не былъ знакомъ съ ними. Онъ говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя о томъ, что не знать, что у Конрада (sic) Рыльева такой талантъ и что даже Бестужевы—поэты. Онъ даже сказалъ Жуковскому, что дума о царевичѣ Алексѣѣ очень хороша и Олегъ тоже, что дума объ Аннѣ Ioannovnѣ слишкомъ фантастична, и что Пушкинъ гораздо лучше понялъ Мазепу и Карла XII, и что „Войнаровскій“ былъ только авантюристъ, но что въ этой поэмѣ есть прекрасные стихи. Онъ хвалилъ стихотворенія Рыльева и Одоевскаго. Тогда Жуковскій далъ ему копію со стихотвореній, написанныхъ ими въ крѣпости, и они очень тронули Государя. Онъ

возлагались большія надежды, и онъ, конечно, могли оправдаться, если бы не катастрофа, которая заставляетъ насъ теперь оцѣнивать значеніе Рылѣева, какъ поэта, въ сущности по первымъ опыта, а отнюдь не по произведеніямъ вполнѣ зрѣлымъ.

XIII.

При всѣхъ своихъ недочетахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, поэзія Рылѣева, какъ мы убѣдились, имѣла свои достоинства. Для развитія и блеска нашей стихотворной рѣчи, она успѣла мало сдѣлать. Рылѣевъ въ поэтической формѣ, которую онъ придавалъ своимъ стихамъ, былъ недурнымъ ученикомъ Жуковскаго и Пушкина. Но и въ этомъ смыслѣ его нельзя поставить на одну доску съ Языковымъ, Баратынскимъ, или Веневитиновымъ, изъ которыхъ каждый разработалъ, хоть и подъ вліяніемъ Пушкина, но затѣмъ самостоительно, извѣстный поэтическій родъ творчества, кто элегію, кто веселую пѣсню, кто философскую лирику.

У Рылѣева не было такой пѣсни, которая бы носила на себѣ отпечатокъ его индивидуальности, именно какъ художника. Онъ писалъ недурные лирическія пѣсни любовнаго типа, возвышался до патетической стихотворной рѣчи, умѣлъ при случаѣ набросать колоритный пейзажъ или пейзажъ съ настроениемъ; ему удавался иногда эпическій разсказъ, и, конечно, всего сильнѣе, какъ поэтъ. бывалъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ стихахъ говорилъ о своихъ гражданскихъ чувствахъ, но вездѣ и всегда въ этихъ стихахъ чувствовался недостатокъ поэзіи, и ни одно изъ его стихотвореній не можетъ быть названо художественно законченнымъ или совершеннымъ.

„Въ поэтической дѣятельности Рылѣева,—говорилъ кн. Вяземскій,—не было ничего такого, что могло бы въ будущемъ обѣщать великія поэтическія созданія. Что было въ немъ поэтическаго, онъ все высказалъ. Стало быть, не въ литературномъ отношеніи можно сожалѣть о преждевременной погибели его. Можно въ немъ оплакивать только человѣка, увлеченного при жизни фанатизмомъ политическимъ, возросшимъ до крайней степени и, вѣроятно (!), безкорыстнымъ“ *). Этотъ отзывъ старика-Вяземскаго не согласуется съ тѣмъ, что говорилъ тотъ же Вяземскій въ дни своей юности, когда онъ хвалилъ поэзію Рылѣева за то, что она такъ выгодно выдѣлялась среди одноличныхъ или часто безличныхъ стихотвореній того времени. И въ этомъ раннемъ

сказалъ ему тогда: „я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ“. „Записки А. О. Смирновой“. СПБ. 1897. II, 19—20.

*). По поводу бумагъ В. Жуковскаго. Два письма къ издателю „Русскаго Архива“. „Русскій Архивъ“. 1876, I, 260-261.

отзыvъ больше правды, чѣмъ въ позднѣйшемъ. Если отъ Рылѣва действительно, нельзя было ожидать великихъ поэтическихъ со-зданий, то во всякомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ, какъ поэтъ, „все высказалъ, что имѣть сказать.“ Онъ умеръ на зарѣ своей литературной дѣятельности и талантъ его—не только не остановился въ своемъ развитіи, но крѣпѣ съ каждымъ годомъ. Съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе обнаруживалась оригинальность этого таланта, потому что, при всей своей зависимости отъ учителей въ поэтической формѣ и въ языѣ, онъ, какъ вѣрно выразился одинъ историкъ *) — въ мотивахъ своей поэзіи былъ поэтомъ самостоятельнымъ.

Оригинальность поэзіи Рылѣва заключена, конечно, въ ея гражданскихъ мотивахъ. Уже давно установлено, что онъ имѣть право на название нашего первого пѣвца гражданской скорби и гражданского гиѣва, и его давно уже признали предшественникомъ Некрасова. Какъ авторъ „Думъ“, онъ можетъ быть названъ предшественникомъ и Алексѣя Толстого, который въ своихъ „Балладахъ“ историческими воспоминаніями и образами стремился пояснить общественные идеалы своего времени.

Отмѣтая такую оригинальность поэзіи Рылѣва, необходимо, однако, оговориться. Литературное произведение съ рѣзкой общественной, гражданской и даже политической тенденціей не было новостью въ годы, когда Рылѣевъ выступалъ со своей пѣснью. По силѣ и рѣшиности пѣсни Рылѣева была даже слабѣе и сдержаннѣе многаго, что въ этомъ духѣ было писано до Рылѣева. Но за Рылѣевымъ остается одна большая заслуга,—онъ былъ первый популяризаторъ гражданскихъ чувствъ, умѣвшій придавать имъ такую удачную поэтическую форму, которая помимо литературной цѣнности сохраняла за собой право на свободное обращеніе, право, которымъ не пользовалось ни одно изъ произведеній, родственныхъ поэзіи Рылѣева и пущенныхъ въ оборотъ раньше его пѣсенъ.

Нѣсколько историческихъ справокъ помогутъ намъ опредѣлить значеніе поэзіи Рылѣева среди однородныхъ ей литературныхъ памятниковъ.

Общая связь поэзіи Рылѣева съ либеральнымъ образомъ мысли того времени ни для кого не была тайной. Одинъ изъ участниковъ движенія 14-декабря, баронъ В. И. Штейнгель, въ своемъ письмѣ къ императору Николаю Павловичу, въ письмѣ, въ которомъ онъ излагалъ царю, насколько либеральный образъ мыслей былъ терпимъ и распространенъ наканунѣ 14 декабря, писалъ:

„Хотя цензура постепенно сдѣлалась строже, но въ то же время явился феноменъ не бывалый въ Россіи—IX томъ Исторіи

*) В. Якушкинъ. „Новые материалы для біографіи К. Ф. Рылѣева. „Вѣстникъ Европы“ 1888, ноябрь, 213.

Россійского государства, смѣлыми, рѣзкими чертами изобразившій всѣ ужасы неограниченного самовластія, и одного изъ великихъ царей открыто наименовавшій тираномъ, какому подобного мало представлять исторія! Непостижимо, какимъ образомъ въ то самое время, какъ строжайшая цензура внимательно привязывалась къ словамъ, ничего незначущимъ, какъ то: „ангельская красота“, „рокъ“ и проч., она пропускала статьи, подобные „Волынскому“, „Исповѣди Наливайки“ и „Братьевъ Разбойниковъ“ и пр. Передъ самымъ восшествіемъ Вашимъ на престолъ, въ 22 № „Сѣв. Архива“ показалась статья объ избрании Годунова на царство“ *). Въ подтверждение своей мысли баронъ Штейнгель указывалъ также на запрещенные стихотворенія Пушкина и на басню Дениса Да-выдова „Голова и ноги“.

Этотъ списокъ можно было бы увеличить, и мы увидали бы, что поэзія Рыльева имѣла весьма замѣтныхъ предшественниковъ.

Она, дѣйствительно, примыкала, съ одной стороны, къ дозволенному кодексу гражданской морали, которую Карамзинъ проповѣдалъ въ IX томѣ своей исторіи *), а также и Державинъ въ своихъ одахъ **); съ другой стороны, она примыкала къ самой настоящей свободомыслящей поэзіи, которая отъ прославленія гражданской добродѣтели переходила прямо къ политической программѣ.

Въ этомъ смыслѣ прямой предшественницей стихотвореній Рыльева была знаменитая ода „Вольность“, которую Радищевъ въ 1790 году включилъ въ свое „Путешествіе“. Эту оду въ Москвѣ не хотѣли печатать, потому что предметъ такихъ стиховъ былъ „несвойствененъ нашей землѣ“, и, дѣйствительно, эта неуклюжая, литературно совершенно не отдѣленная ода осталась и до сихъ поръ явленіемъ намъ несвойственнымъ, т. е. изъ подъ цензурнаго запрета не вышла. Ода взвывала къ вольности, которая должна была исполнить своимъ жаромъ сердце рабовъ, она взвывала къ Бруту и Телю, по своему пересказывала цитаты изъ „Общественного договора“ Руссо, воспѣвала „законъ“ для всѣхъ равный, клеймила суевѣріе священное, которое въ союзѣ съ политическимъ суевѣріемъ крѣпнетъ и гнететъ общество; она говорила о властителѣ, который, сѣвши властно на грозномъ тронѣ, зритъ въ народѣ одну лишь „подлу

*) Рыльевъ высоко цѣнилъ Карамзина за этотъ томъ. „Въ своемъ уединеніи,—писалъ Рыльевъ Булгарину лѣтомъ 1821 года,—прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чмѹ больше удивляться: тиранству ли Иоанна или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома“ [Рыльевъ посыпалъ Булгарину свою думу „Курбскій“]. *Мазаевъ*, 145.

**) Письмо барона В. И. Штейнгеля къ императору Николаю. „Исторический Сборникъ“, Лондонъ, 1859, кн. I.

***) Мы знаемъ [см. думу „Державинъ“], какъ высоко Рыльевъ ставилъ Державина, именно какъ гражданина.

тварь" и не думаетъ о томъ, что можетъ прийти иститель „склещанныхъ народовъ". Ода необычайно откровенно говорила объ этомъ истителѣ, призывая всѣ громы на голову тирана, въ послѣднихъ куплетахъ вызывала кровавую тѣнь короля Карла II англійскаго и пророчила вольности великую будущность. Если собрать изъ сочиненій Рыльева все острое и жгучее, то оно окажется болѣе слабымъ и блѣднѣмъ (по смыслу, конечно), чѣмъ любая строфа этой старой вольнодумной оды, которая сохранилась, однако, въ памяти у весьма немногихъ, судя по тому, что ни въ сочиненіяхъ, ни въ частныхъ письмахъ либераловъ тѣхъ годовъ она слѣда почти не оставила.

Къ числу такихъ же предшественницъ пѣсни Рыльева нужно отнести и знаменитую нѣкогда (1796) трагедію Княжнина „Вадимъ Новгородскій". Трагедія, въ конечномъ своемъ выводѣ, необычайно благонамѣренная, направленная къ тому, чтобы убѣдить зрителей въ необходимости сильной и единой власти (въ лицѣ Рюрика),—она, устами Вадима (противника Рюрика), высказывала необычайно смѣлые сужденія о властителяхъ и власти и принимала на себя защиту вольности вообще и новгородской въ частности. Въ ней можно было прочитать настоящій призывъ къ возстанію противъ угѣснителей свободы, плачь надъ судьбой народа, который утратилъ и силу, и доблесть, подчинившись владыкѣ, и гордое величаніе героя республиканца, который, не въ силахъ будучи пережить униженія отчизны, предпочитаетъ пронзить себя собственнымъ мечомъ, чѣмъ признать надъ собой какую-либо власть, въ выборѣ которой онъ не участвовалъ.

Всѣ такія вольные рѣчи были сказаны задолго до того, какъ началъ говорить Рыльевъ.

Но и среди своего поколѣнія Рыльевъ имѣлъ соперниковъ, и при томъ людей болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ. Назвать хотя бы молодого Пушкина съ его эпиграммами и знаменитой одой „Вольность" (1819).

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Рыльевъ читалъ всѣ эти поэтические памятники вольной русской мысли, хотя во всемъ, что онъ писалъ, о нихъ нѣть упоминанія.

Итакъ, новаторомъ въ поэзіи назвать Рыльева нельзя. Основной гражданскій мотивъ его лирическихъ пѣсень и эпическихъ опытовъ былъ не новъ: въ общей сентиментальной и дидактической формѣ онъ встрѣчался у Карамзина и Державина, а въ формѣ болѣе частной, какъ политическая проповѣдь,—въ такъ называемыхъ запрещенныхъ сочиненіяхъ. Что же касается поэтической формы, въ которую облекся этотъ основной мотивъ поэзіи Рыльева, то она, какъ мы видѣли, особой красотой не отличалась.

Порознь взятыя, и форма, и содержаніе стихотвореній Рыльева не представляются чѣмъ нибудь особенно знаменательными,

но именно въ сочетаніи этой формы и этого содержанія лежала вся сила его стиховъ. Рыльевъ былъ первый, который пустилъ въ общій литературный оборотъ такія темы. Онъ придалъ новую окраску нашей лирикѣ и эпосу, стараясь пропитать насъ въ гражданскимъ чувствомъ и оду, и посланіе, и эпиграмму, и описательную поэму, и лирическую пѣснь, и даже пѣснь любовную. Вездѣ онъ желалъ быть гражданиномъ, не переставая быть поэтомъ — чего до него никто не дѣлалъ. Какъ гражданинъ, онъ созрѣлъ очень рано, а какъ поэтъ, опаздывалъ въ своемъ развитіи, и его поэзія заняла въ исторіи нашего стихотворного творчества довольно неопределеннное мѣсто. По своему содержанію она была менѣе сильна, чѣмъ многія предшествовавшія ей попытки въ этомъ родѣ, попытки, имѣвшія исключительно въ виду одну лишь гражданскую или политическую тенденцію; по своей формѣ она была менѣе совершенна, чѣмъ пѣсня или эпосъ его современниковъ, которые отдавались вполнѣ свободному творчеству и воспитывали въ себѣ прежде всего поэтовъ.

Пѣсня Рыльева — недодѣтая пѣсня, торопливая, несвободная и, главное, пѣсня, еще не достигшая той внутренней и вышней гармоніи, на которую она была способна.

Эта пѣсня, какъ известно, оборвалась трагично и неожиданно. Никто, конечно, не могъ предвидѣть, что поэтъ кончить такъ печально, но онъ самъ, со страшной быстротой увлекаемый политической агитацией, какъ будто чуялъ бѣду и пріучалъ себя къ ней, стремясь мечтой проникнуть въ душу людей, погибшихъ въ борьбѣ за идею или ссылкой искупающихъ свое увлеченіе ею.

Рѣшительность и смѣлость, съ какой Рыльевъ перешелъ за предѣлы пожеланій, мечтаний и словъ, были изумительны.

Н. Котляревскій.

* * *

Сентябрьский воздухъ свѣжъ и чистъ,
Соленої влагой моря дышеть
И съ тихимъ звономъ ржавый листъ
На стройномъ тополѣ колышеть.

Волны лазурное стекло
Лежитъ въ пескахъ, какъ въ желтой рамѣ...
Безмолвно все, какъ ночью въ храмѣ,
И, какъ въ раю, вокругъ свѣтло!

Н. Шрейтеръ.

ТРОФИМЫЧЪ.

(Изъ воспоминаний врача о карийской каторгѣ).

Своеобразно-интересный человѣкъ былъ Алексѣй Трофимовичъ Морозовъ, младшій фельдшеръ карийско-каторжнаго лазарета.

Громаднаго роста, сутулый, сгорбленный, съ круглыми мясистыми щеками, круглой, коротко-остриженной, съдой головой, высокимъ морщинистымъ лбомъ, сърыми навыкатъ глазами и воинственно закрученными съдыми, длинными усами, онъ по виду напоминалъ фельдфебеля николаевскихъ временъ. Сиповато-басистый, надтреснутый голосъ его, — во время дежурства по лазарету,—громко раздавался по палатамъ и коридору, какъ труба, напоминая о существованіи дисциплины для людей, по его мнѣнію, чѣмъ-либо нарушавшихъ таковую.

— Э-эхъ, каторга-матушка! Опять начадили дымомъ, на-курили своимъ табачищемъ въ палатахъ,—вздохнуть нельзя! Ну-у-у, и братія!.. Зайдеть вдругъ начальство, докторъ,—отвѣчай за васъ. Указано вамъ отхожее мѣсто, тамъ и давись дымомъ на льготномъ положеніи, а въ палатахъ курить не порядокъ... Икона святая въ углу; трудно-больные, ваши же товарищи; карауль ходить, начальство, докторъ,—а кто отвѣчай? Трофимычъ отвѣчай! Ему первому въ затылокъ попадеть... Не думай, братъ,—чего смыешься, зубы скалишь? Попадаетъ и нашему брату въ препорцію...

Трофимычъ усаживался на кровати первого попавшагося больного, машинально вынималъ изъ бокового кармана форменного, съ желтыми пуговицами, засаленаго сюртука свою самодѣльную трубку, съ мѣдной крышечкой, набивалъ ее табакомъ-махоркой изъ сѣраго суконнаго кисета, съ двумя зелеными кисточками на вязкахъ, доставалъ изъ кармана брюкъ кремень, огниво и трутъ, высѣкалъ огонь и закуривалъ свою трубочку-носогрѣечку. Попыхивая ею и обводя добродушно-покровительственнымъ взоромъ каторжныхъ больныхъ, Трофимычъ неизмѣнно добавлялъ:

— Лѣть бы двадцать назадъ,—какое тутъ двадцать!... лѣть десять, а то и того меньше попробовали бы начадить въ палатахъ: задали бы вамъ перцу подъ рубаху, забыли бы, небось, какъ нарушать лазаретные порядки, когда не приказано субординацій... Распустилась нынѣ каторга, не дай Богъ какъ распустилась...

— Въ тѣ времена и вамъ бы, Алексѣй Трофимычъ, не меньше нашего задали, кабы увидѣли, что и вы обкуриваете палаты!

— А ты думаешь, не задали бы? Э, э, э! Такихъ, братъ, подарковъ поваклали бы по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ и вамъ накладываютъ, только штаны поддерживай,—спокойно, невозмутимо отвѣчалъ Трофимычъ,—до новыхъ вѣниковъ не забылъ бы! Накладывали въ тѣ времена и нашему брату,—а спроси: за что? Васъ-то, каторгу, за дѣло, потому судъ судилъ передъ зерпаломъ, чиновники въ мундирахъ засѣдали, значитъ — резонъ, повинка была, а нась, горняковъ, за что били? За здорово живешь! Благослови, Господи! Прадѣдушки, дѣдушки да бабушки, тятъки да мамки наши къ рудникамъ, заводамъ приписаны были ни за грошъ, ни за копѣйку; по этому слушаю нась и били заурядъ съ каторгой... Безъ суда и слѣдствія, безъ чиновниковъ, безъ бумаги... Тебя кнутомъ били, плетью, шпицрутенами, роагами, — кто лѣчишь? Трофимычъ лѣчишь, по закону подаваль пособіе... Зарубы, рубцы ваши вылѣчивалъ, занозы изъ спины вытаскивалъ, ночи просиживалъ надъ больными... А нашего брата били — и въ лазаретѣ не полагалось лѣчиться... „Домъ у тебя свой,—говорять,—имѣется, усадьба, хозяйство, тамъ и лѣчись: ты не каторжный!“ А напрашиваться будешь—прибавлять, да съ приговоркой: „не лѣбъ! не лѣзъ! Не утруждай попусту начальство, не отнимай времени!..“

— Вы вотъ что, однако, братцы,—заканчивалъ старикъ свою рѣчь, понижая до шепота голосъ,—трубки свои спрячьте пока подальше; форточки отворите; по мѣстамъ разойдитесь, по кроватямъ,—скоро докторъ пройдетъ по лазарету... Субординація, дисциплина прежде всего: бывать, кто не соблюдаетъ!

Больше тридцати лѣть подрядъ знала каторга Трофимыча. Былъ онъ угрюмъ, мало разговаривалъ; всякаго начальства боялся хуже черта, въ котораго вѣрилъ искренно, и какъ-то инстинктивно тяготѣлъ къ обездоленному люду; съ послѣднимъ онъ былъ разговорчивъ, передъ послѣднимъ охотно выкладывалъ душу, горе, служебныя неудовольствія. Каторжные его отлично понимали, и онъ самъ понималъ всякаго изъ нихъ съ первого слова.

— Что, дядя, плетугами побили?—говорить, бывало, Тро-

Фимыч избитому плетью арестанту, перемѣняя компрессъ или накладывая повязку.—Да и гоже жъ побили! Лежи, лежи, не шевелись, больнѣе будетъ... Эхъ ты, жизнь наша постылая! Ничего, терпи, братъ! Шкура наростеть новая, Трофимычъ постараєтся: скоро опять человѣкомъ будешь, —гдѣ наше не пропадало?! Такъ ли, братику, били въ прежнее время? Спроси-ка Трофимыча: это что сейчасъ? Тьфу!.. Не хочешь ли трубочки? Ну, ну, ладно, ладно... Прежде какъ били? Не приведи, Создатель!.. Не человѣка привозили въ лазареть, а уголь...

— Вѣрно говоришь, Сергій Трофимычъ, совершенно правильно!—скажетъ кто-либо изъ стариковъ, старожиловъ каторги, лежавшихъ въ палатѣ.

— А ты чего суешься, когда тебя не спрашиваютъ?—разражался Трофимычъ, пріостанавливая работу накладыванія компресса или повязки и выпрямляясь во весь ростъ:— Я давно, братъ, Трофимычъ! Безъ тебя Трофимычъ былъ, Трофимычъ и умру... Ты бы лучше помогъ вотъ.. Иди-ка сюда, поддержи: видишь, человѣкъ на ногахъ стоять не можетъ.

Трофимычъ обладалъ громадной семьей. „Дюжина, какъ на подборь!—говаривалъ онъ въ минуты душевнаго благодушія, сидя за чарочкой въ пріятельской бесѣдѣ:—Мальмала меньше, лѣтница!.. Всѣ въ меня! Самъ, значитъ, четырнадцатый; вотъ ты и раскуси эту благостию... Какъ откроется двѣнадцать ртовъ сразу:—тятька, ѿсть хочу, хлѣба дай!—ну, значитъ, и того: шапку въ охапку и въ лазареть! Авось уговоряется, спать залягутъ... Такъ и живемъ отъ жалованья до жалованья!“

Получая 25 рублей въ мѣсяцъ содержанія, Трофимычъ былъ форменный нищій, при той дорожевизнѣ, какая существовала въ Карѣ въ семидесятыхъ годахъ. Проживалъ онъ въ собственномъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, состоявшемъ изъ кухни и одной чистой горницы, доставшемся ему въ приданое за женой, карїйской урожденки.

Кромѣ каторжныхъ да конвойныхъ солдатъ и казаковъ, Трофимычъ, пожалуй, и людей другихъ не видывалъ. Сынъ обязательного горнаго служителя и крѣпостного заводскаго рабочаго, онъ, до 1861 г., быть тѣмъ же крѣпостнымъ, подневольнымъ каторжнымъ и въ фельдшерскую „учебу“ попалъ помимо своей воли и желанія, когда начальство узнало, что четырнадцатилѣтній мальчуганъ обученъ отцомъ грамотѣ, читать, писать и на счетахъ считать. Обучившись въ каторжномъ лазаретѣ фельдшерской, существовавшей въ то время, премудrostи, онъ, по окончаніи курса, пошелъ по мытарствамъ, „вдоль по каторгѣ“, какъ самъ вы-

ражался, перемѣщаясь, тоже помимо своей воли, изъ одного лазарета въ другой, пока не основался окончательно съ 1859 г. въ Карѣ, гдѣ и женился на дочери такого же горемыки, горнаго служителя Ляжева. Въ Карѣ застала его воля; тутъ онъ и остался на службѣ при переходѣ каторги изъ горнаго вѣдомства въ вѣдѣніе Тюремнаго Управлѣнія.

При случавъ Трофимычъ не отказывался и выпить,— „промочить горлышко“,— а по своему богатырскому сложенію могъ „поднять“ водки большія количества; однако, горькимъ, забулдыжнымъ пьяницей никогда не былъ.— „Если бы не водкаматушка, совсѣмъ бы мы, фельдшера, прощающими въ Карѣ сдѣлались!“— говоривъ онъ, когда послѣ двухдневнаго не-посѣщенія лазарета докторъ встрѣчалъ его упреками...

Исполнителенъ, аккуратенъ Трофимычъ былъ до мелочей: поставлена разъ кружка съ квасомъ съ правой стороны столика, у кровати больного, она и должна всегда стоять справа, переносить кружку на лѣвую сторону— „безпорядокъ“.

— Онучи на ногахъ привыкаютъ къ ногамъ: правая къ правой, лѣвая къ лѣвой... Ногамъ легче въ привычной онучѣ... Такъ и для больного глаза кружка: открыть глаза, руку протянуть и — готово, безъ затрудненія! — философствовалъ Трофимычъ на замѣчаніе объ излишней пунктуальности:— Спокойнѣе болѣзнь проходить у человѣка, когда блюдется порядокъ, спокойнѣе смерть наступаетъ.

Непреоборимая боязнь постороннихъ, властныхъ посѣтителей вѣѣлась, всосалась въ Трофимыча съ молокомъ матери; онъ робѣлъ, терялся, дѣлался беспомощнымъ передъ каждымъ человѣкомъ, стоявшимъ выше его въ служебномъ рангѣ. Можно вообразить, что творилось съ нимъ, когда ожидалось посѣщеніе лазарета генераль-губернаторомъ, губернаторомъ, врачебнымъ инспекторомъ: онъ перво суетился, ощупывалъ пуговицы форменного сюртука, проводя по немъ указательнымъ пальцемъ сверху до низу, рычалъ себѣ что-то подъ носъ, обходя двадцать разъ палаты, заглядывая подъ туфяки, подушки, и... потѣлъ, потѣлъ, бѣдняга, какъ въ жарко натопленной банѣ! Сказывались десятки лѣтъ рабской забитой жизни и полнаго произвола надъ личностью...

— Слава Тебѣ, Господи, уѣхали! Благополучно кончилось, все оказалось въ исправности,— радостно, облегченно говорилъ онъ по уходѣ ревизоровъ, стирая клѣтчатымъ платкомъ потъ, струившійся съ краснаго, какъ кумачъ, лица.— Ну, и струхнулъ же я, какъ изволили взглянуть въ мою сторону! Ажъ руки, ноги задрожали... Пропалъ, думаю, Трофимычъ... Иди поскорѣе, покурить трубочки съ радости...

Немало времени прошло, пока удалось мнѣ приручить, приблизить къ себѣ этого загнаннаго, нелюдимаго человѣка

онъ долго сторонился, смущался, стынялся, когда случалось пригласить его къ себѣ въ комнату выпить стаканъ чаю, ссылаясь на „недосугъ по лазарету“, „по своему домашнему хозяйству“. Чувствовалось, что человѣкъ на сторожѣ, въ возбужденіи, опаскѣ:—„Кто, молъ, его знаетъ? Начальство!..“

— Много мы биты, пуганы, г-нъ докторъ, вотъ съ измальства и боишься... Самъ не знаешь—чего, а боишься, опаску держишь... Все каторга кругомъ передъ глазами, каторга да каторга... Какъ ребенкомъ сталъ себя помнить, кроме каторжныхъ да конвойныхъ, никого не видывалъ... Тамъ, бывало, бьютъ, въ другомъ мѣстѣ бьютъ: плети, розги, шпицрутены... Зеленая улица въ пятьсотъ человѣкъ, за заводомъ, на окраинѣ, выставлена; палки въ рукахъ у каждого солдата; помахиваются въ воздухѣ, посвистываютъ палки, извиваются что змѣи... Офицеры позади рядовъ солдатскихъ ходятъ, покрываются: „—Замѣчу, которая сволочь сфальшивить, за-по-о-о-р-ю-ю!..“ Стоишь тутъ же въ толпѣ, руки, ноги трясутся, зубъ на зубъ не попадаетъ,—а смотришь! Стеклянку съ нюхательнымъ спиртомъ держишь въ руки, потому по наряду назначень помогать, отваживаться... Подвели человѣка, до штановъ раздѣли, руки обѣ къ ружейному прикладу привязали... Блѣдный-блѣдный, блѣлый, какъ глина, только ротъ разѣвается, воздуху набирается; дрожмя дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ... „Сми-и-и-и-р-и-о-о! На-а-чи-и-и-а-а-й!“ И пошла работа; зашевелилась Зеленая улица, только палки свистятъ по воздуху, да ключья мяса съ кровью полетѣли со спины! А онъ-то плачетъ... Какое тутъ плачеть—какъ въ огнь живеемъ горить... Вся спина лоскутьями мяса покрылась, кровь течетъ, а его бьютъ! А его бьютъ!—„Чего фальшивишь? Запорю до полусмерти!“ кричить офицеръ, крестъ мѣломъ солдату на спинѣ шинели поставить, а солдатикъ только вадрогнеть съ ногъ до головы, да голову въ шею втянегъ... Лучше не вспоминать, г-нъ докторъ! Вотъ опаска съ дѣтства и захватила... Отецъ, бывало, придетъ домой съ казенной работой,—старый ужъ человѣкъ былъ тогда покойный,—и аломанный придетъ домой, плачетъ, горькими слезами заливается... Спина избита, въ кровяныхъ рубцахъ, кровь изъ спины каплетъ на полъ избы; мать плачетъ, мы, ребята, того больше... Плачетъ отецъ, да приговаривается, судьбу свою проклиная:—„Алешка, Алешка, и тебѣ этого не миновать!“ Вотъ она, закваска-то, и осталась: знаешь, понимаешь, что обязательныхъ не стало, свободны мы всѣ сейчасъ, быть нась нельзя первому встрѣчному,—а душа-то все еще крѣпостная; такими проклятыми и въ могилу сойдемъ!..

Трофимычъ не слыхивалъ, конечно, о „микробахъ“, „бациллахъ“, „бактеріяхъ“, „асептикахъ“, „антисептикахъ“; дальше

намазыванія пластырей, мушекъ, приготовленія микстуръ, декоктовъ, липового цвѣта, грудного сбора, кудрявой и простой мяты, кровопускательного куба не шли его медицинскія познанія, а съ сыпно-тифозными, дезинтериками и цынготными онъ спалъ рядомъ, чутъ не на одной койкѣ.—„Все ближе къ больному, въ случаѣ испить попросить, или бѣжать вздѣмаеть отъ бреда и жара,— а я тутъ, какъ тутъ! Приемная комната далеко, не услышишь, что въ палатахъ дѣлается, а палатный служитель умыкается за день,—гдѣ ему скоро просянуться! Да и веселѣе мнѣ въ палатахъ спать съ народомъ, чѣмъ одному въ приемной комнатѣ“..

— Какая тамъ микробы или бацилла (суконнымъ языкомъ и не выговоришь сразу!) полѣзеть въ Трофимыча, г-нъ докторъ? Чѣмъ она поживится въ моихъ кишкахъ? Кишкі наши безъ этихъ микробовъ переворочены давнимъ-давно: дѣлать ей совсѣмъ тамъ нечего... Смерть придетъ, вотъ это дѣло другое, съ этой много не покалкаешь... Смерть,— что она такое! Божье произволеніе, и бояться ея грѣшно: одинъ раньше, другой позже... Кабы кто оставался, тогда другое дѣло, а она вѣдь никого не спрашивается: всѣхъ чистить,— и старого, и малаго, и милаго и браваго... А микробы къ нашимъ кишкамъ не пристанутъ!

— Куда вы, Алексѣй Трофимычъ? Посидите, чайку выпьемъ!

— Пора, заболтался; въ палаты заглянуть надо, все ли въ порядкѣ... Безпокойный народъ попадается между больными: каторга, одно слово! Картечь начинается, трубки появятся, надымятъ, начадять въ палатахъ. Не совсѣмъ благонадежный народъ... Чего доброго, и ножемъ заѣдетъ иной въ брюхо товарищу,—надоѣдаетъ вѣдь кандалами побрякивать!..

И Трофимычъ, конфузясь и суетясь, спѣшилъ удалиться.

Быть у Трофимыча любимый сынокъ, мальчикъ лѣтъ восеми. Отецъ часто бралъ его съ собою въ лазаретъ, оставляя ночевать въ приемной, когда самъ былъ дежурнымъ. Изрѣдка заходилъ Ваня и ко мнѣ выпить чаю съ булкой, получить кусокъ сахара; его дѣтская болтовня, любознательность разгоняли скучу одиночества.

— У тебя комната зачѣмъ съ рѣшеткой въ окнѣ? Развѣ ты бѣглый?—задавалъ мальчикъ серьезнымъ тономъ вопросъ, сидя на табуретѣ у стола и болтая ногами.

— Нѣть, Ваня, я не бѣглый; а съ рѣшеткой окно потому, что не успѣли убрать, когда переводили больныхъ въ другія помѣщенія. Рѣшетку скоро уберутъ, и комната будетъ свѣтлѣе...

— У насъ дома нѣть рѣшетки, а у тебя рѣшетка, — наставительно говорилъ мальчикъ.

— Да; не хочешь ли, Ваня, сахару?..

— Хочу... Тятя говорить: кабы не пробныя лазаретныя порціи, такъ хотъ съ голоду помираю... Меня береть въ лазаретъ ночевать, самъ ъѣсть, меня кормить,—щами, кашей, квасомъ... Хлѣба сколько съѣмъ, а потомъ сплю,—напимъ-то ребятамъ и завидно! Я не боюсь больныхъ; тятя говорить, всѣ они божьи, добрые... Третью водни старицѣ Непомнящи, что въ четвертой палатѣ лежитъ, игрушку мнѣ подарила: важ-н-а-а-я игрушка! Пильщикъ деревянный съ пилой: поставилъ на край стола — шевелится, какъ живой, ей Богу, правда! Старицѣ Непомнящій добрый, ласковый; зубовъ у него во рту нѣть, лобъ, щеки въ пятнахъ, клейменный; руки, ноги трясутся, а добрый: — „у меня, говорить, тоже когда-то свой Митя бывалъ, на тебя походилъ“... Тятя сказываетъ: пятнаютъ ихъ для отличія, чтобы не убѣгли; палачъ особый... Видывалъ я: бѣ-ѣ-д-о о-вы-ый! Съ усами, съ бородой, въ шароварахъ... Мы, съ Васькой да Сенькой у казенной кузницы разъ играли, „плаки“ собирали, въ мѣшокъ накладали; часовой у кузницы съ ружьемъ стоялъ, насъ туда не пускалъ, мы и играли въ сторонѣ... Прѣѣхалъ смотритель тюрьмы Бочаковъ, пья-я ны-ый, распья-и-ый! На ногахъ качается, насъ обругалъ, кнутомъ погрозилъ, мы на отвалъ уѣжали... Зашель онъ въ кузню, браниться, ругаться зачалъ,—намъ все слышно... Выѣждалъ смотритель изъ кузни, кучеру сказалъ что-то, тотъ лошадь погналъ; потомъ человѣкъ шесть казаковъ приѣждало, кучерь съ ними прѣѣхалъ, изъ телѣжки эта-а-а-кіе пучки розогъ вытащили! Смотритель изъ кузни за волосы кузнеца Ивана вытащилъ... Высо-о-о-кой такой кузнецъ! Повалили его и давай хлестать, и давай хлестать... Мы испугались, уѣжали, больше къ кузницѣ не ходили...

— Тятя говорить: палачъ отъ отца, отъ родной матери отрекается, заживо его попъ отпѣваютъ, потому онъ проклятый; сырое мясо ъѣсть, человѣчью кровь пить. Плетью ударить, да въ ротъ! Плетью ударить, да въ ротъ! Такъ и сосетъ человѣческую кровь. Прошлый разъ, какъ я ночевалъ съ тятей въ лазаретѣ, одинъ больной, въ полночь самую, изъ палаты выскочилъ босикомъ, въ одной рубахѣ, да какъ закричить благимъ оматъ! Я испугался, думалъ—зарѣжетъ; а онъ въ горячкѣ былъ... Тятя со старостой Петромъ поймали его въ коридорѣ, на кровать уложили, рубахой привязали.. Всѣ больные тогда перепужались, карауль съ ружьями повыскакивалъ, а потомъ ничего: я уснулъ, утромъ домой ушелъ...

— Хлѣбъ, говорить, на деревьяхъ растетъ, а я не виды-

валъ; сосновыя шишки знаю, какъ ростуть, а хлѣба не видывалъ; здѣсь, въ Карѣ, нѣть его, не растеть... Золото я видывалъ, какъ моютъ: мы разъ съ Митькой ходили въ старый разрѣзъ, пробовали; полоскали, полоскали, ничего не нашли... Въ Усть-Карѣ купцы золото скапаютъ, да и бѣть же начальство того, кто попадется! Въ тюрьму сажаютъ, заковываютъ, цулей стрѣляютъ изъ ружей... Много народу здѣсь золотомъ занимается!

Разъ,—какъ сейчасъ помню,— болтали мы такимъ образомъ съ Ваней; дверь комнаты быстро отворилась,—вошелъ съ нахмуреннымъ лицомъ Трофимычъ.

— Съ верхняго разрѣза раненаго привезли!

Мы быстро вышли изъ комнаты. У лазаретнаго крыльца стояла четырехколесная телѣга, запряженная парой быковъ; около телѣги двое конвойныхъ съ ружьями.

— Что случилось? Когда и гдѣ ранили?

— Съ работы, изъ разрѣза, на ура побѣгъ, ваше благородіе, изъ верхнекарійскаго разрѣза, — заговорилъ торопливо старшій изъ конвойныхъ, пожилой коренастый человѣкъ съ рябоватымъ лицомъ, заговорилъ, захлебываясь, какъ бы проглатывая воздухъ: — побѣгъ сразу, вдругъ, никто опамятоваться не успѣлъ... Жара, солнце печеть, въ глазахъ у караула рѣбить... Мы стояли на посту, у флага, разговаривали, какъ ударили выстрѣль... Черезъ отвалъ мелькнула, часовыхъ цѣпи проскочила: бѣжитъ и бѣжитъ! Бѣлая рубаха только видится... Какъ кошка, на отвалы карабкается... Стрѣльба по цѣпи пошла; съ поста зачали стрѣлять, а онъ бѣ-ж-и-и-ти! Мелькнетъ это—и опять подъ отвалъ скроется... Конные казаки съ поста по берегу поскакали, трое пѣшихъ съ ружьями въ догонку бросились... Набрались мы страху, ваше благородіе: отвѣтить вѣдь караулу приходится, потому каторжный, съ работы, изъ-подъ конвойныхъ, — а онъ бѣжитъ... Ну, на послѣднемъ отвалѣ, къ лѣсу, поскользнулся, упалъ... На ноги поднялся—тутъ его и подстрѣлили. Саженей, можетъ, четыреста убѣжалъ... Въ спину ударило: упалъ онъ, опять поднялся на ноги, руками взмахнулъ,—да и покатился съ отвала внизъ головой... Подбѣжали мы: лежить, стонеть, кровь на брюхѣ, на спинѣ... Пока за телѣгой, въ тюрьму, конный казакъ бѣгалъ, пока начальство пріѣхало, пока ворочали его, осматривали, да въ разрѣзъ тачку и кандалы разыскивали (сбились ихъ, сбросилъ), времени часа четыре прошло... Смотритель тюрьмы, сотенный командиръ, батальонный пріѣзжали, ругались:— „подлецы, говорятъ, всѣхъ перестрѣляемъ!“ — Тачку, кандалы насили разыскали, съ ними въ телѣгу положили,—потому вещи казенные...

Въ телѣгѣ, лицомъ къ небу, лежалъ мертвенно-блѣдный
№ 9. Отдѣлъ I.

человѣкъ, съ курчавой, черной бородой, раскрытыми остолбенѣлыми глазами, полуразинутымъ ртомъ; онъ тяжело дышалъ и протяжно стоналъ. Волосы на головѣ и бородѣ, рубаха и порты запачканы были желтоватымъ пескомъ, перемѣшаннымъ съ кровью. Въ ногахъ лежали арестантская куртка и тачка, — одноколесная телѣжка, съ прикованными къ ней кандалами: казенные арестантскія вещи, неподлежащія утерѣ...

— Охъ, батюшки, тошно! — простоналъ раненый, когда, подхваченный Трофимычемъ и палатными служителями, онъ былъ вынутъ изъ телѣжи.

Было часовъ девять вечера, когда уложенный на лазаретную кровать раненый былъ осмотрѣнъ. Положение оказалось безнадежнымъ: пуля семилинейной винтовки, при наклоненномъ впередъ положеніи бѣжавшаго, ударила въ спину, около позвоночника, прошла въ косвенномъ направлении брюшную полость, оборвавъ и выбросивъ наружу петлю тонкой кишкі. Омертвѣвшій аршинной длины кусокъ кишки болтался на поверхности.

— Пи-и-и-ть! —протянула больной. Дали ложечку воды, но влага не удержалась въ желудкѣ и была выброшена обратно.

— Вотъ незадача, вотъ незадача,—боромоталъ Трофимычъ, съ краснымъ потнымъ лицомъ сидѣвшій у головного конца постели, — знакомый человѣкъ-то, очень даже знакомый... И что вздумалось? Среди бѣла дня на ура броситься... Эхъ, каторга, каторга! Выбраль бы ночь потемнѣе, а то... наскочишь, бѣдняга! Сколько разъ вѣдь бѣгалъ, не сосчитаешь; за каждый разъ плети, за каждый разъ плети... Куда бѣгутъ, зачѣмъ бѣгутъ? Обхаживай ихъ, вылѣчивай, а они на рожонъ лѣзутъ... Не стоить съ ними заниматься!

Лицо больного было блѣдно, спокойно, только виднѣлась страшная усталость, какъ бы отъ только что оконченной тяжелой работы.

Наступившія сумерки измѣняли очертанія палаты; на полу сгущалась темнота, верхняя потолочная часть освѣщалась лучами заходящаго солнца, и клѣтчатыя, отъ оконныхъ рѣшетокъ, тѣни на стѣнѣ поднимались все выше и выше къ потолку... Плотно сжатыя, искривленные къ углу рта, губы раненаго какъ бы разжимались и сжимались подъ вліяніемъ скользящихъ, сумеречныхъ тѣней, хотя и были въ дѣйствительности неподвижны. Полуобритая голова, съ высокимъ выпуклымъ лбомъ, съ выдающимися скулами, плотно прижималась затылкомъ къ подушкѣ. Небольшія торчащія уши; въ правомъ ухѣ вдѣта серебряная круглая серыга, какъ у женщины... Больной лежалъ не прямо на спинѣ, а въ половорота, больше на правомъ боку, чтобы пулевое отверстіе спины не соприкасалось съ жесткой постилкой кровати.

— Пить! Пи-и-и-ть мнъ! Батюшки, тяжко... Пропалъ! —
шромко проговорилъ больной и началъ приподниматься въ
шостели; лицо его вдругъ побагровѣло, губы сжались, лицо
измѣнилось до неузнаваемости: сдѣлалось жестокимъ, без-
пощаднымъ...

И скверная брань пронеслась по палатъ... Лицо искривилось, губы перекосились, глаза широко расширились, кулаки сжались: онъ быстро усѣлся на кровати и... застоналъ..

— Охъ! тошно, тяжело, помогите Христа ради! — Что-то дѣтское, беспомощное, безсильно-жалкое разлилось по лицу; закапали слезы по худощавымъ щекамъ, и онъ рухнулъ на постель, какъ соломенный куль...

Солнце закатилось, наступала темнота. Палатный служитель внесъ въ палату зажженныя сальныя свѣчи, вставленныя въ два фонаря, которые и подвѣсили на веревкахъ, продержнутыхъ въ блоки, вбитые въ потолокъ. На столикъ, у изголовья раненаго, поставилъ отдѣльную свѣчу въ жестьяному ручномъ подсвѣчнику. При этомъ слабомъ освѣщении палата приняла странный, сумрачный видъ. Желѣзныя рѣшетки, освѣщаясь косвеннымъ свѣтомъ черезъ зеленоватыя стекла въ рамкахъ, отражались на окнахъ причудливыми тѣнями — клѣтками.

— Слу-ш-а-а-й! — пронесся протяжный, тягучий звукъ часового, стоявшаго въ зданія, въ лазаретномъ саду.

— Слу-ш-а-ай! — отозвался, какъ эхо, окликъ противопо-
ложнаго часоваго...

Больнымъ разносили ужинъ; мясной, пареный запахъ наполнилъ палату. Раненый лежалъ неподвижно и изрѣдка что-то бормоталъ въ бреду... Трофимъ сидѣлъ, согнувшись, на рядомъ стоявшей кровати, съ странно тяжелымъ выражениемъ лица: на немъ была печать покорности, той тупой покорности людей, привыкшихъ часто видѣть смерть передъ глазами, что отражается въ тусклости глазъ, въ плотно скоженныхъ губахъ: „Всъ тамъ будемъ! ничего не подѣлаешь!..“

Мнѣ захотѣлось выйти на воздухъ изъ душной палаты; Трофимычъ остался у постели больного. Я усѣлся на скамеечкѣ въ лазаретномъ саду; темная, душная юньская ночь охватила меня... Съ высоты далекаго неба мерцали звѣзды; едва уловимыя глазами дымки тумана нависли надъ долиной Кары, сгущаясь до молочнаго цвѣта надъ теченiemъ рѣчки, извиваясь надъ ея изгибами, поднимаясь волнобразно въ воздушное пространство, преломляя слабый, звѣздный свѣтъ, отражавшійся блестящими точками въ текущей водѣ... Тишина надъ долиной; едва слышно шелестѣть листья сто-

лѣтнихъ березъ, какъ бы перешептываясь между собою съ давнихъ и настоящихъ сгражданихъ людей, невольныхъ обитателей долины... У самой лазаретной стѣны, шагахъ въ десяти отъ скамейки, стояль часовой, освѣщаемый тусклымъ свѣтомъ изъ лазаретнаго окна, и фигура его, съ ружьемъ на плечѣ, отражалась длинной тѣнью на землѣ и стоявшихъ поблизости березахъ...

— Слуш-а-а-а-й! — раздалось глухо съ противоположной стороны зданія; часовой не отвѣтилъ на призывъ и стояль неподвижно, не измѣния позы...

Саженяхъ въ сорока отъ скамейки начинался крутой лазаретный спускъ съ плоскогорья, на которомъ, у подножія горы, расположено лазаретное зданіе, занимая высшую точку нижне-карійскаго поселенія. Вправо, по долинѣ, виднѣлись кое-гдѣ освѣщенныя окна обывательскихъ домовъ, но всѣхъ ярче и выпуклѣе, у берега рѣчки, въ полуверстѣ разстоянія, выдѣлялась каторжная пересыльная тюрьма, глядѣвшая десятками оконъ; въ линію тюремы, выше по теченію, выдѣлялась освѣщенная казачья казарма; дальше — полная темнота, какъ опущенная занавѣсь, загораживала долину... Къ востоку, въ лѣвую сторону, жилыхъ строеній не было; смутно-виднѣлось лишь старое зданіе бывшей когда-то золотопромышленной, обвѣянное мрачными легендами о бывшемъ разгильдѣевскомъ времени, когда, напр., артель каторжныхъ изъ восьми человѣкъ, уличенныхъ въ утайкѣ пяти золотниковъ золота, была тутъ же, на мѣстѣ, забита до смерти плетьми, подъ личнымъ руководствомъ знаменитаго горнаго начальника... Въ двухъ стахъ саженяхъ отъ промы瓦льни виднѣлась продолговатымъ бугромъ громадная могила, куда сотнями сваливались трупы каторжныхъ и горныхъ служителей (рабочихъ), умиравшихъ отъ голоднаго тифа, цынги, непосильныхъ работъ и жесточайшихъ ежедневныхъ тѣлесныхъ наказаній... Я вглядывался въ эту сумрачный міръ, сорокъ лѣть неподвижно коснѣвшій въ своихъ каторжныхъ порядкахъ и обиходѣ... Звѣзды далекаго неба, переломляясь въ дымкахъ тумана, поднимавшагося отъ земли, изрытой сотнями, тысячами рукъ подневольныхъ людей, таинственно мерцали, вызывая въ воображеніи фантастические образы бывшихъ и настоящихъ обитателей долины! Что-то невидимое, неосязаемое, лишь ощущаемое сердцемъ давило совсѣхъ сторонъ на душу, вызывая тѣ нравственное состояніе, которое выражается наружнымъ отуплѣніемъ... Такъ застыаетъ лицо матери при потерѣ дорогого, любимаго сына; она двигается, отвѣчаетъ на вопросы окружающихъ, дѣлаетъ обычное ежедневное дѣло, а въ дѣйствительности — окружающаго для нея не существуетъ...

Едва уловимый ухомъ, тонкій, тягучій звукъ долетѣлъ
по воздуху изъ долины,—неопределенно, неясно, какъ обозривавшаяся гдѣ-то струна, но этотъ неясный звукъ сразу
возвстановилъ сознаніе дѣйствительности. Тягучіе заунывы-
ные звуки плыли по воздуху, переливаясь своеобразными
тоскливыми тонами, передавая тоску-печаль невидимаго
чѣвца... Яснѣе, громче, отчетливѣе потянулась по воздуху
пѣсня тенорового надтреснутаго голоса, отчетливѣе стали
доносится слова: „стон-е-е-ть онъ и д-е-е-е-нь, и ночь!..“ Пѣ-
вецъ пѣлъ задушевно, страстно, видимо вкладывая душу
въ слова сантиментальной пѣсни давняго времени: не слова
—его занимали, а собственное душевное настроение..

Я возвратился въ палату... Только ночью, при входѣ со
свѣжаго уличного воздуха, поражаетъ настоящимъ образомъ
та специфическая атмосфера, что вырабатывается въ старыхъ
больничныхъ зданіяхъ изъ смѣси запаховъ лѣкарствъ, вы-
дѣленій сотенъ больныхъ людей, лежалаго бѣлья, суконныхъ
одѣялъ, халатовъ, ночной посуды, кружекъ съ квасомъ,
остатковъ хлѣба, запаховъ карболоваго раствора, хлорной из-
вести,—атмосфера эта, не смотря на привычку десятка лѣтъ,
всегда возбуждаетъ сердцебиеніе и тошноту...

Трофимычъ сидѣлъ около больного въ той же позѣ, съ
тѣмъ же выраженіемъ лица, въ какомъ я его оставилъ пол-
часа назадъ; на вопросъ о раненомъ, онъ сумрачно отвѣтилъ:

— Спить, кажись; глаза закрыты, бормочеть что-то, а
лежитъ спокойно...

Пульсъ падалъ; лицо было мертвенно-блѣдно, губы дви-
гались по-прежнему, невольно раскрывая и закрывая бле-
стѣвшіе бѣлизной зубы.. Въ палатѣ стояла мертвая тишина;
больные лежали на кроватяхъ, прикрываясь одѣялами: спать
или не спать, Богъ ихъ знаетъ! Трофимычъ приподнялся и
лежавшими на столѣ „съемами“ снялъ нагаръ со свѣчи;
около кровати посвѣтлѣло.

— Что, Трофимычъ, пропадать Путину приходится? Туда
и дорога!—проговорилъ вдругъ совершенно явственно боль-
ной,—отошла, видно, пущинская каторжная дорожка...

Трофимычъ вздрогнулъ и наклонился: вѣки больнаго
были открыты, ввалившіеся глаза смотрѣли осмысленно,
ясно: въ нихъ читалась близкая смерть...

— Поживешь, Путинъ, поправишься... То ли съ нашимъ
братьемъ бывало?—машинально сказалъ Трофимычъ, его рука
нервно взрагивала...

— Кака ужъ жизни! Спасибо тебѣ, Трофимычъ... Пора...
чего обманывать?.. Будетъ, помыкался... Вотъ... — завол-
новался больной, — крестъ у меня на шеѣ.. серебряный...
матушка на гайтанѣ налѣла... давно, Трофимычъ... Умру,

возьми... самъ сними... украдутъ... Прикладъ храму Божію отъ Путина... Христа ради, исполни!..

Голова умирающаго скользнула по подушкѣ, наклонившись впередъ; лицо сразу осунулось, заострилось, подернувшись съроватыемъ предсмертнымъ цвѣтомъ, глаза сомкнулись, ротъ полуоткрылся... Въ груди что-то хрюпѣло, переливалось...

— Ма-м-м-а! Маменька родимая! — пронеся послѣдній призывъ умирающаго, и онъ замолкъ, вытянувшись по кровати, голова скатилась по подушкѣ... Трофимычъ дрожащими, прыгающими руками машинально крестился...

Въ этотъ день впервые открылась мнѣ прекрасная душа скромнаго, запуганнаго, невѣжественнаго каторжнаго фельдшера, и съ этой минуты я глубоко къ нему привязался...

Мы собирались съ Трофимычемъ въ служебную поѣздку въ верхнюю тюрьму для „присутствованія при исполненіи судебнаго приговора, въ количествѣ ста ударовъ плети, надъ каторжнымъ Ермолаевымъ“. Наканунѣ было получено „предписаніе“. Бѣхать было необходимо, тѣмъ болѣе, что предстояло выполненіе высшей мѣры наказанія, равносильной, при извѣстныхъ условіяхъ, смертной казни чрезъ истязаніе. Глухая, затяжная тоска, сознаніе безсилія, вставая со дна души, заволакивали ее темнымъ облакомъ грозныхъ предчувствій; не было силы позабыть, хотя временно, о предстоявшемъ на завтра „присутствованіи“...

Погода, какъ нарочно, стояла скверная; начались безпрерывные юльскіе дожди, разражаясь то ливнями на два, три часа времени, то мелкими, частыми мукосвѣемъ... Низко на висшія тучи, обложивъ небо, загораживали солнце, превращая день въ сумерки, и тягота душевная усиливалась до физического страданія, до идіотскаго равнодушія ко всему... Пригласилъ я къ себѣ Трофимыча...

— Завтра Ѣдемъ на верхнюю. Приготовьте, что слѣдуетъ,—время назначено къ пяти часамъ вечера. Приговоръ необычный, рѣдкій: сто ударовъ, да еще въ рукахъ Одинцова...

— Богъ не выдастъ, свинья не съѣсть, г-нъ докторъ! Утро вечера мудренѣе... Все будетъ въ исправности! — проговорилъ коротко старикъ.

На другой день, къ 11 часамъ, Трофимычъ явился, въ сѣрой, арестантскаго сукна, шинели, подпоясанной ремнемъ, съ небольшой кожаной сумкой черезъ плечо. Вглядываясь, можно было замѣтить, что онъ изрядно „клюкнулъ“: глаза сузились, усы торчатъ не по формѣ, въ „разбросъ“; одинъ

пучекъ волосъ кверху, другой книзу; движенія быстры, разговоръ съ непрерывными жестами...

— Супруга-то моя, Домна-то Яковлевна, знаете, что выдумала, г-нъ докторъ? Съ пріятелемъ сидѣлъ я, съ нужнымъ человѣкомъ, а она и говорить: „Глаза нальешь, какъ доктору покажешься? Какъ въ тюрьму пойдешь?“ — Чудачка, говорю, какъ пойду?.. На казенной лошади, не иначе... Пышкомъ не пойдемъ; служба казенная, потому предписаніе... „Глаза нальешь!“ Да развѣ это возможно?! Пили мы по божьему, по-пріятельски, можно сказать. У меня, между прочимъ, все въ готовности: Трофимычъ старый пѣтухъ, сѣдало свое знаетъ, ничего не забылъ! Сумка готова, здѣсь, у сердца, висить, черезъ плечо перекинута, — не беспокойтесь... Пьянъ буду и тогда не забуду, потому предписаніе... Выпилъ же я съ пріятелемъ, нужнымъ человѣкомъ: кумъ не кумъ, а середка на головину будетъ... Къ тому же сродственникъ Ермолаеву... Ничѣмъ нельзя брезговать, г-нъ докторъ, — иначе забываютъ, ни за понюхъ табаку!

При быстрой передачѣ своихъ впечатлѣній, Трофимычъ ерзаль на табуретѣ, куда грузно усѣлся по моему приглашенію. При разсказѣ жестикулировалъ руками, чаще всего прижимая ихъ къ области сердца, и умиленно-маслянымъ взглядомъ смотрѣлъ на мою особу...

— Вѣрю вамъ, Алексѣй Трофимычъ, старый вы служака, ничего не забудете... Скверное дѣло предстоитъ вамъ, а тѣхъ необходимо; для такого дѣла и выпивка съ кумомъ дѣло законнѣйшее, — проговорилъ я, чтобы „не спугнуть“ экспансивной болтливости Трофимыча.

— Не кумъ онъ мнѣ, а полкумомъ приходится, это вѣрно... Ха, ха, ха, ха! Жена говорить: „глаза нальешь!“ Да что она понимаетъ?! Вонъ стариченка-то, что прѣхалъ за нами съ верхней тюрьмы, перемокъ, передрогъ, бѣдняга, трясется, зубъ на зубъ не попадаетъ. Дождь на дворѣ, холодъ, сиверко дуетъ, — какъ и пойдемъ? Я ему щѣй горячихъ на лазаретной кухнѣ приказалъ налить: єсть, руки трясутся, лихоманка бѣть.. Потомъ на пекарную печь усадилъ, — пусть, думаю, обогрѣется... Стариченка тщедушный, въ чемъ душа держится! Давнишній варнакъ карійской породы, а дождикомъ пробрало, — съ козель слѣзть не можетъ, окоченѣлъ! Тоже, будто, на человѣка похожъ, нельзя не отогрѣть... А обѣ сумкѣ „съ надобностями“ вы не беспокойтесь, — она у сердца Трофимыча: оборудуемъ дѣло, живъ человѣкъ останется, не забываютъ... Пусть только Господь дождичка побольше посыпаетъ... Старый я ковалъ, повадку всѣхъ смотрителей знаю! (И Трофимычъ таинственно-хитро подмигнула обоими глазами такъ комично, что я невольно разсмѣялся).

— Истинно говорю, увидите сами,—Трофимыч не вретъ; нужна во всемъ споровка... Немилостивъ Одинцовъ, а и на него есть Богъ! Не даромъ тридцать лѣтъ съ каторгой въ роднѣ состою; кумъ не кумъ, а полкумомъ приходишься... Споровка на все нужна: за сто плетей двадцать сойти могутъ, потому на всякую штуку придумана оберъ-штука.. Подкрѣпиться позвольте, г-нъ докторъ, погода холодная, сырость; ъхать десять верстъ, запасецъ мнѣ добрый человѣкъ пожертвовалъ..

Мы „подкрѣпились“ его и моимъ запасцемъ и тронулись въ путь. Трофимыч сидѣлъ рядомъ со мною, невозмутимо спокойный, прикрывая шею отъ лившаго дождя приподнятымъ воротникомъ своей сѣрой шинели и по временамъ брюзгливо сѣтя на дождь и на возницу.

— Не свались, халудора, съ козель, довези обязательно, потому служба,—брюзжалъ онъ сквозь зубы, относя название „халудора“ къ возницѣ, жалкому, мокрому стариченкѣ, съ клинообразной, сѣдой бородкой, сидѣвшему на козлахъ и то и дѣло втягивавшему голову въ плечи, чтобы защититься отъ лившаго дождя:—Тоже конюхомъ считается подъ великій посты! Лошадь твоя на живодерню, и тебя съ ней туда же... Не могъ, что ли, выѣздного запречъ?.. Ты думаешь, я не знаю, какія у васъ лошади? Знаю, братъ! Все знаетъ Трофимычъ... Сколько блохъ сидить въ тебѣ, и то знаетъ..

— Не моя воля, Алексѣй Трофимычъ, смотрительское приказаніе запречь животину!—оправдывался „халудора“, не поворачивая головы.

— Сиди, братъ, крѣпче, не разговаривай! Еще свалившись съ козель, отвѣчай за тебя; за каждого отвѣтить смысла не хватить... Сиди крѣпче, коли Богъ убиль!—И Трофимычъ отворачивалъ свое мокрое лицо въ сторону, вынималъ изъ „секретнаго“ кармана шинели трубку, кисеть, кремень и огниво и старался высѣчь огонь на трутъ.

— Наказанье Господне, а не служба!—брюзжалъ онъ сквозь зубы, стискивая ими конецъ чубука:—Огонь не высѣкается, трутъ не горитъ, трубку невозможно раскурить... Ну, и служба наша, г-нъ докторъ! Волчье житѣе, а не служба, провалились она!..—закончилъ онъ напрасныя старанія раскурить трубку, пряча табачныя принадлежности и обтирая мокрымъ рукавомъ той же шинели мокрое лицо.

— Что это значить, Алексѣй Трофимыч? Сердитесь на дождь и, въ то же время, просите Бога, чтобъ больше дождика посыпалъ?..

— Эхъ, г-нъ докторъ! Супружница моя полагаетъ, Трофимыч глаза наливалъ съ пріятелемъ, а мы Бога славили за ниспосланіе дождика.. Сто плетей перенести, да въ один-

цовскихъ рукахъ, безъ дождя, безъ ненастя,—чѣмъ окончится?.. Смертоночкой... Развѣ не видывалъ я такихъ случаевъ? Боже мо-о-ой, сколько видывалъ... На кладбище сразу увозили, случалось, а Трофимычъ провожалъ: думаешь очнется, дыхать начнетъ... Лучше пьянымъ быть, да помочь, чѣмъ тверезымъ оболдуемъ, сложа руки, смотрѣть!

Сквозь несвязанныя, торопливыя рѣчи старика мелькало что-то сознательное, обдуманное: ясно было, что Трофимычъ занять какимъ-то важнымъ, кровнымъ для него дѣломъ, что онъ къ чему-то подходитъ издалека, не умѣя владѣть точнымъ, логическимъ развитіемъ мысли. Я насторожился, боясь прямо задать вопросъ, чтобы боязливый, замкнутый человѣкъ, нежданно разговорившійся, не прекратилъ своихъ изліяній...

— Не курево мнѣ нужно, не табачный дымъ,—продолжалъ онъ возбужденно, приподнявъ кверху голову и подставляя лицо хлеставшему дождю,—а проба: загорить трубка — Ермолаеву скверно придется... Трубка что? Могу сейчасъ о камень разбить... Кисеть съ табакомъ въ грязь, на дорогу, выбросить. могу... Пропадай пропадомъ! Пускай дождикъ идетъ на здоровье; чѣмъ больше, гуще пойдетъ, тѣмъ душѣ легче, на счастьи грѣха меныше будетъ... Тридцать вѣдь лѣтъ со сна вскакиваешь отъ страха: плети да плети, а прежде шпипрутены... Не деревянные же мы, душа-то тоже имѣется, хоть и поддержаная...

— Не понимаю, Алексѣй Трофимычъ,—осторожно вставилъ я, наконецъ, вопросъ,—о чѣмъ вы говорите? Для насъ съ вами хорошаго въ дождѣ мало! Перемокли, какъ лягушки въ болотѣ...

Ко мнѣ, въ полный оборотъ, повернулось мокрое, широкое лицо Трофимыча, съ оскаленными отъ улыбки зубами; съ его фуражки, волосъ, усовъ, сросшихся бровей, носа, ручьями текла дождевая вода, но этому обстоятельству, видимо, онъ не придавалъ никакого значенія, хотя я, съ своей стороны, сидѣль, съежившись, скрючившись въ три погибели, меныше всего чувствуя склонность радоваться и хвалить Бота...

— Неопытны вы, г-нъ докторъ, въ нашихъ каторжныхъ дѣлахъ, молоды, зелены! Нездоровое это заведеніе каторга... Куда ни погляди — вездѣ убийство; бывать, почитай, съ утра до вечера... По приговорамъ бывать, съ докторомъ, фельдшеромъ, безъ приговора каждый смотрительолосуетъ... Со всей матушки Россіи горе въ Кару насылаютъ, а здѣсь съ нимъ распоряжаются, какъ смотрителю Господь на душу положить: цари они и боги арестантскіе... Ну, вотъ и остается

дѣйствовать снаровкой, смекалкой, да знакомствомъ съ са-
мимъ „крестнымъ-батюшкой“...

— Сегодня утромъ пріятель ко мнѣ заходилъ,—деньжонки
у него появились, золотишко намылъ золотника четыре,—
сродственникъ Ермолаеву... Двѣ бутылки сиводера принесъ,
добрый человѣкъ, потому знаетъ, ъду къ Ермолаеву въ
гости... Сидѣли мы съ нимъ, выпили, это правда; рубль
Сашкѣ-палачу пожертвовалъ, съ собой везу,— не беспокой-
тесь, у меня въ карманѣ запрятанъ, а передать,— это ужъ
мое дѣло... Грѣшно вѣдь не посободѣйствовать... Скотину жаль,
когда бываютъ, тѣмъ болѣе человѣка,—Богъ простить за это!
Смотрителямъ что? Бываютъ Сашку, за волосы, въ шею ему
сыплутъ за легкое исполненіе,— должность такая,— чужую
шею пожалѣть, такъ свою подставляй; вотъ рублишка ему
и годится. Въ тысячный разъ, можетъ, ъду на эту штуку,
знаю всѣ повадки, обычай... Трофимыча берестянымъ туясомъ
почитаютъ (такъ начальникъ каторги обозвалъ меня, пол-
ковникъ)! Пусть ихъ!.. Трофимычъ не сердится, ей Богу—не
сердится. Какъ хочешь называй, брань на вороту не вис-
нетъ... Всякая тварь жить обязана, а не подъ плетью умирать...
Пью я, когда придется съ пріятелемъ время провести, а глазъ
не наливаю, это супружница напрасно говоритъ: чего она
понимаетъ?! Отъ глупости говорить, отъ недостатковъ на-
шихъ. Иной разъ дня по три не ъвшіи сидимъ, ребятамъ
пить, ъсть хочется, вотъ досада и береть... А какъ же не
помочь горюну, не передать рубль Сашкѣ? Невозможное это
дѣло, а она не понимаетъ... Сашку повидаю,—рубль передамъ,
два-три слова скажу отъ кума-пріятеля... Сколько Трофи-
мычъ палачей переслужилъ,—одинъ Господь знаетъ! Развые
бывали, а знакомство со всѣми вживалъ. Всѣ были съ ам-
биціей; по шерсткѣ, какъ котовъ заморскихъ, надо было
гладить... Фомка былъ, Пашка,—это разгильдѣевскіе служаки,
въ давнихъ временахъ на службѣ состояли... Васька былъ;
плетью быка убилъ, на споръ дѣло вышло съ пріятелями,
за бутылку водки: между глазъ по лбу ударилъ, быкъ сразу
и ноги кверху... За этого быка Разгильдѣевъ его искалѣ-
чили—въ богадѣльнѣ умеръ... Народъ былъ денежный, фран-
товитый, а случалось — и имъ доставалось; битва была несо-
размѣрная...

— Разскажу я вамъ, штука какая случилась. Давно это было,
смѣху было довольно, а потомъ перепугались; да ничего,—
обошлось на тотъ разъ... Фомка свою амбицію показалъ.
Былъ при Разгильдѣевѣ разрѣзной надзиратель Кулаковъ,
кровопивецъ былъ покойный, жестокій человѣкъ! Съ Фомкой-
палачемъ дружбу особую водилъ, закадычные пріятели были.
Былъ онъ въ чинѣ горнаго урядника, жалованье получалъ,

форму носилъ. Пили, случалось, вмѣстѣ, вотъ разъ и за-спорили: водка кого до грѣха не доведеть... Кулаковъ бытъ огромаднаго роста дѣтина, вершковъ четырнадцати, зубы крушилъ десятками; ударить кого разъ, второй не захочеть... Лошадь на плечахъ поднималъ: присядеть подъ брюхо ло-шади, руками за переднія, заднія ноги возьмется, на плечахъ и подниметъ животину четверти на двѣ отъ земли... Боялись его всѣ, а Разгильдѣевъ любилъ, потому охрана надежная, Ѹомку тоже любилъ Разгильдѣевъ.. Заспорили Кулаковъ съ Ѹомкой о своей силѣ и рѣшили при свидѣтеляхъ, на пять рублей заклада: Кулаковъ три раза ударить плетью Ѹомку по голымъ стегнамъ, а Ѹомка одинъ разъ. „Кабы по зубамъ бить,—говорилъ Кулаковъ,—такъ я на одинъ бы разъ согла-сился, а Ѹомкѣ три даль бы ударить“. Выбрали время, со-брались пріятели, будто судьи, человѣкъ десятокъ, водки заготовили, закуску, деньги за руки положили: кто кого, зна-чить, одолѣть... Кинули жребій, честь честью, крестомъ освѣнились передъ вынутіемъ жребія: досталось Ѹомкѣ-палачу первому ложиться... Улегся онъ на землю, оголился, приго-товился закладъ выигрывать.. Кулаковъ мигнуль пріятелямъ: тѣ живо за голову за ноги пошидержали, приналегли на Ѹомку; меня, какъ фельдшера, пригласили на случай,—больше, конечно, для порядка комедіи... Взяль Кулаковъ плеть въ руки, рукава засучилъ по локоть: „разъ! два! три!“—только ключья шкуры полетѣли... Взвылъ Ѹомка, а на ноги вскочилъ безъ помочи; лицо блѣдное, губы посинѣли, дрожить весь, на глазахъ слезы.. А компанія хохотеть до упаду: „Ловко, Прохоръ Савичъ! Молодчина, закладъ выиграль!“ Оправился Ѹомка, штаны подвязалъ... — „Пожалуйте, — говорить,—Про-хоръ Савичъ,—за вами чередь, я свое получиль“, а у са-мого губы, зубы трясутся. — „Ляжемъ, ляжемъ, Ѹомушка, слово исполнимъ! Не по твоему лежать будемъ, безъ при-держки за голову, за ноги, по собственной охотѣ!“ Улегся на землю Кулаковъ, вытянулся во весь ростъ, зубы оскалилъ, смыкѣлся... „Я тебѣ предупрежу, Прохоръ Савичъ, когда бить буду; крикну, тогда и ожидай!“—проговорилъ Ѹомка, а лицо у него страшное; всѣ сразу притихли.. Ваяль онъ плеть, да какъ крикнетъ: „Поддержитесь, Прохоръ Савичъ!“ и—урѣ-ѣ-за-а-ль! Какъ молоньей Кулакова пришибло, лицомъ въ землю уткнулся... Ѹомка стоять съ плетью, дышеть тяжело, какъ быкъ въ запряжкѣ.. Подбѣжали мы къ Кулакову, ли-цомъ кверху его повернули, а онъ синѣй, какъ удавленникъ въ петлѣ... Холодной водой едва отлили; ведеръ пятокъ, де-сятокъ вылили,—юхательный спиртъ не дѣйствовалъ, сколько я ни старался. Очнулся онъ отъ воды, кругомъ озирается, а на ноги подняться не можетъ, едва, едва слово выгово-

риль: „убилъ, подлецъ!“ — „Долгомъ поквитались, Прохоръ Савичъ, на квитку сыграли: въ разсчетѣ теперъ!“ — проговорилъ Фомка. До самого Разгильдѣева доходила эта исторія, грозы ожидали, да любиль онъ обоихъ: никакой резолюціи такъ и не послѣдовало. Кулаковъ съ этихъ поръ захлябалъ ногами, хуже, да хуже; года черезъ два-три калѣкой сдѣлался: ноги отнялись, распухли, раны появились, ходить пересталъ, а здоровъ былъ до этого, какъ быкъ! Каторга сколько радовалась...

— Такъ какъ же послѣ этого, г-нъ докторъ, нашему брату, фельдшеру, знакомства съ палачомъ не искать? — проговорилъ возбужденно Трофимычъ: — Никакъ безъ этого невозможно обойтись, вся власть надъ человѣкомъ въ его рукахъ находится... Народъ мы малозначающій, а помочь въ горѣ человѣку надо!.. Сашка, теперешній палачь, ничего себѣ, хорошій человѣкъ, доброту имѣть: пивали мы съ нимъ, компанію воживали по-пріятельски, — вотъ и Ѳдѣшь безъ опаски, какъ къ знакомому... Мигнешь ему передъ парамомъ, пузырекъ съ напштырнымъ спиртомъ изъ руки въ руки переложишь, — онъ и понимаетъ, что „магарычъ“ будетъ, на слово пріятелю вѣритъ.. Закурю я трубочку съ вашего позволенія...

Дождь по-прежнему непрерывно хлесталъ по нашимъ лицамъ, забираясь, протекая за воротники пальто и шинели. На согнутыхъ колѣняхъ, на пальто стояла лужа дождевой воды; лошадь все время шла шагомъ по липкой грязи; старикъ-возница сидѣлъ, съежившись, на коалахъ, пригнувъ голову къ правому плечу, надвинувъ шапку на лѣвую половину головы, чтобы защигиться, по возможности, отъ косого съ вѣтромъ дождя; сидѣлъ онъ мокрый, забросанный грязью отъ сплетанья лошадиныхъ копытъ по липкой, глинистой дорогѣ. Трофимычъ, не торопясь, досталъ изъ внутренняго кармана шинели кисетъ съ табакомъ, трубку, кремень и стальную пластинку-огниво („плашку“, какъ онъ ее называлъ) и началъ усиленно „чикать“ огнивомъ о кремень, съ положеннымъ на немъ кусочкомъ трута. Мокрое лицо его, съ нависшими на носу каплями дождя, приняло сосредоточенно-серезное выраженіе; воинственные усы, обвислые отъ катившейся влаги, вздрагивали при каждомъ ударѣ огнива о кремень. Я сидѣлъ молча, по-прежнему боясь прерывать разговарившагося старика.

— Эй, ты, Ерема-мученикъ! — обратился онъ къ возницѣ: — Нѣтъ ли у тебя огнива и кремня? Мои не работаютъ... Одолжи минутку, или высѣки огня.

— Нѣту, Трофимычъ! Нѣту, батюшка, да и руки дюже замерзли, не совладать съ кремнемъ и плиткой! — проговорилъ

тотъ старческимъ, охрипымъ голосомъ, поворачивая къ намъ свое мокре лицо.

— Эхъ ты, горе-богатырь, Ерема-разгильдай, самъ замерз-нешь и насъ поморозишь... Ну, да не бѣда: Ермолаеву на-добрѣ и пользау... И дождь же идетъ лихой! Слава Тебѣ, Господи!..

Я, наконецъ, не вытерпѣлъ и спросилъ безъ обиняковъ:

— Чему радоваться, Алексѣй Трофимычъ? Кому отъ не-настѣя пользы въ Карѣ? Каторга на работахъ мокнетъ, су-хой нитки не останется, конвойные мокнутъ, злятся, боль-ныхъ въ лазаретѣ прибавится... Объясните мнѣ вашу за-гадку!

— Сегодня у насъ какое число? Пятнадцатое? Работь-нѣть: въ баняхъ парятся, всѣ въ сухомъ видѣ... Мы съ-вами тоже высохнемъ, а тому на пользу...

— Кому? Какая польза можетъ быть отъ дождя?

— Тому, который сто плетей получить долженъ сегодня... Ему польза отъ ненастѣя, а мы что?.. Мы не глиняные... Сто-о-о пле-е-т е ей! — протянулъ онъ сиповато, — вѣдь это убийство, увѣчье въ рукахъ Одинцова въ сухую-то-погоду, когда солнышко пригрѣваетъ... Знаю я его, нагля-дѣлся, наслушался! Выгонить изъ тюрьмы сотъ семь, во-семь каторжниковъ въ ограду, полукругомъ выстроить, всѣ безъ шапокъ, какъ мертвые, стоять; гоголемъ самъ-похаживаетъ, чтобы дрожали всѣ... Скамейка, съ уклономъ, посерединѣ двора; палачъ съ плетью; конвойные казаки-сь ружьями... Красоваться тигръ надо, силу свою показать, могутность: тысячи глазъ на него смотрять, славу ему жи-водера-палача составляютъ, рассказываютъ изъ поколѣнія въ-поколѣніе о его подвигахъ... Всякая слава лестна, хотя бы и кнутобойная,—все же слава, почетъ... „Живодеръ идетъ! Живодеръ идетъ!“ шепчутъ тысячи со страхомъ, а онъ слы-шиеть, ему и лестно... Всякъ по своему почетъ понимаетъ! „Бей, подлецъ, крѣпче! Самого запорю до полусмерти, шкуру сдеру съ головы до пятокъ!“ Всѣ дрожатъ, а въ немъ кровь играетъ, звѣрѣТЬ пуще... Погода хорошая, солнышко грѣвѣтъ. Торопиться некуда... Стоить онъ, варваръ, тутъ же близе-хонько, брюхо выставить впередъ, только глазами взбрасы-ваетъ на всѣхъ! Любуется своей удалью... Э-эхъ, г-нъ докторъ! Правду истинную говорю, необлыжную правду, благо сукон-ный языкъ размололся: кипить, накипасть, выпивкой зап-нешь, придавиши слезы,—глядѣ, высакиваются!.. Запримѣ-тиль и я немало въ тридцать-то лѣтъ службы съ каторгой, хоть и дуракомъ считаюсь по природѣ... На толпѣ, на зри-теляхъ, разгораются они, лютѣютъ, сами себя не помнятъ, а одинъ на одинъ,—я да вы, палачъ въ придачу, да конвой-

ныхъ четыре человѣка,—передъ кѣмъ тутъ отличиться? Куражъ, озорство пропадаютъ... Останься Одинцовъ вдвоемъ съ Ермолаевымъ, съ плетью въ собственныхъ рукахъ, пожалуй, и совсѣмъ бить не станетъ, помилуетъ—передъ собой красоваться какой толкъ? Въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, гдѣ, по слухамъ дождя, сегодня приговоръ будуть въ исполненіе приводить, повеличиться Одинцову не передъ кѣмъ: крысы подъ поломъ—и тѣ разбѣгутся!

И предсказанія Трофимыча сбылись: у Одинцова отъ „анаморской погоды“ разболѣлись зубы; исполненіе приговора было поручено тюремному приставнику Титычу и прошло „вполнѣ удовлетворительно“ для измученнаго ожиданіемъ Ермолаева.

Эпидемія сыпнаго тифа, начавшаяся въ карійской каторгѣ съ начала марта 1873 года, усиливалась. Ежедневная прибыль больныхъ въ лазаретъ достигала двадцати-тридцати человѣкъ; смертность — восьми, двѣнадцати. Четыре наличныхъ палатныхъ фельдшера, а также и палатные служители, буквально выбивались изъ силъ. Бѣщенный горячечный бредъ сотенъ людей, валявшихся на полу въ палатахъ, производилъ впечатлѣніе какого-то кромѣнаго ада; больные то и дѣло вскакивали съ коекъ, порывались бѣжать черезъ двери, окна. Полубритые, всклокоченные, возбужденные, ругаясь отборнѣйшей руганью, они долго не могли успокоиться послѣ поимки.. Кроватей, лазаретнаго бѣлья и одежды не хватало болѣе, чѣмъ на триста человѣкъ. Остальные лежали на полу лазаретныхъ палатъ безъ всякой подстилки, въ своей собственной, каторжной одеждѣ съ кандалами на ногахъ; скоплялось до шестидесяти человѣкъ въ палатѣ, гдѣ въ обычное время стояло двадцати, тридцать кроватей. О лѣченіи, о специальному уходѣ не могло быть и рѣчи; наблюдалось одно, чтобы умиравшіе своевременно выносились изъ палаты, а не загнивали среди живыхъ товарищъ...

— Оказія на каторгу налетѣла,—бормоталь Трофимычъ, красный и потный, водворяя на мѣсто какого-нибудь сбѣжавшаго больного,—наказанье Божье! А какъ ловко заѣхалъ мнѣ по уху, думалъ— голову отшибеть! Сморчекъ сморчкомъ, худой, плюгавый, въ чёмъ душа держится, а какъ ударилъ! Откуда у нихъ сила берется? Болѣеть, не пьетъ, вторую не-дѣлю капли въ роть не береть, а силы прибываетъ: нечистая сила, не иначе, помогаетъ...

Въ концѣ апрѣля и я впалъ въ безпамятство: тифъ захватилъ сразу, безъ передышки, болѣе чѣмъ на двадцать сутокъ. Первый, кого увидѣлъ я при возвращеніи сознанія, былъ наклонившійся надо мной Трофимычъ.

— Опамятались? Слава Тебѣ, Господи!—радостно проговорилъ старикъ:—Долгоныко пролежали безъ памяти, меня чуть не зарѣзали бритвой... Побѣгу, обрадую фельдшеровъ: въ лазаретъ у насть страсти творятся...

Вскорѣ пришла очередь и Трофимыча: „бацилла“ забралась-таки въ его кишкы... Двадцать пять сутокъ боролся сильный организмъ съ страшной болѣзнью. Бредъ былъ спокойный, мурлыкающій, тягучій, но прорывались порой возгласы: „человѣка пожалѣй, братецъ, кумомъ будешь! Не всяко лыко въ строку... То ли съ нашимъ братомъ бывало?“ Трофимычъ умеръ, окруженный дюжиной дѣтей, „маль мала меньше“.. Гробъ его, по счету восемнадцатый, былъ опущенъ въ общую могилу съ каторжанами, которымъ онъ служилъ вѣрой и правдой больше тридцати лѣтъ.

„Не стало нашего Трофимыча!“—долго вспоминала о немъ карийская тюрьма...

В. К—въ.

* * *

Златокудрая Осень мечтаетъ въ саду.
То заглянетъ въ купальню на солнномъ пруду,
Обойдя осторожно желтѣющій кустъ,
То къ окну замолчавшаго дома прильнетъ:
Не отвѣтить ей домъ,—онъ покинуть и пустъ...
И, тоскуя, со вздохомъ она отойдетъ.

Выходить въ поле, гдѣ красный осинникъ дрожитъ,
Узкой лентой дороги къ заборамъ прижать;
Въ безучастную даль сжатыхъ нивъ поглядить
И съ тревожною думой вернется назадъ.
Приласкаетъ задумчиво поздній цвѣтокъ
И одинъ за другимъ оборветъ лепестокъ.

Отъ безшумныхъ шаговъ сторонится трава.
Пятна солнца ложатся на влажный песокъ.
Не дыша, умираетъ на клёнахъ листва,
Подломившись, отрывисто хрустнетъ сучокъ;
Но надтреснутый звукъ тишины не смутить...
Златокудрая Осень о счастьи грустить!

В. Башинъ.

Эпоха великихъ реформъ въ Японіи.

III.

Отречениe шогуна было принято. Вся политическая власть перешла въ руки императора, которому и предстояло теперь съорганизовать новое правительство. Но надо вспомнить ту атмосферу бездѣлья и безсилы, которой дышалъ въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ столѣтій императорскій дворъ, для того, чтобы понять, какое непосильное бремя представляла для него эта новая задача. У императора въ тотъ моментъ не было ни администраціи, ни арміи, ни финансъ,—ничего, кромѣ имени. Естественно, что императоръ не могъ сразу отказаться отъ услугъ шогуна и всей его административной машины, находившейся, конечно, въ рукахъ приверженцевъ шогуната. Экс-шогуну было поручено продолжать фактическое управлениe страной подъ общимъ наблюденіемъ и руководствомъ императора и его двора.

Однако подобное положеніе вещей вовсе не улыбалось импералистамъ, которые затратили столько жертвъ и столько силъ, чтобы вырвать съ корнемъ шогунатъ изъ жизни Японіи. Правда, юридически шогунатъ не существовалъ, но въ дѣйствительности—въ силу порученія императора и данного положенія вещей—шогунъ все еще оставался самымъ могущественнымъ лицомъ въ имперіи. Нельзя было терять времени; надо было быстро нанести ударъ за ударомъ этому разваливающемуся институту государственного права Японіи.

Прежде всего подъ давленіемъ побѣдившой партіи началась массовая смѣна чиновничества: сторонники шогуна должны были уступать свои посты участникамъ импералистического движенія. Эта смѣна, конечно, вызвала крайнее недовольство и ропотъ среди приверженцевъ старого порядка, придала упругость ихъ сопротивленію. Затѣмъ охрана дворца была поручена другимъ кланамъ, а самураи изъ приверженцевъ шогуна были удалены изъ Кіото, и имъ было совсѣмъ запрещено появляться въ стѣнахъ императорской столицы. Наконецъ, въ совѣщаніи, созван-

номъ императоромъ и состоявшемъ изъ принцевъ, придворной знати, дайміосовъ и ихъ советниковъ, 3-го января 1868 г. было постановлено, послѣ горячихъ дебатовъ и жестокихъ споровъ со сторонниками шогуна, принять отречение Іосинобу не только отъ его шогунатскихъ полномочій, но и отъ феодальныхъ правъ на земли и подданныхъ, принадлежавшихъ дому Токугава. Это было уже слишкомъ. Іосинобу отказался только отъ своихъ административныхъ правъ высшаго чиновника, а его захотѣли совершенно стереть съ лица земли, выбросить за бортъ еще продолжавшаго свое существованіе феодального строя. Ни самъ онъ, ни принадлежавшіе его роду самураи не могли допустить подобнаго отношенія къ феодальнымъ правамъ одного изъ крупнѣйшихъ властителей того времени. Въ результатѣ послѣдовалъ рядъ столкновеній на суши и на морѣ между сторонниками шогуна и императора. Но подточенный жизнью институтъ шогуната уже не проявлялъ достаточнаго сопротивленія, и при первой же встрѣтѣ враждующихъ сторонъ, не смотря на колоссальный перевѣсъ шогунатскихъ войскъ (10.000 противъ 1.500), послѣднія были разбиты. Іосинобу послѣ этого исчезаетъ изъ исторіи Японіи навсегда.

Мы не будемъ останавливаться на новой организаціи правительства. По существу, она оказалась повтореніемъ той системы, которая имѣла мѣсто въ Японіи нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, до укрѣпленія въ странѣ феодальныхъ порядковъ. Мы прослѣдимъ лучше дальнѣйшее развитіе тѣхъ факторовъ, которые продолжали работать надъ созданіемъ новой Японіи.

Новое императорское правительство прежде всего поторопилось покончить съ осложненіями въ иностранной политикѣ: у него слишкомъ много было дѣла внутри страны для того, чтобы продолжать какія-либо недоразумѣнія съ европейцами и американцами. Къ этому же его побуждали и главнѣйшіе дѣятели только что минувшей японской революціи. За подписью нѣсколькихъ влиятельныхъ лицъ того времени, императору была подана соответствующая петиція, на которую правительство обратило самое серьезное вниманіе.

Хіого и Осака были открыты для иностранной торговли 1-го января 1868 г. Въ февралѣ того же года императоръ послалъ представителямъ иностранныхъ державъ требование, чтобы они сообщили своимъ правительствамъ о перемѣнахъ, произшедшихъ въ управлѣніи Японіи, и о томъ, что вся внутренняя и вѣнчальная политика въ настоящее время сосредоточена въ рукахъ у него, императора. Въ знакъ правдивости и искренности этого сообщенія онъ пригласилъ представителей всѣхъ державъ явиться къ нему во дворецъ. Это былъ огромный шагъ впередъ,—дѣйствіе со стороны правительства, не слыханное въ исторіи Японіи. Императоръ, — этотъ богъ, который, по возврѣніямъ народной религіи, не долженъ быть показываться даже передъ ближайшими

своими подданными, — открыто выступает передъ пренрѣнными иностранцами, становится на равную ногу съ государями этихъ ненавистныхъ чужеземныхъ державъ. Но способный и культурный народъ Японіи легко освоился съ новыми идеями, легко понялъ неизбѣжность требованій новаго времени. Народъ уже слабо реагировалъ на это признаніе правъ иностранцевъ, и процедура официального оближенія японскаго правительства съ представителями иностранныхъ державъ обошлась почти безъ всякихъ сколько-нибудь значительныхъ инцидентовъ. Наконецъ, японское правительство сдѣлало свой послѣдній шагъ въ данномъ направленіи: договоры съ иностранными державами были объявлены освященными согласіемъ императора, который и принялъ на себя защиту ихъ отъ какихъ бы то ни было посягательствъ, грозяслушникамъ тяжелыми карами. Правда, иностранцы не имѣли еще доступа внутрь страны, но они могли поддерживать свои сошенія съ Японіей черезъ цѣлый рядъ главнѣйшихъ при-морскихъ пунктовъ.

Такъ съ исторического пути Японіи было удалено одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ дальнѣйшему прогрессу страны: правительство не только перестало враждебно относиться къ западно-европейской культурѣ, но вскорѣ всѣми силами принялось содѣйствовать распространенію ея среди народа.

Работы, однако, предстояло еще очень много. Шогунатъ палъ, но феодализмъ вѣдь остался.² На исторической сценѣ страны лицомъ къ лицу стали двѣ силы, другъ друга исключающія: съ одной стороны — имперіализмъ, подразумѣвающій полное и возможно глубокое объединеніе всѣхъ элементовъ государства; съ другой — феодализмъ, сопряженный съ сильнымъ дробленіемъ страны и большою самостоятельностью ея частей. Феодалы искали лишь такого объединенія Японіи, при которомъ она была бы въ силахъ оказать сопротивленіе натиску иностранцевъ; но они вовсе не думали о томъ, чтобы имъ самимъ пришлось убраться съ исторической сцены передъ новой организаціей, вызванной къ жизни ими самими. Они, напротивъ, мечтали о продолженіи феодального строя при новыхъ, болѣе справедливыхъ условіяхъ.

Находясь на верхушкѣ общественной лѣстницы, феодальные князьки, конечно, воображали себя „солью земли“, а свое мнѣніе смысливали съ „общественнымъ мнѣніемъ“ страны. Вотъ почему одной изъ первыхъ задачъ побѣдителей шогуната было обезпечить на будущее время подчиненіе государственной власти „общественному мнѣнію“. И имъ, дѣйствительно, удалось добиться того, что молодой императоръ Японіи (нынѣ царствующій, ему тогда не было и двадцати лѣтъ) 17 апрѣля 1869 произнесъ въ собраніи придворной знати и дайміосовъ торжественную клятву въ томъ, что: 1) будетъ созвано совѣщательное собраніе, и всѣ правительственные мѣры будутъ согласоваться съ требованіями

общественного мнѣнія; 2) принципы соціального и политического строя будуть тщательно изучаться, какъ высшими, такъ и низшими классами народа; 3) каждому члену общества будетъ оказано возможное содѣйствіе въ примѣненіи имъ своей воли ко всему хорошему; 4) всѣ вздорные обычая старого времени должны быть отвергнуты, и непріятіе и справедливость должны являться основой всякаго дѣйствія, и 5) для того, чтобы твердо установить основы имперіи, будетъ открытъ полный просторъ для всякаго ума и таланта.

Такимъ образомъ, этой клятвой молодой императоръ, съ одной стороны, обѣщалъ дать большій просторъ въ общественной дѣятельности всякой личной инициативѣ, съ другой—открыть общественному мнѣнію широкое вліяніе на ходъ государственной жизни страны. Но едва ли императоръ и большинство феодаловъ того времени ясно представляли себѣ, что значитъ согласовать государственное управление съ общественнымъ мнѣніемъ страны. Общественное мнѣніе въ то время уже значительно демократизировалось, и вліяніе на ходъ національной жизни пріобрѣли болѣе широкіе круги общества. Въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ хотя бы списки наиболѣе выдающихся дѣятелей того времени: болѣе 75% этихъ именъ принадлежать семействамъ простыхъ самураевъ, и только остальные 20 — 25% руководителей политики вышли изъ семействъ феодальной и придворной знати. Самураи, какъ мы уже говорили, были тогда тѣль слоемъ населения, изъ котораго выдѣлялась, главнымъ образомъ, японская интеллигенція. Неудивительно, что теперь, когда государству понадобились силы для прогрессивной работы и вытѣсненія той наследственной бирократіи, которая плотной прослойкой лежала между центральнымъ правительстvомъ и народными массами, то оно почерпнуло эти силы главнымъ образомъ изъ среды самураевъ. Если усилиями послѣднихъ былъ низвергнутъ шогунъ, т. е. исполненъ одинъ изъ основныхъ актовъ перехода отъ старого порядка къ новому, то тотчасъ же обнаружилось, что эти разрушительные силы старого общественного порядка являются самыми надежными элементами и въ дѣлѣ организации новыхъ общественныхъ отношеній.

Но эти дѣятельные элементы японского общества были все-таки въ значительной степени закрѣпощены феодальнымъ строемъ, который продолжалъ существовать и не проявлялъ ни малѣшаго желанія отступить на задній планъ. И теперь-то, когда открывалось широкое поле для общественной работы, эта зависимость казалась особенно ненавистной, —тѣмъ болѣе, что она далеко не была одной только фикცіей. Въ самомъ дѣлѣ, каждый самурай со дня своего рождения принадлежалъ къ какому-нибудь клану, былъ подданнымъ какого-нибудь феодального властителя, который могъ потребовать его къ себѣ на службу. Иногда кланъ не хотѣлъ терять своихъ лучшихъ дѣятелей, и феодальный

сеньоръ требовалъ ихъ возвращенія въ кланъ. Такой, напримѣръ, случай имѣлъ мѣсто съ однимъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей реформаціоннаго періода Японіи—Окубо. Феодалъ того клана, къ которому принадлежалъ Окубо, занимавшій уже тогда видный постъ въ императорскомъ правительствѣ, потребовалъ вдругъ возвращенія Окубо въ свой ленъ. Только благодаря усиленнымъ просьбамъ императора, Окубо могъ снова заняться своей обще-имперской дѣятельностью. Правда, самураи сохранили еще въ значительной степени глубокую привязанность къ своимъ кланамъ, служеніе которымъ они считали своимъ долгомъ и проявленіе которыхъ было источникомъ ихъ гордости. Но, тѣмъ не менѣе, эта зависимость отъ клана и феодала тяжело ощущалась наиболѣе передовыми и талантливыми самураями, идеаломъ которыхъ при томъ являлась Японія, объединенная подъ властью императора,—идеаломъ, представлявшимъ недостижимымъ до тѣхъ поръ, пока за феодалами оставалось полное и безграничное право обложенія налогами своихъ леновъ и изданія мѣстныхъ законовъ. Такимъ образомъ, феодальная организація осуждалась наиболѣе подвижной частью тогдашней японской интеллигентіи и съличной точки зренія, и съ точки зренія ея общественного идеала. Но какими средствами можно было бы добиться того, чтобы представители феодального строя поступились своими правами въ пользу государства? Достаточной для этого материальной силы въ распоряженіи партии реформъ тогда не было: все войско состояло изъ отдѣльныхъ отрядовъ самураевъ, принадлежавшихъ феодаламъ и въ большинствѣ случаевъ искренне преданныхъ своимъ феодальнымъ сюзеренамъ. На успѣхъ гражданской войны въ данномъ случаѣ полагаться было нельзя. Идейное движеніе, охватившее страну, было, однако, настолько сильно, что и безъ достаточныхъ материальныхъ силъ оказалось возможнымъ покончить съ феодальнымъ строемъ.

Первое существенное ограниченіе правъ феодальныхъ владѣтелей было произведено декретомъ правительства (отъ 11 июня 1868 г.), сократившимъ свободу дѣйствій феодаловъ въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ особенно задѣвались интересы имперской политики: такъ ихъ лишили права чеканить монету, раздавать титулы, приглашать на службу чужеземцевъ, заключать договоры съ соѣдними кланами и иностранными государствами. Черезъ полгода имперское правительство пошло еще дальше, наложивъ свою руку на отношенія феодаловъ къ той арміи чиновничества, которая находилась у нихъ на службѣ. Прежде всего было проведено рѣзкое различіе между тѣми чиновниками, которые служили нуждамъ клана, и тѣми, которые были поставлены заботиться о личныхъ интересахъ своего господина. О всякомъ назначеніи первыхъ и всякихъ перемѣщеніяхъ ихъ, производимыхъ феодаломъ на своей территории, онъ долженъ былъ отнынѣ доводить до свѣдѣнія цен-

трального правительства; далъе феодальному сюзерену вмѣнялось въ обязанность назначать чиновниковъ не по ихъ наслѣдственнымъ правамъ на ту или другую должность, а по ихъ способностямъ и талантамъ.

Какъ ни ограничивались этими декретами права отдельныхъ феодаловъ въ пользу государства, но ими еще не отмѣнялся самый институтъ феодального владѣнія: огромныя площиади территории продолжали находиться во власти отдельныхъ лицъ, сохранившихъ значительные феодальные права по отношенію къ населенію, обитавшему на этихъ территоріяхъ. Только отказать отъ такого наслѣдственного права на землю и населеніе положилъ бы предѣлъ феодализму. Но всякия насильственные мѣры, исходившія изъ центра въ этомъ направленіи, повели бы только къ гражданской войнѣ и почти навѣрно не дали бы никакихъ положительныхъ результатовъ. Партия реформъ нашла, однако, выходъ изъ этого труднаго положенія. Феодалы нѣсколькихъ могущественнѣйшихъ клановъ (именно клановъ Каго, Хиценъ, Сатзума, Хонсю, Тоза) и еще кое-кто изъ западныхъ дайміосовъ добровольно отреклись отъ своихъ феодальныхъ правъ, подавъ императору слѣдующее заявление: „Великое государство теперь вновь восстановлено, и самъ императоръ принялъ на себя общее руководство государственными дѣлами. Это, конечно, прекрасное и великое событие. Но перемѣна эта должна быть совершена не на словахъ только, а и на дѣлѣ. Нашей первой обязанностью будетъ теперь доказать свою лояльность и обнаружить свою преданность. Когда родъ Токугава захватилъ власть, онъ раздѣлилъ страну между своими сородичами, и богатства многихъ семействъ зиждутся именно на этомъ фактѣ. Они и не подумали спросить, не являются ли земли и люди, которыхъ они получили, даромъ императора, а просто въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ вплоть до настоящаго времени удерживаютъ ихъ въ наслѣдственномъ владѣніи. Иные говорятъ, что ихъ владѣнія являются добычей ихъ оружія, все равно какъ еслибы они ворвались въ амбары и расхитили имущество, которое тамъ хранится, хвастаясь передъ солдатами, ихъ окружавшими, что сдѣлали они это съ рискомъ для своей жизни. Тѣ, которые врываются такимъ образомъ въ магазины, у всѣхъ людей извѣстны подъ именемъ воровъ и грабителей; къ тѣмъ же, кто грабитъ земли и воруетъ людей,—такъ не относятся! Какъ перепутались всѣ представления о законности и преданности!“ „Мѣсто, на которомъ мы живемъ,—говорилось далъе въ той же петиції—земля императора, и пища, которой мы питаемся, возвращена людьми императора. Какъ можемъ мы сдѣлать все это своей собственностью? Мы почтительнѣйше прилагаемъ при семь списокъ нашихъ владѣній и людей и умоляемъ императора наградить ими тѣхъ, кто заслужилъ награды, и отнять ихъ отъ тѣхъ, кому надлежитъ наказаніе. Пусть же будутъ изданы император-

скіе приказы, которыми пропаведуются измѣненія и переустройство террорій различныхъ клановъ; пусть всѣ гражданскіе и уголовные кодексы и военные законы будутъ исходить отъ императора; пусть со всѣми дѣлами имперіи, великими и малыми, обращаются къ нему".

Впечатлѣніе, произведенное этой петиціей „кающіхся дворянъ", было поразительно. Она вызвала движение, единственное въ своемъ родѣ. Феодальное дворянство начало присоединять свои подписи къ этому заявлению, поданному наиболѣе выдающимися и сильными его представителями. Въ самое короткое время изъ 276 феодаловъ 259 заявили о своей готовности отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ на террорію и населеніе; только 17 упорствовало, не желая разстаться со своими привилегіями. Но отказъ этихъ семнадцати не могъ уже имѣть никакого значенія, когда на сторонѣ партіи реформъ было и численное, и качественное превосходство. Судьба феодализма, подготовленная всѣми предыдущими теченіями въ области правовыхъ и экономическихъ отношеній, была решена.

Указанная выше петиція была подана 5-го марта 1869 г. Государь рѣшилъ подвергнуть ее обсужденію уже созванного передъ этимъ собранія феодаловъ, при чемъ и выяснилась наличность тѣхъ массовыхъ симпатій въ сторону реформъ, о которой мы только что говорили. 25 юля того же года правительство издаетъ эдиктъ, въ которомъ выражаетъ свое согласіе на принятіе тѣхъ феодальныхъ правъ, отъ которыхъ сами феодалы отказались добровольно. Дайміосамъ, не выразившимъ желанія присоединиться ко взглядамъ большинства, было приказано послѣдовать примѣру этого большинства; феодальные сеньоры возвращались въ свои прежнія владѣнія въ качествѣ простыхъ губернаторовъ, назначенныхъ на эту должность властью императора. Десятая часть доходовъ каждого клана была назначена въ видѣ жалованья этимъ новымъ губернаторамъ, остальная девять десятыхъ, за покрытиемъ мѣстныхъ расходовъ по управлению и благоустройству, должны были поступать въ императорскую казну. Наконецъ, декретомъ 4 октября 1870 г. было объявлено, что отнынѣ во всей имперіи будутъ дѣйствовать однообразные законы. Такъ былъ положенъ предѣлъ феодальному строю, продержавшемуся въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій.

Конечно, трудно проанализировать мотивы, которыми руководились отдѣльныя личности, принося въ этомъ массовомъ актѣ на алтарь отечества свои права и привилегіи. Несомнѣнно, однако, что вожаки движенія дѣйствовали сознательно и руководились главнымъ образомъ разсчетами благороднаго патріотизма. Ихъ поведеніе нашло восторженный приемъ у тогдашней японской интеллигенціи, — самураевъ, — которые, какъ мы говорили, должны были осуждать феодальный строй и съ личной, и съ идеей-

ной точки зренія. Общественное мнѣніе, которое опредѣлялось теперь интеллигентціей, создало, такимъ образомъ, атмосферу, въ которой дышали и феодальный владѣтельный особы. Начавъ со стремленія обеспечить за собою всю полноту созерцанныхъ правъ и подчинить для этого центральную власть „общественному мнѣнію“ странамъ (понимая подъ этимъ терминомъ лишь свои пожеланія и планы), феодалы незамѣтно для себя попали подъ власть дѣйствительного общественного мнѣнія, прорвавшагося въ общественную жизнь болѣе широкимъ потокомъ, чѣмъ они разсчитывали. Такое подчиненіе теченію, въ существѣ чуждому психологіи большинства представителей феодального строя, произошло тѣмъ легче, что фактическая власть по управлению кланами находилась въ рукахъ новой исторической силы—самураевъ. Сами феодальные суверены, погрязшіе въ своихъ привилегіяхъ и въ своей сытой жизни, стали въ большинствѣ случаевъ слабыми, дряблыми, неспособными людьми. Они привыкли жить чужими умомъ и чужой работой. Когда лучшіе представители японскаго общества, изъ которыхъ многие стояли у кормила феодального правленія, стали на сторону партии реформъ, то они легко заставили и своихъ феодальныхъ повелителей смотрѣть на текущія события своими глазами. Большинство феодаловъ, такимъ образомъ, подражало выдающимся представителямъ своего сословія, не сознавая всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя были такъ тѣсно связаны съ актомъ ихъ отреченія, и совершиенно безсознательно подчиняясь общественному теченію.

Но самураи при этомъ и сами теряли многое изъ своего привилегированного положенія; кроме того, какъ мы уже говорили, они были привязаны къ своимъ кланамъ, процвѣтаніе и благоустройство ихъ считали своей гордостью, имѣли возможность нерѣдко непосредственно участвовать въ мѣстномъ управлении,—все это, казалось бы, должно было предохранять ихъ отъ увлечения новыми идеалами: имперіализмомъ и личнымъ освобожденіемъ отъ клановой зависимости. Въ душѣ самурая-интеллигента, дѣйствительно, должна была происходить серьезная борьба между старыми привязанностями и новыми стремленіями къ преустройству своей родины. Откуда же онъ взялъ силы разбить оковы старыхъ привязанностей, рѣшить вопросъ въ пользу реформъ и довести дѣло до конца, во что бы то ни стало, хотя бы съ цѣлью рядомъ личныхъ жертвъ? Что это было? честолюбіе? Конечно, здѣсь было и оно, но сравнительно у немногихъ, такъ какъ большинство не могло надѣяться устроиться при центральномъ правительстве, тогда какъ феодальный строй все же давалъ многимъ теплыхъ и почетныхъ мѣста. Корыстолюбіе? Но съ паденiemъ феодального строя изъ рукъ феодаловъ, а слѣдовательно, и близкихъ къ нимъ самураевъ, уходило право обложенія мѣстного населенія, а слѣдовательно, и всѣ расчеты на наживу. Нѣтъ,

едва ли этими мотивами можно всецѣло объяснить движение, про-
ложившее себѣ путь въ широкія массы. Въ данномъ случаѣ были
больѣе могучіе факторы, болѣе чистые источники.

Многое уясняется для насъ, если мы вспомнимъ, что самураи
въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій жили и воспитывались подъ
вліяніемъ той этики, которая выше всего ставила жертву своимъ
интересамъ на общую пользу, и что незадолго передъ эпохой рев-
олюціи среди нихъ получила широкое распространеніе филосо-
фія, которая всю отвѣтственность за зло общественной жизни
возлагала на личность и уполномочивала эту личность силой сло-
мить общественный строй, осужденный ея идеалами. Всѣ эти на-
строенія особенно усилились къ данному историческому моменту.
Вотъ откуда въ значительной мѣрѣ черпали самураи рѣшимость
довести дѣло обновленія своей родины до конца, хотя бы при
этомъ потребовалось принести въ жертву и личныя выгоды, и
даже свою жизнь.

На ряду съ основнымъ актомъ, только что указаннымъ памѣ,
императорское правительство издало еще цѣлый рядъ декретовъ,
которыми продолжалась демократизація общества и освобожденіе
личности. Двадцать шестого июля 1869 г. было уничтожено раз-
личіе между „придворною знатью“ (*kude*) и „военною знатью“
(*buke*); всѣ они слились въ одно почетное сословіе (*kuagokou*);
затѣмъ многочисленные классы, надѣленные наслѣдственнымъ и
личными привилегіями и объединяемые обыкновенно подъ однимъ
общимъ названіемъ самураевъ, были раздѣлены на двѣ сослов-
ныхъ группы *sizokou* и *soiso*. Но декретомъ 8 марта 1872 г. *sot-*
soi были уничтожены, а люди, принадлежавшіе къ этой сослов-
ной группѣ, были частью возведены въ достоинство *sizokou*, частью
отнесены къ непривилегированнымъ народнымъ массамъ. Еще
раньше, 12 октября 1871 г., были уничтожены касты про-
звѣнныхъ профессій (*hipin* и *eta*). Въ это же самое время было
объявлено, что для всѣхъ гражданъ Японіи безъ различія ихъ
занятія, сословія и положенія должны существовать одни общіе
суды (1870—1871 гг.). Смѣщенію сословій былъ данъ далѣе
толчекъ разрѣшеніемъ каждому заниматься какимъ ему угодно
ремесломъ и профессіей (1871 г.), допущеніемъ смѣшанныхъ
между сословіями браковъ (1871 г.), актами усыновленія, не стѣс-
няемыхъ происхожденіемъ усыновляемаго (1873 г.), припиской къ
простонародью младшихъ вѣтвей знати (1874 г.) и къ сословію
sizokou—чиновниковъ изъ простонародья и ихъ дѣтей (1872 г.).
Такимъ образомъ, тѣ сословные начала, на которыхъ держался
феодализмъ, были значительно ослаблены и уступили мѣсто но-
вымъ общественнымъ отношеніямъ, которыхъ дѣлали совершенно
невозможнымъ возвратъ феодализма къ жизни.

Но феодализмъ, тѣмъ не менѣе, далеко еще не былъ вырванъ
съ корнемъ. Если были слажены отношенія между сословными

группами, существовавшими среди населенія, то тѣмъ болѣе должны были быть уничтожены привилегіи, существовавшія для различныхъ группъ землевладѣнія. И мы видимъ дѣйствительно, что государство поспѣшило въ этомъ направлѣніи предпринять рядъ реформъ.

Кромѣ земель, принадлежавшихъ кланамъ, существовали многочисленныя владѣнія, которые были дарованы на различныхъ льготныхъ основаніяхъ разнымъ знатнымъ семьямъ, самураямъ, буддійскимъ монастырямъ, шинтоистскимъ храмамъ. Имперское правительство съ самого момента реставраціи императорской власти, т. е. съ 1868 г., стало дѣлать попытки возвратить себѣ эти владѣнія. Иногда оно объявляло ихъ своею собственностью, и вступало во владѣніе ими безъ всякаго вознагражденія съ своей стороны прежнему собственнику; нѣкоторымъ буддійскимъ монастырямъ и большинству шинтоистскихъ храмовъ оно оставило часть ихъ обработанной земли; большинству знатныхъ и самурайскихъ семействъ оно стало выплачивать пенсію, въ размѣрѣ ихъ дохода. Операциѣ эта затянулись на нѣсколько лѣтъ. Часть владѣній, на которыхъ государство такимъ путемъ восстановило свои права, вошло въ число государственныхъ земель; пахотныя земли были уступлены отчасти частнымъ лицамъ, нѣрѣдо фермерамъ, или арендаторамъ, которые ихъ воздѣльвали. Во всѣхъ этихъ мѣрахъ сквозило не столько преслѣдованіе непосредственныхъ интересовъ фиска, сколько желаніе ввести однообразныя законодательныя нормы въ области землевладѣнія для того, чтобы подготовить правильную раскладку поземельныхъ налоговъ. Слѣдовало также подвести подъ общее обложение всѣ тѣ земли, которая съ давнихъ порь были освобождены отъ всякихъ сборовъ. Наконецъ, къ началу 1872 г. были стерты всѣ юридическія различія въ области землевладѣнія. Въ февралѣ того же года приступлено къ cadastru. Въ мартѣ разрѣшена продажа земель, запрещенная или стѣсненная въ различныхъ частяхъ Японіи; въ январѣ 1873 г. была установлена общая система ипотеки.

Но и за всѣмъ тѣмъ феодальный порядокъ оставался всетаки еще нетронутымъ во многихъ отношеніяхъ. Дайміосы, правда, лишились всѣхъ своихъ сюзеренныхъ правъ, но цѣлый рядъ административныхъ особенностей феодального строя продолжалъ дѣйствовать въ жизни: такъ, напримѣръ, губернаторская власть сдѣлалась наследственной привилегіей дайміосовъ; налоги и подати собирались не довѣренными чиновниками имперіи, а самими губернаторами; новые губернаторы по прежнему оставались главнокомандующими у себя на мѣстахъ надъ военными силами, которыхъ по прежнему состояли изъ самураевъ; губернаторы въ своихъ округахъ сохранили право назначать и снимать всѣхъ чиновниковъ. Однимъ словомъ, новый порядокъ носилъ на себѣ все слѣды до-

вольно неудачного компромисса между старыми историческими традициями и новыми началами.

Недостатки этого компромисса давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Съ одной стороны, лучшіе элементы общества тяготились тѣми преимуществами, которыхъ оставлялись на ихъ долю. Такъ, напримѣръ, губернаторъ Токусимы (Ава) со всѣми своими самураями перешелъ въ сословіе земледѣльцевъ. Было дальше нѣсколько случаевъ, когда губернаторы сами признавали себя неспособными къ отправленію тѣхъ административныхъ обязанностей, которыхъ налагались на нихъ наследственнымъ правомъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ дайміосовъ жертвовали въ пользу народа свои дворцы и храмы своихъ предковъ. Самураи Котон (Тоза) отказались отъ своихъ привилегій на пенсію. Съ другой стороны, неспособность тѣхъ или другихъ губернаторовъ заставляла центральное правительство постоянно вмѣшиваться въ мѣстные дѣла; было открыто нѣсколько заговоровъ; кое-гдѣ въ провинціи поднимались волненія самураевъ; чиновники отдѣльныхъ областей или отказывались повиноваться, или становились на сторону беспокойныхъ элементовъ общества. Въ Тсивудзенѣ въ 1871 г. цѣлая группа чиновниковъ была изобличена въ изготовлении фальшивой монеты: сорокъ шесть человѣкъ изъ нихъ были присуждены къ тяжелымъ наказаніямъ, а губернаторъ лишенъ власти; на его мѣсто былъ назначенъ принцъ Арисугава,—это былъ первый случай, когда кланъ пересталъ управляться своими членами. Въ нѣкоторыхъ кланахъ распоряженія центрального правительства получались, но никогда не исполнялись. Очевидно, что дѣло въ такомъ положеніи долго оставаться не могло,—тѣмъ болѣе, что со стороны сторонниковъ реформъ все громче и громче стали раздаваться жалобы на то, что правительство боится дѣлать дальнѣйшіе рѣшительные шаги. Среди выдающихся дѣятелей того времени сложилась тайная организація, которая выдвинула программу дальнѣйшихъ реформъ, широко охватывавшую самыя разнообразныя стороны государственной жизни: императорскій домъ, личный составъ правительственного и административного механизма, армию и флотъ, финансы, народное образованіе, иностранную политику.

Все это побуждало новое правительство развертывать свою реформаторскую дѣятельность и стремиться къ окончательному освобожденію отъ остатковъ феодального строя.

Второго апрѣля 1871 г. былъ изданъ декретъ, учреждавшій императорскую гвардию, которая должна была зависѣть только отъ одного правительства. Она должна была образоваться изъ войскъ, выдѣленныхъ кланами. Къ концу мая гвардія была сформирована; она являлась теперь ядромъ будущей императорской арміи и дѣлала правительство въ военномъ отношеніи независимымъ отъ клановъ. Такое положеніе дѣла, конечно, вызвало броженіе среди нѣкоторыхъ клановъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ

реформахъ иные изъ нихъ видѣли не коренную ломку государственного порядка, а лишь временный успѣхъ нѣсколькихъ болѣе сильныхъ клановъ. Однако, броженіе это не дало сколько-нибудь крупныхъ результатовъ, такъ какъ общественное мнѣніе было уже подготовлено къ этой реформѣ въ достаточной степени, а сама реформа была проведена съ достаточной обдуманностью и осмотрительностью.

Такою же осторожностью и продуманностью, такимъ же пониманіемъ психологіи активныхъ массъ данного исторического момента отличаются и дальнѣйшіе шаги руководителей партии реформъ. Мы только что видѣли, что правительству удалось освободиться отъ феодальной опеки въ дѣлѣ организаціи военныхъ силъ; то же теперь ему предстояло сдѣлать и въ сферѣ гражданскаго управления. Иначе говоря, оно должно было отнять у эксплойтаторовъ ихъ послѣднія права и привилегіи, которыхъ имъ принадлежали, какъ наследственнымъ губернаторамъ своихъ провинцій. Это было сдѣлано 29 августа того же 1871 г., когда декретъ объявилъ, что кланы уничтожаются, а образуются префектуры. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, партія реформъ постаралась такъ съорганизовать министерство, чтобы въ него входили представители всѣхъ наиболѣе могучихъ клановъ. И, действительно, мы видимъ министерские портфели къ этому моменту въ рукахъ членовъ клановъ Сатзума, Хошиу, Хидзенъ и Тоза. И, тѣмъ не менѣе, правительство сильно побаивалось, что этотъ рѣшительный ударъ отжившему феодальному строю можетъ вызвать движеніе въ странѣ. Однако, къ счастью, этого не случилось. Губернаторы, бывшіе дайміосы, были созваны въ Токіо; имъ было приказано поселиться въ этомъ городѣ; государство обязалось выплачивать имъ пенсіи въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ тѣхъ доходовъ, которые они получали въ своихъ ленахъ. Имъ разрѣшено было путешествовать за границу. Въ провинціи были назначены префекты, непосредственно зависившіе отъ императора. Молодое правительство располагало теперь не только самостоятельнымъ войскомъ, но и своей администрацией, и своимъ фискомъ, такъ какъ налоги съ тихъ поръ должны были собираться императорскими чиновниками.

Но какъ ни далеко ушло правительство на пути реформированія страны, на лицо всеетаки оставался одинъ изъ самыхъ основныхъ устоевъ феодального строя: военные силы государства все еще опирались на отдельный классъ общества, контингентъ войскъ все еще пополнялся изъ однихъ самураевъ. Декретъ 28-го декабря 1872 г. расшаталъ, наконецъ, и эту послѣднюю опору феодального правопорядка, положивъ основаніе всеобщей воинской повинности. Но еще и до этого правительство подготовило умы, предложивъ самураямъ прекратить обычай ношенія двухъ сабель и другихъ вышнихъ признаковъ ихъ общественного положенія. Съ паденіемъ феодализма отжили свой вѣкъ и самураи.

Однако, государство не могло предоставить самураевъ самимъ себѣ. Ихъ насчитывалось въ то время около 400,000 человѣкъ, а со всѣми ихъ женами и дѣтьми около 2,000,000. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ они привыкли жить на счетъ государства, исполняя только военная функціи и даже съ презрѣніемъ относясь къ мирнымъ профессіямъ и различнымъ средствамъ приобрѣтенія презрѣнаго металла. Теперь, при измѣнившихъ условіяхъ, наиболѣе способные и подвижные элементы пристроились при новомъ порядкѣ общественныхъ отношеній, другіе, болѣе мирные и, быть можетъ, мѣрѣ честолюбивые и сильные, возвратились въ ряды крестьянскихъ и ремесленныхъ массъ. Но, во всякомъ случаѣ, все это была небольшая доля двухмилліонной арміи самураевъ. Какъ же было поступить съ остальными? Неужели же отдать ихъ на произволъ всѣхъ случайностей, на которыхъ были обречены эти созидатели новой Японіи, въ большинствѣ случаевъ сами оказавшіеся не въ силахъ приспособиться къ новымъ условіямъ существованія? Нѣтъ, это было бы слишкомъ безжалостно, это могло бы вызвать цѣлый рядъ волненій, вооружить противъ нового правительства общественное мнѣніе. Нѣтъ, на это правительство не могло рѣшиться ни съ точки зренія справедливости, ни съ точки зренія своей безопасности. Выходъ оставался одинъ,—приходилось взять на себя тѣ обязательства, которыя существовали между феодалами и самураями въ то время, когда эти послѣдніе составляли военную силу страны. Приходилось принять на себя уплату тѣхъ доходовъ, которые они получали, были ли то доходы пожизненные или наследственные. Государство такъ и сдѣлало. Оно приняло на себя выплату всѣхъ такихъ доходовъ, которые составляли до 20,000,000 руб. ежегодно. Нечего и говорить, что эта огромная сумма для молодой имперской казны вскорѣ оказалась совершенно непосильной. Государство прибѣгло тогда (въ 1873 г.) къ выкупу. При этомъ половину своихъ обязательствъ оно уплачивало наличными деньгами, а половину восемипроцентными свидѣтельствами съ такимъ расчетомъ, что, напримѣръ, лицо, имѣвшее наследственную пенсию въ 1,000 руб., получало сразу сумму въ 3.000 руб., если только соглашалось затѣмъ пользоваться ежегоднымъ доходомъ лишь въ 240 руб., а лицо, имѣвшее пожизненную пенсию тѣхъ же размѣровъ, получало единовременно 2.000 руб. и затѣмъ ежегодный доходъ въ 160 руб. Условія эти были прямо невыгодными, и тѣмъ не менѣе, хотя выкупъ не былъ обязательнымъ,—большинство самураевъ произвело предложенный правительствомъ обмѣнъ обязательствъ. Что принуждало ихъ къ этому? Однихъ, несомнѣнно, боязнь, что несогласіе на подобныя условія можетъ вызвать въ недалекомъ будущемъ предложеніе еще худшихъ; другихъ—убѣжденіе, что этимъ размѣромъ они совершаютъ патріотическое дѣло, помогаютъ своей родинѣ выступать изъ сложнаго и опаснаго положенія; и такихъ мы должны

считать не малое количество. Нечего и говорить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти „выкупныя свидѣтельства“ (подъ конецъ обязательныя) были проѣдены и пропиты такъ же бестолково, какъ проїдались и пропивались „выкупныя свидѣтельства“ нашимъ дворянствомъ приблизительно въ то же самое время. Но „оскундніе“ пришло въ дворянскіе японскіе роды позднѣе, когда государство успѣло совершенно окрѣпнуть и когда для него уже не страшно было недовольство не сумѣвшихъ пристроиться къ тому времени сравнительно немногочисленныхъ элементовъ общества.

Такъ завершилась японская революція—расчеты новой жизни со старыми традиціями. Какъ быстро и энергично прошла эта ломка старыхъ устоевъ и замѣна ихъ новыми! Въ самомъ дѣлѣ, отъ паденія шогуната до полного расчета съ самураями прошло всего какихъ-нибудь пять лѣтъ (1868—1873 г.). А вѣдь буквально камня на камнѣ не осталось: организація правительства, сословное дѣленіе общества, фискальная система, войско и флотъ, иностранная политика—все это было подвергнуто коренной перестройкѣ. Какія же огромныя силы нужны были для этого! Да, силы эти были велики, но въ нихъ нѣтъ ничего специфически-японского.

IV.

Партія реформъ состояла всетаки изъ очень пестрыхъ элементовъ. Стоить только вспомнить крайнихъ и умѣренныхъ, объединившихся для борьбы съ шогунатомъ, чтобы понять, что эти разнородныя теченія не могли слиться въ одинъ потокъ послѣ того, какъ имъ удалось опрокинуть главное препятствіе, загораживавшее выходъ въ новое русло политической жизни страны.

И, дѣйствительно, мы видѣли, что уже первые шаги имперіализма были обставлены такъ, чтобы соперничающимъ силамъ была предоставлена возможность принимать одинаковое участіе въ дѣлахъ управлениія. Императоръ далъ клятву созвать совѣщательное собраніе и управлять страной согласно требованиямъ „общественного мнѣнія“, выражателами котораго считались феодалы и самураи. Руководители тогдашней политики предполагали, что это совѣщательное собраніе объединитъ у. кормила правлениія наиболѣе активные и наиболѣе сильные элементы общественной жизни тогдашней Японіи. Однако, послѣдовавшія событія не оправдали этихъ надеждъ.

Восемнадцатаго апрѣля 1869 г. (на слѣдующій день послѣ принесенія императоромъ вышеприведенной присяги) было созвано это совѣщательное собраніе—*kogisho* (парламентъ), какъ его громко назвали. Но оказалось, что гора родила мышь. Члены этого собѣщанія явились сюда по назначенню своихъ дайміосовъ и въ

громадномъ большинствѣ представляли безпѣтную массу среднихъ людей, совершенно не способныхъ разобраться въ данномъ историческомъ моментѣ и зараженныхъ всѣми сословными предразсудками и традиціями данной группы. Почти всѣ члены этого совѣщательного собранія были самураями изъ различныхъ клановъ.

Характерными для этого *kogisho* фактами будетъ то, что предложеніе правительства относительно уничтоженія обычая *hagakiri* провалилось въ этомъ парламентѣ большинствомъ двухсотъ голосовъ противъ трехъ, а предложеніе одного изъ выдающихся дѣятелей того времени, Мори Аринори, о лишеніи самураевъ права носить мечи было отвергнуто собраниемъ единодушно. Лишенное всякой возможности непосредственно вліять на законодательство, совершенно неспособное уловить и быть выразителемъ мнѣнія лучшей и активной части японского общества, *kogisho* превратилось въ вялый политический клубъ, совершенно не интересовавшій общество и являвшійся какой-то смѣшной пародіей на парламентскій режимъ. Онъ вскорѣ совсѣмъ прекратилъ свое существование.

Такимъ образомъ, надежды на совѣщательное собраніе, какъ на средство объединить разношерстные элементы партіи реформъ, рухнули. А между тѣмъ разны во взглядахъ относительно того момента, гдѣ должны остановиться реформы и къ чему изъ заявленнаго исторіей не должны были прикасаться реформаторы, все увеличивалась и въ японскомъ обществѣ, и среди руководителей тогдашней политики. Особенно большія разногласія вызвали реформы, направленные къ уничтоженію самураевъ, какъ обособленнаго военного класса. Изъ двухмилліонной массы самураевъ, конечно, нашлось не мало такихъ, которые не могли простить правительству этого удара ихъ гордости и всему распорядку ихъ жизни. Чувствовалось, что недовольство значительной части самураевъ должно такъ или иначе прорваться. Но правительство представляло изъ себя къ этому моменту довольно компактную организацію; должны были поэтому организоваться и недовольные самураи, если хотѣли добиться какихъ-нибудь реальныхъ результатовъ. Имъ нуженъ былъ для этого прежде всего сильный и искусный вождь. И такой вождь нашелся.

Среди выдающихся дѣятелей того времени мы встрѣчаемъ пять имёнъ: Ивакура и Санджо, вышедшихъ изъ рядовъ придворной знати, Сего и Окубо, самураевъ изъ Сатазумы, и Кидо, самурая изъ Хошиу. Четверо изъ нихъ были искренними реформаторами, не любившими останавливаться ни передъ какими традиціями, когда дѣло шло о томъ, чтобы обеспечить родинѣ новый, болѣе правильный порядокъ жизни. Не таковъ былъ Сего. Въ его міросозерцаніи было много романтики, много привязанности къ старинѣ. Даже въ борьбѣ съ шогуномъ онъ видѣлъ лишь средство возвеличенія своего собственного клана. Онъ собствен-

ными руками способствовалъ паденію шогуна. И что же? Не прошло и пяти лѣтъ, какъ за шогунатомъ палъ феодализмъ, и потокъ реформъ унесъ съ собою всѣ привилегіи военного класса самураевъ, смыслъ его съ почвы родной Японіи. Нѣтъ, Сего съ этимъ не могъ примириться. Какъ только онъ почувствовалъ, что жизнь начинаетъ обманывать его, что своей собственной работой онъ подкашиваетъ подъ дорогіе ему устои, онъ удалился къ себѣ въ Сатазуму и задумалъ обширный и дерзкій планъ не уступать реформаціонному теченію правъ стараго военного класса самураевъ. Средство оставалось одно—поднять оружіе противъ зарвавшагося, чо его мнѣнію, правительства и вызвать возстаніе самураевъ. И Сего рѣшился на эту мѣру и началъ дѣятельно готовиться къ реализаціи своего смѣлого плана.

Пользуясь своимъ вліяніемъ въ имперскомъ правительстве и у мѣстныхъ властей, онъ укрѣпилъ нѣсколько крѣпостей, сдѣлалъ запасы пороха, наполнилъ арсеналы оружіемъ, открылъ множество частныхъ военныхъ школъ, въ которыхъ учащаяся молодежь образовала иѣчто въ родѣ военныхъ братствъ, воспитывавшихся въ духѣ ненависти къ новому режиму. Кроме того, надо сказать, что открытый, смѣлый и благородный характеръ Сего невольно привлекалъ къ нему сердца самураевъ: онъ былъ идоломъ этого военного класса. Мѣстныя обстоятельства сильно помогали выполненію его замысловъ. Сатазума въ началѣ семидесятыхъ годовъ сохранила за собой феодальную организацію, и ея правитель Ой-яма былъ личнымъ другомъ Сего.

Въ это же время запутался нѣсколько и корейскій вопросъ. Начиная съ шестнадцатаго столѣтія, когда на полуостровѣ обрушились японскія войска подъ предводительствомъ Хидейоши, Корея стала отправлять посольства въ Японію для поздравленій съ восшествіемъ на престолъ каждого изъ шогуновъ. Теперь, когда строй японскаго государства измѣнился, Корея не только отказалась относиться къ своей сосѣдкѣ съ уваженіемъ, но приняла даже вызывающій образъ дѣйствій: она отказалась принять къ себѣ японскаго посланника. Такое поведеніе свидѣтельствовало какъ будто о томъ, что новое правительство не можетъ заставить уважать себя. Это сильно задѣвало национальное самолюбіе и давало лишній козырь въ ходѣ противъ правительства.

Но правительство не могло вступить на путь вооруженнаго давленія на Корею: всеобщая воинская повинность была объявлена совсѣмъ еще недавно, новыя войска только что обучались военному искусству; кроме того, оно слишкомъ было занято и внутренними мирными реформами. Партия мира восторжествовала. Сего, надѣявшійся корейской экспедиціей спасти положеніе самураевъ, которымъ пришлось бы сыграть въ ней видную роль въ виду существовавшаго недостатка въ регулярныхъ войскахъ, совершенно порвалъ свои отношенія съ правительствомъ. Въ это

же время, въ 1874 г., на той же самой почвѣ вспыхнуло восстание подъ предводительствомъ Іето Шимпеня, который безуспешно пробовалъ втянуть въ свое предпріятіе Сего и лозунгомъ кото-
рого было: война съ Кореей, восстановленіе дайміосовъ, изгнаніе иностраницъ! Съ этимъ восстаніемъ правительство справилось довольно легко, хотя Тайсукі одновременно съ этимъ поднялъ въ странѣ агитацию за введеніе представительного правленія, опираясь главнымъ образомъ на клятву, принесенную императоромъ. Но все это были не опасные враги. Наибольшій страхъ внушиалъ правительству Сего.

А между тѣмъ судьба, какъ нарочно, давала ему чрезвычайно удобные для агитациіи факты. Надо вспомнить, что къ этому моменту какъ разъ относятся акты окончательной ликвидации отношеній правительства къ самураямъ. Въ это же время имѣли мѣсто два события въ сферѣ иностранной политики, которые еще больше подлили масла въ огонь. Одно изъ нихъ была формозская экспедиція. Полудикии Формозы напали на японцевъ, по терпѣвшихъ у ихъ береговъ кораблекрушеніе, и нѣкоторыхъ изъ нихъ убили. Японія потребовала удовлетворенія отъ Китая, которому тогда принадлежала Формоза; но удовлетворенія не получила. Тогда она послала туда свои войска, которая, конечно, легко остались побѣдителями надъ дикарями. Но во всей этой исторіи Японія, подъ давленіемъ иностранныхъ державъ, дѣйствовала съ большой нерѣшительностью и кончила тѣмъ, что отправила въ Пекинъ посольство, которому было предписано во что бы то ни стало заключить съ Китаемъ миръ.

Вторымъ событиемъ, которое въ глазахъ народа опять таки было минусомъ по отношенію къ иностранной политикѣ правительства, было неожиданное нападеніе корейцевъ на японскій пароходъ, зашедший въ одну изъ корейскихъ гаваней за углемъ и провіантомъ. Японское правительство и тутъ уклонилось отъ войны. Вместо того, чтобы немедленно, какъ этого ожидали многіе, высадить въ Кореѣ войска и начать военные дѣйствія, японское правительство предпочло воспользоваться уроками, которые ей еще такъ недавно дали западно-европейскія державы и сѣверо-американскіе Соединенные Штаты. Оно послало эскадру, чтобы угрозой пушекъ вырвать у Кореи мирный договоръ. Этого ему и удалось. Но национальное самолюбіе у многихъ не могло примириться съ подобной умѣренной программой дѣйствія.

Итакъ, недовольство правительствомъ, его новшествами и иностранной политикой росло и крѣпло особенно среди самураевъ. Начались вооруженные протесты. Нѣсколько отрядовъ самураевъ, вооруженныхъ старымъ оружіемъ, напали на одну крѣпость и перебили или переранили около трехсотъ человѣкъ гарнизона, а затѣмъ бѣжали въ прилежащія горы, где и погибли сами отъ своихъ рукъ. Этотъ примѣръ нашелъ подражателей еще:

въ двухъ мѣстахъ. Очевидно, событія достаточно назрѣли. Ни правительству, ни самураямъ Сатагумы нельзя было дольше держаться выжидательной политики. Тогда возсталъ и Сего; подъ его предводительствомъ собралось около 30.000 человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ западно-европейскимъ оружиемъ солдатъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ принадлежавшихъ къ са-, мурамъ, семейной профессіей которыхъ была военная служба. Въ распоряженіи правительства въ данный моментъ оказалось такое же по численности войско, но то было войско молодое, не испытанное, недавно оторванное отъ сохи и ремеселъ. Событія, однако, благопріятствовали правительству. Сего позамѣштался при осадѣ одной попутной крѣпости. Это и спасло правительство: оно успѣло собраться съ силами. Завязалась упорная борьба между правительствомъ обновленной Японіи и отжившей военной организаціей японскаго феодализма. Борьба была кровопролитная. Она началась 29 января 1877, а кончилась 24 сентября того же года смертью, добровольной или въ битвѣ, почти всѣхъ предводителей этого повстанческаго движенія. За это время въ рядахъ правительственныхъ войскъ перебывало до 66.000 человѣкъ, у повстанцевъ до 40.000. Общий уронъ, пришедший на раненыхъ и убитыхъ, достигъ 35.000 человѣкъ, или 33% всѣхъ сражавшихся.

Правительство восторжествовало. Съ нимъ окончательно восторжествовалъ и новый порядокъ. Если бы самураи Сатагумы одержали верхъ, то несомнѣнно, что ходъ японской исторіи былъ бы задержанъ, быть можетъ, на много лѣтъ возвратомъ къ феодальнымъ пережиткамъ. Въ этой же борьбѣ правительство окончательно завоевало симпатіи націи: оно доказало явно всѣ преимущества нового государственного строя. Противъ цвѣта самураевъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе жившихъ военнымъ дѣломъ, выступили войска, не особенно превосходившія численностью и состоявшія изъ крестьянъ, ремесленниковъ и купцовъ, и одержали блестящія побѣды надъ этими профессіоналами военнаго дѣла, прекрасно вооруженными и находившимися подъ предводительствомъ выдающихся вождей.

Побѣда правительства еще больше расположила народныхъ массы къ нему, благодаря удивительной умѣренности, съ которой оно отнеслось къ побѣженнымъ повстанцамъ. Достаточно сказать, что, спустя какіянибудь 12 лѣтъ (въ февраль 1889 г.), императоръ возвратилъ уцѣльвшимъ вождямъ возстанія всѣ ихъ титулы и почести.

Но въ то же самое время, когда правительство вело свою послѣднюю борьбу съ послѣдними представителями старого режима, оно продолжало и свою созидательную работу. Мы видѣли, какъ много сдѣлало оно ради демократизаціи общества; не менѣе за это время было имъ сдѣлано и для проведения въ японскую жизнь всѣхъ формъ западно-европейской культуры. Оно съ лихора-

дочной поспѣшностью устраивало желѣзныя дороги, доки, маяки, рудники, желѣзные и мѣдные заводы, устанавливало телеграфныя сообщенія, усовершенствовало почтовыя сношенія. Оно занялось кодификацией и пересмотромъ законовъ, устранило изъ судебнаго процесса пытки, отмѣнило эдикты, изданные противъ христіанства, разрѣшило изданіе газетъ, установило декретомъ 1875 г. „*Gento-in*“ (родъ сената), на обязанности котораго лежало изданіе законовъ, и „*Daishin-in*“, чтобы укрѣпить юридический авторитетъ судовъ; оно созывало съездъ префектовъ.

Если всѣ мѣры, клонившіяся къ демократизаціи общества, вели къ тому, что масса японскаго народа становилась компактнѣе, по крайней мѣрѣ, съ точки зренія общихъ правъ личности, что общественное мнѣніе страны стало опираться на болѣе широкіе слои населенія и вырабатывать болѣе широкія положенія, то, съ другой стороны, потокъ новыхъ идей и начинаній въ области материальной культуры заставилъ передовыхъ людей внимательнѣе присматриваться къ источнику этой культуры—къ западно-европейскимъ государствамъ и Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, изучать ихъ не только по книгамъ и чертежамъ, а и путемъ личнаго наблюденія, личнаго знакомства съ ними. Отсюда—необходимость путешествій въ эти еще не такъ давно запретныя страны. И мы, дѣйствительно, видимъ, что цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей Японіи путешествуетъ въ Америку и Западную Европу, подолгу остается тамъ и сживаются не только съ материальными сторонами жизни культурныхъ народовъ, но и съ духовными условіями ихъ существованія. Японскіе передовые дѣятели недаромъ дышали въ этихъ путешествіяхъ конституціоннымъ воздухомъ культурныхъ государствъ Европы и Америки. Они вынесли изъ этихъ путешествій глубокое убѣжденіе въ преимуществахъ представительного правленія. Имъ тѣмъ легче было усвоить эту мысль, а затѣмъ пропагандировать ее у себя на родинѣ, что сама Японія, какъ мы видѣли, никогда долго не была абсолютной монархіей, а почти всегда фактическая власть была отдѣлена отъ nominalnаго ея источника. Эти идеи они привезли къ себѣ на родину. Достаточно будетъ привести два-три наиболѣе выдающихся примѣра, чтобы охарактеризовать настроеніе лучшей части тогдашней японской интеллигенціи.

Такъ, Ивакура, глава одного изъ посольствъ, въ отвѣтъ на тостъ, предложенный въ честь его въ Англіи, сказалъ, между прочимъ: „Мы теперь въ достаточной степени ознакомились со многими изъ вашихъ учрежденій и убѣдились, что своимъ успѣхомъ они обязаны свободному и энергичному духу, ихъ проникающему“...

Графъ Ито въ своей рѣчи въ Санть-Франциско говорилъ: „находясь въ абсолютномъ подчиненіи у деспотическихъ правителей въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, нашъ народъ не зналъ

свободы мысли. Теперь вмѣстѣ съ материальными прогрессомъ онъ научился понимать свои права, которыя вѣками не признавались за нимъ".

Подобные же взгляды мы находимъ въ докладной запискѣ, поданной въ 1873 г. правительству графомъ Инуе, бывшимъ министромъ земледѣлія и торговли.

Тѣ же идеи очень часто стали высказываться и въ литературѣ, и въ каѳедрѣ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ ученыхъ этого времени, Фукузава, неустанно твердилъ, что правительство существуетъ для народа, а не народа для правительства.

Но особенно большія заслуги въ дѣлѣ пропаганды представительного правленія принадлежать Итагаки Тайсуки, занимавшему одно время министерское кресло. Агитаторская дѣятельность его относится главнымъ образомъ къ тому же четырехлѣтію 1873 — 1877, когда дѣйствовалъ и Сего. Только Сего сосредоточилъ свои силы въ Сатзумѣ, а Итагаки въ Тогѣ.

Итагаки не упускалъ ни одного момента, удобнаго для пропаганды своихъ идей. Такъ, агитировалъ онъ во время осложненій съ Кореей и особенно въ годъ борьбы правительства съ Сего. Дождавшись момента, когда междуусобная борьба достигла своего высочайшаго напряженія, Итагаки обратился къ правительству съ памятной запиской, въ которой обвинялъ администрацію въ стремлении заглушить голосъ общественнаго мнѣнія, въ узурпациіи власти, исключавшей самодѣятельность націи; въ стремлѣніи понизить, а не повысить общій тонъ жизни, такъ какъ самураи были низведены на степень простолюдиновъ, а не простолюдины путемъ образованія подняты до уровня самураевъ. Записка эта, далѣе, требуетъ представительного собранія и говорить о народныхъ правахъ. Но Итагаки въ своемъ проектѣ представительного собранія имѣлъ въ виду лишь привилегированные классы. Онъ со своими сторонниками полагалъ, что, пока народъ необразованъ, пока не искусился въ общественной и политической жизни, не слѣдуетъ передавать управление страной въ его руки. Онъ и его сторонники возмущались только тѣмъ, что, хотя реставрація императорской власти была дѣломъ всѣхъ самураевъ, фактической властью овладѣли представители лишь четырехъ клановъ. Онъ думалъ, что необходимо дать возможность участія въ управлениі всѣмъ самураямъ, и онъ готовъ было первоначально удовольствоваться представительнымъ собраніемъ, состоявшимъ наполовину изъ официальныхъ лицъ, наполовину изъ самураевъ, не занимающихъ никакого правительственного поста.

Но правительству сначала казались опасными даже эти проекты. Однако жизнь повернула его въ сторону представительного правленія скорѣе, чѣмъ этого можно было ожидать.

Весною 1878 г. былъ убитъ министръ Окубо Тошиимитсу. Являясь однимъ изъ самыхъ видныхъ членовъ правительства, онъ

волей-неволей бралъ на себя ответственность за многое, что совершалось этимъ правительствомъ; благодаря такому положению вещей, онъ считался главнымъ виновникомъ неудачи и паденія Сего; вотъ почему нѣсколько сторонниковъ этого защитника самураевъ и направили удары своихъ книжаловъ на Окубо. Убійцы тотчасъ же сами отдались въ руки правосудія, позабывши напередъ распространить въ широкихъ кругахъ общества тѣ мотивы, которыми они руководились при совершенніи своего преступленія. Оказывалось, что однимъ изъ главныхъ преступлений правительства эти люди считали неспособность его установить представительное правленіе. Убійство Окубо не терроризировало правительство: японцы люди мужественные. Но оно заставило его серьезно задуматься о томъ, что эти акты насилия противъ представителей власти, которые за послѣднее время стали повторяться все чаще и чаще, едва ли могутъ быть признаны явленіемъ случайнымъ, а не коренятся глубоко въ условіяхъ переживаемой эпохи. Правительство рѣшило ускорить намѣченные имъ шаги.

Два мѣсяца спустя послѣ смерти Окубо, былъ изданъ эдиктъ, которымъ устанавливались выборные собрания для мѣстного самоуправления въ различныхъ городахъ и префектурахъ. Мы не будемъ останавливаться на организаціи этихъ мѣстныхъ парламентовъ. Скажемъ только, что, какъ ни узка была сфера ихъ дѣйствія, они дали возможность на своихъ ежегодныхъ сессіяхъ выработать цѣлому ряду политическихъ дѣятелей.

Но эти мѣстныя собрания не могли, конечно, удовлетворить Итагаки и его сторонниковъ, которые стремились ограничить власть установившейся около престола олигархіи. Итагаки удвоилъ свою агитацию. Онъ организовалъ своихъ сторонниковъ въ сообщество, названное *Ziyou-to* (либералы), которое и составило первую политическую партію въ Японіи. Либералы подвергались за свои рѣчи и статьи сильнымъ гоненіямъ со стороны правительства.

Въ 1881 г. въ правительственный олигархіи произошло дальнѣйшее расщепленіе. Изъ кабинета вышелъ талантливый Окума Шигенобу, министръ финансовъ, и тотчасъ всталъ въ оппозицію къ существующему правительству. На своемъ революціонномъ знамени онъ написалъ: „представительное правленіе“ и образовалъ партію прогрессистовъ, включившую въ свои ряды много выдающихся общественныхъ дѣятелей эпохи. Образованіе новой и при томъ сильной оппозиціонной партіи показало правительству, что движение въ сторону представительного правленія захватило значительную долю массъ, активныхъ въ данный исторический моментъ. Приходилось идти еще и еще дальше на уступки. Вскорѣ за удалениемъ изъ кабинета Окумы, въ томъ же 1881 г.,

правительство объявило, что черезъ десять лѣтъ имъ будетъ созвано национальное собрание.

Этимъ актомъ правительство собственно отнимало у оппозиціи главное оружіе, такъ какъ послѣдняя не могла надѣяться ускорить введеніе парламентскаго режима и вмѣстѣ съ тѣмъ не могла оспаривать тѣхъ принциповъ, на которыхъ правительство предполагало организовать представительное правленіе, такъ какъ правительство хранило на этотъ счетъ вполнѣшее молчаніе. Однако, ни либералы, ни прогрессисты не сложили своего оружія и направили свои удары главнымъ образомъ противъ личнаго состава правительства, стараясь всѣми силами возбуждать будущихъ избирателей противъ тѣхъ, кто въ настоящее время стоялъ у кормила правленія.

При такихъ условіяхъ борьба приняла особо-острый характеръ. Правительство прибѣгло къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ для полицейского государства репрессіямъ: закрытіе стѣздовъ и собраній по усмотрѣнію администрації, конфискація и запрещеніе газетъ по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, высылка изъ столицы по усмотрѣнію полицейскихъ властей, административное рѣшеніе политическихъ дѣлъ, арестъ и содержаніе въ тюрьмахъ на основаніи одного только подозрѣнія и тому подобныя мѣры полицейского произвола практиковались въ это время въ широкихъ размѣрахъ. Отвѣтомъ служили заговоры на жизнь министровъ и даже попытки воспользоваться динамитомъ. Какъ бы то ни было, японское интеллигентное общество нашло въ себѣ мужество въ теченіе всего периода ожиданія парламентскаго режима вести смѣлую и открытую противоправительственную борьбу, хотя правительство въ это же самое время было занято не только политической борьбой съ оппозиціонными силами общества, но и выполненіемъ широкой реформаторской программы.

При условіяхъ такой борьбы правительство, конечно, не только не могло позабыть своего обѣщанія или отсрочить его выполненіе, но даже поторопилось съ проведеніемъ его въ жизнь. Национальное собрание было открыто не въ 1891 г., а на годъ раньше.

Въ 1890 г., следовательно, была провозглашена конституція. Рядъ блестящихъ празднествъ сопровождалъ это выдающееся въ жизни націи событие.

Но въ этотъ же великий для Японіи день произошелъ случай, который показывалъ, какъ много своеобразнаго сохранилось въ нравахъ этой страны, не смотря на всю ту лихорадочную спѣшку, съ которой она впитывала въ себя соки западно-европейской культуры. Въ этотъ день былъ убитъ министръ народнаго просвѣщенія виконтъ Мори, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей молодой Японіи. Онъ палъ отъ руки юноши, едва достигшаго совершеннолѣтія. Мотивомъ къ убийству послужило желаніе отом-

стить Мори за его яко-бы непочтительное отношение къ храму Изы, который покойный министр посѣтилъ незадолго до катастрофы, унесшей его въ могилу. Молодой фанатикъ думалъ, что непочтение къ алтарю, посвященному прародительницѣ государей Японіи, можетъ призвать на страну гнѣвъ богини и тѣмъ нанести имперіализму непоправимый ударъ. Нишино Бунтаро — такъ звали убийцу—прекрасно зналъ, что идетъ на вѣрную смерть, но онъ съ юныхъ лѣтъ впиталъ въ себя основы самурайской этики: не останавливаться ни передъ какимъ самоожертвованіемъ, если этого требуютъ интересы родины.

На этомъ мы и покончимъ свой очеркъ изъ эпохи великихъ реформъ въ Японіи. Сдѣляемъ лишь самое краткое резюме, которое напрашивается у насъ съ нашей точки зренія.

Что же дала эта эпоха великихъ реформъ Японіи? Была ли она великой эпохой въ жизни страны Восходящаго Солнца? Въ чёмъ же именно ея величие? Какъ много ею сдѣлано для націй?

И много, и мало... Много, слишкомъ много по сравненію съ недавнимъ прошлымъ; мало, слишкомъ мало по сравненію съ ближайшимъ будущимъ, съ тѣмъ, что предстоитъ сдѣлать, надъ чѣмъ придется поработать, быть можетъ, многимъ еще поколѣніямъ.

Смыслъ всѣхъ перемѣнъ, произведенныхъ реформами второй половины минувшаго столѣтія, заключается въ раскрытии личности отъ путъ той политической паутины, черезъ которую такъ часто не могла прорваться ни личная ініціатива гражданъ, ни организованная дѣятельность тѣхъ или другихъ ихъ группъ. Политическая организация страны стояла преградой на пути къ дальнѣйшему развитию послѣдней. И страна,—лучше сказать, активныя массы данного исторического момента ея,—произвела революцію, вѣриѣ, рядъ революцій, иногда кровавыхъ, чаще безкровныхъ, въ результатѣ которыхъ въ самое короткое время отъ старого порядка не осталось камня на камнѣ.

Стоитъ вспомнить хотя бы основные реформы этого періода для того, чтобы согласиться, что для освобожденія личности отъ политического гнета за это время было сдѣлано очень много. Высвобожденіе личности отъ крѣпостныхъ путъ государства сказалось чрезвычайно быстрымъ ростомъ въ области материальныхъ благъ. Материальный прогрессъ страны возвуждаетъ такое же удивленіе, какъ и политический. Развитіе производительныхъ силъ страны сопровождалось повышениемъ жизненного уровня ея населенія. По крайней мѣрѣ, Миргау указываетъ на общій подъемъ заработной платы и такую высокую степень благосостоянія производительныхъ классовъ, о которой не зналъ ни одинъ изъ предыдущихъ періодовъ исторіи страны („The story of Japan“, стр. 422).

Но съ проникновеніемъ европейскихъ идеей и орудій производ-

ства глубочайшимъ измѣненіямъ подверглась вся организація народного труда. Капитализмъ опустилъ свою цѣпкую лапу на территорію Японіи, страну до этого момента исключительно мелкаго ремесла и земледѣлія. Онъ явился сюда подъ защитою жерль пушекъ огромныхъ военныхъ кораблей,—вооруженный всѣмъ многовѣковымъ опытомъ своей работы въ культурныхъ странахъ Европы и Америки, и тотчасъ же принялъся орудовать, какъ говорится, во всю. Рядъ фабрикъ поднялъ свои черныя трубы среди волшебныхъ по красотѣ ландшафтовъ, и клубы дыма стали подниматься къ бирюзовому небу. Появились и разрослись промышленные центры, стягивающіе сотни тысячъ рабочихъ.

Мы знаемъ, что предвѣщаются эти перемѣны. Мы знаемъ, что тамъ, гдѣ каждый день регулярно начинаетъ раздаваться рѣзкий звукъ фабричнаго или заводскаго свистка, тамъ внимательное ухо наслѣдователя неизбѣжно уловить стоны и скрежетъ зубовнаго стянутаго сюда пролетариата, изъ котораго капитализмъ выжимаетъ потъ и этотъ потъ превращаетъ въ слитки золота. Все это, конечно, имѣеть мѣсто и въ Японіи. Нищета пролетариата тамъ мѣстами ужасна... Японскій народъ разорвалъ многія изъ политическихъ путъ, но ему еще предстоитъ разбить цѣли соціального рабства.

А. Николаевъ.

Въ деревнѣ.

Прохладно за старою ригой,
Гдѣ дремлетъ раскидистый дубъ,
И пахнетъ смолою душистой
Поставленный за-ново срубъ.

По только что вырытымъ грядамъ
Заносчиво ходить пѣтухъ.
У влажной, извитой тропинки
Помяты молчаливый лопухъ.

Не даромъ все утро ворчала
Глухая хозяйка на насть:
Закрыть мы забыли калитку,—
Открыта она и сейчасъ.

Бѣгутъ ребятишки гурьбою,
Съ собой насть на рѣчку зовутъ;
Крестьянскія дѣвушки пѣсню,
Сажая разсаду, поютъ.

Жужжать золотистыя мухи.
Прозрачное небо свѣтло,
И съ блѣдной весенней лазури
Отрадное льется тепло.

В. Башкинъ.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

VII.

Народное образованіе.—Въ поѣздѣ и на пароходѣ.—Американскія кладбища.—Знакомство съ семьей польскихъ переселенцевъ.—Болѣзнь.

Мой милый, умный, чуткій мистеръ Грэвсъ оказался не совсѣмъ правъ, утверждая, что уже ближайшее будущее уравновѣситъ мои первыя эллістъ-айлендскія впечатлѣнія. Именно о „равновѣсіи“-то и не могло быть рѣчи. Я чувствовалъ, что меня захватываетъ, оглушаетъ, уносить; быстро затушевывались самыя свѣжія и острыя дорожныя впечатлѣнія и воспоминанія,—не только о баварцѣ, съ его странной перспективой привудительного общества, или о рѣшетѣ неудачныхъ иммигрантовъ, но даже о дикой выходкѣ моихъ добрыхъ соотечественниковъ на пристани Эллістъ-Айленда. Я просто пьянился отъ всего, что тутъ видѣлъ, слышалъ, читалъ...

Прежде всего—подавлялъ самый городъ. Въ то время, какъ у насъ все вниманіе муниципалитетовъ направляется на центры,—здесь заботы городского управления распредѣляются равномѣрно и на отдаленные окраины.

Направившись за городъ, вы встрѣчаете обширныя пространства ровной, гладкой земли, разбитыя на правильные кварталы, съ гранитными мостовыми, съ отлично устроенной канализацией, водопроводомъ, газовымъ освѣщеніемъ... Все тутъ готово для заселенія... Странное впечатлѣніе производятъ эти ярко горящіе среди обширныхъ пустынныхъ участковъ газовые фонари очень изящной формы, и большою частью пустые еще вагоны загородной конки. Но пройдетъ годъ, другой—на участкѣ то здѣсь, то тамъ начинаютъ вырастать удобные коттеджи, на углу открывается „гроссері“—бакалейная лавка—съ продажею мяса и приемомъ всякаго рода почтовой корреспонденціи, затѣмъ появляется и „дрогъ-стори“—аптечный магазинъ и „ласундри“—прачечная (обыкновенно,—китайская), въ одномъ изъ коттеджей поселяется

врачъ, въ другомъ—открывается школа, и, еще недавно пустынnyй, глухой участокъ быстро застраивается новеньkими, чистеньkими домами вдоль поддерживаемыхъ въ безукоризненной чистотѣ улицъ...

Въ Нью-Йоркѣ 350 народныхъ школъ, гдѣ подростки отъ 10 до 15 лѣтъ получаютъ свое очень сносное обязательное обученіе. Въ области средняго и высшаго образованія приходится часто наталкиваться на очень своеобразныя проявленія того же американскаго „чудачества“. Такова долголѣтняя борьба старѣшаго (основанъ въ 1626 году) американскаго университета—Гарвардъ-Юннверзити—съ правительствомъ, борьба изъ-за освобожденія отъ всякой правительственной субсидіи... Въ Америкѣ многіе убѣждены, что наука можетъ быть свободна лишь при условіи совершенной независимости, а это, дескать, невозможно, разъ университетъ будетъ пользоваться содержаніемъ отъ правительства. И вотъ, университетъ ведетъ долгую борьбу, пока, наконецъ, не получаетъ согласія центральнаго правительства освободить его отъ субсидіи и всякой опеки и предоставить собственнымъ силамъ и средствамъ.

Большое впечатлѣніе произвели на меня школы для слабоумныхъ. Десятки школъ и почти двѣ сотни учителей заняты этимъ, на первый взглядъ неблагодарнымъ, дѣломъ. Однако жъ, энергія и живая любовь къ обиженному судьбой преодолѣваютъ всякия препятствія.

Отмѣчая успѣшный ходъ этой отрасли народнаго образованія, статистика въ то же время констатируетъ, что со времени учрежденія сказанныхъ школъ число преступниковъ изъ среды слабоумныхъ замѣтно и прогрессивно падаетъ. 17 школъ этого рода, при 700 ученикахъ, обладали въ 1896 г. недвижимой собственностью въ 8 миллионовъ рублей, при общемъ ежегодномъ расходѣ на ихъ содержаніе въ суммѣ свыше 370 т. р. Нужно ли говорить, что дѣло образованія слѣпыхъ и глухонѣмыхъ поставлено тутъ еще шире? Достаточно указать, что стоимость принадлежащаго 80 школамъ этого рода недвижимаго имущества превышала въ 1896 г. тридцать пять миллионовъ рублей...

И такъ во всемъ!.. Эта жизнь ослѣпляла, ошеломляла, поражала и захватывала. Еще такъ недавно, на Элліс-Айлаидѣ, у меня было рѣшительное намѣреніе немедленно, не позже какъ черезъ недѣлю, направиться дальше, порвать съ неудачно сложившимся прошлымъ, съ его калѣчившимъ душу кошмаромъ, чтобы среди совершенно новой обстановки, совершенно новыхъ людей зажить по новому...

Теперь меня захватывало ближайшимъ потокомъ этой своеобразной жизни, тянуло въ ея бурное теченіе. Я жилъ изо дня въ день, наблюдалъ и поглощая впечатлѣнія. Между прочимъ, перебирая, по переходѣ на квартиру, свои книги, я нашелъ въ одной

изъ нихъ затерявшееся было письмо, которое по поручению службъ своихъ товарищъ, двухъ оставшихся до слѣдующаго рейса въ Роттердамъ поляковъ, общалъ занести ихъ родственникамъ, жившимъ гдѣ-то на окраинѣ—въ Южномъ Бруклинѣ. Нашелъ это письмо уже на восьмой день по пріѣздѣ и послалъ на Эллісъ-Айлендъ помощнику комиссара (Assistant Commissioner) открытку съ отвѣтомъ, прося извѣстить о судьбѣ имѣвшаго прибыть иммигрантомъ изъ Роттердама Юзефа Флянека. На слѣдующий же день пришелъ отвѣтъ, гласившій, что сказанного лица въ числѣ иммигрантовъ еще не значится, а ближайшій пароходъ Общества „Nasm“ имѣть прибыть лишь 10 числа, т. е. черезъ два дня. Стало быть, письмо не утратило своего значенія, и его нужно было передать заблаговременно. На другое же утро, нѣсколько пасмурное, но теплое, я направился по указанному на конвертѣ адресу.

Для этого нужно было сѣсть въ поѣздъ по линіи Гринвичъ-стритъ. Поднявшись по чугунной лѣстницѣ на площадку на высотѣ треть资料го этажасосѣднихъ домовъ, я вступилъ въ крытое, стальное зданіе станціи, купилъ билетъ и направился съ нимъ на перронъ.

— Опустите вашъ билетъ вотъ сюда, въ этотъ аппаратъ!—сказалъ мнѣ билетеръ, джентльменъ виушительного вида съ по-зументомъ на форменномъ кепи, указывая на стоявшей передъ нимъ небольшой ящикъ зеркального стекла, съ узенькой щелью въ верхнемъ основаніи.

Табличка розоватаго плотнаго картона—мой билетъ—плавно скользнула по діагонально установленной наклонной плошади внизъ, къ отверстию, зіявшему въ крышей стола. Вотъ и весь контроль: автоматический счетчикъ во времени закрытия кассы показываетъ номера первого и послѣднаго изъ проданныхъ за день билетовъ, другой, такой же счетчикъ, внизу аппарата, отмѣтить на особомъ заномерованномъ листѣ число прошедшіхъ черезъ аппаратъ билетовъ. Ни хожденія по ногамъ публики, ни надобливой процедуры проекалыванія вашего билета щипцами...

На перронѣ сидѣло на скамьяхъ и прохаживалось вѣдь и впередъ по площадкѣ человѣкъ двадцать, ожидавшихъ ближайшаго поѣзда. Сквозь металлическій переплеть, на чувствительной глубинѣ, сѣрѣла улица; по ней полали рѣшетчатыя американскія грузовые подводы, сновали ребятишки, бѣжала конка...

Глухой грохотъ, похожій на отдаленный громъ, даль знать о приближеніи поѣзда. Черезъ минуту къ перрону аккуратно подкатилъ маленький низкотрубный паровозъ съ шестью длинными и такими же низенькими пассажирскими вагонами. Одновременно съ этимъ автоматически задвинулась широкою проволочкою сѣткой входная дверь на перронѣ и отодвинулась выходная, при чёмъ соответственнымъ механизмомъ, посредствомъ

простого нажимания кнопки въ спинкѣ стула, управляя толь же билетеръ (онъ же контролеръ, онъ же начальникъ станціи). Расходы на служебный персоналъ тутъ, очевидно, низведены до минимума...

Черезъ полминуты мы тронулись въ путь, безъ звонковъ, окриковъ, свистковъ; поѣздъ мягко трогалъ съ мѣста и также мягко останавливался. Публика выходила безъ суеты и давки, хотя на нѣкоторыхъ станціяхъ обновлялся весь составъ пассажировъ.

Въ кассѣ Саутъ-Бруклинъ міѣ выдали билетъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда входная съ пристани на паромъ желѣзная рѣшетка задвинулась и дрожащей, жалобно-смѣющійся ударъ гонга возвѣстилъ, что ферри-боотъ отчаливаетъ отъ пристани. Не прошло и пяти минутъ, какъ на мѣсто отошедшаго плавно придвигнулся второй, такой же. Публика заняла свои мѣста въ длинныхъ каютахъ вдоль борта, экипажи помѣстили въ крытомъ пространствѣ посреди судна. Еще двѣ, три минуты—и, ритмично постукивая, нашъ паромъ всپѣнилъ зеленоватыя воды лагуны.

Публика была разношерстная: человѣкъ пять негровъ, два китайца, одинъ солдатъ въ свѣтло синей тужуркѣ съ пелеринкой, пасторъ въ черномъ сюртуке со стоячими прямымъ воротникомъ, нѣсколько сельскихъ рабочихъ и 2—3 дамы. Негры закурили сигары, а фермеры, усердно мявшіе зубами табачную жвачку, принялись преотвратительно сплевывать, испещряя вокругъ себя полъ желтовато-коричневыми пятнами. Пасторъ, повидимому, ничего не имѣвшій противъ послѣдствій жвачки, указалъ неграмъ, что курить въ каютахъ нельзя. Одинъ изъ курильщиковъ, глуповато ухмыляясь, сейчасъ же, какъ школьникъ, сунулъ руку съ сигарой въ карманъ, а двое другихъ ограничились сочувственнымъ, звучнымъ „о, да!“, продолжая дышать, какъ и раньше, пока на порогѣ не показалась одна изъ миссъ.

— О-у!..—воскликнула она,—но здѣсь нестерпимо!..

Сигары мигомъ полетѣли въ единственный, остававшійся еще открытымъ, иллюминаторъ, и курильщики принялись окорашиваться, обдергивать манжеты, поправлять свои ярко-пестрые огромные галстуки, а фермеры неуклюже поплелись къ своимъ фургонамъ, хотя фея, удовольствовавшись произведеннымъ эффектомъ, немедленно же удалилась...

На смѣну фермерамъ, одинъ за другимъ явились чистильщики обуви. Одинъ изъ нихъ, юноша съ лукавыми глазами, съ первого же взгляда открылъ во міѣ „грингорна“: скорчивъ таинственно-фамильярную рожу, указывая на moi чуть-чуть подернутые пылью ботинки, онъ сказалъ:

— Съ самой Европы, э?

По его слѣдамъ обнаружилъ мое инкогнито и продавецъ бездѣлушекъ, и я вынужденъ былъ выслушать блестящую лекцію

о достоинствахъ какихъ-то особенныхъ патентованныхъ и привилегированныхъ бинтовъ, стоящихъ суще пустяки (одинъ долларъ!), но придающихъ усамъ, этому лучшему украшению мужского лица, рѣшительно неотразимый видъ... За „усодержателями“ следовали необыкновенно практичные гребни, при чмъ каждый можетъ выбирать себѣ гребень рационально, соотвѣтственно густотѣ волосъ, что предохраняетъ отъ преждевременнааго облыснія и его послѣдствія—катарровъ носа, глазъ и даже оболочекъ головного мозга (!)... За гребнями следовали особыаго устройства волшебныя запонки...

И все это показывалось, объяснялось и доказывалось не торопливо, дѣловито и вмѣстѣ съ такой подчеркнутой обязательностью, точно слушатель самъ вызвалъ объясненія и нѣвѣсть какъ былъ за нихъ благодаренъ. Это—чисто американская черта коммерческой дипломатіи,—по крайней мѣрѣ, я нигдѣ больше не встрѣчалъ ея въ такой высокой степени.

Чтобы избавиться, наконецъ, отъ этой лекціи, я вышелъ на палубу... Мы огибали небольшой островокъ Говерноръ-Айландъ.

Здѣсь еще сравнительно недавно стояли грозныя для своего времени батареи, составлявшія крѣпость Кастьль Вильямъ. Теперь здѣсь осталась одна единственная пушка, ежедневно, при закатѣ солнца, подающая находящимся въ мѣстныхъ гаваняхъ кораблямъ сигналъ выставлять судовые огни. На островѣ, при штабѣ войскъ атлантическаго военного округа, есть военный музей, а въ немъ—тщательно подобранныя коллекція оружія, начиная съ мушкетовъ королевы Анны до скорострѣльныхъ винтовокъ, способныхъ давать 18 выстрѣловъ въ минуту. Здѣсь же хранится и чучело боевого коня генерала Шердана...

Обогнувъ какія-то хмурыя, далеко выступавшія въ морѣ досчатыя стѣны, нашъ ферри-боотъ придинулъся къ пристани, и я вышелъ изъ первыхъ.

Улица съ небольшими одноэтажными домами, съ деревянными заборами, шла замѣтно въ гору и была пустынна, какъ это бываетъ на окраинахъ большихъ городовъ въ поздннее утро, когда все, что по роду своихъ занятій должно ежедневно направляться въ городъ, уже отбыло туда, а дома остались лишь малыя дѣти да небогатыя хлопотухи-хозяйки. У одной изъ калитокъ я увидѣлъ молодую женщину: она была въ платкѣ, очевидно наскоро накинутомъ на голову, и обстрѣливала улицу живыми карими глазами.

— Гдѣ тутъ, сударыня, 19-ая улица?—спросилъ я ее по-англійски.

Веселый, смѣющийся взглядъ конфузливо забѣгалъ по всей моей фигурѣ и снова юркнулъ въ глубину улицы.

— Но, но!—запепетала она, отрицательно качая головой.

Я повторилъ вопросъ по французски.

— Но, но!.. Не знаю, что панькаже!.. — заговорила она по-малорусски, морща отъ смѣха смуглорозовое, открытое лицо и прикрываясь концомъ платка.

— Вотъ неожиданность!.. Да вы изъ Украины? — радостно спросилъ я по-русски.

— Эге-жъ: въ Галичинѣ, въ Самборѣ!..

— Паракса! — послышался изъ-за калитки тягучій, надтреснутый, старческий голосъ, — въ якимъ ты тамъ чортовыи бісомъ базикаешь?

Дивчина „пхикнула“ и, какъ вода между пальцевъ, юркнула въ калитку. Тамъ что-то стукнуло, звякнуло... Послышались спорящіе голоса, и все снова стихло. Точно по ошибкѣ на минутку промелькнувшая, родная картишка исчезла, словно сбѣжалась съ экрана волшебного фонаря... Я пошелъ дальше и, пройдя два квартала, увидѣлъ сѣрую стѣну съ нависшемъ надъ нею густою темною зеленью.

— Это — кладбище, „Гринвудъ Семетри“, — отвѣтилъ на мой вопросъ щеголь-полисменъ, стоявшій на перекресткѣ. — Входъ двумя кварталами выше.

Я пошелъ по указанному имъ направлению и вскорѣ достигъ суроваго, въ англійскомъ готическомъ стилѣ, портала, за которымъ разстилалась широкая, безукоризненно чистая асфальтовая мостовая, съ такими же тротуарами по сторонамъ, великолѣпными скамьями на тротуарахъ и изящными газовыми фонарями по обочинамъ.

Изъ купленной мною наканунѣ небольшой книжки Блекуэля — „Pictorial Brooklyn“ я уже зналъ, что Гринвудъ-Семетри — мѣстная достопримѣчательность. Американцы не ставятъ крестовъ надъ могилами, но очень заботятся объ украшениіи кладбищъ. Разстилавшійся передо мною знаменитый американскій некрополь, занимающій пространство въ 220 десятинъ, казался роскошнѣйшимъ изъ парковъ: великолѣпная растительность, среди которой найдете образцы рѣдкихъ мѣстныхъ и чужестранныхъ, акклиматизированныхъ въ Америкѣ, деревьевъ, вѣнчающихъ вершину громаднаго холма, усыпанную, въ свою очередь, нѣсколькими небольшими возвышеніями, съ которыхъ невольно залибуетесь видомъ на зеленую равнину внутренней части острова.

Межъ этими частными возвышенностями, въ оригиналномъ безпорядкѣ, размѣщены восемь искусственныхъ озеръ, питаемыхъ водой изъ особаго гигантскаго резервуара на такъ называемомъ Фаунтинъ-Гиллѣ. Причудливо извиваясь, кладбище-паркъ прорѣзаются вымощенные камнемъ проспекты, общей длиною свыше 22 верстъ. Эти авеню, какъ и отдельныя части кладбища, носятъ собственныя названія, отчетливо изображенныя на особыхъ табличкахъ со стрѣлками и надписями, указывающими, кромѣ того,

и направлениe къ главнымъ пунктамъ некрополя, а равно—и къ ближайшимъ изъ пяти выходовъ.

Среди миллионныхъ мраморныхъ, бронзовыхъ и лабрадоровыхъ мавзолеевъ американскихъ миллиардеровъ, тутъ встречаются порой скромные, но, дѣйствительно, замѣчательные памятники высокаго общественнаго значенія.

Вотъ, напримѣръ, на Локустъ-Гилль памятникъ основателю одной изъ старѣшихъ и честныхъ газетъ „Tribune“, Горасу Грилею,—дарь признательной памяти мѣстныхъ тружениковъ печатного дѣла. Барельефъ изображаетъ Грилея въ молодости, предъ наборной кассою, съ верстатью въ лѣвой руцѣ... Вотъ памятникъ основателя другой выдающейся американской газеты „Нью-Йоркъ Герольдъ“, Джемса Гордона Беннета, снарядившаго первую экспедицію Стэнли для розысковъ Ливингстона. Не вдалекъ отъ памятника Гораса Грилея красуется капелла надъ могилой замѣчательной благотворительницы миссъ Дейнсеръ, не только пожертвовавшей все свое состояніе—свыше 550 т. р.—на помощь бѣдствующимъ и недугующимъ, но оставившей всю жизнь дѣвственницей, чтобы „свободнѣе утиратъ слезы несчастныхъ“, какъ говорить о ней Блекуэль. Капелла воздвигнута на средства, собранныя общественной подпиской.

На участкѣ № 140 воздвигнутъ скромный памятникъ другому рѣдкому человѣколюбцу и одному изъ величайшихъ духовныхъ ораторовъ Америки—Генри Уорду Бичеру.

— Кто, безучастный къ страданіямъ брата, смѣеть называть себя христіаниномъ?—спрашивалъ онъ не разъ, и громовой голосъ, грозно сверкавшій взглядъ, волновавшій дремлющую совѣсть счастливыхъ, и теперь еще помнить старожилы Бруклина, фермеры Ричмонда и Бронкса, верстъ на пятьдесятъ кругомъ.

На Гей-Вудъ-Гилль—бронзовый монументъ тому, кто силою ума въ одно мгновеніе перебросилъ мостъ чрезъ пучину океана,—Морзе, изобрѣтателю телеграфа. На Батль-Гилль—темно-бронзовая пирамида, окруженная по четыремъ угламъ бронзовыми же, въ ростъ человѣка, фигурами—памятникъ воинамъ, уроженцамъ штата Нью-Йоркъ, положившимъ жизнь въ войнѣ за освобожденіе негровъ. Фигуры изображаютъ солдатъ въ формѣ, принятой въ арміи Соединенныхъ Штатовъ,—артиллериста, пѣхотинца, кавалериста и сапера.

Нѣсколько шаговъ далѣе—свидѣтельство сердечной скорби согражданъ по 105, оставшимися не распознанными, жертвамъ пожара Бруклинскаго театра 5 декабря 1876 г.

Но шедевромъ всѣхъ этихъ памятниковъ скорби, признательности и благоговѣнія къ памяти дорогихъ усопшихъ является трогательный по своей простотѣ и величественный по идеѣ монументъ надъ могилкою двѣнадцатилѣтняго героя, погибшаго въ войну 1863 г.

Фигурка мальчика въ солдатской формѣ, въ естественную величину, съ барабаномъ у пояса, поставлена на мраморную плиту, чуть возвышающуюся надъ почвой холма. Онъ стоитъ лицомъ къ востоку, со взглядомъ, устремленнымъ на небосклонъ, и приподнятыми надъ барабаномъ руками, точно ждетъ появленія свѣтила, чтобы дать сигналъ. Надъ этой статуей высится громадная мачта, а на ней каждый праздникъ, съ восходомъ солнца, подымается звѣздный флагъ,—республика освѣняетъ прахъ ребенка, отдавшаго жизнь для освобожденія.

Воть трогательная исторія маленькаго барабанщика.

Въ скромномъ городкѣ штата Виргиніи, Петерсбургѣ, въ которомъ и въ настоящее время не наберется 20 т. жителей, со дня на день ждали враговъ. Незначительный по численности гарнизонъ въ тревожномъ ожиданіи совсѣмъ истомился. Объ этомъ провѣдалъ приближавшійся тайкомъ непріятель и рѣшилъ произвести нападеніе на разсвѣтъ, когда сонъ особенно сильно дѣлить изнуренного человѣка.

Невамѣтно подкравшись во тьмѣ, враги успѣли уже уложить большую часть передового поста гарнизона, и въ томъ числѣ, барабанщика, когда бранная суматоха подняла на ноги обитателей ближайшихъ къ мѣstu битвы домовъ; въ паническомъ ужасѣ обыватели разбѣжались отъ опасной полянки подальше. Вмѣстѣ съ другими выбѣжалъ на улицу и временно проживавшій (съ родителями) въ Петерсбургѣ герой малютка; онъ видѣлъ, какъ упавшій на землю барабанщикъ тщетно силился приподняться и, наконецъ, окроинулся, мертвый, навзничъ. Мальчикъ не растерялся, не уѣжалъ, какъ взрослые: подъ огнемъ завязавшейся уже перестрѣлки онъ подбѣжалъ къ убитому, отстегнулъ его барабанъ и бросился впередъ, громкою барабанною дробью призываю гражданъ къ защитѣ.

Битва кончилась; враги были отбиты, но на полянкѣ лежало мертвое тѣльце ребенка, пронизанное нѣсколькими пулями... Родители перевезли прахъ маленькаго бруклинца на родину, а государство почтило его памятникомъ.

Есть что-то героическое и вмѣстѣ глубоко трогающее въ этомъ памятникѣ ребенку. Кажется, и сейчасъ онъ готовъ ударить тревогу, будя спящихъ, призывая ихъ очнуться отъ тусклой дремоты себѧлюбія, мелкихъ интересовъ и наживы для великой борьбы за дальнѣйшее освобожденіе человѣчества...

Часовъ пять подрядъ провелъ я на „Гринвудъ-Семетри“, переживая странныя, непривычныя чувства—отзвуки событий жизни свободного народа, означенованныхъ всѣми этими статуями, пирамидами, капеллами. Голосъ мертвыхъ такъ много и внятно говорилъ мнѣ въ пользу живущихъ, что мои личныя смутны,

тѣгостныя сомнѣнія и безпредметныя, неопределенные опасенія одинокаго иностранца, вакинутаго въ водоворотъ чуждой жизни, совсѣмъ улеглись...

Часамъ къ четыремъ я разыскалъ нужный мнѣ домъ. Это было старенькое, невысокое, не смотря на свои два этажа, зданіе, очевидно, наслѣдіе еще тѣхъ временъ, когда утомленные шумной торговой сутолокой Нью-Йорка отцы и дѣды теперешнихъ дѣльцовъ, потомки голландскихъ засельниковъ острова, искали тутъ „lust in rust“—отдыха въ покой тихихъ полудеревенскихъ улицъ и по-деревенски устроенныхъ жилищъ, съ маленькими, скромно глядящими окнами и низкими, смиренно пригнувшимися потолками, прохладныхъ лѣтомъ, теплыхъ зимой.

Звонка у дверей не было; я вошелъ въ настежь открытый коридоръ и постучался у первой двери нальво.

Мнѣ отворила миловидная женщина съ груднымъ ребенкомъ на бѣлыхъ, обнаженныхъ по локоть рукахъ.

— Здѣсь живетъ господинъ Францъ Желковскій?—спросилъ я ее по-англійски.

— Здѣсь... Что вамъ угодно?

— Вручить вотъ это письмо.

— А-ахъ,—отъ брата!... Вотъ, благодарю!... О, очень благодарю васъ!... Это не отецъ, мильцю!—проговорила она по-польски, наклоняя тщательно зачесанную голову надъ пухленькимъ ребенкомъ, который, при звукахъ разговора, оторвался отъ материнской груди и протянулъ ко мнѣ розовенькия ручки.—Войдите! Очень прошу васъ!

— А вы, можетъ быть, говорите и по-русски?—освѣдомился я, входя за нею въ гостиную, обширную, скромно обставленную комнату, уже нѣсколько подернутую тихими вечерними тѣнями.

— Только немножко, только немножко!—отвѣчала она нараспѣвъ и съ застѣнчивой улыбкой.—Садитесь, прошу васъ... Ахъ, я такая невѣжливая, и тутъ... такой непорядокъ и... я не могу хорошо это сказать... А вотъ, мой Францъ,—онъ хорошо знаетъ по-русски... Онъ скоро будетъ дома и такъ будетъ радъ!... Вы у насъ пообѣдаете, не правда ли?... Мы, знаете, совсѣмъ такъ, безъ... безъ моды, а вы еще письмо привезли. Я вамъ такъ благодарна!... Вы позволите мнѣ прочитать его?

— О, прошу васъ, не стѣсняйтесь!

Она отошла поближе къ свѣту, присѣла на лавку и, на минутку положивъ въ широкій подоль платя барахтавшагося рученками ребенка, живо вскрыла конвертъ.

— Письмо не мнѣ, а мужу,—сказала она задумчиво.—Какъ жаль, что его нѣть дома...

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—прошу васъ передать супругу, что случайный товарищъ Юзефа радъ былъ исполнить его просьбу... Затѣмъ, позвольте попросить воды и откланяться...

— Онъ сейчасъ будетъ,—сказалъ вошедший въ эту минуту

малорослый шатенъ лѣтъ 23-хъ.—Онъ шелъ со мной, только его остановилъ на дорогѣ какой-то рыжій нѣмецъ, а я забѣжалъ купить фруктовъ... Станиславъ Вжѣщъ, братъ прекрасной Анейки... Имѣю честь представиться...

— А! Вы пріѣхали изъ Нью-Йорка,—продолжалъ онъ послѣ взаимныхъ привѣтствій и распросовъ... — На ферри-боотѣ?.. У васъ тутъ было какое-нибудь дѣло?

— Никакого. Я хотѣлъ только занести письмо...

— Письмо отъ Юзефа,—пояснила хозяйка.

— Ого! это очень любезно,—не по-американски: нести письмо такъ далеко, когда его можно послать по почтѣ. Вы только на дняхъ пріѣхали въ Америку? Не успѣли еще устроиться? Есть знакомые? Имѣете что-нибудь въ виду? А?.. Или, можетъ быть, вамъ любопытно посмотретьъ, какъ живутъ поляки въ Америкѣ?

Онъ спыталъ своими вопросами, на которые я еще не успѣль отвѣтить, какъ вдругъ въ комнату вошелъ и самъ хозяинъ съ цѣлой группой земляковъ-товарищей.

Это былъ человѣкъ лѣтъ 25-ти, худощавый, съ серьезными, пытливыми глазами. Онъ спокойно поздоровался со мной, и у насъ завязалась обычная въ такихъ случаяхъ бесѣда.

Меня разспрашивали о родичѣ, оставшемся въ Амстердамѣ, о Европѣ, обѣ оставшихся родныхъ мѣстахъ... Пока я рассказывала, размѣтавшаяся по лавкамъ у стола молодежь разглядывала меня съ любопытствомъ деревенскихъ парней, къ которымъ случайно попалъ гость изъ города. Это были все простодушные, круглые лица и наивные, почти дѣтскіе глаза. Спокойная увѣренность тона, непринужденность и оживленная выразительность взгляда хозяина говорили, наоборотъ, о болѣе сложной культурѣ: по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ не первый уже годъ проживалъ въ Америкѣ. И манера слушать у него была иная, чѣмъ у прочихъ: почти не глядя на меня и низко наклонивъ красивую голову, онъ хмурилъ и сдвигалъ брови, разглаживалъ свои тонкіе шелковистые усы, одобрительно кивалъ въ интересныхъ пунктахъ разсказа головой,—словомъ, выражалъ всѣ признаки глубокаго, чуткаго вниманія.

Ранніе ноябрьскіе сумерки быстро сгущали надвигавшуюся тьму. Углы комнаты, съ ея убогой крашеной деревянной мебелью, совсѣмъ уже потонули во мракѣ, и, лишенные занавѣсей, окна, казалось, съ усилиемъ всматривались теперь внутрь... Хозяйка зажгла надѣть простымъ, окрашеннымъ масляной краской столомъ висячую лампу, со стекломъ въ видѣ узкой, увѣнчанной по краю красивыми зубчиками вазы, и стала собирать ужинъ: разставила посуду, положила два бѣлыхъ длинныхъ хлѣба, а въ томъ углу, где сидѣлъ я съ хозяиномъ, застлала столъ толстой, должно быть, вывезенной еще изъ Польши, бѣлой скатертью.

За ужиномъ продолжали разговоръ о заработкахъ и о жизни въ Америкѣ; въ него постепенно втянулись почти всѣ присут-

ствующіе, какъ оказалось, вскорѣ по прѣездѣ, довольно спосно, съ помощью хозяина, устроившіеся на табачной фабрикѣ. Всѣ они не жалѣли о своемъ переселеніи, а одинъ изъ этихъ молодыхъ людей вдохновился даже на цѣлый панегирикъ странѣ, „гдѣ рабочихъ людей цѣнить и не спрашивать вѣроисповѣданій“. Въ общемъ, повидимому, эти люди были довольны новой родиной, хотя въ воспоминанія о старой вызывали порой искренній вздохъ и растроганные взгляды... Хозяинъ былъ всѣхъ сдержаннѣе и, какъ будто, холоднѣе. Въ немъ чувствовался человѣкъ, имѣющій сильное влияніе въ этомъ кружкѣ земляковъ, закинутыхъ въ далекія страны.

Позднимъ вечеромъ по пустынной улицѣ, освѣщенной газовыми фонарями, меня проводили до пристани, и вскорѣ ферри-боотъ понесъ меня по темнымъ волнамъ рѣки. Впереди свѣтили частые огни огромнаго чужого города... Позади тоже,—и я увозилъ странное двойственное впечатлѣніе. Весь вечеръ я прошелъ почти съ земляками, но все же я не могъ не чувствовать какаго то отчужденія: они уже нашли здѣсь свое мѣсто, а я еще продолжало блуждать въ пространствѣ, для всѣхъ чужой и одинокій. На душѣ у меня было тяжело... Можетъ быть, на моемъ настроеніи сказывалась уже близкая болѣзнь, которую мнѣ суждено было пережить на чужбинѣ...

Вагонъ электрическаго трамвая съ воемъ, гуломъ и свистомъ быстро пробѣжалъ пустынныя части Бруклина, и вскорѣ мы подкатили къ неуклюже надвинувшейся надъ улицей черной горѣ желѣза и стали, составляющей восточную оконечность знамѣнитаго Бруклинскаго моста.

Это чудо инженернаго искусства, дѣйствительно, поражаетъ: передъ вами перспектива уходящаго куда-то вдали полотна и пѣла система стальныхъ канатовъ. Мостъ, кажется, повисъ въ воздухѣ—чудо, которымъ онъ въ полной мѣрѣ обязанъ математикѣ. Да, только строжайшая точность расчетовъ дала возможность этимъ сотнямъ тысячъ пудовъ металла взлетѣть на высоту почти 20 сажень надъ водой и такъ устойчиво укрѣпиться въ своемъ гордо-вызывающемъ положеніи, что миллионы пудовъ груза на мосту не заставилъ бы его осѣсть даже на два дюйма... *).

Полотно моста раздѣляется вдоль на четыре отдѣленія: два крайнихъ—для экипажей и велосипедистовъ, два слѣдующихъ для пѣздовъ канатной желѣзной дороги (туда и обратно) и среднее, возвышающееся надъ остальными,—для пѣшеходовъ. Поѣзда канатной дороги курсируютъ каждыя три минуты пары; два специальнаго типа локомотива подхватываютъ прибывающіе вагоны

*.) Мостъ начатъ постройкой въ 1875 году по проекту архитектора Джона Рэблинга и оконченъ въ 1883 году уже его сыномъ, серьезно заболѣвшимъ во время производства работъ, но не оставившимъ дѣла и наблюдавшимъ за нимъ изъ окна даже въ самыя трудныя минуты болѣзни.

и живо передвигаютъ ихъ по передаточнымъ путимъ къ пункту отправленія. Видъ съ середины моста на окрестности замѣтательнъ, особенно въ сумерки, когда тысячи загорающихся подъ вами огней постепенно наполняютъ всю необъятную поверхность, вплоть до сливающагося съ вечернимъ небомъ горизонта. Тамъ, гдѣ-то въ страшной глубинѣ, они кажутся мириадами глазъ какихъ-то фантастическихъ существъ, неустанно перемигивающихся и на своемъ символическомъ языке говорящихъ о чёмъ-то, недоступномъ человѣку... Смотришь въ эту сверкающую бриллиантами влажную ночную мглу, и кажется, что очутился въ какомъ-то фантастическомъ, волшебномъ мрѣ, не имѣющемъ ничего общаго ни съ математикой, ни съ дѣловыми расчетами практическихъ якни...

Впрочемъ, въ тотъ вечеръ мнѣ было не до фантазій: еще подходя къ кассѣ канатной дороги, я ощущалъ приступъ странной тупой боли въ желудкѣ. Боль эта, по временемъ обостравшася, перемежалася легкой тошнотой и перешла въ рѣзкія схватки. На улицу Паркъ-Роу, съ ея колоссальными дворцами гигантовъ американской прессы, вышелъ я изъ вагона уже больнымъ: пройдя сажень сто, я принужденъ былъ остановиться... На бѣду еще, а плохо знакомъ былъ съ этой частью города. Съ постоянными остановками и разспрашивая дорогу, я вышелъ на Гейдъ-стритъ.

Здѣсь въ громадномъ семиэтажномъ домѣ, у ближняго перекрестка, начинался пожаръ: два верхніе этажа уже скрывались въ дыму, въ окнахъ этажей, лежавшихъ ниже, судорожно и беспорядочно метались огни; изъ трехъ выходныхъ наружныхъ дверей, какъ потревоженные муравьи, высыпали на улицу взвужденно суетившіеся и кричавшіе люди; съ нѣсколькихъ коротенькихъ балконовъ пятаго и четвертаго этажей по желѣзнымъ лѣстницамъ спускались на балконы низшихъ этажей тѣ, которыми дымъ преграждалъ доступъ къ внутреннимъ лѣстницамъ дома; тѣмъ же путемъ на веревкахъ спускали наиболѣе цѣнное имущество; войсковой охраны не было: ея мѣсто занимала цѣпь изъ членовъ пожарного общества, зорко наблюдавшая за поступавшимъ на ея попеченіе имуществомъ погорѣльцевъ.

Вдругъ что-то загудѣло и зашипѣло, — это былъ отрядъ пожарныхъ дружинниковъ, съ оглушительно свистѣвшими паровымъ огнегасителемъ. И точно его только и дождалось, — изъ оконъ трехъ верхнихъ этажей бѣшено, злобно вырвалось пламя... Но не прошло и минуты, — ему навстрѣчу сверкнули серебристыя струи воды, завязалася грандиозная борьба стихій, одинаково полезныхъ человѣку и одинаково губительныхъ, когда они выйдутъ изъ послушанія... Почти одновременно набѣжали съ разныхъ сторонъ еще три отряда — домъ густо облѣпили „кожаные головы“, какъ тутъ называютъ пожарныхъ (по кожаннымъ или каучуковымъ

шлемамъ *), покрывающимъ ихъ головы, вместо нашихъ металлическихъ, быстро нагревающихся касокъ).

Однако, мнѣ было не до зѣлица. Не помню уже, какъ добрался я до своей комнаты, какъ улегся въ постель. За ночь дѣло еще ухудшилось: я не смѣлъ шевелиться, свободно вдохнуть. Холодный, липкий потъ выступалъ на либ, я кусалъ губы, стискивалъ зубы, подавляя безумное желаніе закричать, заревѣть бѣшено-дико отъ той бѣшено-дикой боли, которая терзала и рвала меня внутри. Были моменты, когда мнѣ казалось, что еще одинъ такой приступъ муки — и я перестану существовать... Въ другія минуты, среди ужаснѣйшихъ терзаній, вдругъ находила полоса странного деревянного отупленія. Затѣмъ разражался новый, еще болѣе мучительный приступъ боли.

Такъ, съ малыми промежутками тяжелаго кошмарнаго забытья, прошла вся ночь и слѣдующія сутки. Хозяйка, должно быть, видѣвшая, какой странной походкой я наканунѣ пробирался въ свою комнату, кажется, приняла ее за результаты похмѣлья: раза два, проходя мимо моей полуопрятной двери, она, искоса, оглядывала царившій въ комнатѣ беспорядокъ, но не пыталась войти, даже не освѣдомилась, скоро ли можно ей заняться уборкой.

Утро вторыхъ сутокъ принесло нѣкоторое облегченіе: боли стали затихать, но чувствовалась общая слабость; въ ушахъ стоялъ звонъ, свистъ, глухой шумъ — всѣ признаки острого малокровія. А вмѣстѣ съ тѣмъ, стала меня мучить нестерпимый кожный зудъ, особенно въ сгибахъ суставовъ, въ поверхности пальцевъ; малѣшная попытка почесать зудящее мѣсто вызывала на немъ крупные пузыри.

Взглянуль я на утро въ зеркало и ужаснулся: на меня глядѣло желтыми, какъ лимонъ, глазами желтое, чужое лицо...

Я чувствовалъ себя такимъ покинутымъ и одниокимъ, что сначала мнѣ какъ-то не приходило даже въ голову обратиться къ доктору. Вспомнивъ невѣстныхъ мнѣ средства, я просто отправился къ дрогисту и принялъ у него тутъ же порошокъ азотно-кислого висмута... Это принесло мнѣ нѣкоторое облегченіе, а затѣмъ о моемъ положеніи узнали миссисъ Клайнъ и миссисъ Макъ-Герлахъ, мои добрыя соසѣdkи, и направили меня въ амбулаторію при клинике*.

Ідея дарового лѣченія давно уже пустила здѣсь глубокіе корни. Такъ амбулаторія, съ правомъ въ критическихъ случаяхъ потребовать бесплатнаго врача на дому**), функционируетъ при

*) Пропитанные особымъ огнеупорнымъ веществомъ, шлемы эти очень слабо нагреваются даже передъ очень сильнымъ огнемъ.

**) И, однако же, традиционное уваженіе къ почтенному званію не позво-

Нью-Йоркскомъ госпиталѣ еще съ 1791 года. Цѣлый рядъ подобныхъ же учрежденій съ бесплатной или почти бесплатной (10 и 20 ц. за „номеръ“) раздачей лѣкарствъ, разсѣянъ по всей странѣ. Въ одномъ Нью-Йоркѣ этихъ больницъ разныхъ наименованій и назначеній—общихъ и специальныхъ—свыше семидесяти, въ Бруклинѣ—около сорока. И веадѣ при нихъ цѣлый штатъ врачей, въ числѣ которыхъ значатся иной разъ и записные знаменитости, склады перевязочныхъ материаловъ, аптеки: даровое лѣченіе признается одной изъ главныхъ основъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, а принадлежать къ составу дѣятелей на этомъ поприщѣ считается высокой гражданской честью.

Нью-Йоркскій госпиталь занимаетъ цѣлый огромный кварталъ, въ которомъ для амбулаторіи отведенъ отдѣльный, очень помѣстительный корпусъ. Въ ясное морозное утро добрался я до больницы, гдѣ, уплативъ установленные 10 центовъ, получилъ очередной 103 номеръ.

Обширная, на половину заставленная длинными рядами ярко отполированныхъ скамей, зала кишѣла сдержанно гудѣвшимъ народомъ, среди которого попадались и далеко не бѣдно одѣтые. Молодой щупленькой субъектъ въ очень коротенькомъ щегольскомъ пиджачкѣ обходилъ скамьи, что-то на ходу записывая въ щегольскую же книжечку. Опросивъ меня о родѣ заболѣванія, онъ предложилъ на выборъ профессора Стuardта или доктора медицины Кемпбелля, послѣ чего, кинувъ еще разъ пристальный взглядъ на мой лимонно-желтый лобъ, указалъ мѣсто на одной изъ скамеекъ.

Сверхъ всячаго ожиданія, черезъ полчаса меня уже позвали въ кабинетъ,—высокую, длинную комнату обѣ одномъ громадномъ окнѣ, выходившемъ на госпитальный дворъ. Высокій, худой, мефистофелевскаго типа брюнетъ въ очкахъ, сидѣвшій за прекраснымъ столомъ спиной къ окну, указалъ мнѣ стулъ и проговорилъ торопливо:

— Лѣта?.. Симптомы? Въ чемъ страданье?

Сидѣвшій за другимъ, маленькимъ столомъ у боковой стѣны, полный и совсѣмъ лы cant господинъ быстро записывалъ мои показанія, точно на допросѣ. Затѣмъ они вдвоемъ удивительно быстро осмотрѣли, выслушали, выстукали меня всѣго, опять-таки отмѣчая что-то каждый у себя, въ книгѣ.

— Причина заболѣванія?

— Не знаю, профессоръ.

— Профессоръ приметъ васъ въ четвергъ: я — его ассистентъ. Кашля нѣть? Такого—изъ глубины легкихъ?

— Нѣть... Что вы находите у меня?

— О, ничего особенного: печень гиперемирована, почки не

литъ нью-йоркцу беспокоить врача бесплатнымъ приглашеніемъ на домъ: бѣднякъ самъ лично направляется въ госпиталь.

въ порядкѣ, вѣроятно, и селезенка... Повышенна возбудимость нервной системы; вскорѣ, впрочемъ, смигнется угнетеннымъ состояніемъ. Но не пугайтесь: поправимъ!.. Умѣренная, очень умѣренная діета... Методически правильный образъ жизни... Нѣмецъ?

— Нѣть, русскій.

— О, крѣпкій, очень крѣпкій народъ!.. Это хорошо: поправимъ. Лѣчитесь. Вотъ рецептъ: мікстура... Это все!.. Слѣдующій!

Я получилъ прописанную мнѣ мікстуру минутъ черезъ десять по предъявленіи рецепта. Молоденькая и очень миловидная миссъ, вся въ сѣромъ, выдававшая лѣкарства, тоиенъкой сковорокой, но обстоятельно, разъяснила мнѣ, какъ принимать, и совсѣмъ аккуратно лѣчиться, не пренебрегая указаніями доктора. Было пріятно слушать, какъ усердно и участливо она щебетала съ каждымъ больнымъ, словно птичка, у своего дубового окошечка. Полное отсутствіе даже тѣни казенного, стереотипного отношенія къ дѣлу; должно-быть, славная душа!—подумалъ я невольно, начиная чувствовать себя уже не такимъ безпомощнымъ и однокими.

Принимать я мікстуру очень аккуратно, но... облегченіе наступало туго. Упадокъ силъ продолжался, аппетитъ ослабѣвалъ; появились рѣжущія и тянущія боли въ сочлененіяхъ, состояніе духа было подавленное.

Въ такомъ состояніи я отправился черезъ нѣсколько дней въ больницу, но опоздалъ — двери уже были закрыты. Усталый, я присѣлъ на скамейкѣ, напротивъ,—и здѣсь мнѣ сдѣлалось дурно: мнѣ показалось, что кто-то внезапно окатилъ меня водой. Это была волна изнурительного пота; въ глазахъ щипали желтые круги, вданіе больницы заплясало и поплыло куда-то...

— Эй, пріятель!—услышалъ я чей-то сиплый предостерегающій голосъ:—тутъ нельзя спать, ограбить!

Поднимая глаза—толстый, круголицій субъектъ въ кургузой курткѣ, въ короткополой мягкой шляпѣ, съ небольшимъ павлиньимъ перомъ за лентой,—видимо, итальянецъ, какіе тутъ работаютъ на постройкахъ или по улицамъ продаютъ фрукты.

— Скажите, пожалуйста,—еле выговорилъ я,—гдѣ тутъ поблизости аптека?

Итальянецъ наклонился ближе, внимательно взглянувъ мнѣ въ лицо и въ ту же секунду послѣдніо отступилъ назадъ, почти отпрыгнулъ.

— Santa Maria benedetta! *)—воскликнулъ онъ въ страхѣ,—да у него іелоу-фиверъ! **) Васъ въ карантинъ надо, amico!

— Іелоу-фиверъ! Іелоу-фиверъ! — заинцидалъ откуда-то взявшийся маленький оборвышъ лѣтъ восьми.

— Іелоу-фиверъ! Берегитесь: іелоу-фиверъ! — живо подхватилъ другой, постарше.

*) Святая Марія благодатная!

**) Желтая лихорадка, чрезвычайно заразительная и опасная болѣзнь.

Два-три прохожихъ остановились по ту сторону рѣшетки сквера; трое или четверо—у входа; нѣсколько женщинъ, подошедшихъ купить картофеля изъ небольшой телѣжки торговца зеленью, суетливо перебѣгали площадь и вытянули шеи, чтобы получше разглядѣть причину тревоги. На лицахъ недоумѣніе, страхъ, недружелюбные взгляды въ мою сторону.

— Пожалуйста, укажите мнѣ аптеку! — тѣмъ временемъ молилъ я итальянца, чувствуя, что вотъ-вотъ нахлынетъ на меня новая волна и залонить сознаніе.

— Какая тамъ аптека, согро di Bacco!.. Въ госпиталь надо!.. Галоу *), мистеръ Катчеръ!—окликнулъ онъ проходившаго мимо коренастаго полисмэна съ широкимъ поясомъ въ рукѣ.—Вотъ, этому джентльмену нужно въ госпиталь!

Тотъ, не спѣша, вошелъ въ скверъ и прежде всего надѣлъ свой поясъ, въ знакъ того, что онъ снова при исполненіи обязанностей службы.

— Желаете въ госпиталь?—мягко спросилъ онъ, наклоняясь.

— Нѣтъ... Мнѣ стало дурно, я просилъ только указать аптеку...

Полисмэнъ повернулся къ итальянцу и вопросительно поднялъ брови.

— Да вы поглядите, мистеръ Катчеръ, глаза у него совсѣмъ желтые! Что его слушать!—задорно наставлялъ тотъ.

— Вы, мистеръ Дателли, не врачъ, однако,—замѣтилъ полисмэнъ.—Чѣмъ могу служить вамъ, сударь?..

— На Сунбернъ **) его!.. Вотъ чѣмъ!—не унимался итальянецъ.

— На Сунбернъ, на Сунбернъ! — раздались голоса изъ-за рѣшетки.

Полисмэнъ обернулся въ ту сторону, знакомъ успокаивая толпу.

— Мнѣ непрѣятно указывать вамъ, мистеръ Дателли, гра- ницы, которыя, какъ порядочному человѣку, вамъ и самому, безъ сомнѣнія, должны быть извѣстны,—сказалъ полисмэнъ вѣжливо.—Вы попуту беспокоите и больного джентльмена, и публику!.. Вотъ, сударь, насупротивъ—докторъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Хотите, доведу васъ до дверей?.. Это лучше аптеки..

Никогда еще въ жизни не видѣлъ я полицейскаго въ роли доброго самаритянина. Это разомъ подняло мою бодрость: я поспѣшилъ отказаться отъ его помощи и до кабинета врача добрался собственными силами.

Въ кабинетъ, у единственнаго, полузаставленнаго матовыемъ экраномъ, окна стояла софа, на которую докторъ Райтеръ тотчасъ

*.) Галоу—фамильярное восклицаніе, которымъ въ просторѣчи привѣтствуютъ пріятелей при встрѣчѣ.

**) Сунбернъ—островокъ на рейдѣ съ госпиталемъ для контагіозныхъ.

меня и усадилъ. Это былъ высокій, стройный человѣкъ, уже въ лѣтахъ, съ правильными чертами продолговатаго лица и замѣтно выдавшимся кадыкомъ. Сильно развитая нижняя челюсть придавала лицу выраженіе какой-то разъ навсегда застывшей торжественности, а блестящіе, выщуклые сѣрые глаза глядѣли строго-ласково, безъ сухости, свойственной большинству людей, привыкшихъ къ виду страданія.

— Гастроическое недомоганье? —тихо спросилъ онъ, взглядываясь мнѣ въ лицо.— Ну, отдохните... А пока выпейте вотъ это...

Онъ подалъ мнѣ стаканчикъ съ какими-то каплями. Я выпилъ и почти въ тотъ же моментъ ощутилъ боль, грозно напомнившую мнѣ недавно пережитыя.

Онъ выслушалъ внимательно мой сбивчивый рассказъ о болѣзни, также сосредоточенно осмотрѣлъ меня и спросилъ:

— Вы — не алкоголикъ?

— Нѣтъ.

— Лѣчитесь?

Я рассказалъ про висмутъ, про посѣщеніе госпиталя. Онъ на минуту примолкъ и задумался.

— Ничѣмъ, къ сожалѣнію, не могу вамъ особенно помочь! — проговорилъ онъ, вставая, и въ голосѣ его я, дѣйствительно, слышалъ сожалѣніе.— Процессъ долженъ идти своимъ чередомъ... Продолжайте, пожалуй, принимать вашъ висмутъ... Ведите правильный образъ жизни...

— Но, докторъ, я очень ослабѣлъ...

— Дальше ослабѣете еще больше, пока процессъ не закончится, я полагаю — выздоровленіемъ... Лѣкарства вамъ не помогутъ...

Онъ проводилъ меня до дверей, отказалвшись отъ предложенаго доллара, и на прощанье сунулъ какую-то карточку, сказавъ:

— Поправляйтесь, не тратьтесь на врачей... Когда почувствуете себя лучше, приходите по указанному тутъ адресу: не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ, и не о тѣлѣ одномъ надлежитъ намъ заботиться...

Повидимому, докторъ Райтеръ отличался своеобразными взглядами на медицину и, вѣроятно, принадлежалъ къ какому-нибудь религиозно-мистическому братству, адресъ котораго далъ мнѣ, заботясь о спасеніи моей души больше, чѣмъ о врачеваніи тѣла...

VIII.

Общество улучшенія быта бѣдныхъ — „Райскій Паркъ“.— Особенности американской благотворительности.

Я не стану утомлять читателя подробнымъ описаніемъ своей болѣзни и выздоровленія. Въ одномъ только отношеніи совѣтъ доктора Райтера принесъ мнѣ пользу: я понялъ, что нужно больше надѣяться на свои силы, чѣмъ на лѣкарства. Я стала

быть только по ясно выраженному требованію организма, иногда оставаясь безъ пищи по цѣлымъ днямъ; кромѣ того,— гуляя во всякую погоду, увеличивая разстояніе по мѣрѣ прибавленія силы.

Не могу, впрочемъ, не отдать дани благодарности одному превосходному благотворительному учрежденію, которому многимъ обязанъ въ этотъ періодъ выздоровленія отъ тяжкой болѣзни.

Направившись какъ-то осмотрѣть знаменитый „China Town“—часть Нью-Йорка, населенную китайцами,—я наткнулся на „People Baths“ (народные бани), учрежденіе, которое слѣдовало бы почтить своимъ вниманіемъ всѣмъ, кто сколько-нибудь серьезно интересуется дѣломъ охраненія народного здравія.

Рельефная металлическая вывеска надъ входными дверьми небольшого двухъ-этажнаго зданія гласила, что „People-Baths“ принадлежитъ „Обществу улучшенія быта бѣдныхъ“ *)

Тишина въ приемной, какъ въ церкви, и полнѣйшее отсутствіе свойственныхъ нашей банѣ промозглыхъ, кислыхъ запаховъ; о назначеніи зданія можно угадать лишь по нѣкоторому избыту влажности воздуха. У стѣны, противоположной входу, — кюсѣкъ съ окошечкомъ и неизмѣнной кассиршей. Заплативъ здѣсь установленные пять центовъ и получивъ взамѣнъ нѣсколько грубоватое, но безусловно свѣжее, холщевое полотенце и кусокъ душистаго мыла, достаточный, чтобы до бѣла вымыться хоть трубочисту, я долженъ былъ занять мѣсто на скамейкѣ,— для соблюденія очереди.

„Слѣдующій!.. Слѣдующій!“—раздавалось изъ глубины высокаго коридора, выходившаго въ приемную, и только по этому зову, не суетясь и не спѣша, одна за другой подымались со скамей обтертыя, усталыя фигуры и исчезали внутри зданія. Вскорѣ дошла очередь и до меня.

Я вступилъ въ обширный, роскошно цементированный залъ, съ высокимъ стекляннымъ потолкомъ; посерединѣ тянулся длинный стальной корпусъ кабинъ,—каждому посѣтителю отдѣльная. Надъ дверью коридора — черная по бѣлому фону лаконическая надпись: „Пользоваться двадцать минутъ“.

Кабина, продолговатая, свѣтлая комнатка съ рѣшетчатымъ стальнымъ переплетомъ, вместо потолка, занимаетъ около 8 кв. аршинъ. Она состоять изъ двухъ половинъ: раздѣльни и купальни, раздѣленныхъ гуттаперчевой занавѣской, передвигающейся на мѣдныхъ кольцахъ по горизонтальному стальному шесту. Стѣны, выкрашенныя ярко-бѣлою масляной краскою, по мѣрѣ надобности, обмываются дезинфицирующимъ растворомъ; пол—цементный, съ маленькимъ гуттаперчевымъ коврикомъ въ раздѣ-

*) Обществу этому принадлежитъ также инициатива устройства лѣтнихъ купальныхъ домовъ съ обширными резервуарами на 300—400 человѣкъ.

вальни. Единственная мебель — небольшая продолговатая (около полуаршина длиной) стальная полочка для сиденья, плотно вдѣланная въ боковую стѣну, на высотѣ $\frac{3}{4}$ арш. отъ пола. Экономія мѣста удивительная, и, только благодаря ей, и возможно устройство образцово-дешевыхъ народныхъ бань въ частяхъ города со скученнымъ населеніемъ, т. е. именно тамъ, где въ цѣляхъ общественной гигіиены въ нихъ и ощущается надобность. Такъ же расчетливо и цѣлесообразно устроена самая купальня съ душами, температуру которыхъ легко регулировать по мѣрѣ надобности.

Я еще не успѣлъ раздѣться, какъ въ наружную дверь постучались, и когда я отпѣръ — на порогѣ появился рыжеволосый служитель-шведъ, съ гордою, почти военной осанкой.

— Простите: забылъ спросить... Умѣете? — лаконически сказалъ онъ, кивнувъ въ сторону купального аппарата.

— Да, сумѣю.

— Въ первый разъ здѣсь?

— Въ первый.

— Хорошо. Можете оставаться полчаса. Это общее правило для первого раза...

Когда я пришелъ во второй разъ, — тотъ же шведъ внимательно посмотрѣлъ на меня и спросилъ, очевидно, узнавъ меня:

— Лѣчитесь?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— А!.. Обождите минутку!

Онъ куда то исчезъ, оставивъ меня въ коридорѣ, и вскорѣ такъ же стремительно вновь появился.

— Все время лѣченія можете оставаться по полу часу, а когда публики мало — и дольше.

— Слышите, Джимъ? — обратился онъ къ другому служителю, — мистеръ — больной: пусть его лѣчится на здоровье!

Такъ, безъ всякихъ рекомендаций, ходатайствъ и просьбы съ моей стороны, миѣ была доставлена эта льгота, въ данномъ положеніи для меня очень важная. Я нарочно останавливаюсь на этой мелочи, характерной для американскихъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденій. Это черта внимательности и совершенно не казенного отношения къ дѣлу. Эти люди сами угадывали, что нужно, и старались, чтобы учрежденіе приносило всѣмъ наибольшую пользу, — больнымъ, какъ и здоровымъ... Вообще, у американцевъ есть чѣму поучиться всѣмъ, кто интересуется благотворительностью и мѣрами оздоровленія общества.

Пришло миѣ какъ-то проходить невдалекѣ отъ Грендъ-стритъ по небольшому скверу, влѣво отъ которого раскинулась обставленная мрачными, неприглядными домами обширная площадь со слѣдами ужаснаго разрушенія, — точно послѣ свирѣпой бомбардировкѣ. Глубокія, полуразсыпанныя извилистыя рѣчины, напоминавшія подземные ходы средневѣковаго замка, обнажали бурыя, далеко ушедшія вглубь стѣны подвалныхъ этажей

съ какими-то амбразурами и нишами дверей, заложенныхъ кирпичемъ. Мѣстами, какъ обломки зубовъ издыхающаго диковинаго звѣра, торчали изъ земли остатки простыньковъ, и рабочіе бѣзъ сюртуковъ, но въ котелкахъ, разбирали стѣны, таскали камни и кирпичи и складывали ихъ въ приблизительно одинаковыя, равно отстоящія одна отъ другой кучи. Человѣкъ тридцать другихъ нагружали этими обломками безпрестанно, съ ритмической правильностью подъежавшія таратайки, или же выгружали привезенный ими черноземъ и разравнивали его по расчищенной уже отъ камней части площади.

Картина, въ общемъ, была не изъ обыкновенныхъ, и я поинтересовался узнать, что тутъ происходит.

— Paradise Park,—ответилъ мнѣ на вопросъ длинный, сухой нѣмецъ и прибавилъ: — о, это важное предпріятіе. Стоитъ два миллиона долларовъ!

Два миллиона долларовъ, — почти четыре миллиона рублей!.. Длинный нѣмецъ нѣсколько преувеличилъ, но производившіяся предо мной разрушительные работы, действительно, поглотили миллионы, и на этомъ стоить остановиться, хотя бы потому, что истратили эту уйму денегъ именно „сребролюбивые янки“, и при томъ—изъ побужденій, ничего общаго съ материальною выгодой не имѣющихъ...

Въ этомъ мѣстѣ, въ двухъ шагахъ отъ богатаго, блещущаго роскошью Бродуэя, долгіе годы процвѣталъ знаменитый „Paradise Park“ или „Райскій Парк“—гнѣздилище нищенства, порока и несчастья. Ничто, даже въ трущобахъ Уайтчепеля и Двора Чудесъ Парижа, не могло идти въ сравненіе съ царившей тутъ мрачной дикостью преступленій, нищеты и разврата Джексонъ, наблюдавшій самыя ужасныя сцены въ жизни подонковъ великобританской столицы, отзывался съ ужасомъ о нравахъ нью-йоркскаго „Paradise Park“...

Ограниченный пятью узкими, кривыми улицами, кварталъ этотъ состоялъ изъ множества высокихъ и узкихъ зданій, биткомъ набитыхъ десятками тысячъ одичавшихъ существъ обоего пола, давно уже отвыкшихъ отъ того, что называется заработаннымъ хлѣбомъ. Грабежи, убийства, всякаго рода членовредительства, обезображеніе нищими украденныхъ дѣтей, гнусный торгъ подростками обоего пола и животными, чередовались съ отвратительнѣшими ночными оргіями, въ которыхъ человѣкъ опускался ниже животнаго. Торговцы всей этой грязью были даже среди малолѣтковъ; съ другой стороны, десяти—дрѣнадцатилѣтнія дѣти попадались и среди потребителей. Ночи не проходило тутъ безъ того, чтобы изъ глубины узкихъ, извилистыхъ подземныхъ коридоровъ, какими таинственно сообщались вертепы, не раздавался раздирающій, быть можетъ, предсмертный стонъ, леденившій кровь случайного прохожаго. Здѣсь грабили даже днемъ, грабили на улицахъ, среди толпы, охотно укрывав-

шей преступника и остававшейся совершенно безучастной къ его жертвѣ, какъ и къ тѣмъ изъ райскихъ обитателей, которыхъ злой недугъ выбрасывалъ изъ рядовъ арміи отчаянія и обрекалъ умирать по угламъ грязныхъ, вонючихъ подваловъ, на голомъ полу, посыпая проклятія себѣ, міру, минутѣ своего рожденія... Въ иной годъ число безъ вѣсти пропавшихъ и, вѣроятно, погибшихъ во мракѣ подваловъ „Райского Парка“ возбуждало волненіе даже среди старыхъ, видавшихъ всякие виды полицейскихъ. „Но,—говорить Блокуэль“),—полиція оставалась одинаково бессильной, какъ въ защитѣ жертвѣ, такъ и въ передачѣ виновныхъ въ руки правосудія...“

Наконецъ, дошло до того, что жители ближайшихъ къ „Райскому Парку“ улицъ стали выселяться, а Паркъ, между тѣмъ, разроссталъ и поглощалъ все новыя жертвы: зловредная язва обнаруживала наклонность къ распространенію, угрожая омертвить не одно поколѣніе.

Тутъ-то и пришла на помощь энергія и практическая сметка привыкшаго къ самодѣятельности народа. Собранный по иниціативѣ нѣсколькихъ методистовъ монстръ-митингъ постановилъ: „такъ какъ всякое общество обязано бороться съ бѣдностью, условіями, ее порождающими, и слѣдствіями, изъ нея вытекающими, то—собрать необходимый капиталъ и выкупить главнѣшіе вертепы“.

Къ революції митинга не замедлило присоединиться и женское Міссионерское Общество **)—Ladies Missionary Society, рѣшившее тотчасъ же и безотлагательно вступить въ борьбу съ врагомъ въ самомъ его логовищѣ. Не одинъ годъ, однако, прошелъ въ безплодныхъ попыткахъ и усилияхъ повліять на самое населеніе „Paradise Park‘а“: свыкшійся съ отчаяніемъ, какъ съ естественнымъ своимъ состояніемъ, подчасъ озвѣрѣвшій, меньшой братъ гналъ отъ себя міссионерокъ-благотворительницъ, неустанно изо дня въ день проникавшихъ въ тотъ или иной приютъ съ живою помощью и словомъ участія; въ лучшемъ случаѣ ихъ беззастѣнчиво надували, были случаи—и не единичные—насилья и ограбленія.

Но препятствія не охладили героическихъ женщинъ, не омутили и общества, терпѣливо, съ завидною выдержаній выжидавшаго конечныхъ результатовъ, въ убѣжденіи, что энергія и трудъ побѣдятъ все. Шагъ за шагомъ шли труженицы къ намѣченной цѣли, пробуждая самосознаніе несчастныхъ, взывая къ отзывчивости счастливыхъ, и, наконецъ, передовая позиція врага была взята: была собрана значительная сумма и выкуплена „The Old Brewery“ („Старая Пивоварня“)—отвратительнейший изъ притоновъ, самая стѣны которого, казалось, были

*) „Putorial New-York“. Стр. 46.

**) Существуетъ уже свыше 100 лѣтъ.

пропитаны міазмами преступлений, на мѣстѣ же этомъ воздвигнуто многоэтажное зданіе „Миссія Пяти Угловъ“, со всѣми его учрежденіями существующее и теперь *).

Не мало содѣйствія въ этой борьбѣ проявило и „Общество попеченія о дѣтяхъ“, лѣтъ сорокъ тому назадъ открывшее въ той же части города процвѣтающее и понынѣ „Убѣжище для малолѣтнихъ газетчиковъ“, или News-boys' Lodging Hous **), где за шесть центовъ (около 11 к.) желающему выдается сытный, здоровый обѣдъ и за такую же плату—постель съ образцово-чистымъ и свѣжимъ бѣльемъ, а неимущимъ — то и другое бесплатно. Тутъ нелишне будетъ отмѣтить, что самая плата установлена, главнымъ образомъ, изъ этическихъ и воспитательныхъ соображеній, въ предположеніи, что здоровый, крѣпкій мальчикъ, во-первыхъ, всегда промыслить себѣ нѣсколько центовъ въ день продажею газетъ или переноскою пакетовъ съ покупками, а во-вторыхъ, что изъ побужденій здоровой гордости онъ скорѣе предпочтеть заплатить за пріютъ изъ своего заработка, чѣмъ пользоваться имъ даромъ ***).

Такимъ образомъ, подъ напоромъ общихъ дружныхъ усилий, мало по малу и пробита была брешь въ глухой стѣнѣ, отдѣлявшей обездоленныхъ отъ Божіяго міра; число клиентовъ, по собственной инициативѣ обращавшихся въ Миссію за помощью, стало возрастать. Однако же, самый очагъ разразы все еще продолжалъ существовать. Нужно было пустить въ ходъ радикальное средство—выкупить густо заселенный кварталъ сразу и цѣликомъ.

И вотъ, десятки митинговъ, сотни рѣчей, сотни газетныхъ статей и замѣтокъ принадились отчеканивать простую, но плодо-творную мысль: нравственное оздоровленіе зараженной мѣстности лежитъ на обязанности городского общества, въ его цѣломъ. И городъ отозвался: въ деньгамъ, собраннымъ по подпискѣ, муниципалитетъ внесъ недостающую, довольно значительную сумму, и, кажется, за миллионъ двѣсти тысячъ долларовъ (около

*) Тутъ подается бесплатная медицинская помощь съ раздачей лѣкарствъ (постоянное дежурство врачей, фельдшеровъ, акушерокъ и сидѣлокъ); тутъ бюро для прісканія занятій, бюро всевозможныхъ справокъ и юридической помощи; пріютъ, съ выдачей одежды и пищи неимущимъ; рядъ просторныхъ чистыхъ комнатъ для обѣднѣвшихъ, вслѣдствіе какого-либо несчастія, семействъ; школа грамотности, ремесленная, поварская, пѣвческая, клубъ обществъ воздержанія и трезвости, сберегательная касса, залъ для религіозно-нравственныхъ собесѣданій и увеселительныхъ собраній, библиотека, читальня.

**) При „Убѣжищѣ“, въ свою очередь, имѣются: профессиональная школа, дневные и вечерніе ремесленные классы, гимнастический залъ, читальня и библиотека. Многіе изъ призрѣваемыхъ, по достижениіи ими болѣе зрѣлаго возраста, попеченіемъ открытаго при пріютѣ бюро пристраиваются къ болѣе сложнымъ и выгоднымъ занятіямъ.

***) И предположеніе это блестяще оправдывается: за время существованія пріютъ потребовалъ на свое содержаніе около полумилліона долларовъ, изъ коихъ почти цѣлая треть образовалась изъ платы, внесенной клиентами.

2.235,000 рублей) „Paradise Park“ былъ выкупленъ и срытъ до основания, а на его мѣстѣ проектированъ публичный паркъ.

На этомъ дѣло не остановилось: дешевизна ли рабочихъ рукъ, цѣлою массой брошенныхъ на трудовой рынокъ, дальнѣйшія ли усиленія филантропической агитациі,—только вокругъ бывшаго „Райского Парка“ въ скоромъ времени выросъ цѣлый рядъ фабрикъ, дающихъ, быть можетъ, скучный, но вѣрный, а главное—трудовой кусокъ хлѣба тысячамъ тѣхъ, кого ждала тутъ нищенская жизнь и преждевременная смерть въ порокѣ, въ нравственной тьмѣ.

Конечно, и по настоящему Нью-Йоркъ не сталъ градомъ праведниковъ и даетъ, какъ и всякий другой міровой городъ, обильный материалъ статистикѣ преступленій *), но если и теперь еще гдѣ-нибудь на извилинѣ Молбери-Бенда или пасмурной Мотть-стритъ и небезопасно въ туманный осенний вечеръ проходить одинокому чужестранцу, за то все же спасена одна твердыня порока и нищеты. Теперь матери прилегающихъ къ „Пяти-Угламъ“ кварталовъ могутъ выпускать на улицу своихъ дѣтей безъ страха, что гдѣ-нибудь за угломъ ихъ уже поджидаетъ десяти - двѣнадцатилѣтній агентъ „Колодца наслажденій“ или „Адамова яблока“, прельщая ужаснымъ соблазномъ.

Уже изъ сказаннаго видно, что ходячее обвиненіе въ черствости, въ безучастіи американцевъ къ нуждающимся, а въ особенности къ надломленнымъ жизнью—несправедливо. Интересно, откуда идетъ, на чёмъ основывается подобное обвиненіе?..

На томъ, что психика американца, вообще, довольно рѣзко расходится съ психикой европейца. Всякаго вновь прибывающаго въ Америку рѣзко шокируетъ кажущееся отсутствіе въ американцѣ сердечности, сострадательности, въ насть, европейцахъ, почти всегда окрашенной оттѣнкомъ пріятной для насть сентиментальности. На дѣлѣ же, американецъ и въ себѣ, и въ своемъ ближнемъ прежде всего цѣнить гордость и личное достоинство. Американецъ не понимаетъ, какимъ образомъ нуждающийся ближній можетъ стать оселкомъ для самоусовершенствованія другого, и въ милостынѣ, если приходится подать ее, онъ прежде всего видѣть ужасное униженіе для принимающаго. Отсюда—на человѣка, способнаго испрашивать подаяніе, онъ склоненъ смотрѣть, какъ на существо, потерявшее стыдъ, опустившееся ниже бродяги, который, вообще говоря, скрѣе что-нибудь украдетъ, чѣмъ протянетъ руку за подаяніемъ.

*) Рѣдкая недѣля тутъ проходитъ безъ того, чтобы кого-нибудь не убили или хоть не поранили... За пять лѣтъ 1895—1901 гг. въ С. Шт. насчитывается 46,478 убийствъ, что составляетъ около 9% всего числа преступленій. Самоубийствъ за 12 лѣтъ (1889—1901) въ Нью-Йоркѣ было 3,769 или 20,9 на 100,000 ч. населенія.

Это, повторяю, отнюдь не значитъ, что американецъ пройдетъ безучастно мимо голоднаго; но накормить онъ его совсѣмъ не изъ тѣхъ традиционно-унизительныхъ для человѣческаго достоинства или фарисейскихъ побужденій, какъ это большою частью дѣлается у насъ. Приходитъ, напр., въ обѣденную пору на ферму безработный просить работы. Можно быть увѣреннымъ, что хотя бы здѣсь и не нуждались въ лишнемъ работнику, его тутъ накормить,—быть можетъ, даже за однимъ столомъ съ хозяиномъ. Послѣдній разсуждаетъ такъ: человѣкъ ищетъ труда — это его право. Онъ ищетъ его даже въ обѣденную пору, стало быть,—очень нуждается, вѣроятно, голоденъ, — надо накормить... Но пусть тотъ же прохожій попросить милостыни: онъ возбудить къ себѣ если не подозрѣніе, что это воръ, вышедшій на развѣдки, то пренебреженіе, даже гадливость, и уже во всякомъ случаѣ хозяинъ сочтетъ позоромъ посадить такого человѣка рядомъ съ собою.

При этихъ условіяхъ, естественно, въ странѣ должно рости число благотворительныхъ заведеній для лицъ неспособныхъ въ трудѣ и, наряду съ этимъ, — сокращаться до возможнаго минимума число нищихъ, что и видимъ въ Америкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, на первое июня 1890 г. въ богоугодныхъ заведеніяхъ пріезжалось:

слабоумныхъ . . .	95,609	(изъ нихъ бѣлыхъ 84,997)
глухонѣмыхъ . . .	40,592	(" " " 37,747)
слѣпыхъ . . .	50,568	(" " " 43,351)

Что даетъ громадное число 166,095 чел., неспособныхъ самостоятельно обеспечить себѣ существованіе трудомъ.

Въ то же самое время, въ качествѣ нищихъ, на улицахъ большихъ городовъ можно встрѣтить лишь дѣйствительно увѣчныхъ,—обыкновенно у людныхъ перекрестковъ. Да и эти немногіе—само-
ственно, не вицѣ, а какъ бы продавцы, предлагающіе прохожимъ дешевые карандаши, спички и т. п. гривеній товаръ, и одна лишь надпись бѣлыми буквами на черной висящей на груди доскѣ показываетъ публикѣ, что предъ нею — несчастный, обиженный судьбой. И вѣчно торопящіеся куда-то американскіе прохожіе даютъ ему на ходу свои центы, изрѣдка берутъ изъ его рукъ купленные ими предметы, а иной разъ даютъ и серебряныя монетки и уходятъ, не дожидаясь сдачи.

Всѣдѣствіе изложеннаго взгляда па благотворительность, дѣятельность самихъ благотворительныхъ обществъ — они насчитываются тутъ десятками — носитъ здѣсь, преимущественно, общество-
ственно-утилитарный характеръ: слѣдуетъ улучшать саму жизнь, а не бросать лишь крохи бѣднымъ. Таковъ не высказанный, но рѣзко сквозящій во всемъ мѣстномъ благотворительному обиходѣ девизъ американского милосердія.

П. Владыченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

этимъ примириться. Вообщѣ, онъ обращался очень почтительно съ тещей, но въ послѣднее время болѣею частью уходилъ изъ дома или запирался въ мастерской, когда появлялась госпожа Лалгенъ. Конечно, она это вскорѣ замѣтила и не преминула указать дочери...

И ко всему этому постоянныя денежныя затрудненія, необходимость сводить концы съ концами, разсчитывать каждый грошъ!

Во время своей холостой жизни Бреденгоферъ привыкъ таки сорить деньгами и не очень печалился, если карманъ, случалось, пустовалъ. Онъ всегда могъ перехватить то тамъ, то здѣсь и отъ дяди Германа никогда не слыхалъ отказа. Теперь онъ не получалъ помощи ни откуда, а нуждался въ ней больше, чѣмъ когда-либо. Право, простолюдинамъ жить легче, имъ не надо заботиться о вѣшнихъ условіяхъ, а вотъ когда принадлежишь къ извѣстному классу общества, то волей-неволей приходится соблюдать декорумъ. Чтобы поддерживать къ себѣ уваженіе, необходимо имѣть хоть вѣшнее, показное благосостояніе; и горе тому, кого не хватаетъ на это,—не долго онъ продержится среди своихъ!

Молодой человѣкъ съ глубокимъ вздохомъ провелъ рукой по лбу. Онъ былъ блѣденъ и худъ, въ глазахъ чувствовалось утомленіе, лобъ и виски были влажны... Лѣниво и неохотно ваялся онъ снова за кисть. Въ этотъ вѣтряный, жаркій день онъ чувствовалъ себя особенно плохо: какая-то свинцовая тяжесть во всѣхъ членахъ, непонятная усталость, отъ которой едва волочатся ноги. Ему надо было сходить въ городъ, но онъ все оттягивалъ эту необходимость, при мысли, что надо будетъ выбраться на четвертый этажъ. Уже давно у него совсѣмъ не было аппетита, и онъ ъль только потому, что болѣеѣ глаза Лены умоляюще смотрѣли на его нетронутую тарелку. Эти взгляды были настоящимъ мученіемъ, и онъ чувствовалъ, какъ въ немъ закипало необъяснимое раздраженіе противъ жены. А вѣдь онъ любилъ ее! О, да, конечно! Когда ея не было дома, онъ всегда тревожился—гдѣ она, что съ ней? Но если она сидѣла рядомъ, ему хотѣлось подразнивать ее, затрогивать непріятные для нея вопросы. Они вспыхивали оба, горячились, а потомъ... потомъ... какъ сладко бывало примиреніе! Скучно и однобразно быть всегда въ ладу: художнику необходимо возбужденіе, волненіе..

— Ахъ! — Бреденгоферъ тяжело перевелъ дыханіе и закрылъ лицо руками; имъ овладѣла непобѣдимая сонливость. Онъ сидѣлъ и бесознательно прислушивался къ стуку въ дверь. Онъ не могъ бы сказать, надѣ чѣмъ онъ такъ заду-

мался: обрывки мыслей, неопределенные и тяжелые, смутно шевелились въ мозгу.

Опять постучались.

— Войдите!

На порогъ показалось привѣтливое лицо доктора Рейтера.

— Здравствуйте, мой юный другъ! А я уже думалъ, что и васъ нѣтъ дома. Я стучалъ разъ пять или шесть!

— Простите, пожалуйста!

Бреденгоферь вскочилъ въ смущеніи. Неужели же онъ, дѣйствительно, заснуль?

— Такъ заработались?

Рейтеръ подошелъ къ мольберту и сталъ рассматривать картину.

— Недурно, очень недурно! Гдѣ вы нашли такой интересный колоритъ?

Гордость автора заговорила въ Бреденгоферь: въ словахъ Рейтера ему послышалось искреннее восхищеніе. Его усталое лицо оживилось.

— Это скалы въ Герольштейнѣ при закатѣ солнца,—началь онъ объяснить.—Вы знаете, прошлой осенью яѣздила туда специально на этюды; это мѣсто еще не заражено туристами, а я люблю уединеніе. Теперь я все раздумываю, какъ назвать эту картину: въ этихъ яркихъ, каменныхъ глыбахъ, на мрачномъ сѣромъ фонѣ, есть что-то символическое.

Докторъ Рейтеръ насторожился.

— Это прекрасная идея, изъ нея можетъ нѣчто выйти. Вы скоро кончите картину?

— Скоро ли я ее кончу? О, нѣтъ!

Бреденгоферь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, наклонилъ голову, прищурилъ глаза и внимательно рассматривалъ пейзажъ.

— Если бы мнѣ только найти краски, краски!—Въ увлеченіи онъ подошелъ къ самой картинѣ и чуть не трогалъ ее пальцемъ. — Видите ли этотъ красный цветъ? Онъ долженъ быть совсѣмъ иного тона, онъ долженъ горѣть! А тутъ въ разсѣяніи скалы попадать солнечный лучъ и борется съ тьмой ущелья. Здѣсь, видите, здѣсь играютъ блики отраженного свѣта... а съ этой стороны,—вы слушаете? Обратите вниманіе, тутъ уже совсѣмъ темно, сѣрый камень глядить мертвѣкомъ, а на небѣ еще догораютъ яркие, фантастические огни...

— Прекрасная картина! — подтвердилъ Рейтеръ. — Когда она будетъ закончена, она должна произвести удивительное впечатлѣніе!

— О, да! — Бреденгоферъ глядѣлъ на свое дѣтище вдохновенными глазами, его щеки разгорѣлись, онъ улыбался.

— Я еще хочу добавить птицу, которая одиноко и таинственно вылетаетъ изъ глубины ущелья и несется къ небу, какъ душа, жаждущая свѣта. Лучъ солнца горить на краяхъ ея широко распостертыхъ крыльевъ... Подумайте только, какъ это величественно! — Онъ протянулъ руку къ полотну. — И она теряется тамъ, высоко, высоко, въ небесахъ! Да, долженъ это написать!

— Великолѣпно, великолѣпно! — Докторъ Рейтеръ былъ внѣ себя отъ восторга. — Вы поэтъ! — Онъ обнялъ юношу. — Знаете что, мой дорогой другъ! Вы должны выставить эту картину, безъ сомнѣній, безъ колебаній, непремѣнно! Она вамъ доставить извѣстность, славу!

— Какъ вы говорите? Выставить? — сказалъ Бреденгоферъ. — Пожалуй... Только вѣдь это очень трудно: принимаютъ лишь людей съ именемъ, а я не хочу пробовать напрасно и получить отказаніе, — добавилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— Еще этого не хватало! — Рейтеръ положительно сіялъ отъ избытка чувствъ. — А я-то на что со всѣми моими связями? Отлично! Всю жизнь разыгрывать мецената и не помочь при случай начинающему таланту! Но я вамъ говорю, я знаю толкъ! Говорю, что картина хороша, очень хороша! — Онъ еще разъ подошелъ къ мольберту, потомъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и прищурился. — Мало сказать хороша, превосходна, чудесна! Это освѣщеніе! А настроенія сколько! Ее примутъ на каждую выставку, и покупатели найдутся, вѣрьте мнѣ, и еще спорить будутъ, кому достанется! — Онъ положилъ руку на плечо совершенно осчастливленного юноши и закончилъ значительно и съ ударениемъ: — Вы еще припомните когда-нибудь мои слова! Знайте, эта картина — первая ступень къ вашей славѣ! Такъ-то, мой милый, юный другъ!

Краска залила слегка заострившіяся черты лица Бреденгофера, и онъ сталъ глядѣть здоровье и моложе. Онъ невольно выпрямился и бросился на грудь къ старику.

— Благодарю васъ, благодарю, — повторялъ онъ съ почти дѣтскимъ увлеченіемъ. — Она мнѣ удастся, должна удастся, я вѣрю въ это! — Его глаза блестѣли, а въ голосѣ звенѣли какіе-то новые звуки. — Да, да! Я знаю навѣрное, что закончу ее, и тогда... прощай нужда и грошевые расчеты! Лена ни въ чемъ не должна терпѣть недостатка. И я самъ поправлюсь... — онъ почти робко взглянулъ на свои желтныя, какъ воскъ, прозрачныя руки, — я опять буду такимъ, какъ прежде. Знаете, — онъ довѣрчиво взялъ Рейтера подъ

руку и сталъ ходить съ нимъ ваадъ и впередъ по мастерской, — съ непривычки страшно трудно экономить! Никакъ этому не научишься!

Старикъ, съ юношески свѣжимъ лицомъ, озабоченно посмотрѣль на молодого человѣка со странными, нельзя сказать старческими, но усталыми складками у рта и глазъ.

— Скажите, Бреденгоферъ, что съ вами? — сказалъ онъ участливо. — У васъ очаровательная, молодая жена, вы оба талантливы, вы идеальная парочка, собственно говоря, и, однако, что-то васъ угнетаетъ?

— Я и самъ не знаю!

Бреденгоферъ подошелъ къ зеркальцу, висѣвшему на стѣнѣ противъ его мольберта.

— Видите-ли, у меня всюду морщники, какъ у старика. Да что говорить! — Онъ быстро отвернулся отъ зеркала и, показывая на щеки, добавилъ: — Онъ снова станутъ розовыми и свѣжими. Дорогой докторъ, вы сдѣлали доброе дѣло, вы снова вдохнули въ меня бодрость. Я точно ожиль.. Ля-ла! Ля-ла-ла!

Тихонько напѣвая, онъ снова остановился передъ картиной.

— Это путешествіе въ Герольштейнъ принесло мнѣ счастье.—Онъ разсмѣялся.—Куда это Лена запропастилась? Вотъ-то она удивится! Но я ей сразу не скажу!

— Пожалуйста, передайте мой сердечный привѣтъ вашей женѣ! — Рейтеръ приложилъ руку къ сердцу и съ восторгомъ поднялъ глаза кверху:—Что за прелестная женщина! Просто, маленькая волшебница! Ну, до свиданья, юный художникъ! Только заканчивайте картину, остальное касается меня.

Они пожали другъ другу руки. Рейтеръ на прощанье добавилъ съ улыбкой:

— Страшно занять сегодня, долженъ спѣшить. Надо забѣжать еще въ двѣ-три мастерскія, — обѣщалъ побывать. Потомъ долженъ заѣхать къ Перичони,—знаете, восходящая оперная звѣзда, — я далъ слово показать ей Берлинъ, и мы пойдемъ кататься. Вотъ обворожительная женщина, я вамъ доложу!—Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ.—Глаза—темные, какъ бархать, и бездонные, какъ ночь; довольно поглядѣть на нихъ, чтобы потерять разсудокъ! Цвѣтъ лица — матовый! А ротикъ! О, этотъ ротикъ!

Рейтеръ не стоялъ на мѣстѣ отъ восхищенія.

— Должно быть, это очень красиво,—сказалъ безучастно Бреденгоферъ.

Онъ слушалъ разсѣянно, всѣ его мысли были заняты картиной. Онъ смотрѣль на мольбертъ съ страстной тоской:

ему не терпѣлось сейчасъ же приняться за работу. Теперь онъ, навѣрное, сразу подыщетъ краски.

— Знаете что, дружище! — Рейтеръ схватилъ его за верхнюю пуговицу пиджака. — Вы должны познакомиться съ Пе-ричони. Это для васъ находка! Истинно артистическая натура! Я васъ на-дняхъ приглашу съ ней вмѣстѣ. Хотите?

— Да, да... — молодой человѣкъ, поглощенный своими мыслями, рѣшительно ничего не слышалъ.

— Итакъ, еще разъ до свиданья! Поклонъ вашей женѣ! До свиданья, прощайте! Всего лучшаго!

Онъ ушелъ, и Бреденгоферъ остался одинъ въ своей мастерской. Сильный порывъ вѣтра ворвался въ окно и вновь разбросалъ по всей комнатѣ исписанные листки бумаги, лежавшіе на столѣ. Бреденгоферъ собралъ ихъ и положилъ на прежнее мѣсто. Скоро, наконецъ, ему можно будетъ не марать рукъ объ чернила, не строчить статеекъ въ мелкія газетки и не дрожать вѣчно отъ страха, что ихъ не примутъ. Быстрымъ движениемъ онъ повернулся къ своей картины и остановился, точно въ первый разъ глядя на нее любовнымъ взглядомъ.

Итакъ, это первая ступень къ славѣ!

Давно забытое ощущеніе счастья и радости овладѣло имъ. И въ то же время лихорадочная жажда дѣятельности, непрѣливое желаніе показать свѣту оконченное произведеніе. Онъ началъ писать и писалъ, не останавливаясь, ни разу не колеблясь въ выборѣ краски, не допуская ни критики, ни сомнѣнія. Пульсъ его учащенно бился, а на похудѣвшихъ щекахъ выступилъ яркій румянецъ. Губы его улыбались: мысленно онъ уже видѣлъ свою картину на выставкѣ, читалъ о ней отзывы въ газетахъ, публика спѣшила увидѣть новое произведеніе дотолѣ неизвѣстнаго автора. У картины стояла толпа, слышались возгласы удивленія и восторга, вопросы о цѣнѣ... Бреденгоферъ остановился въ смущеніи: сколько, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ ему запросить? Надо посовѣтоваться съ Рейтеромъ. Впрочемъ, денежный вопросъ отступалъ на второй и даже третій планъ: главное — заявить о себѣ, проявить талантъ. Счастливое выраженіе застыло на его лицѣ. Онъ продолжалъ работать, слегка посвистывая. Потъ мелкими каплями струился по его блѣднымъ, впалымъ вискамъ, но онъ не замѣчалъ ничего.

Дверь осторожно пріотворилась и въ ней показалось разгоряченное лицо Лены, выглядывавшее изъ подъ широкополой соломенной шляпы. Она лукаво усмѣхалась, ей не терпѣлосьскорѣе сообщить мужу важную новость, и она закрывала ротъ букетомъ, точно желая заставить себя молчать насилино. Онъ работалъ, не оборачиваясь, хотя освѣ-

щение измѣнилось: туча заволокла небо, и зловѣщіе мутно-желтые тона, предвѣщавшіе бурю, давали невѣрные оттѣнки краскамъ.

— Ричардъ!

Онъ не слышалъ. Лена еле сдерживала веселый смѣхъ. Она размахнулась и бросила въ него букетомъ. Цвѣты попали въ мольбертъ, по счастью, не задѣбъ картины, и упали на полъ.

Бреденгоферъ громко вскрикнулъ и вскочилъ съ мѣста. Видно было, что онъ перепугался и разсердился.

— О, Ричардъ, прости!

Лена бросилась къ нему и обвила его шею обѣими руками.

— Я не думала тебя испугать! Я хотѣла тебя только заставить очнуться. Ты такъ задумался! Ну, не сердись! Ты послушай!—Она цѣловала его мягкими теплыми губами.—Какая у меня новость... отгадай!

— Что такое?—онъ ласково поглядѣль на нее, погладилъ по головѣ, потомъ опять повернулся къ картинѣ. Розы, незамѣченныя, лежали на полу.

Лена наклонилась и подняла цвѣты.

— Бѣдняжки!—сказала она тихо.

Прошло нѣсколько минутъ. Онъ продолжалъ работать, не отрываясь. Молодая женщина не вытерпѣла, ей надо было подѣлиться своей радостью.

— Послушай,—начала она,—я была сегодня у Дэмеля, знаменитаго профессора, моего бывшаго учителя, и просила его достать мнѣ ангажементъ или уроки. Онъ предложилъ мнѣ аккомпанировать у него на дому его ученицамъ три раза въ недѣлю... И только подумай, Річардъ, я буду получать за это семьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ! Семьдесятъ марокъ! Вѣдь это чудесно! Столько денегъ! Какъ я счастлива!—Она хлопала въ ладоши и, какъ ребенокъ, вертѣлась на каблукахъ. Вдругъ она остановилась и притихла.—Что у тебя за лицо сегодня, Ричардъ? Ты недоволенъ, что я пошла къ нему тайкомъ отъ тебя? Но вѣдь вышло все къ лучшему?!—Въ смущеніи она искоса поглядывала на него.

Онъ былъ багрово красенъ, и между бровей появилась складка, не предвѣщавшая ничего доброго.

— Какъ ты могла это сдѣлать!—онъ гнѣвно топнулъ ногой.—Что ты воображаешь себѣ?.. Какъ могла ты это выдумать?! И изъ за семидесяти марокъ въ мѣсяцъ... Вѣдь это нищенское вознагражденіе! Да если бы онъ предложилъ тебѣ сотни, я бы и то не далъ своего согласія! Сидѣть часами, согнувшись надъ роялемъ, при твоемъ слабомъ здоровыи, барабанить, какъ машина, унизить до этого твоё искусство

и отнимать тебя у меня на цѣлыхъ полдня... Нѣть, нѣть, ни за что! Какой ты ребенокъ!—Онъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и весело и звонко разсмѣялся: — Выбей эту глупость изъ головы! И самой тебѣ это не доставить удовольствія, поѣхъ миѣ.

Она все ниже и ниже опускала голову. Конечно, ей всегда казалась очень незавидной доля аккомпаніатора, но теперь она ухватилась за эту мысль. Ей съ каждой минутой казалась заманчивѣе мечта самой зарабатывать деньги, жертвовать собой до нѣкоторой степени, и вдругъ ея мужъ ни съ того съ сего заявляетъ: выкинь это изъ головы!

Она поблѣднѣла:

— Но намъ нужны деньги...—пропшептала она,—и я также хочу...

— Дурочка!—Онъ обнялъ ее за плечи и подвелъ къ картинѣ.—Ты взгляни на это! Только что былъ Рейтеръ и сказалъ, что эта картина составить мнѣ извѣстность. Такъ посуди сама, могу ли я дозволить своей женѣ пропадать полдня изъ за какихъ-то семидесяти марокъ. Да если бы мнѣ и не повеяло настолько, я всетаки никогда этого не допущу: я черезчуръ люблю тебя.

— Но мнѣ бы такъ хотѣлось...

Онъ перебилъ ее.

— Радуйся со мной вмѣстѣ, Лена!—И онъ обѣими руками поднялъ ее на воздухъ.—Скоро всѣмъ напимъ заботамъ конецъ! Мы сможемъ обходиться безъ помощи твоего брата, которая меня порядочно-таки тяготитъ. Мать тоже перестанетъ вѣчно плакаться... Хорошо мы заживемъ съ тобой!

Лена разсѣянно смотрѣла на картину. Мужъ не сказалъ ей ни одного теплаго слова, онъ не понялъ, какъ трудно было ей рѣшиться пойти къ профессору, чего ей стоило согласиться на роль аккомпаніатора: онъ былъ занятъ только своей картиной.

Она высвободилась изъ его объятій и подошла къ окну.

— Тебѣ не нравится моя картина? Ты не говоришь ни слова?—сказалъ Бреденгоферъ, не отходя отъ мольберта,—это очень странно съ твоей стороны,—добавилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы.

Лена обернулась. Выраженіе его лица непріятно поразило ее, и она отвела глаза.

Она ощущала что-то странное, какую-то непонятную тоску, отчужденность отъ мужа и неудовлетворенность.

Что съ ней? Неужели она не счастлива. О, нѣть, какая странная мысль!..

Но непрошеннія слезы одна за другой катились по ея щекамъ.

На дворѣ между тѣмъ темнѣло. Черная туча надвигалась все ближе. Наконецъ, хлынулъ дождь.

— Какая досада! — воскликнулъ Бреденгоферъ, бросая кисть.

XI.

Магдалина Бреденгоферъ стояла передъ зеркаломъ, прі-мѣряя большую черную шляпу съ перьями. Широкія поля выгодно отгѣняли ея тонкое, блѣдное лицико. Вчера они увидѣли съ мужемъ эту шляпу въ окнѣ магазина, она была довольно дорога, но Ричардъ настоялъ на томъ, чтобы ее купить.

— Она тебѣ къ лицу! — сказалъ онъ женѣ. — И при томъ въ ней что-то художественное. Да и перья тебѣ всегда пригодятся! Теперь, когда моя картина на выставкѣ, намъ нѣть необходимости такъ стѣсняться. Мнѣ хочется, чтобы завтра ты была интересна! — Онъ вошелъ въ лавку, а она не оказала ни малѣйшаго сопротивленія.

Шляпа, дѣйствительно, шла къ ней необыкновенно и очень скрашивала и дополняла ея туалетъ: на ней было скромное бѣлое шерстяное платье, оставшееся еще со времень дѣвичества. Зеркало отражало тоненькую фигурку съ блѣдными щеками и блестящими глазами, окруженнymi темною тѣнью.

Послѣднее время ей пришлось пролить не мало слезъ: разрывъ съ братомъ послѣ рѣзкаго письма къ нему Ричарда, постоянное неудовольствіе матери... Она всячески скрывала свое огорченіе отъ мужа, чтобы не разстраивать его по-напрасну.

И сегодня она охотно осталась бы дома вмѣсто того, чтобы идти на устроенное докторомъ Рейтеромъ свиданье съ модной гѣвицей.

Дверь въ спальню отворилась, и вошелъ Бреденгоферъ уже въ шляпѣ, съ тросточкой подъ мышкой и перчатками въ рукахъ.

— Готова ты? — спросилъ онъ весело, — какъ тебѣ идти шляпа! Ну что, двигаемся?

— Я бы предпочла не идти вовсе, — сказала Лена. — Оставь меня... Мнѣ не по себѣ... Я нездорова... — Она вдругъ разрыдалась.

— Что съ тобой? — онъ окинулъ ее озабоченнымъ взглядомъ и привлекъ къ себѣ. — Послѣднее время ты такая нервная, раздражительная... Ради Бога, не распускайся, это можетъ плохо кончиться.

— О нѣть, не бойся, — сказала она холодно и отодвину-

лась отъ него.—Онъ не понимаетъ меня,—подумала она,—ему и дѣла нѣть до того, что я тоскую о братѣ.—Я могу пойти, если ты этого хочешь, — сказала она беззвучно,—мнѣ все равно.

Они вышли подъ руку на улицу, оба стройные, красивые, изящные.

Докторъ Рейтеръ уже давно мечталъ свести своихъ юныхъ друзей съ синьорой Перричіони. Теперь было условлено сойтись въ скверѣ около зданія выставки.

— Вотъ увидишь, Лена, мы превесело проведемъ время!— Повидимому, онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи: глаза его блестѣли и смотрѣли смѣло и весело.

Они взяли парнаго извозчика и быстро покатили по улицѣ, залитые заходящими лучами сентябрьскаго солнца.

— Какая ты хорошенъкая сегодня, и какъ я тебя люблю,— сказала весело Бреденгоферъ.—Какъ только продамъ картину, мы будемъ кататься съ тобой ежедневно!

Она кивнула головой. Его веселое настроеніе мало-помалу сообщилось и ей.

Рейтеръ встрѣтилъ ихъ у воротъ. Онъ подалъ руку Ленѣ и повелъ ее сквозь густую толпу къ столику, за которымъ уже сидѣла пѣвица съ темнымъ брюнетомъ-итальянцемъ, ея аккомпаніаторомъ.

— Позвольте представить: господинъ и госпожа Бреденгоферъ. Онъ — чудный художникъ, она — маленький соловушко. Синьора Перричіони—наша божественная, несравненная дива. Синьоръ Лавалло.

Быстро завязался оживленный разговоръ. Лена, вначалѣ разочаровавшаяся въ пѣвицѣ, должна была признаться, что въ этой полной и немолодой женщины неистощимый запасъ жизни, энергіи и веселья. Бреденгоферъ занялся ею исключительно, а къ Ленѣ подсѣлъ синьоръ Лавалло.

— Вы тоже пѣвица?—съ нѣжными пѣвучими нотами въ голосѣ, спрашивалъ онъ молодую женщину, низко къ ней наклоняясь.—Вы должно быть прекрасно поете?

— О, я право не знаю...—смущенно возражала Лена,—не знаю...

— Я вижу сразу, что въ васъ есть нѣчто артистическое. Въ вашихъ глазахъ чувствуется музыкальная натура. Не возражайте, я человѣкъ опытный. Вы спросите синьору Перричіони, сколько талантовъ я открылъ и вывелъ на дорогу.

Дива и ея импресаріо обмѣнялись болѣе чѣмъ дружескимъ взглядомъ.

— Докторъ Рейтеръ, — продолжалъ Лавалло, обращаясь къ Ленѣ,—много говорилъ мнѣ о васъ. А онъ и знатокъ, и вѣрный цѣнитель искусства. Я бы очень хотѣлъ васъ послу-

шать. Отсюда я ёду въ большое турне по Россіи: я намѣренъ дать рядъ концертовъ въ Варшавѣ, Москвѣ, Петербургѣ и во всѣхъ большихъ городахъ. Мнѣ еще не достаетъ исполнительницы народныхъ пѣсенъ. Я бы хотѣлъ юную, то-ненькую, изящную пѣвицу, съ нѣжнымъ голосомъ. Вы вѣдь знаете эти простыя, незатѣмливыя мелодіи, которыя просятся въ душу. Ей не надо даже особенной подготовки, только бы было нѣчто, то самое, что чувствуется въ васъ.—Онъ наклонился и поцѣловалъ ей руку.—О да, у васъ въ избыткѣ это непередаваемое нѣчто.

Она смотрѣла на него почти испуганная, но польщенная.

— А развѣ синьора Перричіони не можетъ такъ пѣть?

— О нѣть, она не для этой музыки. Она, какъ бы это сказать, черезчуръ много изучала классиковъ и утратила отчасти непосредственное чутье, необходимое для народной музыки. И при томъ... эти пѣсенки удаются только тѣмъ, у кого такая чистая душа, какъ у васъ...—Онъ смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ нѣжнаго восторга и удивленія въ большихъ влажныхъ глазахъ.

Симпатія Лены къ ея собесѣднику все возраستала.

— А когда можно мнѣ васъ услышать?—спрашивалъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Право, не знаю...—Она робко поглядывала на мужа, но тотъ былъ всецѣло поглощенъ синьорой Перричіони.—Заходите къ намъ какъ-нибудь, я вамъ спою.

— О, благодарю васъ, благодарю васъ!—Онъ крѣпко жаль ей руку.—Скажите, поете вы какія-нибудь изъ пѣсенокъ, отъ которыхъ слезы выступаютъ на глаза?

Ленѣ было пріятно говорить съ человѣкомъ, который, повидимому, такъ любить искусство. Она говорила о музыкѣ съ блестящими глазами, ежеминутно спрашивала его:—Знаете вы это? а это?—и если онъ отвѣчалъ отрицательно, она тихонько напѣвала мелодію и говорила ему слова.

Всѣмъ сидящимъ было, повидимому, очень весело: вечеръ былъ прохладный и тихій, электрические фонари бросали мягкой свѣтль на нарядную, пеструю, шумную толпу. Оркестръ весело наигрывалъ вальсы и маурки.

Когда въ воздухѣ почувствовалась ночная свѣжесть, никому не хотѣлось расходиться, и рѣшено было перейти въ небольшой ресторанъ, знакомый Бреденгоферу еще со временемъ его студенчества. Рейтеръ приказалъ подать шампанскаго, и веселье стало болѣе шумнымъ. Лена сіяла отъ счастья: слова Лавалло зажгли въ ней угасшую было надежду на возможность артистической карьеры. Если бы онъ дѣйствительно взялъ ее съ собой въ турне, и она бы вер-

нулась, покрытая славой!.. Тогда прощай нужда, невзгоды, тревоги. Она искоса поглядывала на мужа... Что-то онъ скажеть? ужъ, конечно, порадуется и будеть гордиться ею...

Когда они вышли, Ричардъ спросилъ ее:

— О чемъ ты разговаривала съ итальянцемъ?

— Онъ хочетъ прийти послушать мое пѣніе.

— Зачѣмъ это еще?

Его равнодушный тонъ покоробилъ ее.

— Онъ хочетъ пригласить меня въ турне по Россіи.

— Ну это еще что за выдумка?—Онъ засмѣялся.—Пустяки! Брось, пожалуйста...—Она ничего не возразила, но, глубоко оскорблennая, молча и сосредоточенно шла впередъ, не глядя на него и избѣгая опираться на его руку.

XII.

Лена взволнованно ходила по комнатѣ. Рояль былъ раскрыть, ноты разбросаны въ беспорядкѣ. Лавалло только что ушелъ. Лена спѣла ему нѣсколько своихъ любимыхъ вещей и рѣшительно привела его въ восторгъ. Онъ вскочилъ съ мѣста, цѣловалъ ей руки, повторялъ:

— Вы для меня настоящая находка! Этотъ въ душу проникающій голосъ, эта грація исполненія! Нѣть, рѣшительно сама судьба столкнула меня съ вами!

Лена не помнила себя отъ счастья: она видѣла уже себя на эстрадѣ, а у ногъ своихъ тысячную рукоплещущую толпу. У нея захватывало духъ, и она не могла стоять спокойно на мѣстѣ. А Лавалло, то и дѣло цѣлюя ей руки и близко заглядывая въ лицо, повторялъ:

— Вы должны на концертахъ одѣваться совсѣмъ просто: гладкое бѣлое платье и никакихъ украшеній. Волосы зачесаны почти гладко и заплетены въ двѣ косы... Мы поставимъ на афишѣ, что вы дѣвушка, это будетъ лучше. Вѣдь на видъ никто не дастъ вамъ больше шестнадцати лѣтъ. О, вы будете имѣть колоссальный успѣхъ, ручаюсь: вы умѣете тронуть слушателя.

Уходя, синьоръ Лавалло оставилъ Лену взволнованной и счастливой. Ей не терпѣлось подѣлиться своей радостью съ Ричардомъ, но онъ ушелъ на выставку. Наконецъ, она услышала звукъ его шаговъ на лѣстницѣ и выбѣжала за дверь.

— Что съ тобой, Лена? отчего ты такая горячая, возбужденная?

Она обняла его обѣими руками и, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, шептала:

. — О, Ричардъ, какое счастье! Синьоръ Лавалло приглашаетъ меня съ собой въ Петербургъ.

— Что?! въ Петербургъ? съ Лавалло?

Онъ расхохотался.

— Вотъ выдумала!

Она не сдалась сразу и стала совершенно серьезно доказывать ему всѣ выгоды этого предложенія.

— Ты подумай только,—закончила она съ пылающими щеками,—вѣдь я могу стать знаменитой пѣвицей!

— И ты воображаешь, что я тебя отпущу?—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Ты?!... не пустишь... нѣть, ты не можешь... ты этого не сдѣлаешь...

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

Онъ упрямо кивнулъ головой.

— Нѣть, сдѣлаю. Я тебѣ сказалъ и повторяю: этого не будетъ! Это безумная фантазія, которая можетъ зародиться только въ женскомъ мозгу. Если еще разъ этаъ Лавалло сунется сюда, я его выброшу за дверь!

— Ты этого не смѣешь сдѣлать!—крикнула она въ себя.

— Нѣть, я это сдѣлаю!

— А, ты и это хочешь отнять у меня! О, ты!!.. Огдай мнѣ мое искусство, мое пѣніе, мою счастливую свободу! Ты отнялъ у меня брата, отнялъ мое... мое... а теперь...

Она разрыдалась.

— Договоривай! — горячо подхватилъ онъ, хватая ее за руки.—Что я отъ тебя отнялъ? Твоего брата и...—онъ крѣпче сжалъ ея руки,—говори!

— Ничего, ничего,—повторяла она, придя въ себя и съ ужасомъ глядя въ его искаженное страданье лицо.

— Ты не хочешь мнѣ сказать, но я знаю: я отнялъ у тебя твоё счастье!..

Онъ выпустилъ ея руки и медленными шагами, сгорбившись и волоча ноги, какъ старикъ, пошелъ къ дверямъ.

— Ричардъ! Ричардъ! — крикнула она со слезами и бросилась за нимъ.—Ричардъ, прости меня, я... я...—она остановилась на минуту и потомъ крикнула съ болью:

— Я такъ несчастна!

Слово было сказано, наступило томительное, зловѣщее молчаніе.

— Нѣть! нѣть!—почти простонала она, увидѣвъ его блѣдное лицо съ трясущимися губами.—Нѣть! Я люблю тебя!

Она бросилась къ нему, но онъ не отвѣтилъ на ея ласку. Что-то чуждое, холодное промелькнуло между ними.

Она постояла съ минуту съ беспомощно повисшими руками, потомъ повернулась, медленно прошла въ свою комнату и заперла двери на ключъ.

Настала осень. Деревья обнажились, холодный ветеръ сердито свисталъ въ вѣтвяхъ, завывалъ въ трубѣ...

Ричардъ Бреденгоферъ сидѣлъ въ мастерской, безсильно опустивъ голову. Въ углу, только что вынутая изъ ящика, привезенная съ выставки картина, его надежда, его гордость... она осталась непроданной. Жгучее чувство разочарованія и стыда давило грудь молодого человѣка.

Какъ сказать это Ленѣ? Но хуже всего, что на продажѣ этой картины было основано столько разсчетовъ. Откуда взять денегъ, чтобы расплатиться съ долгами? А долговъ за послѣднее время накопилось много. Въ домѣ-же не было и десяти марокъ. Еще спасибо Сусаннѣ, послѣднее время она частенько приходила на выручку, а безъ нея пришлось бы туда. Она совсѣмъ забрала въ руки ихъ маленькое хозяйство, прогнала много тратившую и дерзкую Грэту и наняла деревенскую служанку, которая была, правда, много дешевле, но за то подавала ежедневно супъ безъ навара и пережаренное мясо.

Ричардъ давно уже не могъ ничего Ѳѣсть, а Лена, недовольная вмѣшательствомъ невѣстки, становилась день ото дня блѣднѣе и мрачнѣе. Она почти не выходила изъ своей комнаты и днями сидѣла въ большомъ старинномъ креслѣ, праздная и скучающая. Она почти забросила пѣвец, ни во что не входила, ничѣмъ не интересовалась. Куда дѣвалась ея жизнерадостность и веселость, блескъ ея глазъ, румянецъ ея щекъ... Она стала неузнаваема.

Въ комнатѣ темнѣло, а Ричардъ все сидѣлъ неподвижно. Будущее казалось ему безысходнымъ, мрачнымъ. До слуха его донеслись звуки рояля и голосъ Лены. Онъ всталъ, пошелъ къ ея комнатѣ и остановился въ дверяхъ. Она не замѣтила его прихода; голосъ ея звучалъ такъ грустно, что у него защемило на сердцѣ.

— Das du so krank geworden,
Wer hat es den gemacht?
Kein k黨ler Hauch aus Norden
Und keine Sternennacht.

Голосъ Лены оборвался, аккордъ замеръ.

— Что-же ты не поешь дальше?—спросилъ Ричардъ.

Она обернулась. Лицо ея было блѣдно. Мелькомъ взглянувъ на мужа, она снова наклонилась надъ роялемъ.

— Das ich trag Todeswunden
Das ist der Menschen Thun;
Natur liess mich gesunden —
Sie lassen mich nicht ruhn.

Въ голосѣ ея слышалась страстная тоска.

— Лена!

Она не обернулась: вѣрно, не слышала призыва.

— Лена, Лена!—со стономъ вырвалось изъ груди Бреденгофера. Онъ бросился къ ея ногамъ и спряталъ голову въ ея колѣняхъ.

— Что съ тобой, Ричардъ?

— О, Лена, ты поешь эту пѣсню... эту пѣсню...

— Да, я могу теперь пѣть ее... я ее выучила.

— Ты можешь пѣть ее, потому что... потому что ты уже почти несчастна.

Она не отвѣчала, только ниже наклонила голову.

Они сидѣли молча, неподвижно... Въ комнатѣ было темно, вѣтеръ уныло гудѣлъ за окномъ.

Вдругъ онъ громко всхлипнулъ, схватилъ руки Лены и, покрывая ихъ горячими поцѣлуями, запепталь прерывающимся голосомъ:

— О, прости меня, прости меня, Лена! Можешь ты простить меня?

Она не отвѣчала, но по лицу ея текли горячія слезы.

— Я люблю тебя горячо, невыразимо,—продолжалъ онъ,—и доставляю тебѣ столько страданій!

— Не ты, не ты... другіе...

— О, голубка моя, родная моя, жизнь моя...—Онъ цѣловалъ ей лицо, руки, платье.

Она съ материнской лаской гладила его по головѣ. Успокоенный и размягченный ея нѣжностью, онъ рассказалъ ей исторію съ картиной.

— Намъ надо денегъ,—закончилъ онъ.—Денегъ! Это ужасно! У насъ нѣть ничего, а надо жить и платить долги! Можетъ быть, еще разъ... обратиться къ Сусаниѣ!

— О нѣть, только не къ ней, — горячо запротестовала она.—Она и такъ отравила мнѣ жизнь! И ненавижу ее и не хочу принимать отъ нея никакого одолженія.

— Успокойся, Леночка, милая, все будетъ по твоему!

— У кого же ты достанешь денегъ?—спросила она вдругъ упавшимъ гососомъ. — Видишь ли, если бы ты позволилъ мнѣ давать уроки или поѣхать съ Лавалло...

Она не кончила, встрѣтивъ его исполненный упрека взглядъ.

— Знаешь что?—воскликнулъ онъ съ внезапной рѣши-
мостью.—Надо попросить у дяди Германа. И это ты должна
сдѣлать. Вѣдь онъ не сможетъ тебѣ отказать. О, ты мое со-
кровище, развѣ кто-нибудь устоитъ передъ твоими глазами,
твоей нѣжностью, твоей тихой просьбой! Вѣдь ты поѣдешь
къ нему, ты попросишь его?

Онъ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами.

Она улыбалась.

— Ну, конечно, я все готова сдѣлать для тебя.

Онъ прижалъ ее къ себѣ съ тихой лаской.

Счастливые надеждой на лучшее будущее, увѣренные въ счастливомъ исходѣ ихъ замысла, они перешли на диванъ и усѣлись въ уголку, какъ сиживали, бывало, въ первые дни послѣ свадьбы.

Вошла, тяжело стуча деревенскими сапогами, ихъ новая служанка, зажгла лампу, и въ комнатѣ сразу стало веселѣе и уютнѣе. А за окномъ бушевала настоящая буря, и окна дрожали отъ свирѣпыхъ порывовъ вѣтра.

XIII.

Хлѣбъ на поляхъ давно убранъ. Обнаженные и мрачныя, они простираются до самаго горизонта. Тамъ и сямъ одноко торчить обнаженное деревцо, да галки и грачи съ крикомъ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто.

Въ деревнѣ почти всѣ сидѣть по домамъ, — очень ужъ сѣро и непріятно на воздухѣ,—только неугомонные бѣлого-ловые ребятишки съ крикомъ и шумомъ бѣгаютъ по улицѣ.

Дядя Германъ полулежалъ въ креслѣ; отдыхая послѣ обѣда, и покуривалъ трубку. Домъ его мало чѣмъ отличался отъ крестьянскихъ построекъ,—развѣ только что былъ больше и чище, да крыша новѣе, да садъ больше. Заслушавъ прямо подъ окнами голоса дѣтей, онъ всталъ и вышелъ на крыльцо. Всѣ эти мальчики и дѣвочки были ему знакомы отъ рожденья, многихъ изъ нихъ онъ крестилъ и, суровый по виду, онъ такъ или иначе по своему любилъ эту мелюзгу. Нѣсколько времени онъ молча смотрѣлъ на ихъ игры, потомъ спустился на улицу и пошелъ за околицу. Вдругъ онъ съ удивленiemъ замѣтилъ вдали на пыльной дорогѣ женскую фигуру. И, по мѣрѣ того, какъ они приближались другъ къ другу, удивленіе его все возрастало. Незнакомка была одѣта по городскому, въ большой шляпѣ и шла мелкими, усталыми шагами. Когда они поровнялись, она вдругъ зашаталась, поблѣдѣла и чуть было не грохнулась на землю, но стариkъ во время поддержалъ ее. Кто бы это могъ быть? Изъ рукъ ея выпала небольшая сумочка и на серебряной дощечкѣ дядя Германъ прочиталъ: Магдалина Бреденгоферь.—Вотъ кто это!—подумалъ стариkъ не безъ удивленія. Между тѣмъ, Лена пришла въ себя и, еще пошатываясь отъ слабости, пошла, опираясь на руку смущеннаго дядюшки. Семь верстъ отъ станціи она прошла пѣшкомъ, съ утра ни-

чего не ъла, свѣжій воздухъ совсѣмъ опьянилъ ее, прирожденную жительницу Берлина, а кроме того, она всю дорогу дрожала отъ страха, идя одна среди пустыхъ, безлюдныхъ полей. Въ послѣднюю минуту волненіе дало окончательный толчекъ, и силы оставили ее.

Тетя Анна растерянно поглядывала на запертую дверь своей комнаты, гдѣ на ея постелѣ лежала Лена.

— Бѣдняжка! — вздыхала она, — и какая худенькая и блѣдненькая!

— Чортъ знаетъ, что такое,—ворчалъ дядя Германъ,—не терплю женщинъ, которыхъ падаютъ въ обморокъ. Вѣдь не поддержи я ее, такъ бы въ грязь и хлопнулась!

— Кажется, проснулась! — прошептала тетя Анна, заслышивъ шорохъ за дверью, и на ципочкахъ вошла въ соседнюю комнату.

Лена, дѣйствительно, не спала. Широко раскрытыми глазами глядѣла она передъ собой, повидимому, не вполнѣ соизвѣстная, гдѣ она находится. Канарейки авонко щелкали подъ окномъ, на креслахъ и диванахъ лежали вязанныя салфеточки работы самой хозяйки, а на стѣнѣ, въ рамкѣ изъ раковинокъ, выцвѣтшій портретъ молодого человѣка и подъ нимъ надпись: любовь вѣчна.

— Ну что, дѣточка? — ласково говорила тетя Анна. — Лучше тебѣ? Ну, скажи, голубчикъ. Ты позволяешь мнѣ говорить тебѣ ты? Правда? Ты не помнишь меня? Я тетя Анна. Я видѣла тебя разъ у Алленштейновъ, помнишь, въ день вашей помолвки. Ты меня не замѣтила. Да и немудрено. А я тебя запомнила. Ну, что съ тобой, бѣдняжка, расскажи мнѣ! — И тетя Анна ласково гладила по головѣ молодую женщину, цѣловала ея мокрыя отъ слезъ щеки. Растроганная Лена бросилась на шею къ старушкѣ и разрыдалась.

— Вы должны, вы должны намъ помочь!

— Ну да, ну да... онъ только на видъ грубоватъ, а въ сущности онъ предобрый.

— Да? правда? нѣть, не можетъ быть... Я пришла сюда отъ имени Ричарда просить дядю помочь намъ. У насъ нѣть ни гроша, одни долги, намъ нечѣмъ заплатить за квартиру.

— Бѣдняжка! — Тетя Анна всплеснула руками. — Ты пойди, попроси его! Вотъ дай я помогу тебѣ одѣться! — И старушка любовно расчесывала длинные, густые волосы Лены.

— Я боюсь! — шептала Лена, пряча голову на груди старушки и сжимая руки.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ!

При входѣ обѣихъ женщинъ старикъ Бреденгоферъ спустилъ ноги съ дивана и выпрямился.

— Ну-съ, что скажете? Да какая вы блѣдная: небось, ни-
чего не ъли. Живо, Анна, дай-ка пойсть чего-нибудь!

Старушка вышла, и Лена осталась наединѣ со старикомъ. Старый кабинетъ съ вылинявшими обоями, съ цѣлой серіей трубокъ на каминѣ, съ потертымъ кожанымъ диваномъ вну-
шалъ ей робость не меньшую, чѣмъ самъ старикъ. А тотъ поглядывалъ на нее изъ-подъ сѣдыхъ нахмуренныхъ бровей.

— Ну-съ, плѣмянница, какъ себя чувствуете?

— Благодарю васъ,—отвѣтила она тихо, еле сдерживая дрожь.

— И съ чего это вы вздумали идти пѣшкомъ со станціи?

— У меня не хватило денегъ на экипажъ. Ричардъ...

— Не произносите при мнѣ этого имени! Не хочу я слы-
шать обѣ этомъ неблагодарномъ мальчишкѣ.

Общая неблагодарность относительно него была болѣйшимъ мѣстомъ старика. Лена этого не знала.

— Неблагодарный? Почему онъ неблагодаренъ?

— А то нѣтъ?—голосъ старого Бреденгофера звучалъ сер-
дито.—Мало я для не него сдѣлалъ? Я, старикъ, его дядя...
воспитавшій его, всегда оказывавшій ему поддержку, а онъ...
Не спросивъ меня, не сказавъ ни слова, отказался отъ блестя-
щей партіи, чтобы глупѣйшимъ образомъ жениться на дѣв-
чонкѣ!

Лена еще больше поблѣднѣла. Она закусила губы и не возразила ни слова.

— Ну и жалкая же вы на видъ, ей Богу!—сказалъ ста-
рикъ почти участливо.—Надо вамъ подкрепиться, отвѣдать
Анниной стряпни, да пожить тутъ дня два на свѣжемъ въ-
духѣ. Зачѣмъ, въ сущности, онъ васъ прислалъ?

— Мнѣ надо вѣсть спросить... но еще есть время, завтра...

Она замолчала, закусивъ губы.

Это молчаніе оскорбило дядюшку.

Опять неблагодарность! Можно сказать, подобрали ее на
улицѣ, а когда ее спрашиваютъ, что ей надо, она не изво-
дить отвѣтъ!

Тетя Анна внесла ветчину, масло, яйца, булки.

Лена, какъ ни была голодна, не могла проглотить ни ку-
ска. „Дѣвчонка“, „глупѣйшимъ образомъ“—не шло у нея
изъ головы.

Она ушла въ себя, свернулась, какъ мимоза, отъ грубаго
прикосновенія.

Вечеръ прошелъ въ тягостномъ молчаніи. Старикъ былъ
сердитъ на плѣмянницу, тетушка съ тревогой поглядывала
на обоихъ, а молодая женщина упрямо не открывала рта.

На утро старикъ, который непривычно тревожно провелъ ночь, спросилъ у сестры:

— А гдѣ же племянница?

— Уѣхала на зарѣ на станцію, мельникъ взялся ее подвезти.

— Уѣхала! Почему?

— Ты съ ней такъ сурово обошелся, такъ ее обидѣлъ! Она не могла снести этого, она такая нѣжная и хрупкая!..

— Я? ее обидѣлъ? Анна, ты дура!

— Да, обидѣлъ, обидѣлъ... бѣдняжка не посмѣла тебѣ сказать, зачѣмъ она прїѣзжала: у нихъ нѣтъ ни гроша, они умираютъ съ голода!

— Ну, ужъ и умираютъ! А если и такъ, то и прекрасно, пусть платятъ за собственную глупость!

Тетя Анна пожала плечами и на ципочкахъ вышла изъ кабинета. Въ своей комнатѣ она вынула изъ верхняго ящика коммода старательно запрятанныя тысячу марокъ, которыхъ она берегла на памятникъ жениха, и, вложивъ въ конвертъ, отослала Ленѣ.

XIII.

Въ маленькой квартирѣ Бреденгоферовъ царить уныніе: уже двѣ недѣли Ричардъ лежитъ въ постели. Ежедневно въ своемъ элегантномъ купѣ подъѣзжаетъ Алленштайнъ, выслушиваетъ больного и въ утѣшеніе говорить молодой женщинѣ:

— Мужайтесь, дѣло не такъ плохо; все обойдется, вѣрьте мнѣ. Я на днѣхъ привезу еще коллегу спеціалиста!

И онъ исчезаетъ нарядный, изящный, поглаживая на прощанье свою роскошную бороду, щуря глаза и цѣлуя руку молодой женщины.

По его уходѣ Ричардъ нетерпѣливо поворачивается.

— Лена! онъ ровно ничего не понимаетъ. Безъ него я бы давно былъ здоровъ! Дай мнѣ той настойки, которую соѣтовала мама...

И рѣзкій кашель прерываетъ его слова.

А за окномъ непрерывно и неслышно падаютъ густые хлопья снѣга и устилаютъ толстымъ пушистымъ ковромъ землю, деревья, подоконники.

Ежедневно приходитъ госпожа Лангенъ, приносить бульонъ и яйца для больного; время отъ времени показывается Сусанна, почти всегда нарядная, надушенная, спѣшащая на вечеръ или возвращающаяся съ визитовъ. Ея смѣхъ, яркие туалеты, пріятный запахъ духовъ, видимо, раздражаютъ больного. Въ прежнее время Лена радовалась бы этой перемѣнѣ, но теперь она пугаетъ ее.

— Что вы шепчетесь? Чего вы ходите на ципочкахъ? Отчего ты такая блѣдная, Леночка?—постоянно съ раздраженіемъ спрашиваетъ больной,—вы такъ себя держите, точно я умираю...

И Лена дѣлаетъ надъ собой усилие и улыбается беззрвными губами.

— Всѣ мнѣ въ тягость, всѣ, Лена, кромѣ тебя. Если бы ты знала, какъ тяжело лежать, когда надо работать, когда въ головѣ столько плановъ.

Она заботливо наклонилась надъ нимъ. Лицо его горѣло, глубоко впавшіе глаза блестѣли.

Сердце Лены сжалось отъ жалости, любви и еще какогото новаго непередаваемаго чувства.

Она поцѣловала его въ лобъ.

Онъ лежалъ съ закрытыми глазами.

— Лена, отчего ты не поешь больше? Спой мнѣ Шумана... мою пѣсню, знаешь?

Она сѣла за рояль, не зажигая свѣчей, и начала прелюдию.

— Не то, не то, Лена... Мою пѣсню! Я ее хочу слышать! Она не рѣшалась.

— Да начинай же!—въ его голосѣ слышалось нетерпѣніе.

Das du so krank geworden,
Wer hat es denn gemacht?

Лена сама не узнала своего голоса; такъ глухо онъ звучалъ, столько слышалось въ немъ безнадежной грусти.

Ричардъ сѣлъ на кровати. Глаза его были широко раскрыты:

— Ты сегодня въ голосѣ!—сказалъ онъ.—Но не чувствуется души въ твоемъ пѣніи, точно ты сама далеко.

— Не всегда бываешь одинаково настроена, — отвѣтила она мягко.

О, съ какимъ бы облегченіемъ крикнула она: я не могу пѣть, потому что ты боленъ, ты умираешь, и это раздираетъ мнѣ душу!

Онъ задумался. Лена сидѣла у рояля. Темнота сгущалась.

Глубокій вздохъ раздался съ постели. Лена подошла къ мужу.

— Das ich trag Todeswunden
Das ist der Menschen Thun...

пропелъ онъ.—Эта пѣсня не выходитъ у меня изъ памяти.

Лена гладила его по головѣ.

— Не волнуйся, Ричардъ, успокойся! Ты и такъ не спиши цѣлые ночи напролетъ.

— О, какъ тяжела жизнь, Лена, какъ безжалостны люди!— Въ этихъ словахъ было столько беспомощной горечи, что слезы выступили на глаза Лены.

Снѣгъ давно стаяль. Въ ботаническомъ саду вздулись почки, а кое-гдѣ на солнышкѣ стали пробиваться первые листья. Въ воздухѣ повѣяло тепломъ.

Грустно и тихо было въ маленькой квартиркѣ на четвертомъ этажѣ. На дверяхъ висѣла надпись: просять не звонить!— и дверь была приоткрыта. Госпожа Лангенъ совсѣмъ переселилась къ дочери. Сусанна приходила два раза въ день, а докторъ Алленштейнъ не являлся больше безъ знаменитаго специалиста по груднымъ болѣзнямъ, который, впрочемъ, не считалъ нужнымъ скрывать правду и только пожималъ плечами и повторялъ: „Безнадежно!“

Это послѣднее ухудшеніе наступило внезапно. Еще недавно больной вдругъ почувствовалъ себя лучше, стала вставать, ходить по комнатѣ, цѣлыми часами болталъ съ Рейтеромъ, рассказывая ему съ лихорадочно блестящими глазами о своихъ планахъ. У всѣхъ возводилась надежда, и даже Лена повеселѣла. Рейтеръ сиялъ, увѣряя Ричарда въ его геніальности и терпѣливо выслушивая безконечные рассказы о будущихъ картинахъ и литературныхъ работахъ.

— Только бы мнѣ поправиться,—горячо повторялъ молодой человѣкъ,—о, какъ я стану работать!

Уже съ мѣсяцъ назадъ Лена почувствовала, что ожидаетъ ребенка. Мать и всѣ окружающіе были посвящены въ эту тайну, одинъ Ричардъ ничего не зналъ и не замѣчалъ, цѣликомъ погруженный въ свои мечты.

Лена собиралась и не знала, какъ ему объ этомъ сказать,—она все ждала, когда онъ окончательно выздоровѣеть, это былъ какъ разъ периодъ ихъ возродившихся надеждъ. Но однажды подъ вечеръ она нашла его безъ чувствъ въ его мастерской. Его подняли, уложили, и съ тѣхъ поръ онъ больше не поднимался.

Лена поняла, что это начало конца.

Она не плакала, ни одна жалоба не вырвалась изъ ея груди. Блѣдная, худая, она, какъ тѣнь, бродила по своей грустной, тихой квартиркѣ. Она не скрывала отъ себя истины и покорилась своей участіи. По вечерамъ у больного поднималась температура, и онъ бредилъ всю ночи напролетъ. Сусанна прислала опытную сидѣлку, но Лена не допускала

ее до больного, не отходя от него ни на минуту ни днемъ, ни ночью.

Ричардъ въ бреду постоянно говорилъ о ихъ первомъ звакомствѣ, о ихъ встрѣчѣ въ вагонѣ, обѣ утрѣ въ Кельнскомъ соборѣ... И Лена, держа его горячую руку, казалось, вновь переживала счастливое прошлое. Только по ночамъ она плакала, и этими слезами заливалась вся горечь накопившихся разочарованій и мелочей, которые воздвигали временами стѣну между ней и мужемъ. Они опять были вдвоемъ, опять одни въ цѣломъ мірѣ, и никто и ничто не могло бросить тѣнь на ихъ чистое, свѣтлое чувство.

Однажды ночью онъ проснулся. Его взглядъ былъ совершенно ясень и сознательнъ.

— Прибавь огня! — сказалъ онъ совершенно отчетливо.

Лена встала и сняла абажуръ. Въ комнатѣ стало свѣтло.

— Мы одни съ тобой? — пропелъ онъ.

— Одни! — также шепотомъ отвѣтила она, склоняясь къ нему и прикасаясь губами къ его горячимъ, лихорадочно сухимъ устамъ.

— Мой мужъ... мой дорогой, любимый, единственный!

Его громадные, далеко вглубь ушедшіе глаза искали ея взгляда.

— Я скоро умру, — сказалъ онъ совершенно спокойно.

Она не возражала.

— Я умру, — повторилъ онъ тише. — Мнѣ не жаль жизни, она такъ тяжела! Мнѣ жаль только тебя, Лена, одну тебя. Бѣдная ты моя! — Онъ видимо усталъ и дышалъ тяжело.

— Бѣдная Леночка! — повторилъ онъ черезъ нѣсколько секундъ.

Вся дрожа, Лена склонилась надъ нимъ, и слезы горячей, неудержимой струей хлынули изъ ея глазъ.

— Ричардъ, останься, не уходи! — прерывающимся шепотомъ повторяла она, — не уходи для меня... для твоего ребенка!..

Онъ широко открылъ глаза и со внезапной силой поднялся на локтѣ:

— Ребенка! Лена, Лена!

Она спрятала лицо въ подушкахъ и, стараясь удержать рыданья, шептала:

— Да, да... мой ребенокъ! Твой ребенокъ!

Онъ опять опрокинулся навзничъ. Глаза его сияли мягкимъ, ровнымъ свѣтомъ. Губы открылись, и онъ повторилъ тихо: — Мое дитя, наше дитя!

— Ты не увишишь его никогда, никогда... — почти закричала Лена.

И опять голова ея беспомощно опустилась на подушки рядомъ съ его исхудавшимъ лицомъ.

Минуты шли. Наконецъ, губы больного зашевелились:

— Погоди меня!

Лена склонилась къ мужу.

— Спасибо тебѣ за все... прости меня... Спасибо...

— Что ты, Ричардъ, что ты!

— Я былъ счастливъ съ тобой... спасибо, — докончилъ онъ съ видимымъ усилиемъ.

Онъ замолчалъ; слезы Лены вдругъ высохли. Она не отрывала глазъ отъ мужа, не выпускала его руки.

Въ окно забрежжилъ тусклый разсвѣтъ.

Дядя Германъ, вызванный телеграммой изъ деревни, сидѣлъ въ столовой и усердно вытирая глаза большими носовымъ платкомъ съ красными горошинками. Рядомъ съ нимъ на диванѣ рыдала Сусанна; госпожа Лангенъ, блѣдная, заплаканная, тихонько вздыхала, вытирая непрестанно струившіяся слезы. Одинъ докторъ Алленштейнъ сохранялъ свой неизмѣнно спокойный и сияющій видъ.

Ричардъ лежалъ въ третьей комнатѣ, и всѣ двери къ нему были закрыты.

Лена не отходила отъ него и не подпускала къ нему никого. Безъ кровинки въ лицѣ, она ходила, какъ автоматъ, спокойная съ виду, не плача и не говоря ни слова. На всѣ попытки проникнуть къ нему она отвѣчала упорнымъ отказомъ и безъ церемоніи заперла дверь на ключъ даже передъ дядей Германомъ. Непреклонность молодой женщины и сила выдержки покорили всѣхъ, и они безропотно подчинились ея волѣ.

Изъ-за запертыхъ дверей не доносилось ни одного звука, тамъ царила полная тишина...

Вдругъ ключъ скрипнулъ въ замкѣ, дверь отворилась послышались легкіе шаги, и вошла Лена.

Она остановилась, обвела взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и тихо, но твердо сказала: — Онъ умеръ. — Затѣмъ повернулась и снова скрылась за таинственными дверями.

XV.

Послѣ похоронъ Ричарда, Лена еще долго оставалась одна въ своей маленькой квартиркѣ. Здѣсь переживала она прошлое и недѣлями не выходила изъ дома. Наконецъ, ея состояніе начало внушать опасенія, и ее уговорили переѣхать

къ матери. Дядя Германъ выразилъ неожиданно для всѣхъ готовность взять на себя полное содержаніе молодой женщины и назвался въ крестные отцы къ будущему ребенку, а тетя Анна еженедѣльно присыпала Ленѣ масла и яицъ. Лена принимала все просто, спокойно „во имя его ребенка“, твердо рѣшивъ, какъ только окрѣпнетъ, самой заработать уроками музыки и пѣнія. Алленштейнъ и докторъ Рейтеръ также выказывали ей много вниманія, старики присыпали фрукты, цвѣты, Сусанна не переставала изрѣдка навѣдываться, такъ что между ней и старушкой Лангенъ установились болѣе мирныя отношенія.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одну изъ субботъ Фрицъ Лангенъ засидѣлся за завтракомъ. Ему не хотѣлось идти на службу. Послѣднее время онъ сталъ плохо спать, часто бывалъ раздражителенъ. Амалія догадывалась, что его тревожитъ мысль о сестрѣ. Но послѣ ихъ окончательной размолвки Лена упорно не подавала признаковъ жизни. Дверь скрипнула, и онъ поднялъ усталый, разсѣянный взглядъ. На порогѣ стояла Лора, держа за руку какую-то высокую даму въ глубокомъ траурѣ.

— Тетя Лена пріѣхала! — сказалъ звонкій дѣтскій голосокъ.

— Лена! — Лангенъ вскочилъ со стула. Амалія съ удивленіемъ привстала на мѣстѣ.

— Фрицъ!.. — тихо произнесла Лена. — Фрицъ! — она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему.

— Ты вернулась ко мнѣ, Лена!.. — голосъ его звучалъ глохно, онъ точно не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Я такъ несчастна... — еле слышно прошептала она, однако онъ понялъ и разобралъ эти слова и, обернувшись къ Амаліи, сказала непривычно мягко:

— Будь добра, принеси рюмку вина Ленѣ, она еле стоять на ногахъ.

И едва дверь за высокой женщиной въ шумящемъ шелковомъ платьѣ закрылась, братъ и сестра бросились другъ къ другу, и въ одномъ взгляде, въ ихъ первомъ словѣ сказалась вся ихъ любовь другъ къ другу.

— Лена, Лена! — повторялъ онъ, вглядываясь въ блѣдное и исхудавшее лицо, а она крѣпко сжимала его руки, точно въ нихъ была вся ея поддержка, все спасеніе.

— Чѣмъ могу я помочь тебѣ, Лена? Только раздѣлить твое горе...

— Я не знаю, какъ буду жить.. Такъ безпросвѣтно темно.

— А ребенокъ? — сказалъ Лангенть, и взглянувъ съ любовью скользнувъ по курчавой головкѣ Лоры, выглядавшей изъ двери.

— Папа, можно къ тетѣ Ленѣ?

— Можно, дѣточка, войди!

— Да, Лена, — сказалъ онъ тихо, снова обращаясь къ сестрѣ,—дѣти—это наше спасеніе, въ нихъ наша надежда, вѣра въ будущее! Какъ бы мы жили безъ нихъ, мы дилетанты въ жизни, если бы мы не вѣрили, что въ нихъ повторится наша жизнь, но безъ нашихъ ошибокъ и заблужденій. И у тебя будетъ свое дитя, и оно станетъ свѣтомъ и счастьемъ твоей жизни, и ему на пользу послужить твой опытъ.

Она поникла головой, по лицу ея медленно катились слезы, но въ глазахъ загорался первый робкій лучъ надежды.

— Мужайся, Лена, онъ воскреснетъ для тебя въ твоемъ ребенкѣ.

— Да... дитя, наше дитя, *его* дитя...—повторяла она, пряча голову на грудь брата.

Конецъ.

ГОРОДЪ БРИЛЛАНТОВЪ.

Романъ Германа Гейерманса.

Переводъ съ иѣмецкаго *) В. С.

I.

Онъ выскочилъ изъ конки прямо противъ казино и остановился на тротуарѣ. Передъ нимъ былъ рядъ старыхъ облупившихся зданій, среди которыхъ, окруженнная желѣзной решеткой, зеленѣла травка. Эта картина такъ именно и запечатлѣлась въ его памяти: не каждый домъ въ отдельности со своими причудливыми формами, не тѣ жалкие люди которые въ немъ живутъ или жили, а именно эта сѣрая, безформенная каменная громада со врѣзавшимся въ нее маленьkimъ пыльнымъ садикомъ. Сердце его сжалось отъ какой-то странной горькой радости, что все это такъ мало измѣнилось, только выглядѣло еще бѣднѣе, обветшалѣе и старѣе, чѣмъ рисовалось въ туманной дали его воспоминаний. Какъ часто въ открытомъ морѣ думалъ онъ о тѣсномъ еврейскомъ кварталѣ и съ теплымъ, сердечнымъ чувствомъ представлялъ себѣ эти темныя, грязныя улицы. Но послѣ столькихъ лѣтъ всетаки было трудно воскресить юношескія впечатлѣнія во всей ихъ свѣжести. Въ его лихорадочномъ возбужденіи, они внезапно исчезли изъ его памяти. И все же нервная судорога сжимала его горло, у него захватывало дыханіе отъ радости, что онъ снова видѣть эти знакомыя темныя массы, со свѣтлыми блестками оконъ, эти мрачные, коричневые и черные тона фасадовъ и крыши „еврейского городка“. Онъ чувствовалъ своеобразную живописную красоту этихъ кривыхъ улицъ, темныхъ закоулковъ и беспорядочно скученныхъ въ сѣромъ полу-

*) Послѣднее произведеніе извѣстнаго голландскаго романиста и драматурга Германа Гейерманса младшаго вышло въ свѣтъ одновременно въ голландскомъ и иѣмецкомъ оригиналахъ.

мракъ, на фонѣ грязной мостовой, жалкихъ домишекъ съ неровными крышами, поросшими мохомъ. Онъ такъ именно и ожидалъ это увидѣть.

Но все стало старье, много старье, и походило на дряхлую еврейскую старушонку, которая прикрываеть свои волосы чернымъ парикомъ. У него защемило сердце, и онъ невольно подумалъ, что такъ, безъ жалобы и ропота, гибнуть растенія, лишенныя даже возможности закричать отъ ужаса.

Вдали на холмъ, надъ рядами еврейскихъ лавченокъ вырисовывался сырый, тяжелый и неуклюжій силуэтъ храма Моисея и Аарона.

Сплошныя, грязныя стѣны, кривыя двери и окна, тамъ и сямъ развѣшанныя для просушки пестрыя тряпки и между ними яркое пятно красной фланелевой юбки. Кое-гдѣ за стекломъ пара цвѣточныхъ горшковъ, да въ щели между домами пыльный, обожженный солнцемъ, неподвижный подъ горячими лучами безвѣтренного дня жалкій клочекъ зелени.

Элеазарь не отрывать глазъ отъ площади, улицы, домовъ, темные полутона которыхъ казались ему исполненными той особой красоты и значенія, какими полонъ сѣдой туманъ, застилающій море въ сумерки. И развѣ въ этой таинственной тишинѣ нѣть скрытаго смысла? О, это задумчивое молчаніе старыхъ стѣнъ, за которыми копошится столько людей; въ ихъ сложной жизни слышится больше болѣзнейной тревоги, чѣмъ въ шумѣ не вѣдающихъ покоя океанскихъ волнъ, къ которому онъ прислушивался цѣлыми мѣсяцами, и который наполнялъ душу его мистическимъ страхомъ...

Маленький, худенький еврейчикъ, чистильщикъ сапогъ, сидѣвшій на порогѣ казино, увида, что онъ стоитъ неподвижно съ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукѣ, замахалъ ему щеткой и стала зазывать его. У Элеазара было еще много времени впереди. Слѣпая тетка Регги ждала его не раньше полудня, а онъ былъ грязенъ и запыленъ послѣ долгаго путешествія по желѣзной дорогѣ. Онъ положилъ на землю свой мѣшокъ. Еврейчикъ, согнувшись, быстрыми, но неуклюжими движениями подвернулъ его панталоны; догадавшись, что незнакомецъ тоже еврей, онъ сразу отнесся къ нему довѣрчиво и принялъся за чистку. Элеазарь сверху смотрѣлъ на его изогнутую спину, на его искривленный позвоночный столбъ, который никогда не былъ прямъ, на его сѣдые волосы беспорядочно выбивавшіеся изъ подъ фуражки съ оторваннымъ козырькомъ.

Сгорбленный еврейчикъ, со слипшимися прядями сѣдыхъ волосъ, почти лежалъ на грязномъ каменномъ порогѣ, поплевывалъ на щетку, ползать на колѣнахъ, и его грязное,

униженное тѣло раба просвѣчивало сквозь многочисленныя дыры его лохмотьевъ.

...— Жарко сегодня, судары!..

Элеазару было почти совсѣмъ принимать отъ другого человѣка такія услуги и сознавать, что первый еврей, съ которымъ онъ встрѣчается послѣ многихъ лѣтъ, почти лежитъ у его ногъ съ покорной преданностью безсловеснаго, не сознющаго себя животнаго.

Но вѣдь такая мысль была неумѣстной глупостью среди старыхъ, грязныхъ домовъ еврейскаго квартала... Онъ отогналъ ее тѣмъ легче, что вниманіе его было отвлечено: онъ замѣтилъ группы евреевъ у оконъ казино.

Предъ однимъ изъ нихъ на столѣ лежалъ клочекъ бумаги съ загнутыми краями: вокругъ него столпились нѣсколько человѣкъ, погруженныхъ, повидимому, въ молчаливое и напряженное созерцаніе. Всѣ они стояли согнувшись, съ опущенными внизъ головами, не отрывая глазъ отъ бѣлого пятна. Ихъ было шесть. Первый, повидимому, польскій уроженецъ, съ большой головой и длинной рыжей бородой на блѣдномъ лицѣ, держалъ въ тонкихъ цѣпкихъ пальцахъ лупу, близко поднося ее къ бумагѣ. Его рыжія брови были сдвинуты, а глаза сощурены, какъ у очень близорукаго человѣка. Сдвинутая на затылокъ войлочная шляпа на огненно красныхъ курчавыхъ волосахъ еще рѣзче оттѣняла блѣдность лица. Темно-коричневый платокъ туго охватывалъ тонкую шею. Лицо было довольно полное, блѣдное, съ выдающимися скулами. Онъ сидѣлъ совершенно неподвижно, прижавшись грудью къ краю стола и сосредоточенно и серьезно глядя въ лупу. О его плечо облокотился старикъ въ фуражкѣ съ козырькомъ и съ худымъ, изрытымъ осной лицомъ. Его ротъ былъ открытъ отъ удивленія, а глаза быстро мигали. Прямо противъ окна, совсѣмъ на виду, сидѣлъ третій съ беспорядочно всклокоченной мѣднокрасной бородой клиномъ. Элеазару казалось, что онъ его знаетъ, что ему знакомо это широкое, рыхлое лицо со похотливой складкой около рта и бѣгающими глазами. Гдѣ и когда онъ встрѣчалъ его? Но онъ положительно уже видѣлъ этотъ мясистый носъ съ чувственными ноздрями, эти тонкія губы, окруженныя темной каемкой отъ жеванія табаку. Это было гладкое, добродушное лицо почти безъ выраженія, безъ слѣда мысли, страстей, заботъ или болѣзней, лицо, принявшее землисто-сѣрий оттенокъ отъ постояннаго пребыванія въ комнатахъ. Единственной характерной его чертой была рѣзко выраженная чувственность.

Элеазарь пристально вглядывался въ него... Нѣтъ, этотъ человѣкъ ему совершенно незнакомъ.

Юркій еврейчикъ на мгновеніе оставилъ щетки и задалъ какой-то вопросъ Элеазару. Тотъ отвѣтилъ разсѣянно.

Напротивъ польского уроженца, также внимательно глядя на бумагу, стоялъ четвертый еврей. У него былъ большой мясистый носъ и гладко выбритыя щеки съ синеватымъ отливомъ. Онъ смотрѣлъ на бумагу съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, точно онъ видѣлъ чудо, и казалось, глаза его вотъ-вотъ выскочить изъ орбитъ. Онъ приподнялся на стулѣ и стоялъ неподвижно, опершись о столъ своимъ круглымъ животомъ.

Рядомъ съ нимъ стояли еще двое другихъ, у которыхъ можно было различить лишь небольшую часть лица. Ни одинъ изъ евреевъ не шевелился: клочекъ бумаги приковывалъ къ себѣ все ихъ вниманіе. На фонѣ темной залы блѣдныя лица, неподвижныя и безмолвныя, казались какой-то фантастической картиной, обрамленной четырехугольникомъ окна и полуспущенной гардиной. Фигуры совершенно стушевались въ полумракѣ, виднѣлись одни головы съ блестящими глазами, напряженно устремленными на бумагу. У другихъ оконъ такія же группы, тѣ же расплывающіеся въ тѣни контуры, тѣ же блѣдныя лица, то мясистыя, то угловатыя, блѣдныя руки, дряблыя даже на видъ, и то же напряженное вниманіе, сосредоточенное на маленькомъ бѣломъ лоскуткѣ.

Элеазарь съ молчаливымъ недоумѣніемъ поглядывалъ на этихъ людей. Благодаря уличному шуму и оконнымъ стекламъ, онъ не могъ уловить ни одного звука, а между тѣмъ онъ видѣлъ, что губы шевелились, глаза поднимались вверхъ, руки дѣлали нервныя движенія, но ни одно слово изъ разговора не долетало до него. Точно блѣдныя маски, тѣни, живущія въ таинственномъ полумракѣ и связанныя какимъ-то загадочнымъ для него интересомъ.

Группа за первымъ окномъ вдругъ замѣтно оживилась, и ея напряженное вниманіе было прервано: польскій еврей сильно жестикулировалъ, то и дѣло вопросительно поднимая руки и быстро шевеля губами; казалось, между нимъ и сидящимъ напротивъ евреемъ завязался ожесточенный споръ. Оба низко наклонили головы надъ бумагой и, повидимому, ссорились. Ихъ волосы тряслись отъ волненія, а рыжая длинная борода поляка такъ и ходила по столу. Потомъ онъ вдругъ откинулся на спинку стула и заговорилъ спокойнѣе и медленнѣе. Другой, съ длиннымъ мясистымъ носомъ и со вздувшимися на вискахъ жилами, взволнованно и сердито качалъ головой. Лупу снова пустили въ дѣло. Одинъ изъ присутствующихъ взялъ что-то пинцетомъ съ бумаги и присматривался къ нему сверкающими глазами. Все вниманіе остальныхъ было цѣликомъ поглощено ссорой двухъ.

евреевъ, которые, перегнувшись, черезъ столъ, почти касались головами другъ друга. Полякъ, съ краснымъ лицомъ и побагровѣвшей шеей, быстро шевелилъ губами, глазами, всѣмъ лицомъ, помогая себѣ пальцами и руками. Его противникъ, который теперь въ свою очередь откинулся назадъ, смѣялся, открывая большой черный беззубый ротъ. Руки его съ растопыренными пальцами были вытянуты, онъ поднималъ и опускалъ ихъ, и все тѣло его тряслось. Все это—видимое сквозь стекло, не пропускавшее никакихъ звуковъ, казалось таинственнымъ и страннымъ и производило сильное впечатлѣніе на Элеазара: выступавшія изъ мрака бѣлыя лица, горѣвшіе жаднымъ огнемъ глаза, смѣсь рѣзкихъ контуровъ и черныхъ красокъ съ мягкими, постепенно уходящими вглубь полутонаами,—все это приковывало зрѣніе, возбуждало фантазію.

Чистильщикъ доканчивалъ второй сапогъ, а Элеазаръ все стоялъ неподвижно, погруженный въ свои мысли. Рыжійпольскій еврей грубо набросился на своего собесѣдника, шапки полетѣли долой, лица исказились злобой, а губы заходили быстрѣе. Остальные участники тоже повскакивали съ мѣстъ, и Элеазару были ясно видны шесть испуганныхъ, серые и сосредоточенно глядѣвшихъ еврейскихъ лицъ. Тотъ, который держалъ нѣчто пинцетомъ, положилъ его обратно на бумагу; всѣ напряженно прослѣдили за его движеніемъ и снова начали оживленно жестикулировать. Пошли въ ходъ руки, заходили бороды. Полякъ былъ въ сильномъ возбужденіи и время отъ времени протягивалъ лупу стоявшему позади него худому еврею, съ сжатыми губами, и опять всеобщее внимание сосредоточивалось на клочкѣ бумаги и томъ, невидимомъ Элеазару, что на немъ находилось.

По прежнему тусклый свѣтъ лежалъ на согбенныхъ головахъ и мертвенно блѣдныхъ рукахъ, и за стекломъ шла таинственная, загадочная, непонятная ему жизнь...

Вдругъ, безъ видимой причины, очарованье исчезало... Тотъ сказочной ореолъ, которымъ Элеазаръ окружилъ картину, увлекшись ея художественной стороной, внезапно разсѣялся, и она предстала въ своей реальной правдѣ. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ этой перемѣнѣ: вѣроятно, какой нибудь пустякъ вернулъ его къ дѣйствительности. Случайно замѣченный слой пыли на стеклѣ, или просто внезапно скававшееся утомленіе послѣ дороги. Это ощущеніе дѣйствительной, а не фантастической жизни за окномъ стало еще ярче послѣ того, какъ одинъ изъ евреевъ вытащилъ изъ кармана пирогъ и началъ жевать его, широко раскрывая ротъ.

Но особенно удивило Элеазара то, что онъ вдругъ узналъ еврея съ круглой бородой и чувственнымъ лицомъ... Конечно, это онъ, Дрейфъ, помощникъ раввина, Дрейфъ, который

училъ его мальчикомъ и послѣ молитвы съ „тефиллинъ“ рассказывалъ исторію евреевъ, ихъ бѣгство изъ Египта, явленіе Бога Моисею на горѣ Синаѣ, Дрейфъ съ влажными глазами—онъ какъ сейчасъ видѣлъ его въ маленькой койнаткѣ съ низкимъ потолкомъ при свѣтѣ тусклой керосиновой лампы,—неужели же это онъ торгуется съ другими евреями изъ-за нѣсколькихъ не отшлифованныхъ алмазовъ, которые, по всей вѣроятности, лежать на этомъ клочкѣ бумаги?

Гнѣвъ и презрѣніе вспыхнули вдругъ въ глазахъ Элеазара, устремленныхъ на окна казино. Всѣ старыя впечатлѣнія всплыли снова. Онъ выказалъ минутную слабость, обрадовавшись знакомымъ мѣстамъ, краскамъ, людямъ, которыхъ онъ не видѣлъ такъ долго. Но теперь онъ снова сталъ самимъ собой, сильнымъ своей волей, своими требованиями, своимъ знаніемъ... О, они еще услышатъ о немъ... пусть пройдутъ годы, пусть онъ самъ себѣ сломить на этомъ голову, но онъ дастъ имъ о себѣ знать, этимъ безмолвнымъ тѣнямъ за стекломъ!

А внизу у ногъ его копошился на грязныхъ камняхъ сѣйдой сгорбленный еврейчикъ, поплевывая на свои щетки. Все его костлявое тѣло, изъеденное нищетой, вздрагивало отъ усилий, и щетка быстро скользила по сапогамъ, наводя на нихъ яркій глянецъ.

Кругомъ дома, высокія крыши, грязныя, влажныя стѣны, оконца съ грязными занавѣсками. Тяжелый воздухъ, пропитанный особымъ специфическимъ запахомъ, свойственнымъ только Эйленбургу *). Вотъ она эта сѣрая, печальная жизнь, которая столько лѣтъ стояла нетронутой въ его воспоминаніяхъ, жизнь тѣсныхъ закоулковъ, куда не проникаетъ лучъ солнца, гдѣ копошатся въ вѣчныхъ сумеркахъ быстро увядашія женщины и даютъ жизнь хильмы, больнымъ дѣтямъ, гдѣ все гибнетъ безъ свѣта. О, какъ хорошо онъ зналъ эту хлопотливую муравьиную суetu среди темныхъ каменныхъ стѣнъ, этихъ истощенныхъ женщинъ въ коленкоровыхъ парикахъ, этихъ ребятишекъ съ больными глазами, игравшихъ въ грязи, и эти маленькия, низкія, душные комнатки, съ маленькими висячими лампами и спертымъ воздухомъ... Куда ни глянешь, всюду задыхающійся отъ бѣдности и тѣсноты, хрипящій въ агоніи, сдавленный со всѣхъ сторонъ, старый, какъ камни, народъ... Шумъ и толкотня на площади, улицахъ и базарѣ становились все напряженіе, все усиливался нестройный, беспорядочный гулъ, смягчаемый угрюмыми стѣнами и тяжело

*) Часть еврейского квартала въ Амстердамѣ.

нависшими крышами. Онъ болѣзненно чувствовалъ и ощущалъ, съ необыкновенной ясностью и остротой, эту роковую борьбу старого народа въ тѣсныхъ каменныхъ катакомбахъ, народа, терпимаго и позволявшаго терпѣть себя, народа, который такъ привыкъ къ своему рабству, дошелъ до такой жалкой степени паденя, что уже не въ силахъ оторвать свои жадные, похотливые взоры отъ земной грязи, кликнуть боевой кличъ и закружиться въ побѣдной пляскѣ...

Позоръ, позоръ, позоръ! Проклятія достойные потомки славныхъ отцовъ! Народъ Израилевъ навлекъ на себя общее прѣарѣніе изъ-за слѣпой, вѣкамъ нерушимой вѣры въ прогнившіе догматы ветхаго ученія, отъ которого давно исходить духъ смерти и разложения.

Чистильщикъ кончилъ работу и поднялъ свою грязную всклоченную голову, съ глубокими морщинами на лбу. Монета упала въ его запыленную и запачканную ваксой руку и, удивленный щедрой подачкой, онъ смѣялся, кланялся и благодарили.

Элеазаръ взялъ свою дорожную сумку и пошелъ было дальше, вдоль толкучаго рынка, но у канала еще разъ остановился, поддаваясь острому впечатлѣнію напряженной жизни, кипящей въ полумракѣ нагроможденныхъ зданій. Окна казино съ группами евреевъ на фонѣ темной залы, торгующихся изъ-за блестящихъ камешковъ, казались ему теперь мертвыми. У дверей стояли кучки мужчинъ въ высоко подвязанныхъ широкихъ галстухахъ и мягкихъ черныхъ войлочныхъ шляпахъ. Другие подходили къ нимъ, быстро взбѣгали по ступенямъ и исчезали за дверьми главной залы, со свѣтлыми окнами. Люди непрерывно входили и выходили, мелькали темныя фигуры съ блѣдными лицами, слышалось шарканье ногъ по тротуару, а худенькій еврейчикъ все сидѣлъ неподвижно, согнувшись надъ своими щетками. И надъ всѣмъ этимъ стоялъ неумолкаемый гулъ, поминутно прорѣзываемый звонками конки, а вдали, въ прозрачномъ неподвижномъ воздухѣ, высились мрачныя стѣны богадѣльни.

— А всетаки нѣтъ на свѣтѣ города лучше,—пробормоталъ про себя Элеазаръ,—только какъ онъ старъ, какъ ужасно старъ... и нѣтъ въ немъ ни солнца, ни зелени... И люди живутъ и умираютъ въ этой каменной могилѣ. Явится ли когда-нибудь нашъ избавитель, тотъ исполинъ духа, который разбудить настъ отъ этой спячки? Кто будетъ тотъ вдохновенный счастливецъ, который разобьетъ старыя скрижали и насадитъ молодые побѣги на развалинахъ обветшавшей синагоги?...

Еврейство, христіанство, брилліанты, первыя майскія почки новой зелени,—какъ все это дико... Элеазаръ пошелъ впередъ,

улыбаясь широко раскрытыми сърыми глазами. И пока онъ медленно подвигался, сгибаясь подъ тяжестью мѣшка, набитаго тяжелыми, грязными и столько разъ жадно перечитанными книгами, онъ думалъ, что долженъ былъ бы ненавидѣть этотъ выродившійся, упрямо вѣрующій еврейской народъ, гибнущій безъ жизненныхъ силъ среди этой груды тѣсныхъ, старыхъ, разрушающихся домовъ, народъ, который былъ лишь тѣнью своихъ великихъ, сильныхъ волею предковъ. Онъ миновалъ площадь съ разложеннымъ передъ лавочками товаромъ, оглашаемую криками торговцевъ. Всѣ окрестныя улицы, переулки, темныя и сырья щели кишмя кишѣли народомъ. Ноги шаркали о камни, платья развѣвались отъ быстроты движений. Онъ попалъ въ толпу и, точно уносимый теченiemъ, миновалъ уйленбургскій мостъ; теперь онъ шагалъ по пыльной Еврейской улицѣ, все еще размышляя надъ тѣмъ, быть ли еще Дрейфъ помощникомъ раввина, и могъ ли онъ по своему положенію заниматься торгаществомъ? Или онъ ошибся и принялъ за него другого?

Вдругъ кто-то положилъ ему руку на плечо.

— Вы уже вернулись?.. вы удивительно хорошо выглядите!

Это былъ Зейкерперъ, сосѣдъ тети Регги.

II.

Она спала въ креслѣ съ открытымъ ртомъ, сложивъ на колѣняхъ руки. Смеркалось. На грязномъ дворѣ играли дѣти, и ихъ веселый гамъ доносился сквозь полуоткрытую дверь.

Шея старухи была сильно вытянута, а голова откинута назадъ. Одна половина лица тонула въ полумракѣ комнаты, другая освѣщалась неровнымъ тусклымъ свѣтомъ, проникавшимъ изъ дверной щели. Казалось, что лицо раздѣлено ровно пополамъ на два профиля,—темный и свѣтлый, прорѣзанныхъ рѣзкой линіей рта. Изъ подъ парика, не плотно прикошнутаго щипьками, выбивались сѣдыя, серебристыя пряди волосъ. Легкій храпъ раздавался въ комнатѣ и смѣшивался съ глухо долетавшимъ крикомъ дѣтей, который звучалъ такъ странно въ полутемной комнатѣ рядомъ со старческимъ лицомъ. Мирно, тихо постукивалъ съ жалобнымъ скрипомъ маятникъ.

На дворѣ играли трое или четверо еврейскихъ дѣтей и одинъ христіанскій ребенокъ, калѣка. Младшій былъ болѣзненно полный и изжелта блѣдный мальчуганъ, съ большими темными внимательными глазами и рѣдкими всклокочеными волосами...

Ребенокъ сидѣть на грязномъ каменномъ порогѣ, его юбочка была подоткнута и вытянутыя голыя ножонки запачканы пылью. Въ маленькихъ кривыхъ ручкахъ онъ вертѣль капустный листъ, отрывая и разбрасывая отъ него мелкіе кусочки. Нѣсколько такихъ же листьевъ, вялыхъ и гнилыхъ, было разбросано вокругъ. Большеіе черные глаза слѣдили за игрой остальныхъ, громко кричавшихъ дѣтей. Изъ цинковой сточной трубы капала жидкость въ выгребную яму, которая испускала зловоніе, хотя и была прикрыта небольшой деревянной дощечкой. Мейеръ, сынъ Зейкерпера, приподнялъ доску за ржавое кольцо и началъ ворошить палкой густую, жирную, зловонную массу. За нимъ потянулась дѣвочка съ лопаткой отъ угольевъ. Вокругъ ямы разлилась темно зеленая жижа со сплющимися комками нечистотъ. Янъ, хромой сынъ сапожника, лежалъ, вытянувшись во всю длину, свѣсивъ голову надъ ямой, и, слегка заткнувъ носъ, старался нашупать что-то въ этой гущѣ. Его обезображенная ножка была напряженно искривлена. Саартѣ наблюдала за ихъ занятіемъ, упервшись въ грязь колѣнами и руками. Изъ подъ зеленої юбченки выглядывали ея худыя, какъ палки, ноги въ дырявыхъ черныхъ чулкахъ, сквозь которые просвѣчивало грязное тѣло. Мейеръ, старшій изъ нихъ, сидѣлъ, поджавъ ноги, у самой стѣны.

Это былъ блѣдный мальчикъ съ тонкими чертами лица, съ жидкимъ чернымъ пушкомъ на головѣ, почти сплошь покрытой рубцами и струпьями. Буро желтые струпья на головѣ, вискахъ, ушахъ...

— Вотъ оно, ей Богу, вижу,— пробормоталъ съ закрытымъ носомъ Янъ.

— Ты его видишь?— спросилъ Мейеръ, наклоняя свою золотушную голову къ самой ямѣ.

Саартѣ вытащила свою лопатку и тоже низко наклонила курчавую головку съ блѣднымъ лицомъ, спокойно вдыхая зловонье.

— Гдѣ же ты его видишь?

— А тамъ. Тебѣ его оттуда не видно.

— Ты можешь его достать?

— Ну, молчи... вонь-то какая!

— Хочешь лопатку?

— Молчи же!

Узенькой, тенкой дощечкой онъ осторожно добывалъ что-то изъ грязи. Три маленькихъ лица наклонились съ интересомъ надъ черной вонючей массой.

— Поймай?

— Ты думаешь это такъ легко? — бормоталъ Янъ въ носъ.

— Давай, я лопаткой достану,—сказала Саартье, нагибаясь еще ниже.

— Ничего ты не подълаешь со своей лопаткой... Да берегись ты! Чортъ возьми, какъ воняетъ!.. Господи Боже мой, вотъ такъ вонь. Одно свинство!.. Ну... ташу, ташу!

— Ты бы привязать палочку къ лопаткѣ, — сказалъ Мейерь, хлопая въ ладоши.—А, что? что?

— И такъ достану!

— Я еще ничего не вижу.

— А оно не потонетъ опять?—спросила Саартье, копаясь обѣими рученками въ грязи. Янъ ничего не отвѣчалъ, онъ осторожно передвигалъ дощечку въ нижнемъ словѣ нечистотъ. Мѣсье *), болѣзnenный мальчикъ, который до сихъ поръ возвился съ капустными листьями, ползкомъ добрался до дѣтей и протиснулся между Саартье и Мейеромъ. Его руки скользили по грязи, которая прилипала къ ногамъ и юбкѣ и хлюпала подъ его пальцами. Очевидно, не понимая хорошенько въ чёмъ дѣло, онъ глядѣлъ на дыру большими влажными глазами.

— Пойди прочь Мѣсье,—крикнула Саартье,—упадешь!

— Тамъ... тамъ... тамъ...—лепеталъ ребенокъ, протягивая рученки къ зловонной ямѣ.

Саартье поднялась, взяла его подъ мышки и отнесла на порогъ дома.

— Сиди тутъ смирно... а не то позову тетю... Будешь ты меня слушаться? Что? Попробуй-ка еще разъ! Слышишь? Тебѣ говорю, слышишь?

Она сунула ему въ руки капустный листъ, и блѣдный, болѣзnenno пухлый ребенокъ снова принялъ его ошипывать.

Янъ старательно привязывалъ лопатку къ дощечкѣ. Мейерь придерживалъ концы. Но веревочка ежеминутно лопалась.

— Подожди, я дамъ тебѣ мой шнурокъ,—сказалъ Мейерь, вытягивая черную тесемку изъ своихъ стоптанныхъ башмаковъ. Саартье была проворнѣе и живо оторвала полоску материи отъ своихъ панталонъ на колѣнѣ. Янъ, щуря глаза, плотно связалъ ею концы своихъ инструментовъ. Они опять улеглись на край ямы, свѣсивъ головы, а густая масса растекалась во всѣ стороны, распространяя ъдкій, удушливый смрадъ.

Это былъ маленький, грязный дворикъ позади темнаго полуразвалившагося зданія, выходившаго на узкую уличку. У входа въ него были двѣ едва замѣтныя дверки; напротивъ въ заборъ тоже двѣ калитки. Съ третьей стороны дворъ замыкался высокой и мрачной стѣной склада. Лишь въ верх-

*) Мѣосье — Моисей; Сооръ, Саартье, Соортье — Сара.

ней его части виднѣлся рядъ маленькихъ грустныхъ оконецъ съ темными рамами и стеклами, ставшими отъ времени разноцвѣтными, какъ мыльные пузыри. Эти стекла, точно многочисленные глаза квадратной каменной громады, смогрѣли тускло и безучастно на людскую суету внизу. Казалось, даже этотъ старый, подслѣповатый домъ задыхается въ этой мрачной, вонючей, мокрой дырѣ и стремится вверхъ, чтобы глотнуть хоть немного воздуха и свѣта. Верхнія оконца горѣли въ лучахъ заходящаго солнца; нѣкоторыя были полуоткрыты, и въ нихъ стояли горшки съ цвѣтами и высовывались длинные шесты, на которыхъ было развѣшано бѣлье, выдѣляясь рѣзкими, бѣлыми и пестрыми пятнами на фонѣ темной стѣны.

Время отъ времени изъ оконъ доносились звуки голось, глухо повторяемыхъ эхомъ, а внизу маленькия блѣдныя дѣти играли въ узкомъ четыреугольномъ пространствѣ, куда никогда не проникалъ лучъ солнца. Громче всѣхъ раздавался голосъ Саартѣ.

Одно изъ оконъ первого этажа раскрылось, и толстая, полногрудая женщина въ бѣлой кофѣ, съ небрежно закрученными въ узель волосами, облокотилась на подоконникъ и свѣсилась внизъ. Въ вечернихъ сумеркахъ можно было разглядѣть ея поблѣдѣвшее, блѣдное лицо, глаза безъ выраженія, тонкія злыя губы. Ея толстые груди тяжело лежали на сложенныхъ рукахъ. Она крикнула изъ всѣхъ силъ:

— Закройте крышку... Провоняли все!.. Ступайте прочь!
Убирайтесь вонъ!

— Почему это?—закричалъ Янъ, упрямо продолжая свое занятіе.

- Говорю вамъ, закройте крышку, свиньи!
- Эхъ,—отвѣтилъ Янъ,—тамъ что-то лежитъ!
- Что же ты тамъ нашелъ, хромой чортъ!
- Ея яблоко,—сказалъ Мейеръ, указывая на Саартѣ.
- Такъ изъ за этого вы весь воздухъ поганите? Закройте сейчасъ же, говорю вамъ!

Толстая, красная, потная голова мужчины показалась въ окнѣ рядомъ съ женщиной.

— Сейчасъ же положить доску на мѣсто!—крикнулъ онъ сердито.

Но упрямый Янъ, зная отлично, что изъ склада нѣть хода во дворъ, и что тамошніе жильцы въ ссорѣ съ нижними обитателями, ничего не отвѣтилъ, только крикнулъ вызывающимъ тономъ: „Поглядите, вонъ и мадамъ пожаловала“,—съ мальчишескимъ задоромъ глядя на красную, лоснящіяся щеки мужчины. Тотъ посинѣлъ отъ злости. Опершись кулаками о подоконникъ, онъ яростно выкрикивалъ бранные

слова, которые, казалось, съ трудомъ выходили изъ его бычачьей шеи съ отвислымъ подбородкомъ.

— Проклятый калѣка... весь воздухъ отравили!. Свинья! Разбойникъ!.. разбойникъ!.. разбойникъ!..

Онъ хрюпѣлъ отъ злости, шея его побагровѣла и подбородокъ трясся. Тогда женщина, совсѣмъ перегнувшись изъ окна и грозя своей пухлой бѣлой рукой, стала въ свою очередь визгливо и протяжно выкрикивать ругательства, потомъ, видя, что они не помогаютъ, съ злобой захлопнула окно.

Въ другихъ окнахъ начали тоже показываться сердитыя лица.

Дѣти, слегка испуганныя сыпавшейся на нихъ бранью, присмирѣли. Изъ темнаго полуразрушенаго зданія раздался голосъ сапожника:—Что еще тамъ такое?

Янь, ободренный голосомъ отца, отвѣтилъ жалобно:

— Онъ, тотъ жилецъ сверху, не позволяетъ мнѣ достать яблоко!

— Не суйтесь не въ свое дѣло вы, подлецы, мошенники!..—раздался громовой голосъ по направленію къ пакгаузу.

И снова во дворикѣ воцарилась тишина.

— Ну, что,—поймаль?

— Тише. Подожди... опять выскользнуло... а теперь совсѣмъ его не вижу.

— А ну, дай я попробую!

И они снова наклонились, пристально вглядываясь.

— Давай, я достану,—сказалъ сердито Мейеръ,—это вѣдь ея лопатка и ея яблоко!

— Да, пусть онъ достанетъ, если ты не можешь,—возвра-
зила Саартѣ,—у него руки длиннѣе, чѣмъ у тебя.

— Чортъ возьми, ты думаешьъ, что это такъ легко?.. тихонько... не толкни меня... Ну-ка, подпихни его ко мнѣ палкой, Мейеръ, а то оно опять выскользнетъ. Держи его крѣпче! Потише... потише...

Раздался общій громкій крикъ восторга. Они остались на своихъ мѣстахъ. Саартѣ вытерла яблоко своей зеленої юбкой, старательно очистивъ всѣ особенно загрязненные мѣста.

Янь жадно поглядывалъ на него. Мейеръ, вполнѣ уверенный, что получить свою долю, бросалъ обратно въ яму комъя нечистотъ.

— Можно и такъ его съѣсть,—заявилъ Янь.

Но Саартѣ, нагнувъ надъ яблокомъ свою черную курчавую головку, плевала на него, терла подоломъ, пока оно не засияло.

— Ну, теперь я дамъ каждому по кусочку. Первому Яну... Она закусила яблоко, а Янь жадно протягивалъ свою

грязную руку. Саартъе дала ему кусочекъ, потомъ Мейеру и Мосье, который снова подползъ къ нимъ.

— Оно на вкусъ совсѣмъ не испортилось,—сказалъ Мейеръ.

— Что-же ты воображаешь, что кожица что-нибудь пропускаетъ?—сказалъ Янъ разсудительно.—Да если бы оно пролежало тамъ цѣлую недѣлю, его всетаки можно было бы ъесть.

— Ну, что ты?.. какъ ты думаешь, Саарь?—горячо возразилъ Мейеръ.

— Мнѣ кажется, если бы оно пролежало тамъ недѣлю, я не могла бы его ъесть,—сказала Саартъе, быстро жуя свое яблоко.

— Ну, а я бы могъ,—заявилъ Янъ.—Недавно мы выловили въ Зингельскомъ каналѣ, я и Шеля—знаешь—палкой съ гвоздемъ. Боже, сколько ихъ тамъ въ водѣ и какія все отличныя!

— И теперь ихъ тамъ много?—спросилъ Мейеръ, поглядывая на все уменьшавшійся огрызокъ въ рукѣ Саартъе.

— Послѣ базара, всегда цѣлая масса... Слышишь? О, да... Можно наѣсться до сыта... Коость выловилъ чуть не двадцать... Ты мнѣ больше не дашь ни кусочка?

— Вѣдь я тебѣ уже дала,—сказала Саартъе,—мнѣ самой ничего не останется...

Но когда всѣ съ молчаливой просьбой уставились на нее, она откусила своимъ ровными бѣлыми зубками каждому еще по кусочку.

Янъ снова наклонился надъ ямой и копался въ ней лопаткой.

— Что, очень глубоко?—спросилъ Мейеръ.

— Еще бы. Тебя совсѣмъ покроетъ! и еще какъ! — воскликнулъ Янъ, набравъ на лопатку жижи и медленно ее выливая.

— Ну, если умѣть плавать...—сказалъ Мейеръ и плонулъ въ яму.

— Какъ удержишься въ такомъ свинствѣ, — возразилъ Янъ.—Сейчасъ же захлебнешься.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—возразилъ Мейеръ, продолжая плевать.

Они вели свои немудреные разговоры со всей серьезностью взрослыхъ людей. Саартъе переводила взглядъ съ Мейера на Яна, Мосье копошился рученками въ грязи. Тусклый свѣтъ догоравшаго туманного ноябрьскаго дня озарялъ блѣдныя лица, руки, голыя ножонки ребенка. Минутами, когда шумъ на улицѣ и въ соседнихъ домахъ замиралъ совершенно, голоса мальчиковъ звонко раздавались среди тѣсныхъ стѣнъ. Янъ складывалъ кучки изъ грязи.

— Отчего твой отец ничего не сдѣлает, чтобы прошла твоя короста на головѣ? — спросила онъ Мейера.

— Это не короста, — сказалъ Мейеръ, — это такъ себѣ.

— Надо мазью помазать, — продолжалъ Янъ, внимательно глядя на голову въ струпьяхъ.

— Отецъ говорить, что это пустяки, — возражалъ Мейеръ. — У моего брата тоже самое, и у младшей сестры, и у старшой...

— Сколько же вѣсть? — спросила Янъ.

— Насъ семеро.

— Вѣсть семеро! А насъ четверо.

— Насъ было одиннадцать человѣкъ, — сказалъ Мейеръ, — четверо умерли, и моя младшая сестра тоже скоро умреть.

— Она тоже умреть?

— О, навѣрно!

— Что же съ ней?

— Да развѣ я знаю?

— У насъ тоже одинъ умеръ, — рассказывалъ Янъ, задумчиво припоминая и медленно сдѣлывая грязь съ края ямы. — Боже мой, какъ это было чертовски странно... у насъ какъ разъ была такая яма въ погребѣ... И воняло же тамъ!.. Охъ, воняло!.. Господи прости, что за смрадъ!.. А по утрамъ мы все должны были выгребать ее ведрами... Только это мало помогало, да... И такъ это смѣшино было, да... очень забавно... Маленький гробикъ стоялъ на двухъ стульяхъ... Вы когда-нибудь уже видѣли маленький гробикъ?.. Совсѣмъ бѣлый, вотъ какъ апельсинная корка изнутри... да, и вотъ туда его положили!..

— Онъ лежалъ въ маленькому гробикѣ?

— А какъ-же!

— И закрыть крышкой? — спросила Саартье.

— А какъ же иначе... вѣдь смѣшино, правда?

— Это твой братецъ Диррекъ?

— Вотъ дура! Да развѣ Диррекъ умеръ?.. Это былъ маленький... Мейеръ его видѣлъ... Тебя еще тогда здѣсь не было!.. Онъ еще ни слова не говорилъ... вотъ какъ Мѣссе... И всегда у него былъ поносъ... Господи прости, что за поносъ! Отецъ говорилъ, что онъ умеръ отъ постоянного поноса... Гробикъ былъ такой маленький, какъ крышка отъ этой дыры... А по утрамъ сколько бывало смѣху съ водой въ погребѣ... Мы должны были ходить туда босикомъ... братъ и я... А братъ, — тотъ полуголый шлепнулся въ воду.. Хаха-ха!..

Дѣтскій смѣхъ громко прозвенѣлъ по дворику.

— А дальше? — спросила Саартье.

— Вотъ еще... дальше... А дальше!.. Глупая ты!.. вѣдь это не сказка! Чего же ты еще хочешь, а дальше...

Сзади скрипнула дверь. На порогѣ показалась старая сгорбленная, изсохшая, пожелтѣвшая еврейка, съ вытянутыми впередъ дрожащими руками. Ея парикъ сдвинулся назадъ, и сѣдые завитки волосъ робко выглядывали изъ-подъ него вокругъ лба и висковъ.

Густая синева окружала тусклые сѣрые глаза. Двѣ скорбныя складки залегли въ углахъ рта, глубокія морщины изрѣзывали все лицо ото лба до заостренного подбородка. Бѣлая ночная кофта, застегнутая у ворота гладкой красной брошкой, широкими складками падала на черную юбку.

— Ты здѣсь, Саартѣ?—спросила она.

— Да, тетя.

— Ты присматриваешь за Мѣсье!

— Да, тетя.

— Кто еще съ тобой?

— Янь отъ сосѣдей и Мейеръ.

— Такъ... такъ... Умѣешь ты смотрѣть на часы Мейеръ?

— Да, конечно,—сказалъ Мейеръ, кивая головой слѣпой старухѣ.

— А которой теперь часы? — спросила она, слегка улыбаясь.

— Да гдѣ же часы?

— А у насъ можно поглядѣть,—сказала Саартѣ, подбѣгая съ нимъ вмѣсть къ дверямъ и смотря на мѣдный циферблать.

— Половина шестого!—взявилъ громко Мейеръ.—Двухъ минутъ только не хватаетъ!

— Половина шестого,—повторила слѣпая...—Ну, играйте, себѣ...

Она было вошла въ комнату, но тотчасъ вернулась: можно подышать воздухомъ и подождать его здѣсь. Только бы не пропустить его. Она взяла за спинку близъ стоящей стулья, поставила его на порогѣ и, ласково кивая дѣтямъ, сказала:

— Дай-ка мнѣ Мосю, Саартѣ.

Она взяла ребенка на колѣни, терла ласково своей худой рукой его холодныя и влажныя ножки и сидѣла спокойно, мигая своими слѣпыми глазами.

Янь продолжалъ соскрабать грязь съ края ямы и рассказывать отрывисто и серьеано:

— ...Какъ это страшно!.. дома... А потомъ пожарные... изъ трубъ... Охъ, какія струи... дымъ повсюду... а огонь какой! Господи прости, какой огонь! Небо было такое красное... такое красное... какъ... какъ... совсѣмъ звѣздъ не было видно...

— Неужели же все горѣло? — спросилъ Мейеръ съ любопытствомъ.

— О!.. все было такое красное, какъ внутри печки... И видно было, какъ балки падаютъ.

— Вѣдь камни не горятъ, — сказала недовѣрчиво Саартье.

— Еще какъ горятъ! — заявилъ Янъ, оглядывая кругомъ стѣны, — я бы хотѣлъ, чтобы это здѣсь когда нибудь случилось.

— О, я бы не хотѣла! — воскликнула испуганно Саартье.

— А я — да, — сказалъ Мейеръ, который еще никогда не видѣлъ пожара и началъ вслухъ соображать, какъ бы это вышло: — я бы хотѣлъ, чтобы огонь всыхнулъ сейчасъ, и мы все бы это видѣли... Развѣ вы этого бы не хотѣли?

— Еще бы! — сказалъ Янъ. — Это было бы прекрасно... Искры разлетаются тогда по всему городу... и потомъ пожарные: дзинь-дзинь-дзинь! дзинь-дзинь-дзинь! Здорово!

— А если мы сгоримъ? — сказала Саартье.

— О, нѣть, никто не сгораетъ, — весело отвѣтилъ Янъ, — они всѣхъ спускаютъ по лѣстницѣ, а кто въ домѣ живеть, тотъ можетъ стоять и смотрѣть.

— Я бы хотѣлъ, чтобы это сейчасъ случилось, — сказалъ Мейеръ, глядя на стѣны, верхнія окна которыхъ сияли на солнцѣ.

— Днемъ это не интересно, — отвѣтилъ Янъ, качая головой.

— Почему?

— Днемъ виденъ только дымъ!

— А огня не видно?

— Нѣть.

— А ты видѣла когда нибудь пожаръ? — крикнула Саартье теткѣ.

— Да, — отвѣтила та. — Говорите лучше о чёмъ нибудь другомъ. Не накликайте на домъ несчастія...

Но дѣти продолжали перешептываться. Старуха сидѣла на порогѣ, обнявъ рукой больнаго ребенка и тихонько покачивая его на колѣньяхъ. Невдалекѣ раздавались звуки колокола.

Тусклы сѣрые глаза пристально смотрѣли вверхъ изъ-за каменного колодца. Прямо надъ головой старухи свѣсились съ косяка „мезуза“ въ заржавленной трубочкѣ *). И на старческое, сморщенное лицо, обрамленное

*) „Мезуза“ — прибитая къ косяку жестяная трубочка, заключающая листокъ пергамента съ написанными на немъ стихами изъ Пятикнижія. Этотъ религиозный обычай есть напоминаніе о десятой казни египетской, когда евреи должны были чѣмъ-нибудь отмѣтить свои жилища.

сѣдыми волосами и обращенное къ небу, падалъ неровный, -
робкій свѣтъ.

Маленький Мосье уснуль.

III.

Такъ и засталъ ее Элеазарь, когда вошелъ съ Зейкерперомъ черезъ полутемныя ворота. Вопросы за вопросами посыпались въ низенькой комнатѣ. Смущенная и испуганная, слѣпая прислушивалась съ удвоеннымъ напряженіемъ, беспокоясь за Давида и Саару, которые пошли вмѣстѣ на вокзалъ и, вѣроятно, остались ждать слѣдующаго поѣзда. Она повторяла это нѣсколько разъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Зейкерперъ въ отвѣтъ раскатывался веселымъ смѣхомъ, который звонко вырывался изъ его груди, и повторялъ нараспѣвъ:

— Вѣдь они не дѣти, Регги... Что-о?.. Они вернутся, вернутся навѣрное!..

И опять градъ вопросовъ осыпалъ Элеазара. Но тотъ совершенно не чувствовалъ себя растроганнымъ. Онъ напряженно потиралъ мокрый лобъ рукой, силясь отвѣтить въ томъ же сердечномъ тонѣ, но были моменты, когда мысли его куда то улетали, онъ не слышалъ словъ или не улавливалъ ихъ значенія и, испуганно спохватившись, заставлялъ повторять себѣ вопросы.

— Ну, что же было потомъ? — спрашивала тетка, устроивъ на него слѣпныя глаза.

Онъ рассказывалъ и удивлялся своимъ собственнымъ словамъ, которые казались ему рѣчами кого-то посторонняго. Онъ настолько былъ полонъ другихъ тяжелыхъ мыслей, что говорилъ съ трудомъ.

— Въ Чикаго есть дома въ двѣнадцать этажей,—рассказывалъ Элеазарь; и въ ту же минуту у него мелькала мысль, что носъ ея не былъ раньше такъ тонокъ и теменъ, что это совсѣмъ не ея носъ, что онъ удлиннился и похудѣлъ; что въ чертахъ знакомаго и любимаго лица появилось что-то увядшее и болѣзненное... — двѣнадцать этажей и подъемная машина до самаго верха.—И опять во время короткой паузы онъ глядѣлъ на темные круги подъ ея глазами,—на эти изсиня черныя углубленія, которые вмѣстѣ съ тонкимъ носомъ дѣлали лицо похожимъ на маску.

Ему стало больно и грустно при воспоминаніи о томъ, какой она была раньше, какъ бываетъ больно и грустно видѣть при яркомъ дневномъ свѣтѣ больного, который долго лежалъ въ кровати въ полутемной комнатѣ, и глаза кото-раго не выносятъ дневного свѣта.

Пока онъ говорилъ, съ трудомъ подбирая фразы, голось его все становился мягче, точно онъ боялся, что звуки слишкомъ грубо коснутся этого лица съ вялыми, дряблыми чертами, маленькими, тусклыми глазами и заострившимся носомъ.

Его собственное тѣло казалось ему чѣмъ-то тяжелымъ, громоздкимъ, череачуръ здоровымъ въ этой жалкой тѣсной комнатѣ, гдѣ дышалось съ такимъ трудомъ, и куда едва пробивался сквозь спущенные шторы блѣдный свѣтъ.

Зейкерперъ повторялъ слова Элеазара съ выраженіемъ удивленія, стараясь тѣмъ привлечь его вниманіе. Лицо старого зеленщика, толстое, изжелта-блѣдное и грязное, выглядывавшее изъ подъ засаленной фуражки, вызывало въ Элеазарѣ то же чувство тревожнаго смущенія.

Онъ переводилъ взглядъ съ тети Регги на Зейкерпера, иногда мимоходомъ посматривалъ на маленькаго Мосье и на Майера, который стоялъ, просунувъ голову между толстыхъ ногъ отца. Онъ привлекъ къ себѣ Саартѣ и обнялъ своей большой мускулистой рукой тоненькое тѣльце ребенка. Разговоръ какъ-то не клеился: Зейкерперъ былъ все-таки не свой и мѣшалъ задушевности. Элеазаръ сидѣлъ безучастно, всецѣло поддаваясь тому впечатлѣнію, которое производили на него ихъ новыя лица, лица, ставшія ему чужими, благодаря измѣнившимся формамъ носа и рта, цвѣту волосъ, всему складу лица. Только глаза сохранили прежнее выраженіе, да по прежнему звучали ставшіе чуть-чуть глупше голоса, со знакомыми, чисто-еврейскими пѣвучими нотами, при первыхъ звукахъ которыхъ въ немъ всплыли самыя отдаленные воспоминанія. Онъ наклонился ниже, сильнѣе привлекъ къ себѣ Саартѣ, обдернулъ ея зеленое полинялое платьице и заглянулъ въ ея запачканное лицо.

— Она очень похожа на Эсфири,—сказалъ онъ серьезно и тихо.

— Какъ двѣ капли воды,—согласился Зейкерперъ.

— Она долго страдала,—рассказывала слѣпая, покачивая головой съ глубокимъ сожалѣніемъ,—долго, долго... И ничего нельзя было подѣлать. Однажды, въ субботу, напала на нее такая тоска... Давидъ вамъ обѣ этомъ писалъ... Писалъ вамъ обѣ этомъ Давидъ?

— Да,—отвѣтилъ Элеазарь.

— А потомъ Давидъ сказалъ, лучше сюда перѣѣхать,—квартира тутъ все равно пустая—вотъ мы и перѣѣхали. Понимаете? Я и такъ не могла по лѣстницѣ ходить... а еще дѣти... Понимаете?

— И я, нижній жилецъ, очутился сосьдомъ сверху,—полнялъ Зейкерперъ.

Элеазаръ живо вспомнилъ покойную сестру и посмотрѣлъ на ея маленькую карточку въ золоченой рамкѣ, которая стояла на выступѣ печки, рядомъ со стаканами и бѣлыми фарфоровыми чашками.

— Это длилось нѣсколько мѣсяцевъ, — продолжала слѣпая, — вскорѣ послѣ Мосинаго рожденія началось. Цѣлую зиму она умирала. Съ утра она еще была совсѣмъ здорова,—рассказывала старуха о томъ, что она могла видѣть своими слѣпыми глазами,—она вытирала вилки и ложки и сказала мнѣ: „какой снѣгъ, тетя“—а это была снѣжная зима—и начала еще... еще начала такимъ мягкимъ голосомъ... Давидъ опять нашелъ работу, и она хотѣла спечь ему булку къ субботѣ. Около полудня она такъ устала, что легла съ Москѣ на постель, а къ вечеру она умерла. Да, да, Божья воля. Ее похоронили въ воскресенье. Никогда я не думала, что я переживу ее, что я услышу, какъ гробъ ея спускаютъ по лѣстницѣ... Божья воля, только не дай Богъ еще разъ это услышать... Божья воля...

Она рассказывала спокойно, почти улыбаясь, съ равнодушіемъ старухи, притупленной къ страданіямъ долгой и тяжелой жизнью. Зейкерперъ добавилъ нѣсколько подробностей: удивительно быстро разложилось тѣло. Въ субботу такъ пахло на весь домъ, что въ верхнемъ этажѣ нельзя было ничего Ѳсть,—даже супъ скисъ. И это зимой.

— Да, такъ это и было,—подтвердила тетя Регина, моргая глазами. Дѣти почевали у Зейкерпера, а она съ Давидомъ на полу около покойницы. Ночью Давидъ долженъ былъ открыть окно: до того невыносимъ былъ запахъ. При этомъ онъ сказалъ:—Тетя, какой снѣгъ!—И она почувствовала холода.

— А знаете какая исторія вышла съ гробомъ? — спросилъ Зейкерперъ.—Нѣть? Они никакъ не могли снести его внизъ!—И, наклоняясь къ Элеазару, онъ пояснялъ ему, что случилось, какъ они протискивали гробъ, а онъ застрѣвалъ между выступами лѣстницы, точно онъ не хотѣлъ выходить,—просто чудо, настоящее чудо, а между тѣмъ наверхъ его внесли совершенно спокойно.—Это потому, что гробъ разбухъ отъ разложившагося тѣла, — добавилъ онъ, поникнувъ головой.

Онъ еще хотѣлъ кое-что порассказать, но ихъ перебили Давидъ и Сооръ, которые вернулись съ вокзала, сердитые на то, что даромъ прождали. Сестра Соортъ была совершенно вѣдь себя и не хотѣла здороваться съ Элеазаромъ. Почему онъ не прислалъ телеграммы, чтобы они знали навѣрное, когда онъ

пріѣдеть? Элеазару пришлось объяснять еще разъ, что въ Гамбургѣ ему удалось попасть на курьерской поѣздѣ, и что онъ потому пріѣхалъ раньше, чѣмъ самъ разсчитывалъ.

Они сидѣли вокругъ грязнаго стола, покрытаго темной скатертью, и Регги, довольная, что Давидъ и Соортъ, наконецъ, дома, нащупала на плитѣ кофейникъ и заварила кофе. Сумерки сгущались, и въ комнатѣ темныя тѣни чередовались съ золотистымъ отблескомъ заката.

Послѣдній лучъ солнца горѣлъ на стеклахъ высокаго желтаго шкафа и бросалъ яркіе блики на мѣдную посуду, стоявшую аккуратно въ рядъ, на жаровню и праздничный семисвѣчникъ *).

Давидъ сидѣлъ ближе всѣхъ къ окну, и можно было разсмотрѣть его блѣдныя щеки и безцвѣтные глаза.

У Соортѣ въ полумракѣ выступала только лиловая кофточка, облекавшая мягкія, округлныя формы, да задорно покачивающейся на головѣ уборъ изъ лентъ.

— Ну, разсказывай же, разсказывай... Ты ничего не говоришь, — сказалъ Давидъ, наклоняясь впередь.

— Я уже столько разсказывалъ,—устало возразилъ Элеазарь, съ мучительнымъ ощущеніемъ тошноты отъ непривычнаго для него спертаго воздуха.

— Ну, разскажи еще разъ,—сказала настойчиво Соортѣ, съ пѣвучими нотами въ голосѣ, прихлебывая кофе.

Тетя Регги отломала кусокъ пирога дѣтямъ, которыхъ принялись есть его медленно, по крошкамъ. Въ комнатѣ раздавалось чмоканье и чавканье, — всѣ занялись пирогомъ и кофе. Со двора доносился шумъ воды, стекавшей изъ трубы въ яму. Изъ подъ воротъ въ раскрытыя окна долеталъ смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ.

Элеазарь, чтобы удовлетворить любопытство вновь пріѣдшихъ, блѣдныя лица которыхъ рѣзко выдѣлялись въ сумеркахъ, принялъ сноva разсказывать, что случалось съ нимъ во время его путешествія: сначала о томъ, какъ долгому пришлось пролежать въ госпиталѣ, о качкѣ на морѣ и морской болѣзни, о буряхъ и о штильѣ, когда цѣлыми днями приходится стоять неподвижно, выжидая попутнаго вѣтра, о томъ, какъ непріютно на парусномъ суднѣ, о черствыхъ сухаряхъ и соленомъ мясе, о юнгѣ, который умеръ въ дорогѣ, и о его погребеніи... Но все замерло у него въ душѣ. Онъ разсказывалъ равнодушно, точно какія-то пустыя сказки, и сознавалъ, что въ его устахъ эти приключенія теряютъ.

*) Въ дни „хануки“—праздничного воспоминанія объ освященіи Храма—по вечерамъ зажигаютъ въ домахъ съ молитвою особы свѣчи, число которыхъ, увеличиваясь ежедневно, доходитъ въ послѣдній вечеръ праздника до семи; для этого обряда въ семьяхъ хранятся особые подсвѣчники.

свой колоритъ. Путешествіе на кораблѣ было долго и мучительно, а особенно для него, угнетеннаго еврея, среди здоровенныхъ, жующихъ табакъ и пьющихъ водку морскихъ волковъ. Онъ не могъ разскажать всего этимъ людямъ, которые такъ громко, съ такимъ смакомъ жуяты пирогъ и прихлебываютъ кофе; онъ не имѣлъ духу заговорить о томительныхъ дняхъ на качающемся, неспокойномъ, старомъ кораблѣ, гдѣ онъ такъ страдалъ отъ непрерывной морской болѣзни, и гдѣ его звали не иначе, какъ жидкомъ. Онъ—жидокъ! Въ больницѣ, когда къ нему стали мало по малу возвращаться силы, онъ съ глубокой внутренней радостью перечелъ нѣсколько разъ книгу Спинозы. Иногда книга выпадала изъ его усталыхъ рукъ, онъ задумывался и старался вообразить себѣ этого человѣка среди грубыхъ крестьянъ голландской деревни. Положивъ руки на книгу, закрывъ глаза, чтобы лучше сосредоточиться, онъ представлялъ себѣ еврея Спинозу, еврея съ медленной, грустной походкой, то бродящаго по полямъ, то, согнувшись въ глубокой задумчивости, роющаго землю на гребнѣ дюнъ. Сколько выстрадалъ въ то время, величаво и покорно, этотъ одинокій человѣкъ!

И грубые мужики, тяжело стуча ногами, проходили въ церковь мимо его бѣдного домика, громко повторяя своими большими ртами съ грязными зубами: — Здѣсь живеть жидокъ Спиноза. Сколько разъ дѣти смыялись и ругались надъ нимъ, когда онъ робко пробирался вдоль стѣнъ!.. Да, все это было!.. Элеазаръ переживалъ все это съ болью, прислушиваясь въ типинѣ больницы къ своему учащенному дыханію, а потомъ книга вновь завладѣвала имъ, унося его на вершины, гдѣ нѣть мѣста человѣческой мрази. И потомъ онъ поправился и попалъ на корабль, гдѣ снова стала добродушнымъ жидкомъ... жидкомъ и остался.

И пока Элеазаръ, чтобы поддержать разговоръ, понукаемый нѣсколько принужденными: „а дальше что?“ — передавалъ кое-какъ незначительные случаи изъ своего путешествія, въ немъ живо воскресала горечь всего того, что ему пришлось терпѣливо выносить цѣлыми недѣлями отъ капитана, отъ буфетчика съ краснымъ раздутымъ лицомъ, отъ грубыхъ матросовъ, которыхъ тяжелая корабельная жизнь обратила въ добродушныхъ съ виду, но на дѣлѣ совершенно озвѣрѣлыхъ морскихъ волковъ, всѣ мечты которыхъ вертѣлись вокругъ полупульянныхъ женщинъ, гармоники и виски. О, эти дни одинокой грусти въ тѣсной каютѣ, эти обѣды и молитвы, которую онъ выслушивалъ, какъ чужой, которая стѣсняла его, одинокаго, молчаливаго еврея, среди грубыхъ, невѣжественныхъ парней. Съ первого же дня онъ почувствовала себя угнетеннымъ, съ того дня, когда онъ заболѣлъ въ

своей кають и слышалъ черезъ стѣну разговоры и вопросы: „а гдѣ жидокъ? — и отвѣтъ: — „ жидокъ тамъ“— и опять — „ жидокъ... — и иногда — „ жидъ“ — или: — „нашъ жидокъ“— и такъ безъ конца. Грубый, раскатистый смѣхъ надъ тяжеловѣсными шуточками штурмана, заявлявшаго, что не желалъ бы быть „обрѣзаннымъ Шмулемъ“, и грязные разговоры, и звонъ тарелокъ, и гуль голосовъ, къ которому онъ съ боязливой тоской прислушивался изъ каюты, — все это такъ повліяло на него, такъ придавило его съ первого же дня, что онъ и самъ сразу почувствовалъ себя угнетеннымъ, приниженнымъ жидкомъ. Его робость еще увеличивалась отъ физической слабости, и онъ никакъ кому не обращался прямо и смѣло. Никогда еще не чувствовалъ онъ такъ горько грубую силу христіанского народа и гнетъ его кулака, опирающагося на священное писаніе. Здѣсь не было возможности уйти, уединиться, какъ въ городахъ. На просторѣ безконечнаго моря, подъ необъятнымъ куполомъ небесь, онъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ день за днемъ, часть за часомъ испилъ ту горькую чашу униженія, которую подносятъ чуткому еврейскому народу эти рослые, широкоплечіе люди съ грубымъ добродушіемъ, съ дикимъ пѣніемъ еврейскихъ псалмовъ ихъ языческому божку. За его тихій, кроткій нравъ и за его постоянную улыбку всѣ они вскорѣ стали его звать „милымъ жидкомъ“. Они не хотѣли его обидѣть и не понимали, что это прозвище было для него позорнымъ ударомъ бича. Онъ, этотъ „милый жидокъ“, разстался съ ними дружески,—точно собака, которая лижетъ бьющую ее руку,—въ первый разъ въ жизни вынужденный испытать на себѣ до конца жестокую судьбу отверженной расы, безсмысленную вражду одного народа къ другому, съ полнымъ забвеніемъ первыхъ и самыхъ простыхъ божескихъ завѣтovъ.

Если бы Элеазаръ захотѣлъ добросовѣстно передать тетѣ Регги, Давиду, Саартье и Зейкерперу свое путешествіе, это была бы печальная повѣсть о дняхъ и ночахъ болѣзни и суроваго одиночества. Но они не поняли бы этого также, какъ не понимали матросы на кораблѣ его застывшей улыбки. И въ блѣдномъ свѣтѣ сумерокъ онъ рассказывалъ имъ о разныхъ виѣшнихъ событияхъ, обо всемъ томъ, о чёмъ обыкновенно рассказываютъ путешественники, точно жизнь ихъ была сплошнымъ рядомъ романтическихъ, страшныхъ и удивительныхъ приключеній.

Было бы грубой ошибкой сказать хоть одно слово о той гнетущей тоскѣ, которая воскресала въ немъ при воспоминаніи о его путешествіи, въ этой тѣсной кучкѣ громко живущихъ людей съ призрачно блѣдными лицами въ тускломъ

свѣтъ угасающаго дня. Одного они бы не поняли, другого, что возбудило бы ихъ досаду, коснулись бы слишкомъ грубо. И онъ пространно рассказывалъ о далекихъ странахъ, о страхѣ, который онъ испыталъ въ то утро, когда вдругъ съ нимъ рядомъ на койкѣ юнга пересталъ шевелиться, и из-сина блѣдная рука трупа повисла безъ движенія, какъ коротко и несложно было погребеніе: наскоро сметанный, вмѣсто савана, кусокъ старого паруса, а за обѣденнымъ столомъ пѣніе псалмовъ и краткая заупокойная молитва. Голосъ его грустно раздавался среди общей тишины.

Въ жѣлтоватомъ отблескѣ маленькихъ окошекъ, лица казались худѣе, а черты ихъ расплывчатѣе. Съ минуту всѣ молчали, задумчиво переводя дыханіе, точно передъ ними носилась холодная, изсиня блѣдная рука мертвѣца.

Соопрь первая покачала головой и сказала нараспѣвъ: — Ой, бѣдняга... Ой, несчастный... — Остальные зашевелились; большія кофейныя чашки снова тускло засвѣтились въ ихъ рукахъ, и угрюмый шорохъ нарушилъ тишину...

Потомъ заговорилъ Давидъ, мрачно рассказывая о смерти Эсфири, и въ блѣдныхъ сумеркахъ разговоръ вертѣлся вокругъ того, „что она еще сказала передъ кончиной“, и всяческихъ семейныхъ бѣдъ, пока Зейкерперъ не замѣтилъ нерѣшительно, что слѣдовало бы поговорить о чемъ-нибудь другомъ, и врядъ ли можетъ доставить удовольствіе Эли лышать только о смерти и горестяхъ, въ первые же часы его возвращенія въ родной домъ.

Маленькая Саартѣ заснула на колѣняхъ у Элеазара. Сквозь тонкую матерію онъ прощупывалъ ея маленькия ребра и чувствовалъ ея дыханіе, а завитки ея спутанныхъ кудрявыхъ волосъ щекотали его подбородокъ.

Онъ пересталъ быть центромъ всеобщаго вниманія, могъ больше не говорить, и сидѣть, согнувшись, прислушиваясь къ жалобамъ Давида, которому пришло изъ за болѣзни глазъ сидѣть нѣсколько мѣсяцевъ безъ дѣла; потомъ недѣли двѣ онъ проработалъ, а теперь опять былъ безъ заработка. Ему совѣтовали поѣхать въ Антверпенъ, но тамъ ждала нищета еще хуже... нельзя ничего заработать шлифовкой... дѣло тамъ испорчено и христіане портятъ его все больше и больше... А вчера было собраніе въ „Палѣ“. Деккеръ говорилъ... приняли нѣсколько резолюцій... да развѣ поможешь резолюціямъ? Хоть обкусай себѣ ногти... Гдѣ нѣть денегъ, тамъ ихъ и не будетъ... Еще черезъ мѣсяцъ наступить зима... если не пришлютъ помощи изъ Америки... Богъ вѣсть, удастся ли выпутаться.

Грустно звучали въ полутьмѣ его жалобы, а Саартѣ и

Зейкерперь подвергдали ихъ черезъ столъ краткими, пъвучими возгласами.

Элеазарь, опершись подбородкомъ о курчавую голову ребенка, слушалъ, и ему казалось, что онъ не уѣзжалъ, что онъ всегда сидѣлъ въ той же комнатѣ съ тѣми же людьми.

На дворѣ сумерки все болѣе и болѣе сгущались; штукатурка глухой стѣны казалась призрачной завѣсой сѣраго тумана, на которой пятномъ выдѣлялась сточная труба, единственный предметъ, напоминавшій о дѣйствительности. Въ одномъ изъ маленькихъ оконъ, съ частымъ переплетомъ и тюлевыми занавѣсками, вырисовывалась круглая спина и медленно покачивающаяся, почти квадратная, коротко остриженная, худая голова гравильщика. Лицо скрывалось въ темнотѣ, и нельзя было разобрать его черть. Въ тишинѣ раздавался глухой голосъ, принадлежавшій этой раскачивающейся головѣ на круглой спинѣ. Густыя тѣни ложились на его тѣло, на молочную бѣлизну занавѣскъ, на спинку кресла.

Тетя Регги сидѣла у изразцового очага съ мѣдными дверцами, и догаравшіе уголья съ вспыхивающими синими языками слабо озаряли ея лицо, изжелта темное, точно старинный пергаментъ, и ея слегка изогнутую руку, обнимавшую Мосье. Это была единственная фигура, выступавшая изъ мрака; остальные сидѣли возлѣ Элеазара, и онъ ихъ не видѣлъ; только повернувшись лицомъ къ шкафу, онъ различалъ семисвѣтникъ, тускло свѣтившійся на нижней полкѣ. Низкий потолокъ съ неуклюжими темными балками тяжело нависъ надъ комнатой, погруженной въ густой полумракъ, мѣстами нарушеніемъ рѣзкими черными и коричневыми контурами и золотистыми отсвѣтами. Послѣдній отблескъ отраженного свѣта падалъ изъ маленькихъ, запыленныхъ оконъ уже охваченной ночью сѣрой стѣны. Со двора и отъ неровной постройки съ облупившейся штукатуркой поднимались испаренія и лѣнивыми клубами расползались по крыше, забирались мягкими кольцами въ комнату, мракъ которой прорѣзывался кое-гдѣ слабымъ отсвѣтомъ блѣднаго лица, бликомъ на кофейной чашкѣ, на стеклянныхъ дверцахъ шкафа, мѣдной посудѣ...

Элеазарь сидѣлъ, откинувшись на спинку стула, всецѣло отдаваясь впечатлѣнію надвигающихся тѣней, сочетанію густого мрака и золотистыхъ вечернихъ тоновъ, послѣднихъ лучей свѣта на темнѣющихъ зданіяхъ. Его бѣлая, какъ мѣль, рука потянулась къ тускло свѣтящейся чашкѣ. Пальцы его дрожали; тяжелый запахъ, кисло-сладкія испаренія, проникавшія со двора, снова вызвали въ немъ горячій приливъ боязни и тревоги. Давидъ, всецѣло погруженный въ разсказъ своихъ ежедневныхъ заботахъ, продолжалъ перечислять свои

невзгоды и говорилъ глухимъ, жалобнымъ голосомъ, спорить съ Саартье и Зейкерперомъ.

— Выпейте еще чашечку, Эли,—сказала Регги, которая встревожилась, не слыша его голоса.

— Нѣть,—отвѣтилъ онъ, вставая съ мѣста,—мнѣ душно!

Съ ребенкомъ на рукахъ онъ подошелъ къ двери и прилонился къ косяку, стараясь подавить поднимавшуюся тошноту, вызванную тѣснотой, вонью, мракомъ... Въ комнатѣ заговорили громче. Зейкерперъ о чёмъ-то спорилъ и кричалъ, по временамъ издавая пѣвучія восклицанія. Они, повидимому, ссорились, но онъ не зналъ, изъ за чего; онъ смотрѣлъ передъ собой воспаленными, усталыми глазами, прислушиваясь къ однообразному шуму голосовъ.

— Правда-же!.. правда!

— И почемъ вы это знаете? почемъ вы знаете?—раздавался ворчливый голосъ Давида.

— Да будь я проклятъ!.. Вѣдь это правда, Сооръ? правда это? это стоило ему денегъ?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ! Ни цента...—утверждалъ Давидъ съ озлобленіемъ.—Не могутъ же оспаривать то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ не заплатилъ ни цента... Ни одного цента! Провалиться мнѣ! Вотъ хоть провалиться!

— Онъ заплатилъ, — клянусь моей жизнью, и вашей жизнью!—отвѣчалъ голосъ Зейкерпера.

— Пусть вы правы! Пусть такъ! Да!—ворчалъ раздосадованный Давидъ.

— Вы говорите о вещахъ, которыхъ не понимаете,—упрямо кричалъ все громче и громче первый.

— Охъ, покажу я тебѣ!—вышелъ Давидъ изъ себя.

— Что-о! Ты мнѣ покажешь! А почему не я тебѣ?—спросилъ задорно Зейкерперъ, но такимъ сдавленнымъ голосомъ, точно у него что-то застряло въ горлѣ.

— Ужъ не высѣчъ ли вамъ меня!—сказалъ сухо Давидъ.

Вмѣшался голосъ слѣпой успокоительно:

— Не ссорьтесь!.. Ну что за важность, заплатилъ онъ или не заплатилъ...

Давидъ не уступалъ, старался доказать свою правоту, говорилъ во весь голосъ и размахивалъ руками, а Зейкерперъ силился его перекричать. Нѣкоторое время Элеазаръ прислушивался. Потомъ, все еще стоя въ дверяхъ, онъ сталъ разсматривать сильно потрескавшуюся стѣну, торчащія палки съ развѣяннымъ бѣльемъ, верхня оконца темнаго полуразрушенного зданія, почти совершенно окутанныя испареніями. Въ одной изъ квартиръ горѣлъ свѣтъ, и видно было, какъ худая плоскогрудая женщина въ лиловомъ платкѣ,

согнувшись, чесала ребенка, часто поднося гребень к лампѣ и всматриваясь въ него пристальными глазами.

Глубоко, какъ старая, заглохшая боль, которая снова даетъ о себѣ знать, что-то сдавило и обожгло ему горло такъ же, какъ и въ тотъ часъ, когда онъ впервые опять увидѣлъ маленькия, старыя лачужки. Прислонившись къ косяку дверей, онъ машинально водилъ рукой по меаузѣ, по жестянной трубкѣ, гдѣ гнили и плѣсневѣли листки Библіи. Онъ не могъ удержаться отъ улыбки, ощущать эту покрытую грязью вещицу и слегка подтолкнуть ее. Она закачалась. Продолжая улыбаться странной улыбкой, онъ отковырялъ ее пальцемъ, взялъ въ руки, поворачивалъ во все стороны, и въ полуслѣдѣ сумерокъ она казалась блестящей игрушкой. Саартѣе проснулась и смотрѣла, что онъ дѣлаетъ.

— О! — сказалъ ребенокъ, внимательно поглядывая украдкой. — О!.. Дядя!..

— А что? — улыбнулся онъ, продолжая вертѣть въ рукахъ меаузу; и вдругъ улыбка сошла съ его лица, смѣнившись неожиданно горькимъ выражениемъ; онъ опустилъ трубку въ карманъ, продолжая обнимать ребенка.

— А что тамъ внутри, дядя? — спросила дѣвочка съ любопытствомъ, отлично понимая, что онъ дѣлаетъ нечто дурное.

— Ничего... — сказалъ онъ тихо, усмѣхаясь. — Ничего, обезьянка... завтра получишь отъ меня центъ!

Съ ребенкомъ на рукахъ вошелъ онъ снова въ комнату и спросилъ, не пора ли Саартѣе и Мосье ложиться спать. Тетя Регги кивнула головой, встала и вынесла спящаго Мосье.

— Можетъ, посвѣтить вамъ?

— А что мнѣ это поможетъ? — ласково усмѣхнулась слѣпая. — Глупенький... Вѣдь я дѣлаю это каждый вечеръ.

Саартѣе, Давидъ и Зейкерперъ были въ самомъ разгарѣ спора. Элеазаръ съ Саартѣе на рукахъ ощущую пробирался въ альковъ.

— Не бойтесь, — успокаивала слѣпая, — здѣсь нѣть лѣстницы... тутъ альковъ... Только не наткнитесь на керосинку и не попадите въ ведро...

Дверь за ними закрылась, и они очутились въ полной темнотѣ. Онъ слегка поддался впередъ, двигаясь ощущую, какъ тетя Регги, и не спуская ребенка съ рукъ. Старуха положила Мосье въ постель и взяла Саартѣе. Элеазаръ зажегъ спичку, которая на секунду освѣтила глубокую кровать со впадиной посерединѣ, печную трубу и грязную стѣну. Спичка догорѣла до конца, обожгла ему пальцы и упала; онъ зажегъ вторую быстрымъ, боязливымъ движенiemъ.

— Что вы дѣлаете? — спросила слѣпая, — не зажигайте огня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ тихо, озираясь съ широко раскрытыми глазами, при каждой вспышкѣ спички.

Это былъ темный альковъ безъ оконъ, съ голой, мокрой отъ сырости стѣной съ облупившейся темной штукатуркой.

Вѣроятно, раньше это была маленькая кладовка. Въ глубинѣ стояла грязная досчатая кровать съ прорваннымъ матрацомъ и дырявымъ стеганымъ одѣяломъ, разлеашимся по швамъ. Клочья грязной сбитой ваты торчали со всѣхъ сторонъ. Ничего больше не лежало на кровати. Сбоку торчалъ косой выступъ печной трубы, на которомъ стояла керосиновая кухня, а рядомъ висѣла на веревкахъ второй матрацъ. Поль былъ кирпичный, старый и неровный.

На нижней части стѣны выступали пятна плѣсени и подтеки жира. Невыносимый запахъ пробивался сквозь щели пола. Четыре раза Элеазарь зажигалъ спичку, и четыре раза она озаряла мрачный альковъ съ кроватью у сырой стѣны.

— Что вы дѣлаете? Что же вы дѣлаете?—говорила слѣпая, укладывая ребенка.—Вы не въ Америкѣ, Эли... у насъ нѣть подъемныхъ машинъ,—штутила она

— А гдѣ же вы спите?—спросилъ онъ, зажигая еще одну спичку.

— Съ дѣтьми, на кровати... А гдѣ же иначе?..

— А Давидъ?

— На полу...

— На полу...—повторилъ онъ задумчиво, безо всякаго удивленія, потому что онъ привыкъ это видѣть и, ребенкомъ, самъ спалъ на матрацѣ на полу съ Эсфирию, Брамомъ и Іосифомъ, которые всѣ уже умерли.

— Но какой тутъ запахъ!—продолжалъ онъ.—Здѣсь внизу, вѣрно, выгребная яма. Такъ воняетъ... такъ воняетъ... дѣлается дурно...

— Это отъ ведра, дядя,—сказала Саартѣ, показываясь въ дверяхъ.

Спичка догорѣла. Онъ сердито чиркнулъ другой и, обернувшись, увидѣлъ ведро съ ручкой, почти до верху полное нечистотъ. Онъ бросилъ въ него догоравшую спичку, она зашипѣла, и снова стало темно. Босыя ножонки затопали по полу. Ребенокъ подбѣжалъ къ нему, взялъ его за руку и звонко сказалъ:—Покойной ночи, дядя Эли!—Онъ наклонился, поцѣловалъ протянутый ему ротикъ, съ трудомъ переводя дыханіе въ смрадномъ воздухѣ, который шелъ отъ ведра и щипалъ ему носъ, ротъ, глаза, горло, легкія.

— Та-акъ... ну, спи,—сказала слѣпая.

— Слышишь, Сарочка?

— Да, тетя.

Давидъ вошелъ ощупью.

— Вы здѣсь?.. а гдѣ Эли?

— Я здѣсь,—сказаль онъ, откашливаясь.

— Вылей-ка ведро, Давидъ,—сказала тетя Регги,—что фура еще не прїхала?..

— А оно еще тутъ?.. Ну, и переполнено же оно,—посмѣвался Давидъ, беря его за ручку.

Въ раскрытую дверь Элеазаръ видѣль, какъ Давидъ со своими кривыми ногами, сгорбившись, вышелъ во дворъ, и самъ, чувствуя схватки въ животѣ и поднимавшуюся тошноту, пошелъ вслѣдъ за нимъ, сначала во дворъ, а потомъ черезъ ворота въ узкую улицу.

На углу онъ остановился и топнуль ногой, силясь пре-возмочь тошноту и судорожныя схватки въ желудкѣ, точь въ точь такія, какія онъ испыталъ при морской болѣзни. Голова его была тяжела, глаза влажны и горѣли. Маленькая уличка, оканчивавшаяся тупикомъ, была очень оживлена: много евреевъ сидѣло у воротъ; на углу подъ фонаремъ, мальчики, лежа на землѣ, играли въ карты и шумѣли. Это было единственное свѣтлое пятно на всей улицѣ. По ту сторону канала все было погружено въ угрюмый, грозный мракъ, утопало въ вечерней тѣмѣ. Онъ былъ такъ удрученъ, такъ опечаленъ всѣми этими впечатлѣніями, что долго стоялъ неподвижно, глубоко вздыхая въ непроглядномъ мракѣ. По ту сторону Грахта *) воевыпались неуклюжія стѣны съ облупившейся штукатуркой и торчащими кривыми палками для просушки бѣлья. Старый полуразрушенный амбаръ съ темной покосившейся крышей выдвинулся далеко впередъ и нависъ черной тяжелой тѣнью надъ заплѣсневѣлой водой.

Узкая лѣстница съ маленькими ступеньками изъ гнилого, осѣвшаго отъ частой ходьбы дерева, съ гладко выполненными постояннымъ тренiemъ перилами вела наверхъ къ маленькой галлерейкѣ, на которую выходило три двери. Но не это такой грустью сдавливало ему горло, а та зловѣщая, страшная тьма, которая нависла надъ прогнившей, застоявшейся водой, окутала и узкую уличку, и дома, и воду, и развалины зданій по ту сторону Грахта безпросвѣтной тоской... мрачная тоска на ступеняхъ лѣстницы, на развалившемся амбарѣ, на жесткомъ, высохшемъ бѣльѣ, на рѣшеткахъ оконъ,—мрачная тоска, мрачная, какъ ночь, подъ густыми сводами деревьевъ, мрачная, какъ полетъ летучей мыши, мрачная, какъ крышка гроба подъ сѣнью погребальной колесницы, мрачная, какъ грязь на облупившихся стѣнахъ, на покрытыхъ мохомъ крышахъ, мрачная, какъ ста-

*) Набережная канала въ Амстердамѣ.

рая лѣстница съ дрожащими ступенями надъ неподвижной водой, густой, какъ кисель, съ большими, расплывающимися жирными пятнами.

Съ влажными глазами, холоднымъ потомъ на лбу, онъ машинально бродилъ по улицамъ во мракѣ, насыщенномъ зловонными испареніями... Вчера еще, третьяго дня кругомъ него шумѣло море, море, то залитое солнцемъ, то подъ куполомъ нависшихъ облаковъ... Такъ добрелъ онъ до Грахта и присѣть около камня, криво торчащаго изъ кучи мусора. Здѣсь было нѣсколько яснѣе, и по водѣ скользилъ тусклый зеленоватый свѣтъ, похожій на туманъ или тающія облака; онъ блестѣлъ металлическимъ отсвѣтомъ на старыхъ кирпичныхъ фасадахъ и исчезалъ въ лабиринтѣ домовъ, прогнившія стѣны которыхъ, казалось, сгибались подъ цѣлымъ лѣсомъ тяжелыхъ, громоздкихъ трубъ.

Вдоль стѣнъ росли деревья; какъ безсильно склоняется голова старца на закатѣ дней, такъ поникла надъ самой водой ихъ грустная, чахлая листва. Тѣсный горизонтъ, ограниченный каналомъ, деревьями и старыми, покрытыми пылью и золой домами, которые тяжело высились въ затхломъ воздухѣ...

Съ неутолимой болью и тоской въ душѣ, съ угаромъ въ головѣ и груди, онъ подперъ подбородокъ руками и смотрѣлъ себѣ подъ ноги въ воду, переполненную всякой гнилью и грязью и покрытую пузырями. На поверхности неподвижно плывала картофельная шелуха, старые обручи отъ бочекъ, сухіе листья, а между ними грязные лохмотья, капустные качаны и разбухшая дохлая собака. Смрадъ былъ настолько невыносимо удушливъ, что передъ нимъ снова воскресло представлѣніе объ альковѣ съ грязнымъ ведромъ; онъ быстро вскочилъ и, прислонивъ голову къ доскамъ амбара, почувствовалъ такой сильный приступъ тошноты, что, казалось, вотъ лопнутъ у него легкія и брызнетъ кровь, въ дреде-безги разлетится черепъ, и жизнь покинетъ его.

Долго стоялъ онъ безъ сознанія и воли, прислонившись головой къ стѣнѣ амбара, смотря на его нижнія заплѣсневѣлія доски, на забрызганный песокъ, на камни, на изверженную имъ массу, хотя онъ отлично зналъ, что въ ней ничего не было, кромѣ еврейскаго пирога съ коринкой и цукатами и кофе... ничего больше, онъ зналъ это навѣрное: еврейскій пирогъ съ коринкой, коринкой и цукатами, и—кофе.

Однако приступъ тошноты повторился. На этотъ разъ ему казалось, что онъ извергаетъ изъ себя этотъ ужасный смрадъ, смрадъ изъ комнатъ, смрадъ двора, смрадъ безпросвѣтной тьмы. И пока, обезсиленный, онъ стоялъ, прислонившись къ

амбару, въ памяти его восталъ вечеръ на морѣ съ его голубымъ просторомъ, однообразнымъ шумомъ волнъ, и маленький черный парусъ на горизонтѣ, и причудливое фильтровое облачко... Въ ушахъ у него шумѣло, спина была холодна, какъ ледъ, а голова пуста, пуста, и волосы казались тяжелыми и давили на нее.

И, когда онъ поднялъ голову, слезы брызнули у него изъ глазъ, мучительные слезы, горячія, какъ кровь. Досада на свою слабость загорѣлась въ немъ, и онъ сердито провельялъ платкомъ по лицу. Что-что выпало съ металлическимъ звономъ изъ его кармана. Онъ его поднялъ и узналъ жестянную трубочку съ двери тети Регги, съ прогнившими листками Библіи внутри. Со страстью ненавистью бросиль онъ ее въ зловонный, покрытый плѣсенью Грахтъ, гдѣ она исчезла между всякой гнилью, разбухшимъ трупомъ собаки и пропущенными лохмотьями. По водѣ пошли круги,—и грязь, и обручі, и собака слегка заколыхались.

Возвращаясь черезъ ворота домой, онъ замѣтилъ, что уже поздно. Маленькия оконца наверху блестѣли жалкимъ свѣтомъ, а внизу, передъ дверью, сидѣли Регги, Саартъе и Давидъ, вышедшіе подышать воздухомъ.

IV.

Въ жаркій тревожно-душный полдень Элеазаръ отправился на фабрику. Изъ всѣхъ боковыхъ улицъ доносилось шарканье многочисленныхъ человѣческихъ ногъ о раскаленный асфальтъ. Дома, казалось, устало наклонялись впередъ отъ изнеможенія; широко раскрытыя окна, будто отверстия пасти, старались глотнуть воздуха, а выступавшіе въ жидкомъ, желтоватомъ свѣтѣ подоконники точно испускали хриплый стонъ. Клубы сѣроватыхъ облаковъ нависли надъ городомъ, и ихъ плотный куполъ дѣлалъ воздухъ еще удушливѣе въ темныхъ узкихъ каналахъ, среди высокихъ остроконечныхъ фасадовъ зданій. Къ концу улицы суживалась, народъ спѣшилъ впередъ, толкаясь и поднимая облака горячей пыли, которая клубами неслась дальше. Передъ лавками остановливались женщины и лѣниво плелись дальше, поднимая платье рукой въ перчаткѣ. Мимо Элеазара, почти задѣявъ его, прошла, тяжело дыша и отдуваясь, весноватая еврейка съ ярко блестящими брилліантами въ бѣлыхъ, жирныхъ ушахъ, съ лицомъ, краснымъ какъ піонъ, въ желтой блузѣ съ сильно пропотѣвшими подъ мышками рукавами и толстыми, жирными бедрами. Она отдувалась, обливаясь потомъ, а въ ея безобразныхъ, безкровныхъ отъ избытка жира ушахъ

искрились и переливались брилліанты, точно двѣ капли росы на цвѣткѣ, дрожа, какъ тонкія осення паутинки, среди столбовъ пыли, поднимаемой ногами на тротуарахъ. Тучная и грунная, она исчезла за угломъ, покачивая своими выступающими бедрами.

Элеазарь подошелъ къ обросшему зеленою каналу, который, со своими дугообразными, старыми мостами, пересѣкалъ лабиринтъ улицъ. Одна его сторона была вся залита свѣтомъ. Свѣтъ горѣлъ на фронтонахъ и выступахъ зданій, на стеклахъ и подоконникахъ, зажигая яркіе лучи на мѣдныхъ кнопкахъ.

Пивоваренный заводъ покрывалъ тѣнью противоположный берегъ, и его труба казалась исполинскимъ копьемъ, воткнутымъ въ стремя, рядомъ съ сѣдломъ.

Въ неподвижной водѣ, раздѣленной рѣзакой линіей на тѣневую и свѣтловую стороны, отражался рядъ зданій съ узкими бѣлыми и желтыми зубцами, маленькая оконца съ дыравыми занавѣсками, зеленая пыльная деревья. Старыя, почернѣвшія сточныя трубы изрыгали нечистоты въ каналъ, далеко распространяя удушливый смрадъ.

Каналъ былъ почти безлюденъ: вдали шелъ почтальонъ, какой-то рабочій сидѣлъ на своей ручной телѣжкѣ; дѣвушка въ стучаліхъ деревянныхъ башмакахъ мыла выступъ лѣстницы. Здѣсь вѣяло почти деревенскимъ покоемъ, покоемъ мирной деревенъки съ залитыми солнцемъ тропинками и лугами, на которыхъ тяжело выступаютъ стада коровъ. Здѣсь всетаки можно было дышать. Между зданіями набережной видны были небо и облака, а въ водѣ канала—ихъ отображеніе.

Изъ фабричныхъ зданій доносился шумъ; рабочій везъ ручную телѣжку по скрипучей, раскачивающейся доскѣ, положенной вкось по ступенямъ лѣстницы.

— Іуда занять?—спросилъ Элеазарь.

— Іуда? Іуда наверху,—отвѣтилъ привратникъ.

Передъ нимъ въ темномъ узкомъ проходѣ, скрипя, какъ по щебню, катилась по мелкимъ остаткамъ каменнаго угля тачка. Все здѣсь было ему знакомо до мельчайшихъ подробностей: вывѣшеннія на стѣнѣ владѣльцемъ фабрики условия для гранильщиковъ алмазовъ, разныя объявленія, длинный черный коридоръ, уголъ, въ которомъ сидѣлъ привратникъ, хриплый ревъ машинъ. Съ дикимъ воемъ, визгомъ и громомъ вырывался онъ изъ нижнихъ этажей, изъ дверей и раскатывался по проходу и лѣстницамъ. Точно буря разыгралась въ громадномъ зданіи, понеслась вдоль каменныхъ стѣнъ, хрипло засвистѣла въ окнахъ и загудѣла въ углахъ, гдѣ камень и желѣзо оказывали больше сопротивленія.

На самомъ концѣ глубокаго прохода показалось пламя: яркий огонь съ клубами дыма вырвался изъ печки,—но желѣзная дверь захлопнулась, скрывая отъ глазъ огненное море. Въ лицо Элеазару пахнуло отвратительнымъ запахомъ машинъ и машинного масла. Онъ подождалъ, пока мимо него провозили пустую тачку, потомъ вошелъ въ открытую залу, гдѣ вертѣлись колеса, стояли, согнувшись, рабочіе, мелькали языки пламени, прошель ее насквозь, потомъ миновалъ дворъ и еще одну залу, гдѣ шумъ былъ еще сильнѣе, и гдѣ дикие звуки пѣсни заглушали визгъ и свистъ колесъ и блоковъ. Элеазаръ прислушался къ старинной пѣсенкѣ:

Не легко гранильщику живется:
Мало єсть и мало онъ смѣется...
Вѣкъ терпи, вѣкъ горюй
И алмазы полируй!

Эта была пѣсенка гранильщиковъ, которую онъ слышалъ, когда служилъ мальчикомъ на фабрикѣ, а старый Яковъ вертѣлъ колесо, потому что еще не было паровыхъ машинъ. Пока онъ поднимался по лѣстницѣ, онъ съ улыбкой вспоминалъ прошлое, стараясь вызвать въ памяти эти стихи, которые онъ такъ часто пѣлъ, выкрикивая во все горло:

Коркой хлѣба да селедкою мы сыты,
Наши дѣти рувищемъ покрыты...
Вѣкъ терпи, вѣкъ горюй
И алмазы полируй!

Витая лѣстница вела въ первый, второй и третій этажи. Онъ толкнулъ одну изъ дверей, и его сразу оглушилъ шумъ машинъ, вырвавшійся изъ залы съ глухимъ стономъ, прерываемымъ металлическимъ звономъ ступки, гдѣ мальчикъ толокъ алмазный песокъ *); онъ быстро вскочилъ на лѣсенку, переброшенную въ видѣ мостика надъ вертящейся осью.

Иуда сидѣлъ, согнувшись надъ своимъ колесомъ, внимательно слѣдя за его четырьмя зубьями, одно изъ которыхъ онъ плотно обхватилъ клещами и смотрѣлъ на него съ удивленной улыбкой. Онъ сердечно пожалъ своей загрубѣлой, черной рукой бѣлую руку Элеазара, но громкій стукъ машинъ, осей и колесъ заглушалъ звукъ его голоса. Моппесь, Кларунъ, Леонъ, Гесь и Райстъ вышли изъ за своихъ скамеекъ и подошли къ ихъ лавкѣ, радушно и шумно съ нимъ здороваясь, перебивая другъ друга и сыпя неудачными шутками раньше, чѣмъ онъ успѣлъ сказать два слова.

*.) Остатки алмазовъ не вполнѣ чистой воды служатъ для окончательной, самой тонкой обработки брилліантовъ.

Японцы въ нѣмѣцко-японскомъ освѣщеніи.

Bresnitz von Sydacoff, Aus dem Reiche des Mikado und die asiatische Gefahr. Leipzig.—Brunn, die japanische Verfassungsurkunde. Leipzig.—Tokuzo Fukuda, die gesellschaftliche und wirtschaftliche Entwicklung in Japan, Stuttgart, 1900, in Muenchener Volkswirtschaftlichen Studien, 42.—Kinza Rinoe M. Hirai, Japan, wie es wirklich ist, Leipzig.—Professor Inazo Nitobé, Bushido, die Seele Japans, Tokyo, 1903.—Graf Hans von Königsmark, Japan und die Japaner, Berlin, 1900.—Lanterer, Japan, das Land der aufgehenden Sonne einst und jetzt. Leipzig, 1903.—Ottmar von Möhl, am japanischen Hofe. Berlin, 1904.—Munzinger, die Japaner, Berlin, 1898.—Professor Rathgen, die Entstehung des modernen Japan. Dresden, 1896.—Die Zeitschrift „Ost-Asien“. Berlin, 1904).

I.

Для путешественника, который посвящаетъ „Ниппону“ нѣсколько дней или даже недѣль, Японія представляется чудеснымъ райскимъ уголкомъ, гдѣ живутъ не грубые настоящіе люди, а по особому заказу приготовленныя изящныя куколки, которые проводятъ свою жизнь на сценѣ созданнаго талантливымъ художникомъ волшебного театра, при чемъ самое представлѣніе цѣликомъ исчерпывается грациозными присѣданіями и поклонами, милыми улыбками и комплиментами, а больше всего прелестными цвѣточными праздниками, то въ честь цвѣтущей вишни, то хризантемы, во славу ароматной весны и чудной смѣющейся природы.

И если вѣрить шинтомистской сказкѣ, то нельзѣ не признать, что солнечная богиня Аматеразу, дѣйствительно, съ любовью и заботой приготовила родину для цвѣтушихъ дѣтей своихъ. Въ теплое южное море, полное жизни и движенія, брошены здѣсь вулканические острова, обладающіе всѣми возможными климатами и чудной растительностью. И немного труда нужно было первоначальнымъ обитателямъ страны для того, чтобы обеспечить себя и семью разнообразной питательной пищѣй. Море давало ему всевозможныхъ рыбъ и громадныхъ морскихъ улитокъ; лѣса были населены медвѣдями, оленями, антилопами, зайцами, барсуками, лисицами и обезьянами, листва была населена самой разнородной птицей. Луковицы лилій, молодые листья и корни морскихъ розъ, отростки бамбука и различные коренья могли служить приправою

къ мясу. Маленькие дыни росли въ дикомъ видѣ. Корни разныхъ видовъ таро дополняли обильное меню. Въ январѣ созревали маленькие дикие апельсины. Похожіе на сливы, плоды дерева быва виѣсть съ сливами каки, китайская груша—представляли собою дико-растущій десертъ, а корейская ель, вѣчно зеленый дубъ, водяной и манчжурскій орехъ давали очень вкусный маслянистый сѣмена. Такъ для первоначального обитателя Ниппона этого было больше, чѣмъ довольно. Столъ быть накрыть. И уже дѣломъ самого маленькаго японца было затѣять разведеніе составляющаго его теперешнюю пищу риса и всѣхъ южныхъ техническихъ растеній, которыя въ изобилии даютъ ему и шелкъ, и хлопчатую бумагу, и пахучій чай, и крѣпкую сакэ.

Но наградивъ своего питомца всѣми дарами богатой природы, не позабывъ при этомъ заложить въ нѣдры страны богатѣйшія залежи каменнаго угля и всевозможныхъ минеральныхъ запасовъ, добрая богиня Аматеразу особенно постаралась о красотѣ этой выросшей изъ моря жемчужины. Снѣжныя вершины горныхъ великановъ и вѣчно плещущее, вѣчно шумящее море, причудливые очертанія вулканическихъ скалъ и утесовъ и мирныхъ смыкающихся равнин. Темная хвоя альпійской растительности и вѣчная зелень тропическихъ кактусовъ и пальмъ; разбивающіеся въ дребезги водопады и молчаливые, задумчивые озера... А главное, цветы, цветы и цветы. Цѣлое море пестрыхъ, пахучихъ цветовъ, громадные массы цветущихъ деревьевъ, ароматомъ и солнечнымъ свѣтомъ напоенный воздухъ, вѣчно измѣняющая декорациѣ восходящаго солнца и темной южной ночи, свѣта и тѣни на небѣ вверху и въ океанѣ внизу, рѣдкое разнообразіе ландшафта даровала богиня этой странѣ восходящаго солнца, и немудрено послѣ этого, что на престолѣ ея и до сихъ поръ царствуетъ небесный властитель Тенно, прямой потомокъ благодѣтельной солнечной феи.

И вполнѣ естественно послѣ этого, что въ лицѣ маленькаго японца природа создала не только художника и поэта, но и вполнѣ законченного, проникнутаго съ ногъ до головы принципами гармоніи и изящества, эстета, для котораго красота формъ имѣть несравненно большее значенія, чѣмъ этичность содержанія, у котораго сама индивидуальность получаетъ смыслъ и значеніе, только какъ законченная часть болѣе совершенного цѣлаго, семьи и государства, а природа получаетъ значеніе не только вѣчнаго источника гармоніи и красоты, но и цѣлостнаго космоса, который даетъ собою несравненное зрѣлище земного совершенства, земной полноты жизни, непосредственно воспринимаемаго чувствомъ, прекраснаго по сю-стороннаго міра.

Правда, для серьезнаго европейскаго наблюдателя психика японца представляется, съ одной стороны, непонятной, а съ другой—какъ бы стоящей на низшей ступени развитія. И даже такой

знатокъ японской жизни, какъ Мунцингеръ, не безъ европейского высокомѣрія отмѣчаетъ у японцевъ недостатокъ такъ называемаго идеализма. „Чисто духовное,—говорить этотъ серьезный изслѣдователь—не дѣло японца, стоящаго на ступени непосредственнаго восприятія. Это бросается въ глаза, какъ мало онъ имѣеть интереса къ метафизическимъ и этическимъ вопросамъ. Ни въ его исторіи, ни въ его господствующихъ склонностяхъ не сказывается тенденція къ идеализму. Онъ любить дѣйствительное и освящаемое. Онъ не можетъ понять, какъ можно воспламеняться психологическими и догматическими вопросами. Для тонкихъ различій религіозныхъ взглядовъ у него нѣть ни теоретического, ни практическаго пониманія. То очарованіе, которое находитъ образованный умъ западнаго европейца въ мірѣ фантазіи и романтики, для него представляется непостижимой загадкой“. Мало того, этотъ изслѣдователь обвиняетъ японцевъ даже въ склонности къ философскому материализму и утилитаризму. Особенной по популярностью среди нихъ пользуются Гербертъ Спенсеръ и Стюартъ Милль. И если даже японцы имѣютъ чрезвычайное уваженіе къ знанію и наукѣ и сами „добились въ научной области такихъ успѣховъ, которые привели въ изумленіе западную Европу, то все же эти успѣхи—утверждаетъ Мунцингеръ—отнюдь не результатъ глубокаго мышленія“. И если это обнаруживается въ японцахъ „прекрасныя и идеальные черты характера“, то опять таки нисколько не доказываетъ „идеалистической природы японскаго гenia“. Такъ осуждаеть спекулятивно настроенный и романически воспитанный европеецъ сыновъ восходящаго солнца, но, съ другой стороны, и самъ не можетъ отказать имъ въ удивительномъ пониманіи того эстетического, которому великий Кантъ посвятилъ едва ли не самую замѣчательную часть своей философской критики, а именно Kritik der Urteilskraft.

„Все теченіе жизни у японца,—говорить Мунцингеръ,—можетъ быть названо эстетическимъ. Добрая фея вложила въ его колыбель даръ пониманія прекраснаго, въ особенности же свѣтлыхъ сторонъ жизни вообще. Онъ любить прекрасныя формы и отдается имъ со всѣмъ своимъ чувствомъ. У него есть ясно выраженное пониманіе красоты окружающей его чудной природы. Когда въ февралѣ цвѣтутъ сливы, а вишни въ началѣ апрѣля, когда въ концѣ октября раскрываются бутоны астръ и ихъ узкие лепестки развертываются подобно солнечнымъ лучамъ, когда въ ноябрѣ становятся кроваво-красными листья клена и напоминаютъ собою зарево заходящаго солнца, когда, наконецъ, зимою бѣлый снѣжный покровъ окутываетъ землю,—что случается тамъ довольно рѣдко,—тогда старый и малый стремятся на воздухъ, чтобы насладиться прекраснымъ видомъ“. „Часъ или два охотно проводить японецъ въ соверцаніи кипящаго водопада или вѣтвей

прозрачной ели, склонившихся неподвижно надъ тихими волнами потемнѣвшаго озера; и это наполняетъ его восхищеніемъ. Въ вечернія сумерки идетъ онъ въ удивленный уголокъ сада, чтобы послушать пѣніе „унгуизу“ — соловья; онъ стремится въ лѣсъ, чтобы съ наступлениемъ сумерекъ прислушаться къ тому, какъ кукушка — „хоготогизу“ поетъ свою однотонную меланхоличную пѣсню. Каждый японецъ знаетъ красоты своей страны, и если только у него есть время и деньги, онъ не останавливается передъ самимъ далекимъ путешествіемъ, чтобы только насладиться ими".

И по утвержденію того же автора, „такое пониманіе природы не представляется въ Японіи привилегіей высшихъ классовъ: здѣсь оно прирождено; имъ обладаетъ въ такой же степени поденщики, какъ и профессоръ“. „У меня не проходило ни одной весны и осени,—рассказываетъ онъ дальше,—безъ того, чтобы мой поваръ не просилъ послѣ обѣда позволенія идти съ дѣтьми въ Уэно или Дангосаку посмотретьъ, какъ цвѣтутъ деревья. Всѣ большіе народные праздники здѣсь — праздники природы, и празднуютъ ихъ подъ открытымъ небомъ. Тысячи стремятся тогда на воздухъ,—и это воистину эстетически прекрасное художественное зрѣлище, когда покрытые синѣющими-блѣдыми и розовыми цвѣтами деревья простираютъ къ темно-лазурному небу свои вѣтви, а подъ ними движется веселая, жизнерадостная толпа мужчинъ и женщинъ въ праздничномъ настроеніи, со смѣхомъ и шутками, и ведетъ съ собою пестро наряженныхъ дѣтей. На японскихъ народныхъ праздникахъ такъ же пьютъ природу, какъ на немецкихъ—пиво“.

Если теперь перенести эстетический способъ восприятія японца въ область морали, то мы легко получимъ тотъ типъ француза дальніаго востока, который уже неоднократно былъ предметомъ описанія путешественниковъ. Вотъ какъ характеризуетъ основную эстетическую добродѣтель своихъ соотечественниковъ профессоръ Инаzo Нитоба, посвятившій интересную книжку японской „бушидо“, или кодексу рыцарского совершенствованія: „рыцарское благородство есть цвѣтокъ, который является столь же прирожденнымъ на почвѣ Японіи, какъ и ея символъ въ видѣ вишневаго цвѣта; это не высохшіе остатки старой добродѣтели, которая сохранилась бы въ нашемъ историческомъ гебарі. Среди насъ она является еще живымъ существомъ, полнымъ красоты и силы, и если она не принимаетъ теперь никакой освящательной формы или образа, то, тѣмъ не менѣе, она проникаетъ собою вою атмосферу нашей морали и доказываетъ съ очевидностью, что мы стоимъ еще подъ ея могучимъ очарованіемъ“. Блескъ и красота героического подвига, прекрасный обликъ мужественнаго стоицизма, сила храбрости и безумной отваги, изящество и утонченность внѣшняго поведенія—все это результаты японской исто-

ріи, наложившіе свою неотразимую печать на народный характеръ страны, которые дѣлаютъ японца не только эгетомъ снаружи, но и во внутренней его сущности. Какъ справедливо говорить о бушидо японскій ученый: „давно уже исчезли тѣ общественные условія, которые принесли съ собой и возвостили эту добродѣтель, однако, подобно тому, какъ далеко отъ насъ удаленыя звѣзды,—которые нѣкогда были, а теперь ихъ уже нѣть,—шлютъ намъ всетаки до сихъ поръ свои лучи, такъ же точно свѣтить намъ до сихъ поръ сіяніе рыцарства, этого дитяти феодализма, озаряетъ пути нашего ученія о морали и переживаетъ то учрежденіе, которое было его матерью“.

Эти слова японскаго патріота вполнѣ подтверждаютъ уже цитированный нами Муцингеръ, предпринявший съ наибольшимъ успѣхомъ опытъ характеристики „ямато дамашіи“, или, иначе, всей духовной жизни Японіи. „Для японца деньги ничто, а честь это—все. Онъ презираетъ жадность къ деньгамъ, имъ владѣеть честолюбіе цѣликомъ. Онъ скорѣе расточителенъ, чѣмъ корыстолюбивъ. Въ денежныхъ дѣлахъ онъ обладаетъ выдающимся благородствомъ. Воровство... чуждо его натурѣ“. „Матеріализмъ“, который присущъ его духовной жизни, выражается не въ стремлѣніи къ материальными благамъ или даже къ жизни, полной наслажденія. Они не поклонники мамоны, и брюхо они не сдѣлали своимъ богомъ. Если у нихъ и употребляется поговорка: „джунинь уохара“: десять людей—десять животовъ, то только въ смыслѣ изреченія, что „гдѣ только два есть человѣка, тамъ три есть взгляда на предметъ“. Къ славѣ направлены всѣ стремленія японца, отсюда и общее стремленіе у молодыхъ японцевъ стать во что бы то ни стало великими людьми. Они хотятъ составить себѣ имя, хотятъ блестать. Эта „gloire“ французовъ, которая столь же присуща французамъ дальн资料的 востока, какъ обитателямъ дальней Франціи. „Рыцарство, великодушіе, чувство чести, любовь къ оружію, склонность къ блеску—всѣ эти свойства, которые еще Цезарь подметилъ у древнихъ галловъ, подходятъ цѣликомъ къ современнымъ японцамъ, съ тою только разницей, что въ отличіе отъ французовъ японецъ всегда слѣдуетъ своей поговоркой: „вылетѣло слово изо рта, его не притащать назадъ и 4 лошади““. „Они обладаютъ гордостью и самознаніемъ и никому не бросаются на шею... Подслуживание и пресмыкающаяся угодливость имъ совершенно чужда, и только тотъ можетъ выдумать эти черты, кто совершенно не понимаетъ ихъ вѣжливости. Рабскія чувства, со всѣми сопровождающими ихъ некрасивыми чертами, имъ совершенно не свойственны. Они знаютъ, что они такое на самомъ дѣлѣ, и что они могутъ; они знаютъ это подчасъ слишкомъ хорошо, и потому впадаютъ легко въ суетность, самомнѣніе и тщеславіе“. Они совершенно лишены той чувствительности сердца, которая часто заставляетъ europейца жертвовать

очень многимъ ради проявленія благодарности за оказанныя благодѣянія или помогать нуждающимся по чувству жалости или состраданія. Японецъ не любить быть кому-либо обязаннымъ, онъ не желаетъ быть въ европейскомъ смыслѣ благодарнымъ, онъ благодарить съ утонченной вѣжливостью, но этимъ дѣло и кончается, а когда онъ самъ оказываетъ помощь страждущимъ и обремененнымъ, онъ дѣлаетъ это по чувству рыцарской обязанности, которая призываетъ его всегда и вездѣ заступиться за слабый шаго, за угнетенного. И менѣе всего готовъ японецъ склониться передъ какимъ-нибудь несчастьемъ, подчинить себя гнету страданія; то, чего нельзѧ побороть, онъ спокойно обходитъ: „шиката га наи“—ничего не подѣлаешь! говорить онъ и съ новою силой и эластичностью беретъ препятствіе жизни. Стоическое спокойствіе при перенесеніи японцами физической боли стало всеобщей поговоркой. То герояческое мужество, съ которымъ выпилъ Сократъ кубокъ яда, для японца нѣчто вполнѣ естественное, и этотъ стоицизмъ настолько поражаетъ европейского наблюдателя, что онъ склоненъ его объяснять то свойственнымъ японцу презрѣніемъ къ материальными благамъ, то скептицизмомъ, который не признаетъ ни чистилища, ни ада, то, наконецъ, полной безчувственностью представителей желтой расы. Однако, тутъ же Мунцингеръ, который такъ рѣшительно отрицаєтъ идеалистическая свойства японцевъ, признаетъ у нихъ, тѣмъ не менѣе, не только наличность сентиментальности и романтизма, но и такія катастрофы чувства, которые ставятъ его совершенно втупикъ. „Мысль, что позоръ можетъ быть смытъ только собственной кровью, что грѣхъ можетъ быть искупленъ только собственной жизнью, это для японского народа—символъ вѣры, который привелъ къ созданію строгаго кодекса чести и къ тому, что хара-кири (вскрытие живота) стало общепринятымъ обыкновеніемъ. У японцевъ это настолько разумѣется само собою, что ни одной женѣ не пришло бы на мысль остановить мужа, если бы, согласно господствующимъ возврѣніямъ или его воображенію, этотъ актъ оказался бы необходимымъ.“

По возврѣніямъ японца, особенно изъ бывшей касты рыцарей или самурайевъ, ничего не можетъ быть не только возвышеніе и величественіе, но и нравственно лучшее и благороднѣе, чѣмъ такое самоубійство. „Самоубійство для японца не только не безнравственно, но, наоборотъ, романтика и сентиментальность соткали вокругъ него своего рода священный nimбъ.“

Хара-кири, правильнѣе называемое „сеппуку“, хоть и принадлежитъ къ явленіямъ, вымирающимъ въ Японіи, тѣмъ не менѣе ни одинъ японецъ не отзовется легкомысленно объ этомъ „почетномъ“ видѣ самоубійства. „При помощи сеппуку,—говорить графъ Кёнигсмарктъ,—избѣгалъ воинъ позорного пленя на полѣ битвы, и этотъ родъ смерти былъ вмѣстѣ съ тѣмъ предо-

ставлень рыцарямъ, какъ почетная привилегія, вмѣсто обычнаго наказанія". Совершеніе сеппаку могло быть, дѣйствительно, признано привилегіей только особенно мужественныхъ и стойкихъ людей; сопряженное съ чрезвычайными физическими страданіями, обставленное внушающими ужасъ предсмертными приготовленіями, совершившееся ири свидѣтеляхъ, въ торжественной обстановкѣ,— оно требовало такого присутствія духа и самообладанія, что воистину только герои могли совершать надъ собою эту страшную казнь. Но казнь эта, какъ гласить бушido, была крайнимъ средствомъ для полнаго очищенія замаранной чести, и смыслъ ея былъ таковъ: „я хочу открыть передъ вами мѣстопребываніе моей души и показать вамъ, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Смотрите сами: чиста она или замарана?" И дикий героизмъ подобнаго очищенія чести нигдѣ, можетъ быть, такъ не проявляется ярко, какъ на извѣстной исторіи 47 свободныхъ рыцарей, или ронинъ, память о которыхъ и до нынѣ хранится въ народѣ. Напомнимъ вкратцѣ эту печальную былъ XVIII вѣка. Высокій придворный чиновникъ Кира надругался, при встрѣчѣ, надъ княземъ Ако, и этотъ послѣдній не стерпѣлъ оскорблѣнія: онъ бросился съ мечомъ на обидчика, но только легко его ранилъ. За такое самовольство дайміо получилъ приказъ совершить надъ собою хара-кири, а вмѣстѣ съ нимъ подверглись казни его семья и вассалы; его владѣнія были отняты, а его самурайи объявлены свободными, какъ волны, или ронинами. И вотъ 47 изъ ихъ числа рѣшили цѣною своей жизни отмстить за господина. Черезъ 2 года упорныхъ стараній удалось имъ, въ одѣяніи ремесленниковъ, подъ кровомъ снѣжной бури, достичь своей цѣли; проникнувъ во дворецъ враждебнаго дайміо, они предложили ему совершить сеппаку; когда же онъ отказался отъ этой почетной смерти, онъ былъ обезглавленъ мстителями. Голову Кира они положили на гробъ своего господина и затѣмъ добровольно явились въ судъ и сообщили о своемъ преступленіи; судъ призналъ ихъ достойными почетной смерти, и всѣ 47 произвели надъ собою смертную казнь. Всѣ 47 легли они вокругъ гроба своего господина, и японцы за два вѣка своей исторіи не забыли этихъ могилъ. Вотъ какъ описываетъ графъ Кёнигсмаркъ мѣсто вѣчного покоя „вѣрныхъ": „окруженное каменной балюстрадой, лежитъ небольшое кладбище на тѣнистой вершинѣ холма. Здѣсь покоятся обсанженные вѣчно зеленою могилы рониновъ, рядомъ, другъ возлѣ друга. Стоймя поставленные, обвѣтреяныя каменные плиты возвѣщаютъ имена вѣрныхъ: на каждомъ памятнике тлѣютъ куренія, рядомъ жертвы изъ воды и риса для ушедшихъ духовъ; ежедневно посѣщаются паломники это мѣсто и возобновляютъ свои дары... Цвѣтами и куреніями чтуть они славную память усопшихъ."

Такъ, по словамъ Кёнигсмарка, своеобразный „фанатизмъ" коренился въ сердцѣ цѣлой націи, проявляется одинаково и въ

дворянствъ, и въ простомъ народѣ, настигаетъ свои жертвы съ быстротою молніи, наконѣцъ, искушаетъ свой грѣхъ пѣнно собственной жизни". Трудно отрицать идеализмъ японской души въ виду такихъ фактовъ, трудно объяснить однимъ сентиментализмомъ ихъ эстетическое рыцарство.

Отрицателямъ идеалистическихъ чертъ у японцевъ приходится, однако, говорить объ ихъ „преувеличенной сентиментальности“ еще по другому поводу, именно при описании ихъ пламеной любви къ ихъ прекрасной, залитой солнцемъ, родинѣ. Сравнивая европейскій патріотизмъ съ японскимъ, Брезницъ фонъ-Зыдакоффъ говоритъ слѣдующее въ своей книжкѣ о царствѣ Микадо и азіатской опасности: „въ то время, какъ у насъ въ Европѣ идеализмъ уже давно углегчился и пошлое стремленіе къ корысти придушило всѣ болѣе благородныя чувства, въ Японіи стоитъ въ полномъ цвѣту идеальный героизмъ и стремленіе къ чистому античному величию; развѣ мы въ Европѣ, — продолжаетъ этотъ авторъ, — не наблюдаемъ каждодневно, что самыя священные чувства самимъ пошлымъ образомъ эксплуатируются высокими персонами для того, чтобы наполнять себѣ карманы или безнаказанно предаваться извѣстнымъ порокамъ. Развѣ мы не видимъ каждодневно, что патріотические и благочестивые вопли извѣстныхъ круговъ въ Европѣ — только фразы, направленныя къ тому, чтобы обмануть платящій налоги народъ? И надѣй этой фразой сами смѣются и издѣваются различные принципы и превосходительства, церковные князья и денежные бароны, какъ только ни остаются между собою. Развѣ мы не видимъ, далѣе, что у насъ въ Европѣ хорошо оплаченная реклама дѣлаетъ великихъ правителей изъ слабоумныхъ отцовъ отечества, а изъ завѣдомыхъ воровъ и корыстолюбивыхъ и пустыхъ головъ — первоклассныхъ финансовыхъ геніевъ или первоклассныхъ государственныхъ людей?“ Въ противоположность этому фонъ Зыдакоффъ находитъ, что — въ Токіо послѣдній носильщикъ является болѣе пылкимъ патріотомъ, чѣмъ въ Европѣ богато оплачиваемые министры; и въ царствѣ Микадо сердце послѣдняго боязка точно также исполнено идеализма и стремленія служить родинѣ, какъ сердце самого Микадо и сановниковъ его двора. Въ этомъ соревнованіи всѣхъ государственныхъ гражданъ безъ различія ихъ положенія приносить всѣ возможныя жертвы для отечества и согражданъ лежитъ объясненіе того сквознаго прогресса, который достигнуть Японіей во всѣхъ областяхъ жизни, и тѣхъ побѣдъ, которыхъ до сихъ поръ одержаны японскимъ оружіемъ.“

И въ самомъ дѣлѣ, „любовь къ отечеству и любовь къ родинѣ, согласно Мунцингеру, есть единствено господствующая въ Японіи идея, великий идеалъ, который среди всѣхъ историческихъ переворотовъ спасенъ народомъ, какъ высший, а можетъ быть, и единственный“. Единственный лозунгъ господствуетъ надѣль всѣмъ: „дай

Напонъ", т. е. великая Японія! „Шагротизмъ есть вѣнецъ и основа всѣхъ публичныхъ добродѣтелей... Всі мораль строится здѣсь на японской идеѣ... Ради отечества съ радостью должно пожертвовать и кровью, и имуществомъ. Японія не богатая страна; но средства для китайской войны были вотированы единогласно. И если бы тогда парламенту пришло въ голову отказать въ деньгахъ на усиленіе арміи и флота, то весь народъ восталъ бы противъ этого, какъ одинъ человѣкъ.“ Но, къ сожалѣнію, національная идея доходитъ у японцевъ иногда, въ отдельныхъ случаяхъ, не только до политического шовинизма, но и прямо національного фанатизма. Такъ было, напримѣръ, въ дѣлѣ убийства въ 1889 г. министра народнаго просвѣщенія Мори, который сдѣлалъ довольно таки безумное предложеніе: замѣнить японскій языкъ въ школахъ англійскимъ, а потомъ, при посвѣщеніи знаменитаго храма Дайджингу, весьма легкомысленнымъ образомъ оскорбить святыню. Одинъ изъ фанатиковъ націонализма убилъ ministra, а затѣмъ покончилъ и съ собою; и замѣчательное дѣло: въ то время, какъ гробъ ministра постепенно забывался всѣми, къ гробницѣ его убийцы ежегодно паломничали тысячи гражданъ, покрывали ее цветами и возжигали передъ ней курительные свѣчи. Въ похойномъ видѣли они спасителя національной идеи, мученика безграничной любви къ отечеству. Другой примѣръ безмѣрной любви къ отечеству японцевъ заслуживаетъ также быть упомянутымъ: одинъ молодой морякъ былъ чрезвычайно удрученъ мыслью объ угрожающей его отечеству опасности со стороны великой сѣверной державы. Онъ обращался повсюду съ письмами и предупрежденіями, старался всѣмъ открыть глаза на грядущее бѣдствіе, но, какъказалось ему, никто не обращалъ на это серьезнаго вниманія; тогда онъ покончилъ съ собою съ тѣмъ, чтобы его послѣднія мысли и опасенія были переданы всей странѣ, какъ голосъ загробнаго міра, какъ предупрежденіе человѣка, заплатившаго своей жизнью за право быть услышаннымъ...

II.

Если бы японцы ограничились только одними высокими чувствами при своемъ вступленіи во всемирный оборотъ послѣ спячки, продолжавшейся $2\frac{1}{2}$ вѣка, ихъ участі, воистину, нельзя было бы позавидовать. Они представили бы собою ту печальную картину гибели варварскихъ народовъ „подъ напоромъ цивилизациі“, которую мы видѣли и въ Америкѣ, и въ Африкѣ, а теперь наблюдаемъ особенно ярко на обитателяхъ Сандвичевыхъ острововъ. Открытые со всѣхъ сторонъ для морскихъ посвѣщений великихъ державъ, находясь на прямомъ пути между промышленной Америкой и азіатскимъ материкомъ, обладая прекрасными гаванями

и неистощимымъ угольнымъ запасомъ, японцы иеминуемо должны были подвергнуться судьбѣ тѣхъ самыхъ айносовъ, которыхъ они въ свое время не только покорили, но и основательно искоренили на своихъ чудныхъ островахъ. Правда, Японіи разъ уже удалось отдѣлаться отъ непрошенныхъ европейскихъ гостей, но врядъ ли, однако, теперь повтореніе старой исторіи было возможно.

Европейское нашествіе грозило странѣ восходящаго солнца еще въ XVI вѣкѣ, когда португальцы не только завязали съ Японіей торговыя сношенія, но и импортировали туда массу католическихъ миссіонеровъ, горѣвшихъ жаждою подчинить трону верховнаго первосвященника новыя отдаленные страны; и успѣхъ отцовъ іезуитовъ былъ блестящій: имъ удалось черезъ 30 лѣтъ послѣ прибытія отца Фрациско Ксавье въ Кагошиму привести въ лоно единой спасительной церкви не менѣе 150,000 японцевъ, построить тамъ около 200 церквей и сдѣлать своими адептами удѣльныхъ князей (дайміо) въ Бунго, Омуни и Ариմѣ. Только при помощи чрезвычайныхъ мѣръ и кровавыхъ преслѣдованій удалось впослѣдствії Хидейоши, великому шогуну (военному рентгенту) Японіи извести въ странѣ іезуитскую „заразу“, да и то при послѣдующемъ окончательномъ усмирѣніи католического бунта очень много помогли протестанты—голландцы со своими прекрасными пушками... Тяжелымъ пятномъ на японской исторіи лежитъ и до сихъ поръ память объ этой печальной борьбѣ съ католицизмомъ, которая сопровождалась мучительными казнями, пытками, массовыми преслѣдованіями и убийствами. Однако, японцы имѣли за собою весьма серьезное оправданіе своимъ дѣйствіямъ. Съ одной стороны, какъ говорить докторъ Лаутереръ: „дурной примѣръ, который давали португальскіе и испанскіе купцы, дѣлалъ европейцевъ ненавистными въ Японіи и бросалъ очень дурной свѣтъ на ихъ религию; ихъ корыстолюбіе, ихъ грубая чувственность и торговля бѣдными японскими дѣтьми, которыхъ они продавали цѣлыми кораблями въ Маниллу и Макао, такъ что тамъ даже негры и малайцы держали японцевъ у себя въ видѣ рабовъ,—все это отнюдь не могло говорить въ пользу облагораживающаго, спасительного вліянія католического христіанства.“ Съ другой же стороны, нельзя не отмѣтить, что въ то же самое время, какъ японцы преслѣдовали католиковъ,—подъ предводительствомъ католическихъ князей французского двора (Карла IX) устраивалась знаменитая Вареодомеевская ночь, которая стоила жизни не менѣе какъ 25,000 человѣкъ и явилась достойной преемницей истребленія альбигойцевъ въ Безье, где въ 1209 г. пало не менѣе 7,000 человѣкъ. Впрочемъ, не надо забывать, что въ то время, какъ въ Испаніи дѣйствовала инквизиція, даже въ христіанской Германіи одинъ судья похвальлся тѣмъ, что онъ вымучилъ пытками, а потомъ и сжегъ живьемъ не менѣе 700

человѣкъ обоего пола въ качествѣ вѣдмъ и колдуновъ! Японцы со своими католиками сдѣлали только то, что католики дѣлали въ Европѣ съ еретиками, и нельзѧ забывать при этомъ, что одушевляемые не только ревностью о вѣрѣ, но и пыломъ торговой конкуренціи, голландцы и англичане принимали живое участіе въ истребленіи католиковъ въ Японіи. Они охотились за католическими миссіонерами на португальскихъ и испанскихъ корабляхъ, разстрѣливали японскихъ христіанъ изъ морскихъ орудій во время католического восстания, ликовали при видѣ истязаній католиковъ, а объяпонившійся Вильямъ Адамъ возвуждалъ шогуна Іейясу къ новымъ преслѣдованіямъ поклонниковъ „римскаго антихриста“.

За португальскими и испанскими миссіонерами грозили своимъ нашествіемъ въ Японію всевозможные Пизарро и Амеріго Веспучи. Отъ этой счастливой будущности японцы спаслись только гдѣмъ, что закрыли свою страну совершенно для иностранцевъ и лишь въ видѣ исключенія позволили голландцамъ торговатъ у себя подъ особымъ надзоромъ и при исключительныхъ условіяхъ. И такія мѣры Брезиницъ фонъ-Зыдацовъ считаетъ вполнѣ естественными: „европеецъ былъ почти вездѣ ненавидимъ, куда только онъ ни желалъ внести благословеніе своей культуры. Культурная работа испанцевъ въ Африкѣ была только массовымъ убийствомъ и опустошеніемъ страны, а исполненная ненависти борьба краснокожихъ съ бѣлолицыми окончилась полнымъ истребленіемъ первыхъ... Какова же теперь культурная работа въ Конго и другихъ черныхъ земляхъ? Развѣ не пришелъ туда бѣлый, какъ господинъ страны, шествуя съ сувереннымъ презрѣніемъ черезъ всѣ нравы и обычай туземныхъ народовъ? И развѣ восстаніе боксеровъ въ Китаѣ... не было национальнымъ патріотическимъ движеніемъ, которое стремилось защитить Китай отъ размыва подъ вліяніемъ тяжелаго давленія бѣлой расы? И развѣ не ту же цѣль преслѣдовало восстаніе Гереро въ нѣмецкой колоніи? Развѣ не дрожитъ всякий отдаленный народъ за свою свободу, за существованіе своихъ нравовъ и обычаяевъ, разъ только появляются въ его гаваняхъ мачты европейскихъ кораблей?“

Въ XIX вѣкѣ японской исключительности пришелъ конецъ. Культурные народы Америки и Европы явились на этотъ разъ въ Японію не съ миссіонерами и старыми бомбардами, а на современныхъ броненосцахъ и съ усовершенствованнымъ дальнобойнымъ орудіемъ. Многократныи бомбардировки японского побережья со стороны сначала одниъ американцевъ, а затѣмъ и другихъ просвѣщенныхъ державъ показали японцамъ съ достаточной убѣдительностью, что время національной исключительности прошло, и что нужно *volens nolens* вступить въ среду „культурнаго“ оборота. И вотъ тутъ-то и оказалось, что японцы обладаютъ не только патріотизмомъ и высоко развитымъ чув-

ствомъ чести, не только не желаютъ играть роль краснокожихъ въ Америкѣ или боксеровъ въ Китаѣ, но обладаютъ такими удивительными чертами ума, таланта и нравственной энергіи, которые дали имъ право встать равными въ средѣ военныхъ и промышленныхъ державъ современности.

По утверждению знатоковъ японской духовной жизни, японецъ превосходитъ настѣ, европеїцевъ, въ своемъ дарѣ восприятія. Онъ не обладаетъ метафизическими способностями и слабъ въ постиженіи „сущностей и корня всѣхъ вещей“. Изъ философовъ онъ любить, какъ мы уже замѣтили, больше всего Спенсера и Дж. Стюарта Милля, и эти послѣдніе извѣстны всякому японскому гимназисту. Японецъ по природѣ приверженецъ позитивной философіи. Въ своемъ міровоззрѣніи онъ безспорный материалистъ и совершенно неспособенъ постичь красоты заоблачного нѣмецкаго и вмѣстѣ философскаго кукованія. Но за то „у него острый умъ, ловкія руки, даръ быстрого и вѣрнаго схватыванія предмета. Онъ мастеръ въ области практической дѣйствительности. Въ особенности онъ ловокъ во всякихъ техническихъ занятіяхъ. Въ Осакѣ, этомъ центрѣ японской промышленности, гдѣ съ каждымъ новымъ годомъ подымаются къ небу новые фабричныя трубы, уже изготавливаются машины самыхъ сложныхъ конструкцій. Въ ея мастерскихъ льютъ пушки, на верфяхъ въ Нагасаки строятъ военные корабли. Отчеканенные въ Осакѣ монеты считаются лучшими въ мірѣ. Во многихъ отрасляхъ техники и индустріи Японія сумѣла въ три десятилѣтія достигнуть того, чего Европа добилась въ теченіе столѣтій, и идти съ ней рядомъ на одной линіи. Способный ученикъ во многомъ сравнялся со своимъ мастеромъ, у которого онъ былъ въ учениіи. Широкимъ потокомъ разлилась по странѣ западно-европейская индустрія, и не далеко то время, когда этотъ потокъ возвратится назадъ съ тѣмъ, чтобы затопить міровой рынокъ волнами своего производства... И чѣмъ сложнѣе техническая работа, тѣмъ болѣе она подходитъ для японца“...

„Въ области нашего знанія,—говорить тотъ же наблюдатель,—японецъ усвоилъ себѣ его не безъ большого успѣха; все, что просто можно перенять, что нужно, такъ сказать, выучить наизусть, то усваиваетъ онъ съ невѣрою легкостью. Онъ обладаетъ гораздо лучшей механической памятью, чѣмъ мы. Въ особенности бросается это въ глаза при изученіи языковъ“, и въ то время, какъ европейцы не идутъ далѣе нѣшкольскихъ японскихъ „комнатныхъ“ словъ, съ японцемъ дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе: „Отправьтесь въ Іокагаму или Токіо, говорить Мунцингеръ, и обратитесь тамъ ко всякому хорошо одѣтому японцу по англійски, и, по всей вѣроюности, онъ вамъ отвѣтить тоже по англійски. Ко всякому студенту, который отличается особымъ костюмомъ, можно спокойно обратиться по нѣмецки; по всей вѣ-

роятности, онъ пойметъ васъ. Нѣмецкіе профессора преподаютъ своимъ студентамъ по нѣмецки, а нѣкоторые и по англійски... И нѣмецкіе профессора очень довольны своими туземными учениками. Въ головѣ японскаго студента нагромождена масса знаній. Японскій студентъ гораздо прилежнѣе нѣмецкаго... Ему неизвѣстенъ величайшій врагъ занятій—пьянство. Болѣе, чѣмъ къ нему, онъ склоненъ въ пользу спорта—гребного, лаунтениса, футбола,—и это, какъ оказывается, необходимо. Духовная работа сильно отражается на немъ, и многіе такъ переутомляются, что послѣ экзамена уже неспособны къ дальнѣйшей напряженной работѣ.

На долю японцевъ выпала воистину чудовищная работа. Послѣ двухъ-вѣковой изолированности имъ пришлось въ нѣсколько лѣтъ нагонять то, чего другіе добивались столѣтіями. И для выполненія этой работы нуженъ былъ большой талантъ. И, дѣйствительно, у японца есть этотъ талантъ, по утвержденію безпристрастныхъ наблюдателей. Японцы обладаютъ „необычайной остротой ума“; они надѣлены особой способностью къ тѣмъ именно наукамъ, которые составляютъ честь и славу послѣдняго столѣтія; они не только поклоняются позитивной философіи, они удивительно легко усваиваютъ позитивный методъ изслѣдованія. „Ихъ теперешніе успѣхи лежали соотвѣтственно этому не въ области чисто духовныхъ знаній, а въ области эмпирическихъ наукъ“. „Если наши врачи говорятъ объ образцовыхъ по истинѣ препаратахъ японскихъ медиковъ, если наши химики и бактереологи возводятъ славу тонкимъ анализамъ своихъ японскихъ учениковъ, то я менѣе всего удивляюсь этому: экспериментированіе—ихъ призваніе. Именно тѣмъ, что необходимо для этого, они обладаютъ въ высочайшей степени“.

Съ другой же стороны, въ своихъ занятіяхъ положительной наукой они совершенно не знали тѣхъ препятствій и той раздвоенности, которая были въ Европѣ необходимымъ слѣдствіемъ господства церковной метафизики и церковной морали. Религіозная догма и церковная суевія никогда въ Японіи не играли такой роли, какъ въ европейскомъ средневѣковыи. Здѣсь сожженіе Джордано布鲁но было бы абсолютно невозможно. Религіозная возврѣнія японца въ высшей степени оригинальны. Вотъ какъ характеризуетъ ихъ японскій же писатель, Кинза Рiугэ М. Хирай: „когда думаютъ, что опредѣленная часть японцевъ принадлежитъ къ буддистамъ или шинтоистамъ, то впадаютъ въ громадную ошибку. И если полагаютъ, что японскіе буддисты заключаютъ въ себѣ поклонниковъ Гуатамы, отвергающихъ всѣхъ другихъ великихъ пророковъ и прорицѣвъ, то заблуждаются еще разъ. Если, далѣе, принимаютъ, что такъ называемый буддистъ въ Японіи придерживается только ученій и имени буддизма, то этимъ впадаютъ еще въ большее заблужденіе. И точно также ошибается тотъ, кто ду-

маетъ также относительно шинтоизма. Въ дѣйствительности въ Японіи не одного ни одного человѣка, который могъ бы быть отмѣченъ въ качествѣ чистаго буддиста или чистаго шинтоиста: мы того воззрѣнія, что всѣ существующія въ мірѣ религіи содер-жать въ себѣ истину... Я желалъ бы изобразить наши воззрѣнія на всѣ религіи міра при помощи слѣдующаго сравненія: когда на берегу моря, освѣщенаго луною, стоятъ нѣсколько человѣкъ на разныхъ мѣстахъ побережья, то каждый изъ нихъ видѣть передъ собою длинный блікъ луннаго свѣта на водѣ, который идетъ прямо къ тому мѣсту, где онъ стоитъ; движется наблюдатель, за нимъ движется и свѣтъ; останавливается онъ, и свѣтъ остана-вливается съ нимъ вмѣстѣ. Онъ думаетъ, что только онъ и близко, рядомъ съ нимъ стоящіе видѣть свѣтъ въ полномъ объемѣ, такъ какъ все остальное море представляется ему черной равниной, подобной „Ничто“. Съ тревогой старается онъ, чтобы и другіе люди такъ же видѣли чудное отраженіе, какъ и онъ самъ, и онъ упорствуетъ, что его точка зренія есть единственная, съ которой можно видѣть свѣтъ, и что всѣ остальные, стоящіе въ другихъ мѣстахъ, видѣть только темную, закрытую ночью, поверхность воды. А вдали отъ берега, съ вершинъ высокой горы представляется опять другой видъ: сверху внизъ смотрѣть тамъ люди на море и познаютъ, что лунный свѣтъ не ограничивается длинными, узкими полосами на водѣ или немногими мѣстами, на которыхъ находятся тѣ люди, но что вся поверхность широкаго океана отражаетъ свѣтъ подобно громадному зеркалу и не одного уголка не оставляетъ во мракѣ. Ни одинъ изъ видовъ съ раз-личныхъ мѣстъ не былъ ложнымъ, но всѣ они были истинны... По временамъ пребываемъ и мы около нашего собственнаго, прорѣзанного луннымъ свѣтомъ, душевнаго моря, но потомъ опять паритъ наша окрыленная душа къ своимъ высочайшимъ горнымъ вершинамъ и тамъ получаетъ иное впечатлѣніе отъ без-конечности вселенной".

Одушевленные горячимъ патріотизмомъ, лишенные всякихъ-теологическихъ предразсудковъ, обладая даромъ позитивнаго изслѣ-дованія, японцы вполнѣ естественно не остановились передъ гро-мадностью представившейся имъ задачи и со всей энергией про-будившагося отъ спячки титана принялись за усвоеніе чу-жихъ знаній и чужой культуры,—и въ этомъ отношеніи японцы не были новичками: уже въ древности почерпали они у софій все то хорошее, что тѣ могли дать, заимствовали у нихъ съ ве-личайшей готовностью и науку, и искусство, и нравственные уче-нія. Изъ Китая, а отчасти изъ совсѣмъ нынѣ одичавшей Кореи восприняли они и буддизмъ, и конфуціанство, а съ тѣмъ вмѣстѣ и лишенную религіозной оболочки общественную нравственность. Изъ Китая получили они свои наиболѣе употребительные письмен-ные знаки, оттуда же пришла къ нимъ поэзія, музыка, живопись

и пластическое искусство; въ настоящеъ же время японцы безъ всякаго национальнаго тщеславія обратились къ Западной Европѣ, чтобы заимствовать оттуда не только ея техническія открытия, но и серьезную положительную науку, они воспользовались опытомъ своихъ европейскихъ братьевъ не только для того, чтобы построить броненосцы и создать громадную армію, они сумѣли по достоинству оцѣнить всѣ блага современнаго культурнаго правового строя и ввели у себя европейскій судебный порядокъ, школьнную организацію, представительное устройство; „всю государственную машину они перенесли къ себѣ изъ Европы и, что удивительнѣе всего, — по утвержденію одного знатока Японіи — эта машина идетъ“.

Все дѣло въ томъ, что если японцы сами имѣли сравнительно мало великихъ оригинальныхъ идей, за то, съ другой стороны, они никогда не были рабскими подражателями и поклонниками всего чужого: „все, что они ни перенимали, все это скоро становилось японскимъ, все это приводили они постоянно въ гармоническое согласіе съ окружающей средой“.

„При всемъ недостаткѣ въ оригинальности, японецъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть ясно выраженная индивидуальность, которая на долгое время не выносить чуждаго, какъ чужого... Японизація это — радикальный процессъ, при которомъ мало гнуть, но много ломаютъ, при которомъ постоянно держать ножъ въ руکѣ и вырѣзываютъ прочь все то, что не подходитъ, что оказывается чужеродными... Никогда и ничего не перенимали они безъ критики у иностранцевъ... Другой народъ былъ бы совершенно раздавленъ той массою новаго, которое вторглось къ японцамъ въ послѣдніе годы; въ концѣ концовъ, очутившись въ полной летаргіи съ притупленными чувствами, онъ позволилъ бы себѣ навязать со стороны положительно все; японцы на рѣдкость не теряли трезвой способности сужденія, острымъ взглядомъ различали они годное отъ негоднаго, и въ общемъ, поскольку дѣло идетъ о механизмѣ нашей культуры, надо признать за ними, что они вполнѣ послушались завѣта: изслѣдуй все, удерживай лучшее“.

На благодатную почву пала европейская культура и просвѣщеніе въ Японіи, и не пустой маскарадъ продѣлала эта страна „съ механизмомъ“ европейской культуры. И что прежде всего и больше всего нашло себѣ доступъ въ страну восходящаго солнца, это — европейское просвѣщеніе, свѣтская школа и всеобщее народное обученіе. Въ свое время молодые японцы платились жизнью за жажду европейской культуры. Еще въ XVII вѣкѣ подъ страхомъ смертной казни было запрещено изучать творенія „чужеземныхъ варваровъ“, но уже тогда многіе юноши тайкомъ, подъ страхомъ смерти, изучали запрещенные науки, стремились усвоить себѣ свѣтъ чуждаго знанія. И, какъ разсказываетъ история того времени, многіе гордые самураи не

стыдились позора поступать прислугой къ иностранцамъ, чтобы только изучить чужеземный языкъ. Великие люди Японіи, Ито Инуїе и ея апостолъ Нишима, бѣжали за границу, что было запрещено подъ страхомъ смерти, съ единственной цѣлью учиться на далекомъ Западѣ... Въ настоящее время просвѣщеніе—общее благо всего японского народа. Въ 1872 г. былъ изданъ характерный указъ, который мы приводимъ цѣликомъ: „всякое знаніе,— говорится тамъ,— какъ нужное для повседневной жизни, такъ равно необходимое для того, чтобы стать офицеромъ, врачомъ, землемѣрцемъ, ремесленникомъ и купцомъ, пріобрѣтается учениемъ. Не смотря на то, что обученіе безусловно необходимо, чтобы успѣшно дѣйствовать въ жизни, до сихъ поръ считали его излишнимъ для простого народа, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по большей части, занимались безцѣльными разсужденіями и бесполезными упражненіями въ сочиненіяхъ; это приносило мало практической пользы, и результатами была бѣдность и неудачи въ жизни. Поэтому такъ должно преподавать науку, чтобы ни въ одномъ мѣстѣ ни осталось невѣжественной семьи, и ни въ одной семье не оказалось невѣжественного ея члена“.

Все начальное обученіе въ Японіи находится подъ государственнымъ контролемъ. Школы содержатся на счетъ общинъ, при чемъ большая часть расходовъ покрывается школьными сборами. Посвѣщеніе школы обязательно отъ 6—14-лѣтняго возраста. Однако, большинство дѣтей посѣщають школу, по собственной охотѣ, гораздо дольше. Въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 32 недѣль занятія продолжаются не менѣе 3—6 часовъ; послѣ каждого часа перемѣна въ 15 м. Предметы обученія тѣ же, что и въ Европѣ, за исключеніемъ религии, которая замѣняется преподаваніемъ морали. На одного учителя приходится не болѣе 60 дѣтей. Тѣлесные наказанія дѣтей абсолютно воспрещены. Учителя получаютъ образованіе въ 50 семинарияхъ, учрежденныхъ въ 1900 г. Содержаніе ихъ, при крайней ограниченности потребностей, весьма мало: главный учитель получаетъ до 500 р. въ годъ, младшій учитель до 120 р. Кромѣ этихъ школъ, въ Японіи нашли широкое распространеніе дѣтскіе сады по нѣмецкому образцу, и существуетъ масса частныхъ начальныхъ училищъ. Открыты также особыя школы для дѣтей отсталыхъ, слѣпыхъ и глухихъ, при чемъ школы послѣдняго рода достигли особенно блестящихъ успѣховъ въ Токіо.

Среднее и высшее образованіе въ Японіи подверглось въ послѣднее время также радикальному преобразованію. Старыя схоластическія школы, которые наполняли все время учащихся изученіемъ китайскихъ идеограммъ и всевозможныхъ классиковъ, съ ихъ многотомными и мудреными изреченіями, исчезли безвозвратно; ихъ мѣсто заняли теперь прогимназии и гимназии, реальная училища, учительскія семинаріи, техническія училища, художествен-

вые школы, дворянскія училища, морская академія, кадетскій корпусъ, военные школы, музыкальная консерваторія для европейской и китайской музыки. Въ 1881 г., вмѣсто учрежденной въ 1856 г. „школы для разгадыванія варварскихъ письменъ“, появился прекрасный, по европейски организованный университетъ, первыми профессорами котораго были приглашенные изъ Европы ученые, уступившіе впослѣдствіи свое мѣсто въ значительной части своимъ японскимъ ученикамъ. Въ токійскомъ университѣтѣ слушаютъ лекціи 1000 студентовъ. Онъ организованъ по типу американского collidge и распадается на 6 факультетовъ: правовѣднія, литературы, — включая сюда филологію, философію, исторію и т. п., — естественныхъ наукъ, техники, медицины и сельского хозяйства. Богословскаго факультета нѣтъ. Медицинскій факультетъ пѣликомъ стоитъ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, а юридический, литературный и сельско-хозяйственный — въ значительной степени. До настоящаго времени многіе предметы читаются тамъ на нѣмецкомъ языке, и работаютъ такие ученые, какъ профессора Бельцъ и Скриба. Съ университетомъ связаны большія клиники и прекрасный ботанический садъ. Второй университетъ основанъ въ Кіото въ 1897 г.

Значительное число частныхъ школъ для изученія новыхъ языковъ и миссіонерскія религіозныя школы дополняютъ картину японскаго просвѣщенія. Въ этихъ школахъ, кроме англійскаго и нѣмецкаго языковъ, занимающихъ первое мѣсто, изучаются еще французскій, голландскій, русскій, корейскій, итальянскій и испанскій. Замѣчательную роль въ новомъ движеніи сыграла школа, кейогиджуку, учрежденная Фукузавой. Принадлежа къ передовымъ людямъ Японіи, онъ отказался отъ всякихъ политическихъ должностей, даже поста министра народнаго просвѣщенія, посвятилъ свою жизнь учрежденному имъ педагогическому институту, и, безъ сомнѣнія, можетъ быть названъ духовнымъ отцомъ доброй половины японскихъ политиковъ. Число его учениковъ превосходитъ многія сотни, а послѣ китайской войны въ эту школу поступило около 100 корейцевъ, пожелавшихъ изучить японскій языкъ.

Весьма замѣчательно, далѣе, развитіе японской прессы. Въ этой области Японія продѣлала прямо головокружительный процессъ развитія. Первая японская газета появилась въ 1852 г. Въ 1879 г. можно было насчитать уже 266 изданій, при чемъ большая часть изъ нихъ приходилась на еженедѣльные и ежемѣсячные журналы, издаваемые преимущественно учеными обществами и союзами. Ежедневная пресса была тогда въ Японіи еще неизвѣстна. Въ 1886 г. въ Японіи было уже 2000 газетъ, при чемъ многія изъ нихъ выходили въ громадномъ числѣ экземпляровъ. Съ 1886 г. по настоящее время, японская журналистика пережила такой подъемъ, подобного которому не знаетъ исторія:

число газетъ дошло до 4000! Въ одномъ Токіо появляется не менѣе 120 газетъ, при чмъ одна, изъ нихъ „Новое Время“ (Джиджи Шимпо) выходитъ въ количествѣ 400,000 экземпляровъ. Каждый номеръ ея охватываетъ собою 30—40 страницъ формата англійскихъ газетъ и содержитъ въ себѣ иллюстраціи, портреты, карикатуры и новыя извѣстія со всего міра. Вторая по величинѣ газета Японіи была „Ни-Коку-Шинбунъ“, которая выходила въ количествѣ 800,000 экземпляровъ и была запрещена правительствомъ только потому, что была въ сильной степени противъ войны съ Россіей. Издатель газеты, Окіама, членъ парламента и вождь одной изъ оппозиціонныхъ партій, съ разрѣшеніемъ парламента, былъ приговоренъ судомъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы за свою пропаганду противъ войны и принесенный этимъ вредъ отечеству. Изъ другихъ наиболѣе распространенныхъ газетъ отмѣтимъ „Токійскую газету“ (Токіо-Нителли Шинбунъ), „Національную газету“ (Кокорменъ Шинбунъ), „Народъ“ (Джиминъ) и „Японію“ (Ниппонъ). Среди газетъ за свое отрицательное отношеніе къ войнѣ пострадала также „Простой Народъ“ (Хейминъ) и ея издатель Саккай. Въ этой газетѣ проводилась мысль, что бѣдный народъ, въ качествѣ платильщика податей, несетъ и такъ довольно тягостей, и война можетъ принести ему только новые тяжелыя жертвы. За вредъ интересамъ отечества въ военное время Саккай былъ приговоренъ къ 4 мѣсяцамъ тюрьмы, которые, однако, были сокращены апелляціоннымъ судомъ въ Токіо на половину.

Для общей характеристики духовной жизни въ Японіи приведемъ нѣкоторыя цифры, относящіяся къ развитию тамъ прессы и книжного изданія, которые заимствуемъ изъ берлинскаго японскаго журнала „Ost-Asien“ (юльская книжка 1904 г.). Въ 1900 г. тамъ издавалось 944 периодическихъ изданія и въ томъ же году появилось 18.281 отдѣльныхъ произведений печати, изъ которыхъ къ области политики и управления относилось 387, къ юридическимъ наукамъ—1209, политической экономіи—262, военному дѣлу—251, сельскому хозяйству—1432, религіи, включая христіанство—1104, искусству и живописи—1192, музикѣ—223.

Нельзя не признать эти данные весьма характерными.

III.

Японія страна землетрясеній: ежегодно ихъ происходитъ не менѣе 1260. Правда, большая часть ихъ совершенно невиннаго свойства. Однако, разъ только ночью внезапно начинаетъ качаться постель, или днемъ плескаться вода въ стаканѣ, немедленно всякий бѣжитъ на улицу, чтобы не погибнуть подъ развалинами крыши. Въ восточной Японіи послѣднее землетрясение было въ 1855 г., когда въ Іедо погибло болѣе 100.000 человѣкъ.

Центральную Японію землетрясеніе посѣтило въ 1891 г. Нагоя и Бифу въ то время сильно пострадали. Касамотсу и Такегахана были совершенно разрушены. Во время этого землетрясенія были опрокинуты всѣ дома, провалились мосты, исчезли холмы, а трещины поглотили цѣлые селенія, оставивъ на ихъ мѣстѣ тину; въ общемъ 120.000 домовъ было разбито, 20.000 людей ранено, 10.000 убито. Японія знаетъ, кромѣ того, еще другія катастрофы: вслѣдствіе подводныхъ землетрясеній море бросается иногда на берегъ страшными волнами и смыаетъ тогда съ береговъ города и селенія, заноситъ пескомъ гавани, разбивается океанскія суда. Въ 1896 г. на восточномъ берегу сѣверной Японіи, словно потокомъ, смыло 27.000 человѣкъ со всѣми ихъ домами, кораблями и поселеніями. Всѣмъ этимъ бѣдствіямъ еще помогаетъ страшный тайфунъ. Въ 1871 г. вѣсколько дней стояла жара въ 22% по Цельзію, на четвертый день ударила дождь, на пятый буря, а поднявшийся тайфунъ сбрасывалъ въ море цѣлые набережныя, обращая въ болота рисовые поля и сдувалъ, какъ перышко, дома и виллы; онъ нагромоздилъ по улицамъ цѣлые баррикады изъ выброшенныхъ барокъ, кораблей и джонокъ и несъ съ собою страшное опустошеніе. Въ своихъ нѣдрахъ прекрасная Японія скрываетъ роковыя подземные силы, и грозныѣ предостереженіемъ всевозможныхъ бѣдствій являются тамъ еще дѣйствующіе вулканы. Еще до сихъ порь дымится островъ Оошима, грохочеть Азайяма, дышетъ парами Назумояма. Чудная страна подвержена постояннымъ вулканическимъ и стихійнымъ катастрофамъ и подъ смыкающейся поверхностью скрываетъ еще не усмиренныхъ титановъ.

Казалось бы, обитателямъ такой страны ужъ не до организаціи жизни: жить отъ одной катастрофы до другой, чувствовать подъ ногами вѣчно колеблющуюся почву, быть постоянно подъ угрозой вулканическихъ изверженій и морского наводненія—это уже не жизнь, а какая-то сплошная пытка, которая другую расу заставила бы сложить руки, пользоваться „минутой“ и отвѣтить на угрозы природы пьянымъ смѣхомъ изъ „пира во время чумы“. Быть можетъ, другой народъ, болѣе слабый, чѣмъ японцы, погрузился бы и въ самомъ дѣлѣ въ полное отчаяніе и апатію подъ гнетомъ своего безсилія передъ элементарной силой. Но японецъ не таковъ: онъ любить жизнь, организуетъ и украшаетъ ее безотносительно отъ того, будетъ ли она жить завтра или нѣтъ. Онъ устраивается такъ, какъ будто думаетъ прожить столѣтія. Онъ тратить массу времени и силъ на благоустройство своей обстановки и окружающей среды, а въ своей семье организуетъ ту ячейку, которая, вопреки землетрясеніямъ и океану, должна дать бессмертіе его народу, замѣнить отжившую жизнь вѣчно новыми ея ростками. Японецъ любить жизнь и наслаждается ею, онъ любить свое общежитіе и дѣлаетъ его привлекательнымъ.

И первое, къ чему прилагаеть большія старанія всякой японецъ, это—чистота. „Всякая грязь представляется ему ужасомъ, и онъ старается о томъ, чтобы на его тѣлѣ и въ его домѣ было чисто до блеска. Большинство японцевъ, не исключая крестьянъ и поденщиковъ, лѣтомъ берутъ ванны каждый день, а зимою, по общему правилу, разъ въ недѣлю. Въ ночь на новый годъ моется весь народъ, и за этимъ слѣдить съ такой щепетильностью, словно религиозный долгъ воспрещаетъ вступить нечистыми въ новый годъ“... Надо замѣтить при этомъ, что японцы купаются въ страшно горячей водѣ, и тотъ, кто не имѣть дома ванны, тотъ идетъ обязательно въ публичныя бани. Въ одномъ Токіо не менѣе 11.000 бань. „Съ величайшей щепетильностью остерегаются японцы всякихъ накожныхъ сыпей... Свое платье содергать они въ поразительной чистотѣ. Людей въ разорванной или затасканной одеждѣ можно встрѣтить гораздо менѣе, чѣмъ въ Германии“. Правда, немецкие путешественники поражаются легкостью костюма японца въ жаркое время: у мужчинъ часто весь костюмъ состоять изъ однихъ только панталонъ до колѣнъ, или даже простой повязки, прикрывающей наготу,—но и эти принадлежности туалета всегда отличаются чрезвычайной чистотой, даже у представителей простого народа. „Уличная грязь съ величайшей тщательностью не допускается внутрь жилища; кто входитъ въ домъ, тотъ прежде всего долженъ снять сапоги“.

Но не только за чистотою такъ слѣдить японецъ, онъ стремится сдѣлать жизнь эстетически прекрасной: „и если для насть японскія кушанья не представляются особенно вкусными, то во всякомъ случаѣ они выглядятъ замѣчательно красивыми и аппетитными, и нигдѣ не бѣдять съ большими приличіемъ, чѣмъ въ Японіи... Каждое движеніе, каждый поклонъ здѣсь закруглены, лишены всего угловатаго—совершены въ своемъ родѣ. Здѣсь избѣгаютъ порывистыхъ движений. Если бы наши рабочіе и ремесленники, въ своихъ грязныхъ рабочихъ блузахъ, встрѣчаясь на улицѣ, преклонялись бы другъ передъ другомъ нѣсколько разъ до земли, останавливались бы затѣмъ, со снятыми шляпами, для обмѣна любезностей и, наконецъ, расходились бы съ не менѣе многочисленными и глубокими поклонами,—то у насть наши бы это просто смѣшили. Но тотъ, кто видить это въ Японіи, тотъ забываетъ о смѣшномъ подъ впечатлѣніемъ прекраснаго. Начиная съ дѣтства, здѣсь очень много придаютъ значенія этикету и приличіямъ, а въ школахъ, въ особенности для девочекъ, введены для этого даже особые предметы преподаванія. До послѣдняго времени все воспитаніе японской женщины было основано на эстетическомъ началѣ“. Кромѣ чтенія, письма и счета, обращалось особое вниманіе на музыку, живопись, поэзію и таکія искусства, какъ „искусство приготовленія чаю“, „составленіе букетовъ“, „вознесеніе благоуханій“ и т. п.; эти послѣд-

ніе предметы обучения не состояли, а поскольку они до сихъ поръ существуютъ, и не состоять въ усвоеніи просто кулинарныхъ или декоративныхъ пріемовъ. Какъ утверждаетъ японскій авторъ Киза Ріугэ М. Хирай, здѣсь воспринимается „глубокій какъ этическій, такъ спиритуалистический принципъ (?)“, который таинственнымъ образомъ связывается не только съ приготовленіемъ чая или подборомъ цветовъ, но и со всѣми другими отраслями японскаго знанія, нравовъ и даже обычаевъ“. И если дѣло идетъ здѣсь о многолѣтнемъ изученіи предмета, то ужъ никакъ не самого чая, цветовъ и т. п. Какъ говорить японскій патристъ, здѣсь постигается „духовный принципъ“ этихъ домашнихъ искусствъ, таѣ много содѣйствующихъ украшенію жизни японца, въ противовѣсъ всѣмъ мрачнымъ явленіямъ окружающей его природы.

„Японецъ никогда не искашаетъ своего лица движеньемъ страстей, взрывы гнѣва, со всѣми ихъ отвратительными проявленіями, гримасами и негармоническими движеніями, противорѣчать его эстетическому вкусу... Живая игра лица и жесты у французовъ и итальянцевъ вызываетъ у японца удивленіе и отвращеніе; любезная улыбка на губахъ сопровождаетъ его обращеніе съ близкими, при чёмъ громкій, потрясающій горы смѣхъ такъ же, какъ громкій крикъ, противорѣчать его тонкому чувству и считаются исключительной привилегіей кельнершъ и гейшъ, которые находятся по ту сторону приличій. Японецъ любить гармоническое не только въ своей средѣ, но и въ самомъ себѣ... По отношенію къ крѣпкимъ напиткамъ онъ трезвъ и умѣренъ. Рестораний жизни въ нашемъ нѣмецкомъ смыслѣ слова въ Японіи совсѣмъ нѣтъ. Такъ называемые чайные дома являются на самомъ дѣлѣ гостиницами для проѣзжающихъ, а напитокъ, которымъ тамъ по общему правилу пользуются, есть дѣйствительно чай. Грубые скандалы подъ влияніемъ алкоголя, грубая брань и чертыханье здѣсь совершенно неизвѣстны. И это не только въ высшихъ классахъ, но и среди низшихъ слоевъ населенія. Нерѣдко можно наблюдать, какъ два юли со своими ручными телѣжками, благодаря неосторожности и быстрому бѣгу, наѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ другъ на друга. Это порождается, конечно, далеко не приятное чувство, и если бъ дѣло шло между европейскими рабочими, то они выразили бы свое огорченіе при помощи рукоприкладства или, по крайней мѣрѣ, бранью. Здѣсь же оба юли, едва прикрытые рабочей блузой, съ голыми ногами и руками, удовлетворяются тѣмъ, что дѣлаютъ другъ другу элегантный салонный поклонъ и вѣжливо другъ передъ другомъ извиняются“. „Эта—замѣчаетъ Мунцингеръ—ни съ чѣмъ несравнимая благовоспитанность, эта благодѣтельная гармонія пронизываетъ весь народъ“.

Чреавычайная любезность японцевъ и ихъ благовоспитан-

ность, которая дѣлаетъ изъ нихъ „примѣрныхъ и послушныхъ мальчиковъ“, обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ неподражаемымъ искусствомъ японского самообладанія, которымъ поражаются всѣ иностранцы. Японецъ „большой мастеръ“ въ искусствѣ представляется и отличается чрезвычайнымъ самообладаніемъ, воспитаннымъ въ немъ вѣками. Невозможно прочесть на его лицѣ, что у него на сердцѣ. На словахъ онъ также ничего не выдастъ. Онъ не сообщителенъ, сдержанъ, всегда замкнутъ“. „Онъ прирожденный дипломатъ... И представители европейскихъ державъ должны пускать въ ходъ все свое остроуміе, чтобы не стать безсознательной игрушкой въ рукахъ японскихъ государственныхъ людей... Новые договоры, заключенные Японіей съ европейскими державами на основѣ политической равноправности, представляютъ собою мастерскія произведения, которыхъ сдѣлали бы честь лучшему европейскому политику. Мaska невинаго, безопаснаго ребенка сдѣлалась для японца второй природой“... Однако, эту маску нельзя считать признакомъ лживости и льстивости характера; и если японецъ почти никогда не разстается съ любезной, привѣтливой улыбкой, то это отнюдь не значитъ, что онъ непремѣнно хочетъ ввести въ заблужденіе своего собесѣдника. Вотъ что замѣчаетъ по поводу постоянной японской улыбки графъ Кёнигсмарктъ, посвятившій Японіи свои наблюденія туриста.

„Здѣсь все смѣется,—говорить онъ,—однако здѣсь смѣются иначе и по другимъ основаніямъ, нежели у насъ. На далекомъ Востокѣ смѣхъ не столько выраженіе радости, сколько результатъ издавна привитаго этикета, старательно культивированного самообладанія. За смѣхомъ японца никогда не скрывается издѣвательства, вызова или лести, и еще менѣе можно его смѣшивать съ маскою угодливой подчиненности. При поверхностномъ сужденіи, мы можемъ опредѣлить этотъ смѣхъ, какъ нѣмую рѣчь нашего рукопожатія. Этого послѣднаго японецъ не знаетъ, однако же, какъ мы протягиваемъ руку при всякомъ случаѣ, такъ японецъ при всѣхъ обстоятельствахъ дѣлаетъ веселое лицо“. Но изслѣдуя этотъ смѣхъ „психологически“, тотъ же авторъ приходитъ къ другимъ выводамъ. Онъ приходитъ къ мысли, что въ смѣхѣ „находить свое условное выраженіе весь народный характеръ, который путемъ многовѣкового самовоспитанія, подавляющаго всякое проявленіе чувства, до высочайшей степени развилъ въ себѣ духъ патріотизма и национального самопожертвованія. И этотъ именно духъ фанатической любви къ отечеству, который создалъ старо-японскихъ героевъ, до сихъ поръ является движительной пружиной, воспламеняющей потомство древнихъ самураевъ къ неустанной непрерывной работѣ, которая дѣлаетъ новаго японца честолюбивѣшимъ человѣкомъ міра. То феноменальное, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее преобразованіе современной Японіи, произведенное въ теченіе одного человѣческаго вѣ-

растя, потребовавшее неслыханный приёмънія какъ духовныхъ, такъ и тѣлесныхъ силъ, было возможно только для такого народа, который, подобно японскому, одушевленъ безмѣрнымъ патротическимъ тщеславіемъ, умѣть отнести съ одинаково безстрастной улыбкой къ жизни, любви и смерти".

Японская улыбка имѣть еще и другое значеніе: „Подобно другимъ формамъ приличія, которыи на востокѣ придаютъ много значенія, и улыбка также подлежитъ правиламъ строгаго этикета, который очень тонко различается для отдѣльныхъ классовъ общества. Болѣе значительное лицо улыбается менѣе часто, чѣмъ лицо не столь значительное; и ротъ, и сама улыбка извѣняются сообразно социальному положенію. Эта улыбка, воспитанная въ японцѣ съ дѣтства, становится инстинктивной, какъ и то самообладаніе, которое въ ней отражается. Преклоняющійся передъ формами, японецъ всегда старается подъ улыбкой скрыть свое душевное горе, чтобы не доставить лишняго огорченія своему ближнему эгоистическимъ выражениемъ страданія. Но свое участіе къ чужому горю онъ высказываетъ всегда съ серьезнымъ выражениемъ лица". „Въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ японецъ чуждъ ироніи и сарказма". Благодаря своей тактичности и вѣжливости, японецъ всегда старается избѣгать въ разговорѣ упоминанія о себѣ и своихъ дѣлахъ. На вопросы личного свойства онъ постараѳется отвѣтить какъ можно болѣе кратко и обще, съ поклонами и благодарностями, но, повидимому, съ живымъ интересомъ спрашиваетъ о состояніи другого, о его мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ, о событияхъ и подробностяхъ его жизни. Но никогда японецъ не будетъ разспрашивать съ нескромнымъ любопытствомъ, никогда неизтактично не затронеть онъ щекотливой темы, напротивъ, онъ закрываетъ глаза на слабости другого. И какъ онъ никому не будетъ грубо льстить, такъ не будетъ подвергать его уничижающей или злостной критикѣ. Молча составляетъ онъ себѣ свое сужденіе о дѣйствіяхъ другого.

Преданные радостному и счастливому пользованію жизнью, японцы глубже другихъ народовъ поняли философскую истину, что собственное счастье покоятся на счастьи другого, а гармоническое общежитіе основывается на терпимости къ слабостямъ близкихъ... И потому, восклицаетъ авторъ, „такъ хорошо живется среди этихъ привѣтливыхъ, милыхъ людей!"

Японская вѣжливость и самообладаніе, поразительная выдержанія во всѣхъ отношеніяхъ могла бы быть, на общераспространенный европейскій взглядъ, результатомъ только желѣзной дисциплины и неукоснительныхъ взысканій, строгаго надзора и благодѣтельнаго влиянія палки; однако такое сужденіе по отношеніи къ Японіи представляется въ высокой степени преждевременнымъ. Великолѣпные образчики японской выдержаніи и дисциплины, японского умѣнія жить съ подобными себѣ менѣе всего объясняются

спасительнымъ воздействиемъ строгости и всепроникающаго начальственнаго надзора.

Врядъ ли есть страна, гдѣ такъ относятся къ дѣтямъ, какъ въ Японіи; врядъ ли гдѣ молодое поколѣніе пользуется такой безмѣрной лаской, любовью и внимательностью старшихъ, какъ безчисленные японскіе мальчики—надежда и украшеніе отечества. Въ Японіи нѣтъ семьи безъ дѣтей, а главное—безъ наследника и продолжателя рода. Если нѣтъ своего ребенка, то неизменно усыновляютъ со стороны. Понятна поэтому та картина, которая такъ поражаетъ наѣзжихъ иностранцевъ: японская народная масса оказывается въ буквальномъ смыслѣ слова нагруженной дѣтьми. Отцы и матери ведутъ дѣтей за руки, у женщинъ и мужчинъ привязаны на спинѣ представители самого юного поколѣнія; старшія дѣти ташутъ на спинѣ съ удивительной осторожностью своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ; и даже эти послѣднія, въ видѣ своихъ дѣтей, баюкаютъ массу самыхъ разнообразныхъ куколъ. Къ восхищению всѣхъ, говорить Кенигсмаркъ, движется юная Японія съ чрезвычайнымъ достоинствомъ среди взрослыхъ. Даже мужская взрослая молодежь, очевидно, наслаждается ея движениями. По праву называются Японію рабынью для дѣтей. Ихъ юность протекаетъ ничѣмъ не омраченная, окруженная той же самой нѣжной заботливостью и любовью, съ какою ухаживаются здѣсь за цвѣтами. Ребенокъ никогда не слышитъ здѣсь суроваго слова, къ нему обращаются только съ веселымъ лицомъ. Это становится для него самого привычкой, и съ самой ранней юности дитя воспринимаетъ безсознательно вѣжливы формы обращенія взрослыхъ. Дѣтскія лица, ихъ радостныя игры составляютъ чрезвычайно притягательные моменты въ японской народной жизни".

„Я знаю много европейцевъ,—говорить Мунцингеръ,—которые далеко не расположены къ японцамъ, но я не знаю ни одного, кто бы не былъ очарованъ дѣтьми Японіи: это—солнечные лучи страны, которыми она возвращается къ жизни. Дѣвочкамъ даются имена: цвѣтокъ, астра, весна, елочка, снѣжинка, и они вполнѣ соответствуютъ этимъ именамъ. Веселость и жизнерадостность улыбаются каждому изъ дѣтскихъ глазъ. Мальчики храбры и свободны въ выраженіи своего интеллигентнаго лица, въ дѣвочкахъ все исполнено приличія, грации и нѣжности". И тотъ же авторъ подтверждаетъ сказанное выше объ обращеніи съ дѣтьми. „Дѣтей никогда не бьютъ... Здѣсь считаются гораздо болѣе дѣйствительными розги воздействиѳ на сердце ребенка".

Этимъ воздействиемъ японецъ пользуется для того, чтобы, при помощи мягкой и любящей семьи, развить моральную дисциплину среди будущихъ гражданъ. И однимъ изъ средствъ такого воспитанія является старая китайская мудрость, которая учить дѣтей на массѣ примѣровъ безграничному самоотверженію ради

любви къ родителямъ, внушаетъ принципы безусловного повиновенія и доходящаго до обожанія преклоненія передъ ихъ авторитетомъ. Остановимся на нѣкоторыхъ знаменитыхъ 24 рассказахъ о дѣтской преданности, на которыхъ воспитывается японский ребенокъ. Въ одномъ случаѣ маленький мальчикъ добываетъ для злой машины любимую ею рыбу, а когда прудъ замерзаетъ, и онъ не можетъ пробить льда, то ложится обнаженнымъ тѣльцемъ на ледь, чтобы протаять нужную прорубь... Въ другомъ случаѣ взрослый сынъ, не имѣя возможности прокормить своего престарѣлого отца и маленькаго сына, жертвуетъ послѣднимъ для первого и уже собирается зарыть его живымъ въ землю... Въ третьемъ случаѣ мальчикъ, видя, что его родителямъ не хватаетъ покрова для защиты отъ массы комаровъ и москитовъ, завѣшиваетъ ихъ своимъ пологомъ и отдаетъ себя въ жертву жаднымъ насѣкомымъ. Курьезнѣе всего, однако, случай, гдѣ сынъ 70 лѣтнаго возраста играетъ на полу у ногъ родителей въ дѣтскія игры только для того, чтобы скрыть этимъ отъ старииковъ ихъ чрезвычайную старость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близость кончины. Правда, во многихъ изъ этихъ случаевъ являются разные боги и награждаются добрыхъ дѣтей, но жертвы дѣтей уже потому чрезвычайно велики, что старики въ Японіи по достижениіи 50 лѣтнаго возраста обыкновенно поступаютъ на положеніе „гогинкіосама“, т. е., другими словами, полнаго отдыха и покоя. И старики, и старуха сдаются всѣ семейныя заботы на руки младшаго поколѣнія, часто пріемныхъ дѣтей, а сами пользуются свободнымъ временемъ для того, чтобы отдаваться музѣ созерцанія. Особенно такой отдыхъ приносить великое счастье японской женщинѣ, которая, такимъ образомъ, среди почета и ласки заканчиваетъ свой неустанный, тяжелый жизненный трудъ.

Современная японская семья, не смотря на устраненіе прежняго семейнаго коммунизма, представляетъ все же больше организацію рода, чѣмъ отдельную семейную единицу. Все современное хозяйственное и правовое развитіе не могло еще создать того „индивидуа“, на которомъ строится вся европейская жизнь. Каждый родъ представляетъ въ известной степени бессмертную единицу, въ которой нѣтъ отжившихъ или вымершихъ членовъ, и гдѣ предки и потомки живутъ и дѣйствуютъ вмѣстѣ, благодаря культу усопшихъ. По отзыву всѣхъ наблюдателей Японіи, если у японцевъ и есть какая-нибудь религія, то это именно обожаніе предковъ. Умершій дѣдъ или отецъ изъ семьи не уходитъ, а остается жить въ ней въ качествѣ доброго, благодѣтельного духа. Сынъ не прерываетъ съ нимъ связи, благодаря постояннымъ молитвамъ къ нему и жертвоприношеніямъ на домашнемъ алтарѣ. Сынъ и отецъ вѣчно неразлучны, и съ этой точки зрѣнія понятъ тотъ фактъ, что во время послѣдней китайской войны императоръ Муцухито награждалъ знаками отличія стариковъ от-

цовъ за павшихъ на полѣ битвы сыновей, а, по японскимъ рассказамъ, умершій знаменитый адмиралъ Сакамото явился во снѣ японской императрицѣ Харуко и обѣщалъ ей сражаться вмѣстѣ съ остальными умершими за честь и славу Японіи.. Умершіе въ Японіи живутъ. Можно подумать, что этотъ, проникнутый обожаніемъ природы, народъ именно въ вѣчно возобновляющейся жизни семьи видѣтъ проявленіе бессмертной силы природы, которая на мѣсто отжившаго создаетъ свѣжее и юное и поддерживаетъ вѣчно зеленый покровъ родового дерева. Бессмертіе родовой клѣточки является здѣсь какъ бы основой мистического обожествленія рода; въ родителяхъ эта религія видѣтъ конкретный источникъ живой творческой струи въ возрождающейся жизни... Индивидуалистическая стремленія современности уже подняли свою разрушительную руку надъ японской семьей, но и до сихъ поръ еще въ ней приносится жертва роду, какъ въ индивидуальномъ развитіи—обществу и государству.

До сихъ поръ еще наслѣдуется въ семье только одинъ старшій сынъ, и только путемъ прижизненного выдѣленія изъ семьи или усыновленія въ чужую семью устраиваются младшіе сыновья. Положеніе японской женщины цѣликомъ ограничивается ея ролью матери, воспитательницы и хозяйки, безусловно подчиненной сначала отцу, потомъ мужу, а послѣ смерти послѣдняго — старшему сыну. И по истинѣ, положеніе японской женщины не можетъ быть названо завиднымъ! Если японецъ-мужчина жертвуетъ собою цѣликомъ во имя принциповъ чести или національного тщеславія, то японская женщина, въ свою очередь, жертвуетъ собою безъ остатка, чтобы сильной половинѣ рода человѣческаго жилось хорошо, легко и пріятно. По отзыву всѣхъ иностранцевъ, японская женщина чрезвычайно обаятельна. Ея скромная сдержанность кажется большинству чѣмъ-то симпатичнымъ; въ то время, какъ по природѣ мужчина представляется сильнымъ, могучимъ и повелѣвающимъ элементомъ, женщина является элементомъ страдающимъ, воспринимающимъ и повинующимся. И дѣйствительно: въ обворожительномъ для многихъ существѣ японки есть чѣмъ чрезвычайноѣ бѣжное, тихое и скромное. Всякое желаніе обратить на себя вниманіе, всякая не женская энергія ей чужда; мужскія стремленія къ эманципації проходятъ, совершенно ея не затрагивая. Въ семейной жизни японка чрезвычайно старательна, часта и цѣломудрена, на ея попеченіи лежитъ все домашнее хозяйство и воспитаніе дѣтей. Она послушна мужу, какъ первая его служанка, и не позволяетъ себѣ вмѣшиваться въ его дѣла; съ трогательной заботливостью ухаживаетъ она за родными мужемъ, за нимъ самимъ и старается всѣмъ, чѣмъ можетъ, сдѣлать счастливой жизнь. Путемъ воспитанія изъ души молодой японки устраниются всякие признаки индивидуальности, всякие порывы и стремленія къ широкимъ идеаламъ, всякая

активность и желаніе самостоятельно устроить свою судьбу. Вотъ рецепты, согласно которымъ въ Японіи до сихъ поръ воспитывается женщина.

„Единственные свойства, которыя идуть женщинѣ, это—нѣжность, послушаніе, цѣломудріе, мягкость и спокойствіе... Ея единственная великая обязанность въ жизни, это — послушаніе. Если супругъ обращается съ нею не хорошо, то она должна съ спокойнымъ лицомъ предстать передъ нимъ и нѣжнымъ, дружескимъ голосомъ указать ему на это. Если же онъ будетъ гнѣваться и не пожелаетъ послушаться увѣщаній, то она должна нѣкоторое время подождать и вернуться къ нему, когда его сердце успокоится; никогда не должна женщина выступать противъ супруга съ рѣзкимъ выраженіемъ лица и повышеннымъ голосомъ, женщина должна всегда сидѣть на корточкахъ и строго слѣдить за своимъ поведеніемъ. Утромъ она должна рано встать, вечеромъ поздно ложиться, до обѣда не должна отдыхать, не должна знать усталости въ шитьѣ, тканій и вышиваніи, она не должна пить много сакэ и до 40-лѣтняго возраста можетъ только рѣдко ходить въ храмы и другія мѣста, гдѣ собирается много народа... Она всегда должна помнить о разстояніи между полами и ни при какихъ условіяхъ не вступать въ корреспонденцію съ молодымъ человѣкомъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и знаніяхъ, какъ въ цвѣтахъ и фасонѣ своего платья, она должна соблюдать скромную сдержанность... Пять самыхъ плохихъ болѣзней, которыми страдаетъ женщина, слѣдующія: невѣжество, недовольство, сплетни, ревность и глупость; самая худшая изъ нихъ, мать остальныхъ четырехъ, это—глупость“. И по этимъ правиламъ—по утвержденію Мунцингера—не только воспитывается японская дѣвушка, но и нарисованный здѣсь идеалъ вполнѣ воплощается въ дѣйствительности. Японка всегда послушна, всегда довольна, всегда весела, и всегда нѣжная игрушка и служанка своего мужа!

Между тѣмъ, какъ говорить японскій патріотъ Кинза Ріугэ М. Хираі, японка не только обладаетъ всѣми свойствами сильнаго и сознательнаго человѣка, но и доказала исторически свои права на иное положеніе и иное отношеніе къ себѣ со стороны мужчины. Ужъ не говоря о томъ, что национальная японская литература, въ особенности же поэзія, обязана во многомъ японской женщинѣ своимъ развитіемъ, еще въ феодальныя времена японки надѣвали на себя рыцарскіе доспѣхи и сражались въ бою, не уступая мужчинамъ. Въ послѣднее время, въ эпоху восстанія Сайго, образовался пѣный полкъ красавицъ дѣвушекъ, которые сумѣли сочетать изящную женскую вѣшність съ добродѣтелями храбраго солдата. Японская исторія знаетъ и сильныхъ волею императрицъ, которая справлялись съ государственными дѣлами безъ помощи со-регентовъ и шогуновъ. И въ настоящее время начинается въ Японіи новое движеніе, которое дало

странъ женщинъ врачей, сидѣлокъ и учительницъ, приказчицъ и жрицъ, а самое главное—фабричныхъ работницъ. Съ этимъ вмѣстѣ родилось и женское движение. Во главѣ его стоитъ госпожа Цуда, которая, вмѣстѣ съ уравненіемъ японской женщины въ правахъ, мечтаетъ и о сближеніи японцевъ съ европейскимъ обществомъ.

До настоящаго времени, однако, обычай страны и юридическое положеніе японской женщины обусловливаются ея подчиненную и пассивную роль. Бѣдные родители, не имѣющіе возможности прокормить дочь, отдаютъ ее для приготовленія въ гейши. Этихъ дѣвочекъ съ ранняго возраста учать изящнымъ искусствамъ, утонченному этикету и приличиямъ, искусству нравиться и занимать, угождать и развлекать жаждущихъ веселія, и съ 8—9 лѣтъ разряженныя дѣвочки уже принимаютъ участіе въ угощеніи посѣтителей. Но главное призваніе гейши, это—искусство: она поетъ, танцуетъ, декламируетъ, пишетъ стихи и иногда участвуетъ въ драматическихъ представленіяхъ. Гейша, это—артистка въ полномъ смыслѣ слова, но артистка, избирающая своею цѣлью служеніе тѣмъ искусствамъ, которыхъ у настъ въ крайнѣй грубой формѣ продуцируются въ различныхъ Варіетэ и шантавахъ. Японская артистка стоитъ неизмѣримо выше своей европейской сестры и служить только одному искусству. Въ 18 лѣтъ кончается ея обязательная работа на антрепренера-воспитателя, и она уже самостоятельно продолжаетъ свою художественную карьеру. Искусство ея не высокаго стиля, но иногда оно доводится до высокой степени совершенства. На гораздо болѣе тяжелую участъ осуждаются своихъ дѣтей тѣ бѣдные родители, которые отдаютъ ихъ въ „незанъ“, т. е. въ кельнерши. Тяжелый трудъ и хлопотливыя занятія, требовательность гостей и строгость хозяевъ дѣлаютъ жизнь такой незанъ далеко не завидной. Всегда веселая и привѣтливая, всегда быстрая и ловкая, замѣчательно вѣжливая и чистая, она представляетъ идеалъ прислуги, но за веселой улыбкой скрывается неустанныя работа, за свободной и скромной mannerой—жѣлезная дисциплина и вѣчная зависимость. Не мудрено, что многія дѣвушки предпочитаютъ хоть на время поступать въ число „мусмэ“, въ веселые дома, гдѣ продажей своего тѣла онѣ приобрѣтаютъ кусокъ хлѣба для себя и—очень часто—для своей нищей семьи. Правда, положеніе этихъ дѣвушекъ въ Японіи совершенно иное, чѣмъ въ Европѣ. Въ своемъ возврѣніи на порокъ японецъ исполненъ очень наивнаго и простого взгляда на вещи. Въ порокѣ, какъ таковомъ, онъ не видѣтъ ничего особенаго, и женщина, продающая себя, не является для него чѣмъ-то отверженнымъ и погившимъ: она продаетъ только свое тѣло, души ея никто не трогаетъ; и если условныя формы общественныхъ отношеній допускаютъ существованіе обитательницъ красиваго квартала „Иошивари“, то онѣ же охраняютъ эти глу-

боко несчастныхъ существа, и нужно отдать японкѣ справедливость: только нужда гонитъ ее въ домъ ужаса, и, какъ только нужда прекращается, она немедленно покидаетъ его; она не теряетъ тамъ даже своей привлекательности и своей женственности и, выйдя оттуда, становится честной женой и матерью. Женщина, то какъ служанка, то какъ игрушка мужчины, можетъ въ известной степени менять въ Японіи эти роли, но изъ подчиненности ей она не выходить, какъ мы уже видѣли, и въ семье.

Японка выходитъ замужъ не по любви, а по приказанию родителей: они выбираютъ ей мужа, они же вступаютъ въ сношения съ другомъ семьи, облеченный обязанностью свата, и рѣшаютъ быть или не быть браку. Невѣста видѣть своего будущаго мужа только одинъ разъ мелькомъ, до свадьбы, во время смотрины (міаи), а иногда не видѣть его и совсѣмъ. Послѣ замужества японка входить въ домъ своего мужа и поступаетъ въ полное его распоряженіе и отчасти его родителей. „Положенію молодой женщины,—говорить Мунцингеръ,—которая внезапно перемѣщена въ чуждую обстановку и должна со страхомъ стараться, чтобы понравиться своему мужу, или, что еще труднѣе, свекрови и свекру—отнюдь нельзя позавидовать. И ничего нѣтъ удивительного въ томъ, что, при первомъ же посѣщеніи дома своихъ родителей, которое нравы разрѣшаютъ на третій или седьмой день, она только съ большимъ трудомъ можетъ быть возвращена къ своему мужу; что удивительного, далѣе, если при такомъ способѣ заключенія брака сожительство часто оказывается невозможнымъ, и въ результатѣ является разводъ. Разводъ, правда, очень легокъ. Однако, онъ цѣлкомъ находится въ распоряженіи мужа, женщина не имѣетъ права просить о разводѣ, а мужъ по своему усмотрѣнію можетъ отпустить жену по слѣдующимъ семи причинамъ: непослушанія, бездѣтности, прелюбодѣянія, ревности заразительныхъ сыпей и другихъ заразительныхъ болѣзней, сплетенъ и наклонности къ воровству. Гарантіями противъ чрезчуръ послѣшной и произвольной выдачи разводного письма являются: въ высшихъ классахъ боязнь скандала, въ низшихъ — открытая семейная жизнь и гласность, на что съ особымъ ударениемъ указываетъ графъ Кенигсмарктъ. На практикѣ, однако, разводъ далеко не является такимъ распространеннымъ явленіемъ въ Японіи, какъ этого можно было бы ожидать. Родители, имѣющіе дѣтей, не разводятся почти никогда, и если въ концѣ 90 годовъ около $\frac{1}{4}$ всѣхъ браковъ подлежали разводу, то въ настоящее время, благодаря воздействию морали Запада, а также нового перенесенного съ Запада гражданскаго кодекса, разводы становятся все реже и реже. „Нравственность народа,—говорить Мунцингеръ,—оказалась выше, чѣмъ его свободная мораль.“

Мужъ полный хозяинъ въ домѣ. Онъ обращается съ женой, какъ съ подчиненнымъ лицомъ, и менѣе всего—съ той утончен-

ностью, съ которой относится къ женщинѣ, по принципу, европеенъ; съ другой стороны, однако, она ей никогда не оскорбляетъ и не бьетъ. Свое зависающее положеніе японка, благодаря само-пожертвованію и привитой воспитаніемъ выдержаніи, умѣетъ превратить въ „радостное и смиренное служеніе“; ей послушаніе теряетъ рабскій характеръ, и она умѣетъ оставаться человѣкомъ, несмотря на все свое бѣзправіе. Но нельзя не замѣтить, что та же желѣзная дисциплина, которая подъ кровомъ всевозможныхъ церемоній и приличій охватываетъ японскую семью, первой своей жертвой дѣлаетъ женщину. Семейный фанатизмъ является здесь какъ бы дополненіемъ національного фанатизма и фанатизма чести. Японская женщина такъ же жертвуетъ своимъ „я“ для семьи, какъ японецъ-мужчина жертвуетъ собою для государства и общества.

Аристократическая мораль рыцарственного народа, представляющая собою своеобразное сочетаніе „бушидо“ и конфуцианской этики, опирающаяся, съ одной стороны, на западно-европейскій позитивизмъ, а съ другой—на традиціонный культъ предковъ, даетъ намъ образы, во многомъ достойные удивленія, исполненные силы, красоты и благородства. Но нельзя здѣсь же не замѣтить, что они во многомъ являются намъ чуждыми, оставляютъ насъ холодными, несмотря на все наше удивленіе передъ ними; и это не мудрено: изображеніе японского характера здѣсь не закончено: съ одной стороны, европейскіе наблюдатели обратили свое главное вниманіе на черты, отличающія японца отъ дѣтей европейской культуры, съ другой—сами японскіе патріоты, рисуя намъ свою родину, остановились преимущественно на тѣхъ оригинальныхъ свойствахъ національного характера, которые дѣлаютъ японцевъ не только подражателями, но и творцами въ области человѣческой этики. Такъ случилось, что въ нарисованной выше картинѣ мы такъ мало замѣчаемъ того новаго, радикально настроенаго, глубоко индивидуалистического дѣятеля новой Японіи, который вынесъ на своихъ плечахъ главную тяжесть прогрессивной эры и очень недалекъ былъ отъ того, чтобы создать въ странѣ восходящаго солнца демократическую республику. Времена бушидо прошли, и въ новой Японіи на первое мѣсто явились новые европейски-воспитанные элементы.

Моральная система феодальной Японіи должна пасть вмѣстѣ съ ея замками и рыцарскими латами. Какъ говорить профессоръ Иназо-Нитобэ, „мы теперь ищемъ повсюду другихъ источниковъ счастья и свѣта, силы и утѣшения“; однако до сихъ поръ старый духъ еще живеть въ новыхъ формахъ, а идеаломъ японца является по прежнему душа, подобная „дыханію дико растущаго вишневаго дерева, раскрывающаго лепестки своихъ цветовъ на всгрѣчу утреннему солнцу“. Такъ отвѣтилъ на вопросъ о сущности японца Мотофи въ своемъ знаменитомъ стихотвореніи, и

нельзя не признать, что въ этомъ сравненіи содержатся доля правды. Какъ дикая вишня, японецъ гордъ и свободенъ; какъ ея цветы, онъ стремится къ красотѣ и изяществу; какъ растеніе, пробудившееся утромъ послѣ долгой ночной сначки, тянется онъ къ свѣту и простору. Недаромъ и теперь еще вишневый цветъ есть символъ бушido, праздникъ его до сихъ поръ является национальнымъ торжествомъ, а сама страна зовется страною восходящаго солнца!

Реусъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ АНГЛІИ.

I.

Туристомъ, который никогда раньше не бывалъ въ Англіи, овладѣваетъ сильное, приподнятое чувство, когда онъ впервые завидѣтъ въ туманѣ бѣлыя, обрывистыя скалы Дувра, воспѣтныя еще Шекспиромъ. Вообще, какъ я замѣтилъ, только что перенесенная морская болѣзнь почему-то располагаетъ къ сентиментальности и освѣжаетъ въ архивахъ памяти события или обрывки произведеній, которыхъ когда-либо сильно трогали васъ. Вѣроятно, поэтому, настроеніе не одного туриста, впервые завидѣвшаго съ корабля дуврскія скалы, можетъ быть формулировано знамѣнитыми словами Гейне: „Страна свободы! привѣтствуя тебя. Привѣтъ тебѣ, свобода, молодое солнце обновленнаго міра! Старая солнца его, любовь и вѣра, погасли и похолодѣли и не могутъ больше свѣтить и согрѣвать... Вся сила человѣческаго духа устремлена, теперь на любовь къ свободѣ, и свобода сдѣлалась, можетъ быть, религию новаго времени, — и это опять религія, которую проповѣдуютъ не богатыи, но бѣдныи и которая имѣть своихъ провозвѣстниковъ, своихъ мучениковъ и своихъ искаріотовъ“ (Englische Fragmente).

Туристу невольно приходитъ въ голову, съ какимъ чувствомъ должны были завидѣть впервые эти скалы люди, которыхъ, начиная съ XVI вѣка, прибивали сюда религіозныя и политическія бури. Первые массовые переселенія начались въ XVI вѣкѣ; они явились результатомъ преслѣдованій со стороны герцога Альбы. Тысячи фланандцевъ оставляли родину и переправлялись черезъ каналъ. Королева Елизавета, давая у себя пріютъ фланандцамъ, руководствовалась не сентиментальными, а чисто практическими соображеніями, которыхъ такъ формулированы современнымъ исто-

рикомъ: „Люди, готовые пострадать за свои религиозные или политические убѣжденія, принадлежать къ цвѣту страны; государство, преслѣдующи или изгоняя ихъ, теряетъ лучшихъ гражданъ, а потому страна, которая даетъ имъ пріютъ, несомнѣнно выигрываетъ“. Соображеніе это, какъ сейчасъ увидимъ, вполнѣ подтвердилось. Антверпенскіе купцы, поселившись въ Лондонѣ, дали англійской торговлѣ тотъ смѣлый размахъ, которымъ она отличается до сихъ поръ. Фламандскіе моряки, выбравшіе себѣ южные портовые города Англіи (главнымъ образомъ, Cinque Ports, т. е. Сэндвичъ, Дувръ, Хизсъ, Ромней и Хэстингсъ), влили новую жизнь въ британскій флотъ. Фрэнсистъ Дракъ, бороздившій въ то время Атлантическій и Тихій океаны, имѣлъ экипажъ, на половину состоявшій изъ голландцевъ. Первымъ великія морскія путешествія англійскихъ моряковъ сдѣланы подъ командой отца и сына Каботъ, которые тоже были политическими изгнанниками изъ Венеціи и, такимъ образомъ, сторицей отплатили за пріютъ. Джонъ Каботъ въ юлѣ 1494 г. открылъ Лабрадоръ, а сынъ его Себастіанъ—Ньюфаундлендъ, Гудзоновъ заливъ и проливъ и изслѣдоваль берегъ Америки до Лаппаты. Но больше всего Англія была вознаграждена за гостепріимство фламандскими ткачами и суконщиками. Они привезли съ собой искусство ваять сукна. Съ тѣхъ поръ Англія получила новый источникъ богатства. „Англіи незачѣмъ было уже посыпать шерсть во Флоренцію для окраски и во Фландрію—для изготовления сукна“. Фламандцы привезли съ собою секретъ всего производства. „Суконные фабрики возникли въ Норичѣ, а затѣмъ вскорѣ во всѣхъ восточныхъ графствахъ“ *).

Генрихъ VIII своими религиозными преслѣдованіями разогналъ значительную часть населенія Англіи. Наиболѣе смѣлые и рѣшительные отправились за океанъ. При Елизаветѣ фламандцы поправили зло, совершенное ея отцомъ. Новые отрасли промышленности дали занятіе многимъ. Фермеры нашли подъ рукой быть для руна. Фламандцы внесли новую закваску въ англійскую соціальную и религиозную жизнь. „Многіе лондонскіе купцы, принимавшіе видное участіе въ революціяхъ XVII вѣка—фламандского происхожденія, говорить Торольдъ Роджерсъ... Эти эмигранты дали Англіи сильный толчекъ впередъ по пути прогресса. До того времени мы были самымъ отсталымъ народомъ въ Западной Европѣ. Эмигрантамъ мы обязаны тѣмъ, что скоро стали сильными промышленными конкурентами сосѣдей“ **).

Въ концѣ семнадцатаго вѣка къ берегамъ Англіи направилась другая переселенческая волна, которая принесла съ собой цвѣтъсосѣдняго народа. Я говорю о гугенотахъ, бѣжавшихъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта отъ драгонадъ, казней и тюремнаго заключенія.

*) J. R. Green, „History of the English People“, p. 386.

**) „Industrial and Commercial History“, p. 303.

Въ Англіи тогда былъ періодъ, названный историками the Second Stuart Туганну; но король, тѣмъ не менѣе, понялъ, какъ много выиграетъ Англія, если дастъ пріютъ бѣглецамъ. Почти всѣ главныя отрасли промышленности Франціи находились тогда въ рукахъ гугенотовъ. Изгоняя ихъ, Людовикъ XIV разорялъ свою страну и давалъ великоколѣпный подарокъ Англіи. Вольтеръ, какъ ловкій дипломатъ, выгораживаетъ короля. „Если бы короли не были обмануты,—говорить онъ въ „Dictionnaire Philosophique“;—если бы они могли предвидѣть, что послѣдствіемъ религіозныхъ преслѣдований будетъ пятидесятилѣтняя гражданская война, разореніе страны и гибель половины населенія, они потушили бы своими слезами тѣ костры, которые они зажгли“. Вольтеръ, конечно, сваливаетъ вину на „іезуитовъ“, которымъ влагаетъ въ уста такую обвинительную рѣчь противъ гугенотовъ: „Наглецы! Вы почитаете Бога, проповѣдуете добродѣтель и слѣдуете сами своему ученію! Вы любите человѣчество, помогаете ему и утѣшаете.. Вы превратили пустыни, по которымъ бродили скованые рабы, въ богатые и населенные города; но мы открыли, что вы настѣ презираете. Вы никогда не читаете нашихъ комментарій; вы знаете, что мы мошенники. Вотъ почему мы немедленно донесемъ на васъ подестѣ. Мы будемъ вопить, бѣя себя въ грудь, что вы проповѣдуете ересь, и станемъ требовать вашего истребленія, какъ враговъ неба“ *). Вольтеръ, однако, напрасно выгораживалъ Людовика XIV.

Гугеноты, какъ фламандцы, принесли съ собою въ Англію новыя отрасли промышленности. Часть ихъ, поселившаяся близъ Лондона въ Spitalfields (теперь это,—одинъ изъ кварталовъ столицы), завела здѣсь фабрики для произведенія шелка. Другіе поселились въ Манчестерѣ и здѣсь основали хлопчатобумажныя фабрики. Гугеноты щедро заплатили Англіи за гостепріимство, которое ей ничего не стоило. Они положили начало промышленности, которая до сихъ поръ является главнымъ источникомъ національного богатства. Потомки гугенотовъ, слившись съ кореннымъ населеніемъ, дали, кроме того, Англіи рядъ талантливыхъ общественныхъ дѣятелей (Гаркортъ, Лабушэръ и др.). Восемнадцатый вѣкъ пригналъ къ берегамъ Англіи маркизовъ, герцоговъ и виконтовъ, устраивавшихъ отсюда восстанія противъ республики. Англія охотно пользовалась услугами ихъ, такъ какъ ей нужно было ослабить промышленного конкурента. Волна за волной, эмигранты стали набѣгать въ XIX вѣкѣ на берега Великобританіи. Движенія 30-го и 48-го года принесли съ собою тысячи людей, гигантовъ и карликовъ.

„Можно себѣ представить,—говорить современникъ,—сколько противоположнаго снадобья захватываютъ съ собой съ материка

*.) Dictionnaire Philosophique. „Persécution“.

№ 9. Отдѣль II.

и оставляют въ Англіи приливы и отливы революцій и реакцій, источающихъ, какъ перемежающаяся лихорадка, европейскій организмъ, и что за удивительные слои людей выбрасываются этими волнами и бродятъ по сырому, топкому лондонскому дну...“ Бури сорокъ восьмого года, пронесшіяся черезъ Францію, Германію, Австрію и Италию, и пятьдесятъ первого года специально черезъ Францію,—прибили къ берегамъ Англіи многочисленныхъ изгнанниковъ, поселившихихъ грудно въ Лондонѣ, главнымъ образомъ, въ одномъ кварталѣ—Соо (Soho). „Тамъ,—писалъ тогда *Times*,—обитаетъ жалкое населеніе чужеземцевъ, носящихъ шляпы, какихъ никто не носить, и волосы тамъ, где ихъ не надобно, населеніе несчастное, убогое, загниающее, и котораго трепещутъ всѣ сильные... Европы, кроме англійской королевы“...

„Да, тамъ, действительно,— писалъ Искандеръ,— по public hous'амъ и харчевнямъ сидѣть эти чужіе, эти гости за... горькимъ портгеромъ въ кружкѣ и съ еще больше горькими словами на губахъ, поджидая революціи, къ которой они больше не способны, и денегъ отъ родныхъ, которыхъ никогда не получать.

„Какихъ оригиналовъ, какихъ чудаковъ я не наглядѣлся между ними!—продолжаетъ Искандеръ.—Тутъ, рядомъ съ коммунистомъ старого толка, ненавидящимъ всякаго собственника во имя общаго братства — старый карлистъ, пристрѣливавшій своихъ родныхъ братьевъ во имя любви къ отечеству, изъ преданности къ Монтемолино или Донъ-Хуану, о которыхъ ничего не зналъ и не знаетъ. Тамъ, рядомъ съ венгерцемъ, рассказывающимъ, какъ онъ съ пятью гонведами опрокинулъ эскадронъ австрійской кавалеріи, и застегивающимъ венгерку до самаго горла, чтобы имѣть еще больше военный видъ, венгерку, размѣры которой показываютъ, что ея юность принадлежала другому, — нѣмецъ, дающій уроки музыки, латыни, всѣхъ литературъ и всѣхъ искусствъ изъ-за насущнаго пива, свободомыслящи, космополитъ, презирающій всѣ націи, кроме Курь-Гессена или Гессенъ-Касселя, смотря по тому, въ которомъ изъ Гессеновъ родился; полякъ, прежніяго покровъ, католически любящій независимость, и итальянецъ, полагающій независимость въ ненависти къ католицизму“.

Къ берегамъ Англіи бура прибила героевъ, оставившихъ яркій следъ въ исторіи, и скромныхъ рядовыхъ, въ родѣ того, который писалъ Искандеру по латыни: „Domine, ego sum Gallus, ex patria mea profugus pro causa libertatis populi. Nihil habeo ad manducandum“, etc.

„Нѣмецкая эмиграція,— говорить современникъ,— отличалась отъ другихъ своимъ тяжелымъ, скучнымъ и сварливымъ характеромъ. Въ ней не было энтузиастовъ, какъ въ итальянской; не было ни горячихъ головъ, ни горячихъ языковъ, какъ между французыми. Другія эмиграціи мало сближались съ нею. Разница въ манерѣ, въ habitusѣ, удерживала ихъ на нѣкоторомъ разстоя-

ні; французская дерзость не имѣть ничего общаго съ нѣмецкой грубостью. Отсутствіе общепринятой свѣтскости, тяжелый школьній доктринизмъ, излишняя фамильярность, излишнее простодушие нѣмцевъ затрудняли съ ними сношенія непривычныхъ людей. Они и сами не очень сближались, считая себя, съ одной стороны, гораздо выше прочихъ по научному развитію, а съ другой—чувствуя передъ другими непріятную неловкость провинціала въ столовомъ салонѣ, или чиновника въ аристократическомъ кругу. Внутри нѣмецкой эмиграціи представляла такую же разсыпчатость, какъ и ея родина. Общаго плана у нѣмцевъ не было: единство ихъ поддерживалось взаимной ненавистью и злымъ преслѣдованіемъ другъ друга". Ссоры, впрочемъ, были достояніемъ не однихъ только нѣмецкихъ изгнанниковъ...

„Французская эмиграція, какъ и всѣ другія, увезла съ собой въ изгнаніе и ревниво сохранила всѣ раздоры, всѣ партіи. Сумрачная среда чужой и непріязненной страны, не скрывавшей, что она хранить свое право *убѣжища* не для ищущихъ его, а изъ уваженія къ себѣ, раздражала нервы. А тутъ оторванность отъ людей и привычекъ, невозможность передвиженія. Столкновенія стали злѣе, упреки въ прошедшихъ ошибкахъ—безпощадные. Оттѣнки партій расходились до того, что старые знакомые прерывали всѣ сношенія, не кланялись...

„Были, дѣйствительно, теоретическіе и всяческіе раздоры; но рядомъ съ идеями стояли лица; рядомъ со знаменами—собственныя имена, рядомъ съ фанатизмомъ—зависть, и съ откровеннымъ увлеченіемъ — наивное самолюбіе".

Отсутствіе живого дѣла, оторванность отъ родины, материальная нужда,—все это содѣствовало обостренности отношеній. Только львы эмиграціи, какъ Кошутъ, Маццини, Ворцель, Луи Бланъ имѣли связи съ англійскимъ обществомъ и пользовались глубокимъ уваженіемъ, доходящимъ до поклоненія. Только очень немногіе имѣли средства или заработокъ, дающій самостоятельность. Остальные — жестоко бѣствовали и... ссорились между собою. У Гарibalди былъ оригинальный, но не осуществимый планъ, какъ покончить съ дрягами въ кругу изгнанниковъ. Свой проектъ герой объединенія Италии развивалъ Искандеру.

Это было въ 1854 г. Гарibalди приплылъ въ Лондонъ изъ Южной Америки капитаномъ корабля и сталъ въ Вестъ-Індскихъ докахъ. „Гарibalди, въ толстомъ свѣтломъ пальто, съ ярко-цвѣтнымъ шарфомъ на шей и фуражкой на головѣ, казался мнѣ,— говорить Герценъ,—больше истымъ морякомъ, чѣмъ тѣмъ славнымъ предводителемъ римского ополченія, статуэтки котораго продавались во всемъ свѣтѣ... Между тѣмъ, въ простыхъ и безцеремонныхъ разговорахъ его мало по малу становилось чувствительно присутствіе силы. Безъ фразъ, безъ общихъ мѣсть, народный вождь, удивлявшій своей храбростью старыхъ солдатъ, обли-

чался. Въ капитанѣ корабля легко уже было узнатъ того уязвленнаго льва, который, отрываясь на каждомъ шагу, отступалъ послѣ взятія Рима и, растерявъ своихъ сподвижниковъ, снова ссыпалъ въ С.-Марино, въ Равенѣ, въ Ломбардіи, въ Тиролѣ, въ Тесино солдатъ, мужаковъ, бандитовъ, кого попадало, чтобы только снова ударить на врага".

Когда Гарибальди отплывалъ за углемъ въ Ньюкастель на Тейнѣ, чтобы оттуда уйти въ Средиземное море, Герценъ замѣтилъ, что ему ужасно нравится морская жизнь, и что изъ всѣхъ эмигрантовъ Гарибальди избралъ благую часть.

— А кто имъ не^нвелитъ сдѣлать тоже,—возразилъ Гарибальди съ жаромъ.—Это была моя любимая мечта, смѣйтесь надъ ней, если хотите, но я и теперь ее люблю. Меня въ Америкѣ знаютъ; я могъ бы имѣть подъ моимъ начальствомъ три, четыре такихъ корабля. На нихъ я взялъ бы всю эмиграцію: матросы, лейтенанты, работники, повара,—всѣ были бы эмигранты. Что теперь дѣлать въ Европѣ? Привыкать къ рабству, измѣнять себѣ, или въ Англіи ходить по миру. Поселиться въ Америкѣ еще хуже—это конецъ, это страна „забвенія родины“, это новое отечество, тамъ другіе интересы, все другое; люди, остающіеся въ Америкѣ, выпадаютъ изъ рядовъ. Что же лучше моей мысли (и лицо его просвѣтлѣло), что же лучше, какъ собраться въ кучку около нѣсколькихъ мачтъ и носиться по океану, закаляя себя въ суровой жизни моряковъ, въ борьбѣ съ стихіями, съ опасностью. Пловучая революція, готовая пристать къ тому или другому берегу, независимая и недосягаемая". Въ эту минуту,—прибавляетъ Герценъ,—Гарибальди и мнѣ казался какимъ-то классическимъ героемъ, лицомъ изъ Энейиды, о которомъ, живи онъ въ иной вѣкъ, сложилась бы своя легенда, свое Arma virgintque capo".

Англичане рѣшительно ничего не потеряли отъ того, что дали убѣжище даже такимъ сырьимъ рядовымъ, которыхъ съ излишнею желчностью описываетъ Искандеръ, но, напротивъ, много выиграли: буря всетаки прибила сотни талантливыхъ врачей, художниковъ, музыкантовъ, ремесленниковъ и пр. Они съ лихвой заплатили Англіи за гостепріимство. Въ числѣ итальянскихъ эмигрантовъ былъ отецъ знаменитаго англійскаго художника и поэта Россетти.

Семьдесятъ первый годъ былъ послѣднимъ въ XIX вѣкѣ, который принесъ съ собою въ Англію массу политическихъ эмигрантовъ (коммунаровъ). Мало по малу тучи на горизонте въ Западной Европѣ расходятся. Даже въ Австріи показывается солнце, во всякомъ случаѣ настолько, что позволяетъ венгерцамъ возвратиться на родину. Возвращаются также на родину итальянцы, иѣмцы, испанцы и французы. Лондонъ, какъ политический эмигрантскій центръ старого типа, пустѣеть окончательно, но вотъ, съ начала восьмидесятыхъ годовъ, сюда начинаютъ прибы-

вать новые переселенцы, совершенно неимущие, ищущие только работы и готовые за кусок хлѣба работать сколько угодно часовъ. Я говорю о полякахъ и русскихъ евреяхъ. Вслѣдствіе духа общественности, а также вслѣдствіе крайней скучности въ средстахъ, которые позволяютъ переселенцамъ добраться только до первого порта, они селились вмѣстѣ, въ одномъ кварталѣ. И вотъ въ то время, какъ въ большинствѣ англійскихъ городовъ нельзя встрѣтить иностранца, въ двухъ кварталахъ Лондона переселенцевъ такъ много, что вскоту на стѣнахъ пестрѣютъ афиши на русскомъ и еврейскомъ языкахъ. Въ этихъ кварталахъ началась конкуренція изъ за куска хлѣба между туземнымъ пролетариатомъ и прѣѣзжимъ. Переселенцы, не зная языка, не понимая окружающихъ условій, считаютъ, что поступаютъ вполнѣ правильно, когда берутся работать за всякое вознагражденіе.

Туземный пролетаріат видѣть въ этой готовности продать свой трудъ за гропъ—преступленіе. И вотъ, на этой почвѣ возвинѣ рядъ недоразумѣній. Недовольство, въ концѣ концовъ, разрѣшилось бы вполнѣ нормально. Во-первыхъ, переселенцы селились только въ двухъ кварталахъ Лондона, въ Лидсѣ и въ Манчестрѣ, такъ что новый вопросъ носилъ совершенно частный характеръ. Во-вторыхъ, даже и въ этихъ кварталахъ вопросъ былъ временный, а не постоянный. Когда переселенцы осваивались съ языкомъ и начинали понимать укладъ новой жизни, они присоединились къ англичанамъ-работникамъ и брали такую же плату, какъ всѣ. Такимъ образомъ, переселенецъ являлся нежелательнымъ конкурентомъ, покуда онъ представлялъ изъ себя новичка (greener, по мѣстной терминологіи). Въ третьихъ, при нормальныхъ условіяхъ, все пришло бы вскорѣ въ равновѣсіе потому, что переселенцы принесли съ собою новые, специальные отрасли производства. Поляки, напримѣръ, ввели производство гнутой (ѣнисейской) мебели. Капиталистами явились англичане; но всѣ работники-поляки или евреи. Въ этомъ отношеніи, англичане не были конкурентами. Евреи привезли съ собою производство готоваго платья, дешевой обуви и выдѣлку мѣха. Капиталистами опять явились англичане; но туземной конкуренціи въ области труда—не было. Въ послѣдніе два-три года, однако, вопросъ о конкуренціи переселенцевъ и вообще о нихъ, раздутый совершенно искусственно въ мелкой прессѣ, принялъ вдругъ неожиданные размѣры. Нѣсколько причинъ содѣйствовало тому, что чисто мѣстному, въ общемъ, ничтожному по размѣрамъ, вопросу приданъ былъ характеръ государственной важности. Послѣ войны явилось много безработныхъ. Защитники имперіализма, между тѣмъ, доказывали массамъ на выборахъ, что эта политика означаетъ, прежде всего, обилие работы и высокую плату. Переселенцы явились благовиднымъ оправданіемъ для имперіалистовъ. Вотъ почему британскіе работники си-

дять безъ хлѣба!—стала доказывать официальная газета Чемберлена—„Daily Express“.—Иностранцы отняли нашу промышленность, а теперь вырываются у васъ работу! Во всей Англіи, кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ, работники глумятся надъ такимъ объясненіемъ, но это не мѣшаетъ имперіалистамъ повторять его.

Затѣмъ, нынѣшнее министерство на выборахъ 1895 г., чтобы заручиться содѣйствиемъ работниковъ, надавало имъ много обѣщаній, которыхъ оно не желало и не могло сдержать. Къ числу такихъ обѣщаній относится государственный пенсіонъ для всѣхъ престарѣлыхъ. Не было ministra, который не сулилъ бы тогда всѣмъ шестидесятилѣтнимъ по 5, а то и по 7 ш. въ недѣлю. Министерство не выполнило обѣщанія. На выборахъ 1900 г. вниманіе избирателей было поглощено южно-африканской войной, поэтому можно было умолчать про пенсіонъ. Но вотъ снова приближаются общіе выборы. Переселенцы явились отличнымъ предлогомъ, чтобы отложить пенсіонъ для престарѣлыхъ. „Мы обѣщали вамъ пенсіонъ; но можемъ ли мы дать его теперь?— говорятъ работникамъ имперіалисты.— И безъ того иностранцы являются сюда, чтобы отбивать у васъ хлѣбъ и работу. Когда же они узнаютъ про пенсіонъ, они нахлынутъ тучами. Вотъ почему прежде, чѣмъ дать вамъ пенсіонъ, необходимоѣ законъ, воспрещающій немимущимъ иностранцамъ прїѣзжать въ Англію“. На частныхъ выборахъ эта аргументація не производила никакого впечатлѣнія: министерство терпѣло пораженіе за пораженіемъ. Парламентъ относился съ недовѣріемъ къ словамъ министерства; но мелкая пресса била тревогу. И вотъ, походъ противъ переселенцевъ началъ принимать конкретную форму.

II.

Въ 1902 г. была назначена королевская комиссія изъ семи человѣкъ (двухъ лордовъ, трехъ коммонеровъ, одного бывшаго товарища ministra внутреннихъ дѣлъ и одного крупнаго фабриканта) для изслѣдованія вопроса объ иммигрантахъ. Комміссія работала въ продолженіе года. Всѣмъ желающимъ предоставлено было высказаться. Опросили священниковъ, магистратовъ, полицейскихъ инспекторовъ, врачей, мелочныхъ лавочниковъ, работниковъ, кабатчиковъ; показанія составили четыре громадныхъ тома. Дальше я постараюсь разобраться въ этомъ богатомъ матеріалѣ и попытаюсь извлечь всѣ аргументы, выставленные свидѣтелями за и противъ переселенцевъ. А теперь посмотримъ, къ какимъ выводамъ пришла комиссія.

Изъ собранныхъ нами фактovъ,—говорить она,—несомнѣнно вытекаетъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ въ Англію переселилось очень много иностранцевъ. Количество ихъ значительно

больше, чѣмъ въ былое время. По составу это, по преимуществу, выходцы изъ Россіи и Польского края, а по вѣроисповѣданію—евреи. Нѣть основанія предполагать, что потокъ переселенцевъ уменьшится, если существующія въ Англіи таможенные условія не измѣняются".

Комиссія поспѣшила прибавить, что собранныя свѣдѣнія отнюдь не доказываютъ необходимости полнаго воспрещенія вѣзда въ Англію переселенцамъ. Затѣмъ, было бы крайне не желательно,—продолжаетъ комиссія,—стѣснить какимъ-нибудь образомъ пріѣзжающихъ иностранцевъ (т. е. не переселенцевъ) *); но необходимо контролировать прибывающихъ переселенцевъ, въ особенности изъ восточной Европы. Контроль долженъ заключаться въ томъ, что администрація слѣдуетъ предоставить право какъ воспрещенія вѣзда нежелательнымъ иностранцамъ (*aliens*), такъ и высылки послѣднихъ изъ предѣловъ Англіи.

Комиссія, однако, уѣдилась, какъ увидимъ дальше, что походъ противъ неимущихъ переселенцевъ нельзя основать на преступности ихъ. Пролетаріи изъ восточной Европы, въ особенности изъ Россіи, выдѣляютъ самый ничтожный процентъ преступниковъ. По показаніямъ свидѣтелей, все это смиренный, крайне трудолюбивый, трезвый народъ, который только въ совершиенно исключительныхъ случаяхъ приходитъ въ столкновеніе съ законами страны. И вотъ, комиссія находитъ другой поводъ, чтобы мотивировать биль противъ иностранцевъ. „По нашему мнѣнію,— говорить она,—величайшее зло, проискающее отъ присутствія неимущихъ переселенцевъ (*alien immigrants*), заключается въ чрезмѣрной скученности, въ особенности наблюдавшейся въ нѣкоторыхъ кварталахъ Лондона. Скученность эта (*overcrowding*) имѣетъ послѣдствіемъ вытѣсненіе коренного населения. По нашему мнѣнію, зло (скученность) такъ велико, что врядъ ли можетъ быть устранено примѣненіемъ одинаковыхъ законовъ къ коренному населенію и къ переселенцамъ. Мы, поэтому, думаемъ, что необходимо специальное законодательство, которое воспрещало бы неимущимъ переселенцамъ селиться въ такихъ округахъ, где наблюдается уже скученность и где приростъ населения можетъ имѣть самая гибельная послѣдствія.—Мы полагаемъ также, что необходимо очистить Англію отъ преступниковъ·иностраницъ и отъ другихъ предосудительныхъ личностей".

Комиссія того мнѣнія, что необходимо выработать мѣры, которые не только бы считались съ настоящими условіями, но предваряли бы въ нѣкоторомъ родѣ будущее. Она рекомендуетъ слѣдующее.

*) Комиссія употребляетъ два термина для иностранцевъ *foreigners*, т. е. имущіе и временно пріѣзжающіе по дѣламъ или для удовольствія, и *aliens*, т. е. неимущіе переселенцы, имѣющіе намѣреніе основаться въ Англіи.

Государство должно установить контроль надъ нѣкоторыми классами иностранцевъ, прибывающими въ Англію. Съ этой цѣлью слѣдуетъ учредить новый, переселенческий департаментъ (Department of immigration). Нужно завести точную переселенческую статистику, для чего надлежитъ обязать всѣхъ владѣльцевъ кораблей доставлять подробныя свѣдѣнія обѣ эмигрантахъ. Правила эти должны относиться или ко всѣмъ англійскимъ портовымъ городамъ, или къ нѣкоторымъ, оговореннымъ специально *). Новый переселенческий департаментъ назначаетъ специальныхъ чиновниковъ, которые опрашиваютъ всѣхъ прибывающихъ переселенцевъ, чтобы выяснить ихъ личность. И если окажется, что прибывающіе относятся къ *нежелательнымъ* (т. е. если они преступники, проститутки, идиоты, умалишенные, отмѣнно предосудительная личности или совершили лишиены средствъ, такъ что содержаніе ихъ падетъ на плательщиковъ налоговъ), то чиновники доносить обѣ этомъ департаменту.

Департаментъ, получивъ неудовлетворительныя свѣдѣнія обѣ эмигрантѣ, передаетъ ихъ магистрату, который рѣшаеть, можетъ ли быть переселенецъ пропущенъ въ Англію или нетъ.

По приговору суда каждый пропущенный въ Англію переселенецъ (alien immigrant) можетъ быть высланъ за границу, если въ теченіе двухъ лѣтъ окажется, что онъ, или она — преступникъ, проститутка, сутенеръ или *вообще крайне предосудительная личность*, а также если обнаружится, что эмигрантъ не имѣть средствъ къ существованію. Въ подобныхъ случаяхъ переселенческий департаментъ обязываетъ владѣльцевъ корабля, на которомъ прибылъ высылаемый, доставить его въ тотъ портъ, откуда эмигрантъ взялъ.

Всѣ переселенцы подвергаются въ Англіи прежде, чѣмъ спуститься съ корабля, тщательному медицинскому осмотру. Страдающіе заразительными или отвратительными болѣзнями не пропускаются. Владѣльцы кораблей обязаны увести такихъ эмигрантовъ обратно.

Всѣ переселенцы обязаны давать о себѣ, подъ страхомъ каторжныхъ работъ и изгнанія впослѣдствіи, вѣрныя свѣдѣнія.

Что касается скученности переселенцевъ, то комиссія рекомендовала слѣдующія мѣры. Если найдено будетъ, что въ извѣстномъ кварталѣ живетъ слишкомъ много переселенцевъ, то переселенческий департаментъ запрещаетъ иностранцамъ (aliens) селиться въ этомъ мѣстѣ. Въ портахъ, где высаживаются пере-

*) Въ Англіи есть нѣсколько портовъ, куда по преимуществу прибывають не пассажирскіе, а эмигрантскіе корабли: Гуль, Лондонъ, Соутгемптонъ. Сюда направляются изъ Гамбурга и Либавы громадные, неуклюжіе пароходы, въ родѣ *Бимхера*, описанного въ прошломъ письмѣ, нагруженные лошадьми, рогатымъ скотомъ и переселенцами изъ Россіи. Пассажирскіе пароходы пристаютъ въ Фолькстонѣ, Ньюхевенѣ, Дуврѣ, Гаричѣ и въ Куїнборо.

селенцы, полиція ув'домляєтъ прїїжжихъ, какіе кварталы до того переполнены, что въ нихъ иностранцамъ воспрещено селиться. Эмигрантовъ опрашиваются, въ какихъ мѣстахъ они намѣрены жить. Если будетъ найдено, что переселенецъ живеть въ переполненномъ окружѣ, гдѣ ему селиться нельзя, — онъ подлежитъ высылкѣ изъ предѣловъ Англіи.

На основаніі этихъ совѣтовъ составленъ Aliens Bill, обѣщаный въ тронной рѣчи и внесенный въ парламентъ въ мартѣ 1904 года. Въ общемъ, билль совпадаетъ съ совѣтами комиссіи, только всюду, гдѣ она говоритъ о магистратѣ, авторъ билля вставилъ „полиція“. Администрація рѣшаєтъ, можно ли переселенца пропустить въ Англію или нѣтъ. Полицейскій инспекторъ, а не судья, опредѣляетъ благонадежность переселенца. Пропущенный эмигрантъ на два года попадаетъ подъ полицейскій надзоръ, какъ выпущенный на свободу каторжникъ. Онъ обязанъ сообщать полиції о перемѣнѣ адреса. Въ билль оппозиція и многіе консерваторы усмотрѣли покушеніе на всѣ вольности Англіи, такъ какъ законодатели проектировали усилить власть полиціи. Началась усиленная агитація противъ билля. Посмотримъ теперь, къ чему сводится аргументація противниковъ и защитниковъ переселенцевъ.

III.

Я приведу сперва показанія различныхъ свидѣтелей, высказавшихся противъ эмигрантовъ. Всѣ эти показанія, главнымъ образомъ, касаются выходцевъ изъ Россіи—поляковъ и евреевъ. Первыхъ много въ восточномъ Лондонѣ, но, главнымъ образомъ, въ каменноугольныхъ районахъ, въ Шотландіи и въ Уэльсѣ. Поляки, не понимающіе языка, не знаютъ даже, какую ненависть возбуждаютъ противъ себя. Они желаютъ только работы. „Происхожденіе польской колоніи въ Шотландіи слѣдующее. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ владѣльцы большого завода въ Лэнэршире отказались повысить заработную плату кочегарамъ. Работники устроили стачку. Тогда владѣльцы завода высыпали изъ Россіи цартию поляковъ, которые согласились работать по 12 ш. въ недѣлю (т. е. за половину того, что получали шотландцы). Полякамъ заработокъ показался до такой степени выгоднымъ, что они выписали своихъ родныхъ и друзей, которые стали работать въ каменноугольныхъ шахтахъ *). Скоро началась стачка въ большой шахтѣ, гдѣ добывается огнеупорная глина. Владѣльцы замѣнили тогда всѣхъ шотландцевъ смиренными поляками. Вмѣсто 8 шиллинговъ въ день, поляки охотно согласились получать по 4 ш. 6 п. Теперь поляки всюду работаютъ въ шахтахъ, гдѣ до-

*.) Minutes of Evidence, 11867 (post).

бываніе угля особенно затруднительно. Хозяева очень дорожатъ ими, такъ какъ это очень трудолюбивый и совершенно безотвѣтный народъ, въ особенности литовцы. Только ихъ нарядчикъ понимаетъ нѣсколько словъ по-англійски. Поляки и литовцы решительно не могутъ уразумѣть, почему работники-шотландцы относятся къ нимъ съ такой глубокой ненавистью. Эти переселенцы не имѣютъ представленія объ условіяхъ труда въ Англіи, о тредъ-юніонахъ и о правахъ работниковъ, такъ какъ прикидываютъ ко всему свой старыи мѣрки" *). Впрочемъ, тотъ же свидѣтель показываетъ, что когда съ поляками и литовцами ихъ шотландскіе товарищи попробовали въ послѣднее время столкнуться черезъ посредство переводчиковъ, — большая часть ихъ (90%) присоединилась къ „Miners'Union“, т. е. къ союзу горныхъ работниковъ. Поляки и литовцы, когда поняли въ чемъ дѣло, охотно согласились соблюдать шинітит заработной платы. Переядемъ теперь къ показаніямъ противъ переселенцевъ-евреевъ.

„Ткачи-евреи получаютъ у себя на родинѣ въ Лодзи по семи рублей въ мѣсяцъ,—жалуется одинъ изъ свидѣтелей (Дѣло идетъ о кустаряхъ, работающихъ на ручныхъ станкахъ). Они привыкли работать по восемнадцати часовъ въ день и могутъ жить при условіяхъ, намъ совершенно непонятныхъ. Уайтчепельская берлоги приводятъ насъ, англичанъ, въ ужасъ, но для еврея-эмигранта, привыкшаго на родинѣ жить въ подвалѣ или на чердакѣ,—онъ кажется чуть ли не дворцами. Эмигрантъ умѣетъ жить однимъ чернымъ хлѣбомъ и жидкимъ чаемъ. Ему ни почемъ чрезмѣрный рабочій день, поэтому, онъ страшно понижаетъ заработную плату" **).

„Заработка плата, которая кажется англичанамъ нищенской, представляеть для голоднаго, загнаннаго населенія восточной Европы такую чарующую прелесть, что, если мы не примемъ предупредительныхъ мѣръ въ видѣ воспрещенія иммиграціи,—намъ придется принять около пяти миллионовъ переселенцевъ... Мы охотно готовы симпатизировать этимъ голоднымъ, трудолюбивымъ людямъ, которыхъ отрѣзали въ родинѣ отъ всякаго заработка, но мы не можемъ пожертвовать для ихъ спасенія нашими работниками" ***). Свидѣтели, высказывающіеся противъ допущенія переселенцевъ, выставляютъ, что количество ихъ страшно быстро растетъ. Если вѣрить этимъ показаніямъ,—официальная статистика не точна. Почти нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько именно переселенцевъ прибыло въ Англію,—говоритъ Фредерикъ Бредшоу. Судя по всеобщимъ переписямъ, въ Великобританіи было иностранцевъ:

*) Ibid., 23041 и дальше.

**) Ibid., 21228 и дальше.

***) ib., 6180.

Годы:

1871	114.000
1881	135.640
1891	219.523
1901	286.925

Населенія въ Соединенномъ Королевствѣ было въ 1881 г.—34.884.848, въ 1891 г.—37.732.922, а въ 1901 г.—41.458.721. Такимъ образомъ, за десять лѣтъ процентное отношеніе иностранцевъ въ Англіи поднялось съ 0,58 до 0,69. Изъ этихъ иностранцевъ 22.627 живутъ въ Шотландіи, а 135.377 въ Лондонѣ. Изъ иностранцевъ, живущихъ въ столицѣ, 95.245—руssкіе или поляки. Сорокъ двѣ тысячи изъ нихъ поселились въ одномъ кварталѣ Степней. За десять лѣтъ населеніе въ этомъ кварталѣ увеличилось на 38 тысячъ. Все это—иностранцы, такъ какъ кореннное населеніе вытесняется чужеземцами. За двадцать лѣтъ не меньше двѣнадцати тысячъ англичанъ вытеснены изъ Степней пріѣзжими. Ростъ иностранного населенія въ этомъ кварталѣ опредѣляется слѣдующими цифрами:

въ 1881 г.	15.99
· 1891	32.284
· 1901	54.310

Такъ же сильно возрасло иностранное населеніе въ съсѣднемъ кварталѣ, въ Уайтчепелѣ. Вотъ некоторые цифры. Въ Уайтчепелѣ иностранцевъ было

въ 1881 г.	9.660
, 1901 ,	29.188

Въ настоящее время иностранцы составляютъ здѣсь 37% всего населенія квартала *). Читатели, конечно, замѣтили, что факты, приводимые свидѣтелемъ, не имѣютъ того грознаго характера, который онъ имѣетъ придаетъ. Выѣсто „наводненія Англіи иностранцами“, о которомъ кричитъ уличная пресса, мы имѣемъ только 0,69%, т. е. раза въ четыре—пять менѣе, чѣмъ во Франціи или въ Германіи. Во всей Великобританіи только 287 тысячъ иностранцевъ всѣхъ национальностей, считая въ томъ числѣ американскихъ миллионеровъ, посланниковъ, консуловъ, представителей торговыхъ фирмъ, инженеровъ, литераторовъ и пр. Громадное большинство этихъ иностранцевъ платить квартирный и подоходный налоги и, конечно, ни въ коемъ случаѣ не является бременемъ для коренного населенія. Такимъ образомъ, цифры, которыми уличная пресса оспариваетъ публику, сводятся къ тому, что въ двухъ лондонскихъ кварталахъ рабочее населеніе изъ иностранцевъ, за послѣднія двадцать лѣтъ, увеличилось, хотя далеко еще не достигло 100 тысячъ. Этими фактами, конечно,

*) Minutes of Evidence, 746.

не преминули воспользоваться тѣ, которые разбили въ парламентѣ сторонниковъ стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ неимущимъ переселенцамъ. Многіе свидѣтели оспариваютъ даже и приведенные цифры: они говорятъ, что иные переселенцы только временно живутъ въ Англіи, такъ какъ мѣсто ихъ назначения Америка или Южная Африка. Защитники стѣснительныхъ мѣръ отвѣчаютъ на это: „Совершенно вѣрно: многіе переселенцы уѣзжаютъ дальше; но намъ отъ этого еще хуже. Уѣзжаютъ наиболѣе состоятельные, предпримчивые, талантливые и молодые. Неимущие, неспособные и калѣки достаются Англіи“ *). „Если у переселенца имѣются деньги, онъ всегда уѣзжаетъ въ Америку и въ Южную Африку. У иностранцевъ, остающихся въ Англіи, среднимъ счетомъ, имѣется только по 23 шиллинга на брата. Если же принять во вниманіе, что у одного оставшагося оказалось 1000 ф., а у другого -- 500 ф., то у остальныхъ еще меньше, чѣмъ по 23 ш.“ **) По мнѣнію свидѣтеля, бѣдняковъ-евреевъ привлекаетъ въ Лондонъ, между прочимъ, размѣръ благотворительности мѣстной еврейской общины, которая расходуетъ въ годъ 116.000 ф. ст. Это утвержденіе, конечно, опровергаетъ основное положеніе защитниковъ стѣснительныхъ мѣръ, что неимущіе иностранцы ложатся бременемъ на британскихъ плательщиковъ налоговъ. Анализъ громадной суммы, расходуемой ежегодно Jewish Board of Guardians (Еврейскимъ благотворительнымъ комитетомъ), показываетъ, что деньги эти идутъ на содержаніе ремесленныхъ школъ, на покупку инструментовъ, швейныхъ машинъ, но отнюдь не на милостыню.

Иностранцы, жалуются сторонники мѣръ противъ иммиграціи, вытѣсняютъ въ двухъ лондонскихъ кварталахъ (Уайтчелль и въ Степней) коренное населеніе изъ квартиръ. „Хорошо известно,— показываетъ одинъ изъ подобныхъ свидѣтелей,— что домовладѣльцы (т. е. англичане) предпочитаютъ имѣть квартирантомъ не англичанина, а переселенца, такъ какъ послѣдній очень смиренъ, не предъявляетъ никакихъ претензій и охотно соглашается платить за свой уголъ, сколько ни набавить хозяину... Квартирная плата въ Уайтчелль и Степней повысилась съ тѣхъ поръ, какъ туда явились неимущіе иностранцы (aliens). Квартиры, которыхъ сдавались въ 1901 г. по 1 ф. 13 ш. въ недѣлю, въ 1902 г. сдавались по 4 ф. 7 ш. Въ остальныхъ мѣстахъ квартирная плата повысилась на 67—94%. Домовладѣльцы (англичане) всюду поднимаютъ квартирную плату, гдѣ только селятся неимущіе иностранцы. Англійские работники не въ состояніи платить такую высокую ренту. И, такимъ образомъ, коренное населеніе въ двухъ кварталахъ вытѣсняется иностранцами“ ***). Почему же

*.) Minutes of Evidence, 1313 и дальше.

**) ib. 864.

***) Ib., 11525.

переселенцы, получающіе ничтожную заработную плату, могутъ давать такую высокую ренту? Потому,—отвѣчаютъ сторонники стѣснительныхъ мѣръ,—что эмигранты могутъ жить цѣлой семьей въ одной комнатѣ и даже въ одномъ углу, тогда какъ британскій работникъ желаетъ имѣть цѣлую квартиру для себя. Предъ нами столкновеніе двухъ культуръ—высокой и крайне низкой. „Непосвященный наблюдатель, заглянувшій въ какой-нибудь домъ пососѣдству съ Mile End Rd. или Commercial Rd. (улицы въ Уайтчепелѣ), будетъ пораженъ,—говорить одинъ изъ свидѣтелей. Въ каждомъ домѣ помѣщается одна, а иногда и двѣ мастерскія. Атмосферу можно себѣ представить. Лѣтомъ вентиляція недостаточна, а зимою всѣ окна для тепла закупорены. Люди работаютъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, где спитъ цѣлая семья. Вотъ одна комната, сдаваемая за 4 ш. 6 п. въ недѣлю семье русскихъ евреевъ, состоящей изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей. Мужъ башмачникъ и прикованъ цѣлый день къ стулу; но получаетъ такъ мало, что жена занимается еще стиркой бѣлля и все въ той же комнатѣ. Другія двѣ комнаты снимаетъ портной; но глаза у него ослабѣли, и онъ можетъ зарабатывать не больше 2 ш. въ день. А такъ какъ хозяинъ (англичанинъ) беретъ за двѣ комнаты 12 ш., то, чтобы свести концы съ концами, портной сдается одну комнату русскому еврѣю-мебельщику, жена которого въ послѣднемъ фазисѣ чахотки“ *). Англійскіе квартиры немыслимы безъ ванны. Домовладѣльцы въ Уайтчепелѣ и Степней сдаются русскимъ еврѣямъ даже ванную комнату, какъ отдельное жилое помѣщеніе. Одинокимъ переселенцамъ сдаются углы на чердакѣ, подъ наклономъ крыши, на лѣстницахъ и даже въ погребѣ, гдѣ держать уги. Прибывающіе переселенцы до такой степени нетребовательны, до такой степени смирыны и до такой степени желаютъ заработать, что довольствуются любымъ угломъ. Они привыкли спать безъ постелей, прямо на полу, безъ простынь, тогда какъ даже въ тюрьмахъ англійскіе каторжники имѣютъ постельное бѣлье. „Я видѣлъ, какъ 27 человѣкъ работали и спали въ двухъ маленькихъ комнатахъ,—показываетъ съ ужасомъ одинъ свидѣтель **).—Всѣ они питались только чернымъ хлѣбомъ и жидкимъ чаемъ. Все это были „гринеры“, грепперс, т. е. только что прибывшіе эмигранты. Мужчины и женщины шили, сидя на полу, а на постеляхъ въ тѣхъ же комнатахъ спали дѣти. Домовладѣльцы получали за двѣ комнаты шестнадцать шиллинговъ въ недѣлю... Эти люди могутъ жить при такихъ условіяхъ, при которыхъ мы англичане, представители высшей культуры, существовать не можемъ. Переселенцы привыкли обходиться безъ всякаго комфорта. Ради куска хлѣба русскіе

*) Minutes of Evidence, 11519—11520.

**) Англійская статистика считаетъ „скученностью“, если на комнату приходится больше, чѣмъ два человѣка.

евреи готовы работать съ ранняго утра до поздней ночи. Они такъ смирины, что терпѣливо переносятъ всякое притѣсненіе**). Голодный, нетребовательный переселенецъ въ Уайтчепелѣ страшно понизилъ заработную плату. Восемь лѣтъ тому назадъ мастеровой, „кончающій“ сапоги, получалъ по 5 ш. 6 п. за шесть паръ, теперь иностранцы охотно берутъ за ту же работу 2 ш.***).

Теперь приведу аргументы, которые, по меньшей мѣрѣ, звучать странно въ устахъ крайнихъ тори и представителей нѣкоторыхъ фабрикъ. Еще больший эффектъ получается тогда, когда эти аргументы сочувственно комментируются *Таймсомъ*, *С. Джемсовой Газетой* или *Глобусомъ*. *Times* цитируетъ показанія свидѣтелей, что переселенецъ не идетъ въ тредъ-юніонъ и тѣмъ сильно понижаетъ заработную плату коренного населенія. Между тѣмъ, именно *Times* въ прошломъ году открылъ походъ противъ рабочихъ союзовъ и доказывалъ, что они погубили британскую промышленность. *С. Джемсова Газета* горой стоитъ за „вольный“ трудъ, но все же приходить въ ужасъ отъ системы „выжиманія пота“. *Глобусъ*, какъ *Таймсъ*, противъ всякаго вмѣшательства государства между предпринимателемъ и работникомъ, но не тогда, когда дѣло касается переселенцевъ...

„Если бы мы только могли остановить притокъ переселенцевъ,—говорить свидѣтель, крупный фабrikантъ,—мы легко бы тогда покончили и „съ системой выжиманія пота“, и съ чрезмѣрно низкой заработной платой (*starvation wages*). Но до тѣхъ поръ, покуда въ Англіи будутъ иностранцы, которые должны работать за ничтожную плату или умереть,—до тѣхъ поръ станетъ держаться „потогонная система“ труда; до той поры также не исчезнетъ *starvation wages* (т. е. чрезмѣрно низкая нищенская плата, едва дающая работнику возможность прокормиться). Теперь, когда люди требуютъ себѣ справедливую плату за восемичасовой или девятичасовой день, являются иностранцы, которые соглашаются работать по шестнадцати часовъ въ день за гроши“. Показаніе это странно не само по себѣ, а въ устахъ тѣхъ, которые даютъ и комментируютъ его. *Starvation wages* и „система выжиманія пота“ въ исторіи английской промышленности, конечно, гораздо древнѣе появленія иностранцевъ. Анализъ положенія труда въ Англіи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.в. внушилъ Марксу знаменитое опредѣленіе: „Капиталъ есть мертвый трудъ, который, подобно вампиру, оживаетъ вслѣдствіе всасыванія въ себя живого труда, и пріобрѣтаетъ при этомъ тѣмъ болѣе жизненной силы, чѣмъ болѣе всосано имъ этого труда“***). Въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка на фабрикахъ въ Йоркширѣ дѣтей буквально замучивали до смерти.

*) Minutes of Evidence, 14956.

**) Ib., 3629.

***) *Капиталъ*, т. I, ст. 178.

„Въ началѣ юня 1836 г., напр., къ судѣ въ Дьюсбери поступили жалобы на нарушеніе фабричнаго акта хозяевами весьма большихъ фабрикъ, находящихся по сосѣдству съ Бетли. Часть фабрикантовъ обвинялась въ томъ, что они принудили пять мальчиковъ отъ 12—15 лѣтъ работать съ 6 часовъ утра пятницы до 4 часовъ пополудни слѣдующей субботы, не давая имъ никакого отдыха, кромѣ времени для ёды и одного часа сна около полуночи. И эти дѣти должны были исполнять свою неустанную тридцатичасовую работу въ *Shoddy-hole*, такъ называется тотъ адъ, въ которомъ раздергиваются шерстяныя лохмотья, и воздухъ котораго, представляющій цѣлое море пыли, отброса и т. п., при нуждается даже взрослыхъ работниковъ заявлять постоянно ротъ носовымъ платкомъ для того, чтобы защитить легкія. Хозяева увѣряли, что они позволили дѣтямъ спать четыре часа, но управляемые мальчики положительно не захотѣли идти въ постель“ **). Англійскій авторъ того времени пишеть: „Алчность владѣльцевъ заводовъ и жестокости, совершаемыя ими ради пріобрѣтенія прибыли, едва ли были превзойдены даже тѣми жестокостями, которыя были совершены испанцами послѣ покоренія Америки, ради пріобрѣтенія золота“. Вотъ еще картина изъ тѣхъ временъ, когда конкуренція горсти переселенцевъ еще не существовало. „На митингѣ въ Нотингемѣ (въ концѣ пятидесятыхъ годовъ) предсѣдатель, судья графства, заявилъ, что въ той части городского населенія, которая занимается выдѣлкою кружевъ, лишенія и страданія доходятъ до такой ужасной степени, какая неизвѣстна остальному цивилизованныму миру. Дѣти 9 и 10-тилѣтнаго возраста стаскиваются съ ихъ грязныхъ постелей въ 2, 3, 4 часа утра и вынуждаются работать, за самыя жалкія средства къ существованію, до 10, 11 и 12 часовъ ночи; въ продолженіе такого труда члены ихъ мало по малу теряютъ свой естественный объемъ, все тѣло какъ будто съеживается, черты лица получаютъ тупое выраженіе, и все ихъ человѣческое существо цѣпенѣтъ и переходить въ такое безжизненное, каменеподобное состояніе, одинъ видъ которого внушаетъ ужасъ... Система, господствующая здѣсь... есть система безграницаго рабства, рабства въ соціальномъ, физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи... Мы декламируемъ противъ виргинскихъ и каролинскихъ плантаторовъ. Однако, невольничій рынокъ, со всѣми ужасами кнута и торговли человѣческимъ тѣломъ, едва ли отвратительнѣе этого медленнаго человѣкоубийства, которое совершается ради изгото-вленія вуалей и воротничковъ“ **). Или вотъ еще картина минувшаго времени ***). „Въ продолженіе трехъ поколѣній англійской

*). Ibid, стр. 187.

**) *Капиталъ*, т. I, стр. 189.

***) Положеніе Ланкашира, описываемое дальше, совершенно отошло въ

расы, хлопчатобумажная промышленность пожрала девять поколений ткачей. Правда, что въ нѣкоторыя отдельные эпохи лихорадочнаго расширения промышленности, рабочій рынокъ представлялъ значительные пробѣлы. Такъ было, напр., въ 1834 г. Но фабриканты немедленно обратились къ комиссіонерамъ, завѣдующимъ попечительствомъ о бѣдныхъ, съ требованіемъ,—переслать на сѣверъ „излишнее населеніе“ земледѣльческихъ округовъ, объяснивъ при этомъ, что фабриканты берутся „поглотить и потребить это излишнее населеніе“... Съ согласія попечителей и бѣдныхъ въ Манчестрѣ были учреждены особые агенты. Были составлены списки земледѣльческихъ работниковъ и списки эти были переданы агентамъ. Затѣмъ фабриканты устремились въ различныя бюро, и послѣ того, какъ они выбрали то, что имъ казалось пригоднымъ, цѣлая масса семействъ были высланы съ юга Англіи на сѣверъ. Эти грузы людей, снабженные этикетами, подобно товарнымъ тюкамъ, были доставляемы на баржахъ и на возахъ. Нѣкоторые же должны были тащиться пѣшкомъ, и многие изъ нихъ, потерянные и полуголодные, плутали взадъ и впередъ по мануфактурнымъ округамъ. Такая доставка работниковъ развилаась въ настоящую отрасль торговли... Эта правильная торговля, это барышничество человѣческой плотью, продолжалось не-прерывно, и эти люди были покупаемы и продаваемы манчестерскими агентами манчестерскимъ фабрикантамъ такъ же правильно, какъ негры покупаются и продаются владѣльцами хлопчатобумажныхъ плантаций въ южныхъ штатахъ.

Теперь внуки этихъ торговцевъ увѣряютъ внуковъ тѣхъ бѣлыхъ негровъ, которыми они когда-то торговали, что никакое улучшеніе положенія работниковъ въ Англіи не возможно, покуда не остановится притокъ переселенцевъ. Перейдемъ теперь специально къ вопросу о системѣ „выжиманія пота“ и къ тому, насколько она находится въ зависимости отъ притока переселенцевъ. Палата лордовъ назначила въ 1890 г. большую комиссию для изслѣдованія „Sweating System“. Добытые результаты составили колоссальный трудъ—„Report and Evidence of the Select Committee of the House of Lords on the Sweating System“. „Существование системы объяснялось въ значительной степени—до тѣхъ поръ, пока комиссія не опубликовала добытые ею материалы, — притокомъ иностранцевъ пролетарievъ, главнымъ образомъ, евреевъ изъ Россіи и польскихъ провинцій,—говорить Сидней Вебъ. Вліяніе этихъ переселенцевъ, какъ оказывается, сильно преувеличено. Съ 1882—1886 г. въ Лондонѣ пріѣхало отъ 20—30 тысячъ русскихъ евреевъ, изъ которыхъ мѣстный еврейскій благотворительный комитетъ (Jewish Board of Guardians) отправилъ

область преданій съ тѣхъ поръ, какъ демократія призвана къ общественной жизни.

далше около 12 тысячъ. Послѣ 1886 г. усиленная эмиграція русскихъ въ Лондонъ прекратилась. Въ 1888—92 г. эмиграція русскихъ евреевъ изъ Лондона превышаетъ иммиграцію. Затѣмъ, когда положеніе евреевъ въ Россіи ухудшилось, переселеніе снова увеличилось. Перепись 1891 г. показала, что во всемъ Лондонѣ русскихъ и поляковъ, съ женами и дѣтьми, только 26.742 чел.; за предѣлами Лондона выходцевъ изъ Россіи или польскихъ провинцій, въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ, можно найти только въ Манчестрѣ и Лидсѣ. А между тѣмъ Sweating System существуетъ въ каждомъ большомъ городѣ. Перепись 1891 г. показываетъ, что въ Англіи и въ Уэльсѣ *всѣхъ* иностранцевъ, счи-тая пролетаріевъ и состоятельныхъ людей, всего лишь 198.113. Другими словами, въ Англіи одинъ иностранецъ приходится на 145 человѣкъ туземнаго населенія. Въ любой странѣ больше англичанъ, чѣмъ всѣхъ иностранцевъ во всей Англіи. Русскіе евреи въ Лондонѣ, Манчестрѣ и Лидсѣ заняты изготавленіемъ платья, башмаковъ и выдѣлкой мѣха; но Sweating System существуетъ въ такихъ отрасляхъ промышленности и въ такихъ городахъ, гдѣ эти переселенцы никогда еще не являлись съ предложениемъ своего дешеваго труда. „Выжимальщики пота“ про-цвѣтаютъ въ Бирмингемѣ, въ Шеффилдѣ, въ Ковентри, гдѣ ино-странцевъ совершенно нѣтъ. Sweating System искони практикуется при изготавленіи ножей, гвоздей, цѣпей. Даже въ портняжномъ дѣлѣ количество пролетаріевъ иностранцевъ, изъ которыхъ „вы-жимаютъ потъ“, ничтожно въ сравненіи съ количествомъ англій-скихъ работниковъ и работницъ. Всѣ факты, добытые до сихъ поръ, решительно опровергаютъ утвержденіе, что Sweating System исчезнетъ, если воспретить неимущимъ иностранцамъ (raiper aliens) пріѣзжать въ Англію“ *).

Цитируемый авторъ доказываетъ, что дѣйствительной причиной существованія системы „выжиманія пота“ является не ино-странецъ, а работа на дому.

„Система эта является симптомомъ существованія въ нашемъ обществѣ фазиса промышленности, который когда-то былъ вполнѣ нормальнымъ, но теперь, при развитіи индустріи, представляеть нѣчто отжившее. Главныя отрасли англійской промышленности прошли иѣсколько фазисовъ, покуда явилась нынѣшняя фабричная система производства. Отжившіе фазисы могутъ быть намѣчены такъ: 1) Ремесленникъ работалъ на дому своими собственными инструментами надъ собственнымъ сырьемъ материаломъ, при чѣмъ самъ продавалъ потребителю свои товары. 2) Ремесленникъ работалъ на дому своими собственными инструмен-тами надъ материаломъ, доставленнымъ капиталистомъ. Послѣдній раздавалъ сырье многимъ мастерамъ и самъ продавалъ готовый

*.) Sweating: its Cause and remedy. „Fabian Tract № 50“, p.p. 4—7.

№ 9. Отдѣлъ II.

фабрикать. Берлога „выжимальщика пота“ является переходной ступенью между мастерской ремесленника и фабрикой. Въ ней скомбинированы всѣ отрицательныя черты мастерской и фабрики при отсутствіи ихъ положительныхъ чертъ... Работа на дому представляетъ дѣйствительную причину системы „выжиманія пота“*)

Возвратимся, однако, къ показаніямъ свидѣтелей, требующихъ рѣшительныхъ мѣръ противъ прѣзыва неимущихъ иностранцевъ. „Они довольствуются самой скромной ёдой“, — жалуется одинъ изъ свидѣтелей. „Неужели мы допустимъ, — говорить консервативный *Глобусъ*, — чтобы раса, довольствующаяся кускомъ чернаго хлѣба и селедкой, вытѣснила нашихъ работниковъ, борющихся за то, чтобы рабочее населеніе питалось бѣлымъ хлѣбомъ и говядиной?“ Восклицаніе это довольно-таки подозрительно, когда раздается со столбцовъ *Globe*. Газета эта существуетъ второй вѣкъ. Когда-то, еще до первого великаго білля о реформахъ, т. е. лѣтъ 75 тому назадъ, газета возмущалась „диими бреднями черни“ о политическихъ правахъ и сытной пищѣ. Въ то время газета съ глубокимъ сочувствіемъ комментировала такія произведения, какъ „Essay on Trade and Commerce“. Авторъ этого труда писалъ: „Наша мануфактурная чернь забрала себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, они имѣютъ природное право на обладаніе особынной привилегіей: быть свободнѣе и независимѣе работниковъ какой бы то ни было другой страны Европы... Можно сказать положительно, что чѣмъ менѣе будетъ такихъ идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ работниковъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства. Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ“.

Авторъ тогда рекомендовалъ даже ту пищу, которая, по его мнѣнію, вполнѣ приличествуетъ бѣднякамъ: похлебку изъ той же селедки. Какъ сильно измѣнилось время! Теперь въ Англіи нѣть консервативной газеты, у которой хватило бы смѣлости сказать: „Работники не должны никогда считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ“.

„Иностранецъ работаетъ слишкомъ много,—продолжаетъ другой свидѣтель, — иногда семь дней въ недѣлю, при чемъ дважды въ недѣлю сутки напролетъ. Часто, заходя въ мастерскую, я находилъ людей, которые заснули отъ полнаго истощенія“ **). Приведу еще одинъ курьезный доводъ и закончу этимъ показаніемъ свидѣтелей противъ переселенцевъ. Одинъ свидѣтель жалуется, что его чувство британца оскорблено, когда онъ въ восточномъ Лондонѣ видѣтъ массу людей, съ которыми нужно объясняться черезъ переводчика. Итакъ, аргументы сторонниковъ ограничительныхъ мѣръ противъ переселенцевъ сводятся къ слѣдующему: иностра-

*) Ib., p. 7.

**) Minutes of Evidence, 11690.

ицъ-пролетарій является опаснымъ конкурентомъ британского работника, такъ какъ много работает, мало получаетъ, мало есть и живеть при невозможныхъ для культурного человѣка условіяхъ. Съ другой стороны, мы видѣли, что притокъ иностранцевъ, въ сущности, ничтоженъ. По словамъ Вебба и др. *Settling System* существовала до появленія иностранцевъ-пролетаріевъ и держится въ такихъ отрасляхъ промышленности, где пріѣзжие совершенно не конкурируютъ съ туземными работниками. Вопросъ о соперничествѣ переселенцевъ возникаетъ только въ двухъ кварталахъ Лондона, въ Манчестрѣ, Лидсѣ, да еще въ двухъ горныхъ округахъ. Переселенцы пролетаріи отчаянно сбиваются цѣны только въ первые мѣсяцы своего пріѣзда, пока они еще не понимаютъ языка и не могутъ столковаться съ английскими товарищами. Затѣмъ они записываются въ рабочіе союзы, и тогда судьба переселенцевъ такая же, какъ и туземныхъ работниковъ. Вотъ что далъ намъ анализъ показаній свидѣтелей, требующихъ ограничительныхъ мѣръ. Никто изъ этихъ свидѣтелей не затрагиваетъ совершенно расовый или религиозный вопросы.

Обратимся теперь къ показаніямъ свидѣтелей, рѣзко высказывающихся противъ какихъ бы ни было ограничений иммиграціи въ Англіи.

IV.

Прежде всего они отрицаютъ фактъ „переполненія“ Лондона иностранцами, что, впрочемъ, врядъ ли нужно было доказывать. Лондонъ—федеративный, муниципальный союзъ двадцати девяти городовъ, слившіхся вмѣстѣ. Въ некоторыхъ изъ этихъ округовъ, какъ, напр., въ Вуличѣ, Батерси, Гриничѣ, Дентфордѣ, Луишэмѣ и пр., иностранцевъ не больше 0,82%. Въ пятнадцати округахъ отъ 1—3,5%, въ двухъ—4,5%, въ одномъ—6,46%. И только въ Степней (восточный Лондонъ) иностранцы составляютъ 18,18% коренного населения. Въ общемъ, въ Лондонѣ, на 4.536.540 жителей иностранцевъ—135.377, т. е. 2,98%. Сюда входятъ представители всѣхъ націй, посланники и нищіе. Въ любой столицѣ континента иностранцевъ вдвое больше*). Слѣдующая таблица показываетъ приростъ иностранцевъ въ Лондонѣ, обнаруженный двумя народными переписями.

	1891 г.	1901 г.	Приростъ.
Русскихъ	12.034	38.117	26.083
Поляковъ	14.708	15.420	712
Нѣмцевъ	26.920	27.427	507
Французовъ	10.366	11.264	898
Итальянцевъ	5.138	10.889	5.751
Американцевъ (изъ Соед. Шт.) . . .	4.905	5.561	656
Австрійцевъ	3.041	6.189	3.148
Другихъ национальностей	17.941	20.510	2.569
	95.053	135.377	40.324

* Показанія, сдѣланныя Чарльсомъ Имэнюэлемъ.

Въ статистическихъ таблицахъ при всеобщихъ переписяхъ вѣроисповѣданіе не обозначается, а только національность, соотвѣтственно странѣ. Вотъ почему приведенные цифры обозначаются не только русскихъ и поляковъ, но, и евреевъ изъ южныхъ и польскихъ губерній. Въ общемъ, поляковъ-католиковъ въ Лондонѣ около 10 тысячъ человѣкъ, а русскихъ приблизительно столько же.

Одинъ изъ свидѣтелей объясняетъ, почему неимущіе иностранцы тѣснятся въ двухъ кварталахъ, въ извѣстныхъ улицахъ, а туземное населеніе отодвигается дальше. „Восточный Лондонъ представляеть очень мало привлекательного для англичанъ,—говорить свидѣтель.—Онъ переполненъ и нездоровъ. Дома и комнаты тутъ тѣсны, стары, крайне запущены, а домовладѣльцы не расположены дѣлать поправки. Рента быстро растетъ, хозяева не желаютъ, поэтому, сдавать квартиры на долгій срокъ. Такимъ образомъ, у квартиронтовъ является крайняя неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Англійскіе работники, сколько-нибудь правильно зарабатывающіе, двинулись къ окраинамъ, гдѣ муниципалитеты выстроили теперь цѣлые улицы новыхъ, здоровыхъ, удобныхъ и комфортабельныхъ котеджей. Иностранный пролетаріатъ, не знающій языка, не увѣренный въ завтрашнемъ днѣ, вынужденъ тѣсниться въ нездоровыхъ кварталахъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь помѣщаются также и мастерскія. Какъ только переселенецъ осваивается съ условіями и обеспечиваетъ себѣ работу, онъ тоже передвигается къ окраинамъ, и, такимъ образомъ, вопросъ о скученности (overcrowding) переселенцевъ перестаетъ существовать“. Эмигранты имѣли громадное выгодное моральное влияніе на восточный Лондонъ,—говорить другой свидѣтель. „Чтобы оцѣнить значеніе этого влиянія,—продолжаетъ онъ,—нужно знать характеръ Истъ-Энда до тѣхъ поръ, пока тамъ появились иностранцы. Населеніе его тогда состояло изъ трехъ классовъ: 1) мастеровыхъ и мелочныхъ лавочниковъ, жившихъ домами; 2) многочисленнаго преступнаго класса, заселявшаго цѣлые улицы, какъ, напр., Флоуэстритъ, Дин-стритъ, Литлъ-Перлстритъ и пр., и 3) чернорабочихъ, перебивавшихся вироголодъ *). Лѣтомъ послѣдніе еще кое-какъ существовали, зимой же—хронически голодали. Когда муниципалитетъ выстроилъ дешевые котеджи, первый классъ оставилъ Истъ-Эндъ, который превратился въ море отчаянной нищеты и преступленій. Здѣсь ютились преступники всего Лондона. Отсюда они направлялись на ночные работы. Въ то время по нѣкоторымъ улицамъ Истъ-Энда опасно было ходить даже днемъ. Полисмены рѣшились проникать въ глухіе переулки только вѣйтъ. Истъ-Эндъ, прилегающій къ докамъ, былъ тогда также очагомъ порока

*) Характерное англійское выраженіе говоритъ, что этотъ классъ то на минуту выпльвалъ, то тонулъ, at times with their heads above water, at other times just submerged.

Цѣлые улицы были заселены проститутками. Сюда матросы съ кораблей и богатые люди изъ Вэстъ-Энда отправлялись искать дома, въ которыхъ промышляли бестіальными пороками, вывезенными съ востока. Притокъ мирныхъ, трудолюбивыхъ, воздержныхъ и трезвыхъ эмигрантовъ въ двадцать лѣтъ совершило преобразилъ дикій, преступный и бестіальный кварталъ. Непотребные дома, притоны, гдѣ блазированные богачи могли удовлетворять свои патологические пороки, берлоги, гдѣ курили гашишъ и опіумъ,—все это исчезло; преступное, порочное и патологическое населеніе расползлось по богатымъ кварталамъ. Истъ-Эндъ теперь одинъ изъ самыхъ спокойныхъ, трезвыхъ и безопасныхъ кварталовъ Лондона. Въ домахъ, гдѣ когда-то творились несказуемыя дѣла, которая даже Крафтъ Эбингъ излагаетъ въ своемъ курсѣ не иначе, какъ по латыни; въ помѣщеніяхъ, гдѣ Джэксъ-Потрошитель уродовалъ свои жертвы,—теперь всюду работаютъ скромные и трезвые переселенцы изъ Россіи и польскихъ провинцій^{*)}. Показанія генераль-инспектора (њчто въ родѣ начальника департамента полиції) относительно преступности иностранцевъ очень любопытны. Преступниками являются не скромные, трудолюбивые пролетаріи, прибывающіе на эмигрантскихъ корабляхъ изъ Либавы и Гамбурга, а, главнымъ образомъ, американские мошенники высшаго полета, пріѣзжающіе въ Англію въ лучшихъ каютахъ первого класса. Въ общей суммѣ иностранцевъ въ Англіи американцы (изъ Соединенныхъ Штатовъ) составляютъ только 10%, между тѣмъ они даютъ 23^{1/2}% преступниковъ. Русскіе и поляки составляютъ 33% всѣхъ переселенцевъ, между тѣмъ на нихъ падаетъ только 17% преступлений, совершенныхъ всѣми иностранцами. Если бы русскіе и поляки были такъ преступны, какъ пріѣзжіе американцы, на ихъ долю должно было бы пачь не 17, а 76% преступлений.

Переселенцы-работники понижаютъ цѣны только въ первое время, покуда не освоятся. Этотъ періодъ, по показаніямъ свидѣтелей, продолжается отъ трехъ до девяти мѣсяцевъ. Иностранцы привезли съ собою цѣлый рядъ новыхъ производствъ. Свидѣтель Чарльзъ Бэккеръ, владѣлецъ громадныхъ магазиновъ въ Лондонѣ и въ провинціи, показалъ, что теперь Англія отправляетъ въ колоніи и на нейтральные рынки громадные транспорты готоваго платья, обуви, непромокаемыхъ плащей, гнутой мебели, мѣховыхъ вещей и пр. Все это—производства, введенныя иностранцами. У Бэккера на фабрикахъ работаютъ тысячи англичанъ и иностранцевъ, главнымъ образомъ, русскихъ евреевъ. Отношенія между работниками отличныя. Заработка плата никогда не падаетъ ниже 30 ш. въ недѣлю.

Цѣлый рядъ свидѣтелей англичанъ опровергаетъ положеніе,

^{*)} *Alien Immigration*, London. 1904, p.p. 160—163.

что, даже въ первое время послѣ прибытія въ Англію, пролетаріи-иностранцы ложатся когда-нибудь бременемъ на плательщиковъ налоговъ. „Безпомощный пауперъ, въ сущности, не существуетъ въ восточномъ Лондонѣ,—говоритъ фабричный инспекторъ Джемсъ Браунъ. Переселенцы такъ трудолюбивы, что быстро изучаютъ новое ремесло, приспособляются къ новымъ условіямъ и выбираются собственными силами изъ трясины нищеты“. „Работники евреи получаютъ до 25 — 40 ш. въ недѣлю, какъ и англичане. Не трудно встрѣтить работниковъ-переселенцевъ, получающихъ черезъ годъ послѣ пріѣзда 3 фунта въ недѣлю“. „Переселенцы изъ Россіи, — показываетъ директоръ Тойнби-Холла (народного университета и университетского поселенія въ Уайтчепелѣ),— выбиваются изъ послѣднихъ силъ, чтобы дать дѣтямъ техническое образованіе и сдѣлать изъ нихъ хорошо обученныхъ мастеровыхъ. Въ этомъ отношеніи переселенцы выгодно отличаются отъ коренного населения. Jewish Board of Guardians, въ этомъ отношеніи, усиленно помогаетъ родителямъ. Въ прошломъ году комитетъ платилъ за 600 мальчиковъ-евреевъ, обучавшихся ремеслу... Въ школахъ дѣти русскихъ переселенцевъ быстро обгоняютъ туземцевъ. Второе поколѣніе совершенно не похоже на заморышей отцовъ. Оно быстро сливается съ кореннымъ населеніемъ и также, какъ англичане, высоко цѣнитъ физическое развитіе... Въ „Working boys clul“ (клубъ мальчиковъ-работниковъ) въ Истъ-Эндѣ 90%—дѣти переселенцевъ“.

Статистика показываетъ, что въ восточномъ Лондонѣ количество лицъ, получающихъ общественную помощь, не только не увеличивается, но даже уменьшается въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, перепись показала, что за десять лѣтъ количество лицъ, получившихъ общественную помощь, уменьшилось:

въ Англіи и Уэльсѣ	на 23%
Лондонѣ вообще	на 19,8%
Уайтчепелѣ	на 60,8%.

V.

Билль противъ безпрепятственного пріѣзда въ Англію „неимущихъ, преступниковъ и вообще предосудительныхъ личностей“ былъ обѣщанъ въ февралѣ въ тронной рѣчи, а затѣмъ внесенъ въ парламентъ. До этого печать указывала, что „вопросъ объ иностранцахъ“ созданъ совершенно искусственно, для „отвода глазъ“. Печать доказывала, что вся страна, кромѣ двухъ - трехъ округовъ, совершенно не подозрѣваетъ даже о существованіи такого зла. Выяснялось, что стѣсненіе пріѣзда, не принося практическихъ результатовъ, можетъ повести къ совершенно нежелательному увеличенію значенія полиціи. Но главный бой про-

изошелъ въ палатѣ общинъ. Здѣсь противъ билля выступили коммюнеры всѣхъ партій. И, послѣ сравнительно слабаго сопротивленія, сторонники билля уступили.

„Министерство имѣло уже время убѣдиться,—сказалъ одинъ коммюнеръ,—что билль не встрѣтилъ никакого сочувствія въ странѣ. По личному опыту я знаю, что избиратели разражаются хохотомъ при каждомъ упоминаніи о проектѣ. Предполагается, что иностранцы выдѣляютъ больший процентъ преступниковъ, чѣмъ коренное населеніе. Въ этомъ предположеніи есть иѣкоторая доля истины, хотя, въ сущности, все это—блестящіе, свѣтскіе мошенники и шуллера изъ Америки, противъ которыхъ билль не направленъ. Американцы въ Англіи составляютъ 10% иностранного населенія, но выдѣляютъ 25% преступниковъ. Большая часть ихъ пріѣзжаетъ въ Англію въ первомъ классѣ, такимъ образомъ, билль, если онъ станетъ закономъ, не избавитъ ее отъ этихъ свѣтскихъ преступниковъ“. Ораторъ предлагалъ министерству ограничиться биллемъ, который воспрещалъ бы селиться въ Англіи переселенцамъ, страдающимъ заразительными болѣзнями, и уполномочивалъ бы судъ изгонять изъ Англіи иностранцевъ, осужденныхъ здѣсь за уголовныя преступленія.

Противъ билля выступилъ также молодой коммюнеръ-тори Черчель. Онъ задалъ вопросъ, какимъ образомъ полицейскій инспекторъ будетъ знать, что пріѣзжий—преступникъ? Правительство должно знать, что преступникъ не пріѣдетъ съ привѣщенной табличкой, на которой будетъ значиться: „Я только что отбылъ семь лѣтъ каторжныхъ работъ во Франціи“, или: „я ѳду изъ холодной страны, где пробылъ двадцать лѣтъ за преступление, предусмотрѣнное договорами 1870 и 1895 гг. о выдачѣ преступниковъ“. Наиболѣе серьезные доводы противъ билля выставилъ сэръ Чарльзъ Дилкъ, одинъ изъ величайшихъ авторитетовъ въ парламентѣ. Сэръ Чарльзъ указалъ, что рядъ крайне свѣдущихъ людей, какъ бывшій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Кенельмъ Догби, какъ бывшій начальникъ лондонской полиціи Бредфордъ, какъ нынѣшній начальникъ, затѣмъ рядъ судей и магистратовъ—согласно показали, что нѣть возможности поимѣвать преступникамъ пріѣзжать въ Англію. Нужно было бы для этого требовать паспорта у всѣхъ пріѣзжихъ, во всѣхъ англійскихъ портовыхъ городахъ. Это повело бы за собою такія стѣсненія и такую ломку всего англійскаго строя, что вызвало бы всеобщее негодованіе. Кроме того, возвращеніе къ паспортной системѣ повело бы къ чрезвычайному усиленію власти полиції, что меныше всего желательно англичанамъ. Полиція является лояльной обществу до тѣхъ поръ, пока она всецѣло находится подъ общественнымъ контролемъ, и покуда функции ея точно опредѣлены. Если билль пройдетъ, администрація получить слишкомъ растяжимыя полномочія опрашивать пріѣзжающихъ и слѣдить

за ними. Полиція выйде изъ подъ непосредственнаго контроля и, мало по малу, превратится въ такую же грозную для общества гидру, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на континентѣ. По мнѣнію Дилка, билль нужно свести къ тому, что частью наказанія для преступниковъ-иностранцевъ должно явиться изгнаніе изъ Англіи.

Старый коммонаръ-тори задалъ вопросъ, какъ будетъ поступать правительство съ иностранцемъ, осужденнымъ у себя на родинѣ за преступленіе, которое не подходитъ подъ договоръ о выдачѣ, напр., за лѣзъ шаестѣ въ Германіи? „Если англійская полиція обратится за справками къ германской,—продолжаетъ коммонаръ,—то отвѣтъ въ такомъ случаѣ получится неблагопріятный для переселенца; германская полиція дастъ ему невыгодную аттестацію. У меня, старика, кровь кипитъ отъ негодованія, когда я подумаю, что британское министерство желаетъ насадить у насъ полицейскій произволъ. Если билль пройдетъ, то репутація Англіи, какъ убѣжища для всѣхъ иесправедливо гонимыхъ и преслѣдуемыхъ, сильно пострадаетъ“.

Коммонаръ Тревеліянъ сказалъ, что никто ничего не имѣть противъ изгнанія преступниковъ изъ Англіи; но нужно предварительно точно установить, дѣйствительно ли изгоняемый преступникъ. Въ данномъ случаѣ Англія не можетъ положиться на аттестацію полиціи той страны, изъ которой прибываетъ переселенецъ. Если бы въ сороковыхъ годахъ англійское правительство обратилось за справками къ австрійской или неаполитанской полиціи относительно венгерскихъ или итальянскихъ эмигрантовъ, то, безъ сомнѣнія, получило бы справки, что и Кошутъ, и Маццини, и Гарібальди—преступники, которыхъ ждётъ висѣлица или каторжная тюрьма. Могло ли британское правительство принять такую характеристику и выслать изгнанниковъ, которыхъ народъ встрѣчалъ такъ восторженно?

Коммонаръ майоръ Сили (консерваторъ) категорически заявилъ, что Англія не можетъ отказать иностранцу въ гостеприимствѣ на основаніи аттестаціи континентальной полиціи. Духъ англійского закона требуетъ, чтобы лучше двадцать преступниковъ ускользнули отъ наказанія, чѣмъ хотя бы одному невинно преслѣдуемому было отказано въ убѣжищѣ. Въ палатѣ слова майора были покрыты громкими аплодисментами. Генералъ-атторней, защищая билль, сказалъ, что въ Англіи существуютъ договоры о выдачѣ преступниковъ. Въ этихъ договорахъ точно указаны дѣянія, признаваемыя и Англіей преступленіями. Если полицейскій инспекторъ получить свѣдѣнія, что иностранецъ, желающій высадиться въ Англіи, осужденъ у себя на родинѣ за одно изъ этихъ преступлений, то почему же полиція не можетъ помѣшать эмигранту сойти съ корабля? Во избѣженіе злоупотреблений со стороны полиціи, министерство готово принять по-

правку, въ силу которой иностранецъ можетъ обжаловать рѣшеніе инспектора—магистрата. Магистратъ постарается тогда получить кошю съ приговора суда надъ переселенцемъ.

Дилкъ, возражая генералъ-атторнею, указалъ, что тотъ тщательно обошелъ основное затрудненіе. Какъ правительство думаетъ примѣнить билль? значить ли это, что полиція будетъ опрашивать только эмигрантовъ, прибывающихъ на переселенческихъ корабляхъ изъ Гамбурга и Либавы, или же всѣхъ пассажировъ, прѣѣзжающихъ на пакетботахъ изъ Голландіи, Франціи и Америки? Генералъ-атторней согласится, что допрашивать такихъ пассажировъ нельзя. А если такъ, то къ чому же сведется дѣятельность билля?

Особенно тщательно разработанъ былъ вопросъ, намѣченный Чарльзомъ-Дилкомъ—сэромъ Кенельмомъ Дигби. Онъ далъ анализъ первого пункта билля, въ силу которого нежелательнымъ переселенцамъ предполагается отказать въ правѣ высадиться въ Англіи. Анализъ этотъ былъ до такой степени тщательенъ, что убѣдилъ очень многихъ. „Нежелательные эмигранты,— говорить сэръ Кенельмъ Дигби,— раздѣляются биллемъ на двѣ группы. Къ первой относятся лица, осужденныя у себя на родинѣ за преступленія, за которыхъ они подлежали бы выдачѣ изъ Англіи, затѣмъ проститутки, сутенеры и личности, по терминологіи билля, отмѣнно предосудительныя. Ко второй группѣ относятся неимущіе и лица, которымъ могутъ стать бременемъ для плательщиковъ налоговъ. Комиссія, собиравшая матеріалъ объ эмигрантахъ, пришла къ заключенію, что запретить иностранцу высадиться можетъ только магистратъ послѣ гласнаго производства. Билль предоставляетъ это право полицейскому инспектору“. Такимъ образомъ, по словамъ Дигби, полиція получаетъ „совершенно нежелательная полномочія“, которая, къ тому же, она не можетъ выполнить. „Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ полицейский инспекторъ удостовѣрится, что прѣѣзжий былъ осужденъ, или что онъ отмѣнно предосудительная личность? Какимъ образомъ инспекторъ узнаеть, что высаживающаяся съ корабля женщина—проститутка, а ступающій на берегъ мужчина—сутенеръ? Билль, если онъ станетъ закономъ, можетъ создать рядъ крайне прискорбныхъ и не поправимыхъ ошибокъ. Возьмемъ, напримѣръ, законъ о проституткахъ. Чтобы новая мѣра дала какиенибудь практическіе результаты, ее необходимо примѣнить во всѣхъ портахъ, въ томъ числѣ въ Ньюхевенѣ, Фолькстонѣ и Дуврѣ *). Необходимо дать полиціи право допрашивать всѣхъ пассажирокъ, въ какомъ бы классѣ онѣ ни прибыли, не занимаются ли онѣ проституціей? Мало того, инспекторъ дол-

*) Города, гдѣ главнымъ образомъ высаживаются пассажиры, прибывающіе съ континента.

женъ требовать отъ каждой пассажирки доказательства, что она не проститутка. Конечно, парламентъ никогда не дастъ полиції такихъ полномочій. А въ такомъ случаѣ къ чему же сведется билль? Внѣ сомнѣнія, что и проститутки, и профессіональные преступники всегда найдутъ способъ обойти полицію и представить ей самыя лучшія удостовѣренія. Ошибки, которыя неминуемо сдѣлаетъ полиція, падутъ на голову министерства внутреннихъ дѣлъ." Сэръ Кенельмъ Дигби ссылается на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ для доказательства, что билль противъ иностранцевъ не дастъ никакихъ практическихъ результатовъ. Преступники, профессіональные мошенники, проститутки и ихъ сутенеры совершенно свободно попадаютъ въ Америку, такъ какъ прѣѣжаютъ въ каютахъ первого класса. Отчетъ американского генерального инспектора по переселенческимъ дѣламъ показываетъ, что въ 1900 г. въ доступѣ въ Соединенные Штаты получили отказъ только четыре бывшихъ каторжника и семь проститутокъ (три кубанки, три японки и одна испанка); въ 1901 г.—семь каторжниковъ и три проститутки-китаянки, въ 1902 г.—девять каторжниковъ и три проститутки-японки. Можетъ ли,—спрашиваетъ Дигби,—министерство внутреннихъ дѣлъ рисковать своею репутацией ради достижени¤ подобныхъ ничтожныхъ результатовъ? Американское законодательство, кроме того, не имѣетъ „такой опасной своею растяжимостью и неопределеннostью категоріи, какъ личности отмѣнно предосудительныя.“ Законодательство это ясно, точно, и, тѣмъ не менѣе, практическіе результаты его почти сводятся къ нулю.

Что же касается пункта, въ силу котораго полиція предоставляетъ право останавливать неимущихъ эмигрантовъ, которые, вѣроятно, станутъ бременемъ для плательщиковъ налоговъ,—то онъ тоже чреватъ страшными опасностями. Итальянскіе, венгерскіе и другіе политическіе эмигранты часто прѣѣзжали въ Англію безъ всякихъ средствъ, такъ какъ ихъ имущество бывало конфисковано. Англія гордится,—говорить Дигби,—тѣмъ, что дала убѣжище Ледрю-Роллену, Кошуту, Гарибалди, Мацини, Ворцелю, Луи Блану и многимъ другимъ, которыхъ теперь, если билль пройдетъ, полиція можетъ не впустить, какъ „пауперовъ, не имѣющихъ средствъ къ существованію.“ Гугеноты, бѣжавшіе въ Англію послѣ отмѣны вантскаго эдикта, фламандцы, укрывшіеся здѣсь отъ герцога Алѣбы—всѣ явились безъ средствъ; но они привезли знанія и новыя производства, обогатившія страну. Англія съ лихвою вознаграждена за то, что въ XVI и XVII вв. еще не дѣйствовалъ законъ, воспрещающій „пауперамъ“ доступъ.

Сэръ Кенельмъ Дигби дальше приводитъ гипотетический конкретный примѣръ для доказательства, что и существующіе трактаты о выдачѣ преступниковъ не могутъ служить руководствомъ, когда билль пройдетъ.

„Предположимъ,—говоритъ Дигби,—турецкое или китайское правительства желаютъ заполучить эмигранта, ищущаго убѣжища въ Англіи. Съ этой цѣлью они или представляютъ английскій полиції доказательства, что эмигрантъ былъ осужденъ въ Турціи или въ Китаѣ за преступленіе, предусмотрѣнное въ трактатѣ о выдачѣ, или увѣряютъ нашу администрацію, что эмигрантъ—*отмѣнно предосудительная личность*, съ китайской или турецкой точки зрѣнія, конечно. Если англійской полиції приметъ доказательства и откажеть эмигранту высадиться, то это будетъ равнозначительно выдачѣ его Китаю или Турціи“.

Въ парламентѣ аргументація Дигби нашла многихъ сторонниковъ на всѣхъ скамьяхъ. Противъ билля выступили одинаково рѣзко, какъ радикалы, такъ и консерваторы. Теоретическія возраженія приведены уже мною. Коммонеры выставили рядъ по-правокъ не только къ каждому *пункту*, но и къ каждому *слову* билля. Чтобы принять союзъ и въ первой строчкѣ билля понадобилось, напр., семь дней. Министерство уѣдѣдилось, что, при всемъ усердіи въ прибѣганіи къ „гильотинѣ“, если обсужденіе будетъ продолжаться съ такой медленностью, — на разсмотрѣніе билля понадобится нѣсколько лѣтъ. А такъ какъ билль явился только результатомъ желанія угодить двумъ избирательнымъ округамъ да предлогомъ, чтобы оправдать неисполненіе своего обѣщанія въ вопросѣ относительно пенсіона для престарѣлыхъ,—то министерство сняло съ очереди Aliens Bill. Такимъ образомъ, двухгодичная кампанія уличной прессы кончилась полнымъ пораженіемъ.

Діонео.

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ ШКОЛЬНАГО УЧИТЕЛЯ.

Печать и школа.

I.

Въ 1893 г. въ К—скомъ уѣздномъ училищѣ, куда я только что былъ назначенъ учителемъ, происходилъ школьный праздникъ. Мои сослуживцы рѣшили послѣ обычнаго молебствія устроить „литературное утро“. Предложили и мнѣ „что-нибудь прочесть“. Я охотно согласился и выбралъ общеизвѣстный рассказъ—„Пѣвцы“ (утро было 28 октября, т. е. въ годовщину рождения Тургенева).

Какъ водится, на праздникъ пригласили разныхъ „почетныхъ лицъ“. Пріѣхалъ, между прочимъ, и инспекторъ народныхъ училищъ. По установленному порядку, „утро“ закончилось рѣчами,

раздачей конфетъ. Затѣмъ дѣтей отпустили по домамъ, а взрослыхъ штатный смотритель „попросилъ откусить хлѣба-соли“. Только что мы—гости, учителя, мужчины и дамы—размѣстились вокругъ большого стола съ закусками, сѣвшій насупротивъ меня инспекторъ неожиданно обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Позвольте вамъ замѣтить, что я крайне удивленъ вашимъ выборомъ. И не одобряю его... Да, и не одобряю...

— Это вы на счетъ чего?—удивился я строгости тона. А тонъ былъ таковъ, что завязавшій было общий разговоръ сразу прекратился.

— Я о вашихъ „Пѣвцахъ“,—еще громче отвѣтилъ инспекторъ.—Я крайне пораженъ, какъ вы могли остановиться на Тургеневѣ. Вы должны знать, что этотъ писатель извѣстенъ своими либеральными выходками и явно антиправительственнымъ образомъ мыслей... Со стороны учителя это непозволительный выборъ. Это... это... вовсе не рекомендуется ни вашего вкуса, ни образа мыслей...

Между прочимъ, тутъ же, за столомъ, присутствовалъ „генераль отъ министерства внутреннихъ дѣлъ“. Не берусь судить—возмутило ли его инспекторское замѣчаніе (пожалуй, для „праздника“, дѣйствительно, не умѣстное), или заговорило въ немъ самолюбіе, только онъ счелъ нужнымъ тоже возвысить голосъ и обратиться къ инспектору:

— Позвольте вамъ замѣтить,—проговорилъ генераль,—что вы вмѣшиваетесь въ неподлежащую сферу. Чтеніе было публичное. На немъ присутствовалъ я—представитель полиції, я, по закону, и отвѣтственъ. Извините-съ, ничего либерального и антиправительственного я не видѣлъ и не допустилъ бы. Сочиненія Тургенева цензурой разрѣшены... кромѣ, впрочемъ, „Дыма“,—примирительно закончилъ генераль.—„Дымъ“, дѣйствительно, въ одномъ изданіи по спискамъ числится...

Замѣтивъ, что я поднимаюсь и ухожу, генераль демонстративно взялъ меня за руку и спросилъ:

— Это вы тамъ старались ребятишекъ муштровать? а?

— Да, и я старался.

— Благодарю васъ за доставленное удовольствіе. Всё было очень прекрасно...

Какое изъ двухъ „начальствъ“ оцѣнивало Тургенева правильно, т. е. „антиправительственные“ ли взгляды у „этого писателя“, или не „антиправительственные“—рѣшать не буду. Не стану и спорить, что выговоръ при данной обстановкѣ былъ не совсѣмъ тактиченъ. Однако, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ въ защиту инспектора. Отнюдь не слѣдуетъ думать, будто онъ ненавистникъ, Menschenfresser, иракобѣсь и т. д. Это былъ самый обыкновенный человѣкъ, и мнѣніе, высказанное имъ, тоже довольно обыкновенное, или, по крайней мѣрѣ, довольно распро-

страненное. Даже о министрѣ гр. Д. А. Толстомъ покойный педагогъ С. А. Бобровскій въ „Русской Школѣ“ рассказывалъ:

„Посѣтивъ всѣ классы (таганрогской гимназіи), Толстой зашелъ въ учительскую комнату, на одной изъ стѣнъ которой висѣлъ портретъ Бѣлинскаго. Увидя его, онъ спросилъ меня, (инспектора гимназіи), чей это портретъ? Когда я сказалъ, что это портретъ Бѣлинскаго, министръ былъ, повидимому, какъ бы удивленъ и, раздражительно обращаясь къ директору, сказалъ, что онъ и представить себѣ не могъ, чтобы въ комнатѣ, гдѣ собираются учителя, люди прошибѣщіе, вывѣшивался на почетномъ мѣстѣ портретъ „Бѣлинскаго“, этого „шелопая, прохвоста, выгнанного изъ университета“ (Кавычки и курсивъ г. Бобровскаго). Директоръ былъ весьма озадаченъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я снялъ портретъ, въ такой степени непріятный для высокаго посѣтителя. Я снялъ его со стѣны и поставилъ за книжный шкафъ, въ которомъ, на нашу бѣду, стояли на переднемъ планѣ сочиненія этого незабвеннаго писателя. Это еще болѣе раздражило ministra, который сдѣлалъ директору еще непріятное замѣченіе и приказалъ исключить ихъ изъ библіотечнаго шкафа и выбросить въ сарай, къ вещамъ, негоднымъ къ употребленію“. *)

Другой педагогъ—гораздо болѣе известный—Ѳ. И. Буслаевъ, подвергся крупной непріятности за то, что далъ ученицамъ читать „Айвенго“ Вальтеръ-Скотта и „Базаръ житейской суеты“ Теккерея. **)

Третій педагогъ—Вик. Острогорскій—о семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XIX в. говоритъ:

„Даже упоминаніе имени Бѣлинскаго въ классѣ и классное чтеніе самимъ преподавателемъ отрывковъ навлекало на преподавателя подозрѣніе въ неблагонадежности“.

А вотъ факты ближайшихъ къ намъ дней:

21 декабря 1895 г. въ г. Астрахани мѣстные учителя хотѣли почтить память К. Д. Ушинскаго (25-лѣтие со дня смерти), хотя бы панихиido. Но инспекторъ народныхъ училищъ нашелъ это желаніе неодобрительнымъ и своимъ подчиненнымъ отслужить панихииду не разрѣшилъ. Въ томъ же 1895 г., по словамъ „Тамб. Губ. Вѣд.“, въ Тамбовѣ „на сценѣ былъ поставленъ „Ревизоръ“, но начальство губернской гимназіи запретило воспитанникамъ быть въ этотъ день въ театрѣ, находя эту комедію вредной въ воспитательномъ отношеніи.—Запрещено было юношамъ смотрѣть и „Власть тьмы“.

Въ 1902 г. (къ 25-лѣтию со дня смерти Некрасова) томское

*) „Русск. Шк.“, 1901 г., кн. XII, ст. 28.

**) См. „Воспоминанія о женскомъ Ермоловскомъ училищѣ въ Москвѣ.—Рус. Шк.“, 1893 г.

общество попеченія о народномъ образованіи предполагало устроить „Некрасовское утро“. Программа была представлена попечителю западно-сибирскаго учебнаго округа на утвержденіе; но попечитель не утвердилъ ея. Канцелярія округа нашла биографическій очеркъ „рѣзкимъ“ и „мало пригоднымъ“. По ея мнѣнію, разсказать, какъ Некрасовъ голодалъ и почеваль съ нищими, „представляется чрезвычайно мрачнымъ и рѣзкимъ“. „Чтение стихотворенія „Осторожность“ можетъ повести за собою недовольство со стороны мѣстнаго духовенства“ *); что касается „Размышленія у параднаго подъѣзда“, то „очевидная тенденціозность этого стихотворенія исключаетъ всякую возможность его прочтенія“. Въ заключеніе канцелярія округа „предложила“ томскому обществу на будущее время, „во избѣженіе напрасной траты времени въ управлениі округа на просмотръ подобныхъ статей и произведеній, составленіе программъ поручать лицамъ, литературно-образованнымъ“.

Эти, какъ видно, весьма распространенные взгляды на Тургенева, Бѣлинскаго, Некрасова и др.—проникая въ деревенскую глушь, отливаются въ еще болѣе уродливую форму. Такъ, въ Сибирской губ. учебное начальство нашло „антиправительственнымъ“ либретто оперы: „Жизнь за Царя“. И на этомъ основаніи г-жѣ Сѣровой, любительницѣ „пересаживать ученную музыку въ народъ“, предложено было пѣть на мотивы „Жизни за царя“ учебную книжку Баранова: „Наше родное“. Объ этомъ во всякомъ случаѣ трудно исполнимомъ требованіи разсказывается сама г-жа Сѣрова въ „Вѣстникѣ Воспитанія“ (1895 г.). Она организовала въ с. Судосевѣ хоръ, въ которомъ, конечно, приняли участіе и ученики начальной школы. 14 мая 1893 г. въ судосевскую школу поступила бумага, гласившая: „Пѣніе г-жѣ Сѣровой можетъ быть разрѣшено только въ зданіи школы, съ выборомъ материала изъ книгъ, одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, каждый разъ въ присутствіи учителя“.

На основаніи этой бумаги, учитель потребовалъ,—рассказы-

*.) Повидимому, это замѣчаніе вызвано, между прочимъ, слѣдующими словами:

„Крестный ходъ въ селѣ Остожѣ.
Вдругъ пожарь!“ кричить народъ.
„Не бросать же дѣло Божье—
Кончимъ прежде крестный ходъ“.
И покудова съ иконой
Обходили все село,
Искрой, вѣтромъ занесенной,
И другой посадъ зажгло.
Погорѣли! Въ этомъ много
Правды горькой и простой,
Но вѣдь это противъ Бога,
Противъ вѣры... ой! ой! ой!

ваетъ г-жа Сѣрова,— „чтобы я пользовалась исключительно текстомъ изъ Барановскаго сборника, употребляемаго для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Неисполненіе курьезнаго требованія вызвало гоненіе на моихъ пѣвчихъ, хотя изъ школы (уже) ни одинъ ученикъ не участвовалъ въ моемъ хорѣ. Пѣвчихъ разъ загнали на сѣбажу, гдѣ урядникъ подвергъ ихъ слѣдующему допросу:

— Вы что дѣлаете у Сѣровой?

— Поемъ.

— Что вы поете?

— Глинку.

— „Глинку?“— переспросилъ урядникъ. Въ полномъ недоумѣніи обратился онъ къ мѣстному земскому доктору за разъясненіемъ:

— Ваше благородіе, растолкуйте вы мнѣ, что это— „глинку пѣть не опасная вещь?“

Дѣло, конечно, не въ томъ, что урядникъ не зналъ, что такое Глинка: на то онъ и урядникъ, чтобы такихъ тонкостей не знать. Суть заключается въ полномъ неумѣніи опредѣлить, гдѣ граница, которая отдѣляетъ „опасную вещь“ отъ „неопасной“. А этимъ неумѣніемъ страдаютъ далеко не одни урядники. Не дѣле, какъ въ 1903 г., въ Славяносербскомъ уѣздѣ земскій начальникъ Савельевъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, былъ, видимо, очень пораженъ смѣлостью, съ какой учителя обсуждали вопросъ объ излишествѣ буквы ѿ въ русской азбукѣ. По долгу службы, онъ счелъ своею обязанностью напомнить учителямъ, что буква ѿ отъ начальства установлена, и критиковатъ ее все равно, что критиковатъ распоряженіе высшей власти: это— тотъ же соціализмъ и бунтъ противъ правительства.

Такая рѣчь произносилась Савельевымъ на экзаменѣ, въ присутствіи шести учителей, и произвела сильное впечатлѣніе. О ней появились корреспонденціи, и газеты сдѣлали г. Савельеву нѣсколько неодобрительныхъ замѣчаній. Въ писаніи корреспонденцій были заподозрѣны шесть учителей, слышавшихъ рѣчь, и мѣсяца черезъ два всѣ шестеро были уволены.

Относительно г. Савельева надо замѣтить, что онъ человѣкъ молодой и сравнивать скептическое отношеніе къ буквѣ ѿ съ соціализмомъ могъ по неопытности и свойственной молодымъ людямъ горячности. Гораадо интереснѣе взгляды, такъ сказать, установившіеся, съ которыми пришлось считаться, напримѣръ, томскому обществу: интереснѣе потому, что именно они съ наибольшей силой сказались на судьбѣ школьнаго библіотекъ.

II.

Недѣли че́резъ три послѣ патріотического праздника, на ко-
торомъ я читалъ неодобренныхъ инспекторомъ „Пѣвцовъ“, штат-
ный смотритель Лукьянъ Иларіоновичъ С. заявилъ мнѣ, какъ
библиотекарю, что „шкафы надо очистить“.

— То есть какъ очистить? — спросилъ я.

— Тутъ много книгъ не разрѣшенныхъ. Директоръ приказалъ
изять ихъ.

— Какія же книги вы хотите изять?

— А вотъ Тургенева... Толстого тоже.

К—ое училище существуетъ съ 1804 г. Библиотека составля-
лась трудами нѣсколькихъ поколѣній. Правда, было въ шкафахъ
не мало хлама. Но были и цѣнныя изданія, и прямо таки би-
блиографическія рѣдкости... По долгомъ прецирательствѣ, между
мною и смотрителемъ состоялось нѣчто вродѣ договора. Вообще
право каждой книги находиться въ библиотечномъ шкафу я дол-
женъ былъ доказать точной ссылкой на тотъ № „Журн. мин.
нар. просв.“, гдѣ она разрѣшена. Съ своей стороны смотритель
далъ слово не настаивать на изъятії: 1) изданій офиціальныхъ,
хотя бы и не разрѣшенныхъ министерствомъ народнаго просвѣ-
щенія, и 2) старыхъ педагогическихъ журналовъ. Затѣмъ, книга
можетъ остаться въ шкафу, если она разрѣшена въ другомъ из-
даніи, т. е. вышедшая, положимъ, въ 1890 г., не подлежитъ изъя-
тию, если разрѣшено изданіе только 1875 г. Наконецъ, авторъ
остается цѣликомъ, если хоть одно его произведеніе было раз-
рѣшено. Исключение изъ этого послѣдняго пункта составили
лишь „завѣдомо неблагонадежныя“ — какъ выразился Лукьянъ
Иларіоновичъ — книги: напр., 13-й томъ Толстого (съ „Крецеро-
вой сонатой“).

Исполнить директорское предписаніе смотритель, видимо, то-
ропился и меня торопилъ, то и дѣло спрашивая:

— Ну, что? скоро покойниковъ хоронить будемъ?

Хоронили ихъ тотчасъ послѣ распуска учениковъ на святки.
„Покойниковъ“ вытащили изъ шкафовъ и составили имъ опись.
Имена ихъ: Салтыкова нѣсколько книжекъ, Бокль, „Современ-
никъ“ за нѣсколько лѣтъ (были три книжки, подписанныя Пуш-
кинымъ), „Библиотека для чтенія“, „Сѣверная Пчела“, „Дѣло“,
„Отечественные Записки“. Изъ старыхъ журналовъ уцѣльѣ
лишь „Русский Вѣстникъ“. Затѣмъ былъ составленъ протоколъ,
который гласилъ, приблизительно, слѣдующее: „Означенныя въ
сей описи книги, въ количествѣ четырехсотъ девяноста семи
(497) переплетовъ, записанныя въ материальной книгѣ подъ
№№..., а въ хронологическомъ каталогѣ подъ №№..., и изъятыя,

какъ не разрѣшенныя къ употребленію въ библіотекахъ уѣздныхъ училищъ, должны быть, согласно предложенію г. директора народныхъ училищъ, отъ (числа) за №, хранимы особо, съ принятиемъ мѣръ противъ растраты ихъ и съ предупрежденіемъ, если бы кто пожелалъ пользоваться ими, какъ материаломъ для чтенія, что таковое возвращается".

Протоколъ былъ скрѣпленъ подписями; книги уложены въ ящики, пересыпаны нафталиномъ (отъ моли), забиты и вынесены въ сарай. Распоряжавшемуся этою „похоронною процессіею“, Лукьяну Илларіоновичу вадумалось почему то спросить:

— Чей это, бишь, разсказать про какого-то французского начальника, который статую республики поставилъ, а Наполеона велѣлъ на чердакъ на всякий случай хранить?..

Къ сожалѣнію, изъятые книги „сохранить на всякий случай“ не удалось: нѣсколько лѣтъ спустя мои бывшіе ученики сообщили мнѣ, что сарай К-аго училища во время пожара сгорѣлъ, а вмѣстѣ сгорѣли и ящики съ книгами. Повидимому, такова вообще судьба „запрещенной литературы“: въ брянскомъ, напр., городскомъ училищѣ изъятые книги были сложены на чердакъ. Лѣтъ черезъ пять или шесть кому то изъ учителей захотѣлось на нихъ взглянуть; увидать онъ клочки бумаги да куски переплетовъ, а книги были уже истреблены сторожами на подтопку печей. Говорили мнѣ, что, такимъ образомъ, исчезло до 500 томовъ.

Въ иныхъ случаяхъ и совсѣмъ нельзя узнать, куда изгнанныя книги дѣлись. Такъ было, между прочимъ, въ д—скомъ городскомъ училищѣ. Здѣсь, когда рѣчь зашла о необходимости выписать сочиненія Достоевскаго и историка Соловьевъ, кто-то справился въ старой материальной книжѣ: оказалось, что въ школьнй библіотекѣ былъ раньше и Достоевскій, и Соловьевъ, и Шиллеръ, и Руссо... Но отъ этихъ авторовъ не осталось и слѣда ни на чердакѣ, ни въ сараѣхъ, и лишь въ прежніхъ каталогахъ противъ нихъ въ графѣ замѣчаній стояло слово: „изъяты“. Высказывалась довольно вѣроятная догадка, что учителя распредѣлили запретную литературу между собою, такъ какъ не предвидѣли, что впослѣдствіи запретное станетъ вновь разрѣшеннымъ. И за это ихъ нельзя строго винить: самъ министръ гр. Д. А. Толстой, приказывая выбросить Бѣлинскаго въ сарай, какъ „вещь негодную для употребленія“, не предвидѣлъ, что вопросъ о „негодности“ Бѣлинскаго понадобится решить заново особымъ циркуляромъ. Въ 1896 г. министерство народнаго просвѣщенія выяснило, „по сношенію съ главными управлѣніемъ военныхъ учебныхъ заведеній, что т. т. III, VI и VIII (говорится, повидимому, о солдатенковскомъ изданіи) внесены въ приложенный къ программамъ курса кадетскихъ корпусовъ перечень литературиыхъ произведеній и включены въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанниковъ“. Поэтому „ученый комитетъ полагалъ, что было бы

желательно включить въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, но съ тѣмъ, чтобы одновременно съ этими сочиненіями было включено въ эти библиотеки и важное для правильнаго пониманія и оцѣнки ихъ сочиненіе Пыпина: „Жизнь и сочиненія Бѣлинскаго“. Министръ, гр. И. Д. Деляновъ, полагаетъ, однако жъ, болѣе цѣлесообразнымъ дозволить выдачу лишь III, VI и VIII томовъ изъ фундаментальныхъ библиотекъ ученикамъ старшихъ классовъ гимназий и реальныхъ училищъ, по усмотрѣнію преподавателей словесности".

По всей вѣроятности, когда-нибудь будетъ разрѣшено школьнімъ библиотекамъ имѣть и старые журналы, вродѣ „Современника“, „Дѣла“, „Отечественныхъ Записокъ“, или только нѣкоторые изъ нихъ, какъ „Библиотеку для чтенія“, „Сѣверную Пчелу“. Пока же, насколько я могъ замѣтить, въ библиотечныхъ шкафахъ (по крайней мѣрѣ, городскихъ и уѣздныхъ училищъ) оставленъ одинъ катковскій „Русский Вѣстникъ“, хотя, конечно, были до генеральной проверки книжного имущества съ министерскими каталогами и другіе журналы, получавшіеся въ прежнія времена школами безпрепятственно. Не забудемъ, что даже относительно начальныхъ школъ лишь въ 1871 г. сдѣлано распоряженіе попечителямъ округовъ: „если въ библиотекахъ оказались бы книги, не показанныя въ каталогѣ, то чтобы такія книги были представлены на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія“.

III.

„Праздникъ“, по случаю котораго начальство усомнилось въ моемъ „образѣ мыслей“, былъ 28 октября, а 1 ноября того же 1898 года, я получилъ официальную бумагу слѣдующаго содержанія:

„Учителю-библиотекарю

... училища г. Петрищеву.

Прошу васъ, м. г., при выдачѣ книгъ ученикамъ для домашнаго чтенія ни въ какомъ случаѣ не выдавать книги, внесенные въ каталогъ учительской библиотеки, и вообще строго слѣдить за тѣмъ, чтобы какъ въ ученической, такъ и въ учительской библиотекахъ были лишь тѣ книги, которыхъ внесены въ каталоги библиотекъ“.

Привожу эту бумагу, какъ наглядное доказательство, что упорное разграничение между фундаментальной (для учителей) и ученической библиотеками далеко не пустая формальность. Было бы, однако, ошибкою думать, будто разграничение выражаетъ собою старую—и пока господствующую—педагогическую теорію которая полагаетъ, что съ писателями, вродѣ Боккачіо, Золя,

Мопаесана и пр. вообще слѣдуетъ „годить“ и не показывать ихъ человѣку до совершеннолѣтія и вступленія въ бракъ. Къ школамъ примѣненъ другой принципъ, который, логически развиваюсь, создалъ библіотеки троекаго типа:

1) фундаментальная въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; онъ до сихъ поръ юридически (т. е. ни закономъ, ни циркулярами) не лишенъ права пользоваться общегражданскимъ уставомъ о цензурѣ и печати;

2) ученическія библіотеки средней школы—онъ же и учительскія для городскихъ и уѣздныхъ училищъ;

3) ученическія—для городскихъ училищъ, онъ же и учительскія для начальной народной школы.

Это троекое дѣленіе, если не считать справочныхъ и специальныхъ изданій, проведено довольно систематически. Ясно, что составители министерскихъ каталоговъ не столько имѣли въ виду возрастъ читателя, сколько предрѣшили и нормировали кругъ интересовъ, т. е. учителю городского училища положено интересоваться не больше, чѣмъ гимназисту, а учителю народной школы наравнѣ съ учениками городскихъ училищъ.

Какими же предѣлами ограничены умственные запросы гимназиста, а стало быть, и учителя городского училища?

Въ 1900 г. въ Бѣлостокѣ издана была довольно любопытная по замыслу „книга-тетрадь“ подъ заглавиемъ: „Мои впечатлѣнія. Замѣтки о прочитанныхъ книгахъ“. Составлена она преподавателями бѣлостокскаго коммерческаго училища. „Мои впечатлѣнія“ даютъ списокъ „избранныхъ книгъ изъ библіотеки средней школы“. Списокъ снабженъ вопросами, какими, по мнѣнию составителей, слѣдуетъ задаваться во время чтенія, и „дневникомъ“ для записи о прочитанномъ. Съ видимымъ сожалѣніемъ редакція признаетъ свой трудъ „далеко не полнымъ“, потому что „многія изъ хорошихъ, но пока еще не одобренныхъ м. и. п. книгъ не могли быть включены въ каталогъ“. И, дѣйствительно, совершенно не включенными оказались: Салтыковъ, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Н. К. Михайловскій, Г. И. Успенскій, Помяловскій, Рѣшетниковъ, Шелгуновъ... Ради краткости останавливаюсь далѣе лишь на одномъ отдѣлѣ „изящной словесности и критики“. Бѣлинскій, Некрасовъ, Никитинъ, Златовратскій вошли въ каталогъ подъ характернымъ заголовкомъ: „Избранныя сочиненія“. Въ число избранныхъ книгъ не вошла даже „Анна Каренина“, и все, что послѣ этого романа Л. Н. Толстымъ написано и въ Россіи издано. Той же участіи подверглись у О. М. Достоевскаго: „Братья Карамазовы“, „Преступленіе и наказаніе“, „Идиотъ“, „Бѣсы“ и т. д.

И всетаки коммерческія училища недаромъ подверглись обвиненію въ „либерализмѣ“: бѣлостокская „тетрадь“ очень серьезно разнится, напр., отъ перечня „книгъ для чтенія воспитанниками

Былгородского учительского института". Въ этомъ перечнѣ (рукописномъ) очень полно представлена допушкинская литература. Державинъ указанъ по академическому изданію, „весь“ Батюшковъ, „весь“ Загоскинъ и т. д. Послѣ пушкинскій періодъ идеть уже въ отрывкахъ и съ проблѣмами и заканчивается Тургеневымъ. О литературѣ новѣйшаго времени составитель какъ бы размышиляетъ словами стариннаго хронографа, который, изложивъ раздѣленіе церквей, говорить по поводу „латинской ереси“: „итако совершенно удалишася православной вѣры и къ тому же о папахъ римскихъ писать нечего“.

„Мои впечатлѣнія“ находять кое-что написать и о „римскихъ папахъ“: указать Мордовцевъ (правда, одинъ „Двѣнадцатый годъ“); упомянуть Гаршинъ, у которого, впрочемъ, взято лишь: „Аяслярское дѣло“, „Крестоносцы“, „Четыре дня“; названъ Боборыкинъ („Въ путь-дорогу“), даже А. П. Чеховъ („Въ сумеркахъ“), Короленко („Слѣпой музыкантъ“) и Горький („Избранныя сочиненія“). Остались слѣды и другихъ подобныхъ попытокъ: на стр. 11 было напечатано: „Щедринъ“, „Господа Головлевы“, но эти три слова замазаны черной типографской краской; на стр. 9-ой подъ точно такимъ же чернымъ пятномъ позднейшаго происхожденія исчезла книга: „Короленко, „Сонъ Макара“. Съ этими пятнами, изъ-подъ которыхъ, однако, ранше напечатанное недурно читается, „Мои впечатлѣнія“ и вышли въ обращеніе.

Слѣду оговорится: „либерализмъ“, который заключается въ микроскопическихъ намекахъ на писателей нового времени, надо понимать условно. Конечно, „не либеральное направлениe“ въ школахъ считается почему-то болѣе полезнымъ, но въ разсужденіи литературы его правильнѣе бы называть направлениемъ нигилистическимъ,—ибо оно старается не о томъ, чтобы библиотеки устраивать, а о томъ, чтобы ихъ сводить на нетъ. Такъ это и было, напр., въ карачевской учительской семинаріи, гдѣ въ серединѣ 90-хъ годовъ вся ученическая библиотека свободно размѣщалась на двухъ полочкахъ и находилась въ вѣдѣніи законоучителя. Разумѣется, такое книгохранилище не имѣло ни малѣйшаго воспитательнаго значенія, да и ученики предпочитали не „безпокоить библиотекаря“:

— Все равно,—нѣсколько преувеличивая, говорили они,—только не будетъ. По исторіи вѣдь ничего, кроме житія святыхъ, не достанешь, а изящная словесность исчерпывается Майнъ-Ридомъ и Фениморомъ Куперомъ.

Отзвуки того же страннаго „направленія“ сказываются и въ городскихъ училищахъ. Здѣсь, между прочимъ, „программа“ обязываетъ учителя „пройти“ „біографіи образцовыхъ писателей“,—г. е. объяснить Тургенева и Толстого ученику, который смѣеть читать одинъ лишь „Записки Охотника“ да „Дѣтство и Отроче-

ство"; растолковать Кольцова, Гоголя, ни однимъ словомъ не упоминая о Бѣлинскомъ...

Не походитъ ли въ этомъ случаѣ учитель на охотника, которому связали руки и велять убить медвѣдя?

Такого рода „нелиберализмъ“, въ сущности, равносителъ отказу оть литературы, какъ воспитательного средства первостепенной важности—что, по меньшей мѣрѣ, не экономно. А затѣмъ, онъ оставляетъ совершенно открытымъ вопросъ — для какой цѣли школа тратитъ деньги на оборудование библіотекъ? Не ясно ли, что слово *liber* въ этомъ случаѣ употребляется всуе? Здѣсь гораздо правильнѣе и умѣстнѣе вести рѣчь 1) о серьезнѣмъ отношеніи къ книгѣ, когда учитель желаетъ руководить чтеніемъ учениковъ и употреблять казенные ассигновки на пополненіе библіотекъ съ пользою для дѣла, и 2) объ отношеніи несерьезномъ, формальномъ, когда библіотекарь считаетъ свою задачу выполненной, если ключи отъ ввѣренныхъ ему шкафовъ не потеряны. Съ этой точки зрѣнія, изданная въ Бѣлостокѣ „тетрадь“ весьма примѣчательна, такъ какъ показываетъ, что вправѣ предложить средняя школа ученику при самомъ искреннемъ и горячемъ желаніи вліять на его литературный вкусъ.

Замѣчу кстати, что это желаніе свойственно, конечно, не однимъ лишь коммерческимъ училищамъ. Въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія нѣкоторые учителя издавна практикуютъ такой способъ: берутъ на свою отвѣтственность изъ фундаментальной библіотеки книги и выдаютъ ученикамъ. Дѣлалъ и я также, и по личному опыту могу сказать, что ученики берутъ „фундаментальную литературу“ съ большою признательностью. Казенные дѣтскія книги у меня иногда пропадали, или возвращались въ истерзанномъ видѣ. Но ни одна книга, выданная „на мой счетъ“ изъ учительской библіотеки, не затерялась, ни одна не была порвана. Только разъ ученикъ Г., мальчикъ изъ очень бѣдной семьи, облилъ взятую у меня „казенную“ Трилогію А. К. Толстого масломъ. Но и объ этомъ я узналъ лишь, когда Г. возвратилъ мнѣ совершенно новую книжку, купленную и переплетенную учениками въ складчину; на корешкѣ были вытиснены даже буквы: „Б. Б. Г. У.“, т. е. библіотека Б-скаго городскаго училища; не доставало только библіотечнаго штемпеля.

Но значеніе такого способа вліять на умы учениковъ не слѣдуетъ преувеличивать. Какъ бы щедро ни пользоваться фундаментальною библіотекою, ученики не упускаютъ случая задать вопросъ:

— А почему у насъ нѣтъ Добролюбова? Нельзя ли въ нашей библіотекѣ достать сочиненія Михайловскаго или Салтыкова-Щедрина?..

Вопросъ коварный, однородный съ тѣми „загвоздками“, которыми порою школьніки любятъ беспокоить законоучителей:

— Почему на второй день были день и ночь и на третий день были день и ночь, а солнце сотворено только на четвертый?

Или:

— До потопа преломлялись ли лучи въ капляхъ воды, и была ли тогда радуга?

Иначе говоря, какъ бы признательно ни относились ученики къ преподавателю, который далъ возможность пользоваться фундаментальною библиотекою, всестаки, на ихъ оцѣнку, онъ — фигура, нѣсколько комическая.

IV.

Въ ноябрь 1902 г. нѣсколько учителей п-ой гимназіи кавказского учебного округа обратились ко мнѣ, какъ къ журналисту, съ просьбою — печатно высказатьсь по довольно любопытному поводу: изъ составленнаго педагогическимъ совѣтомъ списка газетъ и журналовъ были вычеркнуты „Вѣстникъ Европы“ и „Русскія Вѣдомости“, а, вмѣсто нихъ, указано выписывать: „Русскій Вѣстникъ“ и „Гражданинъ“.

— Мы, — говорили учителя, — противъ начальства не идемъ. По § 74 гимназического устава, выборъ книгъ зависить только отъ педагогического совѣта и ни отъ кого больше. Но циркулярами насъ въ этомъ правѣ ограничили — мы покоряемся. Въ 1887 году приказано „всёе не выписывать книгъ сомнительного направлѣнія“ — мы и не выписываемъ. Вѣдно наблюдать, чтобы при пополненіи библиотеки поддерживались на училищныя средства только тѣ изданія, которыхъ „того заслуживаютъ“ — мы и наблюдаемъ. Словомъ, мы хотимъ одинаково исполнять и законъ, и циркуляры. А насъ заставляютъ одинаково плевать и на то, и на другое. Посудите сами. Есть журналъ „Вѣстникъ Европы“, въ которомъ близкое участіе принимаетъ извѣсный ученый-академикъ Пыпинъ. И есть „Русскій Вѣстникъ“, въ которомъ работаетъ извѣстный plagiarарь Энгельгардтъ, Пыпина для своей книги обокравшій. Мы обязаны министерскій циркуляръ исполнить и на казенные деньги достойнѣшаго поддержать... Такъ и было между нами постановлено. И вдругъ наше рѣшеніе по боку, циркуляръ по боку: вѣдно на казенные деньги plagiarаря поддерживать. Теперь о „Гражданинѣ“. Никто кн. Мещерскаго за языкъ не тянуль, а самъ онъ, по внушенію собственной совѣсти, печатно покаялся, что тонъ его газеты — кабацкій. Между тѣмъ, тонъ „Русскихъ Вѣдомостей“, какъ всѣмъ извѣстно, отмѣнно корректенъ и приличенъ. По точному смыслу циркуляра мы и хотѣли приличную газету поддержать, а намъ приказываются — кабацкую!.. Надо же, наконецъ, выяснить, чѣмъ мы должны руководствоваться? Если закономъ — хорошо. Если циркулярами —

тоже, допустимъ, хорошо. А ежели ни законами, ни циркулярами, то начинается крайняя степень анархіи...

Чтобы понять эту жалобу, нужно помнить, что, помимо центрального надзора во школьными библиотеками, существует еще надзоръ мѣстный. Необходимость въ мѣстномъ надзорѣ ясно вытекаетъ изъ самого понятія—„книга сомнительного направлениія“. Эти три слова, безспорно, многозначительны, но именно потому они и неопределены, и смыслъ, влагаемый въ нихъ, всегда былъ, есть и будетъ субъективнымъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ вся попытка точно определить, что именно слѣдуетъ понимать подъ „сомнительнымъ направлениемъ“, успѣха не имѣла.

Наиболѣе старательное опредѣленіе давала—еще въ 1818 г.—„Инструкція ученому комитету“. „Инструкція“ исходила изъ общаго соображенія, что книга „должна направить къ истинной, высокой цѣли—къ вдоворенію въ составѣ общества постояннаго и спасительного согласія между вѣрою, вѣданіемъ и властью, или, другими выраженіями, между христіанскимъ благочестіемъ, прощеніемъ умовъ и существованіемъ гражданскимъ.“ А потому „въ книгахъ о вѣрѣ“ не должно быть допускаемо „все то, что могло бы внушить отвращеніе къ должностямъ семейственнымъ и общественнымъ, къ тому же всѣ произвольныя умствованія, не совмѣстимыя съ повиновеніемъ верховной и духовной власти.“ Слѣдуетъ „допускать также тѣ книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, кои не отдѣляютъ нравственности отъ вѣры и не противорѣчатъ практическому христіанству. Теоріи о естественномъ правѣ также надлежитъ отвергнуть. Ложныя ученія о происхожденіи верховной власти не отъ Бога, а отъ условій между людьми, подлежать тому же отверженію. Изслѣдованіе о свойствахъ языковъ и исчисление временъ надлежитъ устремлять къ подтвержденію истинъ, открытыхъ вѣрою“ и т. д...

Необходимо замѣтить, что „Инструкція“ относится собственно къ учебнымъ руководствамъ, какъ и некоторые позднѣйшіе акты того же типа,—напр., распоряженіе 1864 г. по женскимъ гимназиямъ вѣдомства императрицы Маріи. Распоряженіе это гласило:

„Вследствіе появившихся въ новѣйшее время заграничныхъ сочиненій, въ которыхъ видно ясно стремленіе къ материализму, вниманіе всѣхъ начальствующихъ лицъ должно быть обращено на то, чтобы естественные науки преподавались не иначе, какъ со всѣдашнимъ указаніемъ на Премудрость Божію, какъ на единственный источникъ блага“.

При всей рѣшительности, формулировки эти слишкомъ растяжимы, особенно, если ихъ приложить не къ учебникамъ, которые можно писать и на заказъ, а къ произведеніямъ свободнаго творчества, какія, собственно, и пред назначаются для библиотеки.

Наконецъ, много значать условія мѣста и времени. Въ былье

дни „Хижина дяди Тома“ считалась книгою безусловно „сомнительного“ и даже „вредного“ направлениі. Теперь она рекомендуется для дѣтскаго чтенія. Точно также изданіе совершенно безупречное на взглядъ даже составителя „Инструкціи“ 1818 г. можетъ оказаться неудобнымъ для кавказскаго округа или Донской области, потому что въ немъ случайно есть сопоставленія и выводы, непріятные кому-либо изъ мѣстныхъ начальствующихъ лицъ. Такимъ образомъ, центральный органъ надзора, т. е. ученый комитетъ, естественно нуждается въ помѣстныхъ истолкователяхъ его взглядовъ. Таковые истолкователи и существуютъ въ лицѣ попечителей округовъ, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ; низшее же наблюденіе въ гимназіяхъ, между прочимъ, возложено на „классныхъ наставниковъ или другихъ членовъ педагогическихъ совѣтовъ“; они обязаны „разматривать“ вновь получаемыя періодическія изданія, и „въ случаѣ неодобренія книжки, о томъ должно быть сообщено сначала педагогическому совѣту, затѣмъ попечителю округа, который, если бы возбудившая сомнѣніе книжка была и имъ не одобрена, доносить о томъ въ министерство народнаго просвѣщенія или прямо сообщать въ ученый комитетъ“ (цирк. 1896 г.).

Кромѣ того, въ качествѣ истолкователей, какое направлениѣ нужно считать „сомнительнымъ“, кое-гдѣ выступали становые приставы. Но вмѣшательство ихъ, повидимому, найдено неудобнымъ. По крайней мѣрѣ, вятскій губернаторъ особымъ приказомъ, напечатаннымъ въ 1896 г. въ мѣстныхъ „Губерн. Вѣд.“, указалъ становымъ, что имъ не слѣдуетъ „требовать школьнаго библіотеки для провѣрки къ себѣ на дому и привлекать въ дѣлѣ надзора за (школьными) библіотеками низшихъ чиновъ полиціи“, а надо предоставить всецѣло таковой надзоръ учебному начальству.

Бдительность же учебнаго начальства начинается съ того момента, когда книгу только еще предположено пріобрѣсти для библіотеки. Укажу для примѣра порядокъ, принятый въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ: педагогическій совѣтъ выбираетъ книги—конечно, изъ числа допущенныхъ ученымъ комитетомъ, и составляетъ списокъ ихъ, обязательно указывая противъ каждого названія тотъ № „Журнала министерства народнаго просвѣщенія“, гдѣ книга „разрѣшена“. Въ такомъ удобоконтролируемомъ видѣ „списокъ“ поступаетъ къ директору народныхъ училищъ или къ участковому инспектору. Здѣсь онъ провѣряется, и лишь послѣ провѣрки директоръ или разрѣшаетъ пріобрѣсти выбранныя книги, или не разрѣшаетъ.

Теоретически разсуждая, о такой формальности трудно сказать, что она имѣть смыслъ. Министерскіе каталоги для учителей обязательны; отступлѣніе отъ нихъ карается въ дисциплинарномъ порядкѣ; думать, что педагогическій совѣтъ способенъ сдѣлать лживую ссылку на „Журн. министерства народнаго просвѣщенія“,

т. е. по просту служебный подлогъ,— явная нелѣпость: стало быть, проверка „списковъ“ и утверждениехъ—ни что иное, какъ излишняя и праздная трата времени и силъ. Но такъ, повторяю, можно разсуждать лишь теоретически. На практикѣ же чинь мѣстнаго надзора находять не мало работы, не смотря на самое тщательное соблюденіе учителями каталоговъ ученаго комитета.

V.

Прежде всего мѣстная надзирающая за библіотекой власть старательно слѣдить, чтобы возможно полнѣе быть оборудованъ „духовно-нравственный“ или богословскій отдѣль. Въ виду господствующаго положенія, какое занимаетъ Законъ Божій, каждый списокъ выбранныхъ учителями изданий обязательно начинаяется книгами религіознаго содержанія.

Начальство, которому представляется списокъ на утвержденіе, строго за этимъ слѣдить и, соображая, какъ соблюдена пропорція между различными отдѣлами, видѣть, „обиженъ“ ли Законъ Божій, или учителя обратили на столь важный предметъ должное вниманіе.

Какія избрать книги для богословскаго отдѣла—зависитъ, конечно, отъ батюшки. Если законоучитель человѣкъ говорчівый, онъ рекомендуетъ выписать немногое и „самонужнѣшее“ и не настаиваетъ, чтобы его списокъ былъ принятъ полностью, и даже скажетъ, когда кто-либо пожалуется, что денегъ мало:

— Ну, чтожъ—выбросьте нѣсколько книжекъ изъ моего списка.

Но есть батюшки ревностные и неговорчівые. Одного такого я наблюдалъ, между прочимъ, въ д—скомъ городскомъ училищѣ. Когда было ассигновано на библіотеку 150 р., онъ представилъ „списокъ“ рублей на сорокъ.

— О. Александръ,—стали просить учителя,—нельзя ли изъ вашего списка что-либо снять? Вѣдь на другіе отдѣлы ничего не остается...

Батюшка категорически отказался исполнить просьбу:

— Мое дѣло—религія,—отвѣчалъ онъ на всѣ доводы: — она должна быть на первомъ планѣ.

Одинъ изъ „пыльныхъ“ учителей, сливущій „либераломъ“, началъ спорить:

— Не понимаю, Александръ Николаевичъ, — проговорилъ онъ,—изъ-за чего вы хлопочете? Богословскій отдѣль у насъ не такъ ужъ бѣденъ — по крайней мѣрѣ, богаче другихъ. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, никто вашего отдѣла не читаетъ — ни учителя, ни ученики, ни даже сами вы къ нему не прикасаетесь. Для чего жъ вы новые книги выписываете? Чтобы онъ зря на полкахъ стояли?

Выѣсто отвѣта, Александръ Николаевичъ взялъ свой списокъ и тутъ же дополнілъ его еще нѣсколькими книгами. Въ этомъ дополненномъ видѣ онъ и былъ молчаливо принятъ совѣтомъ.

Смыслъ ясенъ: въ педагогическихъ совѣтахъ интересы „религіозно-нравственнаго“ отдѣла защищаются однимъ голосомъ, интересы свѣтскихъ отдѣловъ — нѣсколькими голосами; такимъ образомъ, провѣрка и утвержденіе списковъ начальствомъ не только уравновѣшиваетъ неравенство голосовъ, но и даетъ законоучителю перевѣсъ.

VI.

Какъ ни тщательно слѣдить ученый комитетъ за подборомъ книгъ, все же въ его каталоги входятъ авторы разныхъ отвѣтниковъ — и „либеральные“ (Григоровичъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой), и „консервативные“. По этой причинѣ въ самомъ началѣ службы, когда мнѣ пришлось составлять списокъ желательныхъ для библіотеки книгъ, я и допустилъ слѣдующую ошибку: въ моемъ спискѣ значились только авторы съ „либеральной репутацией“. Сдѣлалъ я это не изъ пристрастія къ либерализму, а вышло оно у меня само собою — я выбиралъ авторовъ, которые лучше пишутъ. Однако, штатный смотритель, заглянувъ въ составленный мною списокъ, смущился:

— Хорошо то оно хорошо,—сказалъ онъ,—что вы на образцовыхъ писателей главное вниманіе обратили. Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, всякий хламъ выписывать? А только — ужъ очень либерально. Директоръ непремѣнно вредное направленіе усмотрѣтъ... Знаете что? — вы ихъ разсыропьтте. Консерватизму подпустите...

Я сталъ было говорить, что „разсыропливать“ не нужно, такъ какъ всѣ книги взяты мною изъ министерскаго каталога, но смотритель меня урезонилъ:

— Повѣрьте моей опытности,— возражалъ онъ,— что вашего списка представить нельзя. Здоровый нагоняй за него будетъ.

„Консерватизма“ мы „подпустили“, т. е., выражаясь словами штатного смотрителя, „образцовыхъ“ писателей выбросили, а на ихъ мѣсто поставили „всякій хламъ“. И, слѣдовательно, обязанность представить директору списокъ предохранила насъ отъ увлеченій „либерализмомъ“. А увлеченія, какъ видно, возможны, если даже строго держаться границъ, указанныхъ въ каталогахъ. Директорскій надзоръ возстановилъ равновѣсіе между „либеральной“ (привлекательной) литературой и консервативной, которую смотритель непочтительно назвалъ хламомъ.

Это значеніе мѣстнаго надзора немаловажно, но его, какъ

и все въ мірѣ, не слѣдуетъ ни преувеличивать, ни преуменьшать. Преувеличивать не надо, потому что, соблюдая каталогъ, многое не либеральничашь. Въ этомъ же к—омъ уѣздномъ училищѣ вскорѣ послѣ первого списка мнѣ понадобилось составить второй, такъ какъ нашелся благотворитель, который сдѣлалъ небольшое пожертвование на покупку книгъ для ученической библіотеки. Второй списокъ получился на рѣдкость „консервативный“.

— Не дай Богъ, — смѣясь, говорили мои сослуживцы, — если еще кто-нибудь вадумаетъ на библіотеку пожертвовать!.. Для насъ въ министерскомъ каталогѣ ничего больше нѣть — ни либерального, ни консервативного...

Дѣйствительно, третій списокъ пришлось бы почти сплошь заполнить изданіями, завѣдомо вышедшиими изъ продажи. Кстати,— такія изданія содержались и содержатся въ каталогахъ съ того времени, какъ возникли ограниченія школьнаго библіотекъ. Въ началѣ министерство объясняло это желаніемъ побудить авторовъ и издателей къ новому выпуску книги *).

Однако, изъ скучности каталоговъ ученаго комитета нельзѧ вывести заключеніе, будто равновѣсіе между либеральной и консервативной печатью чины мѣстнаго надзора наблюдаютъ напрасно. Нѣть, это дѣло серьезное, и цѣли оно преодѣлдуетъ отнюдь не платоническая.

— До меня тутъ, — жаловался какъ-то въ 1898 г. директоръ народныхъ училищъ Ч—скій, — по губерніи такое вольнодумство развило, что Боже упаси!.. Теперьтише стало. Только въ двухъ городскихъ училищахъ еще нигилисты сидятъ. Понимаете: „Московскихъ Вѣдомостей“ читать не жалуютъ! Каждый годъ „Новое Время“ требуютъ...

Говорилось это въ кружкѣ знакомыхъ, но вовсе не близкихъ къ Ч—ому людямъ. Одинъ изъ слушателей рѣшился замѣтить директору, что „Новое Время“ министерствомъ разрѣшено наравнѣ съ „Московскими Вѣдомостями“.

— Тѣ-те-тѣ!.. — возвразилъ Ч—кій. — Знаемъ мы эту пѣсню: „разрѣшено“. Кто жъ не понимаетъ, что это протестъ противъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а если хотите, то и противъ кой-кого повыше... Слышали, какое Грингмутъ вліяніе имѣеть? Его самъ Николай Павловичъ изъ Москвы для совѣтовъ вызывается, какъ ближайшаго друга!.. **) И противъ такого человѣка протестовать?!.. Развѣ вы не понимаете, что это прямая оппозиція министру?..

*) См. „примѣчаніе“ къ каталогу 1873 г.

**) Рѣчь идетъ о покойномъ министрѣ Н. П. Боголѣбовѣ. При немъ въ провинціи почему-то были распространены слухи о ближайшемъ участіи издателя „Моск. Вѣд.“ г. Грингмута въ разработкѣ новыхъ школьнаго пла-новъ.

„Оппозиція министру“, — конечно, сильно сказано. Но что и „Новое Время“ мѣстною властью, вопреки разрѣшенню ученаго комитета, запрещалось,—я знаю по собственному опыту. И, если педагогической совѣтѣ въ своемъ спискѣ просилъ именно эту газету, директоръ ее зачеркивалъ и писалъ: „Московскія Вѣдомости“. Въ случаѣ повторенія „проступка“ „Новое время“ просто зачеркивалось, т. е. училище въ наказаніе оставлялось на годъ безъ газеты.

Разумѣется, такъ дѣлаютъ не всѣ. Есть директора, которые буквально исполняютъ указанія ученаго комитета, предоставляемыя выборъ той или другой разрѣшенній газеты вкусу самихъ учителей. Однако, мнѣ удалось встрѣтить учителя Г—ва, который 7 или 8 лѣтъ прослужилъ въ смоленской дирекціи и столько же лѣтъ читалъ однѣ „Московскія Вѣдомости“. Потомъ Г—въ попалъ въ другую дирекцію, гдѣ также были распространены „Московскія Вѣдомости“, но, въ виду перемѣны начальства, учителя, особенно молодежь, стали мечтать о „Новомъ Времени“. Между прочимъ, и въ б—скомъ училищѣ зашелъ споръ и возникли разногласія: одни говорили, что слѣдуетъ просить „суворинскую газету“; по мнѣнію другихъ выходило, что просить опасно, и потому лучше еще одинъ годъ пробыть съ газетой Грингмута. Г—въ сначала слушалъ молча. Но когда за „Новое Время“ выказался законоучитель, онъ, видимо, не вытерпѣлъ и саркастически спросилъ:

— А „Русскихъ Вѣдомостей“ вы, о. Григорій, не желаете? Можетъ быть, и „Вѣстникъ Европы“ вамъ дать?.. Вы меня простите — я по старинѣ разсуждаю: коли взялся быть учителемъ, такъ и будь учителемъ! а либеральный пустозвонства оставь! Не къ лицу бы нашему брату либеральничать... На кой намъ чортъ „Новое Время“? Жиды мы, что ли?

— При чёмъ тутъ жиды? — обидѣлся законоучитель.

— Что жидъ, что либераль — все равно, — отрѣзалъ Г—въ. Однимъ миромъ мазаны. Да и Суворинъ этотъ... Фамилии на „инъ“ самыя подозрительныя... Навѣрное, жидъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Ей Богу, должно быть, жидъ, — убѣждалъ Г—въ. — Разсудите сами, — съ какой стати русскій человѣкъ станетъ жидовскую газету издавать?..

Замѣчу кстати, что словами: „консервативный“ и „либеральный“ въ школахъ вообще злоупотребляются. И причина тому, между прочимъ, заключается въ слѣдующемъ. По широкому распространенному мнѣнію начальства, учебный строй долженъ быть сугубо консервативнымъ.

„Школа — гласитъ, напр., рукописная „педагогика“, которую учили воспитанники б—аго учительского института, — можетъ покойиться лишь на началахъ твердыхъ, незыблемо установлен-

ныхъ исторію народа. Ея строй нельзя сообразовать съ минутными вѣяніями и модными политическими бреднями, потому что она говорить объ истинахъ вѣчныхъ, а политическая мода преходяща. Ни одинъ разумный архитекторъ не станетъ строить фундаментального зданія на рѣчныхъ перекатахъ. Точно также и учитель не можетъ служить истинамъ вѣчнымъ, увлекаясь политическою партійностью. Въ классѣ нѣть мѣста политикѣ. Школа обязана держаться началь охранительныхъ, т. е. консервативныхъ, и другихъ началь, кроме консервативныхъ, для нея не существуетъ и существовать не можетъ".

Само по себѣ это ученіе было бы достаточно вѣскимъ, какъ и другія серьезныя ученія; но въ его основѣ лежитъ смышеніе понятій: оно говоритъ о консерватизмѣ, какъ методѣ дѣйствій, а имѣть въ виду консерватизмъ, какъ боевую политическую партію, программа которой формулируется кратко, но выразительно:

— Искоренимъ реформы шестидесятыхъ годовъ.

На практикѣ это логическое противорѣчіе, конечно, вскрывается; и ученіе, излагаемое „педагогикой“, пріобрѣтаетъ вполнѣ точный смыслъ:

— Учитель долженъ слѣдовать указаніямъ „консервативныхъ“ органовъ печати, т. е. „Московскихъ Вѣдомостей“, „Гражданина“ и т. п.

— Все, лежащее въ этихъ партійныхъ органовъ, обращается, такимъ образомъ, въ „модные политическія бредни“, и даже „Новое Время“ подвергается совершенно незаслуженному обвиненію въ либерализмѣ.

Впрочемъ, чины мѣстнаго надзора за школьніми библіотеками не всегда рѣшаются собственнымъ умомъ различать консервативное отъ либерального, но ищутъ намековъ и указаній въ министерскихъ каталогахъ. На этомъ основаніи въ нѣкоторыхъ дирекціяхъ требовалось, чтобы каждый представленный на утвержденіе списокъ [содержалъ 50% „рекомендованныхъ“ книгъ, 30% „одобренныхъ“ и не болѣе 20% „допущенныхъ“]. Какъ известно, разнообразіе терминовъ, которые употреблялъ ученый комитетъ, дѣлая отзывы о книгахъ, упразднено лишь въ 1901 г.

Наоборотъ, другіе директора, взявъ на себя трудъ опредѣлить разницу между консервативнымъ и либеральнымъ, приходили къ выводамъ, нѣсколько шаткимъ. Такъ, въ одно и то же время въ о—ской дирекціи считалось „либерализмомъ“ выписывать „Русское Обозрѣніе“, а не „Русскій Вѣстникъ“, въ м—ской же дирекціи учителя пріобрѣтали кличуку: „либералы“, если просили „Русскій Вѣстникъ“, а не „Русское Обозрѣніе“.

VII.

Не надо удивляться разнообразию взглядовъ на одно и то же периодическое изданіе. Разногласія у чиновъ мѣстного надзора неизбѣжны, такъ какъ самъ ученый комитетъ долгое время не давалъ сколько-нибудь опредѣленныхъ руководящихъ указаний. Даже циркуляръ 1896 года установилъ только для ученическихъ библіотекъ средней школы, какие именно „журналы не обнаруживаются неодобрительного направленія и малограмотности“ — на всю Россію ихъ оказалось 9. Относительно же преподавателей гимназій и реальныхъ училищъ комитетъ ограничился предложе-
ніемъ соблюдать два принципа: 1) „возможно осторожнѣе расхо-
довать средства“ и 2) выписывать „лишь тѣ periodическія изда-
нія, которые отличаются серьезнѣмъ содержаніемъ“. Что это
значить — предоставалось, очевидно, рѣшить мѣстной власти.

Въ еще болѣе неопределенномъ положеніи были низшія школы. Тотъ же циркуляръ 19 іюня 1896 г. „разрѣшаетъ“ имъ „выпи-
ску periodическихъ изданій лишь за тѣ годы, которые будутъ
предварительно разсмотрѣны и одобрены ученымъ комитетомъ“. Отсюда вѣкоторые директора народныхъ училищъ вывели, что газетъ вовсе допускать не слѣдуетъ, такъ какъ чтеніе ихъ че-
резъ $1\frac{1}{2}$ —2 года послѣ выхода въ свѣтъ текущаго интереса не
представляетъ. Циркуляръ 4 марта 1897 г. счѣлъ возможнымъ
дать учителямъ низшихъ школъ вѣкоторую льготу: „со стороны
министерства не встрѣтилось препятствій къ выпискѣ periodиче-
скихъ изданій и безъ предварительного разсмотрѣнія ихъ ученымъ
комитетомъ,—если эти изданія: 1) техническаго или специального,
а не общелитературного содержанія, и 2) однажды уже были
имъ разсмотрѣны и допущены къ обращенію“.

Подчеркнутыя слова, очевидно, lapsus memoriae: „допу-
скаются къ обращенію“ книги не ученымъ комитетомъ м-ва и. п.,
а главнымъ управлениемъ по дѣламъ печати. Но дѣло не въ
этомъ. Важно, что вопросъ — въ правѣ ли педагогические совѣты
городскихъ, напр., училищъ выписывать „общелитературные“
журналы и газеты, хотя бы и разрѣшенные для народныхъ би-
бліотекъ, — остался совершенно открытымъ. Или, точнѣе, всесѣло
предоставленъ на благоусмотрѣніе мѣстного начальства, отъ ко-
тораго вполнѣ зависѣтъ примѣнить или не примѣнить общее пра-
вило: допущенное въ народныя библіотеки-читальни допускается
и въ библіотеки городскихъ училищъ.

Такая осторожность ученаго комитета вполнѣ понятна. Pe-
riodическая печать столь измѣнчива, что за нею нуженъ неусып-
ный надзоръ. Вотъ тому примеръ: „Нива“ искони считается
„допущенной“, но въ 1893 г. она объявила, что даетъ „прило-

жѣніемъ „Полное собраниe сочиненій Достоевскаго“. Поэтому въ Донской области и другихъ мѣстахъ ее запретили. Въ 1894 г. она подверглась той же участіи опять за Достоевскаго, въ 1895 г. за Григоровича, въ 1896 г.—за Боборыкина.

Особенно обязательную и безусловно необходимую помощь ученому комитету оказываетъ надзоръ, когда дѣло касается областныхъ изданій. Провинціальная періодическая печать—явленіе очень недавнее и пока подвержена многимъ неожиданностямъ. Не допускать къ учителямъ мѣстную газету, напр., не всегда удобно. А между тѣмъ опредѣлить ея „направленіе“ въ Петербургѣ, съ общепринятной точки зрѣнія, немыслимо. Только мѣстной власти доступно решить столь щекотливую задачу. Популярный въ этомъ отношеніи эпизодъ былъ разсказанъ въ „Русск. Школѣ“ (мартъ, 1901 г.).

Подольское епархиальное начальство „сочло своимъ долгомъ“ указать губернатору на вредное для школьнаго дѣла направленіе статей и сообщеній, нашедшихъ себѣ мѣсто въ неофиціальной части „Губернскихъ Вѣдомостей“. Губернаторъ „запросилъ“ редактора, а редакторъ документально установилъ, что въ „инкrimинуемыхъ статьяхъ и сообщеніяхъ“ заимствованы изъ „Подольскихъ Епархиальныхъ Вѣдомостей“. „Сообщенія и статьи“ оказались нѣсколько странными: духовное начальство печатало ихъ съ цѣлями хвалебными, но когда они почти дословно были заимствованы офиціальнымъ свѣтскимъ органомъ,—смыслъ вышелъ укоризненный. Озадаченный столь удивительнымъ обстоятельствомъ, губернаторъ предложилъ архіерею написать оправдженіе. Все-таки преосвященный сумѣлъ найти выходъ: онъ циркулярно запретилъ священникамъ подольской епархіи выписывать неофиціальную часть „Губернскихъ Вѣдомостей“. Или еще случай, бывшій въ Екатеринославѣ въ концѣ 1903 г. На мѣщанскоmъ собраниіи одинъ изъ ораторовъ, между прочимъ, сказалъ, что директоръ народныхъ училищъ „прежде“ противился открытию мѣщанской школы; но когда попечитель округа обѣщалъ ходатайство поддержать, директоръ тоже сталъ относиться сочувственно. Слова эти были напечатаны въ мѣстномъ „Вѣстнике Юга“: заметка вполнѣ невинная, но она можетъ уронить директорскій престижъ въ глазахъ подчиненныхъ.

Очевидно, не всякую областную газету можно допустить въ училищѣ; чтобы удостоиться этой чести, она должна быть: 1) „благонамѣренной“ съ общей точки, т. е. исповѣдывать программу консервативной партии; 2) „благонамѣренной“ съ мѣстныхъ точекъ зрѣнія, т. е. не печатать „сообщеній“, по тѣмъ или инымъ причинамъ невыгодныхъ и непріятныхъ ближайшей власти. И, наконецъ, такая газета должна внушать увѣренность, что ею руководятъ люди „солидные“, которые сумѣютъ во время промолчать, во время сказать... Кажется, этимъ требованиямъ удовлетворяютъ

очень немногіе провинціальные органы. По крайней мѣрѣ, рѣдко можно встрѣтить городское училище, которому бы разрѣшили выписывать даже „неофициальную часть“ губернскихъ вѣдомостей, которая, какъ известно, обязательно получаются во всѣхъ волостныхъ правленіяхъ и безпрепятствено во всѣхъ народныхъ библіотекахъ.

VIII.

Оберегая очень серьезно школьные библіотеки отъ изданій „сомнительного направленія“, мѣстный надзоръ имѣть, однако, и свои неудобства. Изъ нихъ укажу только два, главнѣйшія.

Во-первыхъ, директора и инспектора народныхъ училищъ и иная власти порою ужъ слишкомъ буквально понимаютъ министерскія предписанія, и тѣмъ ставятъ каталоги ученаго комитета въ не совсѣмъ выгодное положеніе. Напр., въ 1893 г., въ к—омъ уѣздномъ училищѣ возникъ „серезныи“ принципіальный вопросъ — какъ быть съ богослужебными книгами? Не опасно ли просить о разрѣшеніи приобрѣсти ихъ? Послѣ долгихъ споровъ, учителя рѣшили, что просить опасно, и что лучше предварительно „частнымъ образомъ“ посовѣтоваться съ инспекторомъ народныхъ училищъ. Инспекторъ также „частнымъ образомъ“ далъ совѣтъ: такъ какъ каталогомъ богослужебные книги не допущены, то всего правильнѣе купить ихъ за счетъ хозяйственныхъ суммъ, какъ предметъ училищного обихода. Штатнымъ смотрителемъ совѣтъ былъ выполненъ въ точности. Но тутъ открылось новое затрудненіе: куда купленные книги записать? Въ библіотеку нельзя, ибо онѣ не разрѣшены, а въ „имущество“, т. е. на ряду съ партами, досками и пр. предметами, какъ будто неудобно.

Въ томъ же году и въ томъ же училищѣ библіотекарь сдалъ удивительное открытие: оказалось, что школа не имѣть Библіи. Законоучитель о. Алексій, когда ему сказали объ этомъ, смутился:

— Не можетъ быть! — возразилъ онъ. — Надо помечать.

Стали искать и нашли въ старыхъ спискахъ слово: Библія, а противъ него какой-то непонятный знакъ, изображающій, повидимому, что книга изъята, но когда, вѣмъ и на какомъ основаніи — установить, къ сожалѣнію, не удалось. Но любопытно: когда при выборѣ книгъ для выписки библіотекарь посовѣтовалъ „просить Библію съ параллельнымъ текстомъ“, т. е. напечатанную и на славянскомъ, и на русскомъ языкахъ, штатный смотритель испугался:

— Нѣть, нѣть, — возразилъ онъ, — такая ученымъ комитетомъ не разрѣшена. А мы вотъ что: будемъ просить только для учительской библіотеки и на одномъ славянскомъ языке. Не то на горить, пожалуй...

Извѣстны случаи, когда мѣстными надзоромъ не разрѣшились: псалтирь, сводъ законовъ, предизначавшійся для широкаго распространенія офиціальный изданія разныхъ министерствъ (напр., министерства земледѣлія). Впрочемъ, относительно церковныхъ книгъ всѣ недоразумѣнія, надо полагать, прекращены циркуляромъ 10 ноября 1901 г.: по особому ходатайству петербургскаго общества грамотности, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія призналъ возможнымъ допустить въ низшія школы изданія, выходящія съ дозволенія духовной цензуры. По ходатайству того же общества были „допущены“ и книги министерства земледѣлія—кромѣ „сочиненій учебнаго характера“.

Второе неудобство заключается въ пристрастіи, какое оказывали кое-гдѣ чины мѣстнаго надзора къ нѣкоторымъ изданіямъ, не всегда того заслуживающимъ. Такъ, въ серединѣ 90-хъ годовъ по школамъ о—ской дирекціи—и за ихъ, конечно, счетъ—разсыпались по вѣскоюко экземпляровъ разныхъ сочиненій директора народныхъ училищъ.

Около того же времени въ Донской области директоръ Остроумовъ указывалъ выписывать никому неизвѣстный журнальчикъ „Семьянинъ“. Согласно желанію г. Остроумова, этотъ журнальчикъ выписывался, между прочимъ, первымъ донскимъ окружнымъ училищемъ два года. Первый годъ „Семьянинъ“ выходилъ крайне неаккуратно и весьма странно: въ одной книжкѣ была напечатана „Капитанская дочка“ Пушкина, въ другой—либретто „Жизни за цара“. Въ началѣ второго года, собравъ подписанные деньги, онъ прекратился.

Судя по всему, такого рода указанія и циркулярныя „рекомендациі“ бывали и въ другихъ мѣстахъ.

Они вынудили, наконецъ, министра издать циркуляръ:

„Принимая во вниманіе,—писалъ въ 1896 г. гр. И. Д. Деляновъ,—что подобныя рекомендациі ближайшаго учебнаго начальства могутъ быть поняты подчиненными лицами въ смыслѣ обязательной выписки (рекомендованныхъ) изданий, я нужнымъ считаю объяснить директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ всю неловкость подобныхъ распоряженій“.

IX.

Имѣютъ ли право учителя просить о выпискѣ изданія, которое, по ихъ мнѣнію, полезно, но каталогомъ ученаго комитета не разрѣшено? Въ началѣ моей службы мѣстное начальство въ принципѣ не одобряло такихъ просьбъ. Они понимались, какъ „оппозиція министру“, или, по крайней мѣрѣ, какъ протестъ противъ каталоговъ ученаго комитета. По этой именно причинѣ мы и не рѣшались просить даже богослужебныхъ книгъ. Инспек-

торъ народныхъ училищъ, котораго считали чиновникомъ освѣдомленнымъ, доброжелательно предостерегъ насы:

— Требникъ тамъ или Октонхъ, — говорилъ онъ, — конечно, книги не опасны. Но ходатайствовать о нихъ не советую. Попечитель округа это истолкуетъ, какъ указаніе на оплошность ученаго комитета. И въ министерствѣ тоже... Вы сами понимаете, что такихъ вещей никто подчиненнымъ не дозволить.

Однако, позднѣйшій циркуляръ (въ февралѣ 1896 г.) установилъ иную точку зренія. Ходатайство о разрѣщеніи не „допущенныхъ“ изданій стало рассматриваться, какъ своего рода содѣйствіе ученому комитету. Учителямъ или другимъ причастнымъ къ школьной библиотекѣ лицамъ предлагалось обозначить лишь название книги, имя автора, переводчика, изданія, мѣсто и время изданія и привести „акратцѣ мотивы, по которымъ приобрѣтеніе извѣстныхъ книгъ признается желательнымъ“.

Новою точкою зренія кое-гдѣ поспѣшили было воспользоваться. Вятское, напр., земство просило разрѣшить для народныхъ библиотекъ приобрѣтеніе брошюра по скотоводству, не спрavляясь съ каталогомъ министерства народнаго просвѣщенія. Мотивировалась просьба тѣмъ, что изъ популярныхъ книжекъ по сельскому хозяйству наиболѣе цѣнны новыя. А онъ-то именно и не могутъ быть своевременно ученымъ комитетомъ разсмотрѣны и разрѣшены. Если же земство само станетъ ихъ представлять комитету на просмотръ, то, пока получится отвѣтъ, брошюра уже будетъ распродана, или успѣеть выйти другая—болѣе желательная. И, такимъ образомъ, заботы земства о поднятіи среди крестьянъ уровня сельскохозяйственныхъ знаній будутъ по прежнему встрѣчать очень серьезный тормазъ.

Въ 1900 г. черезъ губернатора былъ полученъ отвѣтъ:

„Министерство внутреннихъ дѣлъ признаетъ ходатайство вятскаго земскаго собранія заслуживающимъ уваженія, почему оно и входило по этому поводу въ сношеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, объясняя, что въ случаѣ неимѣнія со стороны послѣдняго препятствія къ осуществленію сказанной мѣры, списокъ книгъ по скотоводству, которые подлежали бы допущенію въ народную библиотеку, могъ бы быть составленъ ветеринарнымъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Министерство народнаго просвѣщенія, выражая свое сочувствіе сдѣланному предложенію, увѣдомило, что оно признавало бы, однако, необходимымъ предварительное ознакомленіе съ означенными спискомъ“. „Въ виду вышеизложеннаго министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ вятской губернской управѣ представить списокъ тѣхъ книгъ и брошюра по скотоводству, распространение которыхъ она находить желательнымъ среди народа“.

Т. е. земство, въ интересахъ народнаго благосостоянія прошло освободить его отъ двойной цензуры (главное управление

по дѣламъ печати и ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія); оба министра выразили сочувствіе и предложили цензуру тройную, включивъ ветеринарный комитетъ.

Столь же неожиданная судьба постигла земское ходатайство по случаю 30-лѣтія со дня смерти К. Д. Ушинскаго; Земство просило „допустить“ къ безпрепятственному употребленію въ начальныхъ школахъ „Родное Слово“ и „Дѣтскій Миръ“, а педагогическая сочиненія Ушинскаго—въ учительскія библиотеки народныхъ училищъ. На это въ 1901 г. министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что „до настоящаго времени для начальныхъ училищъ разрѣшены 2-я часть „Родного Слова“ и „Дѣтскій Миръ“, а для учительскихъ библиотекъ 1-я часть „Родного Слова“, вмѣстѣ съ руководствомъ къ преподаванію по этой книгѣ“. Въ заключеніе министръ просить увѣдомить, „будеть ли земство начинать на дальнѣйшемъ движеніи своего ходатайства“ *).

Ближайше освѣдомленіе въ настроеніи учебнаго начальства, мы, учителя, „правомъ своимъ содѣйствовать ученому комитету“ не торопились пользоваться. А если и возбуждали ходатайства о разрѣшеніи книгъ, то лишь въ случаяхъ безспорныхъ и не подлежащихъ ни малѣйшему сомнѣнію. Напр., въ 1897 г. учителя д—аго городского училища просили разрѣшить Жюль-Верна. Т. е., собственно, Жюль-Вернъ былъ и раньше „допущенъ“, но въ очень дорогихъ изданіяхъ—за каждый романъ около трехъ рублей. Мы же, ссылаясь на скучность училищныхъ средствъ, прошли позволенія выписать изданіе дешевое. Это намъ позволили. Въ другомъ училищѣ, б—скомъ, чтобы ходатайствовать о словарѣ Граната, предварительно частнымъ образомъ спрашивали совѣта у директора народныхъ училищъ. И это вполнѣ понятно. Учителя, а тѣмъ паче „начальникъ училища“,—чиновники. А неудовлетворенное ходатайство чиновничьей коллегіи до иѣкото-рой степени равносильно служебному замѣчанію. Вотъ почему, даже осмѣлившись просить о допущеніи книги, учителя обыкно-венно „надѣдали“ начальству дважды, — сначала „начерно“, т. е. частнымъ образомъ выпытывая мнѣніе директора, а потомъ уже „набѣло“. Конечно, если „черновое“ ходатайство давало результатъ отрицательный, „блѣловое“ не возбуждалось.

X.

Чтобы правильнѣе оцѣнить установленный гр. Д. А. Толстымъ надзоръ за школьнными библиотеками, припомнимъ забытый про-ектъ, принадлежавшій министру Норову. Норовъ предлагалъ выс-шему правительству одобрять авторовъ „такихъ произведеній, ка-

*) См. „Русск. Школа.“ 1901 г. кн. VII—VIII.

кія, по строгому обсужденію ихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, признаны будуть достойными". Въ этихъ видахъ министръ „испросилъ дозволеніе“ представлять государю за каждую третью годъ вѣдомость о произведеніяхъ, достойныхъ вниманія, съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія". 20 августа 1856 г. Норовъ сдѣлалъ надежація въ этомъ смыслѣ распоряженія по министерству, но проектъ, кажется, такъ и не былъ приведенъ въ исполненіе.

Мысль вліять на писателей, чтобы получить желательную для тѣхъ или иныхъ цѣлей литературу, не была новинкой даже при Норовѣ. Ею широко пользовался еще Людовикъ XIV во Франціи. И хоть въ серединѣ XIV вѣка, по свидѣтельству Бокля, „многіе“ хотѣли подобно Людовику XIV возвести поощреніе литераторовъ въ стройную систему, все же это обычное оружіе такъ называемаго „просвѣщенаго абсолютизма“ всегда приносило одинъ лишь вредъ.

„Литература — говорить Бокль — представляетъ разумъ, склонный къ прогрессу, правительство — порядокъ, который стремится къ консерватизму. Будучи раздѣленными, эти двѣ силы направляются къ лучшему, посредствомъ взаимодѣйствія; перевѣсь той или другой рѣшается народомъ. Но если обѣ силы соединятся, если правительство подкупить разумъ,—необходимъ послѣдствіемъ будетъ деспотизмъ въ политикѣ, сервилизмъ въ литературѣ. Никогда писатели не были такъ расточительно награждаемы, какъ во времена Людовика XIV, но никогда они вмѣстѣ съ тѣмъ не были такъ грубо сервильны, столь неспособны выполнить свою задачу—быть проповѣдниками истины и науки“.

Фридрихъ II былъ вполнѣ правъ, когда говорилъ: „лучшее, что я сдѣлалъ для литературы, было именно то, что я представилъ ее самой себѣ“. Онъ могъ добавить, что это было полезно и для народа, и для самого Фридриха. Да, и для самого Фридриха, потому что далеко не рѣшено, можно ли „подкупить разумъ“: „исторія показываетъ“, что, не взирая на изощренѣшіе способы „подкупа“, Вольтеры все же остаются Вольтерами, Новиковы — Новиковыми, Бѣлинскіе — Бѣлинскими. Это—во-первыхъ. А во-вторыхъ, народъ тоже умѣеть „награждать“ любовью, уваженіемъ и даже матеріальными благами, и при томъ такъ щедро, какъ далеко не всегда смогутъ и короли. И когда народъ поощряетъ однихъ писателей, а правительство другихъ,—наступаетъ взаимное непониманіе и разладъ, который съ фатальной неизбѣжностью приводить къ разнымъ болѣе или менѣе печальнымъ осложненіямъ.

Очевидно, планъ Норова на первыхъ же шагахъ могъ обнаружить глубокое различіе во взглядахъ на писателей. И его решенно оставили втуше.

Гр. Д. А. Толстой подошелъ къ рѣшенію задачи съ другой стороны. Онъ какъ бы говорилъ:

— Господа писатели пусть вѣдаются съ уставомъ о цензурѣ и печати, какъ имъ угодно. А мы будемъ допускать въ школы, что намъ угодно. И учителя, и ученики будутъ воспитывать свои взгляды лишь на тѣхъ произведеніяхъ, какія мы допустимъ.

И, дѣйствительно, благодаря удачному сочетанію общаго и мѣстнаго надзора, изъ школьнаго библіотекъ литература „сомнительнаго направленія“ безусловно исчезла. Правда, различіе во взглядахъ на писателей обнаружилось: школьніе каталоги съ замѣтнымъ постоянствомъ не любятъ именно тѣхъ произведеній, какія наиболѣе нравятся обществу. Но къ этому различію причастно вѣдь не высшее правительство, а всего лишь ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія.

Позволительно, однако, усомниться, что для учителя, напр., всѣ средства подвергаться вліянію печати заключены въ школьній библіотекѣ. Недопущенная литература выходитъ въ свѣтъ. Ее читаютъ всѣ. Учителей на нее можетъ натолкнуть и общественная дѣятельность, и общественная жизнь, и взаимный обмѣнъ мыслей. Наконецъ, пусть школа изгоняетъ Салтыкова, Михайловскаго, Милюкова, „Русское Богатство“, „Русскую Мысль“, но что препятствуетъ учителю доставать изгнанныя книги у знакомыхъ, въ публичныхъ библіотекахъ, гдѣ таковыхъ есть, покупать за собственные средства?

Учитываютъ ли чины общаго и мѣстнаго надзора опасность, такъ сказать, внѣшкольныхъ и внѣслужебныхъ вліяній. Принимаютъ ли они противъ нихъ мѣры? И если принимаютъ, то какія?

А. Петрищевъ.

(Продолженіе следуетъ).

НОВЫЕ КНИГИ.

Станиславъ Пшибышевскій. Homo Sapiens. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. М. Н. Семенова. Обложка работы Н. Оеофилктона. Москва. Книгоиздательство „Скорпионъ“, 1904.

Романъ г-на Пшибышевскаго начинается со встрѣчи двухъ пріятелей Фалька и Микиты. Оба—сверхъ-человѣки; Микита невозможъ, Фалькъ оценчательно. Фалькъ сверхъ-романистъ, Микита — сверхъ-живописецъ. Фалькъ пытается изобразить то, чего еще не было: „не было страданія, которое выше страданія, не

было наслажденія, которое переходитъ въ страданіе, не было цѣлаго ряда новыхъ понятій" (стр. 8)... Не трудно видѣть, что въ этой формулы почтеннаго сверхъ-романиста банальность смѣшалась съ нелѣпостью. „Наслажденіе, переходящее въ страданіе“—избитейшая и извѣстнѣйшая вещь, отмѣченная въ учебникахъ физиологии, а страданіе, которое выше страданія — напыщенная безсмыслица. Сверхъ-живописецъ Микита высказываетъ свое сredo не менѣе удачно. Онъ очень хвалитъ романъ Фалька, но на вопросъ автора: „Такъ тебѣ серьезно понрави1лось?—описываетъ въ воздухѣ широкій кругъ.—„Ты приобрѣлъ новый жестъ“, — говорить ему Фалькъ.—А „приобрѣсти новый жестъ“ это оказывается очень важно:

— „Теперь, знаешь ли, уже нѣть никакой возможности выражаться словами. Всѣ эти (какія?) тонкости, неуловимые оттенки могутъ быть переданы только жестами“, — отвѣчаетъ Микита. Казалось бы, это жестокое осужденіе романа г-на Фалька: вѣдь не могъ же онъ написать его жестами, а не словами, но Фалькъ соглашается съ этимъ, а Микита развиваетъ свою идею дальше:

— „Вотъ, напримѣръ, большая линія, понимаешь ли, большой размахъ, движеніе, горячій подводный потокъ. Это линіи немногіе понимаютъ... Былъ я какъ-то у одного скульптора—ты увидишь у меня его работы—я ползалъ на колѣняхъ передъ этимъ человѣкомъ. Говорю ему: это превосходно. Что такое? Объясняю. Ахъ, вотъ что вы думаете. Тутъ онъ описалъ въ воздухѣ неизмѣримо могучую линію. Эта понима1ль!“ Микита тоже понимаетъ.—„Ну, теперь я имъ покажу,—говорить онъ. — О! моя голова трещитъ отъ всевозможныхъ плановъ. Имѣй я тысячу рукъ, тысячу новыхъ линій могъ бы я тебѣ показать, — и тогда бы ты меня поня1ль“ (стр. 11). Недурной [рецептъ для популяризациіи художественныхъ] произведеній. Публика хототала надъ картинами Микиты, но это, вѣроятно, оттого, что она видѣла только картины, а не жесты... Что если бы примѣнить этотъ приемъ популяризациіи на нѣкоторыхъ выставкахъ новѣйшихъ художниковъ: передъ каждой картиной геніальный жестикуляторъ!.. Успѣхъ можно бы считать обеспеченнымъ. А пока книгоиздательство „Скорпиона“ пытается облегчить намъ отчасти задачу пониманія геніальныхъ твореній Микиты: на обложкѣ оно помѣщаетъ рисунокъ г-на Н. Феофилактова: въ красной рамкѣ картишка первомъ; черные деревья, черная трава, на переднемъ планѣ по-дѣтски нарисованная долговязая дѣвица съ невѣроятно длинными руками, а за ней унылая физіономія неизвѣстнаго брюнета. Еще какія-то две дѣвицы идутъ, обнявшись, на заднемъ планѣ, а при внимательномъ взглядѣ можно усмотрѣть и третью: она лежитъ въ кустахъ, сложивъ ручки на животикѣ. Общий фонъ черный, но дорожка въ лѣсу окрашена сурикомъ. Вѣроятно, есть символический смыслъ и въ томъ, что сурикомъ окрашены еще

листья кустовъ и... волосы долговязой дѣвицы. Это замѣчательное произведение г-на Н. Феофилактова особо оговорено на обложкѣ книги и, кромѣ того, перепечатано въ одномъ изъ номеровъ журнала „Вѣсы“. Изъ этого мы должны заключить, что это не простая пачкотня, а нѣчто „символизирующее“. Не картина, а жѣсть, намекъ на геніальный творенія Микиты.

По какому-то недоразумѣнію романъ г-на Пшибышевскаго выдерживаетъ у насъ второе изданіе. Трудно представить себѣ произведение болѣе вымученное, надуманное, претенциозное и безвкусное. Тотъ же скульпторъ, который описалъ въ воздухѣ „неизмѣримо могучую линію“, сказалъ какъ-то Микитѣ: „смотрите: воть пять пальцевъ, которые можно видѣть и осѣзать,—тутъ онъ растопырилъ пальцы, — но здѣсь, между пальцами, этого нельзя видѣть, этого нельзя осѣзать, но тутъ-то и заключается самая суть“ (стр. 11)... Такъ на протяженіи всей книги: герои дѣлаются видѣть, что они что-то глубокомысленно разглядываютъ между пальцами, что у нихъ „десять міровъ проходятъ передъ глазами“ (стр. 13)... „Служалось тебѣ видѣть крикъ неба? Нѣть? Такъ знай же, я видѣлъ, какъ небо кричало“ (ib.)... „Я поднимался, поднимался, я выросъ до неба, такъ что могъ о солнце закурить папиросу“... Имъ нужнѣ „мозгъ, въ которомъ развязался узелъ, святой узелъ (?) всѣхъ воспріятій; мозгъ, въ которомъ линія становится тономъ, великое событие—жестомъ“ (27). Они не хотятъ знать „ни смѣшной логики, ни вашего сознанія, ни атавистическихъ полумѣръ половаго подбора (?)“ (27). А между тѣмъ, когда вся эта сверхъ-мудрость принимаетъ сколько-нибудь осознательныя формы, выходить простая банальность довольно-таки дурнаго вкуса. Микита увѣренъ, что онъ написалъ уже „все человѣчество и еще нѣчто больше: то, что лежитъ за человѣкомъ“ (46), но когда онъ излагаетъ одинъ изъ своихъ „гениальныхъ“ замысловъ въ сколько-нибудь осознательной формѣ, то выходить вотъ что: „въ серединѣ картины должна быть женщина обольстительная, заманчивая, а со всѣхъ сторонъ — снизу, сверху—тянувшія къ ней тысячи рукъ. Тысячи рукъ *дико кричатъ*, съ остремленіемъ спорять о ней. Худыя, нервныя руки художниковъ, толстныя, мясистыя, съ большими перстнями руки биржеvikovъ, тысячи другихъ рукъ—цѣлая оргія жаждущихъ, алчныхъ рукъ...“ (95) Разумѣется, тутъ необходимо, во-первыхъ, чтобы руки „дико кричали“, а во-вторыхъ, чтобы у красавицы волосы были... ну, хоть суриковаго цвѣта, какъ на картинѣ г-на Феофилактова,— чтобы придать этому банальному сюжету хоть черточку „оригинальности“ и „новизны...“ То же несчастіе преслѣдуетъ и Фалька. По словамъ автора, онъ пишетъ гдѣ-то замѣчательныя вещи и говорить много „хорошихъ остротъ“, но на долю читателя достаются лишь напыщенные пустяки и плохія остроты. Есть, напр., сцена, въ которой Фалькъ завоевываетъ сердце одной набожной

дворянской девицы необыкновенною силой своей дialectики и своихъ изумительныхъ повиний. Рѣчь идетъ о прусской политикѣ въ польскихъ провинціяхъ. Фалькъ находитъ самымъ важнымъ, что политика раздробленія и продажи польско-дворянскихъ имѣнъ немецкимъ колонистамъ уничтожаетъ потребительную силу страны. Колонисты, по его мнѣнію, „ничего не потребляютъ, потому что все необходимое производятъ сами. Итакъ, кто же будетъ потреблять?..“ (205). Авторъ предусмотрительно обставляетъ своего сверхъ-мудреца такими сверхъ-глупцами, что ни одинъ не находить возраженія, въ томъ числѣ редакторъ газеты. Между тѣмъ, вся эта побѣдоносная рѣчь есть только самая плохенькая передовица самой невѣжественной газетки. Думать, что замѣна одного разорившагося помѣщика цѣлой сѣстью крестьянскихъ дворовъ ослабляетъ потребительную силу страны могутъ только сверхъ-экономисты г-на Пшибышевскаго... Столь же окружительно нападеніе этого демона dialectики на папу и его энцикліку.— „Такъ какъ я самъ католикъ,— говорить онъ,—то мнѣ очень больно, что церковная политика такъ некрасива... и подъ флагомъ вѣры, надежды, любви прикрываетъ слишкомъ земные интересы...“ Всѣ присутствующіе—увѣряетъ авторъ— переглядывались. Они не знали, что на это сказать. Это было неслыханно смѣло сказано въ присутствіи церковно-служителя. Глаза всѣхъ обращались поперемѣни то на Фалька, то на Ксендза. „Ксендзъ былъ совершенно блѣденъ“ (207). Чтобы опровергнуть эту „неслыханную смѣлость“, нужно сказать, что разговоръ происходилъ не передъ судилищемъ святой инквизиціи, а за обѣденнымъ столомъ, въ провинциальному обществѣ, преклоняющемся передъ Фалькомъ. Этотъ эпизодъ характеренъ для всего произведенія г-на Пшибышевскаго: и въ глубокомыслѣ, и въ оригинальность, и въ смѣлость его героя, отрицающихъ „и логику, и созианіе“, приходится вѣрить на слово самимъ героямъ и автору. Но когда все это является въ натурѣ, то неслыханная смѣлость принимаетъ комические размѣры мелкой безтактиости бывшаго гимназиста, который „дервитъ“ своему недавнему законоучителю, а глубина мысли не превышаетъ глубины чайного стакана.— „Да, это былъ замѣчательный человѣкъ,— говоритъ Фалькъ объ одномъ изъ своихъ товарищей (стр. 233): намъ задали сочиненіе на тему: какъ чествуются герой послѣ смерти? Знаете, что онъ написалъ? Что было бы наилучшей почестью для героя?“ — Да, знаете ли въ самомъ дѣлѣ, читатель, что написалъ этотъ „замѣчательный человѣкъ?“ — „Онъ написалъ: наивысшей почестью для героя... было бы то, чтобы какой-нибудь пастухъ вырылъ скелетъ этого героя, сдѣлалъ дудку изъ пустыхъ костей и на ней игралъ бы хвалу ему...“ (стр. 233). Да, замѣчательно! И мы сами знали гимназистовъ приблизительно

третьяго-четвертаго классовъ, которымъ это показалось бы геніальнымъ...

Однако—въ чемъ же фабула романа? „Нѣть, нѣть, не избитая тема о веснѣ, любви и женщинѣ!... Я требую великихъ, плодотворныхъ идей, которая вызовутъ новый половой подборъ“ (25). Такъ восклицаетъ Фалькъ, излагая свое художественное credo, но авторъ даетъ только исторію нѣсколькихъ адюльтеровъ своего героя. Фалькъ проявляетъ свое сверхъ-человѣчество, во-первыхъ, тѣмъ, что отбиваеть невѣсту у злополучнаго Микиты, который по этой причинѣ убиваеть себя. Фалькъ находитъ оправданіе: вѣдь онъ настоящій сверхъ-человѣкъ, а Микита—такъ себѣ, неполный. Во-вторыхъ, Иза и Фалькъ были предназначены другъ другу отъ вѣка. Когда они встрѣтились въ первый разъ, Фальку показалось, что Иза окружена таинственной пеленою, сквозь которую свѣтятся ея глаза. „Словно проблескъ могучаго свѣта пробиваешь себѣ путь сквозь тяжелый туманъ“ (15). Авторъ много разъ возвращается къ этой пеленѣ. Повидимому, это психологическое открытие г-на Пшибышевскаго: если есть пелена,—значить любовь настоящая. И Фалькъ забываетъ свою дружбу къ Микитѣ, а г. Пшибышевскій заполняетъ пѣлныя томительныя страницы разными глубокомысленностями. „Въ теченіе какого нибудь часа эта женщина огромною сѣтью корней опутала его душу... Все тѣснѣе и тѣснѣе сжимались петли этой сѣти, и онъ отчетливо чувствовалъ, какъ въ душѣ его боролись два человѣка: одинъ хладнокровно и ясно старался направлять его волю, другой неожиданно бросалъ въ его мозгъ мысли, которая уничтожали сознательного человѣка“... „Ohé, les psychologues,—объясните мнѣ это съ помощью всѣхъ вашихъ психологическихъ законовъ“,—восклицаетъ Фалькъ (или авторъ: ихъ очень трудно различить всѣдѣствіе чрезвычайно сумбурнаго склада рѣчи).

Такова вся эта „новая психологія любви“, повторяющая въ уродливыхъ формахъ старыя баанальности. „Не видѣлъ ея, ибо она была въ немъ“ (54). „Не слышалъ музыки, музыка была въ немъ; вся воселенная звучала и ликовала въ немъ, визжала въ страстномъ желаніи“ (ib.)... „Склонялась къ нему все ближе (рѣчь идетъ о танцѣ), головы ихъ соприкасались, онъ чувствовалъ, какъ отдавалась ему, какъ опускалась въ его сердце, въ горячее ложе крови его сердца“ (54). Это, очевидно, новая „терминологія любви!“ „Когда вчера я васъ увидѣлъ, я зналъ васъ уже давно... сегодня я знаю васъ уже сто лѣтъ“ (60). „Я не зналъ, что такое судьба. Теперь я это знаю... вы,—странный прообразъ моей души, вы—идея, которую я видѣлъ уже когда-то раньше, въ другомъ бытіи, вы—вся тайна моего искусства“ (66)... Это—новая психологія. Старенькое „средство душъ“, еще „въ другомъ бытіи“ предназначенныхъ другъ другу!... Отъ этой

новизны несетъ наивной сентиментальностью нашихъ бабушекъ, запахомъ пудры и истлѣвшими фижмами.

Кромѣ одной, настоящей любви съ пеленою, почтенный сверхъ-человѣкъ позволяетъ себѣ иѣсколько ненастоящихъ. Онъ женится на Изѣ, но вторая часть романа застаетъ его въ самомъ настойчивомъ ухаживаніи за Маритъ, наивною дѣвицею изъ хорошаго дворянскаго семейства, воспитанной въ монастырѣ. При видѣ ея Фалькъ, любящій только свою жену, „почувствовалъ въ себѣ тихій шопотъ пола“. Въ это время онъ, какъ говорятъ малороссы, уже изрядно „подточился“, потому что и въ періодъ ухаживанія за Изой чувствовалъ большую слабость къ коньяку. Но бѣдная Маритъ принимаетъ его похмѣлье за міровую скорбь, а его выходки противъ ксендза за демонизмъ и великий мятежъ духа. Сверхъ-человѣкъ пользуется этимъ: онъ клянется въ вѣчной любви и грозить, что сопьется и погубить свой великий талантъ, если Маритъ „не откажется отъ своихъ предразсудковъ“. Когда она уступаетъ обольщению, онъ грубо кидаетъ ее, и она топится, а авторъ вмѣстѣ съ Фалькомъ предается глубокомысленнымъ психологическимъ соображеніямъ: „Тутъ съ самаго начала дѣйство-вало половое впечатлѣніе, дремавшее гдѣ-то въ глубинѣ безсознательного и проснувшееся только съ появлениемъ Маритъ“ (69). Вотъ что называется „объяснить“ и создать новый половой подборь! Кромѣ того, Фалькъ видѣлъ, какъ „изъ черной туши брызнула красноватый снопъ, распался на семь молний и убилъ голубку“. Онъ и самъ долженъ „распасться на тысячу молний, убить еще тысячу голубокъ, тысячу кроликовъ... потому что онъ—не онъ, сверхъ-человѣкъ... потому что этого хотить его инстинкты“ (247). И, дѣйствительно, въ третьей части оказывается, что, кромѣ Изы и Маритъ, сверхъ-человѣкъ успѣлъ обзавестись еще Ольгой и Яниной. Кажется, однако, что тысячи голубокъ онъ уже не убьетъ, хотя бы потому, что отъ коньяку, невоздержности и предыдущихъ сверхъ-человѣческихъ подвиговъ, онъ уже совершенно износился, и авторъ съ какой-то наивной добросовѣстностью повѣствуетъ объ этомъ: уже на стр. 76 Фалька удаляютъ изъ кабака „за неприличное поведеніе“. На стр. 89 онъ „ржалъ отъ хохота, качался на кушеткѣ и вдругъ конвульсивно зарыдалъ“. На стр. 121 „его мозгъ началъ вертѣться вокругъ самого себя и все быстрѣе и быстрѣе опускался, описывая круги, въ бездонную пропасть пола“ (!). На стр. 148 онъ „выпилъ всю бутылку коньяку“ и очень испугался лампы... На стр. 153 онъ пилъ очень много портера, какъ вообще умѣемъ пить только мы, европейцы (!) и т. д., и т. д. Неудивительно, что подъ конецъ сверхъ-человѣческій организмъ совершенно расшатанъ; у Фалька дрожать руки, и безъ портера или коньяку онъ уже не можетъ одерживать побѣды надъ голубками...

Что же это?—спросить читатель:—очевидно, сатира на всѣхъ

этихъ сверхъ-человѣковъ и ихъ новые психологіи любви? Въ томъ то и дѣло, что не сатира и не объективное изображеніе, а что-то въ родѣ апологіи. Г. Пшибышевскій относится къ своимъ кривляющимся героямъ совершенно такъ, какъ относились въ 40-хъ годахъ авторы плохихъ повѣстей къ разочарованнымъ „демонамъ“ изъ гусаръ, побѣждавшимъ уѣздныхъ простушекъ. Правильное отношеніе къ этимъ полу值得一нными и безвольными сверхъ-человѣкамъ—здоровый смѣхъ, водевиль, самое большее—веселая комедія. Но авторъ беретъ тонъ чисто трагическій, съ громомъ, молнией, „безднами пола“... Подъ конецъ романа являются еще, неизвѣстно зачѣмъ, анархисты, террористы, заговорщики, происходить сцены самоубийствъ, и все вмѣстѣ сливаются въ головокружительный кавардакъ, въ которомъ теряются послѣднія крупинки здраваго человѣческаго чувства и смысла...

Въ общемъ вся эта книга поистинѣ не книга, а жесть, только, если можно такъ выразиться, „жесть лицомъ“, въ просторѣчии называемый гримасой. Гримасничаютъ герои, гримасничаетъ авторъ, гримасничаетъ переводчикъ, для „оригинальности языка“ переполнившій переводъ невѣроятными германізмами и полонізмами, гримасничаютъ изданіи, снабдившіе книгу „обложкой работы Н. Феофилактова“... И всетаки часть публики ищетъ еще чего-то въ этомъ старомъ хламѣ, выдающемъ себя за новое искусство, и слушая психологическія откровенія въ родѣ: „онъ сидѣть надъ собою и чѣмъ-то въ родѣ сверхъ-мозга констатируетъ, что въ его обыкновенномъ мозгу что-то (!) происходитъ“ (229),—восклицаетъ вмѣстѣ съ бѣдной, обитой съ толку Маріѣ: „Эрикъ, ты дивный, великий человѣкъ“.

Для литературы это, конечно иначто: прошелестить и исчезнуть; но все же это не лишено нѣкотораго интереса, какъ иллюстрація эпидемическаго извращенія литературныхъ вкусовъ, которое временами охватываетъ нѣкоторыя части мятущагося „культурнаго“ общества.

Красинскій. Иридіонъ. Съ польскаго перев. А. Уманскаго. Спб. 1904. Изд. Товарищества „Знаніе“.

Покойнаго польскаго поэта Красинскаго, автора „Небожественной Комедіи“, читающая публика вѣдь Польши знаетъ мало. Теперь товарищество „Знаніе“ издаетъ переводъ „Иридіона“—произведенія, даже въ Польшѣ менѣе извѣстнаго, чѣмъ „Небожественная Комедія“. Нужно сказать, что время для популяризаціи Красинскаго у насъ выбрано удачно: такъ называемый символизмъ теперь модное теченіе, а Красинскаго въ значительной степени можно причислить къ символистамъ. Нужно, однако, оговориться: это символизмъ особаго рода, во многомъ отличающійся отъ того, что извѣстно подъ этимъ именемъ въ настоящемъ

время, и скорѣе напоминающій пріемъ байроновскаго Манфреда или гетеевскаго Фауста (второй части). Авторъ избираетъ условную форму для того, чтобы схематически представить широкія категоріи человѣческой жизни или исторіи. Такъ, Гете сводитъ Фауста и Елену, чтобы символизировать эпоху возрожденія, опирясь на оживющей классической культуры живыми силами средневѣковой варварской Европы. Нельзя сказать, чтобы этотъ образъ Гете, условный и схематичный, проявлялъ особенно сильное художественно эстетическое впечатлѣніе. Гете перегрузилъ вторую часть своего Фауста огромной эрудиціей и виртуозностью стихотворца за счетъ творческой работы, воображенія. Конечно, тутъ играла значительную роль старость. Но и вообще этотъ пріемъ, по самой сущности, несетъ съ собой первородный грѣхъ явной условности, и нужно много воодушевленія и подъема, чтобы заставить читателя примириться съ тѣмъ, что онъ имѣть дѣло не съ непосредственнымъ образомъ, а съ нѣкоторыми категоріями, которая этотъ образъ долженъ символизировать, часто за счетъ собственной правдоподобности. Отсюда ясно, что символическая произведенія могутъ быть сильны лишь возвышенностью и глубиной тѣхъ отвлеченныхъ категорій, которыхъ они имѣютъ въ виду. Такова сила байроновскаго Манфреда. Пусть мы должны при этомъ забыть, что облака, напримѣръ, не облашаются членораздѣльною рѣчью, но мы всетаки испытываемъ волненіе мысли и чувства, читая пламенные монологи, выражавшіе наши собственные вопросы, которые мы, смутно и неоформленно, тоже предлагали въ тотъ или другой періодъ своей жизни неодушевленной природѣ—и волнамъ, и вѣтру, и тьмѣ, и тучамъ... И иной разъ испытывали иллюзію нѣкоторыхъ отвѣтовъ... Вся сила законнаго символизма—въ широтѣ, ясности и величинѣ того, что онъ символизируетъ, будь это порывы сомнѣній и отчаянья пытливаго духа, порывы вѣры и любви, или патріотическаго одушевленія и патріотической печали. Такой символизмъ существуетъ давно, и его произведенія не оправдываются, а лишь обличаютъ мелкотравчатый символизмъ нашихъ дней, въ которомъ условность образа прикрываетъ лишь иглу и неясность плоской и маленькой мысли. Мы хорошо знаемъ, что говорилъ Манфредъ своимъ современникамъ не реальными, но пламенными образами и тирадами. Форма была условна, мысль ясна, жизненна и глубока...

Красинскій въ своемъ „Иридіонѣ“ береть темой любовь къ порабощенной родинѣ и чувство „патріотической“ ненависти къ побѣдителямъ. Вся поэма проникнута психологіей мести. Поэтому нужно было раздвинуть рамки картины такъ широко, чтобы онъ охватили исторические періоды, и для этого онъ прибѣгаешь къ символическому пріему Гете: Грекъ Амфілохъ Гермесъ вступаетъ въ союзъ съ дѣственной жрицей Одина Гримгильдой, до-

черью кимбрского князя. Отъ этого союза рождаются сынъ Иридіонъ и дочь Эльзиноя, которымъ отецъ (классическая Греція) и мать (порабощенный варварскій міръ) завѣщаютъ ненависть и месть къ Риму Геліогабаловъ и Нероновъ и освобожденіе народовъ отъ римскаго ярма. Орудіе мести порабощенныхъ—предательство и хитрость. Во имя своей высокой цѣли Иридіонъ дѣлаетъ сестру любовницей Геліогабала, а самъ становится его довѣреннымъ. Въ то же время онъ вступаетъ въ союзъ съ прогрессивными элементами Рима (Александръ Северь), съ одной стороны, и преслѣдуемыми христіанами—съ другой. Но его цѣли не совпадаютъ съ стремленіями союзниковъ, и потому онъ обманываетъ ихъ: въ мечтахъ фанатизированнаго наслѣдственнаго истителя виднѣется Римъ, обращенный въ развалины, и борозды плуга на мѣстѣ Капитолія... Происходитъ возмущеніе варваровъ, гладіаторовъ и легіонеровъ. Геліогабалъ свергнутъ, но и замыселъ Иридіона не удается: христіане, которыхъ онъ привлекъ было именемъ воинствующаго Христа, въ послѣднюю минуту оставляютъ его во имя Христа смиреннаго, легіоны Александра Севера, свергнувшіе Геліогабала, справляются съ разнуданными ордами варваровъ, которыхъ Иридіонъ бросилъ на Римъ,—и стоянца міра остается неколебимой и прочной, какъ скала среди разбушевавшагося прибоя: еще надолго, на цѣлье вѣка, Риму суждено быть владыкой міра, если не властью цезаря, то именемъ Христа и его „намѣстниковъ“.

Такова основная канва, на которой Красинскій, романтикъ, символистъ и сынъ своей родины, вышилъ поэтическіе узоры своей поэмы. Эти образы, впрочемъ, онъ усложнилъ еще нѣкоторыми сторонними мотивами, характерными для настроенія того періода польской литературы. Въ поэмѣ выступаетъ еще Массинисса, нѣкій отвѣтный старецъ, символизирующей начало демонизма, возмущенія и зла. Онъ покровительствуетъ и Амфілоху (отцу Иридіона), и самому Иридіону. Его цѣль—борьба съ Христомъ, и по его совѣту Иридіонъ совращаетъ святую христіанскую дѣзу Корнелію для земной любви и мести. Въ концѣ концовъ, Массинисса послѣ пораженія возставшихъ усыпляетъ Иридіона сномъ вѣковъ, обѣща дать ему нѣкогда зрѣлище разрушеннаго Рима, но въ эпилогѣ мы узнаемъ всетаки, что Иридіонъ не станетъ жертвой духа зла и отрицанія, потому что его ненависть истекала изъ любви къ порабощенной родинѣ.

Образъ Массиниссы довольно туманенъ, но еще блѣднѣе и анемичнѣе образы христіанъ (это, впрочемъ, кажется, общая участъ большинства произведеній, пытающихся изобразить „святость“). Въ мистическомъ снѣ Иридіона, обвѣянномъ субъективными видѣніями самого автора, чувствуется какое-то ощущеніе метемпсихоза, характерное для польской поэзіи того періода (известно, напр., что поэтъ Словакскій серьезно воображалъ себя

перевоплощеннымъ Казимиромъ Великимъ). Демонизмъ Красинского въ значительной мѣрѣ пасуетъ передъ влияніемъ католицизма, хотя для своего времени это было всетаки произведение почти революціонное. Теперь въ этихъ символахъ уже многое выдохлось, а главное—націонализмъ, которымъ проникнута вся поэма, теряетъ свою острую эмоціональную силу... Тѣмъ не менѣе, произведение польского поэта можетъ и теперь еще служить укоромъ блѣдному и худосочному современному символизму, съ его безформенными намеками „на то, чего не видѣть никто“.

Переводъ въ общемъ правиленъ и мѣстами передаетъ подлинникъ. Къ сожалѣнію, однако, онъ слишкомъ дословенъ и потому пестритъ полонизмами. „Мы несемъ тебѣ розы, *кадила* и *перлы*“. Польское *kadzidlo* по русски будетъ не *кадило*, а *благовоніе*. Когда „*засядешь*“ на троитѣ: по русски говорится *восядешь*. Особенно часто рѣжетъ ухо несрдиное русской рѣчи расположение словъ и неполнота предложенийъ: ...„Обѣщаешьъ, что вернется и царствовать *будешьъ*...“ „До тѣхъ поръ, пока у ногъ Митры *хнычешь*, ты находишься въ кругу опасности и смерти“ (97)... „Кончая жертву, руки бывшихъ и сѣйшаго платья *не замарааетъ дѣвица* (*дѣва?*)“ (101)... „Отъ креста руки оторвать, сбросить съ головы терноваго вѣнца *не успѣваетъ онъ*“ (78)... „Онъ зналъ, что позоръ за него *терпѣть будутъ*“ (110). Такихъ мѣсть можно было бы указать не мало, и это тѣмъ болѣе жаль, что отъ нихъ рѣчь Красинского становится для русскаго уха шероховатой и прозаической. Во всякомъ случаѣ, хотя и трудно предсказать „Иридиону“ особенно широкий кругъ читателей, но все же въ этомъ изданіи русская литература приобрѣтаетъ одно изъ характерныхъ и значительныхъ произведений родственного польскаго духа.

Гете. Фаустъ. Пер. въ прозѣ Петра Вейнберга. Съ примѣч. переводчика. Слб. 1904.

Чтобы опѣнить надлежащимъ образомъ прозаической переводъ стихотворного произведения, необходимо имѣть въ виду, что онъ представляетъ собою дополненіе къ переводу поэтическому, замѣнить который онъ не въ силахъ и не стремится. Какъ о сложной машинѣ могутъ дать болѣе или менѣе полное представление лишь разнообразные чертежи ея въ различныхъ проекціяхъ, такъ съ оригиналомъ художественного произведения, написанаго на незнакомомъ языке, могутъ съ достаточной полнотой ознакомить лишь дополняющіе другъ друга переводы поэтической и прозаической. Первый, заботясь о сохраненіи красоты формы, передастъ читателю эмоціональную сторону поэтическаго подлинника; второй выдвинетъ на первый планъ его логические элементы.

ты, его рациональную сторону, неизбѣжно отодвигаемую въ тѣнь въ погонѣ за стихомъ, за рифмой, за лирическимъ подъемомъ. Въ особенности необходимы эти различные по цѣлямъ переводы, когда имѣешь дѣло съ такимъ произведеніемъ, какъ „Фаустъ“. Философская поэма, вобравшая въ себя все содержаніе многолѣтней высоко-напряженной духовной жизни поэта-мудреца, трагедія Гете какъ бы сплошь состоитъ изъ творческихъ фокусовъ, сконцентрировавшихъ на пространствѣ одной сценки, одной фразы, одного слова цѣлый міръ мыслей. Совершенно немыслимо пересадить ихъ на другой языкъ, сохранивъ ихъ выразительность, ихъ красоту, ихъ паѳосъ: это возможно сдѣлать лишь по частямъ, здѣсь оттѣня одни элементы творческаго созданія, тамъ другіе. Оттого задачи переводовъ поетического и прозаического совершенно различны—и ошибается тотъ, кто въ одной формѣ гонится за исполненіемъ задачъ, свойственныхъ другой. Такъ, напримѣръ, когда г. Соколовскій, стараясь дать читателю полное и ясное представленіе о пьесѣ Шекспира, разлагаетъ сжатыя формулы поетического языка, вводить въ текстъ объясненія, которыхъ въ немъ нѣть, и оттого удлиняетъ свой стихотворный переводъ чуть не вдвое противъ подлинника, онъ грѣшилъ противъ того поетического стиля, который хотѣлъ передать, и самъ мѣшаетъ исполненію своей задачи. Въ такую же ошибку впадаетъ П. И. Вейнбергъ, когда послѣ сугубой прозы своего перевода, почувствовавъ лирическій подъемъ, вдругъ передаетъ патетическій эпизодъ трагедіи какоюто скандированной прозой, бѣлыми или, вѣрнѣ, бѣловатыми стихами. Эта случайная прикраса не нужна его переводу: у него есть свой стиль, и нарушеніе его можетъ только повредить ему. Приспособившись къ безыкусственной прозѣ, читатель чувствуетъ себя лишь непріятно пораженнымъ, когда въ ряду прозаическихъ діалоговъ его ухо вдругъ улавливаетъ звуки какого то ритма—неполнаго, нерѣшительнаго, ненужнаго. „Крыса въ кладовой жила, ъла только жиръ да масло, и брюшко она себѣ завела—какъ докторъ Лютеръ. Но кухаркаставить ядъ; крысѣ жутко, крысѣ болѣно—точно жжетъ нутро любовь“: что это стихи или проза? Ни то, ни другое—ублюдочная форма, ради которой, однако, допущены отступленія отъ оригинала, гдѣ послѣдняя фраза буквально гласитъ: „и стало ей тѣсно на свѣтѣ, точно у нея въ тѣлѣ любовь“.

Мы занялись этимъ смѣшеніемъ не для того, чтобы поставить его въ особую вину переводу П. И. Вейнберга, какъ нѣчто характерное: этихъ скандированныхъ эпизодовъ немного въ его переводѣ; мы хотѣли только выяснить, что *каждый* жанръ перевода имѣть свои законы, нарушать которые ему не годится. Законъ прозаического перевода есть точность, и только съ этой стороны можно судить переводъ П. И. Вейнберга. Ему ставили въ вину его неуклюжую прозаичность; и, дѣйствительно, не трудно

немногими выдержками показать, что некоторые места, высоко поэтичные въ подлиннике, действуют въ прозаическомъ переводе раздражающе грубо и даже противо-художественно. Но надо же помнить, что эстетические элементы формы и не могут быть сохранены, когда цѣлью перевода является „буквальная“ точность. Поэтический переводъ есть какъ бы художественная фотографія красивой мѣстности; переводъ прозаический есть какъ бы ея планъ: смѣшно требовать, чтобы планъ давалъ намъ представление о художественныхъ красотахъ мѣстности. Конечно, возможенъ художественный переводъ и въ прозѣ, но въ данномъ случаѣ переводчикъ вполнѣ сознательно уклонился отъ этой трудной задачи; онъ самъ говорить, что имѣлъ въ виду исключительно „сохраненіе строжайшей близости къ буквѣ великаго подлинника“: здѣсь ужъ, конечно, о поэтичности перевода не можетъ быть рѣчи.

Правда, когда переводчикъ заявляетъ, что „ни въ какихъ, даже самыхъ малѣйшихъ, отступленіяхъ никто не можетъ упрекнуть меня“,—онъ впадаетъ въ свойственное всѣмъ намъ заблужденіе: „самыхъ малѣйшихъ“ отступленій въ его работѣ достаточно; есть и менѣе мелкія; можно только сказать, что въ ней нѣтъ серьезныхъ погрѣшностей. Во всякомъ случаѣ новый прозаический переводъ „Фауста“ значительно точнѣе перевода г. Соколовскаго, который—особенно во второй части трагедіи—проявилъ довольно таки поверхностное знакомство съ немецкимъ языкомъ и смысломъ подлинника. Такимъ образомъ, переводъ П. И. Вейнберга является теперь единственнымъ, пригоднымъ для изученія буквы подлинника, поскольку обѣ этой буквѣ можетъ дать представление переводъ. Не надо только думать, что этотъ прозаический переводъ можетъ замѣнить переводъ поэтический, что онъ способенъ передать не только вѣшнюю оболочку, но и частицы духа великаго подлинника: эту достойную цѣль онъ предоставляетъ другимъ, довольствуясь исполненіемъ своей ограниченной, но необходимой задачи.

В. С. Ильинъ-Свитычъ. Старый Молитвенникъ. Владивостокъ, 1903.

Въ сѣверо-западномъ краѣ верстахъ въ шестидесяти отъ города, въ небольшой деревушкѣ мирно жилъ со старой теткой и двумя дѣтьми шляхтичъ Кароль Дроздовскій. „Простая несложная жизнь въ заботахъ о полѣ и кускѣ трудового хлѣба съ этого поля“ поглощала его цѣликомъ. Много лѣтъ подъ рядъ юдиль онъ ежегодно въ городъ кое-что продать, кое-что купить, отслужить панихиду по своей женѣ Касѣ. Но вотъ однажды, прѣхавъ по обыкновенію ко дню Всѣхъ Святыхъ, онъ былъ пораженъ какимъ-то особыеннымъ, приподнятымъ настроеніемъ въ городѣ. Въ костелѣ проповѣдникъ говорить непривычныя для него слова:

„Дорогие братья и сестры... Идите твердо по намеченному пути спасения, не бойтесь никого, не страшитесь никаких страданий. Ваше дело — дело спасения родины“. И въ ответъ на его слова въ церкви то тамъ, то сямъ среди мертвой тишины раздаются вздохи и всхлипыванія...

Кароля въ его сѣромъ жупанѣ и съ мозолистыми руками не-жданно и негаданно ведутъ къ самой красавицѣ-пани Маршалковой. И тамъ тѣ же новыя для него рѣчи о родинѣ, свободѣ, общемъ дѣлѣ...

„Съ дымомъ пожаровъ“ раздается подъ темными сводами костела. „То, какъ въ бурю, вздымались могучей волной, звуки росли, можно потрясая воздухъ, такъ что дребезжали стекла въ окнахъ и колебалось пламя свѣчей, то, ослабѣвая, переходили въ тихую жалобу, стонъ“. „Лица пѣвцовъ поблѣднѣли, глаза широко раскрылись, губы дрожали, по щекамъ катились слезы, руки невольно поднимались къ алтарю...“

И разнеслась пѣснь по всему краю, и зажгла всѣ сердца, сравнивъ бѣдныхъ и богатыхъ, юношей и стариковъ... „Это было что-то стихійное, огромное, страшное и въ то же время до того увлекающее, что ему противиться онъ не имѣлъ силъ и даже сознательно не хотѣлъ“. И Кароль, какъ и многіе другіе, бросилъ свою семью, свое поле и пошелъ на общее дѣло, готовый положить жизнь за свободу родины. Добрые люди не оставятъ—и, дѣйствительно, не оставили—сиротъ... Но недолгъ подъемъ: въ первой же стычкѣ повстанцы разбѣглись; годы тюрьмы, солдатчина, жизнь въ глухой деревушкѣ на сѣверѣ Сибири, съ постоянной мечтой вернуться на родину... Трагическая потеря по грошамъ собранныхъ денегъ, нищета и, наконецъ, одинокая смерть въ холодномъ и мрачномъ углу. Таково несложное, но интересное и увлекательное содержаніе повѣсти. Особенно хороша первая часть, где попадаются истинно-художественные страницы.

Авторъ совершенно чуждъ современной колоритной и бьющей на эффектъ манерѣ письма. Онъ ведеть разскажь просто, спокойно, подробно и съ любовью выписывая каждую мелочь, и получается впечатліе живой, пережитой и выстраданной дѣйствительности. Жаль, что польскія цитаты не переведены на русскій. Надо было бы взять въ разсчетъ, что большинство читателей незнакомо съ польскимъ языкомъ.

В. Розовъ-Цвѣтковъ. По ту сторону „Пояса міра“. М. 1904.

Небольшая и весьма наивная книжечка. Г. Розовъ-Цвѣтковъ по собственному почину побѣхалъ въ западную Сибирь и провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ туриста, и при томъ, какъ онъ признается, „любопытнаго“. Любопытство его, однако, не переходитъ въ любознательность. Что въ Сибири лѣса изобилуютъ пушными звѣрями, а рѣки рыбой, что остыки живутъ въ чумахъ

и ихъ женщины любятъ блестящія украшениія, что Алтайскія горы величественны, а степи безконечны—всѣ мы знаемъ съ школьнай скамы. Не предъявляя даже такихъ требованій, какъ художественное изображеніе мѣстныхъ нравовъ и природы, на что мы и имѣли бы право въ виду балетристической формы, выбранной авторомъ, мы не находимъ въ книгѣ почти никакихъ интересныхъ и характерныхъ для края свѣдѣній. Мы узнаемъ, что съ авторомъ Ѵхъ нѣкій скептикъ и матеріалистъ Петръ Петровичъ, что у одной изъ пассажирокъ чуть не умеръ ребенокъ и т. д., что пароходы по Оби и Иртышу ходятъ неаккуратно, но вѣдь это извѣстно a priori каждому русскому обывателю, сколько-нибудь знакомому съ водными и сухопутными путями сообщенія нашего отечества. За то авторъ повѣствуетъ о необыкновенно романтическомъ направлении духа у киргизовъ и остыаковъ. Вотъ какъ, напримѣръ, объясняется киргизъ русской дѣвушкѣ, въ которую онъ влюбленъ:

„Въ твоихъ очахъ все счастье, Рахима... мы вѣдѣтъ съ тобой обитаемъ полдень (?) родной степи, гдѣ такъ привольно, такъ хорошо... Великолѣпное зѣлице восхода солнца ждеть нашего пробужденія, многочисленныя стада пасутся вблизи нашихъ палатокъ... мѣстомъ постоянныхъ прогулокъ служатъ намъ горы и долы, гдѣ только ты, да я... Въ журчаніи горныхъ потоковъ услышимъ мы таинственный говоръ этихъ хрустальныхъ водъ“, и т. д., и т. д.

Нѣкій остыакъ, женатый на русской, такъ нещадно билъ ее въ пьяномъ видѣ, что г. Розовъ-Цвѣтковъ воспыпалъ благороднымъ желаніемъ спасти несчастную и увести ее, впрочемъ, вполнѣ безкорыстно, подальше отъ мужа. Съ этой цѣлью вечеромъ онъ подходитъ къ ея чуму и что же онъ слышитъ? „Это были два внятные слова, тихіе жалобные звуки, словно подавленные вздохи... Приникаю ухомъ и ясно слышу сквозь тонкую стѣну юрты, какъ мужской голосъ сладострастно шепчетъ: „Има, Има“, вслѣдъ которому другой голосъ, грудной женскій вторить: „Сабаль“...—порывъ поцѣлуевъ сопровождаетъ эти слова“... Стоило ли Ѵздѣть такъ далеко за такими впечатлѣніями?

А вотъ образчикъ описаній автора.

„Солнце впродолженіи всего юльского дня не сходило съ неба, что еще болѣе способствовало пріятности путешествія на водѣ. Къ вечеру на сѣмью ему явился мѣсяцъ. Онъ неизмѣнно сопутствовалъ нашъ пароходъ (?). Во всяки эти вечера и по временамъ казался такъ (?) близкимъ отъ насъ, что, думалось, стоить только немногого подняться, чтобы коснуться его. Но его печальный и безучастный видъ вселялъ въ душу какую-то неопределенную и безконечную грусть“. Какъ тутъ не вспомнить Тургеневскаго отзыва о русскомъ языке!..

Ольга Давыдова. Изъ воспоминаний учительницы. Киевъ, 1904.

Случайные колебания въ русской жизни, при всей скучности своихъ положительныхъ результатовъ, приподнимаютъ иногда то тутъ, то другой краешекъ завѣсы, оберегающей отъ взоровъ обычавшеля тайны того сложного механизма колесъ и рычаговъ, которымъ регулируется его существование. Такъ, недавно еще довольно высоко приподнялся тутъ край этой завѣсы, который прикрывалъ собою среднюю школу. Возникла цѣлая литература, которая раскрыла передъ нашими глазами замѣчательную картину кальчения дѣтской души въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ. И беллетристика наша ни на какой злободневный вопросъ не отзывалась такъ охотно и такъ полно, какъ именно на этотъ вопросъ о средней школѣ. Оно и понятно. Среднюю школу, если не вообще, то въ частности, мы всѣ знаемъ, и каждый изъ насъ имѣеть что разсказать въ такую минуту, когда общественное внимание мобилизовано на связанныхъ съ нею вопросахъ. Небольшая книжка г-жи Давыдовой представляетъ собою не что иное, какъ одну изъ безчисленныхъ иллюстрацій къ темѣ, такъ волновавшей недавно, да, пожалуй, еще и продолжающей волновать общественное мнѣніе. Авторъ беззыскательно разсказываетъ о пережитой коллизіи юиошескихъ надеждъ и намѣреній съ сухимъ и глупымъ педантизмомъ, царившимъ въ одной изъ провинциальныхъ женскихъ гимназій. Ничего ни нового, ни чрезвычайного въ книжкѣ не разсказано, но именно отсутствіе чего-нибудь выходящаго изъ ряда самыхъ обыденныхъ фактовъ и отношений заставляетъ чувствовать и сознавать драматизмъ того общаго процесса, который, съ одной стороны, безостановочно работаетъ надъ выщелачиваніемъ изъ дѣтской души самыхъ драгоценныхъ свойствъ ея, а съ другой—обрекаетъ на тщетность всякую попытку, не то чтобы повернуть колесо въ другую сторону, а хотя бы замедлить или парализовать его движеніе. Рассказъ г-жи Давыдовой, это—не плодъ художественного творчества: ни одна страница въ немъ не производить впечатлѣнія выдуманного; и самая беллетристическая форма изложенія продиктована автору, повидимому, лишь простымъ желаніемъ держаться какъ можно ближе къ действительности. И отъ этого цѣнность рассказа несомнѣнно выиграла, придавъ ему характеръ добросовѣстного свидѣтельства человѣка, близко испытавшаго тренѣе школьнаго режима.

М. Да-Коста. Национализмъ въ германской средней школѣ. Пер. съ французскаго С. Кондратьева. Москва, 1904.

Въ недавнихъ сужденіяхъ о реформѣ нашей средней школы занимали видное мѣсто также разговоры о необходимости сообщить ей болѣе национальный характеръ. Не обошлось даже безъ некоторыхъ попытокъ въ этомъ направленіи: въ программы было

введено отечествовѣдѣніе, для преподаванія котораго не оказалось ни учебниковъ, ни учителей...

Небольшая, но въ высшей степени поучительная работа французского педагога показываетъ, какъ достигается и чего стоять тѣтъ национализмъ, которымъ при посредствѣ средней школы собирались возвратить къ новой жизни наше космополитическое юношество россійскіе патріоты. Национализмъ германской средней школы поистинѣ способенъ внушить почтеніе: это сила отрицательная, но это сила. Онъ имѣть исторію, глубоко пустить корни и дѣлаетъ свое дѣло съ блестящей послѣдовательностью и сознательностью. Отъ Лютера черезъ Канта, Фихте и Гербарта онъ развился въ стройную систему пріемовъ, которые имѣютъ то громадное достоинство, что они дѣйствительны. Нѣмецкая школа прежде всего патріотична. „Во что бы то ни стало слѣдуетъ образовывать людей, убѣжденныхъ въ своемъ духовномъ превосходствѣ, одушевляемыхъ абсолютной вѣрой въ высокое предназначение ихъ отечества и готовыхъ мужественно добиваться его осуществленія воюду, где представляется къ этому случай“—таковъ нѣмецкій педагогический идеалъ. „Поэтому всѣ усилия учителя должны быть направлены къ одной цѣли: образовать общее однообразное настроеніе, съ характеромъ религіознымъ, нравственнымъ и патріотичнымъ, достигая этого постояннымъ воздействиѳмъ въ большей степени на волю, чѣмъ на умъ“. Понятія: Германія, чувство, свобода, мораль сливаются для ученика воедино. Быть хорошимъ нѣмцемъ значить быть нравственнымъ; доставить торжество Германіи значить осуществить завѣтъ религіи; это торжество будетъ торжествомъ права, ибо его дала сила. Самая идея единаго человѣчества отходить на второй планъ; сообщеніе знаній и развитіе ума играетъ подчиненную роль: Германіи нужны дисциплинированные массы исполнителей, а не мыслители, которые могутъ додуматься до чего угодно. Въ этомъ отношеніи особенно характерны приводимыя авторомъ замѣчанія профессора Рейна. Умъ можетъ столь же легко сдѣлать дурное, какъ и хорошее примѣненіе изъ усвоенныхъ учениками знаній: отсюда вытекаетъ необходимость дать ему руководство, развивая пресловутую „нравственно-религіозную“ волю. Съ другой стороны, понятіе міровой культуры—Weltkultur—слишкомъ широко: не знаешь, где его искать. Лишь „заставляя умъ ученика войти въ национальную жизнь, мы дадимъ ему здоровую и легко усваиваемую пищу; поэтому весь вопросъ заключается только въ анализѣ круга нѣмецкой мысли; это единственная норма для установления воспитывающаго обученія“.

Эта характеристика основныхъ началь нѣмецкой педагогической системы служитъ исходнымъ пунктомъ для любопытныхъ замѣчаній, которыхъ французскій авторъ посвящаетъ педагогической реформѣ Вильгельма II. Въ ней видѣли нечто новое и идеи-

чое; на самомъ дѣлѣ она закрѣпляла старое и имѣла практическія цѣли. Императоръ, „который подъ видомъ личной инициативы, въ сущности лишь еще сильнѣе склоняетъ волю народа въ томъ направленіи, по которому она уже шла сама, не преминулъ упрочить дѣло, которое начато болѣе ста лѣтъ тому назадъ“... Вильгельма II интересовала не чисто научная сторона; вопросъ о томъ, что является лучшимъ средствомъ для общаго развитія ума, естественныхъ наукъ или филологическихъ,—безпокоилъ его въ слабой степени. Но онъ понималъ, что замѣна древнихъ языковъ новыми—въ основу занятій коими положены тѣ же практическія цѣли,—отечествовѣдѣніемъ и гимнастикой имѣеть опредѣленный результатъ: сосредоточеніе образованія вокругъ національныхъ традицій и созданіе дисциплинированныхъ массъ, пригодныхъ для жизненной борьбы.

Поклонникъ техники нѣмецкихъ педагоговъ, авторъ, какъ мы видѣли, не задумывается показать, какъ онъ относится къ ихъ конкретнымъ цѣлямъ. Тѣмъ цѣннѣе его указанія на одну привлекательную сторону нѣмецкой школы—ея демократизмъ. Она представляется ему „образцомъ демократической организаціи въ лучшемъ смыслѣ слова“. Въ то время, какъ французская педагогическая система какъ бы предназначена для того, чтобы со-здавать избраниковъ, нѣмецкая приспособлена къ образованію массъ. „Въ ней царить, какъ между учителемъ и учениками, такъ и между самими воспитанниками, удивительный духъ единенія, солидарности, и слѣдуетъ признать, что въ этомъ смыслѣ школа вполнѣ осуществляетъ свою идеальную цѣль,—быть естественнымъ переходомъ, медленной эволюціей отъ одной тѣсной формы колективности, отъ семьи, къ другой, болѣе широкой формѣ колективности, къ народу или государству“. Французская школа какъ бы стремится подчеркнуть естественное неравенство умовъ; она „создаетъ наряду съ экономическими конфликтами еще конфликты интеллектуальные и нравственные, которые являются источникомъ опасности, если не для общественного порядка, то, по крайней мѣрѣ, для общественной гармоніи“. Нѣмецкая подымаєтъ средній уровень и приводить къ солидарности разнообразные элементы государственной жизни. Нѣтъ нужды прибавлять, что при этомъ избраники остаются избраниками.

Не смотря на свою историческую устойчивость, общий характеръ нѣмецкой школы, подмѣченный авторомъ, не долженъ пред-ставляться чѣмъ-то вѣковѣчнымъ и въ будущемъ. Нѣмецкій идеализмъ принесъ также здоровыя зерна недовольства утилитарно-націоналистическимъ направленіемъ. Уже не одинъ нѣмецкій пе-дагогъ носить убѣжденіе, что цѣль воспитанія есть возвышение ученика до степени человѣка мыслящаго и справедливаго, что для достижения этой цѣли должно ставить предъ глазами учениковъ высшіе типы „представителей человѣчества“, что народъ.

какъ бы онъ ни былъ великъ и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ своими духовными силами, не хранить ихъ всѣхъ въ своихъ нѣдрахъ... Школа должна стать не вѣнциональной, но сверхъ-национальной,—мы рѣшились бы сказать: космополитической, если бы это прекрасное и благородное въ своей этикологіи слово не было извращено современнымъ духовнымъ симбуромъ.

Два вывода для русской школьнай политики позволяютъ сдѣлать наблюденія и соображенія французскаго педагога: ясно, во-первыхъ, что национализма, подобнаго нѣмецкому, мы въ своей школѣ не добьемся; его создаютъ силы, болѣе могущественные, чѣмъ программы и циркуляры. Несомнѣнно, во-вторыхъ, что его добиваться и не слѣдуетъ. Подобно средневѣковому волшебнику, современная Германія отдастъ за молодость и физическую силу свою душу. Лишь культь силы могъ привести къ мысли послѣдователь ея примѣру.

С. Кузминъ. Война въ мнѣніяхъ передовыхъ людей. Спб. 1904.

Заглавіе книги г. Кузмина не совсѣмъ точное. Въ самомъ дѣлѣ, какъ отнести къ передовымъ людямъ Меттерніха, де-Мэстра или Каткова? Между тѣмъ и ихъ мысли г. Кузминъ включилъ въ свою книгу. Намъ понятно, впрочемъ, затрудненіе составителя: употребить обычный въ такихъ случаяхъ терминъ „знаменитые люди“ онъ не могъ, ибо гг. Симсонъ („русскій юристъ XIX—XX в.“), Сухотинъ, Войде („русскіе генералы XIX—XX в.“), Цинуцци („командиръ аркебузировъ“) и цѣлый рядъ другихъ именъ, встрѣчающихся въ книгѣ, ничѣмъ особынными себя въ большой публикѣ не прославили и сбыть ихъ читателю съ этикеткой „знаменитые“ было бы, пожалуй, еще труднѣе. Это просто мысли людей всякаго рода и званія и при томъ къ войнѣ имѣющія подчасъ лишь очень отдаленное отношеніе. Взять хотя бы изреченіе Хомякова, помѣщенное на 66 страницѣ: „Богъ движетъ человѣчество“. Съ неменьшимъ правомъ оно могло бы, конечно, фигурировать и во всякомъ другомъ сборникѣ афоризмовъ. Въ отдѣлѣ „определение войны“ мы встрѣчаемъ изреченіе Сенеки: „жизнь—та же война“. Если это определеніе, то, конечно, не войны, а жизни... Многія облюбованныя г. Кузмінымъ мысли поражаютъ при этомъ своюю полною безсодержательностью. „Хотя война—изрѣкъ въ XVI в. Цинуцци—влечетъ за собою много тяжелыхъ и угнетающихъ послѣствій, но если относиться къ ней безпристрастно, ей всетаки должно отдать справедливость въ томъ, что за ней слѣдуетъ достойный и желаемый конецъ—миръ и человѣческое преуспѣяніе“. Ради этого едва ли стоило тревожить тѣнъ „командира аркебузировъ“. Такого рода афоризмы составителемъ достаточно много набрано и у г-на Мартенса...

Понадегородные какъ попало, „мнѣнія“ преподнесены затѣмъ

читателю въ самомъ беспорядочномъ видѣ. Маккіавели, Лассаль, Ничше, Рюстовъ, Трейчке, Владимир Соловьевъ, Руссо, Гераклитъ, Максъ Егусъ, Лебонъ, Блунчи, Мольтке, Прудонъ, императоръ Николай I... вотъ порядокъ, въ какомъ обычно слѣдуютъ у г. Кузмина „передовые люди“,—люди разныхъ эпохъ, разныхъ профессий, разныхъ настроений. Перемѣшаны не только люди, но и ихъ мысли,—мысли о войнѣ международной и гражданской, гимны ей и проклятия. Впрочемъ, это сдѣлано, быть можетъ, преднамѣренно. Взявъ эпиграфомъ для своей книги изреченіе Данилевскаго: „война—великая тайна“, составитель желалъ, по-видимому, увѣрить въ этомъ и читателя.

Въ венигретѣ, изготовленномъ г. Кузминымъ, встрѣчаются, однако, и любопытныя вещи.

„Имперія—провозгласилъ Наполеонъ III—это миръ“. Исторія судила, однако, иначе. Доведя Францію до разгрома, имперія и сама, какъ известно, „отъ меча“ погибла. Будучи молодымъ человѣкомъ, Мольтке писалъ: „мы признаемъ себя открыто сторонниками идеи вѣчного мира...“ „Возможна ли — спрашивалъ онъ тогда же — въ наше время война изъ-за испанского наследства, изъ-за веахъ уеихъ de Madame?“ Сдѣлавшись, однако, фельдмаршаломъ, онъ радикально измѣнилъ свое мнѣніе. „Миръ — говорилъ онъ своимъ бывшимъ товарищамъ — есть мечта и отнюдь не приятная“. Любопытно при этомъ, что и фельдмаршаломъ-то онъ сдѣлся въ войнѣ, ближайшимъ поводомъ для которой послужила кандидатура Гогенцолерна именно на испанскій престоль. На страницѣ 237 мы встрѣчаемъ такія патетическія строки:

Стыдъ и позоръ на ваши головы, поэты войны, рисующіе эту злобную гарпию—дивной красавицей; изъ всѣхъ лжецовъ—вы сами ненавистные, изъ всѣхъ сказочниковъ—вы самые гнуснѣые! Стыдъ и позоръ!

Кто бы могъ подумать, что эти строки написаны когда-то краснорѣчивымъ поэтомъ современной войны—В. И. Немировичемъ-Данченко. Ничего таинственного во всемъ этомъ, конечно, нѣть. И если гр. Мольтке утверждаетъ, что „война—это составная часть Богомъ установленного мірового порядка“, что „война—священна“, что „война — божественное учрежденіе, одинъ изъ священнѣйшихъ законовъ міра“, то... мы можемъ, пожалуй, согласиться. Да, война такъ же священна, какъ и фельдмаршальство самого Мольтке; послѣднее вѣдь тоже „составная часть Богомъ установленного мірового порядка“.

Въ этомъ „порядкѣ“, конечно, и заключается вся „тайна“. „Для войны—говорить Гюго—бывають разные предлоги; причина же у нихъ одна: армія... Уберите армію и вы уничтожите войну.“ Дѣло, конечно, не только въ арміи, но и въ томъ строѣ, въ которомъ, по выражению Драгомирова, „за судьей стоять полицейский, за полицейскимъ—солдатъ.“ Если положеніе судьи не

прочно, то полицеистский, а за нимъ и солдатъ легко могутъ оказаться на первомъ планѣ, а такое размѣщеніе правящихъ фигуръ неизбѣжно приводить къ войнѣ или смутѣ. Въ народной жизни противъ этого уже есть средство—„гарантія“, но въ сфере международныхъ отношеній до „правового порядка“ люди еще не додумались...

Правильнѣе сказать, не дожили. „Всѣ цари, кроме китайскаго,— говорить Толстой,— носятъ военный мундирь.“ Это, конечно, не случайность и не капризъ, а историческая традиція. Первоначальнымъ источникомъ власти была физическая сила, для нея же война—*ultima ratio*. „На войнѣ нѣть другого права, кроме силы“ (Верже). Въ войнахъ оказывается, однако, не только традиція, но иногда и сознательный расчетъ. Маккіавелли со свойственнымъ ему цинизмомъ училъ:

Война во всѣхъ ея отправленіяхъ есть единственный предметъ, которому правитель долженъ посвящать свои мысли и заботы, сдѣлать его своимъ призваніемъ. Это настоящее занятіе для того, кто хочетъ править; оно укрѣпляетъ за нимъ тронъ...

Прежніе правители и относились къ войнѣ, какъ къ главному своему занятію. Ихъ мнѣнія о ней были чужды какихъ-либо рефлексовъ. „Война—говорилъ Густавъ Адольфъ—есть война, а солдатъ—не монахиня.“ Мнѣнія позднѣйшихъ правителей представляются уже значительно осложненными. Мы видѣли, что Наполеонъ III имперію и миръ объявилъ синонимами. Даже Наполеонъ I, залившій землю кровью, считалъ себя носителемъ идеи мира: „сколько крови—вздыхалъ онъ—въ будущемъ будетъ пролито для достижения мира, который я хотѣль даровать человѣчеству“.

Кто въ настоящее время—восклицаетъ императоръ Францъ-Іосифъ—можетъ желать войны,—никто! Не можетъ быть никого, кто бы питалъ столь пагубное желаніе, по крайней мѣрѣ, я не думаю. Не знаю, кѣмъ было сказано, будто войны всегда являлись результатомъ желаній самихъ народовъ, которые навязывали ихъ своимъ миролюбиво настроеннымъ правительствамъ. Такое мнѣніе, очевидно, не согласно съ истиной.

Войны, однако, продолжаются. И онѣ, конечно, будуть до тѣхъ поръ, пока есть право, опирающееся на физическую силу.

Послѣдняя въ наши дни является, однако, далеко не единственнымъ источникомъ власти. Съ нимъ успѣшно конкурируетъ богатство, проявляющее свою силу въ формѣ экономической эксплуатации. Когда-то казалось, — а нѣкоторые и по сей день думаютъ,—что въ развитіи промышленности и торговли заключается лучшая гарантія мира. Возможность для правящихъ классовъ удовлетворять свои аппетиты за счетъ согражданъ, несомнѣнно, ослабила у нихъ на нѣкоторое время страсть къ завоеваніямъ. Международныхъ войнъ, быть можетъ, стало меньше, но за то сдѣлались неизбѣжными гражданскія.

Первый, — говорить Руссо, — кто, оградивши участокъ земли, вздумалъ сказать: это мое, и нашель людей довольно глупыхъ, чтобы ему повѣрить, былъ истиннымъ виновникомъ гражданскаго междуусобія. Отъ сколькихъ преступлений, войнъ, убийствъ, отъ сколькихъ бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто, выдернувъ колья и закопавши ровъ, кликнулъ бы себѣ подобными: смотрите, не слушайтесь этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля никому!

Этотъ голосъ уже слышенъ, но — рвы и колья все еще остаются...

Аппетиты нарастаютъ, однако, быстро и ихъ не могутъ удовлетворить эксплуатируемые все въ большей и большей массѣ сограждане. Уже Адамъ Смитъ указалъ, что

торговля, которая должна бы связывать, какъ народы, такъ и отдельныя лица союзомъ и дружбою, стала неизсякаемымъ источникомъ разногласія и вражды. Своенравное честолюбіе государей и министровъ не было такъ пагубно для благоденствія Европы, какъ безразсудная зависть торговцевъ и промышленниковъ.

Въ результатѣ оказывается, — писалъ Достоевскій,—

„что буржуазный долгій миръ всѣтаки, въ концѣ концовъ, всегда почти зарождаетъ самъ потребность войны, выносить ее самъ изъ себя, какъ жалкое слѣдствіе, но уже не изъ-за великой и справедливой цѣли, достойной великой націи, а изъ-за какихъ-нибудь жалкихъ биржевыхъ интересовъ, изъ-за новыхъ рынковъ, нужныхъ эксплуататорамъ, изъ-за приобрѣтенія новыхъ работъ, необходимыхъ обладателямъ золотыхъ мѣшковъ,—словомъ, изъ-за причинъ, неоправдываемыхъ даже потребностью самосохраненія”...

Мы живемъ какъ разъ въ моментъ развитія этого промышленного „имперіализма“, и въ наши дни болѣе, чѣмъ когда либо, представляется очевидной справедливость мысли, высказанной Прудономъ, что „война не можетъ быть иною, какъ войною за эксплуатацию“. Въ перспективѣ, казалось бы, уже виднѣется новый періодъ безконечныхъ войнъ...

Къ счастью для человѣчества, въ его исторіи уже явственно обозначались иные пути и на общественной аренѣ появились уже новые силы.

Давая — по выражению Толстого — тому, кто больше убилъ народа, большую награду, власть, опиравшаяся на физическую силу, сама себѣ создала конкурента въ лицѣ богатства. Еще серьезнѣе новый факторъ, который уже началъ влѣять на исторію. Открылся новый источникъ власти — сила мнѣнія, намѣтился совершенно новый строй жизни — демократія. „Воинственный духъ — говорить Ренанъ — живеть только въ солдатахъ по ремеслу... Демократія не понимаетъ военной чести“. Миролюбіе современныхъ правительствъ, о которомъ мы говорили выше, это своего рода уступка передъ общественнымъ мнѣніемъ, съ которымъ нельзя уже не считаться. Въ пробуждающемся самосознаніи народныхъ массъ торгаши и промышленники почувствовали не-

преодолимую преграду для нарастания своихъ аппетитовъ. Чтобы обойти эту преграду, они и стараются увлечь массы новымъ империализмомъ.

„Истинная причина войны—говорить Риш—это невѣдѣніе: оно причина того, что бѣдный народъ не умѣеть отличать своихъ друзей отъ своихъ враговъ“. Но эта причина не вѣчная. „Время великихъ убийствъ, по мнѣнію Гюго, уже прошло... Пушечное мясо стало размышлять, и ему уже не льстить роль приносимыхъ жертвъ“. „Дни царства желѣзныхъ людей, отжившихъ остатковъ прошлыхъ вѣковъ—говорить Ренанъ—уже сочтены демократіей“.

Сочтены, но еще не кончились... Въ этомъ—повторяемъ—только и заключается та „великая тайна“, въ которой г. Кузминъ старается увѣрить своихъ читателей.

Д-ръ О. Франкѣ. Умственныя теченія въ современномъ Китаѣ. Харьковъ. 1904.

Эта брошюра представляетъ собою переводъ доклада, прочитанного въ началѣ текущаго года д-ромъ Франкѣ въ берлинскомъ отдѣленіи германскаго колоніального общества. Специальность германской точки зренія, особенно отчетливо проведенная въ заключительной части доклада, не лишаетъ брошюру интереса и для русскаго читателя, вовлеченаго происходящими событиями въ судьбы Дальн资料的 Vостока. Д-ръ Франкѣ старается совершенно объективно оцѣнить идеинія стремленія китайскаго ума, и если эта задача остается далеко не выполненною, благодаря краткости доклада, то все же авторомъ приведены убѣдительные аргументы для обрисовки направлениія прогрессивно мыслящей части китайскаго народа. Для насъ любопытно и поучительно то, что реформатскія идеи, волнующія китайскихъ патріотовъ, по существу своему являются тѣми же идеями, которые направляютъ стремленія ихъ европейскихъ собратьевъ. Китайская культура изъ современныхъ не-европейскихъ культуръ представляется, по-жалуй, наиболѣе самобытною, и, тѣмъ не менѣе, выходъ къ свѣту китайскіе реформаторы видятъ тамъ же, гдѣ видѣла его Западная Европа сто лѣтъ назадъ. Участіе въ управлениі страною самого населения, взамѣнъ всевластія централизованной бюрократіи, представляется имъ основнымъ залогомъ политического возрожденія страны. „Пусть ваше величество,—говорить известный китайскій прогрессистъ Канъ-ю-вей, обращаясь въ своей запискѣ къ богданхану,—попросить совѣта у народа, чтобы слово повелителя проникло повсюду; пусть каждый въ государствѣ обязанъ будетъ подать свое мнѣніе для того, чтобы страна окрѣпла и реформы начались. Государственные вопросы должны быть переданы на обсужденіе государству“. Канъ-ю-вей не рекомен-

дуетъ определенныхъ формъ „обсужденія государствомъ государственныхъ вопросовъ“, но важны въ данномъ случаѣ не формы, а принципъ, и послѣдній ничѣмъ не отличается отъ принципа государственного управления европейскаго Запада. Судя по брошюре Франкѣ, среди китайскихъ прогрессистовъ нѣть людей, которые мечтали бы възродить сгражну] на какихъ-либо самобытныхъ основахъ политического строя: то „рѣшеніе, которое дано западною Европой, остается въ иѣ гла-вахъ единственнымъ для всякаго человѣческаго общества, будь то на Дальнемъ Востокѣ или въ какой-нибудь другой части зем-ного шара. Китайскій патріотъ, убѣжденный въ непригодности политической конструкціи своего отечества, съмѣто обращаеть взоры на Западъ и тамъ находить рѣшеніе мучающаго его во-проса. То же самое имѣеть мѣсто и въ области вопросовъ со-циальныхъ: и здѣсь идеалы, выработанные европейскою мыслью, представляются для китайскихъ прогрессистовъ лучшимъ рѣше-ніемъ соціальной проблемы. „Одинъ изъ обвиняемыхъ“, говоритъ Франкѣ: „предсталъ въ началѣ декабря передъ судомъ въ Шан-хай. „Я желаю распространить соціализмъ въ Китаѣ“,—заявилъ девятнадцатилѣтній юноша,—„я хотѣлъ стать для Китая тѣмъ, чѣмъ былъ Руссо для Франції“.

Проблема этическая меньше волнуетъ китайскихъ прогрессистовъ, чѣмъ проблемы политическая и соціальная: они ставить исходной точкою для рѣшенія этой проблемы свою національ-ную религию—конфуціанство, и въ этомъ главнымъ образомъ за-ключается тогъ „консерватизмъ“, который отычаѣтъ въ нихъ авторъ брошюры. Разумѣется, такой консерватизмъ надо при-знать весьма относительнымъ. Китайскіе реформаторы считаютъ, что конфуціанство достаточно удовлетворяетъ современное че-ловѣчество въ разрѣшеніи этическихъ вопросовъ, поскольку въ разрѣшеніи ихъ можно опираться на религию, и не считаютъ по-этому нужнымъ отъ добра искать добра.

Повторяемъ, что лежащая передъ нами брошюра далеко не исчерпываетъ вопроса, и главный недостатокъ ея заключается въ томъ, что въ ней содержится слишкомъ мало указаній для ха-рактеристики той почвы, на которой возникло стремленіе китай-скихъ реформаторовъ къ заимствованію европейскихъ формъ по-литического и соціального быта. Тѣмъ не менѣе, брошюра эта даетъ не лишній интереса материалъ къ пониманію точки зрѣ-нія прогрессивно мыслящаго китайца на взаимоотношениія между Востокомъ и Западомъ.

Труды комиссіи по изученію маляріи въ Россіи. Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. М. Вып. I. 1903 Вып. II 1904.

Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова за два десятилѣтія своего существованія обнаруживаетъ неустанную дѣ-

ятельность и неуклонно стремится къ поставленной въ уставъ его цѣли—научно-практической разработкѣ врачебныхъ и санитарныхъ вопросовъ. Состоя въ обычное, „межъѣздавое“ время только изъ состава правленія и немногочисленныхъ постоянныхъ членовъ, общество это развертывается въ широкую всероссийскую врачебную организацію въ періоды такъ называемыхъ пироговскихъ сѣзданій. Согласно указаниямъ опыта, для болѣе обстоятельной разработки нѣкоторыхъ научныхъ или практическихъ вопросовъ, не могущихъ быть разрѣщенными въ горячее время сѣзданій, при обществѣ образовываются постоянныя или временные комиссіи. Таковы: комиссія по распространенію гигієническихъ знаній въ народѣ, комиссія по вопросамъ пріобрѣнія подкѣдышей, постоянная комиссія по изученію туберкулеза и, наконецъ, комиссія по изученію малярии въ Россіи, труды которой лежатъ теперь передъ нами.

Изучить малярию въ Россіи задача столь же трудная, какъ „измѣрить океанъ глубокій, сочестъ пески, лучи планетъ“. Работа комиссіи Пироговскаго общества представляется первымъ серьезнымъ шагомъ въ эту мало, вѣрный сказать, почти совсѣмъ не изслѣдованную область. Комиссія пришлось прежде всего принять положеніе, что степень распространенія малярии въ Россіи величина, нисколько не установленная точно. Въ мѣстностяхъ, наиболѣе страдающихъ отъ этой болѣзни, нѣть совершенно никакой медико-статистической или санитарной организаціи. Извѣстно, что на Кавказѣ, въ Крыму и въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ малярия распространена сильно, но сколько приблизительно бываетъ заболѣваній въ извѣстномъ районѣ, гдѣ именно находятся эти наиболѣе губительные районы, какъ отражается на здоровьѣ обывателей малярия — все это вопросы, не имѣющіе отвѣта. Въ выборѣ мѣстности для изученія малярии и мѣръ борьбы съ ней комиссія остановилась на Воронежской губерніи и на Кавказѣ. Первая по степени распространенія малярии была взята, какъ средняя типичная губернія для приволжской и южной половины Россіи, а Кавказъ, какъ издревле классическая малярійная мѣстность. Кроме того, и Воронежская губернія, и Закавказская желѣзная дорога, которую комиссія избрала мѣстомъ своей дѣятельности на Кавказѣ, были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ изслѣдованы раньше съ точки зреинія заболѣваемости малярией. Работы обѣихъ экспедицій — воронежской и кавказской, — производившіяся весной, лѣтомъ и осенью 1903 года, вполнѣ установили наличность огромной заболѣваемости малярией въ малярійныхъ мѣстностяхъ. На Кавказѣ эта заболѣваемость доходитъ мѣстами до 150% и выше. При постройкѣ Дербентской вѣтви Владикавказской желѣзной дороги нерѣдки были случаи, когда всѣ рабочіе разбѣгались съ постройкой въ паническомъ ужасѣ передъ страшной въ этихъ мѣстахъ болѣзнью, иногда въ 2—3 дня уносящей

свою жертву. Встрѣчаются также случаи вымирания цѣлыхъ поселковъ и аудовъ. Работами комиссіи подтверждена, между прочимъ, и вѣрность такъ называемой комариной теоріи лихорадки, теоріи, все еще продолжающей возбуждать сомнѣнія, какъ среди публики, такъ и среди врачей. Въ малярійныхъ мѣстностяхъ, где принимаются предохранительные мѣры противъ комариныхъ укусовъ, повидимому, перестали сомнѣваться въ роли комаровъ, какъ передатчиковъ малярии. Попутно въ работахъ экспедицій выяснялись вопросы и болѣе широкаго значенія. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ необходимость реорганизаціи врачебной части на Кавказѣ по типу земскихъ учрежденій 1864 года. На это въ свое время указывалось уже неоднократно со стороны мѣстныхъ медицинскихъ организаций: кутаисского медицинского общества, второго съѣзда кавказскихъ врачей и императорскаго кавказскаго медицинскаго общества. Необходимость эта возникаетъ не только по отношенію къ Кавказу, но существенно важна и по отношенію ко внутреннимъ губерніямъ Россіи, такъ какъ масса лицъ, бывающихъ на Кавказѣ (рабочіе, служащіе, военные, больные, туристы) и заразившихся тамъ лихорадкой, возвращаясь на родину, поддерживаютъ и усиливаютъ заболѣваемость малярией въ Россіи, которая въ южныхъ и среднихъ губерніяхъ представляетъ благопріятныя условія для распространенія этой болѣзни. То же, что сказано о Кавказѣ, одинаково приложимо и къ средне-азіатскимъ владѣніямъ.

Работы экспедиціи на ст. Евлахѣ Закавказской желѣзной дороги совершились безъ особыхъ приключеній. Воронежской же экспедиціи, работавшей подъ Воронежемъ въ с. Отрожкахъ и на ст. Раздѣльной Юго-Восточной ж. д., пришлось въ своей дѣятельности сталкиваться съ явленіями необычными вообще, но на русскій ладъ не выходящими изъ предѣловъ нормы. „Появленіе въ деревнѣ врачей, отыскивающихъ лихорадочныхъ больныхъ и берущихъ для изслѣдованія кровь изъ пальца, породило не мало толковъ и было объяснено, какъ знаменіе близкой кончины міра; членовъ экспедиціи одни считали за антихристовъ, берущихъ кровь, чьему полагается быть передъ концомъ свѣта; другие считали насть вышедшими изъ воды, а фельдшера, котораго всѣ хорошо знали, „признавали не за него, а такъ за кого-то, принявшаго его обликъ и т. д.“ Другой фактъ. Экспедиція хотѣла произвести опытъ борьбы съ малярией въ одномъ изъ благотворительныхъ пріютовъ, построенному, какъ нарочно, въ малярійной мѣстности. Казалось бы, какой грѣхъ полѣтить и предохранить отъ заболѣваній несчастныхъ ребятишекъ. Начальство, однако, нашло это невозможнымъ, и почтенные изслѣдователи должны были изъ пріюта ретироваться. Не разъ приходилось изслѣдователямъ встрѣтиться и съ такими, наводящими на грустныя размышленія, фактами. На вопросъ, почему мать не привела къ

намъ больного ребенка, измученного лихорадкой, мы получали отвѣтъ: „думала, что помреть, а то вонъ у меня ихъ пятеро, а Богъ никого изъ нихъ не прибираетъ, и всѣ, какъ на зло, живутъ, а достатокъ видите какой!“

Будучи трудомъ специально медицинскимъ, „Труды“ малярийной комиссіи могутъ быть, однако, съ интересомъ прочтены всяkimъ, интересующимъ положеніемъ народнаго здравія въ Россіи и желающимъ познакомиться съ современнымъ положеніемъ вопроса о такой распространенной болѣзни, какъ малярия. Жаль только, что въ изданіе не включены, хотя бы въ рефера-тахъ, многія интересныя сообщенія, сдѣланныя въ засѣданіяхъ комиссіи (В. В. Фавра, А. И. Шингарева, А. И. Скибневскаго, Н. М. Берестнева, Г. Н. Габричевскаго и др.).

Сборникъ отзывовъ о книгахъ для чтенія комиссіи бесплатныхъ читалень-библіотекъ Московскаго Столичнаго Попечительства о народной трезвости. Выпукъ I. Подъ редакціей проф. А. И. Кирпичникова, проф. И. Х. Озерова, проф. А. Н. Реформатскаго, М. А. Сабашникова, Н. В. Ту-лупова и Г. Н. Шмелева. М. 1904. Цѣна 60-коп.

Этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ отзывы о тѣхъ же кни-гахъ, которыя указаны въ разобранномъ нами въ юньской книжкѣ „Р. Б.“ „Толковомъ Указателѣ книгъ для чтенія“ изданія Мо-сковскаго Попечительства о народной трезвости. Разница между „Сборникомъ“ и „Указателемъ“ та, что послѣдній предназна-чается для руководства самими читателями, а „Сборникъ“ дол-женъ, повидимому, быть пособіемъ для лицъ, руководящихъ чте-ніемъ. Разница эта, однако, весьма несущественна. Отзывы „Сбор-ника“ и „Указателя“ сходятся между собой очень близко, и намъ кажется, что при существованіи „Указателя“ изданіе „Сборника“ является извѣстного рода роскошью. Годна та или другая книга для народнаго чтенія — по мнѣнію комиссіи, по крайней мѣрѣ, — видно и изъ „Указателя“, а добавленія „Сборника“, на какой она напечатана бумагѣ и четкимъ или не четкимъ шрифтомъ, полезны развѣ только „для свѣдѣнія“. Нельзя же, напр., отказаться отъ пріобрѣтенія въ народную библіотеку книги только на томъ осно-ваніи, что она напечатана на просвѣчивающей бумагѣ. Позднѣе вышедшій изъ печати „Сборникъ“ содержитъ, однако, указанія на менѣшее (приблизительно втрое) количество книгъ, чѣмъ „Ука-затель“. Вообще говоря для лица, имѣющаго въ рукахъ „Ука-затель“, „Сборникъ“ совсѣмъ лишній, обратнаго же сказать нельзя.

Что касается самыхъ отзывовъ о книгахъ, то о нихъ можно сказать, что они въ большинствѣ составлены удовлетворительно для своей цѣли: руководящій чтеніемъ, давая читателю ту или иную книгу, справившись по „Сборнику“, легко можетъ судить объ ее достоинствахъ и доступности ея пониманію извѣстнаго чита-

теля. Другое дѣло самый подборъ книгъ, о которыхъ даны отзывы. Подборъ этотъ, какъ и въ „Указателѣ“, былъ случайнымъ и обусловливался тѣмъ материаломъ, который находился въ читальняхъ-библиотекахъ московского попечительства. Благодаря этому въ отдѣлѣ беллетристики изъ Гоголя упоминаются только: „Шинель“, „Старосвѣтские помѣщики“, „Носъ“, „Коляска“ и „Женитьба“. Пушкина совсѣмъ нѣтъ. Изъ Л. Толстого приведены только заглавія двухъ разсказовъ: „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“ и „Три смерти“, — отзывы о нихъ нѣтъ. Сочиненія Ф. Купера (одного изъ немногихъ авторовъ, которые не упоминаются въ „Указателѣ“) осуждены рецензентомъ сперва всѣ вообще, а по-томъ каждый отдельный романъ въ частности.

Въ интересномъ предисловіи, написанномъ М. А. Сабашниковой, изложены любопытныя наблюденія надъ читателями изъ народа. Авторъ сѣтуетъ, между прочимъ, и на пресловутый „Каталогъ книгъ, одобренныхъ для бесплатныхъ библиотекъ-читалень“, который, какъ жерновъ осельный, висить на выѣ всякаго устроителя народной библиотеки и является громаднейшимъ тормазомъ въ дѣлѣ вѣщескоальнаго образования народа. „Уже и въ первый годъ дѣятельнос тичиталень,—говорить г-жа Сабашникова,—видно было, что спросъ читателей на книги по различнымъ отраслямъ знанія каталогомъ книгъ, одобренныхъ М. Н. П., не удовлетворяется. Частію книги эти недоступны пониманію читателей, частію не отвѣчаютъ интересамъ народа. А между тѣмъ, читальная только тогда можетъ имѣть значеніе, какъ образовательное учрежденіе, когда не только вѣшнимъ образомъ удовлетворяетъ читателя, выдавая книгу, а когда она удовлетворяетъ спросъ именно той книгой, которая отвѣчаетъ умственнымъ и душевнымъ запросамъ его“ (стр. 11). Съ такимъ мнѣніемъ безусловно согласятся всѣ, кому приходилось имѣть дѣло съ „Каталогомъ книгъ, одобренныхъ и пр.“ и видѣть его убийственное дѣйствіе на практикѣ.

Новыя книги, поступившия въ редакцію.

(Значащіся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя комиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія А. А. Потѣхина. Т. 1—5-й. Книгоиздательство т-ва „Просвѣщеніе“. Спб. 1904. Ц. 1 р. (за каждый томъ).

Полное собраніе сочиненій **С. Г. Фруга**. Т. 2-й. Изд. журнала „Еврейская жизнь“. Спб. 1904. Ц. 8 р. 50 к. (за 6 томовъ).

Марія Мора. Confetti. Варшава. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Василий Ио. Ивановъ. На память о русско-японской войнѣ. Стихотворенія. Харьковъ. 1904. Ц. 40 к.

Н. И. Позынковъ. Соловинный садъ и другіе рассказы. Изд. второе. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Е. Б. Бояреевъ. Стихотворенія. Томскъ. 1904. Ц. 40 к.

Т. Козаковъ. Отецъ и сынъ и др. рассказы. Варшава. 1904. Ц. 1 р.

Рассказы **Базова**. Переводъ и вступительная статья **Андрея Сиротинина**. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Анна Догановичъ. Наканунѣ службы (изъ записокъ фельдшерицы). М. 1904. Ц. 1 р.

Творенія **Шлатона**. Федръ. Переводъ съ введеніемъ и примѣчаніями.

Н. Мурашова. М. 1904. Ц. 75 к.

М. Метерлинкъ. Мудрость и судьба. Переводъ Н. Михайловской. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Сергій Булгаковъ. О реалистическомъ міровоззрѣніи (оттискъ изъ „Вопросовъ Философіи и Психологии“. 1904, III).

Н. Н. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. Изд. редакціи журнала „Научное Слово“. М. 1904.

Евгений Елагичъ. Происхожденіе видовъ и дарвинизмъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Д-ръ Альбертъ Молль. Врачебная этика. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей и съ предисловиемъ В. Вересаева. Изд. магаз. „Книжное Дѣло“. М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Кунто Франке. Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. Переводъ съ англійскаго **Н. Батина**. Книгоиздат. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 3 р.

Введение въ исторію Греціи. Лекціи проф. **В. Бузескула**. Изд. второе. Харьковъ. 1904. Ц. 3 р.

С. Лозинскій. Исторія второй французской республики. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Киевъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Э. Шиженова. Политические вожди современной Англіи и Ирландіи. Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 2 р.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Книгоизд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904. Ц. 2 р.

Н. А. Романовъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. Изд. второе. М. 1904. Ц. 40 к.

А. Берло. Арсеній Берло, епископъ Переяславскій и Бориспольскій. Біограф. очеркъ. Киевъ. 1904.

Н. Новомѣргенскій. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Н. Е. Ончуковъ. Новыя былины изъ записей на Печорѣ. Спб. 1904.

Профессоръ - идеалистъ. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти П. С. Климентова. Сборникъ статей **П. С. Климентова**. Изд. З. Н. Климентовой. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Донучаевъ. Издание журнала „Почтовѣдѣніе“. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Н. Карповъ. Погибъ талантъ. Очеркъ памяти В. В. Верещагина. Спб. 1904. Ц. 30 к.

В. Железновъ. Главныя направления въ разработкѣ теоріи заработной платы. Киевъ. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

I. Шмеле. Соціаль-демократические професіональные союзы въ Германіи Перев. съ нѣмецк. Н. Давидсона, подъ ред. **С. Н. Прокоповича**. Изд. Е. Д. Кусковой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Н. Ф. Лучинскій. Основы тюремнаго дѣла. Изд. ред. журнала „Тюремный Вѣстникъ“. Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.

О преподаваніи русской литературы. Сочиненіе **В. Я. Стоюнича**. Изд. шестое. Спб. 1904. Ц. 1 р. 75 к.

Дидактика, какъ теорія образованія

въ ея отношеніяхъ къ соціологіи и исторії образованія. **Отто Вильмана**. Перев. съ нѣмецкаго А. Дружинина. Т. 1-й. (Педагогическая библиотека, издав. К. Тихомировъ и А. Адольфомъ). М. 1904. Ц. 2 р. 50 к.

Программа чтенія для самообразованія. Изд. отдѣла для содѣйствія самообразованію при комитетѣ Педагогич. музея. В. 4. Четвертое изд. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Коммісія по организаціи домашняго чтенія. Эпизодическая программа. Серія II. М. 1904. Ц. 15 к.

Н. Ромновъ. Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Изд. второе. М. 1904. Ц. 60 к.

Географический атласъ т-ва „Просвѣщеніе“, подъ ред. С. Н. Никитина. Вып. 1-й. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Н. А. Навольскій. Ариѳметика. Часть II. Курсъ II и III классовъ. М. 1904. Ц. 60 к.

В. Чернышевъ. Письма о старой и новой ореографіи. I—IV. Спб. 1904. Ц. 20 к.

В. В. Тихомировъ. Новая русская народная азбука. Вильна. 1904. Ц. 25 к.

В. Г. Егоровъ. Повѣсти и разсказы изъ русскихъ писателей и сцены для домашняго, народнаго и школьнаго театра. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Сборникъ стихотворений и отрывковъ прозы изъ всемирной литературы „Человѣческая трагикомедія“ въ трехъ частяхъ. Часть третья. Составилъ М. С. Ломшановъ. Спб. 1904. Ц. 50 к.

Новая сочиненія 1904 (изданіе и редакція Л. Ясинского) №№ 7—9. **M. Гендри Уордъ**. Хельбекъ изъ Бенделя. Перев. съ англ. **M. Н. Дубровиной** № 10 **P. Стивенсонъ**. Разсказы. Перев. съ англ. **M. Н. Дубровиной**. Спб. 1904. Ц. 30 к. (за каждую книжку).

„Библіотека для семьи и школы“. Старая трубка. Разсказъ изъ военнаго быта **Л. М. Медведева**. М. 1904. Ц. 25 к.

Библіотека землемѣрца. № 12. **Н. Н. Радошиновъ**. Огородъ. Часть I. Общее огородничество. 2-ое изд. Спб. 1903. Ц. 30 к.

Н. П. Дружининъ. Общедоступное руководство къ изученію законовъ. Изд. третье. Ц. 60 к.

Н. А. Скворцовъ. Въ царствѣ животныхъ. Популярные очерки по зоологии. М. 1904. Ц. 25 к.

Общеобразовательная библіотека (книгоизд. П. А. Гершунина и К°). Э. и О.

№ 9. Отдѣль II.

Реклю. Срединная Имперія. Перев. съ франц. О. Косаговской. Спб. 1904. Ц. 90 к.

Е. Чижовъ. Звѣздные вечера. Первое знакомство со звѣздами и созвѣздіями. М. 1904. Ц. 25 к.—Желѣзное царство. Разсказы про старое и новое времія. М. 1903. Ц. 30 к.—Стекло. Разсказы про старое и новое времія. М. 1904. Ц. 25 к.—Природа и жизнь въ жаркихъ странахъ. М. 1904. Ц. 20 к.—Мой микроскопъ. М. 1904. Ц. 15 к.—Великие люди изъ простого званія: Ливингстонъ, знаменитый путешественникъ по Африкѣ. М. 1904. Ц. 15 к.—Стевенсонъ, изобрѣтатель желѣзныхъ дорогъ. М. 1903. Ц. 5 к.—Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ. М. 1903. Ц. 5 к.—Уаттъ, изобрѣтатель паровыхъ машинъ. М. 1903. Ц. 5 к (Издание Е. И. Чижова).

Для школы и домашняго чтенія (изд. магазина „Книжное Дѣло“). **Е. Волкова**. Горе матери—посадницы. Изъ двинскихъ и новгородскихъ преданий. М. 1903. Ц. 20 к.—**А. Курочкинъ**. Изъ жизни растеній. Выпускъ II. М. 1904. Ц. 30 к.

Вильямъ Шекспиръ. Отелло. Въ изложеніи и объясненіи для семьи и школы **И. И. Иванова** (Приложение къ журналу „Дѣтское Чтеніе“). М. 1904. Ц. 20 к.

Издание книжного магазина П. Д. Путитовой. Редакція **П. М. Шестакова**. Книги и журналы для чтенія учащихся въ средней школѣ. Часть первая. М. 1904. Ц. 20 к.—Списокъ книгъ и період. изданий, разрѣщенныхъ М. Н. Пр., въ первую половину 1904 г. для низшихъ учебн. завед., народн. библіот. и для публичныхъ народныхъ чтеній. М. 1904. Ц. 10 к.

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной комиссіи Киевскаго о-ва грамоты о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ второй. Киевъ. 1904. Ц. 40 к.

Краткій указатель литературы по крестьянскому вопросу (составленъ комисс. по устройству отдѣла имени Г. И. Успенскаго при Тульской обществ. библ.). Тула. 1904. Ц. 20 к.

Русское Общество дѣятелей печатнаго дѣла. Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. подъ общою редакціей **М. Я. Вильямъ** и Э. А. Вольтера. Т. I, вып. II. Спб. 1903. Ц. 6 р. (за весь годъ).

Каталогъ газетъ и журналовъ на 1904 г. Издание конторы объявлений Герольда. Спб. 1904.

Статистический сборникъ по Ярослав-

ской губ. Вып. 14-й. Кустарные промыслы. Ярославль. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Пермская губ. зем. управа. Отдѣление сельско-хозяйственной статистики. Пермская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Обзоръ 1903 г. Пермь. 1904.

Статистическое отдѣленіе Псковской губ. земск. управы. Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи за 1903 г. III. Статистическая справка по вопросу о постройкѣ желѣзно-дорожной линіи Вязьма—Юрьевъ. Псковъ. 1904.

Несчастные случаи съ рабочими въ горной промышленности Урала. Составилъ **В. В. Мамонтовъ**. Екатеринбургъ. 1904.

Сборникъ статист. свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣль санитарный. Т. VIII. Вып. III. Фарфорово-фаяновое производство Гжельского района Московской губ. въ санитарномъ отношеніи. Составилъ **А. И. Снабневский**. М. 1904.

С. И. Лисенко. Очерки домашнихъ промысловъ и ремесль Полтавской губерніи. Вып. III. Промыслы Лохвицкаго уѣзда. Полтава. 1904.

Пречистенская ярмарка въ с. Васильевкѣ (Яновщинѣ Н. В. Гоголя тожъ) Полтавскаго уѣзда 6—8 сентября 1901 г. Опытъ статистического изслѣдованія съ изложеніемъ метода описанія. Полтава. 1904.

Общество русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Сводка ходатайствъ Пироговскаго о-ва врачей предъ правительстеннымъ учрежденіемъ за 20 лѣтъ (1883—1903 гг.). Составилъ **К. И. Шидловский**. М. 1904. Ц. 30 к.—Журналъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. 1904, № 4. М. 1904.

С. Л. Трегубовъ. Опытъ изученія

въ санитарномъ отношеніи быта жителей лѣзюдорожныхъ служащихъ въ предѣлахъ Курско-Харьково-Севастопольской жел. дор. Харьковъ. 1904.

А. Ф. Нинитинъ. 1) Очеркъ санитарно-экономического положенія грузчиковъ на Волгѣ. 2) Изъ отчета санитарного врача Нижегородского участка р. Волги съ данными о химическомъ изслѣдованіи сточныхъ и трюмныхъ водъ. 3) Нагрузка и разгрузка рѣчныхъ судовъ. 4) Зимовки судовыхъ командъ въ затонахъ рѣки Волги. Спб. 1904.

Врачебная хроника Харьковской губерніи. № 7. 1904 годъ. № 85. Изданіе Харьковской губернской земской управы.

Журналы засѣданій Черниговскаго губернскаго земскаго собранія XXXIX очередной сессіи 1903 года. Черниговъ. 1904.

Журналы экстреннаго Саратовскаго губернскаго земскаго собранія сессіи 28 и 29 мая 1904 года. Саратовъ. 1904.

Отчетъ по Гоголевскому отдѣленію Полтавской общественной библіотеки (съ 14 ноября 1903 по 1 янв. 1904). Полтава. 1904.

Отчетъ Ярославской общественной городской Пушкинской библіотеки за 1903 годъ. Ярославль. 1904.

Отчетъ правленія общества попеченія о нуждающихся учащихся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова за 1903 г. Харьковъ. 1904.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1903 г. М. 1904.

Die klinische Ausbildung der Aerzte in Russland. Von Prof. Dr. Carl Posner und Dr. M. Blumenthal. II. Die Militär-medizinische Academie zu St. Petersburg. Abdruck aus dem Klinischen Jahrbuch. Iena. 1904.

П О Л И Т И К А

Ходъ войны за два мѣсяца.—Морское сраженіе 28 іюля и его результаты.—
Морское сраженіе 1 августа.—Другія морскія дѣла и состояніе обоихъ флотовъ.—Движеніе русскихъ морскихъ подкрайненій.—Осада Портъ-Артура.

I.

Со дня нашей послѣдней бесѣды и протекло два мѣсяца. Кровавая борьба на Дальнемъ Востокѣ всѣ два мѣсяца развивалась съ все возрастающей силой и съ все умножающимися жертвами. Безъ конца и безъ края эти жертвы. Безъ конца и безъ края страданія, истребленіе людей, уничтоженіе имущества, разореніе двухъ враждующихъ народовъ.. Безъ конца и безъ края, но, конечно, не безъ результатовъ, хотя эти результаты еще и не выяснились, какъ не выяснился и вѣроятный исходъ борьбы. И эти два мѣсяца, прибавивъ много ужасовъ, не прибавили ясности. Не смотря на многое множество самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, фѣштительного результата еще не получено. Тѣмъ не менѣе, и на морѣ, и на суши события развивались въ прежнемъ направлении, т. е. въ сторону преобладанія японцевъ, которые цѣною огромныхъ жертвъ достигли огромныхъ успѣховъ, хотя и не рѣшительныхъ, какъ выше уже упомянуто. Съ другой стороны, русские тоже цѣною огромныхъ жертвъ достигли именно этого ограничения японскихъ успѣховъ, не допустивъ ихъ пріобрѣсти значеніе событий, рѣшающихъ исходъ борьбы.

Первая половина отчетнаго періода полна событиями на морѣ, вторая половина увидѣла грандиозное столкновеніе на суши, самое большое, какое исторія занесла на свои анналы со времени Бородина. Обѣ половины одинаково наполнены трагической борьбою подъ Портъ-Артуромъ.

Постоянныя укрѣпленія Портъ-Артура, или главная крѣпостная линія отстоять отъ внутренняго порта верстъ на пять. Покамѣсть всѣ они въ рукахъ и покуда ихъ артиллерія удерживала японцевъ на разстояніи около десяти верстъ отъ ограды, т. е. пятнадцать отъ гавани, русскій флотъ находилъ въ этой гавани безопасное убѣжище, но осада постепенно подвигалась впередъ; къ концу іюля японцы утвердились на нѣкоторыхъ высотахъ, командующихъ гаванью, и сдѣлали дальнѣйшее пребываніе эскадры контр-адмирала Витгѳфта не безопаснѣмъ. Такимъ образомъ, вполнѣ созрѣло время для выхода эскадры и для попытки пробиться на соединеніе съ эскадрою владивостокскою. Приблизительно около этого же времени были закончены починки всѣхъ большихъ судовъ, кроме „Баяна“, какъ разъ въ это время понесшаго нѣкоторыя аваріи (теперь уже исправленныя). Его рѣшили

не ждать, и 28 июля к.-адм. Витгефть вывелъ эскадру для вышеуказанной операции, войдя предварительно въ сношеніе съ Владивостокомъ.

28 июля (10 августа) к.-адм. Витгефть вышелъ между 5 и 8 часами утра на виѣшній рейдъ Артура и построился слѣдующимъ образомъ:

Впереди шелъ караванъ портовыхъ судовъ, съ траломъ для устраненія минъ, изобильно разсѣваемыхъ японцами. Этотъ траляющій отрядъ прикрывали канонерки и миноносцы. Далѣе въ одной кильватерной колоннѣ шли: „Новикъ“, „Песаревичъ“ (флагъ к.-адм. Витгефта), „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Пересвѣтъ“ (флагъ к.-адм. кн. Ухтомскаго), „Севастополь“, „Полтава“, „Аскольдъ“ (флагъ к.-адм. Рейценштейна), „Паллада“ и „Дiana“, всего 6 броненосцевъ (отъ второго изъ перечисленныхъ судовъ до седьмого) и 4 крейсера (первое судно въ нашемъ спискѣ и три послѣднихъ). Въ половинѣ девятаго эскадра двинулась въ путь, до четверти одиннадцатаго шла за траляющимъ караваномъ и къ этому времени миновала полосу моря, не безопаснную отъ минъ, послѣ чего траляющія суда и канонерки были отпущены назадъ въ Артуръ; съ эскадрою остались восемь крупныхъ миноносцевъ, такъ наз. у насъ „эскадреныхъ“, болѣе извѣстныхъ подъ французскимъ именемъ „контрѣ-миноносцевъ“, или подъ англійскимъ именемъ „истребителей миноносцевъ“, именно: „Боевой“, „Бдительный“, „Безпощадный“, „Беастранный“, „Безшумный“, „Бойкій“, „Бурный“ и „Грозовой“. Послѣдній 310 тоннъ водоизмѣщенія и 26 узловъ хода, остальные—по 350 тоннъ и по 27 узловъ.

Миноносцы двинулись параллельно линіи большихъ судовъ, и эскадра, получивъ на случай разлученія во время предстоявшаго сигнала „слѣдовать во Владивостокъ“, направилась на юго-востокъ со средней скоростью въ 8 узловъ, постепенно увеличивающей скорость.

Съ японской стороны два быстроходныхъ крейсера наблюдали за виѣшнимъ рейдомъ Портъ-Артура, а цѣль канонерокъ съ беспроволочно-телеграфными аппаратами связывала эти крейсера съ флагманскимъ судномъ „Микаса“, которое находилось въ Дальнемъ вмѣстѣ съ главными силами японского флота. Другія суда несли службу въ разныхъ мѣстахъ вокругъ, но всѣ были связаны беспроволочными аппаратами съ флагманомъ. Около половины седьмого утра адм. Того получилъ первую телеграмму, извѣстившую его, что русскій флотъ выходитъ изъ внутренней гавани на виѣшній рейдъ. Немедленно японскій адмиралъ далъ во всѣ стороны приказаниѣ собираться въ мѣстѣ, заранѣе назначенномъ для подобного случая.

Въ это время японскій флотъ группировался въ три эскадры: самого адмирала Того (онъ же главнокомандующій всѣмъ флотомъ), вице-адмирала Катаоки и вице-адмирала Камимуры. По-

следняя находилась въ Корейскомъ проливѣ противъ владивостокской эскадры, первый же двѣ были сосредоточены въ союзѣ Портъ-Артура, и обѣ приняли дѣятельное участіе въ сраженіи 28 іюля съ портъ-артурской эскадрою.

Первая эскадра (адм. Того) сама, въ свою очередь, дѣлилась на три дивизіи слѣдующаго состава:

	Водоизмѣщеніе тоинъ.	Орудій. Тяже- лыхъ.	Минныхъ Всего. аппаратовъ.
I дивизія.			
(Адм. Того).			
1. Микаса, броненосецъ . . .	15,400	18	50 4
(флагъ Того).			
2. Асахи, броненосецъ . . .	15,400	18	50 4
3. Шикишима, броненосецъ . . .	15,100	18	50 4
4. Фуджи, . . .	12,600	14	38 5
5. Яшима, . . .	12,500	14	38 5
6. Ниссинъ, брон. крейсеръ . . .	7,770	18	34 4
7. Кассуга, . . .	7,770	19	35 4
8. Яджема, защитн. крейс. . .	1,600	—	11 2
И т о г о . . .	88,000	119	306 32

Тяжелыми орудіями мы считаемъ тѣ, калибръ коихъ 15 и больше сантиметровъ, т. е. 6 и больше дюймовъ. Эти орудія уже могутъ наносить вредъ и броненосцамъ; остальные пригодны противъ миноносцевъ и небронированныхъ судовъ, а также для обстрѣливанія не укрѣпленныхъ береговъ.

	Водоизмѣщеніе тоинъ.	Орудій. Тяже- лыхъ.	Минныхъ Всего. аппаратовъ.
II дивизія.			
(К.-адм. Дева).			
9. Якумо, брон. крейс. . .	9,800	18	35 5
10. Асами, . . .	9,900	18	35 5
11. Кассаги, защитн. крейс. . .	5,000	2	30 4
12. Читозе, . . .	4,800	2	30 4
13. Такасаго . . .	4,200	2	30 4
14. Акаши, . . .	2,800	2	20 2
И т о г о . . .	36,500	44	180 24
III дивизія.			
15—32. восемнадцать контрь-миноносцевъ каждый по . . .	311—381	—	6 2
И т о г о . . .	6,000	—	108 36
В с е г о . . .	130,500	163	556 92

Эта эскадра въ полномъ составѣ своихъ трехъ дивизій и была главнымъ агентомъ морского боя 28 іюля. Всѣ эти суда недавно построены и самаго нового типа. Эскадра в.-адм. Катаока играла второстепенную роль, но въ разгарѣ боя она оказала значительное подействіе эскадрѣ адм. Того. Приводимъ и ея составъ:

	Водоизмѣ- щеніе тоннъ.	О ру д і я.	Минныхъ аппаратовъ
	Тяже- лыхъ.	Всего.	
I дивизія.			
1. Чинъ-Іенъ, броненосецъ .	7,300	15	34
2. Мацушима, защ. крейс. .	4,300	1	25
3. Ицукушима, . . .	4,300	1	25
4. Гашидате, . . .	4,300	1	25
II дивизія.			
5. Идзуми, защ. крейс. .	3,200	8	14
6. Акицушима . . .	3,200	4	20
7. Сума, . . .	2,700	2	20
8. Чюда, . . .	2,400	4	16
III дивизія.			
9. Фузо, броненосецъ береговой обороны . . .	3,800	6	25
10. Сей-Іенъ, броненосецъ береговой обороны . . .	2,500	3	10
11. Гей-Іенъ, канонерка . .	2,200	1	16
12. Цуками, . . .	1,400	1	8
13. Оshima, . . .	600	—	8
14. Акаджи, . . .	600	—	10
15. Мая, . . .	600	2	6
16. Уджи, . . .	600	—	8
IV дивизія.			
17—42. 26 миноносцевъ по . 50—110	—	2—6	2
И т о г о . . .	46,080	49	348
			87

Изъ этого состава надо исключить крейсеръ „Чюда“, находившійся въ починкѣ во время битвы, и канонерку „Удзи“, командированную въ Инкоу, всего 3000 тоннъ, 4 тяж. орудія, 22 легкихъ и 4 минныхъ аппарата. Такимъ образомъ, въ распоряженіи адмирала Того состояло въ этотъ день: 74 военныхъ судна, 173.580 тоннъ водоизмѣщенія, 868 орудій, въ томъ числѣ 208 тяжелыхъ, и 175 минныхъ аппаратовъ.

Такое же исчисление для эскадры к.-адм. Витгейфта даетъ слѣдующую табличку:

	Водоизмѣ- щеніе тоннъ.	О ру д і я.	Минныхъ аппаратовъ
	Тяже- лыхъ.	Всего.	
I отрядъ.			
(к.-адм. кн. Ухтомского).			
1. Цесаревичъ, бронен. .	13,200	16	56
2. Ретвизанъ, . .	12,900	16	68
3. Побѣда, . .	12,700	15	64
4. Пересвѣтъ, . .	12,700	15	63
5. Севастополь, . .	11,800	16	27
6. Полтава, . .	11,000	16	27
II отрядъ.			
(к.-адм. Рейценштейна).			
7. Базнъ, брон. крейс. .	7,700	10	27
8. Аскольдъ, защ. крейс. .	5,900	12	34
9. Паллада, . . .	6,800	8	40
10. Діана, . . .	6,700	8	40
11. Новикъ, . . .	3,100	—	14
III отрядъ.			
12—19. Восемь контръ-миноносцевъ по . . .	310—350	—	4—7
И т о г о . . .	107,260	132	400
			72

Исключивъ же „Баяна“, какъ ие вышедшаго изъ гавани и въ сраженіи не принимавшаго участія, к.-адм. Витгефть, имѣлъ 18 судовъ противъ 74; 99.560 тоннъ противъ 173.580; 373 орудій противъ 868, въ томъ числѣ тяжелыхъ орудій 122 противъ 208, и 67 минныхъ аппаратовъ противъ 175, каковыми силами расположагаль его противникъ. Конечно, русскій адмиралъ вышелъ никакъ не искать битвы, при такихъ силахъ крайне опасной. Онъ хотѣлъ прорваться и уйти. Для этого нужно было прежде всего скорость хода, а затѣмъ искусное, хорошо обдуманное и разсчитанное маневрированіе, твердая рѣшимость не отступать и, наконецъ, промахи противника.

II.

Отправивъ обратно тралящій отрядъ пароходовъ и прикры-
вавшихъ его канонерокъ, к.-адм. Витгефть взялъ курсъ на юго-
востокъ приблизительно серединою Желтаго Моря, что давало
просторъ для маневрированія и предоставляло возможность вы-
бора между движеніемъ на сѣверъ черезъ Корейскій проливъ или
сначала на югъ мимо Шантунскаго мыса для обхода Японіи съ
востока. Около половины одиннадцатаго въ виду русской эскадры
показались непріятельскія суда въ составѣ 11 крейсеровъ и 17
миноносцевъ, но держались въ отдаленіи, только слѣдя за дви-
женіемъ эскадры и не входя въ сферу огня. Миноносы, опера-
дивъ русскія суда, бросали на ихъ пути мины, какъ о томъ до-
носили к.-адм. Матусевичъ (начальникъ штаба эскадры), что,
однако, японцами отрицаются. Во всякомъ случаѣ, японскіе ми-
ноносы были впереди русскихъ судовъ, которыхъ опасались минъ
и потому стѣснялись въ своемъ движеніи. Въ первомъ часу дня
показались, наконецъ, главныя силы непріятеля и прямо прегра-
дили путь, двигаясь съ востока на западъ. Бой былъ неизбѣженъ,
и русская эскадра круто повернула съ юго-восточнаго курса на
юго-западный, ставъ лѣвымъ бортомъ къ непріятелю и открыть
огонь съ этого борта. Чтобы встать въ равновыгоднныя для
битвы условія, надо было и японцамъ стать къ русскимъ бор-
тамъ, и адм. Того измѣнилъ курсъ и повернулъ параллельно
русской линіи, но въ обратную сторону, т. е. на сѣверо-западъ.
Артиллерійскій бой шелъ съ большого разстоянія, и обѣ эс-
кадры сдѣлали полное дефилированіе своихъ силъ другъ пе-
редъ другомъ. Достигнувъ переднимъ судномъ мѣста, уже въ
сферѣ огня (въ это время и переднее судно японцевъ до-
стигло такого же мѣста въ сферѣ огня), контръ-адмиралъ
Витгефть сдѣлалъ снова кругой поворотъ подъ прямымъ уг-
ломъ, измѣнивъ юго-западное направлениe на сѣверо-восточное
и заходя японцамъ сзади для обстрѣливанія вдоль ихъ линіи.

Это вынудило и японцев сдѣлать поворотъ, измѣнивъ сѣверо-западное направление на юго-западное. Снова обѣ эскадры были бортами другъ къ другу, снова двигались въ обратныя стороны и продолжали артиллерійскій бой. Когда этотъ галсъ былъ законченъ, головные русскіе суда были виѣ огня и прямо на востокъ отъ главныхъ японскихъ силъ. Передъ ними было свободное отъ японскихъ броненосцевъ море, гдѣ виднѣлись крейсеры и миноносцы, которые не рѣшались входить въ сферу огня безъ своихъ броненосцевъ. Эти послѣдніе остались далеко позади, и к.-адм. Витгефть снова принялъ первоначальный курсъ на юго-востокъ. Въ сферѣ огня японскихъ главныхъ силъ оставались заднія суда русской колонны, но это были крейсеры, болѣе быстроходные, чѣмъ броненосцы. Имъ было приказано прибавить ходу и составить слѣва (съ сѣверо-востока) параллельно броненосцамъ вторую кильватерную колонну (въ такомъ порядкѣ: „Аскольдъ“, „Новикъ“, „Паллада“ и „Діана“). Они скоро исполнили это приказаніе, и вся русская эскадра во второмъ часу вышла изъ сферы дѣйствія главныхъ японскихъ силъ, оставшихся позади Благодаря искусному, отлично разсчитанному маневрированію к.-адм. Витгефта и промаху адмирала Того, не предусмотрительно отдалившагося на западъ, эскадра к.-адм. Витгефта къ двумъ часамъ дня совершила прорывъ и на всѣхъ парахъ удалялась по избранному направлению. Согласно донесенію к.-адм. кн. Ухтомскаго, этотъ первый бой, окончившійся прорывомъ русской эскадры, длился полтора часа, а согласно донесенію к.-адм. Редченштейна въ этомъ бою „Аскольдъ“ получилъ большой снарядъ въ переднюю трубу, вслѣдствіе чего выведенъ изъ строя передний котелъ."

Читатель, вѣроятно, помнить, что прорывъ удался, благодаря тому, что адмираль Того, повинуясь тактическимъ соображеніямъ, сдѣлалъ маневръ на юго-западъ въ отвѣтъ на движение Витгефта на сѣверо-востокъ. Это поставило русскую эскадру значительно восточнѣе главныхъ японскихъ силъ, но и сѣвернѣе ихъ. Поэтому, когда русская эскадра приняла ей необходимый курсъ на юго-востокъ, Того могъ направиться ей на перерѣзъ и тѣмъ поправить сдѣланную ошибку. Только значительная скорость движения русскихъ судовъ могла бы позволить избѣгнуть этого второго, для русскихъ отнюдь не желательного, боя. Однако, этой скорости у русскихъ судовъ не оказалось. Начавъ движение со скоростью восьми узловъ, русская эскадра успѣла развить скорость въ десять узловъ и при этой скорости была въ пять часовъ дня настигнута японскими главными силами, послѣ чего еще русские усилили ходъ и достигли тринадцати узловъ, но и тогда японцы все же удержали нѣкоторое преимущество хода.

Предѣльная скорость русскихъ судовъ была различна. Миноносцы должны были имѣть скорость 26 и 27 узловъ. Изъ крей-

серовъ „Новикъ“ долженъ былъ имѣть 25 узловъ, „Аскольдъ“—23, „Паллада“ и „Діана“ по 20 узловъ. Изъ броненосцевъ для „Ретвизана“, „Цесаревича“, „Побѣды“ и „Пересвѣта“ наибольшая скорость была показана 18, для „Севастополя“ и „Полтавы“—17 узловъ. Эта послѣдняя скорость и была предѣльною для всей эскадры, которая, однако, этой скорости далеко не достигла. Какъ это случилось, можно только гадать. Быть можетъ, запасы угля были недостаточны для такой быстроты? Вѣроятнѣе, однако, что одно или нѣсколько изъ судовъ эскадры, ранѣе потерпѣвшихъ аваріи, вслѣдствіе этихъ аварій, потеряли ходъ. Каковы бы ни были причины медленности хода русской эскадры, остается тотъ несомнѣнныи фактъ, что, благодаря этой медленности, адмиралу Того удалось черезъ три часа послѣ первого боя и прорыва настигнуть прорвавшуюся эскадру и возобновить неравный для русскихъ бой. Отставши во второмъ часу отъ русскихъ, адмираль Того (какъ уже выше объяснено) очутился къ юго западу отъ русскихъ, шедшихъ на юго-востокъ. Направившись на востокъ, Того выигралъ разстояніе и подошелъ къ русскимъ справа, съ ихъ юго западныхъ бортовъ и, принявъ теперь параллельный русскимъ курсъ, открылъ артиллерійскій бой на значительномъ разстояніи. Русскіе отвѣчали, и битва велась усиленнымъ и ожесточеннымъ огнемъ. Имѣя преимущество хода, японскій адмираль постепенно обгонялъ русскую эскадру, вокругъ которой и спереди, и съ боковъ виднѣлись отряды крейсѣровъ и миноносцевъ, готовые поддержать главныи силы своей концентрической атакой, какъ только главныи силы, обогнавъ русскихъ, перерѣжутъ имъ путь и преградятъ дальнѣйшее движеніе. Опасаясь этого маневра, к.-адм. Витгефтъ измѣнилъ юго-восточный курсъ на востоко-юго-восточный, благодаря чему очутился снова впереди главныхъ японскихъ силъ, которыми снова приходилось тратить время на то, чтобы, сначала выравнявшись съ русскою колонною, затѣмъ снова начать ее обгонять. Артиллерійскій бой продолжался безпрерывно. Когда адмираль Того закончилъ свой маневръ и снова его переднее судно начало обгонять „Цесаревича“, к.-адм. Витгефтъ опять сдѣлалъ такой же маневръ и востоко юго-восточный курсъ замѣнилъ восточнымъ, снова оставляя адмирала Того нѣсколько позади и снова вынуждая его терять время на достиженіе положенія, дважды уже потерянаго, но необходимаго, чтобы не допустить окончательного прорыва русской эскадры. При этихъ поворотахъ вѣво двухъ русскихъ параллельныхъ колоннъ (правой броненосной и лѣвой крейсерской), оставалась нѣсколько позади не только японская колонна сравнительно съ русскими, но и правая русская сравнительно съ лѣвой, такъ что крейсерская колонна своими передними судами нѣсколько выдвинулась впередъ головного судна броненосной колонны. Это обстоятельство затрудняло маневръ адмирала Того, которому приходилось для

поворота на путь русской эскадры обогнать ее больше, чѣмъ при совершении параллельномъ ходѣ обѣихъ русскихъ колоннъ. Къ тому же это нѣсколько авангардное положеніе крейсеровъ отгоноило крейсерскіе и мінныя отряды японцевъ на болѣе значительное разстояніе отъ русскихъ головныхъ силъ, все же оставляя русскіе крейсеры подъ защитою броненосцевъ. Вообще русскіе адмиралы на „Цесаревичѣ“ (командующій к.-адм. Витгефть и начальникъ штаба к.-адм. Матусевичъ) вели бой искусно и маневрировали съ полною надеждою сохранить себѣ свободный путь до наступленія темноты, когда маневръ адмирала Того, съ цѣлью не допустить прорыва, станетъ невозможнымъ. Артиллерійский бой съ темнотою прекратится и останется лишь отражать мінныя атаки или таранить. До темноты было уже недалеко, когда произошла катастрофа на „Цесаревичѣ“, сразу измѣнившая картину сраженія и передавшая командованіе въ другія руки. Эту катастрофу такъ описываетъ к. адм. Матусевичъ:

„Бой длился съ равнымъ успѣхомъ нѣсколько часовъ. Во время боя былъ убитъ начальникъ эскадры, раненъ съ потерю сознанія командиръ броненосца „Цесаревичъ“. Почти одновременно были повреждены машина и руль броненосца. „Цесаревичъ“ на 40 минутъ остановился, вслѣдствіе чего и другія суда принуждены были маневрировать вокругъ него. Командованіе эскадрою перешло князю Ухтомскому, а броненосцемъ „Цесаревичъ“ старшему офицеру. Съ наступленіемъ темноты броненосецъ „Цесаревичъ“, не будучи въ состояніи слѣдовать за эскадрой, теряя ее изъ виду, повернулся на зайдь, чтобы попытаться идти въ Владивостокъ самостоительно. Ночью подвергся міннымъ атакамъ, а съ разсвѣтомъ былъ у Шантунга. Командиръ принялъ командованіе вполнѣ. Осмотрѣвъ поврежденія броненосца и опредѣливъ степень ихъ, командиръ рѣшилъ, что до Владивостока броненосецъ дойти не можетъ. Разрѣшилъ командиру идти въ Kiau-Chiau для ремонта. Во время боя убиты: адмиралъ Витгефть, флагманскій штурманъ лейтенантъ Азарьевъ, флагъ-офицеръ мичманъ Эллісъ, штурманъ судна лейтенантъ Драгичевичъ, рабочи легкъ: я, флагманскій артилеристъ лейтенантъ Кѣтлинскій, старшій флагъ-офицеръ лейтенантъ Кедровъ, флагъ-офицеръ мичманъ Кушинниковъ, командиръ броненосца Ивановъ, старшій офицеръ Шумовъ, артилеристъ лейтенантъ Ненюковъ, мінныій офицеръ лейтенантъ Пилькинъ, мичманъ Леонтьевъ, число убитыхъ и раненыхъ: нижнихъ чиновъ еще вполнѣ не выяснено. Въ 9 час. вечера прибылъ въ Kiau-Chiau, засталъ тамъ крейсеръ „Новикъ“ и миноносецъ „Безшумный“.“

Съ своей стороны к.-адм. Ухтомскій, принявший командованіе послѣ смерти Витгефта, излагаетъ это событие слѣдующимъ образомъ:

„Въ 5 часу, прия на траверзъ нашей эскадры, на разстояніи

36 кабельтовыхъ, непріятель началъ сноу бой, продолжавшійся до 7 часовъ 30 мин. Въ концѣ боя „Цесаревичъ“, имѣя, вѣроятно, поврежденіе въ руль, вышелъ изъ строя, держа сигналъ: „Адмираль передаетъ начальство“. Имѣя на броненосцѣ „Пересвѣтъ“ сбитыми обѣ стеньги и всѣ средства для сигналопроизводства, какъ дневного, такъ и ночного, привязалъ къ поручнямъ мостика сигналъ — „Слѣдовать за мной“. Полагаю, что не всѣ суда могли его прочитать. Имѣя много убитыхъ и раненыхъ и серьезныхъ поврежденій по артиллеріи, корпусу и электрическихъ приспособленій, рѣшилъ вернуться въ Портъ-Артуръ. Со мной пошли броненосцы „Ретвизанъ“, „Побѣда“, „Полтава“, „Севастополь“, „Цесаревичъ“ и крейсеръ „Паллада“. Броненосецъ „Цесаревичъ“ концепты. Шелъ среднимъ ходомъ, но за темнотой и непрерывными минными атаками, для отраженія которыхъ приходилось временно менять курсъ въ темнотѣ, суда разошлись, и къ разсвѣту у Портъ-Артура оказались: броненосцы — „Ретвизанъ“, „Севастополь“, „Пересвѣтъ“, „Побѣда“, „Полтава“ и крейсеръ „Паллада“ и три миноноска.

Во время боя убиты: лейтенантъ Салтановъ и мичманъ Борисъ Деливронъ. Тяжело ранены: капитанъ 1-го ранга Бойсманъ, оставшійся послѣ этого на мостикѣ 20 часовъ до входа броненосца въ бассейнъ, и лейтенантъ Рыковъ. Всего убито 38 нижнихъ чиновъ, ранено офицеровъ 21, нижнихъ чиновъ 286, изъ нихъ 50 тяжело.

Наконецъ, к.-адм. Рейценштейнъ кратко выражается, что „Цесаревичъ“ повернулся на обратный курсъ и пошелъ вдоль линіи кильватера, держа сигналъ: *адмираль передаетъ начальство*. Вотъ и все. Разобраться съ достовѣрностью въ этихъ сообщеніяхъ довольно трудно. Несомнѣнно только, что, принявъ командование, кн. Ухтомскій „рѣшилъ вернуться въ Портъ-Артуръ“, и что онъ „полагаетъ, что не всѣ суда могли прочитать его“ сигналъ. Какъ бы то ни было, значительный успѣхъ, достигнутый уже русскою эскадрою, былъ утраченъ, а эскадра не только не соединилась съ владивостокскою, но сама распалась. Объ отдѣленій крейсерской эскадры отъ броненосной к.-адм. Рейценштейнъ даетъ слѣдующее сообщеніе:

„Видя, что непріятель старается окружить со всѣхъ сторонъ нашу эскадру, которая въ это время начала отступать въ строй фронта, громя непріятельскіе броненосцы кормовымъ огнемъ, рѣшился, не теряя времени, прорѣзаться сквозь кольцо непріятеля въ мѣстѣ его наименьшаго сопротивленія. Поднялъ сигналъ своему отряду: „слѣдовать за мною“ и во главѣ съ „Аскольдомъ“ пошелъ прочищать путь къ выходу, принимая передніе при прорывѣ выстрѣлы на себя и оставляя задніе на броненосцы. За мною слѣдомъ пошелъ „Новикъ“ и въ нѣкоторомъ разстояніи „Паллада“ и „Дiana“. Крейсерскій отрядъ пошелъ прорываться

противъ 4-хъ крейсеровъ 2-го класса и нѣсколькоихъ миноносцевъ, а справа было 3 крейсера типа „Матсushima“. Всѣ эти 7 судовъ осыпали крейсера снарядами. Подходя ближе къ кольцу, замѣтилъ, что однимъ изъ четырехъ крейсеровъ былъ броненосный крейсеръ типа „Асама“, который сталъ поперекъ дороги. Бѣглый огонь „Аскольда“ по непріятельскимъ крейсерамъ видимо проявилъ поврежденія на 3-хъ крейсерахъ 2-го класса, а на „Асамѣ“ произвѣлъ пожаръ. Тогда „Асама“ отошелъ въ сторону, давая дорогу „Аскольду“. Четыре непріятельскихъ миноносца стали приближаться, атакуя „Аскольдъ“, выпустили 4 мины, прошедшия въ разныя стороны, но не попавшия. Удачнымъ выстрѣломъ 6 д. пушки „Аскольда“ одинъ изъ миноносцевъ былъ потопленъ, а остальные сейчасъ-же быстро удалились. Бой былъ жаркій: въ теченіе 20 минутъ снаряды сыпались градомъ и произвели много поврежденій на „Аскольдѣ“, но кольцо непріятельскихъ судовъ было прорвано, „Аскольдъ“ и „Новикъ“ прошли, а вслѣдъ за ними „Паллада“ и „Діана“. Японскіе крейсера пошли въ погоню за „Аскольдомъ“ и „Новикомъ“, но мы, доведя ходъ до 20 узловъ, стали быстро уходить отъ непріятеля. Въ это время темнота наступила; „Паллада“ и „Діану“ не видѣль. Погони больше не имѣлъ, а потому для поджиданія остальныхъ и вслѣдствіе поврежденныхъ трубъ, котловъ и подводныхъ пробоинъ уменьшилъ ходъ. Такимъ ходомъ шелъ до разсвѣта, держа курсъ посрединѣ между берегами, во избѣженіе минныхъ атакъ отъ Шантуна. Крейсеръ „Новикъ“, какъ обладающій хорошимъ ходомъ, для выигрыша времени отъ могущей быть впослѣдствіи погони и согласно ранѣе выработанного плана прорыва, который каждому изъ командировъ былъ извѣстенъ, отпустилъ дѣйствовать самостоительно. Съ разсвѣтомъ прибавилъ на „Аскольдѣ“ ходъ, не утруждая машинъ и не разслабляя слабыя мѣста крейсера. Тутъ же обнаружилось, что „Аскольдъ“ имѣть серьезное поврежденіе. Сосредоточеніе огня съ 7 непріятельскихъ судовъ исключительно на „Аскольдѣ“ сдѣлало серьезныя поврежденія. Разрушенныя двѣ дымовыхъ трубы сильно увеличили расходъ угля, заставляя для поддержанія пара пускать вентиляторы во всю, что давало массу искръ, мѣшающихъ ночнымъ ходамъ. Въ силу обнаружившихся поврежденій, недостатка угля, недостаточно большого хода, вынужденъ былъ отказаться отъ немедленного же слѣдованія во Владивостокъ чрезъ Корейскій архипелагъ. Поврежденія показали, что безъ дока крейсеръ не можетъ совершить безопаснаго плаванія, принимая во вниманіе, что на пути можетъ застать свѣжую погоду, а потому рѣшился идти въ нейтральный портъ Шанхай. 30-го юля въ 3 ч. 25 м. утра подошелъ къ острову Будолу, гдѣ сталь на якорь того же числа, и съ полной водою пошелъ въ Вузунгъ, гдѣ всталъ на якорь. 31-го юля я пришелъ въ рѣку Ванъ-Пу и приступилъ къ работамъ входа

въ докъ. Главнѣйшія поврежденія „Аскольда“: двѣ дымовыя трубы снесены, три продырвлены, 1 котелъ поврежденъ, 4 подводные пробоины, 2 шпангоута сломаны, 6 надводныхъ пробоинъ. Убитъ мичманъ Рклицкій, ранены: лейтенантъ баронъ Майдель, мичманы Медведевъ, Житковъ, титулярный совѣтникъ Хиловъ; нижнихъ чиновъ убито 10, ранено тяжело 15, легко ранено 29.“

Такимъ образомъ, заключился этотъ знаменательный морской бой, составляющій серьезную неудачу русского тихоокеанскаго флота. Кромѣ значительного перевѣса силъ, причиной неудачи явились недостаточная скорость русскихъ судовъ и несчастная смѣна командованія. Изъ восемнадцати судовъ, вышедшихъ утромъ изъ Портъ-Артура, ночью возвратилось только девять: 5 броненосцевъ, 1 крейсеръ („Паллада“, неизвѣстно, какъ и когда отставшая отъ другихъ крейсеровъ) и 3 миноносца („Боевой“, „Бдительный“ и „Бойкій“). Изъ другихъ девяти судовъ: одно, именно миноносецъ „Бурный“, затонуло (команда спаслась въ английскій портъ Вей-Ха-Вей), четыре, именно броненосецъ „Цесаревичъ“, миноносцы „Безстрашный“, „Безпощадный“ и „Безшумный“, сильно поврежденные, достигли германскаго порта Кю-Чжуу и тамъ разоружены; два, „Аскольдъ“ и „Грозовой“, разоружены въ Шанхаѣ; и одно, „Дiana“, разоружено въ Сайгонѣ. Только „Новикъ“, обогнувъ Японію съ востока, достигъ русскаго порта Корсаковскаго на Сахалинѣ, но здѣсь былъ настигнутъ японскимъ крейсеромъ „Цусима“ и принужденъ вступить въ бой съ болѣе сильнымъ противникомъ. „Новикъ“ имѣлъ 14 легкихъ орудій противъ шести тяжелыхъ и 14 легкихъ орудій на „Цусимѣ“. Оба сражавшихся крейсера были одновременно выведены изъ строя и вынуждены прекратить борьбу, но появленіе японскаго крейсера „Читозе“ (2 тяж. орудія и 36 легкихъ) заставило русскихъ потопить „Новикъ“. Команда спаслась на берегъ. Такимъ образомъ, два русскихъ судна потоплены, а семь разоружены, разсѣянны по нейтральнымъ портамъ Дальн资料yго Востока и осужденны на бездѣятствіе до конца войны.

Таковы русскія потери въ этомъ сраженіи. Японскія потери всегда тщательно скрываются японцами, что съ чисто военной точки зрѣнія вполнѣ раціонально. Болѣе или менѣе достойны вниманія: вышеупомянутое донесеніе к.-адм. Рейденштейна о потопленіи миноносца и обѣ аваріи броненоснаго крейсера „типа Асамы“ (вѣроятно, „Якумо“, на которомъ много убитыхъ) и слѣдующія два извѣстія:

„Чифу, 3-го (16-го) августа (Рейтеръ). Согласно телеграммѣ изъ Цзиндао, офицеры броненосца „Цесаревичъ“ положительно утверждаютъ, что во время боя 28-го іюля одинъ японскій броненосецъ затонулъ на виду у всѣхъ.“

„Санть-Франциско, 30-го авг. Сюда прибылъ изъ Японіи капитанъ Раджанъ. По его словамъ, японскій флотъ сильно пострадалъ.“

далъ въ послѣднихъ бояхъ. Всѣ сухіе доки завалены работой; гавани переполнены военными судами, находящимися въ исправлениі.

Это само собою разумѣется и быть не можетъ иначе: свыше ста тяжелыхъ орудій громили эти суда въ теченіе четырехъ часовъ (полтора часа первого боя и два съ половиною часа второго боя). Интересно, но неизвѣстно, какія суда пострадали и есть ли безвозвратно выбывшія изъ строя?

Косвенное указаніе даютъ еще извѣстія о потеряхъ въ экипажѣ. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ убитыхъ и о тѣхъ раненыхъ, которые доставлены въ госпитали въ Японіи. Эти данные представляютъ слѣдующее:

	У б и т о:	Р а н е н о:		
	офиц.	нижн. чин.	офиц.	нижн. чин.
„Микаса“ . . .	4	29	10	78
„Якумо“ . . .	1	11	—	10
„Ниссинъ“ . . .	7	9	2	15
„Кассуга“ . . .	—	—	—	10
Миноносцы . . .	—	3	—	8
Итого . . .	12	52	12	121

Кромѣ того, извѣстно, что были убитые на броненосцѣ „Чинъ-Іенъ“ и крейсерѣ „Идзуми“. Раненые, оставшіеся въ судовыхъ лазаретахъ или въ госпиталяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, въ этотъ счетъ не входятъ.

Такая же табличка для русскихъ потерь людьми въ этомъ сраженіи, не включая всѣхъ раненыхъ и убитыхъ:

	У б и т о:	Р а н е н о:		
	офиц.	нижн. чин.	офиц.	нижн. чин.
„Цесаревичъ“ . . .	7	10	9	40
„Аскольдъ“ . . .	1	11	4	44
„Новикъ“ . . .	—	2	—	—
„Діана“ . . .	1	3	—	23
Остальные суда .	2	38	21	286
Итого . . .	11	64	34	363

Достойно отмѣтить, что „Микаса“ потерялъ 121 выбывшихъ изъ строя, а „Цесаревичъ“, столь сильно пострадавшій, всего 66. Это показываетъ, какъ сильно долженъ быть пострадать „Микаса“. Могли еще серьезно пострадать (если судить по числу пострадавшихъ людей) „Якумо“ (22 уб. и ран.) и „Ниссинъ“ (33 уб. и ран.), но изъ нихъ „Ниссинъ“ уже упомянуть было въ числѣ обстрѣливавшихъ послѣ 28 іюля Портъ-Артуръ.

III.

Вследъ за морскимъ сраженiemъ 28 іюля произошло 1-го (14) августа другое морское сраженіе: между владивостокскою эскадрою, шедшою на встречу портъ-артурской, и эскадрою вице-адмирала Камимуры, котораго задача была наблюдать за владивостокскою эскадрою, до того времени успѣшно маневрировавшей въ Японскомъ морѣ и даже въ открытомъ океанѣ. Изъ Владивостока вышло три броненосныхъ крейсера „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“, подъ флагомъ к.-адм. Іессена. В.-адм. Камимура имѣлъ подъ своей командою 4 броненосныхъ крейсера, 4 защитныхъ и отрядъ минныхъ судовъ. Составъ его эскадры виденъ изъ слѣдующей таблицы:

	Водоизмѣ- щеніе [тоннъ]	Орудій. Тяже- лыхъ	Минныхъ Всего. аппаратовъ.
I дивизія.			
„Идзумо“, брон. крейс. . .	9,900	18	37 4
„Ивате“,	9,900	18	37 4
„Токива“,	9,900	18	37 5
„Азума“,	9,500	16	35 5
II дивизія.			
„Такашихо“, защ. крейс. . .	3,700	10	16 4
„Цусима“,	3,400	6	20 —
„Нанива“,	3,700	8	14 4
„Нитака“,	3,400	6	20 —
III дивизія.			
Миноносцы	?	—	?
И т о г о . . .	63,400	100	216 26

Изъ этого состава миноносцы и 2 крейсера „Цусима“ и „Нитака“ въ битвѣ 1 авг. участія не принимали. Русскія силы, принялія участіе въ сраженіи, выясняются слѣдующею таблицею:

	Водоизмѣ- щеніе тоннъ	Орудій. Тяже- лыхъ	Минныхъ Всего. аппаратовъ.
„Россія“, брон. крейс. . .	13,700	20	77 5
„Громобой“, брон. крейс. . .	13,200	20	78 4
„Рюрикъ“,	11,700	20	38 6
И т о г о . . .	38,600	60	193 15

Исключая же средства „Цусимы“ и „Нитаки“, мы видимъ что к.-адм. Іессенъ располагалъ тремя единицами противъ пяти, но единицы его были сильнѣе единицъ в.-адм. Камимуры, такъ что русскій адмиралъ имѣлъ 38.600 противъ 56.600 тоннъ японскихъ; 193 орудія противъ 176; въ томъ числѣ 60 тяжелыхъ

орудий противъ 88; и 15 минныхъ аппаратовъ противъ 26. Число всѣхъ орудий у русскихъ было даже больше, нежели у японцевъ, но число тяжелыхъ орудий, рѣшающихъ артиллерійскій бой между бронированными судами, у японцевъ было на 18 единицъ больше, т. е. ровно на 30%. Этаотъ перевѣсъ, вмѣстѣ съ недостаточною скоростью „Рюрика“, и рѣшилъ битву въ пользу японцевъ. Официальное донесеніе такъ описываетъ это сраженіе:

„1 августа, съ разсвѣтомъ, въ четыре съ половиною часа утра, имѣя пары во всѣхъ котлахъ, подошелъ съ крейсерами „Россія“, „Громобой“ и „Рюрикъ“ къ параллели Фуамана, въ разстояніи отъ послѣдняго 42 мили и отъ сѣверного маяка острова Цусима 36 миль, гдѣ повернулъ къ западу. Въ скоромъ времени увидали впереди праваго траверза, приблизительно въ 8-ми миляхъ къ сѣверу, японскую эскадру броненосныхъ крейсеровъ, шедшую параллельнымъ съ нами курсомъ и состоявшую изъ 4-хъ судовъ типа „Ивате“. Повернувъ влѣво и давъ полный ходъ, взялъ курсъ въ юрдъ-остовую четверть, чтобы по возможности выйти въ открытое море. Непріятель, имѣвши первоначально преимущество въ ходѣ, тотчасъ же повернулъ, легъ параллельнымъ курсомъ и заставилъ меня принять бой, начавшійся въ 5 часовъ утра, съ разстояніемъ свыше 60-ти кабельтовыхъ. Вскорѣ изъ пролива съ юга показался идущій на соединеніе съ непріятелемъ крейсеръ 2-го класса типа „Нанива“. Непріятель, замѣтивъ мое намѣреніе выбраться на юрдъ-остъ въ открытое море, стадъ склонять курсъ въ нашу сторону и тѣмъ помѣшалъ исполненію нашего маневра, почему, выбравъ удобный моментъ, быстро повернулъ вправо и легъ въ юрдъ-вестовую четверть, съ разсчетомъ, до подхода къ корейскому берегу, отойти на сѣверъ. Этаотъ маневръ не былъ замѣченъ своевременно, и, при увеличившемся до 17-ти узловъ ходѣ, появилась полная вѣроятность въ удачі, но не прошло и пяти минутъ, какъ крейсеръ „Рюрикъ“ вышелъ изъ строя и поднялъ сигналъ „руль не дѣйствуетъ“, почему я поднялъ сигналъ „управляться машинами“, и продолжалъ идти прежнимъ курсомъ. Не получивъ на этотъ сигналъ отвѣта и видя, что всѣ японскіе крейсеры сосредоточили свой огонь на „Рюрикѣ“, все послѣдующее мое маневрированіе имѣло исключительно цѣлью дать ему возможность исправить поврежденіе руля, отвлекая на себя весь огонь непріятеля для прикрытия „Рюрика“. Въ это время были замѣчены еще два крейсера 2-го и 3-го класса, шедшіе на соединеніе съ непріятелемъ. На „Рюрикѣ“ былъ поднятъ сигналъ „не могу управляться“. Маневрируя впереди его, я далъ ему возможность отойти по направлению къ корейскому берегу мили на двѣ, и такъ какъ на поднятый ему около 8 час. сигналъ „идти во Владивостокъ“ онъ отрепетировалъ его и привелъ на надлежащій курсъ, имѣя при этомъ большой „ходъ“, что видно было по буруну впереди его носа,

я съ крейсерами „Россія“ и „Громобой“ окончательно легъ на нордъ-вестъ, все время сражаясь съ непріятелемъ, ввязшимъ параллельный курсъ и державшимся отъ насъ отъ 32 до 42 кабель-товыхъ. Въ это время „Рюрикъ“ находился отъ насъ приблизительно на юдъ-вестъ на разстояніи 3—4 миль. На этомъ галсѣ бой продолжался полныхъ два часа, и намъ нанесены значительные поврежденія... Около половины девятаго часа „Рюрикъ“ сталь сильно отставать и снова повернулъ носомъ отъ берега. Видно было, что присоединившіеся два крейсера 2-го класса завязали съ нимъ бой, послѣ чего онъ вскорѣ сталъ скрываться изъ виду, но такъ какъ адмиралъ Камимура съ 4-ми броненосными крейсерами неотступно держался наравнѣ съ нами и, такимъ образомъ, удалялся отъ „Рюрика“, то я продолжалъ бой на этомъ галсѣ, отвлекая непріятеля далѣе на съверъ, въ надеждѣ, что „Рюрикъ“ справится съ двумя сравнительно слабыми противниками и, исправивъ поврежденія руля, будетъ въ состояніи самостоятельно достичнуть Владивостока... Въ 10 часовъ, стрѣляя залпами, весь отрядъ японскій пошелъ отъ насъ, прекративъ огонь послѣ 5-тичасового жестокаго боя. Я сейчасъ же началъ приводить въ извѣстность потери и поврежденія. На „Россії“ въ подводной части и у ватерь-линіи было 11 пробоинъ, а на „Громобой“—6. Убыль флотскихъ офицеровъ на обоихъ крейсерахъ превышала половину всего состава, нижнихъ же чиновъ доходила до 25 проц.“

Оставшійся и жестоко поврежденный „Рюрикъ“ затонулъ. Въ то время, какъ четыре броненосныхъ крейсера в.-адм. Камимуры вели пятичасовую борьбу съ двумя русскими броненосными крейсерами, выведенный изъ строя „Рюрикъ“ былъ аттакованъ крейсерами „Такачихо“ и „Нанива“, а когда показались шедшіе обратно четыре японскихъ крейсера, команда потопила „Рюрикъ“. Въ концѣ двѣнадцатаго часа крейсеръ пошелъ ко дну, а всплывшая команда подобрана японцами. По свидѣтельству спасшагося лейтенанта Иванова, со стороны японцевъ „приемъ и уходъ за ранеными былъ весьма внимателенъ, а отношение съ остальными чинами весьма хорошее“. Гибель „Рюрика“ дополняетъ собою тяжелыя утраты русского флота въ эти тягостные дни 28 іюля и 1 августа. Со стороны японцевъ 1 августа особенно пострадалъ, по слухамъ, крейсеръ „Издумо“, на которомъ былъ поднятъ флагъ в.-адм. Камимуры.

Имѣются слѣдующія извѣстія о послѣдующихъ морскихъ дѣйствіяхъ:

Токіо, 5-го (18-го) августа (Рейтеръ). Того телеграфируетъ, что канонерки „Мая“ и „Акаджи“, занимавшія наблюдательный постъ, близъ Сяобиндао, замѣтили 29-го іюля около Саньшаня русскія канонерки „Гилякъ“ и „Отважный“, которыхъ бомбардировали японскія сухопутныя войска. Японскія канонерки ихъ

атаковали, при чём снарядъ съ „Акаджи“ попалъ въ „Гиляка“, который поспѣшилъ удалился въ Портъ-Артуръ.

Лондонъ, 7 (20) августа. Здѣшнее японское посольство опубликовало слѣдующую телеграмму:

„Согласно донесенію сторожевого судна у Портъ-Артура, канонерка типа „Отважный“ наскочила на мину и затонула близъ Ляотешаня въ 7 час. 50 мин. пополудни 5 августа“ (Т. А.).

Токіо, 5 (18) августа (Рейтеръ). Официальная депеша гласитъ, что русскіе спасли экипажъ канонерки „Отважный“, затонувшей близъ Портъ-Артура (Р. А.).

Берлинъ, 7-го (20-го) августа. Японское военное судно, состоящее подъ начальствомъ капитана Того (не адмирала того же имени), затонуло волѣ Портъ-Артура, повидимому, во время ночной бомбардировки крѣпостныхъ укрѣплений, которыхъ на этотъ разъ энергично отвѣчали на огонь („Berliner-Lokalanzeiger“).

Токіо, 11-го (24-го) августа (Рейтеръ). Катаоки доноситъ: броненосецъ „Севастополь“ вчера вышелъ изъ Портъ-Артура, наскочилъ на мину и, накренившись на правый бортъ, былъ введенъ обратно въ гавань.

Сообщеніе главнаго морскаго штаба, 7 сентября 1904 г.:

По полученнымъ изъ Портъ-Артура свѣдѣніямъ, во время работъ 11 августа по очисткѣ рейда отъ поставленныхъ японцами минъ погибли лейтенанты Рихтеръ 1-й и Кащерининовъ и ранены баронъ Драхенфельсъ и младшій инженеръ-механикъ Брунсь 2-й.

Къ этому надо прибавить, что легкое вооруженій транспортъ „Лена“, сопровождавшій владивостокскую эскадру, 1 августа отдался отъ нея, избѣгая боя, въ которомъ принять участіе не могъ. Выйдя усиленнымъ ходомъ въ открытый океанъ, „Лена“ этимъ чрезмѣрнымъ усиленіемъ повредила машину и кое-какъ добралась до Санъ-Франциско, гдѣ разоружилась.

Эти морскія битвы выяснили, что безъ подкрѣпленія изъ Россіи одолѣть японцевъ на морѣ невозможно, а только торжество на морѣ могло бы привести Японію къ необходимости заключить миръ, согласно желаніямъ Россіи. Поэтому-то движеніе на Дальній Востокъ новой эскадры изъ состава Балтійского флота и приковываетъ общее вниманіе. 29 августа эскадра к.-адм. Рождественского отбыла изъ Кронштадта. Въ „Русскомъ Инвалидѣ“ читаемъ объ этомъ слѣдующее:

„29-го августа въ 9 час. 30 мин. утра начали сниматься съ якоря суда второй тихоокеанской эскадры въ слѣдующемъ составѣ и порядкѣ: крейсеры I ранга: „Дмитрій Донской“, за ними „Аврора“, „Свѣтлана“, крейсеръ II ранга „Алмазъ“ (флагъ контр-адмирала Энквиста); въ 10 часовъ утра эскадренные броненосцы „Ослібі“ (флагъ контр-адмирала фонъ-Фелькерзама), „Сысоѣ“

Великий", "Наваринъ", крейсеръ "Адмиралъ Нахимовъ", эскадренные миноносцы "Влестящій", "Безупречный", "Бѣдовый", "Бодрый", "Быстрый", "Буйный" и "Бравый"; последними въ 11 час. 10 мин. снялись броненосцы "Императоръ Александръ III", "Князь Суворовъ" (подъ флагомъ командующаго эскадрой, контр-адмирала Рождественского) и "Бородино", транспорты "Китай", "Корея" и "Князь Горчаковъ". Всѣ суда ушли въ море, держась въ строй двухъ кильватерныхъ колоннъ".

Тамъ же находимъ приказъ главнаго командира флота и портовъ и начальника морской обороны Балтійскаго моря за № 516 6-го сентября 1904 года, въ которомъ читаемъ:

"Предписываю командинамъ: эскадренного броненосца "Орелъ", крейсеровъ "Олегъ" и "Жемчугъ" и транспорта "Камчатка" въ воскресенье, 12 сентября, выйти на рейдъ. Командиру крейсера "Изумрудъ" выйти на рейдъ въ четвергъ, 16 сентября. Очень прошу, чтобы къ этому времени были закончены всѣ главныи приемки, по частямъ: артиллерійской, комиссаріатской, механической и шкиперской, а также, чтобы былъ погруженъ полный запасъ угля".

Такимъ образомъ, эскадра контр-адмирала Рождественского заключаетъ 7 эскадренныхъ броненосцевъ, 8 крейсеровъ и 7 миноносцевъ. По оффіциальнымъ даннымъ, сила эскадры выясняется слѣдующею таблицею:

	Водоизмѣщеніе тоннъ.	О р у д і ю.	Минныхъ аппаратовъ.
		Тяже- лыхъ.	Всего.
1. Александръ III, бронен.	13,700	16	58
2. Суворовъ,	13,700	16	58
3. Бородино,	13,700	16	58
4. Орелъ,	13,700	16	58
5. Ослябя,	12,700	15	63
6. Наваринъ,	9,700	12	36
7. Сысой Великій,	9,100	10	34
8. Нахимовъ, брон. крейс.	8,600	18	34
9. Олегъ.	6,700	12	32
10. Дмитр. Дон.	6,200	16	44
11. Аврора, защит. крейс.	6,700	8	40
12. Свѣтлана,	3,800	6	18
13. Алмазъ,	3,300	—	8
14. Жемчугъ,	3,100	6	15
15. Изумрудъ,	3,100	6	15
16—22. Миноносыц. семь, всего.	2,450	—	42
23—26. Транспортовъ	?	—	?
И т о г о . . .	130,250	183	614
			74

Это очень серьезныи силы, хотя и не достигающія силы всего японскаго флота. Чтобы эти морскія подкрѣпленія сыграли пред- назначаемую имъ роль, необходимо или сохранить до ихъ прихода нынѣшнія русскія морскія силы въ Тихомъ Океанѣ въ

цѣлости, или же при ихъ утратѣ серьезно ослабить японскія силы.

Сохраненіе въ цѣлости нынѣ еще активныхъ русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ зависитъ отъ силы сопротивленія Портъ-Артура, а въ случаѣ его паденія ослабленіе японскаго флота будетъ зависѣть отъ умѣнія и мужества портъ-артурскихъ адмираловъ. Паденіе или сохраненіе Портъ-Артура играетъ поэтому первоклассную роль въ этой морской тяжбѣ.

IV.

Извѣстно, что русскіе допустили вторую армію (генерала Оку) безпрепятственно высадиться въ Бицьво, послѣ чего эта армія около 1 (14) мая прервала сообщенія Портъ-Артура, а 8 мая начала атаку на Цзинъ-Чжоускія позиціи, занятые дивизіей генерала Фока впереди Портъ-Артура, Таліенвана и Дальніаго. Цѣнитидневный кровопролитный бой завершился 13 (26) мая очищеніемъ этихъ позицій русскими войсками, очищеніемъ Таліенвана и Дальніаго и отступлениемъ на передовыя укрѣпленія Портъ-Артура. Японцы тогда же заняли Цзинъ-Чжоу и Наншанскія укрѣпленія высоты, оставленныя русскими, но города Таліенванъ и Дальний и узловую желѣзодорожную станцію Саншилишу они заняли только 17 (30) мая и затѣмъ до начала іюня (около двухъ недѣль) пребывали на этихъ позиціяхъ въ бездѣйствії. Впослѣдствіе выяснилось, что въ это время армія генерала Оку ушла на сѣверъ противъ корпуса генерала Штакельберга, съ которымъ и сразилась подъ Бафангомъ. Армію Оку замѣнила подъ Портъ-Артуромъ четвертая армія (ген. Ноги). Этой замѣнной войскѣ, а отчасти и усиленною очисткою Дальнинской гавани и всего Таліенванскаго залива отъ минъ и объясняется упомянутое бездѣйствіе. При очисткѣ отъ минъ погибли крейсеръ „Міако“ и одинъ ионмерной миноносецъ. Въ это время (начало іюня) лѣвый флангъ японскихъ линій отстоялъ отъ города Портъ-Артура около тридцати верстъ, а правый флангъ около сорока верстъ. Русскія же передовыя укрѣпленія занимали линію Шантайну (на западномъ берегу полуострова) черезъ высоты Гишанъ до возвышенности Лунвантана (на восточномъ берегу), въ разстояніи около 18 верстъ отъ Артура. Пространство 10—12 верстъ раздѣляло противниковъ. 12 (25) іюня японцы прошли это пространство береговыми дорогами по восточному и по западному берегу и заняли на западѣ Чинчандзе, на востокѣ Шіонгтинау и связывающую ихъ цѣль холмовъ и стали уже въ непосредственной близости съ передовой оборонительной линіей русской крѣпости. 13 (26) іюня, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ Цзинъ-Чжоускаго сраженія, японцы повели атаку противъ русскихъ укрѣпленныхъ позицій. Ожесточенный бой этотъ, длившійся цѣлый день, не принесъ японцамъ успѣхъ.

ховъ на ихъ правомъ флангѣ и въ центрѣ, но на лѣвомъ флангѣ, при содѣйствіи флота, имъ удалось вынудить русскихъ очистить лѣвый берегъ Лунвантанъ-хе, который и былъ занятъ японцами; но 20 и 21 іюня русскіе атаковали японцевъ и возвратили себѣ господство на этой возвышенности, чemu помогла русская эскадра, вышедшая для этого изъ гавани и обстрѣливавшая съ моря японскія позиціи. Русскіе удерживали эти позиціи до середины іюля. Къ этому времени японцы получили и поставили на позиціи осадныя орудія, значительно усиливши численность арміи и довели составъ флота до той грозной силы семи дивизій, исчисленіе которой мы привели выше. Задачи, возложенныя на эти морскія силы, очень разнообразны и представляютъ огромное значеніе. Блокада крѣпости съ моря; конвоирование транспортовъ и охрана сообщеній дѣйствующихъ армій, безъ чего война стала бы невозможной; и недопущеніе выхода русской эскадры, — таковы эти задачи, отъ выполненія которыхъ зависитъ весь ходъ и исходъ огромной и ужасной борьбы, затѣянной японцами.

13 (26) іюля, послѣ продолжительной бомбардировки, японцы повели общую атаку на русскую передовую линію укрѣплений, по всему фронту, отъ моря до моря. Особенно сильную атаку на Лунвантанскія высоты поддерживали со стороны моря японскія суда: броненосецъ „Чинъ-Іенъ“, крейсеры „Ицукушима“, „Мадушкима“, „Гашидате“ и „Чіода“, 2 крейсера третьаго ранга, нѣсколько канонерокъ и 30 миноносцевъ. Русскіе съ своей стороны выслали для ослабленія этой морской помощи штурмующимъ войскомъ крейсера „Баянъ“, „Аскольдъ“, „Паллада“ и „Новикъ“ и отрядъ миноносцевъ. Произошло артиллерийское состязаніе, въ теченіе которого снарядомъ съ „Баяна“ былъ выведенъ изъ строя крейсеръ „Ицукушима“ (черезъ двѣ недѣли этотъ крейсеръ былъ уже исправленъ и принялъ участіе въ битвѣ 28 іюля), а взрывомъ мины поврежденъ крейсеръ „Чіода“ (28 іюля въ сраженіи отсутствовалъ). Послѣ этого японскій морской отрядъ удалился: „Чіода“, „Ицукушима“ и канонерки въ Дальний, остальные суда — въ море.

Штурмъ продолжался безъ перерыва три дня (13, 14 и 15 іюля) и былъ отбитъ по всей линіи, о чемъ генералъ Стессель и до сихъ вечеромъ 15 іюля. Потери русскихъ опредѣлились въ 40 офицеровъ и 1.500 нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Японскія потери неизвѣстны, но должны быть значительны, въ виду упорныхъ многочисленныхъ приступовъ, кончившихся отраженіемъ. Въ этомъ отраженіи дѣятельное участіе принялъ и флотъ; и послѣ упомянутаго выше сраженія 18 іюля, и въ слѣдующіе дни выходили тѣ же крейсера и миноносцы и, кроме того, броненосецъ „Ретвизанъ“ и канонерки „Отважный“, „Гремящій“ и „Гилякъ“. Они усиленно обстрѣливали штурмовые колонны японцевъ, крейсерскіе отряды которыхъ не могли состы-

ваться съ русской эскадрою въ виду присутствія въ ея составѣ „Ретвизана“, а первоклассные японскіе броненосцы со времени гибели „Гаузе“ не приближались къ берегу въ полосу моря, не безопаснную отъ минъ.

Эта серьезная неудача не обезоружила японцевъ, и уже 17 іюля японцы снова новыми силами атаковали русскія позиціи, при чёмъ атака была на этотъ разъ поддержанна съ моря. Въ штурмѣ участвовало до пяти дивизій, въ бомбардировкѣ съ моря 4 броненосца, 4 броненосныхъ крейсера, 10 защитныхъ крейсеровъ и 48 миноносцевъ. Русский флотъ не могъ выйти на встречу такимъ силамъ, и генералъ Стессель, обстрѣливаемый съ моря вдоль позицій, рѣшилъ ихъ очистить и отступить за вторую линію передовыхыхъ укрѣплений, что и успѣлъ совершить, снявъ орудія и нанеся большія потери японцамъ при помощи заложенныхъ на пути ихъ наступленія фугасовъ. Эта вторая оборонительная линія русскихъ начиналась на востокѣ у впаденія р. Таш-Хе въ море, тамъ, гдѣ на правомъ (южномъ) ея берегу возвышается гора Дагушанъ; далѣе на западъ теченіе этой рѣчки обозначало русскую оборонительную линію до Волчей Горы, на которой возвышался фортъ, а еще далѣе къ западу до бухты Луизы шли отдѣльныя укрѣпленія, подступы къ которымъ защищались артиллерию форта Волчей Горы. 17 (30) іюля русские заняли эту линію, а японцы оставленную русскими Лунватанскую линію, имѣвшую ту для нихъ невыгоду, что надъ нею господствовала новая оборонительная линія русскихъ. Японцы понимали необходимость не останавливаться на занятыхъ позиціяхъ, но энергично продолжать штурмъ; и, действительно, въ ночь на 18 іюля имъ удалось овладѣть фортомъ на Волчей Горѣ, а вмѣстѣ съ этимъ русские очистили и всю линію на западъ отъ этого форта до бухты Луизы. Этимъ путемъ вся западная половина второй оборонительной линіи оказалась въ рукахъ японцевъ, которые въ ближайшіе затѣи дни (19—25 іюля) заняли холмы къ западу отъ Артура, возвелили фортъ на холмѣ у восьмикорабельной бухты и, вооруживъ его дальнобойными тяжелыми орудіями, получили возможность обстрѣливать новый городъ и внутренній рейдъ. Это и былъ тотъ моментъ, о которомъ мы говорили выше, и который рѣшилъ вопросъ о выходѣ русского флота.

26 іюля (8 авг.) японцы, послѣ пятнадцатичасовой бомбардировки, штурмовали восточную половину второй оборонительной линіи и взяли фортъ Дагушанъ, но 27 іюля русские взяли его обратно. 28, 29 и 30 іюля крѣпость подвергалась бомбардировкѣ. Въ эти дни русская эскадра сдѣлала вышеописанную попытку прорваться изъ Портъ-Артура, и половина ея возвратилась въ его гавань. 30 іюля двѣ русскія канонерки выходили обстрѣливать съ моря японскія батареи, но возвратились послѣ встречи съ японскимъ отрядомъ. 1 и 2 августа японцы предпринимаютъ

рядъ штурмовъ на тѣ же восточные укрѣпленія, но безуспѣши. 3 августа японскій главнокомандующій маршалъ Ояма, до сего времени лично руководившій осадою, присдалъ генералу Стесселю парламентера съ предложеніемъ сдать крѣпость и эскадру, при чёмъ гарнизонъ съ оружиемъ безпрепятственно будетъ прощеннъ на соединеніе съ русской манчжурской арміей. Генералъ Стессель категорически отвергъ предложеніе, послѣ чего отказался и отъ трехдневнаго перемирия, предложенаго японцами для уборки убитыхъ.

Въ это время (начало августа) японцы занимали линію отъ Голубиной бухты на западъ черезъ фортъ на Волчьей Горѣ до батарей, выставленныхъ противъ форта Дагушана на восточномъ берегу. Кроме внутренней крѣпостной линіи фортовъ и приморскихъ фортовъ, русскіе занимали впереди форты: *Ляотешанъ* на горѣ, обращенной къ морю и къ Голубиной бухтѣ; *Ичанъ* къ с.-з. отъ первого и отъ западнаго бассейна гавани; *Паличжсанъ* — на сѣверѣ противъ Волчьей Горы и занятаго японцами впереди отъ горы укрѣпленія Сюй-Шина, и *Дагушанъ* на восточномъ берегу, о которомъ было говорено выше. Между этими четырьмя передовыми фортами расположены второстепенные редуты, люнеты и пр. Отъ 7 (20 августа) изъ Чифу сообщалось, что 5 и 6 августа японцы штурмовали нѣкоторая русскія позиціи, но, наткнувшись на мины и много потерявъ отъ вары, отступили. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, они при поддержкѣ флота возобновили свои атаки 6 и 7 августа, но были отбиты. Въ штурмѣ участвовали будто бы до 60,000 комбатаントовъ. Объ этихъ сраженіяхъ ген. Стессель вѣратцѣ доносилъ, что „съ 4 часовъ 30 минутъ утра 6 августа японцы начали штурмъ Угловой Горы и сильно бомбардировали укрѣпленія сѣверного и отчасти восточнаго фронтовъ изъ своихъ батарей на Волчьей Горѣ. Впереди Сюй-Шина и по всей длины Лунъ-Хе (рѣчка, впадающая съ запада въ артурскую гавань) японцы вели траншеи“.

Изъ китайскихъ источниковъ сообщалось снова:

„Чифу, 9-го (22го) августа (Рейтеръ). Ожесточенный штурмъ Портъ-Артура продолжается; победа все еще колеблется. Китаецъ, прибывшій изъ Портъ-Артура, говорить, что японцы, производя постоянныя атаки при поддержкѣ артиллеріи, продвинулись впередъ черезъ районъ Голубиной бухты, оттеснивъ русскихъ къ главной оборонительной линіи. Однако, японцы не имѣли возможности удержать за собою позиціи и подъ убийственнымъ огнемъ русскихъ принуждены были отступить къ сѣверу. Японцы въ теченіе 48 часовъ бомбардировали важный фортъ на горѣ Ицшанъ; затѣмъ пѣхота двинулась впередъ, тѣсня русскихъ. Тогда русская артиллерія открыла огонь по позиціи и заставила японцевъ отступить“.

„Чифу. 10-го (23-го) августа (Рейтеръ). Согласно разсказамъ

китайцевъ, прибывшихъ изъ Портъ-Артура, японцы захватили Итшанъ».

Это важное извѣстіе о паденіи Ичана подтверждалось и телеграммою отъ 11 сент. агентств. Рейтера. Новое подтвержденіе находимъ въ телеграммѣ:

„Чифу, 12 го (25-го) августа (Рейтеръ). Относительно положенія при Портъ-Артурѣ изъ достовѣрного источника сообщаютъ слѣдующее: На востокѣ мѣстность между Дагушаномъ и Волчьими горами находится въ рукахъ японцевъ. На западѣ они занимаютъ фортъ Итшанъ, но, благодаря фугасамъ, не могутъ продвинуться дальше. Голубина бухта также въ рукахъ японцевъ; на сѣверѣ же они занимаютъ Талиенченъ. Японскіе передовые отряды нѣсколько разъ проникали за линію внутреннихъ фортовъ, но каждый разъ были отброшены назадъ“.

Изъ Токіо въ телеграммѣ отъ 13 авг. снова сообщалось о взятіи Ичана и прибавлялось, что „японская артиллериа начнетъ теперь съ этого пункта бомбардировать внутреннюю линію укрѣплений“. Всѣдѣ затѣмъ появилось слѣдующее сенсаціонное извѣстіе:

„Лондонъ, 14-го (27-го) августа (Рейтеръ). Согласно частнымъ, но надежнымъ извѣстіямъ, полученнымъ въ Тяньцзинѣ 14-го августа, японцы проникли чрезъ фортъ Итшанъ въ Портъ-Артуръ. Японцы медлили, однако, сообщить что-нибудь официально, пока сраженіе не будетъ совершенно окончено („Standard“, вечерн. изданіе)“.

Слѣдующая затѣмъ изъ тѣхъ же китайскихъ источниковъ телеграмма излагала это событие нѣсколько иначе:

„Чифу, 16-го (29-го) августа. По словамъ китайцевъ, прибывшихъ изъ Портъ-Артура, 13-го и 14-го августа была сильная канонада. По полученнымъ свѣдѣніямъ, японцы атаковали 14-го августа внутренніе форты со стороны Итшана, но были отбиты“.

Но одновременно съ этимъ получены сообщенія, что Ичанъ находится опять въ рукахъ русскихъ, такъ что онъ или вовсе не былъ взятъ японцами, или очень скоро былъ обратно взятъ русскими. Официальная телеграмма ген.-ад. Стесселя отъ 15-го августа гласитъ:

„Въ ночь на 14-ое августа въ 3 часа, во время сильнѣйшаго дождя и грозы, японцы вновь сдѣлали попытку атаковать наши позиціи на лѣвомъ флангѣ, а также одинъ фортъ и горы Удянчанъ. Атака была отбита на всѣхъ пунктахъ“.

Рядомъ съ борьбою за Ичанъ шла не менѣе ожесточенная борьба—за Паличжуанъ. Слѣдующая телеграмма даетъ о томъ нѣкоторыя свѣдѣнія:

„Чифу, 18-го (31-го) августа (Рейтеръ). Сюда только что прибылъ китаецъ, выѣхавшій изъ Портъ-Артура 16-го августа

вечеромъ. Этотъ китаецъ, раньше служившій въ полнцейскомъ управлениі и бѣгло говорящій по русски, сообщаетъ, что 14-го августа былъ жаркій бой. Японцы, наступая отъ Сюйшина, пытались завладѣть Паличжуаномъ, расположеннымъ къ югу оть Сюйшина и къ западу отъ желѣзной дороги. Они два раза ходили на приступъ между 4 и 8 часами утра, но оба раза были отбиты. Китаецъ добавляетъ, что до его отѣзда японцы не предпринимали нового штурма на Паличжуанъ, и подтверждаетъ, что русскіе снова заняли Ичанъ.—15-го августа, въ $4\frac{1}{2}$ часа утра японцы атаковали фортъ № 6, расположенный къ сѣверо-востоку отъ ихъ праваго фланга. Этотъ фортъ совершенно новый. Послѣ трехчасового боя, имъ удалось завладѣть фортомъ № 6. Несколько другихъ фортовъ сосредоточили тогда огонь по № 6 и заставили японцевъ очистить его“.

Оттуда же 19 авг., что

„высажены японцами подкѣпленія, прибывшія на платахъ, у Ляотешана, гдѣ идетъ ожесточенный бой. Русскіе отобрали обратно Ичанъ и держатся у Паличжуана, откуда японцы были вытѣснены. Въ настоящее время сильно бомбардируется Тигровый Хвостъ“.

Вѣроятно, о тѣхъ же сраженіяхъ ген.-ад. Стессель доносить:

„Отъ 20-го августа. Въ ночь на 20-е непріятель произвелъ наступленіе на Высокую и Длинную горы, обстрѣливая ихъ въ то же время артиллерійскимъ огнемъ. По передовому его цѣпямъ, своевременно обнаруженнымъ, былъ открытъ огонь: непріятельская батарея попала на самовзрывчатые фугасы и понесла потери. Черезъ часть наступленіе было остановлено исключительно огнемъ. Наши потери ничтожны.“

Отъ 21 августа. Непріятель усиливается противъ западнаго фронта крѣпости. Продолжается обстрѣливаніе фортовъ, а также внутренности крѣпости и порта. Наканунѣ и въ теченіе ночи выпущено по городу около 250 бомбъ. Эскадра (японская, конечно) все время держится въ виду крѣпости“.

Затѣмъ изъ многочисленныхъ взаимно противорѣчивыхъ и неудобопонятныхъ китайскихъ сообщеній слѣдуетъ остановиться на нижеприведимыхъ, какъ болѣе взаимно согласованныхъ и болѣе соответствующихъ общему ходу осады:

„Чифу, 21-го августа (3-го сентября) (Рейтеръ). Китаецъ, прибывшій изъ Портъ-Артура, говорить, что 16 го августа японцы неожиданно напали на русскихъ въ Паличжуанѣ и захватили позиціи, съ тяжелыми потерями для русскихъ. 17-го августа, утромъ, японцы нѣсколько разъ атаковали Эрлунгшанъ (повидимому, одинъ изъ фортовъ внутренней линіи укрѣплений), но были отброшены. Потери ихъ при этомъ достигали 1.000 чел. Утромъ 18-го августа японцы бросились на фортъ близъ Эрлунгшана. Русскіе, послѣ семичасового боя, отошли. Страшный огонь съ

другихъ фортовъ заставилъ, однако, японцевъ бросить занятую позицію. Бомбардировка города продолжается безъ перерыва.

Чифу, 22-го августа (4-го сентября) (Рейтеръ). Японцы ставятъ на свои позиціи 400 орудій, дабы безпрерывной бомбардировкой привести къ молчанию русскія батареи и возобновить затѣмъ общую атаку пѣхотой.

Чифу, 26-го августа (8-го сентября). (Рейтеръ). Китайцы, оставившіе Портъ-Артуръ 23-го августа, сообщаютъ, что 21-го августа произошло большое сраженіе. Японцы атаковали нѣкоторыя позиціи на восточномъ и западномъ флангахъ. Русскіе, подпустивъ ихъ на близкое разстояніе, открыли сильный огонь, заставившій японцевъ отступить послѣ трехчасового боя.

Чифу, 28-го августа (10-го сентября). (Сообщ. чрезъ Берлинъ). Во время послѣднихъ боевъ подъ Портъ-Артуромъ японцы заняли 4 форта, но были вынуждены снова очистить ихъ. Русскіе вновь поставили тамъ орудія („Berliner Lokal-anzeiger“).

Чифу, 29-го августа (11-го сентября). (Рейтеръ). По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ лица, безусловно достойнаго довѣрія, ближайшій генеральный штурмъ Портъ-Артура войсками Ноги будетъ направленъ, главнымъ образомъ, противъ фортовъ Эрлуншань и Цзигушань. Съ сѣверо-восточной стороны холмы, на которыхъ находятся эти форты, заняты японскими войсками, живущими въ палаткахъ. Имъ приносятъ съѣстные припасы только ночью. Японскія траншеи вырыты совсѣмъ близко отъ русскихъ. Одна частью окончены. Русскіе прилагаютъ усиленія къ выравниенію склоновъ, бомбардируя неровности почвы, служащія прикрытиемъ для японцевъ. Послѣдніе поддерживаютъ огонь противъ русскихъ, чтобы не дать имъ осуществить ихъ намѣреніе. Приступъ будетъ, вѣроятно, однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ, какой русскимъ пришлось отражать. Японцы приняли самая тщательныя мѣры. Въ этой мѣстности находятся двѣ дивизіи подъ начальствомъ Оshima и Тушіи. Общая численность японскихъ войскъ подъ Портъ-Артуромъ достигаетъ 80,000 чел.“.

А затѣмъ краткое сообщеніе ген.-ад. Стесселя отъ 28-го августа:

„Ежедневно производится непріятелемъ обыкновенная стрѣльба по фортамъ, батареямъ и внутренности крѣпости, но активныхъ дѣйствій японцы пока не проявляютъ“.

Такимъ образомъ, къ сентябрю русскіе сохранили Ляо-тешань, Ичанъ и, вѣроятно, Дагушань, но, вѣроятно, нѣкоторыя изъ промежуточныхъ укрѣплений были разрушены японцами, которые снова готовились къ генеральной атакѣ. Послѣ 28-го августа военные дѣйствія развивались согласно слѣдующимъ болѣе вѣроятнымъ сообщеніямъ:

„Шанхай, 2-го (15-го) сентября („Daily Mail“). По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Токіо, первая японская дивизія атакуетъ

Портъ-Артуръ съ запада, 9-я дѣйствуетъ противъ центра, а 11-я противъ восточныхъ укрѣпленій. Самыя крупныя потери понесла поэтому одиннадцатая дивизія, а слѣдующая за ней—девятая. Всѣ офицеры седьмого артиллерійскаго полка, принадлежащаго къ девятой дивизіи, убиты или ранены. Японцы заняли укрѣпленія Паличжуана; два солдата подползли къ русскимъ окопамъ и бросили въ нихъ нѣсколько мінъ, послѣ чего русскіе покинули окопы.

Изъ Парижа сообщаютъ, 3 сентября, что, по полученнымъ тамъ свѣдѣніямъ, японцы за послѣдніе дни добились значительныхъ успѣховъ въ осадѣ Портъ-Артура. Особенное значеніе придается занятію ими форта въ трехъ километрахъ къ востоку отъ Золотой горы (Т. А.).

Ген.-ад. Стессель отъ 3-го сентября доносить:

„Сего числа ночью, около 3-хъ часовъ, японцы, въ числѣ не менѣе баталіона атаковали водопроводный редутъ. Гарнизонъ отбилъ атаку японцевъ; они отошли, но черезъ полчаса, получивъ поддержку, вновь перешли въ атаку. Гарнизонъ отбилъ ружейнымъ и шлеметнымъ огнемъ, при поддержкѣ артиллеріи, и эту вторую атаку. Японцы понесли большія потери и болѣе не пытались переходить въ наступленіе“.

Послѣ приведенной телеграммы офиціальныхъ извѣстій изъ Портъ-Артура не получалось, а частныя сводятся къ слѣдующему:

„Токіо, 9-го (22-го) сентября. Какъ видно изъ полученныхъ здѣсь извѣстій съ театра военныхъ дѣйствій, японцы заняли три форта у Портъ-Артура“.

„Чифу, 13-го (26-го) сентября („Daily Telegraph“). Въ теченіе сегодняшняго дна не получено никакихъ свѣдѣній о положеніи дѣль подъ Портъ-Артуромъ. Блокада японцевъ въ настоящее время весьма дѣйствительна. Сраженія происходятъ ежедневно“.

„Владивостокъ, 15-го сентября. Изъ Портъ Артура сообщаютъ, что въ послѣднихъ числахъ августа на специальнѣ поставленныхъ намъ въ разныхъ мѣстахъ въ морѣ, вблизи Артура, минахъ загражденія взорвались, и затонули два японскихъ эскадренныхъ миноносца и одинъ японскій пароходъ и сильно поврежденъ крейсеръ типа „Нітака“. Нашими двумя паровыми катерами подъ начальствомъ лейтенанта Небольсина съ боя взята большая миноноска одного изъ непріятельскихъ броненосцевъ, пытавшаяся ставить мины загражденія подъ берегомъ у артурскихъ укрѣпленій“.

„Чифу, 15-го (28 го) сентября (1 ч. 55 м. утра). Китайцы, выѣхавшіе на джонкѣ изъ Портъ-Артура 13-го сентября, прибыли сюда 14-го сентября. По ихъ словамъ, 11-го сентября началось ожесточенное сраженіе, въ которомъ принимаютъ участіе также и моряки въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, помогая гарнизону. Общія силы русскихъ въ Портъ-Артурѣ, такимъ образомъ, дости-

гаютъ тридцати тысячъ человѣкъ. Японцы въ сѣверной части Сюйшина отгѣсили русскія передовыя части въ восточномъ направлениі”.

„Шанхай, 14 го (27-го) сентябрь (Morning Post). По имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ, японцамъ окончательно удалось отрѣзать артурскій гарнизонъ отъ водопровода”.

„Инкоу, 14 го (27-го) сентября (Daily Chronicle). Портъ-Артурскій гарнизонъ геройски борется съ японцами. Русскіе ночью сооружаютъ земляныя укрѣпленія для противодѣйствія наступленію японцевъ съ востока; въ теченіе дня эти укрѣпленія разрушаются огнемъ японскихъ орудій, но русскіе исправляютъ ихъ по ночамъ. Крѣпость окружена тѣснымъ кольцомъ японскихъ орудій, огонь начинается съ утра и продолжается весь день; стрѣляютъ даже ночью, при лунномъ свѣтѣ. Послѣдняя линія укрѣпленій на востокѣ разрушена до основанія. Японцы подошли къ ней на разстояніе нѣсколькихъ сотъ шаговъ, но дальше не могутъ двигаться, вслѣдствіе крайней интенсивности огня крѣпостныхъ батарей. На дняхъ русскіе сдѣлали вылазку, но были отбиты и, потерявъ нѣсколько гаубицъ, отступили къ внутреннимъ фортамъ”.

Словомъ, упорная борьба продолжается, но численное превосходство постепенно дѣлаетъ свое дѣло, и японское огненное кольцо все тѣснѣе сжимаетъ русскую крѣпость, и если не явится выручка, то искусство и мужество защитниковъ могутъ только отдалить часъ паденія, съ чѣмъ связанъ и часъ нового решительного боя портъ-артурской эскадры.

Я думалъ здѣсь описать ляоянскія битвы, но у меня въ распоряженіи не остается ни мѣста, ни времени. Отложимъ это до слѣдующей бесѣды, если предстоящая битва у Мукдена или Тѣлина не заслонитъ собою даже Ляоянъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Сложеніе недоимокъ съ крестьянства манифестомъ 11 августа.—Законъ 11 августа о правѣ жительства нѣкоторыхъ группъ еврейского населения.—Законодательные акты, касающіеся охраны порядка.—II. Военные расходы и государственные финансы.—Вопросъ о пріобрѣтѣніи семействъ запасныхъ чиновъ арміи.—Отвѣтъ „Вѣстнику Европы“.—III. Правительственные распоряженія и сообщенія.—Правительственные распоряженія относительно Финляндіи.

I.

Минувшій мѣсяцъ принесъ съ собою нѣсколько новыхъ законодательныхъ актовъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ является манифестъ 11 августа, провозгласившій отмѣну тѣлесныхъ наказаній въ деревнѣ и въ войскахъ и, такимъ образомъ, положившій конецъ существованію въ русскомъ законодательствѣ одного изъ наиболѣе мрачныхъ остатковъ крѣпостной эпохи.

Названная мѣра, по всей видимости, до самого послѣдняго времени не входила въ планъ законодательныхъ актовъ текущаго года. По крайней мѣрѣ, ей непосредственно предшествовало другое постановленіе, касавшееся той же самой области, но болѣе частное и носившее не столь рѣшительный характеръ. Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся 30 іюля по всеподданійшему докладу соединенного собранія главныхъ военнаго и военно-морскаго судовъ, наказаніе розгами было исключено изъ числа послѣдствій перевода въ разрядъ штрафованныхъ солдатъ и матросовъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. При этомъ, однако, въ военно-тюремныхъ заведеніяхъ, равно какъ и въ тюрьмахъ морскаго вѣдомства, „дисциплинарное наказаніе розгами“ было сохранено на прежнихъ основаніяхъ „для тѣхъ заключенныхъ, которые по правамъ состоянія, по образованію или по особымъ постановленіямъ не изъяты отъ тѣлеснаго наказанія“. Но прошло еще двѣнадцать дней, и манифестъ 11 августа внесъ гораздо болѣе глубокое измѣненіе въ русское законодательство, предписавъ „тѣлесныя наказанія, установленные по закону за проступки для сельскихъ обывателей, инородцевъ, а также другихъ лицъ, не изъятыхъ отъ сихъ наказаній по правамъ состоянія или особымъ узаконеніямъ, отмѣнить и ихъ впредъ такимъ наказаніямъ не подвергать, замѣня оныя въ потребныхъ случаяхъ другими взысканіями на основаніяхъ, указанныхъ въ подлежащихъ узаконеніяхъ“. Созданная этимъ путемъ отмѣна розги въ деревнѣ явилась вмѣстѣ съ тѣмъ и расширениемъ предшествовавшей ей мѣры по отношенію къ войскамъ, такъ какъ съ исчезновеніемъ среди сельскаго населенія лицъ, не изъятыхъ

отъ тѣлеснаго наказанія, послѣднѣе должно прекратить свое существованіе и въ тюрьмахъ военнаго и морскаго вѣдомствъ. Такимъ образомъ, съ многомиліонной массы русскаго крестьянства сброшена, наконецъ, такъ долго тяготѣвшая надъ нею позорная власть розги.

Разъяснить значеніе этой мѣры, конечно, не приходится. Достаточно напомнить, что она продолжаетъ дѣло, начатое почти полвѣка тому назадъ, но на полдорогъ задержанное оппозиціей крѣпостническихъ элементовъ. Наканунѣ освобожденія крестьянъ существовало уже предположеніе совершенно отмѣнить тѣлесный наказанія и сравнять въ этомъ отношеніи крестьянство со всѣми остальными сословіями. Однако, благодаря указанной оппозиції, этотъ планъ не былъ осуществленъ въ полномъ объемѣ, и въ освободительной реформѣ осталось, по выражению Я. И. Ростовцева, „пятно“, въ видѣ сохраненія для крестьянъ тѣлеснаго наказанія, налагаемаго по приговорамъ волостныхъ судовъ. На первыхъ порахъ это казалось лишь кратковременной уступкой, но на дѣлѣ вышло иначе. Направленіе, которому была сдѣлана такая уступка, съ течениемъ времени пріобрѣтало все большую силу въ русской жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣлесное наказаніе все крѣпче утверждалось въ русской деревнѣ. Мало того,—въ атмосфѣрѣ безправія, все болѣе сгущавшейся надъ жизнью деревни, власть розги уже очень скоро вышла далеко за предѣлы, какіе были поставлены ей въ законѣ. Сохраняя свое значеніе одного изъ средствъ уголовнаго возвѣздія, розга вмѣстѣ съ тѣмъ явилась въ рукахъ полицейскихъ и волостныхъ властей средствомъ побужденія плательщиковъ къ исправному взносу податей, и всѣ многочисленныя рѣшенія сената, направленные въ разъясненію неправильности такого порядка, оказывались бессильными положить конецъ его существованію. Съ учрежденіемъ въ 1889 г. института земскихъ начальниковъ и передачей послѣднимъ права утверждать приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ власть розги въ деревнѣ еще болѣе упрочилась, такъ какъ весьма многіе земскіе начальники, особенно на первыхъ порахъ, одною изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности считали расширение сферы примѣненія тѣлеснаго наказанія среди крестьянскаго населенія. Одно десятилѣтіе смѣняло другое, а въ освободившейся отъ крѣпостного права деревнѣ все еще продолжало царить уродливое наслѣдіе крѣпостничества—безсмысленное и позорное тѣлесное наказаніе. Розга пережила XIX вѣкъ и сохранилась въ XX столѣтіи.

Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе становился и протестъ противъ существованія розги. По мѣрѣ проникновенія просвѣщенія въ русскую деревню и подъема ея правосознанія крестьянское населеніе обнаруживало все менѣе готовности мириться съ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, и среди этого на-

селенія все чаще проявлялись вспышки болѣе или менѣе рѣзкаго протеста противъ такого наказанія. Аналогичный протестъ шелъ и съ другой стороны, пріобрѣтая все болѣе рѣшительный характеръ. Въ земскихъ собраніяхъ, въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ, на всевозможныхъ съѣздахъ и собраніяхъ русской интелигенціи за послѣдніе годы неумолчно раздавались рѣчи о громадномъ вредѣ, вносимомъ въ народную жизнь существованіемъ тѣлеснаго наказанія, и высказывались энергичныя пожеланія немедленной его отмены. Подъ вліяніемъ такихъ условій даже прочно установившаяся было практика земскихъ начальниковъ измѣнила свой характеръ, и число приговоровъ къ тѣлесному наказанію во многихъ мѣстностяхъ Россіи стало замѣтно сокращаться. Правда, это сокращеніе оставалось всетаки весьма относительнымъ. Такъ, еще въ 1896 году въ 19 губерніяхъ волостными судьями было вынесено 6257 приговоровъ къ тѣлесному наказанію, а подвергнуто было въ тѣхъ же губерніяхъ тѣлесному наказанію, по утвержденнымъ земскими начальниками приговорамъ, 2414 человѣкъ. Ожидать естественной смерти розги было, очевидно, мудрено, и неудивительно, что пожеланія законодательного учрежденія становились чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе.

Съ изданіемъ манифеста 11 августа значительная часть этихъ пожеланій выполнена, и все же розга остается еще не совсѣмъ изгнанной изъ русского законодательства и русской жизни. Названный манифестъ избавилъ русское крестьянство отъ его печальной привилегіи подвергаться тѣлесному наказанію по приговорамъ волостныхъ судовъ, отмѣнилъ тѣлесное наказаніе въ русскихъ войскахъ и, кромѣ того, вычеркнулъ изъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ два архаическихъ курьеза — статью 1261, допускавшую наказаніе „корабельныхъ служителей или водоходцевъ“ хлыстомъ до пяти ударовъ, и статью 1377, разрѣшившую наказаніе малолѣтнихъ ремесленниковъ, по жалобамъ ихъ хозяевъ, розгами отъ пяти до десяти ударовъ. Но на ряду съ этимъ тѣ статьи дѣйствующаго закона, которая назначаются въ извѣстныхъ случаяхъ ссыльно-поселенцамъ и ссыльно-каторжнымъ наказаніе розгами до 100 ударовъ, остались неотмѣненными и послѣ манифеста 11 августа. Явился ли этотъ пропускъ своего рода недоразумѣніемъ, или же опять былъ со стороны законодателя вполнѣ умышленнымъ, о немъ во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ такую точку зренія, съ которой розга въ примѣненіи къ ссыльнымъ могла бы считаться болѣе полезной или менѣе вредной, чѣмъ въ примѣненіи ко всѣмъ остальнымъ людямъ, подпадающимъ подъ кару уголовнаго закона. Примѣняемое къ ссыльнымъ, тѣлесное наказаніе не утрачиваетъ ни одной изъ своихъ отличительныхъ чертъ, не становится ни менѣе жестокимъ, ни менѣе развращающимъ. Напротивъ, въ томъ „мірѣ отверженныхъ“, обитателями котораго

являются лишенные почти всѣхъ гражданскихъ правъ осыльные эти свойства тѣлесного наказанія даютъ себѣ знать, быть можетъ, даже съ большою силой, чѣмъ въ какой бы то ни было другой обстановкѣ: разга въ этомъ мірѣ, представляющемъ такъ мало простора чувству человѣческаго достоинства, скорѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, способна окончательно убить такое чувство и создать въ ложащихся подъ ея удары людяхъ крайнее ожесточеніе, подавляя всѣ лучшія стороны человѣческой природы и вызывая наружу ея звѣрскіе инстинкты. Долгій опытъ съ достаточной убѣдительностью показалъ, что никакихъ другихъ результатовъ тѣлесное наказаніе не достигало и не достигаетъ. Поэтому остается только желать, чтобы законодательная его отмѣна была какъ можно скорѣе распространена на послѣднюю область, въ которой оно еще можетъ находить себѣ примѣненіе по закону, и чтобы, такимъ образомъ, дѣло полнаго уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи было доведено до конца.

Для послѣдняго, впрочемъ, необходимо и еще одно условіе, не менѣе, если даже не болѣе, важное, чѣмъ предыдущее. Уже въ началѣ 60-хъ годовъ прошлого вѣка, когда въ правительственныхъ сферахъ впервые былъ поднятъ вопросъ о полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, некоторые члены комитета, обсуждавшаго этотъ вопросъ, указывали на то, что, независимо отъ тѣлесного наказанія, налагаемаго судами въ силу закона, въ Россіи широко распространено такое же наказаніе, примѣняемое исключительно по произволу полицейскихъ и административныхъ чиновниковъ. То же самое замѣчаніе приходится повторить и въ настоящее время. Теперь, какъ и полвѣка тому назадъ, русская жизнь знаетъ, на ряду съ закономъ, своего рода „неписанное право“, въ широкихъ размѣрахъ допускающее произвольныя дѣйствія полиціи и администраціи по отношенію къ обывателю, при чемъ въ число такихъ дѣйствій входятъ и тѣлесныя наказанія, начиная съ простыхъ побоевъ и кончая разными видами истязаній. За послѣдніе годы это неписанное право пріобрѣло, повидимому, особенную силу. Въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи полицейскимъ чинамъ въ эти годы не разъ уже дѣлались официальные предупрежденія о неудобствѣ „самовольной и незаконной расправы“ съ обывателемъ, и тѣмъ не менѣе число случаевъ такой „самовольной расправы“ не только не уменьшается, но съ году на годъ возрастаєтъ, а тѣлесная неприкословенность обывателя становится все болѣе призрачной. Немало содѣйствуетъ этому и широко распространившееся за послѣдніе годы массовое примѣненіе администрацией тѣлесныхъ наказаній при возстановленіи нарушенного порядка, едва ли даже не возведенное въ своего рода систему. Несомнѣнно, дѣло уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи нельзя считать завершеннымъ до тѣхъ поръ, пока въ русской жизни существуютъ подобныя явленія, но не

мене же несомнѣнно также и то, что одной законодательной отмѣны тѣлеснаго наказанія далеко не достаточно для успешной борьбы съ этими явленіями, которых и безъ того стоять въ рѣзкомъ противорѣчіи съ закономъ. Чтобы покончить съ ними и прочно оградить физическую неприкосновенность личности въ Россіи, нужно, очевидно, нечто большее, чѣмъ простая отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Необходимо еще создать такія условія, при которыхъ эта отмѣна могла бы дѣйствительно войти въ жизнь, а это можетъ быть достигнуто только путемъ серьезаго расширения правъ обывателя и предоставлѣнія ему возможности непосредственнаго обращенія къ независимому суду для защиты себя отъ всякаго рода произвольныхъ дѣйствій. Прочное установление подобныхъ условій одно лишь можетъ довести до уничтоженія тѣлесныхъ наказаній до его логического конца, и, соответственно этому, выработка такихъ условій является одною изъ очередныхъ задачъ переживаемаго нами момента, требующей самаго серьезнаго напряженія общественныхъ силъ, такъ какъ всякая остановка на полдорогѣ, какъ показалъ уже опытъ прошлаго, даетъ только удобный случай повернуть назадъ недодѣланное дѣло.

Помимо отмѣны тѣлеснаго наказанія, манифестъ 11 августа содержитъ въ себѣ и еще одну важную для крестьянскаго населенія мѣру, заключающуюся въ сложеніи недоимокъ. Согласно расчету, сдѣланному „Вѣстникомъ Финансовъ“, льготы, даваемыя въ этомъ отношеніи манифестомъ 11 августа, достигаютъ слѣдующихъ размѣровъ: слагаемыя съ крестьянскаго населенія недоимки выкупныхъ платежей составляютъ около 127 миллионовъ рублей, такія же недоимки государственного поземельного налога—2,2 миллиона рублей, оброчной и подушной подати съ крестьянъ сибирскихъ губерній—около 7 миллионовъ рублей, кибиточной подати въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ—около 200 тысячъ рублей и, наконецъ, недоимки земскихъ поземельныхъ сборовъ съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ тѣхъ губерніяхъ, где дѣйствуютъ земскія учрежденія,—15 миллионовъ рублей. Манифестомъ отмѣнѣнъ также установленный именнымъ указомъ 11 мая 1902 г. дополнительный окладной сборъ съ нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ Полтавской и Харьковской губерній, наложенный на эти общества въ возмѣщеніе убытковъ помѣщикамъ отъ аграрныхъ волненій 1902 года. Размѣръ этого сбора былъ въ свое время определенъ въ 800 тысячъ рублей, къ моменту же изданія манифеста по свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ“, оставались еще несобранными приблизительно 300 тысячъ рублей, которые и слагаются теперь съ крестьянъ. Присоединяя сюда еще нѣкоторые мелкие сборы, для которыхъ пока не имѣется точныхъ цифровыхъ данныхъ, мы получимъ, что общая цифра сложенныхъ съ крестьян-

скаго населенія манифестомъ 11 августа недоимокъ должна превысить 150 миллионовъ рублей, при чмъ около $\frac{4}{5}$ этой суммы приходится на долю недоимокъ по выкупнымъ платежамъ.

Выясненіе всѣхъ этихъ недоимокъ съ крестьянскаго населенія, при существующемъ разстройствѣ хозяйственнаго благосостоянія послѣдняго, представлялось почти совершенно безнадежной задачей, и въ виду этого полное снятіе ихъ со счетовъ государственного хозяйства является вполнѣ естественнымъ и необходимымъ шагомъ со стороны финансового вѣдомства. Можно только пожалѣть, что эта мѣра не была принята въ болѣе широкихъ размѣрахъ и не нашла себѣ столь же рѣшительного примѣненія по отношенію къ другому разряду крестьянскихъ недоимокъ, образовавшихся по продовольственнымъ долгамъ крестьянскаго населения. Манифестомъ 11 августа совершенно слагаются недоимки лишь по нѣкоторымъ ссудамъ, выдававшимся этому населенію въ голодные годы. Такъ, манифестъ предписываетъ „сложить сполна долги, образовавшіеся за сельскимъ населеніемъ генераль-губернаторствъ Степного, Иркутскаго и Приамурскаго и губерній Тобольской и Томской по ссудамъ, выданнымъ на продовольствіе и обсыпаненіе полей изъ казны и общаго по имперіи продовольственнаго капитала“, равно какъ непогашенную еще часть ссудъ, выданныхъ сельскому населенію Алтайскаго округа на продовольствіе и обсыпаненіе полей по случаю неурожаевъ 1900—1901 гг. Помимо того, манифестомъ слагаются „долги казнѣ и капиталу, оставшемуся послѣ бывшаго особаго комитета для оказанія вспомоществованія населенію, пострадавшему отъ неурожаевъ 1891—1892 гг., на лицахъ, коимъ по случаю неурожая выданы были въ ссуду отъ правительства лошади или деньги на покупку лошадей“, и „долги казнѣ за розданныхъ пострадавшему отъ неурожая 1898 г. населенію нѣкоторыхъ губерній лошадей и по ссудамъ, выданнымъ по случаю того же неурожая на прокормъ рабочаго скота, а также по ссудамъ, выданнымъ на основаніи высочайшаго повелѣнія 16 марта 1900 г. населенію Бессарабской губерніи на покупку рабочаго скота“. Наконецъ, въ силу манифеста, съ арендаторовъ удѣльныхъ земельныхъ оброчныхъ статей слагаются долги по тѣмъ ссудамъ, которые были выданы этимъ арендаторамъ вслѣдствіе неурожаевъ изъ суммъ удѣльнаго вѣдомства въ 1891 и 1892 годахъ.

За исключеніемъ перечисленныхъ частныхъ случаевъ, манифестъ 11 августа не содержитъ въ себѣ какого-либо определеннаго рѣшенія вопроса о недоимкахъ крестьянскаго населенія по продовольственнымъ долгамъ и ограничивается лишь тѣмъ, что предоставляетъ „министру финансовъ совместно съ министромъ внутреннихъ дѣлъ войти въ ближайшее соображеніе о дарованіи сельскому населенію имперіи дальнѣйшихъ облегченій по уплатѣ продовольственныхъ и по обсыпаненію полей долговъ, и свои по-

«сему предмету предположенія представить въ установленномъ порядке». Какой характеръ получать эти соображенія, предугадать впередъ, конечно, трудно. Въ ожиданіи ихъ можно только сказать, что недоимки по продовольственному долгу, достигающія крупной суммы въ нѣсколько десятковъ миллионовъ рублей, до сихъ поръ лежали на крестьянскомъ хозяйствѣ не менѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ недоимки по выкупнымъ платежамъ, и взыскивались не съ большими успѣхомъ, чѣмъ эти послѣднія. Въ виду этого, если продовольственный недоимки не будутъ сняты съ крестьянства въ полномъ ихъ объемѣ, оно едва-ли почувствуетъ особенное облегченіе отъ совершившагося сложенія недоимокъ по другимъ платежамъ. И во всякомъ случаѣ даже полное снятіе всякаго рода недоимокъ съ разстроеннаго крестьянскаго хозяйства явится для него лишь своего рода палліативомъ, нѣсколько не отдаляющимъ необходимости болѣе глубокихъ и серьезныхъ мѣръ, которыхъ могли бы поднять его изъ переживаемаго имъ упадка. То истощеніе платежныхъ силъ населенія, которое находитъ себѣ выраженіе въ накопленіи громадныхъ недоимокъ, въ сущности представляетъ собою лишь одинъ, и при томъ далеко не самый важный, изъ симптомовъ серьезной болѣзни, истощающей народно-хозяйственный организмъ. Въ дѣлѣ леченія этой болѣзни всевозможные палліативы совершенно такъ же бесполезны, какъ и въ дѣлѣ исправленія неустройства правовой жизни страны. Тамъ и здѣсь одинаково требуются рѣшительная мѣры и сильная лекарства.

Одновременно съ манифестомъ 11 августа состоялся еще одинъ высочайший указъ правительствующему сенату, «впредь до общаго пересмотра законодательства о евреяхъ» вводящій «нѣкоторыя измѣненія въ дѣйствующія постановленія о правахъ ихъ жительства въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи».

Смыслъ этого закона и преслѣдуемыя имъ цѣли въ значительной мѣрѣ опредѣляются уже тѣми соображеніями, которые служили исходнымъ пунктомъ для его составителей, будучи высказаны въ работавшей надъ нимъ комиссіей министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Названное министерство указывало комиссіи, что недостатки дѣйствующаго законодательства о правѣ жительства евреевъ, сводящіе къ устарѣлости и вытекающему отсюда несоответствію нѣкоторыхъ его положеній настоящимъ условіямъ жизни, къ недостаточной порою точности и опредѣленности въ редакціонномъ отношеніи и къ несогласованности позднѣйшихъ узаконеній съ ранѣе изданными, «породили безчисленныя затрудненія и недоразумѣнія въ правильномъ пониманіи сказанныхъ узаконеній какъ въ примѣняющихъ таковыхъ, такъ и въ тѣхъ, къ кому они примѣняются». «Неизбѣжнымъ послѣдствиемъ такого

положенія дѣла — по словамъ министерства — явилась необходимость въ истолкованіи истиннаго смысла отдельныхъ положеній закона высшими учрежденіями по доходившимъ до нихъ, въ порядке инстанціонаго обжалованія, частнымъ дѣламъ. Многочисленность такихъ толкованій, изъ коихъ иныхъ уничтожали установленную до того долголѣтнюю практику, а другія противорѣчили разъясненіямъ, преподаннымъ тѣми же учрежденіями по однороднымъ дѣламъ и вопросамъ, не устранила прежнихъ затрудненій и не улучшила дѣла, а, напротивъ, поставила его въ худшее положеніе, ибо неединообразное разрѣшеніе закона замѣнилось разнорѣчивымъ пониманіемъ преподанныхъ въ истолкованіе его разъясненій, въ иныхъ случаяхъ совершенно заслонившихъ собою истинныя, хотя, быть можетъ, и не отвѣчающія новымъ усложнившимся требованіямъ жизни, намѣренія законодателя". Отсюда возникла необходимость пересмотра узаконеній, касающихся права жительства евреевъ. Но при этомъ „основное начало, котораго до настоящаго времени придерживалось правительство по отношенію къ еврейскому населенію имперіи — недопущеніе евреевъ къ свободному проживанію повсемѣстно — остается незыблѣмымъ и, следовательно, предстоящей пересмотрѣзъ законовъ о евреяхъ не можетъ ни въ какомъ случаѣ касаться вопроса объ оставленіи или уничтоженіи общей черты еврейской осѣдлости и цѣлью его является не коренное преобразованіе нашего законодательства по еврейскому вопросу, а лишь усовершенствованіе его, въ видахъ приданія постановленіямъ его ясности, определенности и послѣдовательности, съ устраненіемъ изъ нихъ всего, вызывающаго нарушенія и колебанія, сопутствующія нынѣ примененію законовъ о евреяхъ во всѣхъ инстанціяхъ, начиная съ низшихъ правительственныйыхъ мѣстъ и лицъ и кончая правительствующимъ сенатомъ".

Содержаніе указа 11 августа стоять въ строгомъ соотвѣтствии съ этими общими положеніями, гораздо болѣе даже строгомъ, чѣмъ этого можно было ожидать по обстоятельствамъ времени. Въ сущности новыми въ новомъ законѣ являются только два его пункта — шестой и седьмой. Первый изъ нихъ предоставляетъ евреямъ, удостоеннымъ званія коммерціи или мануфактуръ-совѣтника, вмѣстѣ съ членами ихъ семействъ, право повсемѣстного жительства въ имперіи, не исключая и сельскихъ мѣстностей черты еврейской осѣдлости. Такого рода льгота является достаточно широкую, но, къ сожалѣнію, на практикѣ ею можетъ воспользоваться лишь крайне ничтожное число семействъ, таѣвъ какъ евреевъ, носящихъ званіе коммерціи и мануфактуръ-совѣтниковъ, въ Россіи едва ли наберется и два десятка. Важнѣе второй изъ указанныхъ пунктовъ, дающей право повсемѣстного жительства въ имперіи, въ соотвѣтствии съ правами, принадлежащими отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ, поступившихъ на службу по-

рекрутскому уставу, тѣмъ „воинскимъ чинамъ изъ евреевъ, комъ участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, удо-стоились пожалованія знаками отличія или вообще беззарочно несли службу въ дѣйствующихъ войскахъ“. Такимъ образомъ, въ то время, какъ евреи, вступивши на военную службу при старомъ рекрутскомъ уставѣ, право повсемѣстнаго жительства было дано самимъ фактамъ ихъ службы въ войскахъ, евреи, сражающіеся въ настоящее время въ рядахъ русской арміи, могутъ получить такое право только при условіи „беззарочной службы“. Не останавливаясь даже на общей странности такого ограничения, нельзя не заметить, что на практикѣ оно легко можетъ вновь породить тѣ „ затрудненія и недоразумѣнія“, въ предупре-жденіе которыхъ изданъ самый законъ 11 августа.

Во всякомъ случаѣ къ указанному и сводятся всѣ новыя льготы, даваемыя еврейскому населенію этимъ закономъ. Остальные девять пунктовъ его представляютъ собою ничто иное, какъ новое подтверждение, съ нѣкоторыми лишь незначительными добавками, тѣхъ правъ, которыя признавались за отдѣльными группами евреевъ и дѣйствовавшими раньше законами, но которыя выѣхѣвъ съ тѣмъ были поставлены подъ сомнѣніе,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторой своей части,—ограничительной практикой сената въ послѣдніе годы. Такъ, новый законъ отмѣняетъ установленное временными правилами 3 мая 1882 г. воспрещеніе евреямъ селиться въ чертѣ еврейской осѣдлости виѣ городовъ и мѣстечекъ для лицъ четырехъ категорій: 1) для евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи, а также для женъ и дѣтей этихъ евреевъ, для сыновей до совер-шеннолѣтія или до окончанія курса высшихъ учебныхъ заведе-ніяхъ, но не долѣ 25 лѣтнаго возраста, а для дочерей до заму-жества; 2) для евреевъ-куповъ первой гильдіи или состоявшихъ купцами первой гильдіи 15 лѣтъ, а также для членовъ ихъ се-мействъ, 3) для евреевъ-ремесленниковъ, пока они будутъ зани-маться своими ремеслами и мастерствомъ, и 4) для евреевъ-от-ставныхъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по рекрут-скому уставу. При этомъ, евреи, окончивши курсъ въ выс-шихъ учебныхъ заведеніяхъ, и купцы первой гильдіи предо-ставляется „имѣть при себѣ во время пребыванія въ сельскихъ мѣстностяхъ черты еврейской осѣдлости домашнихъ слугъ и при-казчиковъ или конторщиковъ изъ своихъ единовѣрцевъ, хотя бы не пользующихся самостоятельнымъ правомъ жительства въ сихъ мѣстностяхъ“. Но еще въ 1885 г. сенатъ разъяснилъ, что содер-жащееся въ правилахъ 1882 года воспрещеніе селиться въ чертѣ еврейской осѣдлости виѣ городовъ и мѣстечекъ „не можетъ быть распространено на тѣ особы категоріи евреевъ, которымъ дозволено проживать повсемѣстно въ имперіи“ и послѣ того въ цѣ-ломъ рядъ указовъ признавалъ, что такое запрещеніе не касается

РУССКОМ ВОГАТСТВО.

евреевъ, получившихъ высшее образование и потому имѣющихъ право „посемѣтнаго жительства“. Казалось бы, то же самое разсуждение должно было быть примѣнено и ко всѣмъ другимъ указаннымъ выше группамъ евреевъ, въ силу частныхъ узаконеній располагающимъ правомъ посемѣтнаго жительства и, съдовательно, не поддающимъ подъ дѣйствие общаго закона 3 мая 1882 г. На дѣлѣ однако случилось иное. Въ послѣдніе годы сеять измѣнилъ свой прежній взглядъ на законъ 1882 г. и вмѣсто первоначальнаго, болѣе правильнаго, толкованія этого закона сталъ придавать ему иное, несравненно болѣе широкое, распространяющее дѣйствие ограничительныхъ правилъ даже на евреевъ, имѣющихъ высшее образование. Такимъ образомъ названный пунктъ указа 11 августа не даетъ перечисленныхъ въ немъ группамъ еврейскаго населения никакого нового права, а лишь утверждаетъ за ними тѣ права, которыя принадлежали имъ въ силу дѣйствовавшихъ и раньше частныхъ узаконеній, но были нарушены сенатскими рѣшеніями послѣднихъ лѣтъ. Равнымъ образомъ не является какимъ-либо новымъ правомъ и предоставление упомянутымъ группамъ евреевъ возможности, на время пребыванія ихъ въ городовъ и мѣстечекъ въ черты еврейской осѣдлости, заключать сдѣлки по найму имуществъ для жилья и для производства торговли и промысловъ. Съ другой стороны указъ 11 августа создалъ для евреевъ одно новое даже по сравненію съ сенатской практикой ограниченіе, не включивъ въ число евреевъ, имѣющихъ право проживать въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости, давнистовъ, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ и аптекарскихъ помощниковъ, а также лицъ, готовящихся къ этимъ профессіямъ.

Приблизительно такой же характеръ носять и другіе пункты нового закона, касающіеся права жительства евреевъ уже не въ сельскихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости, а вообще въ имперіи. По дѣйствующимъ узаконеніямъ евреи, пробывшій пять лѣтъ купцомъ первой гильдіи въ городахъ черты осѣдлости, можетъ приписаться въ купечество первой гильдіи въ городахъ, лежащихъ въ этой черты, и, пробывъ еще десять лѣтъ въ такомъ положеніи, получаетъ право постояннаго жительства въ этихъ городахъ, хотя бы затѣмъ онъ и выбылъ изъ первой гильдіи. Ограничительная практика послѣднихъ лѣтъ ввела въ указанные условія закона значительно осложненіе ихъ требованіе непрерывнаго пребыванія евреевъ въ теченіе десятилѣтняго срока въ купечествѣ первой гильдіи въ черты осѣдлости: всякий перерывъ въ этомъ срокѣ, согласно названной практикѣ, влечетъ за собою для еврея-купца необходимость нового пятилѣтняго стажа въ черты осѣдлости и десятилѣтняго въ этой черты. Указъ 11-го августа устраняетъ это стѣнченіе, непредусмотрѣнное, впрочемъ, и прежнимъ закономъ и созданное исключительно практикой,

истолковавшей законъ въ болѣе ограниченномъ смыслѣ, чѣмъ это допускалъ прямой его текстъ. Текстъ нового закона не оставляетъ уже мѣста такимъ толкованіемъ, опредѣленно устанавливая, что „евреи, пробывшіе хотя бы и съ перерывами 10 лѣтъ въ купечествѣ первой гильдіи внѣ черты осѣдлости, приобрѣтаютъ затѣмъ право на приписку къ городскимъ обществамъ внутреннихъ губерній и на повсемѣстное въ имперіи жительство съ членами ихъ семействъ, занесенными въ сословное купеческое свидѣтельство главы семейства, а равно съ женами и дѣтьми ихъ, хотя бы почему-либо ненесенными въ означенное свидѣтельство“. Аналогичное значеніе имѣть и еще одинъ пунктъ указа 11-го августа. Дѣйствовавшій раньше законъ, разрѣша єврейскимъ купцамъ первой и второй гильдіи, живущимъ въ чертѣ осѣдлости прѣѣхать для производства торговли и промысловъ въ города внутреннихъ губерній, вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивалъ число такихъ прѣѣздовъ: купцы первой гильдіи могли прїѣхать два раза въ годъ, съ тѣмъ, чтобы время ихъ пребыванія за оба раза не превышало шести мѣсяцевъ, купцы второй гильдіи—одинъ разъ въ годъ на два мѣсяца. Указъ 11 августа не ограничиваетъ число прѣѣздовъ такихъ купцовъ въ города внутреннихъ губерній, а ставитъ лишь требование, чтобы временное ихъ пребываніе въ общей сложности не превышало для купцовъ первой гильдіи шести и для купцомъ второй гильдіи трехъ мѣсяцевъ ежегодно. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести и подтвержденіе указомъ 11 августа права повсемѣстной приписки и жительства женъ и вдовъ евреевъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи,— права, раньше считавшагося безспорнымъ и лишь въ послѣднее время подвергнутаго сомнѣнію въ практикѣ сената. Новымъ въ этомъ пунктѣ является лишь распространеніе того же права на женъ и дѣтей коммерціи и мануфактуръ-ссыпѣтниковъ изъ евреевъ. Лицъ съ высшимъ образованіемъ ка-сается еще тотъ пунктъ нового закона, согласно которому евреи, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не состоящіе подъ слѣдствиемъ, судомъ и надзоромъ полиціи и неопороченные судебнѣмъ приговоромъ, пользуются повсемѣстно правомъ заниматься торговлей и промысломъ на общихъ основаніяхъ и могутъ, безъ предварительного пятилѣтняго пребыванія въ первой гильдіи въ чертѣ еврейской осѣдлости, причисляться къ купечеству внѣ этой черты. Но и по дѣйствовавшимъ раньше законамъ евреи, имѣющіе высшее образованіе, пользовались повсемѣстно, а, слѣдовательно, и внѣ черты еврейской осѣдлости, торговыми и промышленными правами и правомѣрность такого положенія до сихъ поръ ни съ чьей стороны не подвергалась сомнѣнію, такъ что приведенный пунктъ нового закона содержитъ въ себѣ лишь новое подтвержденіе существовавшаго раньше и вполнѣ безспорного права.

Послѣдній пунктъ указа 11 августа разъясняетъ, что „дѣйствіе настоящихъ правилъ не распространяется на такія мѣстности имперіи, въ коихъ относительно евреевъ установлены особыя ограничительныя правила“. Число такихъ мѣстностей, какъ известно, довольно велико. Къ нимъ принадлежать городъ Москва и Московская губернія, область Войска Донскаго, Прибалтійскій край, Кавказъ, Средняя Азія, Сибирь и, въ послѣднее время, еще Маньчжурия, хотя эта послѣдняя и не входитъ собственно въ составъ имперіи. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ постановленія о правѣ жительства привелегированныхъ группъ евреевъ, содержащіяся въ указѣ 11 августа, не должны находить себѣ никакого примѣненія.

Таково главное содержаніе закона 11 августа. Не трудно видѣть, что практическое значеніе этого закона является болѣе, чѣмъ скромнымъ. Касаясь лишь тѣхъ группъ еврейского населения, которыхъ въ силу обладанія высшимъ образованіемъ или крупными имущественными средствами пользуются извѣстными привилегіями, названный законъ и въ жизнь этихъ, сравнительно ничтожныхъ по своей численности, группъ не вносить никакихъ серьезныхъ измѣненій. Все его содержаніе въ этой области сводится къ тому, что онъ устраняетъ нѣкоторыя неблагопріятныя для евреевъ и неправильныя по существу толкованія прежнихъ законовъ и подтверждается за указанными группами еврейского населения раньше признанныя за ними права, кое-чѣмъ ихъ добавляя и кое въ чѣмъ урѣзывая. Цѣнность такого закона представляется весьма условной, а идея, положенная въ его основу, даетъ лишь поводъ повторить то замѣчаніе, которое было высказано на страницахъ нашего журнала мѣсяцъ тому назадъ: „положеніе вещей, создавшееся въ области еврейского вопроса, не можетъ быть сколько-нибудь существенно измѣнено путемъ частныхъ поправокъ, не исходящихъ изъ одной общей идеи и уничтожающихъ одно ограниченіе для того, чтобы замѣнить его другимъ“.

Въ ряду опубликованныхъ въ послѣднее время законодательныхъ актовъ особое мѣсто занимаютъ нѣсколько законовъ, касающихся охраны государственного порядка и изданныхъ еще въ теченіе весны и лѣта настоящаго года.

Высочайше утвержденными 22 мая текущаго года положеніемъ комитета министровъ постановлено предоставить лифляндскому губернатору, въ видѣ временной мѣры на три года, издавать для жителей г. Риги обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественного порядка и государственной безопасности, и налагать за нарушеніе означенныхъ постановленій, въ административномъ

порядкѣ, взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ 500 р.

25 июня получило высочайшее утвержденіе положеніе комитета министровъ, содержащее въ себѣ слѣдующее постановленіе: „1) состоящіе по высочайшему повелѣнію 20 июня 1903 г. и по распоряженіямъ ministra внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшимъ 15, 22 и 25 сентября того же года, въ положеніи усиленной охраны мѣстности имперіи, а именно: губерніи: С.-Петербургскую, Московскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Киевскую, Подольскую и Волынскую; города: Ростовъ-на-Дону и Нахичевань, Таганрогъ и Таганрогскій округъ, село Касперовку, станицу Гниловскую и желѣзодѣлательный заводъ Пастухова области войска Донского; г. Елисаветградъ, посады: Богоявленскъ, Калиновку и Воскресенскъ, мѣстечки: Варваровку и Кривой Рогъ, криворогскіе рудники и гданцевскій рудоплавильный заводъ Херсонской губерніи; Покровскій и Шуйскій уѣзды и г. Иваново-Вознесенскъ Владимирской губерніи; города: Тифлисъ, Батумъ и Баку съ его уѣздомъ; градоначальства: с.-петербургское, одесское и николаевское и мѣстности, подвѣдомственный кронштадтскому военному губернатору; города: Елисаветполь, Нуху и Шушу Елисаветпольской губерніи, Карсъ и Александрополь Эриванской губерніи, а также Витебскъ и Даунскъ съ ихъ уѣздами, оставить въ томъ же исключительномъ положеніи по 4 сентября 1905 года; 2) въ мѣстностяхъ имперіи, не объявленныхъ въ состояніи усиленной охраны, сохранить дѣйствіе статей 28, 29, 30 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственного порядка и общественного спокойствія, и 3) объявить съ 1 июля по 10 сентября 1904 г. въ состояніи усиленной охраны Нижегородскій, Балахнинскій, Семеновскій и Горбатовскій уѣзды Нижегородской губерніи“.

Сверхъ того высочайше утвержденнымъ того же 25 июня положеніемъ комитета министровъ, состоявшимся по представлению ministra внутреннихъ дѣлъ о назначеніи мѣстностей для водворенія иностранцевъ, удаленіе которыхъ изъ предѣловъ Россіи не могло состояться, постановлено опредѣлить на трехлѣтіе 1904—1906 гг. для водворенія иностранцевъ, оставляемыхъ на жительство внутри имперіи въ силу ст. 1 п. 9 высочайше утвержденныхъ 26 мая 1903 г. правилъ объ удаленіи иностранцевъ изъ предѣловъ Россіи, слѣдующія мѣстности: 1) для иностранцевъ, удаляемыхъ изъ Европейской Россіи, Кавказскаго края и степныхъ и средне-азіатскихъ областей,—губерніи: Архангельскую, Астраханскую Вологодскую, Вятскую, Олонецкую, Оренбургскую, Пермскую, Томскую, Тобольскую и Уфимскую; 2) для иностранцевъ,сылаемыхъ изъ сибирскихъ губерній и областей,—Якутскую область; 3) для иностранцевъ, высыпаемыхъ изъ губерній Царства Польскаго,—Вологодскую губернію. При этомъ указаніе порядка распределенія упомянутыхъ въ первомъ пункѣ иностранцевъ въ

предназначенномъ для нихъ районѣ постановлено предоставить министру внутреннихъ дѣлъ.

II.

Упорная и кровопролитная война, ведущаяся на Дальнемъ Востокѣ, влечетъ за собою, какъ и следовало ожидать, весьма серьезные потери для государственного и народного хозяйства страны. Потери народного хозяйства едва-ли могутъ быть приведены въ точную известность, что же касается жертвъ, приносимыхъ на войну государственнымъ хозяйствомъ, то онъ за восемь мѣсяцевъ успѣли дойти до очень крупныхъ размѣровъ.

Какъ мнѣ уже приходилось указывать въ свое время, военные расходы были обращены прежде всего тѣ средства, которые являлись къ началу 1904 года свободною наличностью государственного казначейства и составляли сумму, нѣсколько превышавшую 132 миллиона рублей. Къ этой суммѣ были затѣмъ присоединены средства, получившіяся отъ сокращенія сѣмѣтныхъ ассигнованій на 134,4 миллиона рублей и отъ зачисленія въ свободные ресурсы казны нѣкоторыхъ отдѣльныхъ суммъ, достигавшихъ приблизительно 14 миллионовъ рублей. Кроме того, на военные нужды были обращены средства, доставленныя обнаружившимся въ началѣ года превышенiemъ поступлениія обыкновенныхъ доходовъ надъ сѣмѣтными ожиданіями. Въ общемъ всѣ перечисленные источники дали, по исчислению финансового вѣдомства, сумму, превысившую 300 миллионовъ рублей. Вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ апрѣля, былъ заключенъ краткосрочный виѣшній заемъ на сумму 800 миллионовъ франковъ или 300 миллионовъ рублей.

Полученная такимъ путемъ громадная сумма въ 600 миллионовъ рублей оказалась, однако же, еще недостаточной и финансому вѣдомству пришлось изыскивать новые источники средствъ. Одинъ изъ нихъ, наиболѣе простой, былъ найденъ въ выпускѣ новыхъ кредитныхъ билетовъ. Какъ видно изъ отчетовъ Государственного банка, въ началѣ текущаго года число выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ равнялось 630 миллионамъ рублей, къ концу же августа оно дошло до 800 миллионовъ рублей. Слѣдовательно, за семь мѣсяцевъ Государственный банкъ выпустилъ кредитныхъ билетовъ на сумму въ 170 миллионовъ рублей. Правда, вошедшій въ эту сумму послѣдній, августовскій, выпускъ кредитныхъ билетовъ на 40 миллионовъ рублей, по объясненію финансового вѣдомства, не былъ вызванъ непосредственно военными нуждами. По словамъ официального сообщенія, въ то время, какъ прежніе выпуски на 130 миллионовъ рублей „обусловливались главнымъ образомъ крупными списаніями съ

текущаго счета департамента государственного казначейства для военныхъ потребностей", последній выпускъ въ 40 миллионовъ рублей вызванъ тѣмъ, что "отливъ денегъ на Дальній Востокъ продолжается, а между тѣмъ одновременно начинается обычное во вторую половину года, съ началомъ хлѣбной кампаниі, оживленіе торгово-промышленныхъ оборотовъ, требующее крупныхъ выдачъ изъ кассъ банка". Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщеніе министерства финансовъ заранѣе предупреждаетъ, что ожидаемое оживленіе торговыхъ оборотовъ "сдѣлается по всей вѣроятности неизбѣжнымъ дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ". "УстраниТЬ необходиМость этихъ выпускОвъ"—говорится въ сообщеніи—было бы возможно лишь принятиемъ одной изъ двухъ мѣръ: или сокращеніемъ кредитовъ въ Государственномъ банкѣ, что, очевидно, недопустимо, такъ какъ такая мѣра нанесла бы огромный ущербъ реализаціи нового урожая, съ которой связаны самые существенные экономические интересы, или же крайне нежелательнымъ при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ возвращеніемъ къ прежней кассовой политикѣ, когда золото усиленно выпускалось въ обращеніе, а кредитные билеты придерживались въ кассахъ банка". Однако "предстоящіе выпуски кредитныхъ билетовъ отнюдь не могутъ вызывать какія-либо опасенія за устойчивость нашей валюты", такъ какъ "билеты, выпускаемые для краткосрочныхъ выдачъ по оборотамъ съ реализуемымъ урожаемъ, не задерживаются въ обращеніи и скоро возвращаются въ кассы банка". Къ тому же дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ, по словамъ министерства финансовъ, вполнѣ обеспечиваются золотою наличностью Государственного банка, достигавшей къ 23 августа 944 миллионовъ рублей: "такъ какъ по закону 29 августа 1897 г. банкъ можетъ имѣть непокрытыхъ золотомъ билетовъ на 300 миллионовъ рублей, то при билетномъ обращеніи въ 800 миллионовъ рублей, золотая наличность должна быть не менѣе 500 миллионовъ рублей" и "такимъ образомъ имѣется избытокъ обеспеченія въ 444 миллиона рублей, не считая крупной золотой наличности государственного казначейства, не входящей въ балансъ Государственного банка". Остается только пожелать, чтобы тѣ новые выпуски кредитныхъ билетовъ, необходимость и возможность которыхъ доказываетъ финансовое вѣдомство, произвелись действительно лишь въ видахъ временныхъ потребностей торговыхъ оборотовъ и не оставались въ обращеніи по минованіи этихъ потребностей. Усиленіе средствъ государственного казначейства путемъ выпуска кредитныхъ билетовъ является, несомнѣнно, наиболѣе простымъ способомъ разрѣшенія сложной задачи, но въ этой простотѣ заключается и серьезная опасность. Не даромъ само финансовое вѣдомство въ первые мѣсяцы войны указывало, что "благоразуміе требуетъ, особенно въ военное время, не тратить всѣхъ наличныхъ средствъ и не подвергать риску

устроенное съ немалымъ трудомъ денежное обращеніе, отъ котораго въ значительной степени зависить финансовое и экономическое благополучіе страны". Возможность риска для денежного обращенія, всегда связанная съ неумѣренными выпусками кредитныхъ билетовъ, заставляетъ рѣшительно предпочитать этому пути добыванія средствъ путь государственныхъ займовъ.

Этотъ послѣдній путь, впрочемъ, въ свою очередь не остался неиспользованнымъ со стороны финансового вѣдомства, но выѣсто виѣшняго займа, о которомъ долго ходили слухи, въ послѣднее время былъ выпущенъ для „покрытия предстоящихъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызываемыхъ войною съ Японіей“, заемъ внутренний. Именнымъ высочайшимъ указомъ правительствующему сенату 30 июля 1904 г. повелѣно выпустить въ обращеніе, по мѣрѣ надобности и въ сроки по ближайшему усмотрѣнію министра финансовъ, до шести новыхъ разрядовъ (серій) билетовъ государственного казначейства, въ 25 миллионовъ рублей каждый разрядъ, а всего на сумму до 150 миллионовъ рублей, на четырехлѣтній срокъ, съ назначеніемъ ежегоднаго дохода по этимъ билетамъ въ 3,6 процента. Официальное сообщеніе министерства финансовъ, сопровождавшее опубликованіе этого указа, не разъясняетъ тѣхъ мотивовъ, въ силу которыхъ виѣшнему займу былъ предпочтенъ внутренний. Но за то названное сообщеніе подробно останавливается на удобствахъ формы вновь заключеннаго займа. По словамъ министерства, серіи пользуются у насъ широкимъ распространеніемъ и представляютъ, особенно въ военное время, значительные удобства, такъ какъ они „не подвергаются биржевымъ колебаніямъ въ цѣнѣ, принимаются въ уплату государственному казначейству и Государственному банку и служатъ иерѣдко подсобнымъ орудиемъ платежей между частными лицами“. При этомъ новымъ билетамъ государственного казначейства приданы, сравнительно съ находящимися въ обращеніи серіями, два преимущества: уплата процентовъ по этимъ билетамъ производится не разъ въ годъ, а пополугодно, и самый процентъ равняется не 3% годовымъ, а 3,6%. „Увеличеніе доходности билетовъ—по словамъ сообщенія финансового вѣдомства—объясняется не только военными обстоятельствами, но и тѣмъ удобствомъ, которое избранный процентъ представляетъ для всѣхъ расчетовъ: на билетъ 50-рублеваго достоинства 1 р. 80 к. въ годъ, 15 к. въ мѣсяцъ и $\frac{1}{2}$ к. въ день“. Надо думать, однако, что это объясненіе не совсѣмъ точно, такъ какъ ради одного „удобства расчетовъ“ государству едва-ли удобно платить лишнихъ 900.000 р. процентовъ въ годъ. Что касается, наконецъ, самой суммы выпускаемыхъ билетовъ, то въ этомъ отношеніи министерство указываетъ, что въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія билетовъ государственного казначейства было выпущено на сумму около 200 миллионовъ.

рублей, въ 1884—1889 гг. эта сумма возросла до 240 миллионовъ рублей, а затѣмъ путемъ послѣдовательного изъятія серій изъ обращенія была сокращена въ 1900 году до 100,5 миллионовъ рублей. „Такимъ образомъ—заключаетъ министерское сообщеніе—настоящій выпускъ серій лишь весьма немногимъ превысить общее ихъ количество, безпрепятственно находившее себѣ размѣщеніе въ 90-хъ годахъ“.

Послѣдній аргументъ едва-ли рѣшаеть вопросъ объ удобствахъ формы нового займа, такъ какъ остается не только не доказаннымъ, но и болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, что въ настоящее время въ странѣ существуетъ недостатокъ въ орудіяхъ денежнаго обращенія, который могъ бы быть съ пользою выполненъ выпускомъ серій. Съ другой стороны, хотя серіи и принимаются къ платежу въ казначействахъ и учрежденіяхъ Государственного банка, но принимаются онѣ лишь съ извѣстными ограниченіями, а именно: „въ тѣхъ только случаяхъ, когда онѣ имѣютъ при себѣ всѣ купоны, сроки оплаты которыхъ еще не наступили, и когда платежная сумма не менѣе суммы билета съ наростыми процентами“. Рассчеты же серіями между частными лицами очень часто влекутъ за собой многочисленныя недоразумѣнія и злоупотребленія. Благодаря этому выгоды серій, какъ подсобнаго средства платежей, являются въ сущности довольно проблематичными. Но если всѣ эти соображенія позволяютъ усомниться въ удобствахъ формы нового займа, то еще болѣе важнымъ представляется то обстоятельство, что внутренній заемъ на военные нужды, извлекая значительные капиталы изъ народнаго обращенія, рискуетъ оказаться неблагопріятное вліяніе на внутренній денежній рынокъ, и такъ-же переживающій крайне угнетенное состояніе въ виду обнаружившагося застоя въ торговлѣ и промышленности страны. Между тѣмъ, какъ ни велика сумма всѣхъ обращенныхъ до сихъ поръ на военные нужды средствъ, достигающая, какъ мы видѣли, почти 900 миллионовъ рублей, легко предвидѣть, что затраты на войну на этомъ не остановятся и отъ государства потребуются новые и тяжелыя жертвы.

Вызванные войною расходы въ настоящее время ложатся тяжелымъ бременемъ не только на обще-государственный бюджетъ, но и на хозяйство мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Три мѣсяца тому назадъ мнѣ приходилось уже указывать на то затруднительное положеніе, какое создалось для многихъ земствъ въ силу возложенной на нихъ закономъ обязанности призыва нѣдостаточныхъ семействъ призванныхъ подъ ружье запасныхъ, обязанности, нѣсколько неожиданно для земствъ принявшей крайне широкій характеръ и потребовавшей для своего выполненія весьма значительныхъ средствъ. Нѣкоторыя земства уже очень скоро пришли къ сознанію необходимости ходатайствовать передъ пра-

вительствомъ о превращеніи такой обязанности въ обще-государственную повинность или, по крайней мѣрѣ, о принятіи части расходовъ по призрѣнію недостаточныхъ семей запасныхъ чиновъ на обще-государственный счетъ. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ шире развивалась война, тѣмъ больше выяснялось, что, при нынѣшнемъ состояніи земского хозяйства, для большинства земствъ названная обязанность является совершенно непосильной, и въ виду этого одно земство за другимъ стало выступать съ попытками такъ или иначе поправить дѣло.

Въ Московской губерніи совѣщаніе предсѣдателей земскихъ управъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ засѣданій признало, что уѣздныя земства не имѣютъ средствъ для помощи семьямъ лицъ, призванныхъ изъ уѣзовъ на войну, губернское же земство пока располагаетъ средствами для такой цѣли, но въ близкомъ будущемъ эти средства могутъ оказаться совершенно недостаточными и тогда явится необходимость ходатайствовать передъ правительствомъ обѣ оказаніи земству помощи въ томъ или иномъ видѣ *). Въ Нижегородской губерніи, по разсчету мѣстной губернской земской управы, для оказанія помощи семействамъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу, потребовался бы по всѣмъ уѣзамъ годовой расходъ въ 450.000 руб. Между тѣмъ, благодаря вызванному неурожаю всеобщему обѣденію населенія, не имѣющаго въ виду этого возможности вносить полностью сѣмѣнныя оклады, земское хозяйство губерніи находится въ критическомъ положеніи. Всѣ запасные капиталы исчерпаны для производства сѣмѣнныхъ расходовъ, губернское и уѣздныя земства накопили значительные долги и предоставление помощи нуждающемуся населенію въ указанномъ разиѣрѣ изъ мѣстныхъ средствъ совершенно невозможно. Въ виду этого губернская управа, усматривая единственный выходъ изъ такого затруднительного положенія въ обращеніи къ помощи правительства, предлагаетъ земскому собранію ходатайствовать обѣ отпускъ земству необходимой суммы изъ средствъ государственного казначейства въ формѣ безпроцентнаго займа на срокъ приблизительно въ 30 лѣтъ **). Въ свою очередь саратовская губернская управа составила по тому же вопросу докладъ, въ которомъ указывается, что призрѣніе семействъ запасныхъ нижнихъ чиновъ, имѣ въ сущности значеніе обще-государственной потребности, крайне неравномѣрно ложащейся на отдельныя губерніи, вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ саратовскаго земства совершенно непосильныхъ для него затратъ. Руководясь этими соображеніями, саратовская управа предлагаетъ земскому собранію возбудить передъ правительствомъ ходатайство о выдачѣ саратовскому губернскому земству въ безвоз-

*) „Р. Вѣдомости“, 1 сентября 1904 г.

**) „Н. Время“, 12 августа 1904 г.

вратное пособие на дѣло призрѣнія нуждающихся семействъ лицъ, призванныхъ на войну, до времени очередного собранія, т. е. на 5 мѣсяцевъ, 150.000 р., а также о возмѣщеніи уже израсходованныхъ на это дѣло за іюнь и іюль 35.000 р. *). Тульское чрезвычайное губернское земское собраніе, засѣдавшее въ первыхъ числахъ сентября, по тому же вопросу постановило ходатайствовать о принятіи расходовъ по призрѣнію семействъ чиновъ запаса на счетъ казны, признавая эту повинность обще-государственной, и впредь до удовлетворенія этого ходатайства просить о выдачѣ губернскому земству ссуды изъ казны въ размѣрѣ 900.000 р., безъ процентовъ и съ обязательствомъ уплаты ея равными частями, начиная съ 1906 года, въ теченіе 50 лѣтъ **).

Въ Харьковской губерніи, на которой мобилизацией отразилась особенно тяжело, выведя изъ нея болѣе 35.000 человѣкъ рабочаго населения, губернское земское собраніе еще въ іюнѣ постановило ходатайствовать передъ правительствомъ о займѣ изъ государственного казначейства для оказанія помощи семьямъ запасныхъ суммы въ 2 миллиона рублей срокомъ на 20 лѣтъ безъ процентовъ или на льготныхъ по возможности условіяхъ. Ходатайство это бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве было передано въ образованную подъ предсѣдательствомъ товарища министра Стишинского комиссию по объединенію мѣръ обеспеченія семействъ низкихъ чиновъ. Названная комиссія нашла ходатайство харьковского земства „преувеличеннымъ“ и предложила разрѣшить для земства Харьковской губерніи безпроцентную ссуду лишь въ 300.000 р. съ погашеніемъ ея въ 20-лѣтній срокъ, о чёмъ министерство внутреннихъ дѣлъ и вошло въ представлениемъ въ государственный совѣтъ. Однако выбранная харьковскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ комиссія, по осуществленію связанныхъ съ войной мѣропріятій харьковскаго земства, не сочла возможнымъ принять этой ссуды безъ новаго постановленія земскаго собранія и, указавъ на ошибочность цифровыхъ разсчетовъ министерства, просила предсѣдателя губернской управы лично ходатайствовать передъ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ о разрѣшении харьковскому земству ссуды изъ казны въ размѣрѣ 2 миллионовъ рублей или, по меньшей мѣрѣ, 1.650.000 рублей ***).

Судя по послѣднему примѣру, земства врядъ ли могутъ разсчитывать на вполнѣ достаточную материальную помощь въ переживаемыхъ ими въ настоящее время затрудненіяхъ. Главнымъ, если не единственнымъ, источникомъ для призрѣнія нуждающихся семей запасныхъ, повидимому, и впредь предполагается оставить

*) „Русь“, 28 августа 1904 г.

**) „Н. Время“, 14 сентября 1904 г.

***) „Р. Вѣдомости“, 15 іюня и „Русь“, 4 сентября 1904 г.

средства мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Нѣсколько иначе поставлено въ послѣднее время дѣло организации самого призыва, въ значительной степени видоизмѣненное состоявшимся 5 августа текущаго года высочайшимъ повелѣніемъ и разосланнмъ въ разясненіе его циркуляромъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Дурново отъ 15 августа.

Названное повелѣніе прежде всего расширило кругъ призываемыхъ лицъ. Нуждающимся семействамъ охотниковъ, поступившихъ на службу во время нынѣшней войны, оно предоставило одинаковыя права на призывъ съ семействами выступившихъ въ походъ нижнихъ чиновъ, которыхъ приведеніе войскъ на военное положеніе застало на дѣйствительной службѣ. Семействамъ нижнихъ чиновъ, проживавшимъ въ городовъ и селеній и лишившимся квартиръ вслѣдствіе призыва нижнихъ чиновъ на службу или выступленія ихъ въ походъ въ нынѣшнюю войну, повелѣніемъ 5 августа предоставлено право на получение помѣщенія съ отопленіемъ или соотвѣтственного денежнаго довольствія отъ земства, въ предѣлахъ котораго эти семейства находятся на жительствѣ. Наконецъ, призывне отца, матери, дѣда, бабки, братьевъ и сестеръ (круглыхъ сиротъ) не приписаннаго ни къ какому обществу нижнаго чина, призваннаго на службу или выступившаго въ походъ въ нынѣшнюю войну, возлагается на земства и городъ по мѣсту жительства этихъ лицъ.

Помимо того, упомянутымъ повелѣніемъ „въ видахъ объединенія на мѣстахъ мѣропріятій по призываю семействъ нижнихъ чиновъ“ создаются особые органы подъ именемъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ по призываю семействъ нижнихъ чиновъ. Губернскій комитетъ составляется, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, вице-губернатора, управляющаго казенной палатой, предсѣдателя и членовъ губернскай земской управы, одного изъ непремѣнныхъ членовъ губернского присутствія, непремѣнного члена губернскаго поzemскаго и городскаго дѣламъ присутствія, городскаго головы губернскаго города и губернскихъ земскихъ гласныхъ, которые пожелаютъ принять участіе въ занятіяхъ комитета. Сверхъ того, губернаторъ можетъ приглашать въ составъ комитета на правахъ членовъ и другихъ лицъ, участіе которыхъ онъ найдеть полезнымъ. Уѣздный комитетъ состоить, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ предсѣдателя и членовъ уѣздной земской управы, земскихъ начальниковъ и податныхъ инспекторовъ уѣзда, уѣзднаго исправника, городскаго головы уѣзднаго города, участковыхъ попечителей или уполномоченныхъ земства по призываю семействъ воинскихъ чиновъ, если бы такие лица были избраны земскимъ собраниемъ, и уѣздныхъ земскихъ гласныхъ, пожелавшихъ принять участіе въ занятіяхъ комитета. При разсмотрѣніи дѣлъ по призываю семействъ, проживающихъ

въ городскихъ поселеніяхъ уѣзда, въ уѣздномъ комитете участвуютъ городской голова и члены городской управы подлежащаго города. Съ разрѣшенія губернатора предсѣдатель уѣзднаго комитета можетъ приглашать въ его составъ на правахъ членовъ и другихъ лицъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, где нѣтъ дворянскихъ или земскихъ учрежденій, министру внутреннихъ дѣлъ предстоитъ опредѣлять, какія лица входятъ въ составъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ взамѣнъ предводителей дворянства и земства.

Что касается задачъ организованныхъ такимъ образомъ учрежденій, то губернскій комитетъ имѣеть своею цѣлью объединеніе всѣхъ распоряженій по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ губерніи и содѣйствіе губернатору въ наблюденіи за свое временнымъ и надлежащимъ призрѣніемъ лицъ, имѣющихъ на то право, и въ принятіи предоставленныхъ ему закономъ мѣръ въ случаѣ неисполненія земствомъ или обществами возложенныхъ на нихъ обязанностей; уѣздный же комитетъ имѣеть своей цѣлью согласованіе дѣятельности уѣздныхъ земскихъ и городскихъ управъ, а также другихъ мѣстныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ. Открываются губернскіе и уѣздные комитеты распоряженіями ministra внутреннихъ дѣлъ по представленіямъ губернаторовъ, но въ тѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ, где земство исполняетъ возложенія на него обязанности по призрѣнію семействъ воинскихъ чиновъ безъ испрошенія пособій изъ государственного казначейства, эти представленія должны основываться на ходатайствахъ подлежащей губернской или уѣздной земской управы и, слѣдовательно, инициатива открытия комитетовъ въ этихъ случаяхъ принадлежитъ земству.

Въ дополненіе къ этимъ постановленіямъ высочайшаго по-
велѣнія, порядокъ дѣйствія вновь учреждаемыхъ комитетовъ
опредѣленъ въ упомянутомъ выше циркулярѣ товарища ministra
внутреннихъ дѣлъ слѣдующими чертами. Вновь вводимая органи-
зація отнюдь не можетъ считаться отмѣною или измѣненіемъ
существующаго порядка, а является лишь развитіемъ и допол-
неніемъ его. Главная цѣль губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ
заключается въ объединеніи дружныхъ усилий мѣстныхъ по кре-
стьянскимъ дѣламъ установленій и земскихъ учрежденій. Поэтому,
и по открытии въ губерніи комитетовъ, распоряженія по назна-
ченію пособій нуждающимся семьямъ воинскихъ чиновъ должны
остаться попрежнему въ вѣдѣніи земскихъ и городскихъ управъ.
Содѣйствіе же имѣть со стороны земскихъ начальниковъ должно
выразиться въ надзорѣ за собираніемъ свѣдѣній объ этихъ семей-
ствахъ должностными лицами крестьянского общественнаго упра-
вленія, провѣрки такихъ свѣдѣній и наблюденія за исполненіемъ
распоряженій управъ по призрѣнію означенныхъ семействъ въ

предѣлахъ земскихъ участковъ. Однакоже такое содѣйствіе земскихъ начальниковъ нисколько не устраняетъ и не ограничиваетъ права уѣздныхъ управъ самостоятельно собирать свѣдѣнія о нуждающихся семьяхъ. Сомнительные случаи должны представляться уѣздной земской или городской управой на разсмотрѣніе уѣзданаго комитета, но рѣшенія послѣднаго по этимъ дѣламъ, равно какъ и по жалобамъ лицъ, недовольныхъ распоряженіями управъ, признаются окончательными только въ томъ случаѣ, если сама управа присоединится къ рѣшенію большинства комитета. Въ противномъ случаѣ, дѣло восходить въ губернскій комитетъ, но и иѣ только разсматривается, а решается губернаторомъ, при чёмъ за уѣздной земской или городской управою сохраняется право, если бы она встрѣтила затрудненіе къ исполненію рѣшенія губернатора, входить къ нему обѣ этомъ съ представленіями, съ тѣмъ, чтобы засимъ дѣло передавалось на разрѣшеніе губернского по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Такимъ образомъ губернскимъ и уѣзданымъ комитетомъ не присваивается никакой распорядительной власти и они получаютъ значеніе лишь совѣщательныхъ органовъ, имѣющихъ цѣлью возможно полное выясненіе всѣхъ возникающихъ въ практикѣ дѣла призрѣнія случаевъ и вопросовъ и согласованіе дѣятельности въ этой области различныхъ мѣстныхъ властей и учрежденій.

Какъ видно изъ всего сказанного, новая организація не разрѣшаетъ ни одного изъ тѣхъ жгучихъ вопросовъ, которые успѣли уже выдвинуться въ земской практикѣ призрѣнія нуждающихся семействъ воинскихъ чиновъ. Учрежденіе губернскихъ и уѣзденыхъ комитетовъ нисколько не ослабляетъ рѣзко обнаружившейся неравномѣрности въ затратахъ различныхъ мѣстностей на дѣло такого призрѣнія и не обеспечиваетъ земствамъ притока средствъ на это дѣло. Не будучи въ своей дѣятельности объединены никакимъ общимъ планомъ, не располагая ни материальными средствами, ни распорядительной властью, комитеты едва-ли окажутся способными принести какую-либо осязательную пользу. Въ этомъ тѣмъ болѣе можно сомнѣваться, что опытъ прошлаго не позволяетъ возлагать особенно большихъ надеждъ на „дружное единеніе“ столь различныхъ по своему типу учрежденій и лицъ, какъ органы земского самоуправленія и земские начальники. Надо думать, что при указанныхъ условіяхъ проектируемое единеніе сведется главнымъ образомъ къ попыткамъ направлять и контролировать дѣятельность отдѣльныхъ земскихъ учрежденій, но въ томъ и другомъ врядъ-ли имѣется настоятельная нужда. Въ концѣ концовъ приходится сказать, что созданная войною задача призрѣнія недостаточныхъ семействъ нижнихъ чиновъ до сихъ поръ остается безъ удовлетворительного разрѣшенія, хотя необходимость такого разрѣшенія съ каждымъ мѣсяцемъ чувствуется сильнѣе и недалеко уже то время, когда полное истощеніе зем-

скихъ средствъ заставить считаться съ этой задачей въ полномъ ея объемѣ.

Въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ авторъ „Внутренняго Обозрѣнія“ счелъ нужнымъ отвѣтить на тѣ замѣчанія, какія были высказаны мною три мѣсяца тому назадъ, въ юньской „Хроникѣ внутренней жизни“, по поводу предпринятой имъ защиты земскихъ и городскихъ ассигновокъ на нужды военного времени. Отвѣтъ уважаемаго писателя настолько интересенъ для выясненія спорнаго вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько кратокъ, что я позволю себѣ привести его полностью. Нашъ противникъ—говорить авторъ „Внутренняго Обозрѣнія“—“удивляется тому, что „Вѣстникъ Европы“ защищаетъ „отношеніе къ закону, какъ къ чему-то пригодному только въ спокойныя времена, а въ критические моменты народной жизни составляющему лишь ненужное препятствіе“. Такой мысли мы вовсе не проводили, совершенно опредѣленно указывая тѣ основанія, по которымъ спорные ассигновки могутъ быть признаны противными только буквой, но отнюдь не смыслу закона. Въ особыхъ обстоятельствахъ военного времени мы видѣли лишь побудительную причину къ возможно болѣе широкому толкованію закона—толкованію, за которое мы высказывались и при обсужденіи многихъ другихъ земскихъ вопросовъ. Мы думали и продолжаемъ думать, что было бы чрезвычайно жаль, если бы земскій опытъ въ больничномъ и санитарномъ дѣлѣ остался безъ примѣненія на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ такъ необходима хорошо устроенная помощь во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ. Чрезвычайно важной казалась и кажется намъ, дальше, обусловливаемая земскими пожертвованіями возможность обще-земской организаціи, не случайно же встрѣтившей такой усиленный отпоръ со стороны систематическихъ ненавистниковъ земства... Намъ были ясны подводные камни, лежащіе на избранной большинствомъ земскихъ собраній дорогѣ; мы знали, что она можетъ привести къ чрезмѣрному напряженію земскихъ платежныхъ силъ, къ направлению земскихъ средствъ не туда, гдѣ въ нихъ есть дѣйствительная надобность,—но столкновеніе съ этими камнями не было неизбѣжно, и ихъ на самомъ дѣлѣ благополучно обошли многія земства. Не обрисовались еще коичные результаты земскихъ ассигнованій,—но мы не теряемъ надежды, что они приведутъ къ отмѣнѣ закона о фиксаціи земскихъ сметъ и вообще къ давно желанной перемѣнѣ въ положеніи земскихъ учрежденій”.

Таковы аргументы почтеннаго обозрѣвателя „Вѣстника Европы“. Я долженъ сознаться, что съ моей точки зрѣнія они являются не особенно убѣдительными. Не „Русское Богатство“, конечно, станетъ возражать противъ широкаго толкованія ка-сающихся земства законовъ, и тѣмъ не менѣе я все-таки про-

должаю думать, что никакое широкое толкованіе закона не даетъ права общественнымъ уполномоченнымъ произвольно обращать собираемыя съ мѣстнаго населенія на определенную цѣль средстva на нужды иного характера и присвоивать такому обращенію название пожертвованія. Земская помощь, несомнѣнно, пригодилась на войнѣ и принесла большую пользу войскамъ, но, думается, „хорошо устроенная помощь“ была нисколько не менѣе нужна и мирному населенію земскихъ губерній, многія потребности которого благодаря войнѣ, оттянувшей государственные средства, остались безъ удовлетворенія. Что касается „чрезвычайно важной“ обще-земской организаціи санитарной помощи войскамъ, то я, признаюсь, не вижу большого значенія этой организаціи за предѣлами ея специального дѣла и склоненъ думать, что подобное значеніе приписывается ей иѣкоторою частью нашего общества исключительно подъ влияніемъ неистовыхъ волей „систематическихъ ненавистниковъ земства“, которые далеко не всегда отличаются дальноворкостью.

Обозрѣватель „Вѣстника Европы“ не скрываетъ отъ себя „подводныхъ камней“, лежавшихъ на пути земскихъ ассигновокъ на нужды военного времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ находить, что многія земства „благополучно обошли“ эти камни. Такъ ли это, однако, въ дѣйствительности? Самъ авторъ „Внутренняго Обозрѣнія“ находить, что земства „не призваны къ участію“ въ расходахъ по организаціи вооруженной защиты государства и должны ограничивать свои затраты исключительно мирными цѣлями. Но на дѣлѣ, какъ-нибудь приходилось уже упоминать, большая часть земскихъ ассигновокъ была предназначена какъ разъ на усиленіе флота и на нужды войны. Значило ли это обойти „подводные камни“? Обошло ли, далѣе, эти камни хотя бы костромское земство, ассигновавшее 300.000 р. на нужды войны, и въ томъ числѣ 50.000 р. на усиленіе флота, въ то время, какъ нѣсколько єздовъ Костромской губерніи бородись съ тяжелыми послѣдствіями неурожаи? Были ли обойдены такие камни нижегородскими губернскими земскими собраніемъ, которое въ виду разоренной неурожаевъ губерніи нашло „неловкимъ“ ограничиться сравнительно скромной ассигновкой на нужды войны въ 20.000 р. и потому рѣшилось увеличить эту ассигновку до 300.000 р.? Обошло ли подводные камни харьковское земство, пожертвовавшее на войну миллионъ рублей и вскорѣ послѣ того вынужденное просить у казны ссуду въ два миллиона? Подобныхъ фактовъ можно было бы привести еще не мало, и всѣ они съ достаточнou ясностью свидѣтельствуютъ, что земскія ассигнованія на нужды военного времени явились результатомъ не столько искуснаго и правильнаго расчета, сколько неосторожнаго и плохо обдуманнаго увлечения, соединявшагося подчасъ съ недостаткомъ мужества.

Я не думаю, чтобы мнѣ удалось убѣдить моего почтеннаго

оппонента и тѣмъ не менѣе, заключая нашъ споръ, я не могу не сдѣлать еще одного небольшого замѣчанія, направленного въ возстановленію истинной перспективы жизненныхъ явлений. Оптимистически настроенный обозрѣвателъ „Вѣстника Европы“ связываетъ съ земскими ассигновками на нужды военнаго времени радужныя надежды на будущее земства. Я не стану опровергать такія надежды, хотя и не вижу пока реальныхъ оснований для нихъ. Во всякомъ случаѣ быть ничего абсолютно невозможнаго въ томъ, что мы въ близкомъ будущемъ станемъ свидѣтелями отмѣны фиксации земскихъ сѣмѣй или даже общей перемѣны въ положеніи земскихъ учрежденій. Но совершенно несомнѣнно, что, если такая перемѣна дѣйствительно произойдетъ, то земства будутъ обязаны ею не своимъ ассигновкамъ на нужды войны, а совсѣмъ другимъ причинамъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь вспомнить недалекое прошлое, когда наличность земскихъ ассигновокъ на нужды военнаго времени нисколько не препятствовала возникновенію плановъ новыхъ ограничений земской дѣятельности.

III.

1 августа состоялся слѣдующій именной высочайшій указъ правительствующему сенату: „Управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, генералъ-лейтенанту Глазову всемилостивѣше повелѣваемъ бытъ министромъ народнаго просвѣщенія“.

26 августа послѣдовалъ высочайшій приказъ по военному вѣдомству такого содержанія: „Числящійся по генеральному штабу, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ князь Святополкъ-Мирскій назначается министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта“.

За истекшій мѣсяцъ опубликовано нѣсколько правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Приводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ г. Кіевѣ постановленіемъ мѣстнаго губернатора отъ 9 августа крестьянинъ М. Я. Калничукъ, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля с. г., подвергнутъ аресту при полиції на 2 мѣсяца, считая срокъ со дня задержанія его по сему дѣлу *). Постановленіемъ того же губернатора отъ 19 августа, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 24 іюля 1896 г., подвергнуты аресту при полиції: К. Ф. Росчбородъ—на 3 сутокъ

*). „К. Отклики“, 13 августа 1904 г.

и М. Е. Король, А. М. Мельниченко и М. Н. Работай—на 2 суток каждый *).

Въ приказѣ по войскамъ 2-го кавказскаго армейскаго корпуса, какъ сообщаетъ „Казбекъ“ объявлено: „Во вниманіе къ положенію семьи рядового 32 пѣхотнаго дагестанскаго полка Никиты Брикуненко, убитаго въ гор. Грозномъ 17-го сентября 1903 года при нападеніи шайки злоумышленниковъ на воинскій патруль, а такъ же въ виду полученнаго тогда же пораненія рядовыми того же полка Николаемъ Зякинымъ, временный командующій войсками округа предложилъ начальнику Терской области вызвать съ жителей селенія Катыръ-Юртъ, Грозненскаго округа, за укрывательство ими одного изъ главныхъ участниковъ означеннаго нападенія Германаха Махаева штрафъ въ разиѣрѣ 1,500 рублей, изъ коихъ 1,000 рублей приказалъ отправить семью убитаго Брикуненко, а 500 рублей рядовому Зякину“ **).

Какъ сообщаютъ „Рижскія Вѣдомости“, помощникъ рижскаго полицеймейстера Н. А. Лишинъ 15-го августа былъ опасно раненъ во время происходившихъ у воротъ губернской тюрьмы беспорядковъ ***).

Въ г. Одессѣ, какъ сообщаютъ газеты, 9 сентября въ 9 ч. у. на Николаевскомъ бульварѣ произведено было покушеніе на жизнь мѣстнаго градоначальника Нейдгарта. Неизвѣстный молодой человѣкъ въ 6 шагахъ выстрѣлилъ въ г. Нейдгарта изъ револьвера, но промахнулся и былъ тутъ же арестованъ ****).

Въ г. Карсѣ, по словамъ „Новаго Обозрѣнія“, въ концѣ юля былъ убитъ неизвѣстнымъ лицомъ переводчикъ мѣстнаго жандармскаго управления В. Я. Гроздовъ. Убийца не былъ найденъ *****).

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее сообщеніе изъ урочища Аджикентъ Елисаветпольской губерніи: „13 августа, около 10 ч. вечера, было совершено неизвѣстными злоумышленниками покушеніе на убійство чиновъ полицейскаго обхода. Изъ лѣсного оврага неизвѣстно кому были произведены выстрѣлы, видимо, изъ берданки, которыми былъ тяжело раненъ городовой Али въ животъ навылетъ, легко помощникъ пристава Бадаловъ въ спину и контуженъ въ лѣвое плечо офицеръ стражи корнетъ Хатаговъ. На выстрѣлы явилась команда полицейской стражи, но злоумы-

*) „К. О.“, 27 авг. 1904 г.

**) „Русь“, 28 авг. 1904 г.

***) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 25 августа 1904 г.

****) „Русь“, 10 сентября 1904 г.

*****) Цитирую по „К. Откликамъ“, 3 августа 1904 г.

щленники успѣли скрыться. По подозрѣнію задержано нѣсколько лицъ" *).

Въ Озургетскомъ уѣздѣ Кутаисской губерніи, какъ сообщаютъ „Бакинскія Извѣстія“, „учащеніе убийствъ обратило на себя вниманіе высшихъ властей. За одинъ годъ въ уѣздѣ было зарегистрировано 15 случаевъ убийствъ. Характерно, что виновники почти всѣхъ этихъ убийствъ не обнаружены. Убийства эти въ большинствѣ не походять на обыкновенные убийства“ **).

Въ г. Якутскѣ 7 и 8 августа якутскимъ окружнымъ судомъ разсмотрѣно было дѣло по обвиненію 59 лицъ административно-сырьныхъ по 263 и 268 ст. уложенія о наказаніяхъ. Приговоромъ суда: Теслегъ, Куриатовскій, Израильсонъ, Ройзманъ, Розенталь, Бродо, Викеръ, Костоянцъ, Добромусловъ, Кудринъ, Погасовъ, Каганъ, Переизичъ, Призвищевъ, Солодуро, Тепловъ, Фридъ, Бодневскій, Костюшко, Бардоянъ, Лаговскій, Рабиновичъ, Ржонца, Анна Розенталь, Рубинчикъ, Голда Викеръ, Виноградовъ, Дроновъ, Джокоедзе, Габронидзе, Гельфантъ, Законъ, Заражовичъ, Залкиндъ, Моисей Лурье, Каммериреръ, Гельманъ, Оржеровскій, Ольштейнъ, Медяникъ, Мисюкевичъ, Рудавскій, Екатерина Ройзманъ, Трифоновъ, Хацкелевичъ, Кукеръ, Центердзе, Жмуркина приговорены къ 12 годамъ каторги, Никифоровъ къ заключенію въ арестантскія роты на 1 годъ, Виленкинъ, Померанецъ и Земехасанъ оправданы ***).

Приведемъ еще опубликованные за послѣдній мѣсяцъ правительственные распоряженія и сообщенія, касающіяся Финляндіи.

11 августа состоялся слѣдующій высочайший приказъ по военному вѣдомству: „Финляндскій военный округъ упразднить, территорію этого округа и всѣ войска и учрежденія военнаго вѣдомства, на ней расположенные, включить въ составъ петербургскаго военнаго округа. Мѣру эту привести въ исполненіе установленнымъ законодательнымъ порядкомъ“.

Всльдѣ затѣмъ въ „Финляндской Газетѣ“ былъ опубликованъ слѣдующій высочайший манифѣстъ:

„Божію милостію Мы, Николай второй, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподаннымъ Великаго Княжества Финляндскаго, что, согласно повелѣнію Нашему отъ 3 (15) мая 1899 года, признали Мы за благо открыть 23 ноября (6 де-

*.) Цитирую по „К. Откликамъ“, 23 августа 1904 г.

**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ“, 1 сентября 1904 г.

***) „Право“, 1904 г., № 33.

кабря) 1904 года очередной сеймъ въ Гельсингфорсѣ. Земскимъ чинамъ надлежитъ явиться въ означенный городъ въ указанное время, сообразуясь съ уставами сеймовыми и рыцарского дома. Ожидая отъ всѣхъ и каждого точнаго исполненія сей Монаршой воли Нашей, пребываемъ къ вамъ Императорскою Милостью Нашею благосклонны.

Николай".

Въ Петергофѣ, 13 (26)

августа 1904 г.

Въ петербургскихъ газетахъ 8 сентября была напечатана слѣдующая телеграмма изъ Гельсингфорса: „Дѣло о бывшемъ сенаторѣ Императорскаго финляндскаго сената, тайному совѣтнику Фридрихѣ - Вольдемарѣ Шауманѣ, обвиняемомъ въ совершении преступленія, предусмотрѣннаго § 4 главы 11 уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, передано прокурору Императорскаго финляндскаго сената, согласно § 2 главы 8 отдѣла о судопроизводствѣ, для законнаго направлѣнія“.

Какъ сообщили послѣ того газеты *), бывшій финляндскій сенаторъ Шауманъ, послѣдне время содержавшійся подъ стражей въ юландской губернскій тюрьмѣ на Скаттудденѣ, въ воскресенье 12 (25) сентября былъ отправленъ въ Або, такъ какъ онъ на основаніи § 2 гл. 8 мѣстнаго закона о судопроизводствѣ подлежитъ суду абоскаго гофгерихта.

В. Мякотинъ.

Памяти Марка Николаевича Михайловскаго.

Ровно черезъ семь мѣсяцевъ послѣ кончины Николая Константиновича Михайловскаго, 28 августа этого года, сопѣль въ могилу его младшій сынъ, подававшій большія надежды молодой натуралистъ Маркъ Николаевичъ, которому 10 мая этого года едва исполнилось двадцать семь лѣтъ. Унаследовавшій отъ отца его тонкую первную организацію и преобладающую интеллектуальность темперамента, онъ съ самаго раннаго дѣтства внушилъ мысль о значительной будущности, которая его ожидаетъ. Въ эпоху безвременія восьмидесятыхъ годовъ, когда, казалось, замерло всякое умственное движеніе въ русскомъ обществѣ или сводилось къ робкимъ и въ самихъ себя мало вѣрюющимъ искашеніямъ въ родѣ призыва „садиться на землю“ или приглашенія

*). „Русь“, 16 сент. 1904 г.

къ „малымъ дѣламъ“,— знаменитый отецъ нынѣ скончавшагося молодого ученаго, конечно, не падаль духомъ, бодро ждалъ возрождения общественной жизни, много поработалъ самъ для этого и нерѣдко говоривалъ: „нѣтъ, еще поборемся, еще настанетъ время и уже не одинъ, а рука обь руку съ Маркомъ“... Время настаетъ, повидимому; но отецъ и сынъ, оба уже опочили въ сырой и холодной землѣ нашей суровой родины.

М. Н. Михайловскій образованіе получилъ въ спб. университѣтѣ по физико-математическому факультету, специализовавшись на зоологии. Еще на студенческой скамье его работы обратили вниманіе, затѣмъ онъ принялъ участіе въ научныхъ экспедиціяхъ на Мурманъ, на островъ Колгуевъ (въ Бѣломъ морѣ), на Черное море и, наконецъ, на Шпицбергенѣ (въ составѣ большой международной экспедиціи). Изъ своихъ научныхъ путешествій онъ вывезъ богатыя коллекціи, а результаты изложилъ въ отчетахъ, появившихся по-русски и по-немецки въ специальныхъ изданіяхъ. Академія наукъ его избрала зоологомъ своего музея. Кроме того, онъ писалъ рецензіи въ „Русскомъ Богатствѣ“ и статьи зоологического отдѣла въ словарѣ „Большая Энциклопедія“... Сломила молодую, много обѣщавшую жизнь злая чахотка, очень обострившаяся послѣ кончины отца...

С. Южаковъ.

Случайные замѣтки.

Памяти Н. Н. Обручева. Лѣтомъ нынѣшняго года скончался видный военный дѣятель, бывшій начальникъ главнаго штаба, Н. Н. Обручевъ. Его смерть, совпавшая со смертью Чехова (останки ихъ были привезены изъ-за границы въ одномъ поѣздѣ), въ широкихъ кругахъ читающей публики прошла малозамѣченою. Между тѣмъ въ активѣ покойнаго числилась крупная заслуга чисто общественного характера. Насколько намъ известно, она осталась не помянутой, и ей то мы хотимъ посвятить настоящую замѣтку.

Въ 1858 году въ „Военномъ Сборнике“, издававшемся при штабѣ отдельного гвардейскаго корпуса, появился рядъ статей покойнаго — тогда еще молодого офицера, преподавателя военной статистики въ академіи генерального штаба. Печатались они подъ общимъ заглавиемъ: „Изанка крымской войны“. Авторъ рѣшился громко заговорить о тѣхъ ужасахъ и злоупотребленіяхъ, какія творились во время войны въ арміяхъ, и слухами о которыхъ была уже полна въ то время русская земля. Раны были еще

слишкомъ свѣжі и касаться ихъ можно было, конечно, только съ осторожностью: необходимы были всякия оговорки, неизбѣжны были многочисленныя умолчанія. Но и за всѣмъ тѣмъ статьи Н. Н. Обручева произвели громадное впечатлѣніе. Несомнѣнно, это былъ одинъ изъ сильныхъ ударовъ, какіе были нанесены тогда зашатавшемуся уже строю.

Первые двѣ статьи Обручевъ посвятилъ санитарному состоянію войскъ въ союзной и русской арміяхъ. Приступая къ этой темѣ, авторъ писалъ:

Потери войны были бы ничтожны, когда бы ограничивались только убылью людей во время сраженій; но дѣло въ томъ, что если пули и ядра вредятъ лишь на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ сажень и въ извѣстныя только минуты, то условія невыгоднаго положенія солдата не отстаютъ отъ него ни на одно мгновеніе, гнетутъ его на всемъ театрѣ войны, иногда на пространствѣ всего государства; хватаются за него гораздо ранѣе, чѣмъ раздается первый непріятельскій выстрѣлъ, а покидаютъ много времени спустя послѣ того, какъ смолкнутъ орудія. Да и тутъ еще, если вникнуть хорошенько въ послѣдствія, нормальное, повидимому, положеніе, въ которое пришли войска, въ сущности не бываетъ нормальнымъ, и поколѣніе, потрясенное войною въ своимъ организмѣ, продолжаетъ сводить съ ней счеты до конца своей жизни, передавая иногда часть своего долга еще слѣдующей генераціи.

Имѣвшіяся въ распоряженіи автора фактическія данныя о санитарномъ состояніи русскихъ войскъ во время крымской войны представляли яркую иллюстрацію этой мысли о гнетущемъ вліяніи общихъ условій на положеніе солдата. Въ такъ называемой южной (оперировавшей сначала на Дунаѣ) арміи, при двухсот-тысячномъ ея составѣ, въ первый же годъ войны (съ 1 ноября 1853 по 1 ноября 1854 г.) прошло черезъ лазареты и госпитали свыше 262 тыс. больныхъ и раненыхъ. Съ отступленіемъ этой арміи и возвращеніемъ ея въ Россію санитарное состояніе ея еще болѣе ухудшилось.

Ослабленная значительно въ своемъ составѣ отбытіемъ войскъ въ Крымъ,— писалъ Обручевъ,—она со всѣми резервными частями и ополченіями, вошедшими въ ея составъ, представляла числительность около 100.000 человѣкъ. Казалось, что выйдя изъ района главныхъ дѣйствій и сблизившись съ пунктами своихъ снабженій, она могла бы съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый годъ войны, сберечь свои войска, распредѣливъ равномѣрно между ними службу по охраненію береговъ, работы по укрѣпленію нѣкоторыхъ пунктовъ, а также и продовольствіе, въ которомъ, по удобству доставки водой, не могло встрѣтиться недостатка.

Но это только казалось.

Сложность нашего административнаго механизма, забота о соблюденіи всѣхъ формальностей, которыми такъ легко можетъ прикрываться неспособность и недобросовѣстность, рождають различныя затрудненія по содержанію и сбереженію войскъ и приводятъ къ тому, что пропорционально къ числу арміи потери ея у себя дома, въ предѣлахъ имперіи, вѣт боевыхъ дѣйствій, превышаютъ потери ея на Дунаѣ.

На 100 тыс. солдатъ во второй годь войны пришлось въ этой арміи свыше 211 тыс. заболѣваній. Смертность ратниковъ въ дружинахъ государственного ополченія своимъ значительнымъ числомъ прямо поразила помѣщиковъ, получившихъ по возвращенію на родину почти половинное число ихъ. И эта огромная потеря людей произошла бывъ сраженій и въ короткое время,— не болѣе какъ въ теченіе 8 мѣсяцевъ.

Еще хуже обстояли дѣла въ крымской арміи, которая должна была вынести на своихъ плечахъ главную тяжесть кампаніи. При 200-тысячномъ ея составѣ въ ней было болѣе 500 тыс. заболѣваній, изъ нихъ отъ ранъ и контузій всего лишь 191 тыс. (38%). Изъ этого числа умерло въ госпиталяхъ той же арміи 48 тыс. (отъ ранъ 14 тыс.— 30%), выписано выздоровѣвшими 155 тыс., остальные—свыше 270 тыс.—были вывезены изъ Крыма.

Судьба этихъ вывезенныхъ— говорить авторъ—не опредѣлена въ отчетѣ. Да едва ли она и могла быть разъяснена. Среди громадной перевозки трудно было соблюсти правильную отчетность въ больныхъ. Повозки, переполненные больными, двигались иногда на сотни верстъ, ранѣе, чѣмъ находили въ какомъ либо госпиталѣ свободное мѣсто для ихъ принятія. Зачастую въ голой степи непогода захватывала эти караваны несчастныхъ; лошади или волы, измученные дурной дорогой, останавливались, какъ вкопанные, а вблизи ни жилья, где бѣ можно укрыть больныхъ, ни дровъ, чтобы ихъ обогрѣть, ни пищи, чтобы подкрепить ихъ силы... Они неминуемо должны были гибнуть и пропадать безъ вѣсти, не попадая ни въ одинъ изъ госпитальныхъ отчетовъ... Не вправѣ ли мы не почтить ихъ память, хотя число ихъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ?

„И возлѣ этихъ-то несчастныхъ— восклицаетъ авторъ—нагрѣвали себѣ руки люди, которымъ правительство ввѣряло средства къ ихъ сбереженію!“

О „неспособности“ и „недобросовѣстности“ въ первыхъ своихъ статьяхъ Обручевъ упоминалъ только мимоходомъ и постольку лишь, поскольку онъ вліялъ на санитарное положеніе войскъ. Для характеристики общихъ условій, въ какихъ находились послѣднія, достаточно привести двѣ-три выдержки изъ цитируемыхъ авторомъ материаловъ. Остановимся хотя бы на положеніи ратниковъ, гибнувшихъ, какъ муhi, въ Николаевѣ и другихъ мѣстахъ расположенія южной арміи.

Ратники въ своихъ губерніяхъ, при формированиі, получили короткіе армяки, суконныя панталоны, фуражки, полуушубки, три рубашки съ нижнимъ платьемъ, длинные сапоги и головки. Всего этого на первый разъ было достаточно, и при вступленіи въ Николаевъ видъ ихъ былъ приличный. Но вскорѣ отъ постоянного ношенія, отъ неопрятности, отъ неимѣнія мѣста для просушки, отъ лежанія на полу и на голой землѣ, армяки и сапоги пришли въ преждевременную ветхость, такъ что нерѣдко случалось встрѣтить ратника, идущаго на работу, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ оборванномъ армякѣ или съ заплатами, и въ сапогахъ съ огромными дырами, заткнутыми соломой или сѣномъ, лишь бы въ нихъ не проходила грязь... Что же касается до рубашекъ, то почти у всѣхъ ратниковъ онѣ погнили на плечахъ, и потому не

рѣдкость была видѣть у нихъ одну, да и то изорванную... Если бы они и хотѣли заняться своей одеждой, то не имѣли на то ни времени, ни мѣста. И ратники носили бѣлье до тѣхъ поръ, пока оно не изорвалось и не сгнило на плечахъ отъ поту и внѣшней сырости. Къ этому надо прибавить чрезвычайную нечистоплотность: лѣтомъ во время похода они купались, но, съ наступлениемъ холоднаго времени, они оставались безъ башни по 3—4 мѣсяца...

Единственною пищею ратниковъ и солдатъ были хлѣбъ и щи, или кашица съ мясомъ... Хлѣбъ былъ худо выпекаемъ, состоялъ изъ сырой, крупно смолотой и затхлой муки, смѣшанной съ кукурузой, ячменемъ и пескомъ. Захворавшіе ратники приносили его съ собой въ госпиталь, показывали докторамъ, и увѣряли что не могутъ безъ отвращеній есть его... Щи же и кашица, въ нѣкоторыхъ изъ дружинъ, были такого качества, что ратники получали отъ нихъ полное отвращеніе. Въ довершеніе всего, ихъ варили съ недоброкачественной солониной, которая у нѣкоторыхъ производила боль въ животѣ и поносъ... Что же касается до водки, которую положено было давать нѣсколько разъ въ недѣлю, то неизвѣстно, въ какомъ количествѣ и когда ее давали; положительно, однако, извѣстно то, что нѣкоторые ратники не имѣли случая узнать вкусъ ея.

Состояніе госпитальной части было не лучше.

Что касается медиковъ,—говорить авторъ,—то если первоначально ихъ было немного, то въ эпоху бѣдственнаго положенія госпиталей ихъ уже рѣшительно не доставало. Исполняя свой долгъ, они поражались болѣзняю одинаково со своими пациентами; къ 1 января изъ 11 врачей захворало 10, изъ 15 сестеръ милосердія—13, въ той же пропорціи болѣли и фельдшера. Въ декабрѣ врачей было такъ мало, что на каждого изъ нихъ приходилось отъ 500 до 700 больныхъ. Впрочемъ, не въ докторахъ было дѣло. Если бы и на каждого больного приходилось по доктору, спрашивается, уменьшило ли бы это смертность?

Въ самомъ дѣлѣ, въ госпиталяхъ

стѣсненіе сдѣлалось до того велико, что больной лежалъ при больномъ, а иногда необходимость заставляла класть ихъ даже бокомъ, другъ подлѣ друга, чтобы увеличить однимъ мѣстомъ болѣе. Больные лежали на нарахъ, между ними на полу, въ углахъ, въ пріемныхъ покояхъ,—однимъ словомъ, вездѣ, гдѣ только было пустое мѣсто... Отъ подобнаго стѣсненія больныхъ воздухъ долженъ былъ сдѣлаться не только не годнымъ, но даже убийственнымъ для дыханія... Въ добавокъ люди прибывали въ госпиталь уже въ сильномъ развитіи болѣзни, иногда въ послѣднемъ ея периодѣ, въ особенности ратники, изъ которыхъ многіе падали мертвыми въ пріемной, какъ бы сохранивъ только столько силы, чтобы дотащиться до госпитального порога. Положеніе, въ которомъ они приходили, было поистинѣ ужасное: бѣлье въ лохмотьяхъ, тѣло, покрытое слоемъ нечистоты, изѣденное вшами. У одного ратника на головѣ замѣчена была опухоль, величиною въ кулакъ, и что же?—по осмотрѣ она оказалась гнѣздомъ вшей, на подобіе муравейника; послѣ сбритія волосъ, наружные покровы головы, на пространствѣ нѣсколькихъ дюймовъ, найдены выѣденными до кости...

Разобраться въ причинахъ этого ужаснаго состоянія войскъ, выяснить, что надлежитъ отнести на счетъ климатическихъ условій и другихъ стихійныхъ причинъ и что на счетъ „неспособности“ и „недобросовѣтности“—представляло, конечно, трудную задачу. Авторъ сумѣлъ, однако, это сдѣлать и смѣло бросилъ упрекъ тѣмъ, кому были „ввѣрены средства для сбереженія лю-

дѣй". „Дурной хлѣбъ, тухлая солонина, воображаемая водка—писалъ онъ—это злоупотребленіе; недостатокъ помѣщенія—это нераспорядительность, недостатокъ же бань—это небрежность".

Какъ мы еще далеки—восклицаетъ онъ—отъ того, чтобы понимать дѣло, которое намъ довѣряютъ! Сколько еще намъ нужно развитія, чтобы привыкнуть видѣть въ солдатѣ или ратникѣ живого человѣка, а не безгласное, бездушное существо, живущее только на бумагѣ, которому ни есть не надо, ни спать по человѣчески, ни мыться, ни одѣваться, и которое создано или для того, чтобы его обирали, или для того, чтобы, ведя о немъ безпрерывную переписку, брать съ государства жалованье.

Между прочимъ, авторъ отмѣчалъ такую, нѣлишенную интереса подробность:

Пожертвованій было много *), но достигали ли они по назначенню—это еще не решено; извѣстно, однако, что тысячи пудовъ сухарей плесневѣли и гнили во время перевозки отъ одного магазина къ другому, въ ожиданіи, чтобы ихъ хоть гдѣ нибудь приняли. Провіантское вѣдомство предпочитало заготовлять сполна все продовольствіе на счетъ казны, а издержки на подобное заготовленіе были такъ велики, что подъ конецъ войны онѣ могли быть удовлетворены уже съ величайшимъ трудомъ, отразившимся и на содержаніи войскъ.

Эти упреки и намеки среди заинтересованныхъ лицъ вызвали цѣлую бурю. Въ печати появился длинный рядъ опровергній и возраженій. Въ томъ же „Военномъ Сборнике“ генераль-интенданть крымской арміи, генераль-маиръ Затлеръ, сдѣлалъ попытку вывернуть опять „изнанку на лицо“ и доказать, что дѣйствія интендантства были безупречны и что „чрезъ его распоряженія казна пріобрѣла сбереженія столькихъ-то миллионовъ“. Отвѣчая своимъ оппонентамъ, Н. Н. Обручевъ долженъ былъ ближе коснуться и этой „другой стороны“ изнанки. Вокрытыя имъ при этомъ злоупотребленія прямо поражали своею грандиозностью и беззастѣничностью.

Для характеристики ихъ достаточно передать, какъ запасалось, напримѣръ, сѣно для крымской арміи, отъ какой операции, по разсчетамъ Затлера, казна получила 7.000.000 р. „экономіи“. Въ самомъ началѣ было решено получить сѣно путемъ реквизиції. Для этого помѣщикамъ Таврической губерніи предложено было опредѣлить, сколько сѣна имъ нужно для собственного хозяйства; все остальное сѣно предположено было взять въ казну по безобиднымъ для нихъ цѣнамъ (по 15—20 к. за пудъ). По предварительнымъ разсчетамъ такого сѣна должно было ока-

*) Не лишне будетъ отмѣтить, что пожертвованія въ значительной ихъ части были вынужденными. Такъ, населеніемъ Курской, Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерній было доставлено 568 тыс. четвертей разнаго хлѣба. Но эти пожертвованія были „распоряжены“, какъ тогда выражались, генераль-адъютантомъ Анненковымъ и собраны съ населенія „по раскладкѣ“. Потомъ этотъ хлѣбъ былъ оплаченъ, но далеко не въ полной стоимости.

ваться свыше 10 милл. пудовъ, т. е. количество, вполнѣ достаточное для покрытия нуждъ арміи. Было признано, однако, необходимымъ собрать болѣе „точныхъ данныхъ“. Эти данные получились только въ концѣ сентября, при чёмъ свободнаго сѣна оказалось по доставленнымъ свѣдѣніямъ лишь 2 милл. пудовъ съ небольшимъ. Когда же, наконецъ, приступили къ реквизиції, то собрали всего лишь 1 милл. Куда же дѣвалось сѣно?

Никакого другого сѣна, кроме необходимаго самому населенію и подлежащаго поставкѣ въ казну въ Таврической губерніи, разъ рѣшена была реквизиція, какъ указываетъ въ своей статьѣ Обручевъ, казалось бы, быть не должно. Между тѣмъ уже въ іюнѣ мѣсяца, не дѣля никакихъ распоряженій о реквизиції, интенданство отправляетъ комиссіонера для покупки сѣна въ той же Таврической губерніи и даетъ ему полномочіе платить по 65—73 коп. и даже по 1 р. 5 к. и 1 р. 10 к. за пудъ. Само собой понятно, что населеніе предпошло продать сѣно, чѣмъ дожидаться реквизиції.

При данномъ на продажу разрѣшеніи,—говорить въ своей статьѣ Н. Н. Обручевъ,—можно ли было послѣ и требовать, чтобы никто не воспользовался этимъ. Наше опасеніе за уступленное (т. е. подлежавшее поступлению въ казну по реквизиції) сѣно возрастаетъ еще болѣе, когда мы соображаемъ, что покупка интенданствомъ сѣна и приемъ уступленного сѣна въ казну были поручены *одному и тому же лицу*. Сколько тутъ могло явиться ошибокъ! Уступленное сѣно могло быть зачтено въ счетъ купленнаго; уступленное сѣно могло быть намѣренno забраковано и потому въ счетъ поставки куплено въ казну уже по высшимъ цѣнамъ. Немудрено, что слухами объ этихъ ошибкахъ наполнилась вся земли. Каємся, что мы вѣримъ этимъ слухамъ...

Чтобы обеспечить успѣхъ такого рода операций, интенданство, если и пользовалось подрядчиками, то не иначе, какъ „опытными“ и „довѣренными“, привезенными подчасъ издалека. Что касается другихъ лицъ, то таковыя или вовсе не допускались къ подрядамъ, какъ неблагонадежныя, или ставились въ такое положеніе, при которомъ очень быстро впадали въ банкротство. Поставки ихъ систематически браковались, деньги задерживались и т. д. Вообще же интенданство предпочитало производить заготовки при посредствѣ собственныхъ комиссіонеровъ. Для характеристики дѣятельности послѣднихъ Н. Н. Обручевъ разсказываетъ цѣлый рядъ, какъ бы гипотетическихъ, но очевидно дѣйствительныхъ случаевъ. Возьмемъ одинъ изъ нихъ:

Положимъ, что главнымъ складочнымъ пунктомъ назначено м. Аэрчи. Казенный приказчикъ комиссіонера (изъ купцовъ) закупилъ въ ближайшихъ къ нему пунктахъ 5 тыс. четвертей муки и крупы. Комиссіонеръ можетъ забраковать этотъ провіантъ и уволить неисправнаго приказчика отъ должности; казенный приказчикъ останется просто купцомъ; тогда съ этимъ купцомъ комиссіонеръ заключаетъ покупку на 5 тыс. четвертей *въ Ростовъ, съ доставкой въ Аэрчи*. Время года неблагопріятное, стоитъ страшная распу-

тица, изъ Ростова за провозъ четверти берутъ рубля по 4 и болѣе; какъ не воспользоваться случаемъ, чтобы не доставить казнѣ выгоду, перевезя ей эти 5 т. четвертей по 3 р. 50 к.? Идетъ 17.500 р. въ карманѣ у комиссіонера и бывшаго казеннаго подрядчика, а казнѣ 2.500 р. чистой прибыли...

И все это чисто, гладко, безъ сучка и задоринки, со всѣми необходимыми актами, счетами, расписками, утвержденными пѣвами... На то и бумага, чтобы грѣть около нея руки, на то и „сложный административный механизмъ“, чтобы покрыть имъ всякую неспособность и всякую недобросовѣстность.

Обручевъ, конечно, хорошо понималъ, что дѣло въ данномъ случаѣ не въ отдельныхъ лицахъ, а во всемъ строѣ. Уже въ первой своей статьѣ, говоря о санитарномъ состояніи союзной арміи, онъ указывалъ на разницу между англичанами и французами. Первые сумѣли довести свое войско до блестящаго состоянія, у вторыхъ дѣла обстояли не многимъ лучше, чѣмъ у русскихъ.

Англійская администрація,—писалъ по этому поводу Обручевъ,—хорошо понимала государственные интересы, потому что люди у нея съ образованіемъ политическимъ нѣсколько высшимъ, чѣмъ во Франціи, къ тому же и дѣйствовать ей гораздо легче; если бы она и заблудилась, парламентъ, получающій обо всемъ положительныя свѣдѣнія, неминуемо ее поправилъ бы. Во Франціи, наоборотъ, мы видимъ, что императоръ только въ половинѣ марта могъ съ достовѣрностью опредѣлить, что дѣлается на востокѣ. До тѣхъ порь, какъ видно, онъ получалъ только свѣдѣнія успокоятельный. И этому мы не удивляемся... Каждый разсчитывается, что онъ скорѣе надѣнеть красную ленточку, если сообщить главѣ имперіи что-нибудь пріятное, чѣмъ непріятное. Поэтому все и всегда идетъ прекрасно, пока, наконецъ, не бываетъ уже рѣшительно никакой возможности скрыть какой-нибудь бѣда. Когда же бѣда откроется, то уже ни розданныхъ пенсій, ни развѣщенныхъ почетныхъ легіоновъ вернуть бываетъ нельзя... Бываетъ,—писалъ онъ дальше,—еще побужденіе, которое заставляетъ отзываться о своей части всегда хорошо и твердить, что въ ней все совершиенно,—это именно тогда, когда скрываютъ страшныя злоупотребленія, когда боятся, чтобы малѣшее вниманіе къ части не открыло всю недобросовѣстность правящихъ ею. Слѣдовательно, низкопоклонничество, вмѣстѣ съ желаніемъ отлічій и наградъ, очень часто бываетъ еще соединено съ самою гнусною недобросовѣстностью... Отъ недобросовѣстности по материальному управлению эта тема можетъ быть примѣнена къ недобросовѣстности въ управлении нравственномъ, по воспитанію, гдѣ точно также возможна кража знаний, какъ въ администраціи кражи сукна, только повѣрка первой труднѣе, а потому и обманъ легче...

Какъ бы то ни было, „явный недостатокъ расчета и совершенное пренебреженіе къ людямъ“ лежали въ основѣ всѣхъ распоряженій по французской арміи. Источникомъ ихъ было то соображеніе, что „Франція богата людьми, пусть себѣ умираютъ, правительство пришлетъ другихъ“. Такимъ образомъ, „во французскихъ умахъ интересы правительства отдѣлились отъ интересовъ государственныхъ“, и если это могло случиться, то, по мнѣнію Обручева, „только при томъ условіи, что Луи-Наполеонъ дѣйствительно пріучилъ подчиненные ему власти отдѣлять его

интересы отъ интересовъ Франціи, и службу себѣ отъ службы государству".

Когда авторъ писалъ эти строки, передъ Россіей, какъ тогда казалось, наимѣчались совсѣмъ иные перспективы. „Общество, возмущенное злоупотребленіями, на каждомъ шагу въ немъ чинимыми, находилось въ самомъ лучшемъ настроеніи и жаждало освободиться отъ этой язвы, подтачивающей его благосостояніе". Правительство раздѣляло эту жажду обновленія и съ готовностью отдавало своихъ „преступниковъ" на судъ обществу. Достаточно сказать, что статьи самого Обручева печатались въ офиціальномъ журналь.

Но это единеніе общества съ офиціальными сферами, какъ извѣстно, продолжалось недолго. Когда же они разошлись, то Обручевъ предпочелъ остаться въ составѣ „сложнаго административнаго механизма". Въ немъ онъ достигъ степеней высокихъ и работалъ до глубокой старости. Достигъ ли онъ того, чтобы ужасы и злоупотребленія, какія онъ разоблачилъ въ „Военномъ Сборнику", сдѣлались болѣе уже невозможными? Отвѣтить на этотъ вопросъ мы, конечно, не можемъ. Напомнимъ только, что въ срединѣ своей служебной карьеры онъ видѣлъ другую большую войну—восточную и изнанка ея была немногимъ лучше, чѣмъ крымской. А. П.

Необычное положеніе. Одинъ изъ акціонеровъ общества юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, полковникъ Зміевъ (начальникъ тобольскаго жандармскаго управления) уже не разъ обращался въ нашу редакцію съ письмами и присыпалъ разные документы. Мы принимали ихъ къ свѣдѣнію. Въ послѣдніе, однако, письмѣ онъ убѣдительно проситъ хотя бы нѣкоторые изъ сообщенныхъ имъ фактовъ предать гласности. Мы, пожалуй, дѣликомъ напечатали бы ту или иную изъ поданныхъ имъ въ различныя учрежденія записокъ, но сдѣлать этого, къ сожалѣнію, не можемъ, и нужно прямо сказать — по цензурнымъ условіямъ. Обвиненія и упреки по адресу нѣкоторыхъ лицъ и даже цѣлаго вѣдомства, какіе безбоязненно высказываются въ нихъ начальничь тобольскаго жандармскаго управления, были бы невозможны на страницахъ журнала. Передаемъ, поэтому, лишь суть таъ сильно волнующаго полковника Зміева дѣла.

Съ завязкой его постоянные читатели „Русскаго Богатства" уже знакомы. За 1897 годъ общество юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ выдало своимъ акціонерамъ хорошій дивидендъ. Спустя нѣкоторое время выяснилось, однако, что никакого дивиденда за этотъ годъ акціонерамъ не слѣдовало. Въ отчетѣ оказалась болѣе, чѣмъ миллионная ошибка; въ дѣйствительности же въ этомъ году по операциямъ общества оказался крупный дефицитъ. Когда ошибка была обнаружена, то выданный дивидендъ былъ записанъ долгомъ за акціонерами. Послѣ того и по сей день дороги

дохода обществу уже не приносить, а даютъ одни лишь убытки. Возможную съ нашей стороны оцѣнку этому факту мы дали уже въ 1899 году, когда онъ огласился.

Уже тогда можно было предполагать, что ошибка прокралясь въ отчетъ не случайно. Полковникъ же Зміевъ глубоко убѣжденъ, что она была допущена преднамѣренно. „Понятно, — говорить онъ въ одной изъ записокъ, — всѣ, знаяшіе истину, тотчасъ про-дали акціи, которыя покупали мы, жители провинції“. Другими словами, заправили общества и близкіе къ нимъ люди, восполь-зовавшись ошибкой, поспѣшили сбыть акціи предпріятія, дѣла ко-тораго были уже въ конецъ разстроены. Пока ошибка не была еще обнаружена, цѣна имъ была около 200 руб., теперь же онъ котируются около 80 руб. Провинціалы, такимъ образомъ, попа-лись на удочку.

Вкладывая свои деньги въ акціи юго-восточного общества, послѣдніе, какъ утверждаетъ г. Зміевъ, подлагались больше всего на правительственный надзоръ за этимъ предпріятіемъ. Въ пра-вленіи общества участвуютъ три правительстvenныхъ директора, получающихъ жалованье за счетъ акціонеровъ; они должны слѣ-дить за законностью въ дѣятельности правленія и охранять инте-ресы акціонеровъ, не могущихъ принимать въ дѣлахъ общества активнаго участія. Въ дѣйствительности, однако, правительстven-ный надзоръ оказался плохою гарантіею: онъ не предупредилъ упомянутой выше „ошибки“ со всѣми ея послѣдствіями, и при-сутствіе въ правленіи трехъ правительстvenныхъ директоровъ ничуть не содѣствовало приведенію дѣлъ общества въ порядокъ. Послѣднія идутъ все хуже и хуже.

Необходимо замѣтить, что дѣла юго-восточного общества, какъ и другихъ частныхъ желѣзнодорожныхъ компаний, пришли въ разстройство главнымъ образомъ, если не исключительно, благо-даря желѣзнодорожной политикѣ, какой придерживается финансовое вѣдомство. Тяжесть грандіознаго желѣзнодорожнаго строи-тельства, какое ведется у насъ цѣлый рядъ лѣтъ, оно пожелало въ некоторой его части переложить на частные общества и для этого привлекло ихъ къ участью въ постройкѣ новыхъ линій. Частные компании, въ расчетѣ на крупные барыші, сначала увлеклись этимъ строительствомъ. Скоро, однако, выяснилось, что новые линіи оказываются настолько бездоходными и даже убыточными, что не только съѣдаются безъ остатка барыші, какіе давали ранѣе выстроенные дороги, но и грозятъ еще во всемъ хозяйствѣ хроническими дефицитами. Желѣзнодорожное строитель-ство, однако, продолжается. Любопытнѣе же всего, что частные желѣзнодорожныя общества, не смотря на вполнѣ выяснivшуюся убыточность новыхъ линій, продолжаютъ браться за постройку таковыхъ и охотно соглашаются на всякия измѣненія въ догово-рахъ, которая диктуется министерство финансовъ. Отчасти это

объясняется, повидимому, темъ, что желѣзнодорожныи заправи-
ламъ настолько выгодно строить дороги, что ради этихъ экстрен-
ныхъ барышей они готовы поступиться регуляриими доходами
по эксплуатациії прежнихъ линій. Но можно думать, что имются
и другія причины этой удивительной покладливости частныхъ
компаний.

Какъ бы то ни было, многіе акціонеры хорошо уже пони-
маютъ, что желѣзнодорожное строительство грозитъ обратить ихъ,
въ концѣ концовъ, какъ выражается полковникъ Зміевъ, въ „ни-
щихъ“. „Строить планы экономической политики,—пишетъ онъ,—
на разоренії русскихъ людей, неосторожно довѣрившихъ свое
достояніе казнѣ, едва ли можетъ быть оправдываемо закономъ“. „Общественное неудовольствіе,—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—
идетъ грозною волною“. Такого рода акціонеры, конечно, сильно
волниются и всячески стараются отѣлаться не только отъ навя-
зываемой имъ роли строителей, но и вообще отъ участія въ же-
лѣзнодорожномъ дѣлѣ. Они настаиваютъ, поэтому, на выкупѣ у
нихъ дорогъ казною. Министерство старается успокоить ихъ ука-
заніями на будущіе доходы. Въ № 24 „Вѣстника Финансовъ“ за
1903 годъ была напечатана статья, въ которой съ трехъ разныхъ
„угловъ“ зѣрнія доказывалась, между прочимъ, несомнѣнная, если
не теперь, то въ будущемъ, доходность вновь строющихся линій *). „Конечно,—говорить по этому поводу полковникъ Зміевъ,—казна
можетъ ждать неуловимую „будущую“ доходность сравнительно
большѣ времени, чѣмъ мы, акціонеры, но вѣдь возвѣтъ „по рель-
самъ — рельсы“ влечетъ естественное настоящее банкротство и
обнищаніе“. Онъ предлагаетъ, поэтому, „будущую доходность до-
рогъ отдать авторамъ угловыхъ зѣрній, возложивъ на ихъ
счетъ настоящую убыточность“.

Какъ ни многочисленны такие недовольные элементы среди
акціонеровъ, однако частныи общества, какъ я уже сказалъ, про-
должаютъ соглашаться на всѣ предложения, какія даются имъ
финансовымъ вѣдомствомъ. Соглашаются при этомъ не только
правленія, въ которыхъ участвуютъ правительственные директора,
но и общія собранія акціонеровъ. Документы, доставленные намъ
полковникомъ Зміевымъ, бросаютъ вѣкоторый свѣтъ на это лю-
бопытное явленіе. Акціонерамъ преподносятся подчасъ прямо
головокружительные разсчеты. Вотъ результаты одного изъ нихъ:
„Свинаревская вѣтвь должна была давать для перевозки не менѣе
10 милл. пуд. каменнаго угля; между тѣмъ, со всѣхъ станцій
Восточно-Донецкой линіи отправлено: въ 1900 г.—149 тыс. пуд.,
въ 1901 г.—292 тыс. пуд. и въ 1902 г.—335 тыс. пуд.“. Такимъ
образомъ, „будущей“ доходности Свинаревской линіи, очевидно,

*) Въ свое время эта статья была разобрана въ „Р. Б.“ См. статью „Роль
желѣзныхъ дорогъ въ государственномъ бюджетѣ“. „Р. Б.“ 1903 г., № 7.

придется ждать очень и очень долго. Не въсѣхъ, конечно, акціонеровъ можно убѣдить такими расчетами, но противъ упорствующихъ имѣются другія средства. Общія собранія, какъ извѣстно, нерѣдко подтасовываются. Это „расписываніе“ акцій на подставныхъ акционеровъ полковникъ Зміевъ называетъ „ореоломъ грабежа“. Въ „Промышленномъ Мирѣ“ было напечатано прошеніе, поданное на имя министра финансовъ группой акционеровъ юго-восточного общества, въ которомъ акционеры, составлявшіе большинство въ общемъ собраніи, прямо названы „подставными“. Отмѣчая это обстоятельство, полковникъ Зміевъ указываетъ, что по анонимнымъ доносамъ у насъ производятся подчасъ самыя тщательныя разслѣдованія, въ данномъ же случаѣ на публично предъявленное обвиненіе никто не обратилъ вниманія. Даже „правительственные директора“, приставленные следить за „законностью“, никакъ этимъ обвиненіемъ не встревожились. Съ протестами отдѣльныхъ лицъ церемонятся, конечно, еще менѣе. „Предугадывая разореніе акционеровъ, — пишетъ въ одной изъ своихъ жалобъ полковникъ Зміевъ: — я еще съ 1899 г. предъявлялъ правленію рядъ протестовъ по веденію имъ дѣла, присоединяя просыбы перенести мои заявленія на уваженіе общихъ собраній акционеровъ и г. министра финансовъ. Въ этомъ мы всегда правленіе отказывало, и гг. правительственные директора не считали даже нужнымъ обязать правленіе руководствоваться пунктомъ Л § 63 устава общества“. „Наши протесты, — говорить онъ въ другомъ мѣстѣ: — бросаются подъ столъ и приказываются молчать“. Законъ 1901 г. объ акционерныхъ компанияхъ, усиливъ „правительственный надзоръ“, лишилъ акционеровъ послѣднаго прибежища — судебнной защиты. Обращаться теперь непосредственно къ прокуратурѣ они уже не могутъ. Въ акционерныхъ дѣлахъ, какъ и въ другихъ сферахъ жизни, верховнымъ вершителемъ сдѣлалось „усмотрѣніе“.

Высказываясь всегда противъ „купона“ вообще, „Русское Богатство“ не можетъ и не намѣreno, конечно, брать на себя защиту отдѣльныхъ купоновладѣльцевъ. Но переданные нами факты, несомнѣнно, имѣютъ и общественный интересъ. Не говоря о прочемъ, характерно ужъ то, что крупный акционеръ, начальникъ жандармского управления вынужденъ обращаться къ гласности, какъ къ средству противъ „грабежа“. Положеніе, какъ хотите, не обычное... Но вѣдь гласность никому не отказываетъ въ своихъ услугахъ... А. П.

Изъ общественной хроники г. Ташкента. Въ 1900 г. въ Ташкентѣ открылась частная женская прогимназія. На далекой окраинѣ, гдѣ Россія, какъ принято говорить, выполняетъ свою культурную миссію, появилось новое учебное заведеніе. Если не для инородцевъ, то для самихъ „ташкентцевъ“ лучшаго, казалось бы, и желать было нельзѧ. Учить дѣтей вѣдь надо, а пра-

вительственная гимназія была переполнена и мѣсть не хватало... Частная прогимназія просуществовала, однако, недолго и въ 1904 году была закрыта. Намъ доставлены документы, относящіеся къ жизни этого учебнаго заведенія. Просмотрѣвъ ихъ, мы должны сказать, что никакихъ „признаковъ явного насилия“ въ данномъ дѣлѣ нами не обнаружено. Прогимназія была закрыта самимъ учредителемъ ея—г. Витовскимъ. Но и за всѣмъ тѣмъ ея коротенькая исторія не лишена извѣстной поучительности.

Открылась прогимназія при самыхъ хорошихъ, казалось бы, преднаменованіяхъ. До того г. Витовскій 18 лѣтъ прожилъ въ Ташкентѣ, занимаясь частными уроками и содержа ученическую квартиру. Онъ успѣлъ заручиться связями въ мѣстномъ обществѣ и составить себѣ имя, какъ педагогъ. Главное же, и у начальства онъ былъ на хорошемъ счету. „Витовскій,—читаемъ мы въ удостовѣреніи директора мѣстной мужской гимназіи,—

содержалъ ученическую квартиру и относился къ дѣлу воспитанія дѣтей съ энергией и любовью, помогая имъ подготовлять уроки, доставляя необходимыя пособія, заботясь о правильномъ физическомъ и нравственномъ ихъ развитіи“.

Еще болѣе лестный отзывъ о дѣятельности г. Витовского далъ въ свое время инспекторъ народныхъ училищъ 1-го района Туркестанскаго края.

Въ теченіе нѣколькихъ лѣтъ—писалъ онъ—я имѣлъ возможность слѣдить за дѣятельностью домашнаго учителя В. Витовскаго, какъ учителя и воспитателя, и вынесъ отъ его дѣятельности самое отрадное впечатлѣніе: безъ принудительныхъ и карательныхъ мѣръ онъ умѣлъ заставить своихъ учениковъ трудиться, понять и узнать, что нужно, не исключая даже такихъ учениковъ, на исправленіе которыхъ другіе потеряли всякую надежду; при этомъ онъ пользовался всегда уваженіемъ и любовью своихъ учениковъ, которые видѣли въ немъ человѣка имъ близкаго, для котораго дороги ихъ интересы, и самъ онъ платить имъ такою же любовью, участіемъ, заботою о ихъ нуждахъ. Весьма сожалѣю, что педагогическая дѣятельность его за недостаткомъ средствъ не можетъ здѣсь развиться широко.

Г. Витовскій сдѣлалъ попытку развить свою дѣятельность и открыть прогимназію. Средства его, однако, были дѣйствительно очень скучны, между тѣмъ прогимназія въ первый же годъ дала 1600 руб. дефицита. Желая упрочить ея положеніе, г. Витовскій возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы открытому имъ учебному заведенію были предоставлены права казенныхъ прогимназій, или, по крайней мѣрѣ, обѣщаны таковыя въ будущемъ. Для родителей учащихся эти права представлялись, конечно, очень важными, такъ какъ ихъ дѣти могли бы въ такомъ случаѣ безпрепятственно продолжать свое образованіе въ правительственной гимназіи.

Вопроſъ, казалось бы, могъ быть решенъ очень просто: министерству нужно было указать лишь тѣ условія, при которыхъ

новая прогимназія могла бы пользоваться предоставленными та-
кими заведеніямъ правами. Началась, однако, обычная въ такихъ
случаахъ канцелярская волокита. Министерство передало хода-
тайство г. Витовского на заключеніе главного инспектора народ-
ныхъ училищъ Туркестанскаго края—г. Керенскаго. Тотъ запро-
силъ, въ свою очередь, мнѣніе директора народныхъ училищъ
Сырь-Даринской области, въ ближайшемъ вѣдѣніи которого и
находилось училище г. Биговскаго. Директоръ далъ самый благо-
приятный отзывъ. Потребность въ прогимназіи—по его мнѣнію—
въ Ташкентѣ несомнѣнная; что касается самого г. Витовского,
то онъ имѣть „достаточное образованіе и педагогическую опыт-
ность, а также любовь и преданность педагогическому дѣлу“;
учительницы, служащія въ его учебномъ заведеніи, также „имѣть
требуемыя права, познанія и опытность“; въ виду этого „учебное
заведеніе Витовскаго—по мнѣнію директора—заслуживаетъ особой
поддержки со стороны учебного начальства“. Главному инспек-
тору этотъ отзывъ показался, очевидно, черезчуръ категориче-
скимъ. Во всякомъ случаѣ онъ оставилъ его безъ движения и за-
просилъ мнѣніе директора мѣстной женской гимназіи. Послѣдній
высказался за преждевременность какихъ-либо правъ для про-
гимназіи г. Витовскаго. Этотъ отзывъ и былъ сообщенъ въ мини-
стерство. Послѣднее сочло за лучшее тоже уклониться отъ опре-
дѣленного отвѣта и сообщило г. Витовскому, что въ виду пред-
стоящаго пересмотра общаго вопроса о предоставлѣніи правъ
частнымъ учебнымъ заведеніямъ ходатайство его не можетъ быть
уважено.

Между тѣмъ, благоволеніе начальства къ г. Витовскому какъ
будто продолжалось. Онъ былъ приглашенъ преподавателемъ въ
приготовительный классъ кадетскаго корпуса и продолжалъ по-
лучать похвальные отзывы. Скоро, однако, это благоволеніе со
стороны нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, лицъ стало отливаться
въ своеобразныя формы. Такъ, главный инспекторъ предложилъ
г. Витовскому мѣсто учителя въ женской казенной гимназіи..
съ тѣмъ, однако, чтобы онъ закрылъ свое учебное заведеніе.
Г. Витовский отказался и возбудилъ вторичное ходатайство въ
министерствѣ. Движеніе этого новаго ходатайства по инстан-
ціямъ скрыто отъ насъ канцелярскимъ мракомъ; въ резуль-
татѣ же оно опять было отклонено, но уже „въ виду молодости
учебного заведенія“. Заручившись поддержкою генераль-губер-
натора, который лично писалъ министру, г. Витовскому въ третій
разъ обратился съ прошеніемъ къ послѣднему, но опять по-
лучилъ отказъ, при чёмъ послѣдній былъ мотивированъ на этотъ
разъ тѣмъ, что „положеніемъ о женскихъ гимназіяхъ и прогим-
назіяхъ не предусмотрѣно, чтобы лица мужскаго пола содержали
сіи гимназіи“.

Это было, по крайней мѣрѣ, резонно: мужскія прогимназіи

должны содержать мужчины, женскія—женщины. Возникаль, однако, вопросъ: почему же г. Витовскому было разрѣшено открыть прогимназію? Если это была ошибка, то почему она остается не исправленной? При томъ же въ статьѣ 3717 устава учебныхъ заведеній прямо говорится: „право на учрежденіе всякаго частнаго училища предоставляется лицамъ обоего пола“. Наконецъ, если мужскія училища могутъ содержать только мужчины и женскія—только женщины, то кто же можетъ содержать смѣшанныя учебныя заведенія? Неужели только гермафродиты?

Г. Витовскій ѣдетъ въ Петербургъ и лично излагаетъ эти доводы министру. Убѣжденный ими, послѣдній обѣщаетъ г. Витовскому дать просимыя права по окончаніи курса въ прогимназіи первымъ выпускникомъ. Г. Витовскій возвращается въ Ташкентъ успокоеннымъ. Однако, генераль-губернаторъ, очевидно, лучше знакомый съ канцелярскими порядками, посовѣтовалъ ему не очень полагаться на словесныя обѣщанія и постараться закрѣпить ихъ въ письменной формѣ. Обѣщая опять свое содѣйствіе, онъ предложилъ г. Витовскому подать ему докладную записку. Г. Витовскій такъ и сдѣлалъ. Записка нѣсколько мѣсяцевъ пролежала безъ движения, а затѣмъ главный инспекторъ, отзыва которого она дожидалась, заявилъ въ особомъ докладѣ генераль-губернатору, что учебное заведеніе г. Витовскаго никуда не годится.

Это уже была полная неожиданность. Между тѣмъ, нашлись и факты, которыми инспекторъ могъ подкрѣпить свое мнѣніе. Правда, факты эти были не очень серьезны: нѣсколько дѣвочекъ, учившихся у г. Витовскаго, какъ оказалось, поступили въ низшіе классы мѣстной гимназіи, чѣмъ слѣдовало бы. При разслѣдованіи выяснилось, что нѣкоторыя изъ нихъ потерпѣли аварию и у Витовскаго, другія поступили въ низшіе классы исключительно въ виду своего возраста. Какъ бы то ни было, такого рода и даже болѣе серьезные факты могли накопляться. Въ мѣстномъ обществѣ даже стало складываться убѣжденіе, что дѣвочки, учившейся у Витовскаго, поступить въ гимназію труднѣе, чѣмъ не учившейся у него.

Г. Витовскому не оставалось иного исхода, какъ закрыть свою прогимназію. Заботясь о судьбѣ своихъ ученицъ, онъ обратился къ генераль-губернатору съ послѣднюю просьбою о томъ, чтобы на экзамены 1904 г. были командированы особые депутаты, и чтобы ученицы, выдержавши въ ихъ присутствіи испытаніе, могли перейти въ казенную гимназію безъ нового экзамена. И. д. генераль-губернатора обѣщалъ исполнить эту просьбу. Сдѣлать необходимыя на этотъ счетъ распоряженія долженъ быть, однако, главный инспекторъ училищъ—и, можетъ быть, поэтому обѣщаніе осталось невыполненнымъ.

Прогимназія, какъ бы то ни было, закрылась.

Мы, конечно, не можемъ судить о педагогическихъ способ-

ностяхъ г. Витовского, и не наше дѣло рѣшать, какое начальство было право: то ли, которое выдавало ему лестныя аттестации, или то, которое въ концѣ концовъ признало его учебное заведеніе негоднымъ. Мы считали своимъ долгомъ передать лишь факты, свидѣтельствующіе, какъ трудно частному лицу, даже высканному милостями начальства, оказать свое содѣйствіе дѣлу народнаго просвѣщенія. П. Ш.

Похвальное слово церковнымъ школамъ. Не такъ давно саратовскою губернскою земскою управою были собраны свѣдѣнія объ отношеніяхъ русскихъ земствъ къ церковной школѣ. Изъ 186 земскихъ управъ только отъ 30 было полученъ благопріятный отзывъ. Въ числѣ этихъ 30 находилась и глуховская земская управа. Теперь изъ „Отчета церковныхъ школъ, субсидируемыхъ глуховскимъ земствомъ“, мы узнаемъ кое-что о первоисточнике даннаго управою похвального отзыва.

Отмѣтимъ прежде всего взаимность глуховскихъ похвалъ: если земская управа хвалить церковные школы, то и администрація церковныхъ хвалить земство. Отъ представителя духовнаго вѣдомства въ одномъ изъ земскихъ собраний можно было слышать такую рѣчь: „Робкими шагами, вся въ заплатахъ и рубищахъ вошла въ эту комнату церковная школа въ 1895 году. Но уже тогда на ея чейлѣ отражалась воспитательная идея, одушевлявшая ее... И что же? въ то время, какъ земства наши въ подавляющемъ большинствѣ увидѣли только бѣдность церковной школы съ формальной стороны и, просмотрѣвъ внутреннюю идею сей школы, сразу стали сами и поставили земскую школу въ положеніе антагонизма въ отношеніи къ церковной школѣ, наше глуховское земство посмотрѣло на дѣло иначе... Оно, придавая виѣшней сторонѣ преходящее значеніе, опредѣлило именно воспитательную идею церковной школы“.

Преклоняясь передъ этой идеей, глуховское земство не ограничилось субсидіею и постановило передать одну изъ земскихъ школъ (слѣпородскую) въ духовное вѣдомство.

До отчетнаго (1903) года, — значитъ въ отчетъ предсѣдателя глуховского отдѣленія епархиальнаго училищнаго совѣта, — школа эта была въ числѣ земскихъ и влакила жалкое существованіе. Въ надеждѣ улучшить состояніе школы земское собраніе послѣдней сессіи нашло необходимымъ передать ее духовному вѣдомству, обративъ въ школу грамоты. Фактъ такой передачи очень, конечно, лестенъ въ моральномъ смыслѣ для глуховского отдѣленія. Оно спѣшило заявить теперь о томъ, что уже въ настоящее время слѣпородская школа стоить на прочной почвѣ, какъ въ учебно-воспитательномъ, такъ и въ материальномъ отношеніяхъ. Учитель школы окончилъ курсъ воронежской второклассной школы, понимаетъ и ведетъ свое дѣло хорошо, подъ благотворнымъ руководствомъ завѣдывающаго школой о. Г. Галабутскаго.

Слѣпородскій учитель, конечно, не представляетъ какого либо исключенія. Вообще — по словамъ цитируемаго нами „Отчета“ —

„институтъ учащихъ второклассниковъ вполнѣ, можно сказать, оправдываетъ возлагаемыя на него надежды. Это—учащие народники съ лучшими религиозно-нравственными чаяніями и устоями народного духа, непримѣтны, терпѣливы“. „Весь укладъ жизни сихъ учащихъ происходитъ по принципу кроткаго и смиренного послушанія голосу матери—церкви и ея представителя приходскаго пастыря“... Между тѣмъ, еще недавно тотъ же самый предсѣдатель отдѣленія сравнивалъ церковныя школы съ „этапными пунктами, черезъ которые переходили учительствующіе элементы“.

Правда, такихъ „учительствующихъ элементовъ“ еще и сей-часъ много въ глуховскихъ церковныхъ школахъ; и сейчасъ о многихъ изъ нихъ въ отчетѣ сказано: „окончилъ народное училище“, о другихъ—„домашнаго образованія“, но и эти элементы имѣютъ свои неоцѣненные достоинства: они невзыскательны и довольствуются очень скромнымъ гонораромъ за свои труды: „нормальною цифрою синодальнаго жалованья учащихъ субсидируемыхъ школъ грамоты остается по прежнему 60 рублей (въ годъ)“.

Главные успѣхи церковныхъ школъ, по свидѣтельству „Отчета“, заключаются въ пѣніи. Въ доказательство „Отчетъ“ приводить такой фактъ:

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ по ревизіи школъ наблюдатель проѣзжалъ по дачамъ села Ястребщины. Дѣло было ночью. Вдали виднѣлся костеръ и слышалось стройное молодое пѣніе, но не совсѣмъ обычное: слышалось церковное пѣснопѣніе. Отъ юности моей мнози борются мя страсти... „Нынѣ отпускающаши“ и пр. Оказалось, что пѣли крестьянскіе ребятишки—ученики ястребской церковно-приходской школы, стерегшіе въ ночномъ лошадей. Этотъ фактъ показываетъ, что церковное пѣніе изъ практики чисто школьнай переходитъ въ практику жизни и вытѣсняетъ обычную крестьянскую пѣсню чисто солдатскаго пошиба“.

Отмѣтчай столь крупные результаты, достигнутые церковными школами, предсѣдатель отдѣленія склоненъ ожидать еще большихъ, когда „учащимъ элементомъ“ во всѣхъ школахъ явятся молодые люди, окончившіе второклассныя церковно-приходскія школы, такъ какъ „на институтѣ второклассныхъ школъ лежитъ печать государственного ума г. Побѣдоносцева“ *).

Впрочемъ, о будущихъ успѣхахъ глуховскихъ школъ можно и не говорить: достаточно настоящихъ. Ихъ, конечно, и имѣла въ виду глуховская управа, когда писала свой похвальный отзывъ.

Коротко говоря: Хороша наша Аннушка! хвалить мать и бабушка. Ив. Абрамовъ.

Г. Скабичевскій и „освобожденіе отъ журналовъ“. Извѣстный критикъ г. Скабичевскій напечаталъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отзывъ о сборникахъ „Знанія“, въ которомъ, восторженно отзы-

*) Журналъ глуховского земскаго собранія 1903 г., стр. 52.

ваясь о всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ, помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ, считаетъ возможнымъ бросить косвенный, но тяжелый укоръ „толстымъ журналамъ“. „Прежде всего,—говорить почтенный критикъ,—подкупаетъ насть достойная всякаго уваженія идея, лежащая въ основѣ изданія и заключающаяся въ томъ, чтобы освободить беллетристовъ отъ тяготѣющаго надъ ними посредничества толстыхъ журналовъ, стоящихъ между ними и читателями, и дать имъ возможность стать на свои ноги, завися не отъ личныхъ усмотрѣній издавателей и редакторовъ, порой совершенно случайныхъ и произвольныхъ, а исключительно (sic) отъ вкуса и симпатій читающей публики“ *).

Въ этой цитатѣ курсивы принадлежать намъ. Ими мы позволяемъ себѣ отмѣтить частности замѣтки г. Скабичевскаго, которыя способны возвуждить значительное недоумѣніе. Г. Скабичевскій—человѣкъ, много поработавшій на литературномъ (въ томъ числѣ и „толстожурнальномъ“) поприщѣ. Какъ историкъ литературы, онъ знаетъ, кромѣ того, цѣну разнымъ ея факторамъ. На конецъ, по разнымъ причинамъ, въ послѣдніе годы онъ является для толстыхъ журналовъ человѣкомъ, такъ сказать, стороннимъ, что, конечно, ставить его въ положеніе лица безпристрастнаго и незаинтересованаго. Мое положеніе менѣе выгодно: я—скромный журналистъ и, кромѣ того, участникъ того самаго дѣла, на которое г. Скабичевскій столь неожиданно обрушилъ свое обвиненіе (Шутка сказать: чуть не поработили россійской беллетристикѣ!). Тѣмъ не менѣе, я позволю себѣ проанализировать ходъ мысли почтеннаго критика и разсмотрѣть поближе это обвиненіе, предоставляемъ читателямъ сдѣлать то или другое заключеніе.

Итакъ, „достойная всякаго уваженія идея“, лежащая въ основѣ сборниковъ „Знанія“, состоять въ томъ, чтобы „освободить беллетристовъ отъ посредничества толстыхъ журналовъ“. „Освобожденіе“—очень хорошее слово, но всетаки въ данномъ случаѣ невольно является вопросъ: кого предстоитъ освободить, отъ чего и въ какой мѣрѣ? Кого? Г. Скабичевскій говоритъ просто: „освободить беллетристовъ“. Итакъ, почтительно обращаясь съ текстомъ и принимая во вниманіе проникающій его восторженный тонъ, мы, прежде всего, должны принять эти слова въ ихъ полномъ значеніи: допустимъ, значитъ, что рѣчь идетъ объ освобожденіи (или хоть попыткѣ освобожденія) всѣхъ беллетристовъ. А такъ какъ дальше г. Скабичевскій говоритъ объ исключительной зависимости „отъ вкуса и симпатій публики“, то, очевидно, мы должны принять мысль почтеннаго писателя еще полнѣе: „освобожденіе беллетристовъ отъ всякаго посредничества между ними и публикой“.

Прекрасно! Развѣется, столь обширная задача едва ли исполнима.

*). „Русскія Вѣд.“ 31 августа 1904 г., № 242.

има для одного „Знанія“, и, въроятно, его примѣру послѣдуютъ другія книгоиздательства. И тогда, когда это наступить, когда беллетристы будутъ уже совершенно свободны отъ усмотрѣнія редакторовъ толстыхъ журналовъ, „стоящихъ теперь между ними и вкусами публики“, — мы представляемъ себѣ такую картину. Въ поимѣніе, занимаемое однимъ изъ такихъ „книгоиздательствъ“, является молодой (или хоть не очень молодой) человѣкъ съ толстою рукописью и заявляетъ категорически, что онъ беллетристъ, а его рукопись есть беллетристика. Что происходитъ дальше? Судя по всему, изложенному выше, представитель книгоиздательства долженъ болѣе или менѣе почтительно принять изъ рукъ беллетриста его рукопись и, не смыть, въроятно, даже раскрыть ее, чтобы не соблазниться возможностью „случайного и произвольного усмотрѣнія“ и посредничества, — отослать ее въ типографію. И вотъ ровно черезъ столько времени, сколько нужно, чтобы набрать книгу, оттиснуть ее и исполнить цензурные формальности, произведеніе беллетриста появляется на судъ публики. Представители книгоиздательства пользуются при этомъ однимъ преимуществомъ: они имѣютъ возможность первыми ознакомиться съ новымъ талантомъ или.. съ новою, быть можетъ, безпримѣрною беллетристической пачкотней и гадостью...

Эта фантастическая картина до такой степени абсурдна, что г. Скабичевскій можетъ, пожалуй, обидѣться на насть за то, что мы навязали ему такую чѣлѣпость. Но тогда мы окажемся въ большомъ затрудненіи, какъ иначе истолковать его привѣтствіе „освобожденію беллетристовъ“. Вѣдь несомнѣнно, что представитель всякаго книгоиздательства, принявъ рукопись, попросить автора прийти черезъ нѣкоторое время за отвѣтомъ. Разумѣется также, что этотъ отвѣтъ можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ. Но если такъ (а это именно такъ), то, съ позволѣніемъ уважаемаго критика, мы спросимъ: человѣкъ, который сортируетъ подобнымъ образомъ рукописи, принимая однѣ и отвергая другія, не заслуживаетъ ли въ полной мѣрѣ названія *редактора*, и даже, если угодно, *посредника* между беллетристами и вкусами публика? Едва ли можно колебаться въ отвѣтѣ: да, конечно, это будетъ редакторъ и посредникъ... Гдѣ же въ такомъ случаѣ „исключительная зависимость отъ симпатій и вкуса читателей“? И что же собственно привѣтствуетъ уважаемый критикъ, если мысль его объ освобожденіи должна подвергнуться столь существенному ограниченію, что никакого освобожденія на лицо не оказывается?

То, о чѣмъ говорить г. Скабичевскій, есть простая замѣна одного посредничества другимъ, замѣна журнальныхъ редакцій редакціями книгоиздательскими. Что такое журнальные редакціи, г-ну Скабичевскому, какъ историку литературы, хорошо известно. Въ числѣ этихъ „посредниковъ“ между писателями и вкусами пуб-

лики" русская журналистика насчитывает имена А. С. Пушкина, В. Г. Белинского, Некрасова, Чертышевского, Салтыкова, Михайловского... Г. Скабичевский, безъ сомнінія, легко можетъ значительно продолжить этотъ перечень именами, быть можетъ, менѣе блестящими, но тоже почтенными и оказавшими несомнѣнныя услуги родной литературѣ. Мы же позволимъ себѣ только напоминть уважаемому писателю, что и самъ онъ (и, кажется, не однажды) принималъ участіе въ редакціяхъ толстыхъ журналовъ, именно по отдѣлу беллетристики... Что же, — все это были вредные посредники, нѣчто въ родѣ перекупщиковъ беллетристического товара на перепутяхъ къ непосредственной оцѣнкѣ публики?.. И почему г. Скабичевский полагаетъ, что замѣна этого традиціоннаго посредничества другимъ, — посредничествомъ книгоиздательствъ, — должна быть привѣтствуема, какъ иѣкое освобожденіе?

Мы уже высказали наше мнѣніе о данномъ предпріятіи „Знанія" и теперь не намѣрены возвращаться къ этому предмету по существу. Не можемъ, однако, не замѣтить, въ предѣлахъ данного разговора съ г. Скабичевскимъ, что его „привѣтствіе" должно подвергнуться еще одному, тоже довольно существенному ограничению. Это вовсе не попытка освободить всѣхъ беллетристовъ. Рѣчь идетъ о новой формѣ печатанія произведеній одной группы беллетристовъ, которые ни въ какомъ посредничествѣ не нуждаются, такъ какъ (въ значительной степени при посредствѣ журналовъ) уже приобрѣли совершенно опредѣленную извѣстность. Они нашли болѣе удобнымъ и практичнымъ отрѣшиться отъ сотрудничества съ другими родами литературы... Это, конечно (говоримъ безъ всякой reservatio mentalis), ихъ право и ихъ дѣло, подлежащее оцѣнкѣ, какъ всякое практическое начинаніе въ области литературы. Но пока это только ихъ дѣло, а не дѣло русской беллетристики... Что касается до начинающихъ писателей, до тѣхъ незамѣтныхъ еще ростковъ на литературной нивѣ, которые дѣйствительно нуждаются въ посредничествѣ, которыхъ нужно еще замѣтить, отличить, дать возможность высказаться и быть услышанными, — то эту трудную и часто неблагодарную работу у русскихъ журналовъ пока не оспариваетъ еще никто... Такимъ образомъ, изъ тирады г-на Скабичевского приходится исключить и это „распространительное толкованіе": его восторженное привѣтствіе должно быть отнесено въ концѣ концовъ не къ „освобожденію отъ посредничества", а лишь къ замѣнѣ одной формы посредничества — другой. Это, во-первыхъ; а во-вторыхъ, и эта замѣна касается не всѣхъ беллетристовъ, а только опредѣленной группы.

Разумѣется, tempora mutantur. Много уже писалось о соперничествѣ газеты и журнала. Теперь идетъ рѣчь о соперничествѣ съ журналомъ книгоиздательствъ. Можетъ прийти время, когда наша гласность приметъ такія формы, въ которыхъ мы не

узнали бы уже ни нынѣшняго журнала, ни нынѣшней газеты, ни, пожалуй, нынѣшней книги... Все это не только возможно, но и несомнѣнно. Даже и въ настоящее время въ европейскихъ странахъ формы печатного слова отличаются отъ нашихъ. Тамъ уже и теперь существуетъ до извѣстной степени обратное нашему отношеніе между книгоиздательствомъ и журналомъ: напримѣръ, французские журналы печатаютъ беллестристическая произведения довольно рѣдко и при томъ почти исключительно произведенія писателей съ гротескными именами. Что же касается до начинающихъ, то они должны, по большей части, съ величайшимъ трудомъ, искать издателей, которые оцѣниваютъ новое произведеніе, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія возможнаго успѣха на книжномъ рынке. У насъ, наоборотъ, книгоиздательства (пока не исключая и „Знанія“) слѣдуютъ за журналами, издавая то, что уже замѣчено читателями и критикой, но что раньше было замѣчено редакціями журналовъ. И намъ кажется, что случайность и произвольность редакторскаго усмотрѣнія скорѣе на сторонѣ французского книгоиздательства, нежели русскаго журнала уже потому, что книгоиздательство считается лишь съ шансами немедленнаго успѣха книги на рынке, тогда какъ наши журналы даютъ возможность начинающимъ писателямъ шагъ за шагомъ пробивать себѣ дорогу къ вниманію и оцѣнкѣ публики.

Итакъ, мы проанализировали тираду старого журналиста, на правленную противъ толстыхъ журналовъ, и надѣемся, что читатель согласится съ нашимъ выводомъ. А этотъ выводъ состоитъ въ томъ, что съ обѣихъ сторонъ тирада почтеннаго критика является плодомъ недоразумѣнія. Могутъ быть, разумѣется, пре-восходныя книгоиздательства, какъ могутъ быть плохіе журналы. Но все же и „освобожденіе“ слишкомъ значительное слово, чтобы прилагать его къ данному явлѣнію, и наши журналы, при всей неизбѣжности частныхъ ошибокъ, не подлежать огульнымъ обвиненіямъ въ порабощеніи беллестристовъ и во вредномъ посредничествѣ между ними и „вкусами читателей“. Журналисъ.

Возраженіе г-на Лапидуса. По поводу „Случайной замѣтки“ въ юльской книжкѣ „Русского Богатства“ („Исторія съ одной провинциальной газетой“), редакторъ „Елисаветградскихъ Новостей“ г. Лапидусъ прислалъ намъ очень характерное возраженіе, озаглавленное „Травля газеты“. Сущность этого возраженія сводится къ слѣдующему:

„Случилось, что во время бури вѣтеръ сорвалъ редакціонную вывѣску, которая ежеминутно угрожала паденіемъ. Нигдѣ (на бѣду) по близости не оказалось высокой лѣстницы, которой можно бы воспользоваться для укрѣпленія вывѣски. Случайно по улицѣ проходилъ полиціймейстеръ, который распорядился, при помоши находившейся по близости пожарной лѣстницы, укрѣпить вывѣску. Пожарный за эту услугу получилъ на чай, какъ полу-

чиль бы всякий сторожъ или дворникъ, и никто бы этому не придалъ никакого значенія, если бы не желаніе хоть чѣмъ ни-будь уязвить редактора. Вотъ первый криминалъ „Елисаветградскихъ Новостей“. Второй еще интереснѣе: полиціймѣстерь, А. Д. Шанъ-Гирей (онъ же цензоръ газеты), человѣкъ очень интеллигентный, офицеръ генерального штаба, обѣщалъ мѣстному еврейскому населенію, что, пока онъ въ Елисаветградѣ, здѣсь беспорядковъ не будетъ, чего бы это ему ни стоило. Когда послѣдовала высочайшая благодарность мѣстной еврейской общины за пожертвованія и выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ, А. Д. Шанъ-Гирей обставилъ объявленіе въ синагогѣ высочайшей милости съ большой торжественностью, которая произвела на юдофобовъ потрясающее впечатлѣніе (sic) и способствовала значительному умиротворенію наэлектризованной толпы. Мѣстные Крушеваны вознегодовали и затаили противъ (по ихъ мнѣнію) юдофильствующаго полиціймѣстера злобу. По выходѣ изъ синагоги полилъ дождь, и А. Д. Шанъ-Гирей пригласилъ въ свой экипажъ редактора и подвезъ его домой. Вотъ второй криминалъ „Елисаветградскихъ Новостей“. Вотъ что на языѣ нѣкоторыхъ гласныхъ названо было „катаньемъ на пожарныхъ лошадяхъ“.

Такова сущность возражанія г-на Ляпидуса. Къ этому онъ прибавляетъ еще, что портретъ г-на полиціймѣстера былъ помѣщенъ „по случаю назначенія его цензоромъ газеты“ и подъ нимъ стояла лишь краткая подпись, а на печатаніе писемъ Л. Н. Толстого было получено авторское разрѣшеніе.

Съ своей стороны, позволимъ себѣ сказать слѣдующее по поводу этого характернаго разъясненія, начиная въ обратномъ порядке изложенія:

Извѣстіе о томъ, что письма Л. Н. Толстого были напечатаны въ „Елисаветградскихъ Новостяхъ“ безъ авторскаго разрѣшенія, какъ и всѣ остальные черты этого жанроваго эпизода, мы заимствовали изъ газеты. Полагаю далѣе, что назначеніе даниаго лица цензоромъ газеты, ставящее послѣднюю въ извѣстную прямую отъ него зависимость,—должно бы скорѣе послужить препятствиемъ къ помѣщенію его портрета, а не наоборотъ. Впрочемъ, это дѣло взгляда и въ данномъ случаѣ наименѣе существенно. Гораздо болѣе существеннымъ кажется намъ то обстоятельство, что возраженіе г-на Ляпидуса послано не по надлежащему адресу. Въ апрѣль мѣсяцѣ въ елисаветградскую думу гласными ея внесено официальное заявленіе о томъ, что „въ Елисаветградѣ, неизвѣстно на чьемъ экипажѣ, на пожарныхъ лошадяхъ постоянно катается редакторъ мѣстной газеты г. Ляпидусъ, а пожарные служители отпускаются ему же для пребыванія выѣзжать къ конторѣ и редакціи означенной газеты“ *).

*). Цитируемъ изъ „Кіевскихъ Откликовъ“ (№ 114), гдѣ эти слова по-

При этомъ была сдѣлана попытка воспрепятствовать обсужденію этого заявленія въ думѣ, но оно всетаки состоялось и было оглашено сначала въ одесскихъ, потомъ въ другихъ провинциальныхъ газетахъ и, наконецъ, въ столичныхъ газетахъ и журналахъ. Только въ юнѣ нашъ журналъ свѣль вѣй черты этой характерной исторіи въ одну жанровую картинку. Кажется, настъ нельзя упрекнуть въ излишней торопливости... Г-ну Ляпидусу угодно было, однако, избрать именно нашъ журналъ для своего возраженія. Охотно даемъ мѣсто его существеннымъ чертамъ, но при этомъ мы должны были исключить кое-что, направленное противъ „третьихъ лицъ“. Такъ, г-ну Ляпидусу угодно заподозривать чистоту побужденій одесскихъ газетъ, напечатавшихъ заявленіе гласныхъ, но намъ кажется, что онъ скорѣе за-служили бы довольно справедливыя нареканія, если бы отказались огласить фактъ лишь потому, что рѣчь идетъ о „редакторѣ“. Что касается до юдофобскихъ побужденій, лежавшихъ въ основѣ думскихъ заявлений, то... намъ кажется, что это не совсѣмъ относится къ дѣлу. Допускаемъ, что въ Елисаветградѣ есть свои Крушеваны, что г. Шань-Гирей вполнѣ правильно понималъ свои обязанности относительно поддержания порядка, а г. Ляпидусъ вѣль въ газетѣ борьбу съ изувѣрствомъ антисемитизма. Но и за всѣмъ тѣмъ остается вопросъ о фактической правильности или неправильности заявленія гласныхъ,—такъ какъ несомнѣнно, что не только юдофильство, но даже и сама гуманность, если бы таковая вздумала разъѣзжать на пожарныхъ лошадяхъ не съ противопожарными цѣлями,—подлежала бы обличенію, на которое имѣли бы право даже завзятые юдофобы.

Итакъ, давая мѣсто заявлению г-на Ляпидуса, мы должны (со вѣдохомъ) прибавить, что оно было бы гораздо убѣдительнѣе въ свое время, въ другомъ мѣстѣ и, если нужно, въ другихъ формахъ. О. Б. А.

Г. Николай Энгельгардтъ и цензура. Г. Николай Энгельгардтъ уже не первый разъ пишетъ о цензурѣ. Еще недавно онъ выпустилъ по этому вопросу цѣлую книгу *), въ которой, между прочимъ, писалъ:

...Разсматривая цензурныя учрежденія у всѣхъ народовъ, мы приходимъ къ убѣждѣнію, что не можетъ быть учрежденія болѣе благодѣтельнаго...

Тогда же онъ начерталъ и идеалъ этой благодѣтельной цензуры:

Цензура въ странѣ—писаль онъ—сама должна быть центромъ просвѣщенія и цензоръ—просвѣщеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Государство можетъ повѣрить такое нужное и опасное учрежденіе, какъ цензура, лишь въ

ставлены въ кавычки, очевидно, какъ подлинныя выраженія заявленія гласныхъ.

*) Николай Энгельгардтъ. Очеркъ истории русской цензуры. Спб. 1904 г.

руки глубоко-гуманныхъ, развитыхъ, культурно-образованныхъ, благородно-умъренныхъ, просвѣщенныхъ людей и обезпечить успѣхъ ихъ борьбы съ гидрой сквернословія и противодѣйствія ихъ общественной нетерпимости предоставленіемъ учрежденію достаточной доли независимости и довѣрія.

Что касается свободного слова, то

датъ такое слово печати бюрократическимъ распоряженіемъ нельзя: духовная свобода и, стало быть, истинная свобода печати дается *природою*, а не закономъ... Никакими декретами „свободы“ слова и совѣсти не насиши!

Благами этой „истинной“, „духовной“, „внутренней“ свободы лучше всего можно пользоваться, какъ известно изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, въ кутузкѣ.

Теперь г. Николай Энгельгардтъ въ своихъ „Мысляхъ кстати“ *) вновь возвращается къ той же темѣ. Едва ли нужно даже говорить, что „послѣ виленскихъ торжествъ“, онъ, какъ истый нововременецъ, „всѣми силами души призываетъ свободу совѣсти и слова, безъ которыхъ все гнило и мертвое“. Да и могло ли быть иначе? Могъ ли г. Николай Энгельгардтъ не измѣниться?

„Не мѣняйся“,—говорили наши маститые публицисты... Не мѣняйся? Но вѣдь это легко только именно „утесу“, камню валуну, да тому лишайнику, который на немъ сохнетъ... Не мѣняйся, хотя бы весь мѣръ кругомъ перемѣнился! Не мѣняйся, чтобы ни совершалось, къ какимъ бы новымъ выводамъ ни приходила наука, какія бы событія ни развертывались предъ обществомъ.

Нѣтъ! „послѣ виленскихъ торжествъ“ г. Энгельгардтъ не могъ не перемѣниться... Правда, новый тонъ трудно схватить сразу, и г. Николай Энгельгардтъ, чтобы не ошибиться, дѣлаетъ реверансъ передъ „благодѣтельной“ цензурой.

Ибо что такая цензура? Не что иное, какъ критика, взятая въ казну, при чёмъ на должность критика въ наше время назначаются люди съ известнымъ научно-литературнымъ цензомъ.

Это недалеко уже отъ идеала. Конечно, было бы лучше, если бы во главѣ комитета, призванного бороться съ „упадочными“ теченіями въ литературѣ, „поставленъ былъ бы В. И. Буренинъ“. Это, очевидно, и есть тотъ „глубоко-гуманный, развитой, культурно-образованный, благородно-умъртвенный, просвѣщенный“ человѣкъ, о которомъ г. Энгельгардтъ писалъ въ своей книжѣ. Это и есть тотъ провиденціальный „цензоръ“, который можетъ побороть „гидру сквернословія“...

Вернемся, однако, къ „свободѣ“.

Свобода—пишетъ г. Энгельгардтъ,—прежде всего нужна національному русскому уму и православной христіанской совѣсти... Западническая мысль въ лучшихъ условіяхъ. Вѣдь она только переводъ изъ англійскихъ, иѣмец-

*) См. „Мысли кстати. Послѣ виленскихъ торжествъ“. „Новое Время“ отъ 16 сентября.

кихъ и французскихъ книгъ. Такъ что если западническая мысль и была обезвѣчена и обезличена въ тискахъ старой цензуры, то все же убытка большого нѣтъ... Что такое свобода слова для нашихъ безнародниковъ, проповѣдниковъ уніи съ Западомъ до полнаго ему уподобленія, копіистовъ-подражателей, рабовъ „денаціонализациі“? Только свобода перевода и призыва въ Россію иностранныхъ книгъ. Я понимаю и признаю великое всетаки значеніе и важность этой свободы перевода, хоть я самъ переводы терпѣть не могу...

О вкусахъ, конечно, не спорить. Нѣкоторые наши „самобытники“, какъ известно, переводамъ предпочитаютъ плагіаты. Самъ г. Энгельгардъ свою „Исторію русской литературы“ наполнилъ перепечатками безъ указанія источниковъ, каковыми для него послужили главнымъ образомъ труды „западниковъ“. Будемъ благодарны, что хоть „свободу перевода“ г. Энгельгардъ готовъ, какъ будто, имъ пожаловать. Вообще же, онъ не прочь бы ихъ совсѣмъ изничтожить.

Сторонники безнародности въ русской литературѣ пишетъ онъ—являлись, такъ сказать, второй цензурою, строго каравашио все, что отзывалось „самобытностью“. И въ некрологѣ „Русского Богатства“ покойный Михайловскій, напримѣръ, прямо былъ названъ „цензурой русской интеллигенції“...

Противъ этой-то „цензуры“ и мечеть главнымъ образомъ свои стрѣлы новый приверженецъ „свободы слова“. Ну, это уже статья особая. Такой „цензуры“ декретами дѣйствительно, пожалуй, не отмѣнишь. И ничего нового сказать по этому поводу даже „перемѣнившійся“ г. Энгельгардъ оказался не въ состояніи.

Я могъ бы кончить свою замѣтку, но предварительно я долженъ разказать, при какихъ обстоятельствахъ „Русское Богатство“ назвало покойнаго Михайловскаго „цензурой русской интеллигентії“. Случилось это въ моей статьѣ: „Съ кладбища“, помѣщенной въ февральской книжкѣ журнала за текущій годъ. Тамъ, между прочимъ, напечатана такая фраза:

... Это былъ вождь русской интеллигентії, цензура ея знаменосецъ...

И по всему контексту, и по отсутствію запятой въ надлежащемъ мѣстѣ читатель легко могъ догадаться, что подчеркнутое мною слово попало въ эту фразу нечаянно. Случилось же это такъ. Цензоръ вычеркнулъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько словъ. Редакторъ, перенося сдѣланную цензоромъ выкидку въ рабочія гранки, написалъ на поляхъ: „цензура“, желая тѣмъ побудить типографію внимательнѣе отнестиась къ этой поправкѣ. Наборщикъ не понялъ, и слово: „цензура“ вставилъ вмѣсто вычеркнутыхъ. Теперь оказывается, что не понялъ не только наборщикъ, но также и историкъ русской литературы и русской цензуры... А. Пѣшехоновъ.

Поправка. Въ помѣщенню въ августовской книжкѣ замѣтку „Калужскій учитель и скопившіяся около него противорѣчія“ вкрадлась одна ошибка, которую я и спѣшу исправить. Неудача попытки калужского земства устроить общеобразовательные курсы для учителей земскихъ школъ губерніи не была пока предметомъ обсужденія на губернскомъ земскомъ собраніи. Послѣднее еще въ прошлую очередную сессію, зимою 1903 года, одновременно съ рѣшеніемъ устроить курсы для учителей постановило возбудить передъ правительствомъ ходатайство о безпрепятственномъ допущеніи въ руководители такихъ курсовъ лицъ, состоящихъ на службѣ по министерству народного просвѣщенія. Послѣ неудачи, постигшей попытку курсовъ въ Калугѣ и лишній разъ подтвердившой своевременность подобного ходатайства, это постановленіе земского собранія и было исполнено калужскою губернскою управой. В. М.

О Т Ч Е Т Ъ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ Николая Константиновича Михайловскаго поступило:

Черезъ Московское отдѣленіе конторы: отъ г. Ласточкина—
1 р. и гг. Михайловскихъ — 4 р.; отъ редакціи газеты
„Восточное Обозрѣніе“, изъ Иркутска—50 р.; А. и К.
Полуденцевыхъ, изъ Маринска—5 р.; Э. Ф. Зауэръ—
25 р.; черезъ Н. М. Козлова отъ 69 лицъ, изъ Сара-
пула—121 р.

Итого . . . 206 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.213 р. 04 к.*)

На устройство народной школы имени Николая Константиновича Михайловскаго:

Отъ студента П. Ю.—2 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 80 р. 50 к.

*.) Къ сооруженію памятника уже приступлено. 26 юля были произведены расходы: церковному причту на Волковомъ кладбищѣ за право открытия могилы уплачено—14 р. 70 к. и по счету мастерской М. Ф. Крутикова за устройство склепа и фундамента—400 р. Итого 414 р. 70 к. На дальнѣйшія работы, стоимость которыхъ будетъ опредѣлена въ слѣдующемъ отчетѣ, остается—1.798 р. 34 к.

На библиотеку имени Николая Константиновича Михайловского:
Отъ Б. Н. Шершовицкаго, изъ с. Сорочинцы—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 52 р. 25 к.

На устройство школы имени Гл. И. Успенского въ д. Сябрин-
цахъ, Новгородской губ.:

Отъ студента П. Ю.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 3.549 р. 76 к.*)

На приобрѣтеніе въ общественную собственность части
усадьбы Некрасовыхъ въ Гречневѣ, Ярославскаго уѣзда, для
устройства тамъ школы и библиотеки въ память 25-лѣтія со
дня смерти Н. А. Некрасова:

Отъ А. А. Киселя, изъ Москвы—100 р.

Итого . . . 100 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 403 р. 35 к.

На развитіе библиотеки имени Вл. Г. Короленко въ г. Лукоя-
новѣ, Нижегородской губ.:

Отъ студента П. Ю.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.876 р. — к. **)

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. Л. Н.
Толстого:

Отъ студента П. Ю.—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 156 р. 50 к.

*) Изъ этой суммы 3.509 р. 26 к. 20 февраля 1904 г. за № 6201 пер-
ведены черезъ Государственный банкъ въ Новгородскую губернскую зем-
скую управу.

**) Изъ этой суммы 1.275 р. отправлены 20 февраля 1904 г. предсѣда-
телю общества распространения начального образования въ Нижегородской губ.,
А. И. Ланину.

3598 073

